

The illustration depicts a muscular, long-haired warrior in a loincloth, seen from behind, holding a large sword. He is engaged in combat with a large, green, scaly dragon with glowing orange eyes and sharp teeth. A bright, fiery explosion or magical effect is visible between them. The entire scene is framed by a thick red border with rounded corners. The background is a dark, textured grey.

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ

ФАТА МОРГАНА 3

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ДЕТЕКТИВ

DATA MORFANA

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

ФИЛИП ХОСЕ ФАРМЕР

УОЛТЕР МИЛЛЕР-мл

ПОЛ АНДЕРСОН

ГЕНРИ СЛИЗАР

ФИЛИП К. ДИК

ЖАК СТЕРНБЕРГ

РАЙМОН КВЕНО

ЖЮЛИ ВЕРЛАНЖ

ДАНИЭЛЬ ВАЛЬТЕР

ПЬЕР ВЕРИ

АЛЕН ДОРЕМЬЕ

ЖЕРАР КЛЕЙН

КЛАРК ДАРЛТОН

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

БЕРТРАМ ЧЕНДЛЕР

КЛИФФОРД САЙМАК

ЛЕСТЕР ДЕЛЬ РЕЙ

ДЖУДИТ МЕРРИЛ

БРЮС ЛАУЭРИ

ЛАЙОНЭЛ СПРЭГ ДЕ КАМП

ДЖОАННА РАСС

ДАЙМОН НАЙТ

РАФАЭЛ ЛАФФЕРТИ

ФРЕДЕРИК ПОЛ

ФРИЦ ЛЕЙБЕР

ХОЛ КЛЕМЕНТ

ТЕОДОР СТАРДЖОН

МАК РЕЙНОЛЬДС

ДЖЕК ВЭНС

ЭРИК ФРЭНК РАССЕЛ

РАТА МОРГАНА 3

Фантастические
рассказы
и повести

Нижний Новгород
Издательство "ФЛОКС"
1992

ББК 84.0

Ф 27

Художник В. Ан

На обложке использована работа
художника Б. Вальехо

Фата-Моргана 3: Фантастические рассказы и повести.
Ф 27 Перевод с английского, французского, немецкого. — Нижний
Новгород. Издательство “Флокс”, 1992. — 543 с.

ISBN 5-87198-011-2

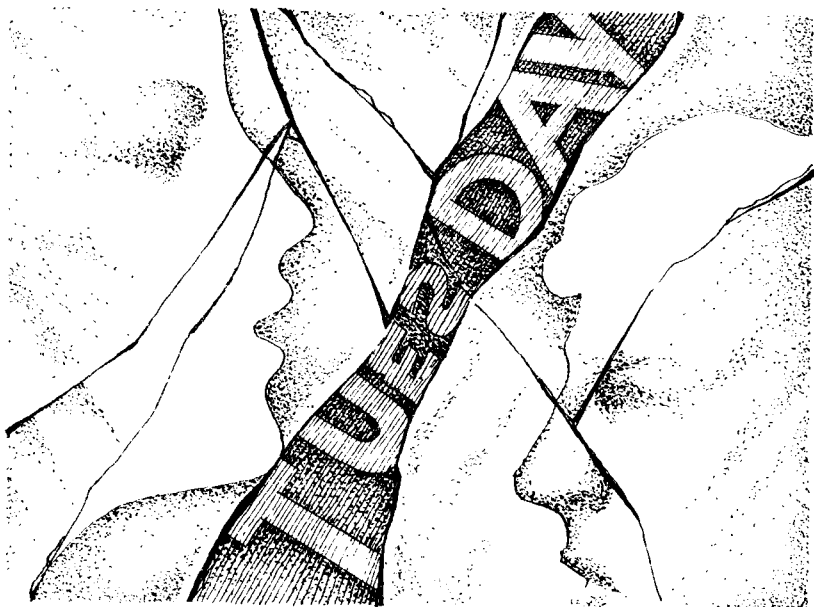
Сборник рассказов и повестей популярных зарубежных фантастов. Большинство произведений публикуется на русском языке впервые.

Ф 4703010100-002 без объявления
Д 40 (03)-92

ББК 84.0

ISBN 5-87198-011-2

© Издательство “Флокс”, составление, 1992
© В. Ан, оформление, 1992

Филип Хосе Фармер

ТОЛЬКО ВО ВТОРНИК

Том Пим часто думал, как выглядит жизнь в другие дни недели, — впрочем, об этом задумывался почти каждый, имевший хоть чуточку воображения; имелись даже специальные телепрограммы, посвященные этой проблеме. Том сам принимал участие в двух таких программах, но всерьез не собирался уходить из своего мира. Пока однажды не сгорел его дом.

Это произошло в последний, восьмой день весны. Проснувшись, он увидел сквозь дверь пепел и пожарных. Мужчина в асбестовом комбинезоне махнул ему рукой, чтобы не выходил, а минут через пятнадцать другой мужчина дал понять, что опасность миновала. Том нажал кнопку, и дверь распахнулась. Выйдя, он сразу оказался по щиколотку в пепле, еще теплом под слоем залитых водой головешек.

Можно было не спрашивать, что случилось, и все же он задал вопрос.

— Наверное, замыкание, но точно не известно, пожар вспыхнул

сразу после полуночи, после окончания работы команды понедельника и перед заступлением нашей.

Наверное, странно быть пожарным или полицейским, подумал Том. У них были разные часы службы, хотя полночь являлась границей и для тех, и для других.

Тем временем другие стали выходить из своих сомнамбуляторов, или «гробов», как их обычно называли, так что занятыми остались только шестидесят.

Работа начиналась в восемь, и они позавтракали в подсобном помещении. Том спросил одного из операторов, знает ли тот о какой-нибудь квартире. Конечно, ему ее и так выделяют, но кто знает, хорошую ли.

Оператор рассказал об одном доме, кварталах в шести от его прежнего. Там умер гример, и, насколько он знал, место после него было еще свободно. Том, в данную минуту свободный, позвонил немедленно, но секретарша сказала, что контора откроется только в десять. Она была очень красива — с красными волосами, турмалиновыми глазами и необычайно обольстительным голосом — и произвела бы на Тома более сильное впечатление, если бы он ее не знал. Девушка играла эпизодические роли в двух его программах, и Том знал, что этот чарующий голос ей не принадлежит. Впрочем, как и цвет глаз.

В полдень он позвонил вторично. После десятиминутного ожидания его соединили, и Том попросил миссис Белфилд, чтобы она от его имени сделала запрос. Миссис Белфилд отругала его, что не позвонил раньше — как знать, успеет ли она сделать что-то сегодня? Том попытался объяснить ей, в каком положении оказался, но вскоре сдался. Ох уж эти бюрократы! На ночь он пошел в общественное помещение, где с помощью индуктивных полей, ускорявших сон, проспал необходимые четыре часа, после чего проснулся и вошел в вертикальный цилиндр из этерния. Секунд десять он смотрел сквозь дверь на другие цилиндры с неподвижными фигурами внутри, потом нажал кнопку. Пятнадцать секунд спустя сознание покинуло его.

Еще три ночи ему пришлось провести в общественном сомнамбулярии. Прошли три дня осени, осталось еще пять. Впрочем, в Калифорнии это не имело особого значения. В Чикаго, где он некогда жил, зима походила на белое одеяло, выбиваемое безумцем, весна была взрывом зелени, лето — лавиной света и горячего дыхания, а осень — котелком клоуна, одетого в пестрый костюм.

На четвертый день пришло извещение: можно перебираться в дом, который он выбрал. Это удивило и обрадовало Тома. Многие в такой ситуации проводили весь год — сорок восемь дней — в общественном помещении. На пятый день он перебрался, имея перед собой еще три дня весны. Два свободных дня придется потратить на покупку одежды, продуктов и знакомство с соседями. Порой он жалел, что родился с актерским талантом. На телевидении работали пять, иногда шесть

дней подряд, тогда как, скажем, водопроводчик из семи дней работал только три.

Новый дом оказался таким же большим, как прежний, а небольшая прогулка до работы пойдет ему только на пользу. Вместе с ним там жили девять человек. Том переехал вечером, представился всем жильцам, и Мабель Курта, секретарша режиссера, принялась знакомить его с домашними обычаями. Убедившись, что его сомнамбулатор поставлен в домашний сомнамбулярный, Том слегка расслабился.

Мабель была маленькой, несколько излишне округлой женщиной лет тридцати пяти. Трижды разведенная, она холодно относилась к замужеству — разве что явится Настоящий Мужчина. Том — кстати, тоже разведенный — был сейчас свободен, но на всякий случай не стал говорить ей об этом.

— Пойдем, посмотрим твою спальню, — предложила Мабель. — Она невелика, но, слава Богу, звуконепроницаема.

Том направился за ней, но вдруг остановился. Женщина повернулась в дверях и спросила:

— В чем дело?

— Эта девушка...

Сквозь прозрачную дверь он смотрел на девушку, стоящую в ближайшем из шестидесяти трех высоких серых цилиндров из этерния.

— Да, она красива!

Если Мабель и испытывала ревность, ей удалось ее скрыть.

— Правда?

У девушки были длинные черные, слабо вьющиеся волосы, лицо, пленявшее с первого взгляда, в меру полная фигура и длинные ноги.

Открытые глаза казались в слабом свете фиолетово-голубоватыми. Одетая она была в тонкое серебристое платье.

Табличка над дверью сообщала личные данные. Дженни Марло, рожденная в 2031 году в Сан-Марино, Калифорния. Двадцать четыре года. Актриса. Незамужняя. Среда.

— Что с тобой, Том? — спросила Мабель.

— Ничего.

Как он мог сказать, что почувствовал себя плохо от желания, которое никогда не будет удовлетворено? Что ему стало дурно от ее красоты?

Наша воля в руках судьбы.

Разве может быть истинная любовь не с первого взгляда?

— Что случилось? — повторила Мабель, а потом рассмеялась и добавила: — Ты шутишь?

Она не приняла этого всерьез, зная, что Дженни Марло как соперница опасна не больше, чем труп. И это было правдой. Он должен заняться кем-нибудь из своего мира. А Мабель еще совсем ничего. Ласковая, а после пары бокалов даже привлекательная.

После шести часов они спустились в гостиную и застали там почти

всех. Одни сидели, надвинув наушники, другие смотрели на экран и разговаривали, комментируя события прошедшего и этого вторника. Председатель Палаты в связи с истечением срока полномочий сдавал дела. Он уже явно никуда не годился, а состояние здоровья не сулило ни малейшего улучшения. Показали семейное кладбище в Миссисипи — зарезервированный для него цоколь. Когда-нибудь, когда разработают методы омоложения, его выведут из состояния сомнамбулы.

— Да уж, конечно! — сказала Мабель.

— Я уверен, дойдут и до этого, — ответил он. — Направление выбрано верно. Уже сейчас можно тормозить процесс старения у кроликов.

— Да я не о том. Конечно, рано или поздно метод омоложения людей будет разработан. И что тогда? Думаешь, всех вернут к жизни? Но это будет означать удвоение или даже утроение количества людей. Почему бы не оставить их спокойно стоять там? — Она захохотала и добавила: — А что будут делать без них бедные голуби?

Он обнял ее, представляя, что обнимает т у девушку. Ее талия изверняка такая же мягкая, но без капли жира.

Забудь о ней, думай о том, что ешь сейчас. Смотри новости.

Некая миссис Уилдер проткнула кухонным ножом сначала своего мужа, а потом и себя. По прибытии полиции обоих подвергли сомнамбуляции и отправили в больницу. Рассмотрен вопрос снижения темпа работы в окружных управлениях. Людси из понедельника обвиняют в нежелании программировать компьютеры на вторник; дело представлено властям обоих дней. С базы на Ганимезде сообщают, что Большое Красное Пятно на Юпитере излучает слабые, но отчетливые импульсы, производящие впечатление неслучайных.

Последние пять минут программы посвятили краткому обзору важнейших событий других дней. Миссис Кутмар переключила канал: там шла комедия, и никто не стал спорить.

Том сказал Мабель, что пойдет спать пораньше — один, — и вышел из гостиной. Его ждал тяжелый день.

Проскользнув на цыпочках через холл, он спустился по лестнице и забрался в сомнамбуларий. Приглушенное освещение, тишина. Шестьдесят три стоящих там цилиндра напоминали гранитные колонны огромного зала древнего города. Пятьдесят пять видных сквозь прозрачный металл лиц казались белыми размазанными пятнами. Некоторые стояли с открытыми глазами, однако большинство закрывали их, ожидая появления поля, создаваемого специальной аппаратурой, размещенной в полу. Том взглянул на дверь Дженни Марло, и ему вновь стало дурно. Она была вне досягаемости, а ведь от среды его отделял всего один день. День?! Неполные четыре с половиной часа.

Он коснулся гладкой и холодной двери. Девушка смотрела на него, на ее согнутой руке висела сумка, и когда дверь откроется, она будет готова выйти. Некоторые принимали душ и шли в туалет сразу

после пробуждения, а затем отправлялись в сомнамбулярий. Через минуту после того, как в пять утра автоматически включалось поле, они выходили.

Он бы тоже с радостью покинул свой «гроб» в это время, но что делать, среда — барьер непреодолимый.

Том отвернулся. Он вел себя как шестнадцатилетний, а столько ему было сто шесть лет назад. Впрочем, неважно. В биологическом смысле ему исполнилось тридцать.

Он начал подниматься на третий этаж и едва не повернулся, чтобы еще раз взглянуть на нее. Однако собрался и пошел в свою комнату, решив сразу же лечь. Может, ему приснится эта девушка. Если сны означают исполнение желаний, они его не подведут. Еще не доказано, что сны всегда отражают жизнь, но доказано, что человек, лишенный сна, сходит с ума. Поэтому и возникли сомнения, создающие специальное поле, которое в течение четырех часов поставляет человеку необходимое количество сна и сонных видений. Проснувшись, он переходит в сомнамбулярий, где поле иного вида задерживает все атомные процессы. В таком состоянии человек может оставаться вечно, если не включить активирующее поле.

Однако Джинни Марло не пришла к нему во сне, а если и приходила, он этого не помнил. Проснувшись, он умылся и быстро прошел в сомнамбулярий, где застал всех остальных: они докуривали сигареты, разговаривали, смеялись. Вскоре каждый войдет в свой цилиндр и воцарится гробовая тишина.

Том часто думал, что случится, если он не войдет в сомнамбулятор. Как он будет себя чувствовать? Охватит ли его паника? Вся жизнь он не знал ничего, кроме вторника, так, может, действительность среды обрушится на него, как волна прибой? Подхватит и швырнет на скалы чужого времени?

А если под каким-то предлогом он вернется наверх и спустится снова, когда поле уже включат? Тогда он не сможет войти: дверь его цилиндра откроется только по истечении определенного времени. Ну что же, он мог бы укрыться в общественном сомнамбулярии, расположенном в трех кварталах отсюда. А если остаться в своей комнате и дожидаться среды?

Такое случалось, но человек, совершивший это без достаточно веских оправданий, предстал перед судом. «Нарушение барьера времени» считалось преступлением, почти равным убийству, и виновных в нем подвергали сомнамбуляции. Одинаковый приговор ждал всех преступников — и здоровых, и умственно больных. Некоторые называли это консервированием. Законсервированный преступник неподвижно и бессознательно ждал, пока разработают научный метод лечения болезней мозга, неврозов, преступных наклонностей и прочих отклонений от нормы. К о н с е р в а ц и я.

— Как выглядит жизнь в среду? — спросил Том у мужчины, который из-за случайности оставался дольше.

— Откуда мне знать? Я был в сознании всего пятнадцать минут, а когда пришел в себя, находился в том же городе. Я даже не видел лиц людей со скорой помощи. Меня подвергли сомнамбуляции и оставили в больнице, чтобы мною занялась смена вторника.

«Со мной что-то не так», — пришел к выводу Том. Не так. Даже думать о таком — просто безумие. Перемещение в среду почти невозможно. Почти, но не совсем. Конечно, это потребует времени и терпения, но дело выполнимое.

Минуту спустя он уже стоял перед своим сомнамбулятором и слушал, как другие говорили: «До свидания!», «Салют!», «До вторника!». Мабель крикнула:

— Спокойной ночи, дорогой!

— Спокойной ночи, — буркнул он.

— Что ты сказал?

— Спокойной ночи.

Он взглянул на прелестное лицо за дверями и улыбнулся, боясь, что она услышала, как он говорит «спокойной ночи» женщине, назвавшей его «дорогим».

Оставалось еще десять минут времени. Из радиотелефона неслось крикливое: «Конец!», «Начинаем шестидневное путешествие!», «Просим поторопиться», «Помните о наказании!»

Том отлично помнил, но хотел оставить сообщение. Магнитофон стоял на столе, он включил его и сказал:

«Дорогая мисс Марло. Меня зовут Том Пим, и наши сомнамбуляторы стоят рядом. Я тоже актер, и мы работаем в одной студии. Конечно, это дерзость с моей стороны, но я должен сказать, что никогда не видел никого красивее вас. Равен ли ваш талант вашей красоте? Очень хотел бы увидеть несколько отрывков из ваших фильмов. Не могли бы вы оставить пленки в комнате номер 5? Надеюсь, ее жилец из среды не будет возражать. Искренне ваш Том Пим».

Он прослушал сказанное. Текст звучал довольно сухо, но этого ему и хотелось. Будь он слишком цветистым или напористым, это вызвало бы ее подозрения, а так он дважды подчеркнул ее красоту, но без экзальтации, а кроме того, сыграл на профессиональном тщеславии, что не могло оставить ее равнодушной. Никто не знал этого лучшего Тома.

Направляясь к сомнамбулятору, он тихо насвистывал, а оказавшись внутри, нажал кнопку и взглянул на часы. Без пяти двенадцать. Через десять минут новая смена служащих покинет свои сомнамбуляторы в здании районного участка и примется за дело.

Между окончанием службы полицией одного дня и началом ее полицией следующего имелся перерыв в десять минут. За эти не-

сколько минут могло произойти Бог знает что — и часто происходило. Но в конце концов требовалось платить за поддержание неприкосновенности границ времени.

Том открыл глаза, колени его подогнулись, голова опустилась вниз. Пробуждение наступило на миллион микросекунд раньше и почти немедленно перешло на тело и кровь, так что сердце почти не почувствовало, что останавливалось на такой большой промежуток времени. И все-таки мышцы среагировали с опозданием.

Он нажал кнопку, открыл дверь, и ему показалось, что это нажатие разбудило день. Мабель сделала вечером макияж и выглядела свежей, как утро. Том сделал ей комплимент, и она счастливо улыбнулась. Крикнув ей, что они встретятся за завтраком, он начал было подниматься, но на середине лестницы остановился, подождал, пока женщина скроется, и украдкой вернулся в сомнамбулярий. Там включил магнитофон.

Слегка хриловатый, но мелодичный голос сказал:

«Дорогой мистер Пим, я получила несколько писем из других дней. Надеюсь, вы простите мне некоторую претенциозность, если я скажу, что разговор через делящую два мира пропасть доставил мне удовольствие. Но когда мы привыкнем, он потеряет всякий смысл. Интерес к кому-то из другого мира — причина неудовлетворенности, ведь этот кто-то может быть для нас лишь голосом с ленты или восковым лицом в металлическом гробу. Впрочем, я впадаю в лирику. Прошу прощения. А если этот кто-то не вызывает интереса, зачем с ним переписываться? Так или иначе, это не имеет смысла. Может, я и красива — во всяком случае спасибо за комплимент, — но при этом еще и разумна.

Мне вообще не следует отвечать, но я не хочу быть невежливой и оскорблять ваши чувства. Поэтому прошу больше со мной не говорить».

Воцарилась тишина, но Том ждал — может, это лишь пауза для лучшего эффекта? Наверняка сейчас послышится хохот или низкий чувственный смех и Дженни скажет: «Ну ладно, я не хочу разочаровывать своих поклонников. Пленки у вас в комнате».

Однако тишина затягивалась. Он выключил магнитофон и пошел в столовую на завтрак.

Перерыв для сестры во время работы приходился между 14 и 14.45. Лежа на диване, Том нажал кнопку и в течение минуты погрузился в сон. На этот раз Дженни приснилась ему. Она была белой мерцающей фигурой, вынырнувшей из темноты, и приближалась к нему. Она показалась ему еще красивее, чем в сомнамбуляторе.

В тот день работа затянулась до позднего полудня, так что домой он явился только к ужину. Даже студия не могла задержать никого дольше, тем более что кормили там только в обед.

У него еще хватило времени посмотреть на Дженни, прежде чем в радиотелефоне закрипел голос миссис Кутмар. Шагая через холл, Том думал: я теряю из-за нее голову. Это смешно, ведь я взрослый человек. Может, стоит сходить к психиатру?

Вот именно — сделать заявку и ждать, пока психиатр его примет. Если повезет, может, уже через триста дней он отыщет для тебя время. А если этот психиатр тебе не поможет, делай заявку на следующее и жди шестысот дней.

Заявка... Том замедлил шаги. Заявка. А если вместо нее попросить перемещения? Почему бы и нет? Что ему терять? Скорее всего он получит отказ, но можно хотя бы попытаться.

Даже получение бланка для такого случая оказалось делом непростым. Два свободных дня он провел в очереди в Центральной Городской конторе, прежде чем получил нужные бумаги. В первый раз ему дали не тот бланк, и пришлось начинать все сначала. Отдельной очереди для тех, кто хотел сменить день, не существовало, поскольку их было слишком мало, и пришлось стоять в Секцию Разных Вопросов Отдела Движения Населения в Департаменте Принципиальных Перемещений и Переселений. А ни одна из этих организаций не имела ничего общего с эмиграцией в другие дни.

Когда он наконец получил бланк вторично, то не сдвинулся с места, пока не проверил его номер и попросил служащую сделать это еще дважды, не обращая при этом внимания на протесты стоящих сзади. Потом встал в очередь к перфораторам и, прождав два часа, сел за небольшое устройство, напоминавшее секретер, над которым находился большой экран. Вставив бланк в отверстие и глядя на его изображение на экране, Том принялся нажимать кнопки, отмеряя нужное расстояние против каждого вопроса. После этого оставалось только надеяться, что формуляр не затеряется.

В тот вечер он прижал голову к твердому металлу и прошептал, обращаясь к застывшему лицу:

— Должно быть, я тебя действительно люблю, раз прошел через все это. А ты даже этого не знаешь или знаешь, но тебе все равно.

Чтобы убедить самого себя, что с головой у него все в порядке, он пошел вечером вместе с Мабель на прием к режиссеру Солу Вормвольфу. Тот как раз сдал госэкзамен и получил категорию А-13, так что через некоторое время при определенном везении мог стать вице-председателем студии.

Прием удался. Том и Мабель вернулись за полчаса до начала сомнамбуляций. Том соблюдал меру в употреблении алкоголя и наркотиков, но знал, что все равно проснется как пьяный и придется принимать возбуждающее. На работе он будет выглядеть и чувствовать себя ужасно, поскольку лишился необходимых часов сна.

Под каким-то предлогом он попрощался с Мабель и пошел в сомнамбулярий раньше всех, хотя не мог ничего сделать, даже если бы

захотел — «гробы» действовали в строго определенных границах времени.

Прижавшись к сомнамбулятору Джени, он постучал в дверь.

— Весь вечер я старался не думать о тебе: это нечестно — ходить с Мабель, а думать о тебе.

Он записал для нее очередное письмо, но потом стер. Это ничего не даст. Кроме того, он понимал, что язык его заплетается, а ему хотелось предстать перед ней с лучшей стороны.

Только зачем? Для чего он ей?

Это она требовалась ему, и никакие законы логики не могли ничего изменить. Он любил эту запрещенную, такую-далекую-и-такую-близкую женщину.

Бесшумно подошла Мабель.

— Ты болен, — сказала она.

Том подскочил как ошпаренный. А собственно, почему? Он не сделал ничего постыдного. Но если так, почему он злится на нее? Можно понять его смущение, но не гнев.

Мабель стала смеяться над ним, и Том обрадовался: теперь можно на нее прикрикнуть. Он сделал это, и женщина повернулась и вышла, но тут же вернулась со всеми остальными — близилась полночь.

К тому времени Том уже стоял в своем цилиндре. Он переставил сомнамбулятор Джени так, что теперь они стояли друг против друга. Две двери лишь немного искажали картину, но Джени казалась еще более далекой в пространстве и времени, еще более недостижимой.

Спустя три дня, в середине зимы, Том получил письмо. Когда он выходил из дома, почтовый ящик на дверях загудел. Том вернулся и подождал, пока письмо будет отпечатано и выскочит в отверстие. Это оказался ответ на просьбу перемещения в другой день.

Отказ. Причина: отсутствие причин.

Это была правда. Не мог же он сообщить истинную причину, ее бы сочли еще менее убедительной. Он пробил отверстие напротив номера 12. ПРИЧИНА: ПОПАСТЬ В ОБЩЕСТВО, ГДЕ МОИ ТАЛАНТЫ ПОЛУЧАТ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ.

Том выругался. Как человек и гражданин он имеет право выбрать себе день, который ему нравится. По крайней мере, должен иметь. Что с того, что это хлопотно, требует перемещения личного дела и всех документов с момента рождения? Какая разница, что...

Нет, так можно злиться сколько угодно, и ничего не изменится. Он обречен на мир вторника.

Спокойно, буркнул он, спокойно. К счастью, я могу просить о перемещении неограниченное число раз. Попрошу снова. Думаете, мне надоест? Это вам надоест. Человек против машины. Человек против системы. Человек против бюрократии и бездушных законов.

Незаметно пролетели двадцать дней зимы, за ними восемь дней

весны и вновь наступило лето. На второй из двенадцати дней лета он получил ответ на свою повторную просьбу.

Он не был ни отказом, ни согласием. В нем говорилось, что если по диагнозу астролога Том будет чувствовать себя в среду лучше, этот диагноз должен подтвердить психиатр. Том Пим подскочил от радости и щелкнул каблуками своих сандалий. Слава Богу, он живет во времена, когда астрологов не считают шарлатанами. Люди — то есть массы — требовали признания астрологии и придания ей соответствующего ранга. Были приняты необходимые законы, и благодаря им у Тома теперь появился шанс.

Он спустился в сомнамбулярный, поцеловал дверь цилиндра Дженни и сообщил ей хорошую новость. Она не ответила, хотя Тому показалось, что глаза девушки слегка сверкнули. Конечно, то была иллюзия, но Том любил свои иллюзии.

Чтобы попасть на прием к психиатру и получить три консультации, потребовался еще год — сорок восемь дней. Благоприятным для Тома обстоятельством оказался тот факт, что доктор Зигмунд Трауриг был другом доктора Стелхели, астролога.

— Я внимательно изучил мнение доктора Стелхели и проанализировал ваше навязчивое стремление к этой женщине, — сказал психиатр. — Я согласен с коллегой, что вы всегда будете несчастны во вторник, хотя не совсем разделяю его мнение, что среда для вас лучшее место. Но раз уж вы вбили себе в голову эту мисс Марло, вам нужно переместиться. Правда, с условием письменного согласия на курс лечения у психиатра.

Только потом Том понял, что доктор Трауриг хотел от него избавиться из-за наплыва пациентов. А может, и нет.

Требовалось ждать, пока его бумаги перешлют властям среды. Сражение было выиграно лишь наполовину — в среде могли от него отказаться. А если даже он достигнет своей цели — что тогда? Хуже всего, что его может отвергнуть она, не давая уже никакого шанса.

Это было трудно представить, но она могла так поступить.

Том ласково погладил дверь, а потом прильнул к ней губами.

— Пигмалион по крайней мере мог коснуться Галатеи, — шепнул он. — Я верю, что боги — совершенно бездушные бюрократы — сжальтася надо мной, который не может даже коснуться тебя. Верю!

Психолог определил, что он неспособен на долгую связь с женщиной, впрочем, как большинство мужчин их мира, в котором связи легко создавались и еще легче рвались. Дженни Марло он полюбил по многим причинам. Она могла напоминать ему кого-то, кого он любил в детстве. Может, мать? Нет? Впрочем, все равно. Он узнает это в среду. Самая главная правда заключается в том, что он любит мисс Марло, поскольку она не может его отвергнуть, не может надоесть, плакать, кричать на него, оскорблять и так далее. Любит ее, поскольку она недостижима и нема.

— Я люблю ее, как Ахилл любил Елену, которую увидел на стенах Трои, — сказал Том.

— Впервые слышу, чтобы Ахилл любил Елену, — сухо заметил доктор Трауриг.

— Гомер этого не говорит, но я ЗНАЮ! Разве мог кто-либо устоять перед ней?

— Откуда мне знать, я ее никогда не видел! Если бы я знал, что ваша мания усиливается...

— Я поэт! — сказал Том.

— Скорее, у вас чрезмерное воображение. Гм-м. Впрочем, это может оказаться неплохой штучкой. Сегодня у меня свободный вечер. Знаете, что... вы разожгли мой интерес. Я приду к вам взглянуть на эту красавицу, эту вашу Елену.

Доктор Трауриг явился сразу после ужина, и Том проводил его в сомнамбулярий, как гид, ведущий известного критика к только что обнаруженной картине Рембрандта.

Доктор долго стоял перед цилиндром, причмокивая и перечитывая табличку с ее данными, потом повернулся и сказал:

— Я вас понимаю, мистер Пим. Можете рассчитывать на мою поддержку.

— Скажите сами, разве она не прекрасна?! Она же не от мира сего — и в прямом и в переносном смысле.

— Да, она очень красива. Однако, боюсь, вас ждет жестокое разочарование, а может, даже безумие, хоть мне и не нравится это ненаучное определение.

— Рискну, — сказал Том. — Я знаю, что веду себя, как безумец, но чего стоит мир без безумцев? Взять, к примеру, изобретателя колеса, Колумба, Джеймса Уатта, братьев Райт или Пастера.

— Трудно сравнивать пионеров науки и их стремление познать правду с вашим стремлением жениться на этой женщине. Однако, согласен, она поразительно красива. Но я был бы очень осторожен. Почему она до сих пор не замужем? Может, с ней что-то не в порядке?

— Насколько я знаю, она могла сделать это сто раз! — ответил Том. — Может, ее постигло разочарование и она поклялась, что будет ждать настоящего мужчину? Может...

— Нет здесь никакого «может», — прервал Трауриг. — Но мне кажется, в вашем теперешнем состоянии опаснее оставаться во вторнике, чем перебраться в среду.

— Значит, вы согласны?! — воскликнул Том, хватая доктора за руку и тряся ее.

— Допустим. Но у меня остались некоторые сомнения.

Взгляд доктора унесся куда-то вдаль. Том рассмеялся, отпустил его руку и похлопал по плечу.

— Признайтесь — она произвела на вас впечатление. Конечно, ведь вы не каменный.

— Девушка превосходная, согласен, но подумайте еще раз. Если вы переместитесь и она вас отвергнет, это может кончиться безумием.

— Не кончится. Мое положение не станет хуже, чем оно есть. Напротив, улучшится. По крайней мере, я буду видеть живую девушку.

Весна и лето пролетели, как молния. И вдруг — утро, которое навсегда останется в его памяти: разрешение! А вместе с ним инструкция, что нужно сделать, чтобы переместиться в среду. Впрочем, довольно простая. Прежде всего проследить, чтобы механики пришли днем и перенастроили часовой механизм в полу. Он не мог понять, почему нельзя просто дождаться среды вне сомнамбулятора, но уже давно перестал вникать в логику бюрократической системы.

Том решил ничего не говорить своим соседям, в основном из-за Мабель, но она все равно узнала от кого-то из студии. Увидев его за ужином, она расплакалась и убежала к себе наверх. Ему было неприятно, но он не пошел ее утешать.

Вечером он вошел в сомнамбулярий с бьющимся сердцем. Все уже знали: он не сумел сохранить это в тайне и сейчас был рад, что сказал им. Они принесли напитки и вместе выпили несколько тостов. Наконец, пришла Мабель и, вытирая слезы, пожелала ему всего наилучшего. Она знала, что Том не любил ее, и ей было жаль, что никто не влюбился в нее, просто заглянув в сомнамбулятор.

Узнав, что он был у доктора Траурига, она сказала:

— Это очень влиятельный человек, советник Сола Вoremвольфа. Говорят, со связями даже в других днях. Он редактор «Психических Течений», одного из немногих журналов, читаемых другими людьми.

ДРУГИЕ — это, конечно, те, кто жил от среды до понедельника.

Том признал, что доволен визитом к Трауригу. Может, именно благодаря его вмешательству власти среды так быстро решили дело. Границы между мирами пересекались редко, но было тайной Полишинеля, что влиятельные люди делали это, когда хотели.

Том, дрожа, стоял напротив цилиндра Дженни. В последний раз, думал он, я вижу ее в состоянии сомнамбуляции, в следующий раз она будет теплой и живой — девушкой из плоти и крови.

— *Ave atque vale!** — громко сказал он. Ему устроили овацию, и только Мабель сказала:

— Как это банально!

Они думали, что он обращается к ним.

Войдя в сомнамбулятор, он закрыл дверь и нажал кнопку. Глаза он оставит открытыми, чтобы...

Среда. Хотя вокруг ничто не изменилось, ему показалось, что он оказался на Марсе.

* «Здравствуй и прощай» (лат.)

Открыв дверь, он вышел. Лица семи ждавших его людей он уже видел, их фамилии читал на табличках.

Уже собравшись сказать им «добрый день», он вдруг заколебался.

Сомнамбулатор Дженни Марло исчез.

Том схватил за руку ближайшего мужчину.

— Где Дженни Марло?

— Пустите меня! Она переехала во вторник.

— ВТОРНИК?!

— Ну да. Она уже давно хотела отсюда выбраться. Этот день для нее не подходил. Здесь она плохо чувствовала себя, это несомненно. Два дня назад она сказала, что просьбу ее наконец удовлетворили — вероятно, помог какой-то влиятельный психиатр из вторника. Он был здесь, увидел ее в сомнамбулаторе и — готово.

Стены, люди и сомнамбулаты завертелись у него перед глазами. Время гнулось то в одну, то в другую сторону, это был вообще НИКАКОЙ день. Том оказался заперт в каком-то странном времени, которое вообще не должно было существовать.

— Она не может этого сделать!

— Конечно, нет! Она уже это сделала!

— Но... но ведь нельзя перемещаться больше одного раза.

— И в этом состоит ее проблема.

Его проблема тоже состояла в этом.

— Не нужно было ему ее показывать! — сказал Том. — Свинья! Неэтичная свинья!

Том Пим долго стоял неподвижно, прежде чем пойти на кухню. За исключением людей, все вокруг было то же самое. Отправившись в студию, он играл там в комедии положений, ничем не отличавшейся от тех, в которых он выступал во вторник, а вечером смотрел новости. У президента Соединенных Штатов были другие лицо и фамилия, но сказанное им вполне мог сказать президент из вторника. Тома представили секретарше режиссера; звали ее не Мабель, но это ничего не меняло.

Единственное различие состояло в том, что здесь не было Дженни, но то было различие принципиальное.

ПОДНЯТЬ ПАРУСА!

Брат Проводок сидел неподвижно, заклинившись между стеной и реализатором, двигались только его глаза и указательный палец. Время от времени палец быстро ударял по клавише на пульте, а зрачки, серо-голубые, как родное ирландское небо, косили к открытой двери toldilli, небольшой будки на корме, где он притаился. Видимость была слабой.

Снаружи он видел мрак и фонари у релинга, о который опирались

двое моряков, а за ними качались яркие огни и темные контуры «Ниньи» и «Пинты». Еще дальше тянулся до самого горизонта Атлантический океан, окрашенный кровавой восходящей Луной.

Над тонзурой монаха висела одинокая лампа с угольным электродом, освещающая его лицо, одутловатое и сосредоточенное.

В тот вечер эфир трещал и свистел, но наушники, прижатые к ушам монаха, продолжали передавать точки и тире, посылаемые оператором из Лас-Пальмас на Гран Канариа.

«Ззззз! Значит, хереса у вас уже нет... Поп!.. Плохо... Щелк!.. Ты, старая винная бочка... Зззз... Да прости вам Господь ваши грехи...

Масса сплетен, сообщений и так далее... Свист!.. склоните уши, а не затылки, неверные... Говорят, турки собирают... Щелк!.. войска для похода на Австрию. Ходят слухи, что летающие сосиски, которые видели над столицами христианского мира, турецкого происхождения. Говорят, их сконструировал ренегат-роджериянец, принявший магометанство... А я скажу... зззз... на это. Никто из нас так не поступил бы. Это ложь, распространяемая нашими врагами ради нашей дискредитации. Но многие верят...

Как по-твоему, далеко ли сейчас Адмирал от Чипанга?

Срочно! Савонарола проклял сегодня папу, флорентийских богачей, греческое искусство и литературу, а также эксперименты учеников святого Роджера Бэкона... Зззз!.. У этого человека возвышенные цели, но он безрассуден и опасен... Я предсказываю, что он кончит на костре, на который отправляет нас...

Поп!.. Умрешь со смеху... Два ирландских наемника, Пэт и Майк, шли по улице Гранады, когда некая прекрасная сарацинка перегнулась с балкона и вылила на них ведро, полное... свист!.. а Пэт взглянул вверх и... Щелк!.. Хорошо, правда? Брат Жуан рассказал это прошлой ночью...

P.V... P.V... Дошло до тебя?.. P.V... P.V... Да, я знаю, что это опасно, но нас никто не подслушивает... Зззз... По крайней мере я так думаю...»

В общем, эфир прогибался и шел волнами от их депеш. Вскоре Брат Проводок отстучал то самое P.V., которое закончило их разговор — «*Rax vobiscum*»*, потом вытащил вилку, соединявшую наушники с аппаратом, снял их с ушей и, как требовал устав, поместил над висками.

На полусогнутых он выбрался из toldilli, болезненно задев при этом животом торчащую доску, и подошел к релингу. Там де Сальседо и де Торрес разговаривали вполголоса. Большая лампа освещала рыжеватые волосы пажа и буйную черную бороду переводчика. Розовое сияние шло от гладко выбритых щек монаха и светло-пурпурной роджериянской рысы. Капюшон, откинутый на спину, служил сумкой для

* «Мир вам» (лат.).

писчей бумаги, пера, чернильницы, книги шифров, небольших ключей и отверток, логарифмической линейки и пособия ангельских правил.

— Ну, старичок, — фамильярно окликнул его молодой де Сальседо, — что услышал из Лас-Пальмас?

— Сейчас ничего. Слишком большие помехи. Из-за этого, — он указал на Луну над горизонтом. — Что за шар! Большой и красный, как мой почтенный нос!

Оба моряка рассмеялись, а де Сальседо добавил:

— Но он на протяжении ночи становится все меньше и бледнее, отец, а твой носик, наоборот, будет все больше и ярче, обратно пропорционально квадрату его расстояния от стакана...

Он замолчал и улыбнулся, поскольку монах резко опустил нос, как морская свинья, ныряющая в море, снова поднял, как то же животное, выскакивающее из воды, и вновь погрузил его в густое дыхание моряков. Нос в нос он смотрел на их лица, и, казалось, его моргающие глазки искрят не хуже реализатора, стоящего в toldilli.

И снова он, как морская свинья, нюхнул несколько раз и довольно громко. Потом, довольный тем, что обнаружил в их дыхании, подмигнул. Впрочем, он не сразу заговорил о своих открытиях, предпочитая дойти до сути окольными путями.

— Этот Отец Проводок из Гран Канариа, — начал он, — интересная личность. Развлекает меня всевозможными философскими рассуждениями, как имеющими смысл, так и фантастическими. Например, сегодня вечером, за минуту до того, как нас разъединило вот это, — он указал на большой, налившийся кровью глаз на небе, — он решал проблему, как сам ее назвал, миров с параллельными временными траекториями, или концепцию Дисфагия из Готама. Придумал он, что могут существовать иные миры, в одновременных, но не стыкующихся Космосах. При этом Господь, имеющий безграничный творческий талант и возможности, другими словами Мастер Алхимии, создал — возможно, даже был вынужден создать — множество континуумов, в которых происходит любое вероятное событие.

— Да? — буркнул де Сальседо.

— Именно так. Королева Изабелла могла отвергнуть планы Колумба, и он никогда не пытался бы добраться до Индии через Атлантику. И мы не торчали бы здесь, все дальше уходя в океан на наших трех скорлупках, не было бы никаких сражений между нами и Канарскими островами, а Отец Проводок из Лас-Пальмас и я на «Санта-Марии» не вели бы увлекательных разговоров в эфире.

Или, скажем, Церковь преследовала бы Роджера Бэкона, вместо того чтобы поддерживать. Не возник бы Орден, чьи изобретения оказались такими важными для обеспечения монополии Церкви и ее духовного руководства в области алхимии — деле некогда языческим и дьявольском.

Де Торрес открыл рот, но монах остановил его великолепным властным жестом и продолжал:

— Или же, что, возможно, еще более абсурдно, — рассуждал он о мирах с разными физическими законами. — Один случай показался мне особенно забавным. Вы, наверное, не знаете, что Анджели Анджели доказал, бросая предметы с Падающей Башни в Пизе, что разные тела падают с разными ускорениями. Мой очаровательный коллега с Гран Канариа пишет сатирическое произведение, действие которого разворачивается в мире, где Аристотель — лжец, а все предметы падают с одинаковым ускорением, независимо от размеров. Глупости, конечно, но помогает коротать время. Мы просто забиваем эфир нашими маленькими ангелочками.

— Я не хотел бы совать нос в тайны вашего святого и таинственного ордена, Брат Проводок, — сказал де Сальседо, — однако меня интригуют эти ангелочки, которых реализует твоя машина. Не будет грехом, если я осмелюсь спросить о них?

Рев монаха перешел в воркование голубя.

— Позвольте вам это проиллюстрировать, парни. Если бы вы спрятали у себя бутылку, скажем, исключительно благородного хереса и не поделились с жаждущим старым человеком, это был бы грех. Грех недосмотра. Однако если этой высохшей, измученной путешествием, благочестивой, покорной и дряхлой душе вы предложите долгий, целительный и возбуждающий глоток этого живительного напитка, этой дочери виноградных ягод, я от всего сердца помолюсь за вас и за ваш акт милосердия. К тому же я буду так доволен, что могу рассказать вам кое-что о нашем реализаторе. Конечно, не столько, чтобы это вам повредило, но достаточно, чтобы вы зауважали разум и святость нашего Ордена.

Де Сальседо понимающе улыбнулся и подал монаху бутылку, которую держал под курткой. Когда брат опрокинул ее, а буль-буль исчезающего хереса стало громче, моряки многозначительно переглянулись. Ничего удивительного, что монах, считавшийся авторитетом в области тайн алхимии, был все-таки отправлен в это несуразное путешествие черт знает куда. Церковь рассчитала, что если Брат Проводок выживет, то очень хорошо. Если же не выживет, то не будет больше грешить.

Монах вытер губы рукавом, громко икнул и сказал:

— Спасибо, парни. Спасибо от всего сердца, так глубоко запятанного в этом жире. Спасибо от старого ирландца, высохшего, как копыто верблюда и почти задохнувшегося пылью аскетизма. Вы спасли мне жизнь.

— Благодарю лучше свой волшебный нос, — ответил де Сальседо. — А теперь, когда ты себя смазал, может, расскажешь, что знаешь о своей машине?

Брату Проводку потребовалось на это пятнадцать минут. Когда

это время миновало, слушатели задали несколько разрешенных им вопросов.

— ...и говоришь, что передаешь на частоте 1800 к.с.? — спросил паж. — Что это такое — «к.с.»?

— «К» — это сокращение французского «кило», от греческого слова, означающего тысячу. А «с» — от древнееврейского «cherubim», «маленькие ангелы». Ангел — это от греческого «angelos», что означает посланец. Мы полагаем, что эфир густо заполнен этими херувимами, маленькими посланцами. Поэтому когда мы, Братья Проводки, нажимаем ключ в нашей машине, мы можем реализовать некоторую часть из неисчислимого количества «посланцев», ждущих только призыва к работе.

Таким образом, 1800 к.с. означает, что в данный момент времени миллион восемьсот тысяч херувимов строятся и мчатся в эфире, причем нос одного касается крыльев другого. У каждого из этих созданий одинаковый размах крыльев, так что если нарисовать контур всего сборища, невозможно будет отличить одного херувима от другого.

— Голова идет кругом! — сказал молодой де Сальседо. — Гениальная идея! Подумать только, что антенна твоего реализатора имеет такую длину, чтобы для нейтрализации плохих херувимов требовалось одинаковое, заранее определенное количество хороших. И ты, Брат Проводок, поднимая и опуская ключ, создаешь невидимые ряды ангелов, окрыленных посланцев, мчащихся в эфире, и таким образом можешь связываться на больших расстояниях со своими братьями по Ордену.

— Господь милосердный! — воскликнул де Торрес.

То было не упоминание Господа всуе, а возглас восхищения. Де Торрес вдруг вытаращил глаза, осознав, что человек не одинок, что по обе стороны от него, громоздясь за каждым углом, стоят небесные сонмы. Черные и белые, они создают вечную шахматную доску в якобы пустом космосе. Черные — те, что «против», белые — те, что «за». Божественная рука держит их в равновесии и отдает во владение человеку, наравне с птицами в воздухе и рыбами в море.

Однако де Торрес, хоть и видел такое, что многих могло бы сделать святыми, только спросил:

— А ты мог бы сказать, сколько ангелов поместится на острие иглы?

Де Торресу явно не дожидаться нимба. Скорее ему суждено — если доживет! — накрывать голову беретом академика

— Я тебе скажу, — фыркнул де Сальседо. — Говоря философски, на острие иглы можно поместить сколько угодно ангелов. Если же быть точным — столько, на сколько хватит места. И хватит, меня интересуют факты, а не фантазии. Скажи мне, как восход Луны может помешать приему херувимов, отправленных Проводком из Лас-Пальмаса?

— Клянусь Цезарем, откуда мне знать? Разве я всезнайка? О нет, я простой монах! Одно могу сказать тебе: прошлым вечером она поднялась над горизонтом, как кровавый желвак, и мне пришлось прервать отправку своих малых посланцев как короткими, так и длинными колоннами. Станция на Гран Канариа была совершенно парализована, и мы оба прекратили передачу. То же произошло сегодня вечером.

— Луна посылает какие-то сообщения? — спросил де Торрес.

— Посылает, но я не могу их прочесть.

— Матерь Божья!

— А может, на Луне есть люди и они передают? — предположил де Сальседо.

Брат Проводок насмешливо фыркнул. Хотя ноздри его были огромные, презрение тоже достигало немалого калибра. Артиллерия его насмешек могла утихомирить любого, не обладающего гигантской силой духа.

— Возможно, — тихо сказал де Торрес, — если, как мне говорили, звезды являются окнами в небе, то главные ангелы, те, что больше, гм... реализуют тех, что меньше? И делают это лишь после восхода Луны. Может, следует трактовать сие как явление небесное?

Он перекрестился и огляделся.

— Бояться нечего, — мягко сказал монах. — За твоей спиной нет Инквизитора. Не забывай, что я единственный духовник этой экспедиции. Кроме того, твоя гипотеза не имеет ничего общего с догмой. Впрочем, это неважно. Чего я не понимаю, так это как небесное тело может передавать и почему делает это на той самой частоте, что и я. Почему...

— Я мог бы объяснить это, — вставил де Сальседо с дерзостью и истерпением, свойственными молодым людям. — Я бы сказал, что Адмирал и роджерриане ошибаются относительно формы Земли. Сказал бы, что Земля не круглая, а плоская, а горизонт существует не потому, что мы живем на шаре, а потому, что Земля слабо искривлена, подобно весьма уплощенному полушарию. А еще я бы сказал, что херувимы прибывают не с Луны, а с корабля, подобного нашему, с корабля, висящего в пустоте за краем Земли.

— Что?! — Его слушатели даже задохнулись от удивления.

— Разве вы не слышали, — сказал де Сальседо, — что король Португалии тайно отправил корабль после того, как отклонил предложение Колумба? Откуда нам знать, что сообщения идут не от нашего предшественника, который заплыл за край мира и теперь висит в пространстве, а появляется ночью, потому что следует за Луной вокруг Земли? В сущности это гораздо меньший и невидимый спутник.

Смех монаха разбудил многих на корабле.

— Я повторю твою версию оператору из Лас-Пальмаса, пусть вставит ее в свой рассказ. Может, ты еще скажешь, что сообщения

идут с одной из тех извергающих огонь сосисок, которые многие легковверные миряне видели тут и там? Нет, мой дорогой де Сальседо, не будь смешным. Еще древние греки знали, что Земля круглая. В каждом европейском университете учат этому. И мы, роджерияне, измерили ее периметр. Мы точно знаем, что Индия лежит по другую сторону Атлантики. Точно так же благодаря математике мы знаем, что летающие аппараты тяжелее воздуха существовать не могут. Наши братья физики заверяют, что эти летающие объекты всего лишь миражи или иллюзии, созданные еретиками или турками, желающими вызвать в народе панику.

Лунное же радио вовсе не иллюзия, уверяю тебя. Я не знаю, что это такое, однако не корабль, испанский или португальский. Откуда бы тогда взялся этот его непонятный код? Этот корабль, даже если бы пришел из Лиссабона, все равно имел бы оператора-роджериянина, а тот, согласно нашим правилам, был иной национальности, нежели команда, чтобы легче избегать политических пристрастий. Он не стал бы нарушать наши законы, используя другой код, чтобы связываться с Лиссабоном. Мы, ученики святого Роджера, не опускаемся до мелких пограничных инцидентов. Более того, у этого реализатора недостаточная мощность, чтобы достать до Европы, и он действовал бы через нас.

— Откуда у тебя такая уверенность? — спросил де Сальседо. — Хотя ты и не веришь в это, но духовника можно перетянуть на свою сторону. Или кто-то из мирян мог узнать ваши тайны и изобрести новый код. Я думаю, это один португальский корабль передает другому, может, не слишком удаленному от нас.

Де Торрес содрогнулся и вновь перекрестился.

— А вдруг это ангелы предупреждают нас о близящейся смерти?

— Предупреждают? В таком случае, почему они не пользуются нашим кодом? Ангелы знают его не хуже меня. Нет никаких «вдруг», Орден не допускает их, он экспериментирует и открывает. Он не высказывается до тех пор, пока не узнает точно.

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем, — мрачно сказал де Сальседо. — Колумб обещал команде, что если до завтрашнего вечера не наткнемся на сушу — повернем обратно. Иначе, — он чиркнул пальцем по шее, — кхх! Пройдет день, и мы поплывем на восток, убегая от этой зловещей, кровавой Луны и ее непонятных передач.

— Это была бы большая потеря для Ордена и Церкви, — вздохнул монах. — Но все в руке Божьей, и я изучаю лишь то, что Он позволяет мне изучать.

С этими набожными словами Брат Проводок поднял бутылку, чтобы изучить уровень жидкости. Научно установив ее существование, он измерил затем ее количество и проверил качество, влив все в лучшую реторту — свое огромное брюхо.

Потом он причмокнул и, не обращая внимания на разочарован-

ных моряков, принялся с энтузиазмом рассказывать о судовом винте и вращающем его двигателе, сконструированном недавно в Коллегии Святого Ионы в Генуе. Если бы три корабля королевы Изабеллы снабдили подобным устройством, заявил монах, они перестали бы зависеть от ветра. Однако пока монахи запретили распространение этих изобретений, поскольку опасались, что выхлопные газы могут отравить воздух, а огромные скорости окажутся убийственными для людей. Затем он вдруг принялся излагать историю жизни своего патрона, изобретателя первого реализатора и приемника херувимов, святого Ионы из Каркасона, который принял мученическую смерть, ухватившись за провод, оказавшийся — вопреки его мнению — неизолированным.

Оба моряка, придумав какую-то отговорку, удалились. Монах был хорошим человеком, но агиография* успела им наскучить. Кроме того, они хотели поговорить о женщинах...

Если бы Колумбу не удалось убедить свою команду, что нужно проплыть еще один день, события разворачивались бы иначе.

На рассвете моряки воспрянули духом, увидев несколько крупных птиц, круживших над кораблем. Суша была где-то поблизости; может, эти крылатые существа прилетели с побережья самого легендарного Чипанга, страны, где у домов золотые крыши.

Птицы спустились пониже. Вблизи было видно, что они огромны и очень странны. Их тела имели почти тарелкообразную форму и были невелики относительно крыльев, размах которых составлял не менее тридцати футов. Кроме того, у птиц не было ног. Только немногие из моряков поняли значение этого факта: птицы эти жили только в воздухе и никогда не садились на землю или воду.

Пока все рассуждали об этом, раздался слабый звук, словно кто-то откашлялся. Он был так слаб и далек, что никто не обратил на него внимания, поскольку каждый решил, что его издал сосед по палубе.

Спустя несколько минут звук стал громче, словно кто-то перебирал струны лютни.

Все посмотрели вверх, головы повернулись к западу.

Даже сейчас они не понимали, что этот звук, подобный дрожанию натянутой струны, шел от каната, опоясывающего землю, что канат был натянут до предела и что именно море натягивало его.

Прошло некоторое время, прежде чем они поняли. Горизонт кончился.

Когда они это заметили, было уже поздно.

Рассвет не просто пришел, как молния, он сам был молнией. И хотя все три корабля попытались резко повернуть влево, внезапное увеличение скорости и безжалостное течение свели маневр на нет.

Именно тогда роджериянин пожалел, что у их корабля нет генуэз-

* Жизнеописание святых. — *Прим. перев.*

ского винта и парового двигателя. Тогда они могли бы противостоять страшной мощи напирającego, как разъяренный бык, моря. Именно тогда одни начали молиться, другие обезумели, а кое-кто попытался атаковать Адмирала; несколько человек выскочили за борт, несколько впали в оцепенение.

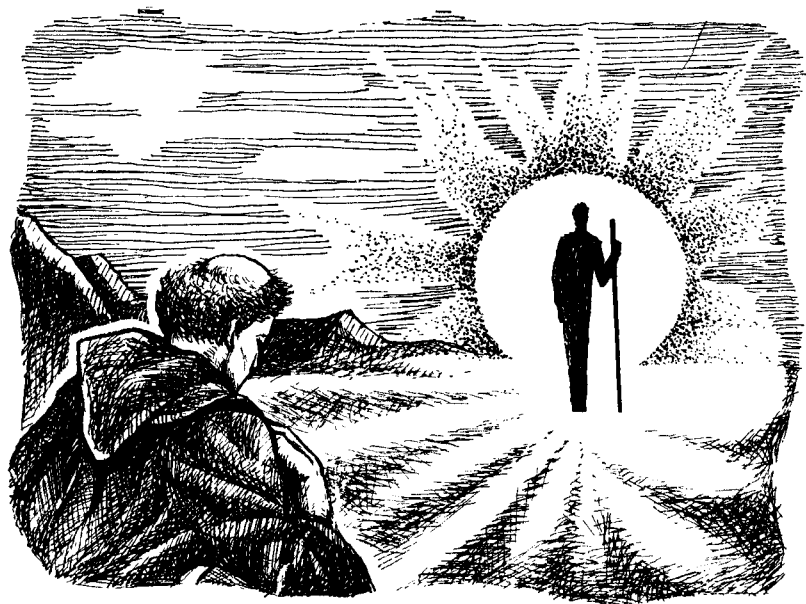
Только неустрашимый Колумб и отважный Брат Проводок продолжали выполнять свои обязанности. Весь день толстый монах сидел в своей маленькой будке, передавая точки и тире своему коллеге на Гран Канариа. Закончил он лишь тогда, когда взошла Луна, словно огромный красный пузырь, вздувающийся из горла умирающего гиганта. Тогда он стал внимательно слушать и работал, забыв обо всем, что-то черкая, безбожно ругаясь и листая книгу шифров. Так прошла ночь.

Когда в реве и хаосе вновь наступил рассвет, монах выскочил из toldilli с куском бумаги в руке. Он смотрел безумными глазами и быстро шевелил губами, но никто не понимал, что ему удалось разгадать шифр. Не слышал никто и его криков:

— Это португальцы! Португальцы!

Одинокий человеческий голос не мог прорваться к их ушам сквозь нарастающий рев. Покашливание и звон струны были только вступлением к собственно концерту, а теперь началась увертюра: могучий, как труба Гавриила, разносился грохот Океана, рушащегося в космическое пространство.

Уолтер Миллер-мл.

КАНТАТА ДЛЯ ЛЕЙБОВИЧА

Брат Френсис Джерард из Юты никогда не нашел бы святого манускрипта, не будь пилигрима в набедренной повязке, что явился во время его великопостного бдения в пустыне. Брат Френсис никогда прежде не видел странника в набедренной повязке, но с первого взгляда понял, что незнакомец — настоящий паломник. Это был высокий человек в соломенной шляпе, с палкой в руке и с буйной бородой, пожелтевшей возле рта. Паломник слегка прихрамывал, и бедра его были обернуты куском рваного и грязного конопляного полотна — единственного одеяния, если не считать шляпы и сандалий. На ходу он мелодично посвистывал.

Незнакомец пришел с севера по заброшенному ухабистому тракту и, похоже, направлялся в аббатство братьев Лейбовича, что располагалось в шести милях южнее. На обширной территории древних руин паломник и монах заметили друг друга издали. Пришелец перестал свистеть и вытарашил глаза, а молодой монах, следуя правилам от-

шельничества в дни поста, быстро отвел взгляд и вновь принялся собирать камни, чтобы укрепить свое временное обиталище и защититься от волков. Слегка ослабленный после десятидневной диеты из плодов кактуса, брат Френсис чувствовал, что от усилий у него кружится голова, и видел окружающее словно сквозь туман, испещренный танцующими черными лепестками. В первое мгновение он решил, что бредит от голода. Но тут бородатый призрак весело крикнул:

— Эй, там!

Голос у него был приятный и звучный.

Обет молчания не позволял молодому монаху ответить на приветствие, и он только слегка улыбнулся, опустив взгляд.

— Эта дорога ведет к обители? — спросил странник.

Послушник кивнул и потянулся за обломком, похожим на мел. Паломник подошел ближе.

— Что ты делаешь со всеми этими камнями? — поинтересовался он.

Монах встал на колени и торопливо написал на широком плоском камне слова «Одиночество и Молчание», чтобы путешественник, если он умеет читать — что было статистически маловероятно, — понял, что искушает кающегося грешника, и оставил его в покое.

— Ничего не поделаешь, — сказал паломник. Он постоял немного, поглядел по сторонам, после чего стукнул палкой по одному из больших камней.

— Э т о т может тебе пригодиться, — произнес он и добавил: — Желаю удачи. И чтобы ты нашел Голос, который ищешь.

В ту минуту брат Френсис не понял, что чужак имел в виду «Голос» с большой буквы, а подумал, что старик счел его глухонемым. Он еще раз взглянул на паломника — тот удалялся, посвистывая, — молча благословил его, желая безопасного путешествия, и вернулся к своему занятию: строительству укрытия размером с гроб, в котором можно спать ночью, не рискуя стать добычей волков.

Стая перистых облаков, плывущих, чтобы одарить влажным благословением далекie горы, принесла желанный отдых от палящих лучей солнца, и молодой монах упорно работал, торопясь закончить свое сооружение, прежде чем они растают. Работал он, тихо молясь о послании ему истинного Зова, поскольку такова была цель медитации во время поста в пустыне.

Наконец он поднял камень, на который указал паломник.

В ту же секунду кровь отлила от его лица, он отступил на шаг и выпустил камень, словно обнаружил, что под ним таилась ядовитая змея.

Среди обломков лежала полураздавленная, ржавая металлическая коробка.

Монах с любопытством потянулся к ней, но потом остановился. В

мире существовали не только Божьи вещи, но и ИНЫЕ. Он торопливо перекрестился, прошептал короткую молитву и, укрепив тем дух свой, вновь повернулся к коробке.

— Apage Satanas!*
Он погрозил ей тяжелым крестом от четок.

— Изydi, Подлый Искуcитель!

Украдкой вынув из кармана рясы небольшое кропило, брат Френсис, прежде чем находка могла понять, что он собирается делать, быстро окропил ее святой водой.

— Если ты дьявольское творение, сгинь, пропади!

Но коробка не усохла, не взорвалась и не расплавилась. Не потекла из нее и богохульной сукровицы. Она спокойно лежала на своем месте, позволяя солнцу и пустынному ветру высушить святые капли.

— Да будет так, — сказал монах и присел, чтобы вытащить ее из углубления. Сев на землю, он почти час колотил коробку камнем, пытаясь открыть ее. Ему пришло в голову, что такая археологическая находка — по-другому ее не назовешь — может оказаться знаком его Зова, посланным небесами, но он отогнал эту мысль так же быстро, как она появилась. Аббат сурово предостерегал его, чтобы он не ожидал какого-либо эффектного Откровения. Брат Френсис покинул обитель, собираясь сорок дней поститься и замаливать грехи, чтобы в награду на него сошло вдохновение в виде зова к ордену, но ожидать видения или голоса, вопрошающего: «Френсис, где ты?» было бы чрезмерной дерзостью. Слишком много послушников возвращались от пустынного бдения, рассказывая о видениях и знаках на небе, поэтому добрый аббат выработал по отношению к ним довольно энергичную линию поведения. Только Ватикан имел право определять подлинность таких событий. «Солнечный удар еще не доказывает, что ты готов принять торжественные обеты ордена!» — гремел он.

И все же брат Френсис, колотя старую металлическую коробку, старался не сломать ее окончательно.

Она открылась неожиданно, рассыпав часть своего содержимого. Монах долго разглядывал все это, прежде чем осмелился чего-либо коснуться, и дрожь возбуждения сотрясала его тело. Настоящие древности! Как студент-археолог, он не верил своим глазам. «Брат Джерис позеленеет от зависти», — мелькнуло у него в голове, но он быстро пожалел об этой грешной мысли и возблагодарил небеса за сокровище.

Брат Френсис осторожно коснулся найденных предметов — они оказались достаточно реальны — и принялся их сортировать. Учебка дала ему достаточно знаний, чтобы узнать отвертку — инструмент, которым некогда пользовались, чтобы ввертывать в дерево тонкие кусочки металла, — и щипцы с остриями не больше ногтя, но достаточно

* Apage Satanas! (лат.) — Изydi, Сатана!

мощными, чтобы разрезать мягкие кусочки металла или кости. Лежало там и странное устройство со сгнившей деревянной ручкой и тяжелой медной оковкой, к которой пристали несколько капель расплавленного свинца, но молодой монах не знал, для чего это служило. Рядом он заметил кольцевидный рулон липкой черной субстанции, слишком пострадавшей от времени, чтобы ее можно было опознать. Лежали там также странные кусочки металла, битое стекло и множество тонких цилиндрических предметов с проволочными усиками, похожих на ценимые горными язычниками талисманы и амулеты. Некоторые археологи считали их останками легендарной *machina analytica*, из времен, предшествовавших Огненному Потопу.

Все эти предметы брат Френсис внимательно осмотрел и разложил на широком плоском камне, оставив документы на самый конец. Они считались ценнейшими находками, поскольку слишком мало из написанного избежало костров Века Упрощения, когда даже святыне книги скручивались, чернели и улетали с дымом под аккомпанемент мстительного воя невежественных толп.

Ценная находка состояла из двух больших сложенных несколько раз листов бумаги и трех рукописных записок. Все они потрескались, пожелтели от старости, и он обращался с ними очень осторожно, закрывая от ветра полую рясу. Документы, написанные небрежным курсивом предпотопного английского языка — теперь его использовали наравне с латынью только монахи в святых обрядах, — едва можно было разобрать. Брат Френсис медленно прочел записки, разделяя слова, хоть и не был уверен в их значении. Одна из записок гласила: «Фунт пастроми*, банка кислой капусты, шесть булок для Эммы». Другая напоминала: «Не забудь принести формуляр 1040 о доходах дяди», а третья состояла из колонки цифр с обведенной овалом суммой, от которой отняли другое число, а результат поделили на третье, после чего следовало слово: «проклятье!» Он ничего из этого не понял и просто проверил расчеты. Ошибок не было.

Из двух больших листов бумаги один был плотно свернут и начал распадаться на кусочки, когда молодой монах попытался его развернуть, он лишь сумел прочесть слова «КУПОН ЗАЕЗДА» и ничего больше, а потому сунул его в коробку, чтобы изучить потом.

Второй большой документ был сложен вчетверо и оказался таким хрупким на сгибах, что брат Френсис смог изучить только небольшой его фрагмент, слегка раздвигая края и заглядывая внутрь.

Это был рисунок — сетка белых линий на темной бумаге.

И снова дрожь возбуждения прошла по всему телу. Он нашел с х е м у — необычайно редкую разновидность древних документов, их особо ценили исследователи древностей, хотя и считалось, что нет ничего труднее для перевода.

* Копченая говядина.

И, словно сама находка не была еще достаточным доказательством необычайной благосклонности небес, в колонке слов, написанных в нижнем углу документа, присутствовало имя основателя его Ордена, самого благословенного Лейбовича.

От счастья руки монаха дрожали так сильно, что он едва не порвал ценный документ. Он вспомнил прощальные слова паломника: «Чтобы ты нашел Голос, который ищешь». Настоящий Голос — Vox — с большой буквы, похожей на крылья снижающегося голубя, в три цвета на золотом фоне — как в «Vere dignum»* и в «Vidi agnam»** в начале страницы Службника. V, он видел это совершенно ясно, как в «Vocatio»***.

Он взглянул украдкой еще раз, дабы убедиться, что не ошибся, а потом выдохнул: «Beate Leibowitz, ora pro me... Sancte Leibowitz, andi me...»**** — эта последняя фраза была довольно смелой, поскольку основатель Ордена еще не был канонизирован.

Забыв о предупреждении аббата, он быстро встал и взглянул сквозь дрожащий на солнце воздух на юг, куда направился старый странник в набедренной повязке из конопляного полотна. Но паломник давно уже исчез. Наверняка то был Ангел Господень, если не сам блаженный Лейбович, ибо разве не открыл он тайны этого чудесного сокровища, указав камень, который следовало передвинуть, произнеся напоследок пророческие слова?

Брат Френсис стоял, трясаясь от праведного страха, пока солнце не покрыло краснотой вершины гор и вечер стал грозить поглотить его мраком. Наконец он вздрогнул и вспомнил о волках. Необыкновенный дар не усмирил бы диких зверей, поэтому молодой монах поспешил закончить строительство укрытия, прежде чем тьма окутает землю. Когда на небе вспыхнули звезды, монах развел огонь и приготовил свой обычный ужин из небольших красных плодов кактуса — единственное разрешенное пропитание, за исключением горсти жареной кукурузы, которую приносил каждую субботу священник. Случалось ему жадно поглядывать на ящериц, бегавших среди камней, а по ночам мучили кошмары обжоры.

Но в тот вечер голод донимал его меньше, чем желание бежать обратно в аббатство и рассказать остальным братьям о чудесной встрече. Разумеется, это было невозможно. Пришел Зов или нет, он должен остаться здесь до конца поста и вести себя так, словно не случилось ничего необычного.

Сидя у костра, он погрузился в мечты. НА ЭТОМ МЕСТЕ ВОЗВЕ-

* Истинно достойный.

** Вижу воду.

*** Призываю.

**** Блаженный Лейбович, молись за меня... Святой Лейбович, услышь меня.

ДУТ СОБОР. Он даже видел его, вздымающийся из руин древнего поселения, его великолепные башни, видимые в пустыне с расстояния во много миль...

Однако соборы предназначены для крупных скоплений народа, а в пустыне жили только разрозненные племена охотников и монахи аббатства Лейбовича. Тогда он ограничил свои мечты часовней, привлекающей множество паломников в набедренных повязках... Наконец задремал, а когда проснулся, светились только угли костра. Ему показалось, будто что-то не так. Один ли он? Брат Френсис заморгал, напрягая глаза.

Из-за кучки красноватых углей на него смотрел большой темно-серый волк. Монах ойкнул и бросился к убежищу.

Это восклицание, решил он, дрожа от страха в каменной норе, не было серьезным нарушением обета молчания. Прижимая к груди металлическую коробку, брат Френсис молился, чтобы дни поста скорее кончились, а снаружи доносилась тихая поступь мягких лап.

Каждую ночь волки кружили вокруг лагеря брата Френсиса, наполняя мрак своим воем. Дни превратились в дьявольскую пытку жарой и палящими лучами солнца. Молодой монах проводил их в молитвах и сборе дров, стараясь сдерживать свое нетерпение в ожидании конца поста и пустынного бдения.

Но когда наконец пришел тот день, брат Френсис был слишком голоден, чтобы радоваться. Он медленно упаковал свою суму, надвинул капюшон для защиты от солнца и взял под мышку бесценную коробку. Похудевший на пятнадцать килограммов и значительно слабее, чем в среду первого дня великого поста, он с трудом преодолел шесть миль, отделявших его от аббатства, и, до предела истощенный, рухнул перед воротами. Братья, которые внесли его вовнутрь, вымыли, побрили и умастили его иссохшее тело, донесли, что брат Френсис непрерывно бредит о видении в набедренной повязке из конопляного полотна, обращаясь к нему то как к ангелу, а то как к святому; часто поминает имя Лейбовича и благодарит его за обнаружение святых реликвий и гоночных купонов.

Известия об этом дошли до братии, а вскоре и до ушей аббата, глаза которого немедленно превратились в щелки, а мышцы лица затвердели, как камень.

— Привести его сюда! — рявкнул сей почтенный муж таким тоном, что присутствовавший при сем хронострел помчался стрелой.

Аббат ходил по келье, кипя от гнева. Не потому, что был против чудес как таковых, если они были надлежаще изучены, удостоверены и утверждены, поскольку чудеса создавали основу, на которую опиралась его вера. Но в прошедшем году он имел дело с братом Нойеном и его чудесной петлей, годом раньше — с братом Смирновым, таинст-

венным способом излечившимся от подагры после того, как коснулся предполагаемой реликвии Лейбовича, а три года назад... Уф-ф! Эти случаи становились слишком частыми и слишком возмутительными, чтобы терпеть их и дальше. Со времени причисления Лейбовича к лику блаженных эти молодые глупцы шныряли вокруг в поисках обломков чудесных реликвий, подобно стае добродушных собак, скребущихся в двери рая, моля об обедах.

Это было вполне понятно, но совершенно невыносимо. Каждый орден жаждет канонизации своего основателя и радуется даже малейшим фактам, служащим этому делу. Но паства аббата слишком обнаглела, и их жажда чудес превращала альбертианский орден Лейбовича в посмешище в Новом Ватикане. Потому аббат решил, что каждый новый вестник чудес испытает на себе их следствия либо в виде кары за импульсивное и бесстыдное легкоеверие, либо в виде покаяния за дар милости в случае последующей верификации*.

До того как молодой послушник постучал в дверь его кельи, аббат успел привести себя в состояние кроважадного ожидания, скрываемого под маской равнодушия.

— Входи, сын мой, — прошептал он.

— Ты посылал... — Послушник счастливо улыбнулся, увидев на столе аббата знакомую металлическую коробку, — за мной, отец Жуан?

— Да... — Аббат заколебался, потом язвительно добавил: — А может, ты хотел, чтобы с тех пор, как ты прославился, я приходил к тебе?

— О нет, отче! — Брат Френсис покраснел и громко сглотнул слюну.

— Тебе семнадцать лет, и ты законченный идиот.

— Конечно, ты прав, отче.

— Чем ты докажешь свое скандальное утверждение, что готов принять монашеские обеты?

— Я не могу дать никакого доказательства, мой учитель и наставник. Моя грешная гордыня непростительна.

— Уверенность в том, что она велика настолько, что даже непростительна, есть еще большая гордыня! — рявкнул в ответ аббат.

— Да, отче. Воистину я всего лишь ничтожный червь.

Аббат холодно усмехнулся и вернулся к позе настороженного спокойствия.

— И ты готов отречься от бредовых слов об ангеле, который прибыл, дабы показать тебе... — презрительным жестом он указал на металлическую коробку, — ...эту грудку мусора?

Брат Френсис проглотил слюну и закрыл глаза.

— Я... боюсь, что не смогу от этого отречься, мой господин.

* Установление достоверности.

— Что?

— Я не могу отречься от того, что видел, отче.

— Ты знаешь, что ждет тебя сейчас?

— Да, отче.

— Тогда приготовься.

Послушник вздохнул, подобрал рясу до пояса и наклонился над столом. Почтенный аббат вынул из стола толстую линейку из дерева ореншника и отсчитал ему десять звучных ударов по голым ягодицам. После каждого удара послушник добросовестно отвечал «Deo Gratias!»*, благодаря за урок добродетели смирения.

— А т е п е р ь ты возьмешь свои слова обратно? — спросил аббат.

— Не могу, отче.

Аббат повернулся к послушнику спиной и некоторое время молчал.

— Ну, хорошо, — коротко бросил он. — Иди. Но не надейся, что вместе с другими примешь обеты этой весной.

Брат Френсис, рыдая, вернулся в свою келью. Другие послушники вольются в ряды братьев Ордена Лейбовича, тогда как ему придется ждать следующего года — и провести еще один пост среди волков в пустыне, в ожидании зова, который, как он считал, был ему же явно послан.

Спустя несколько недель молодой монах нашел все же некоторое утешение в том, что брат Жуан не всерьез назвал его находку «грудой мусора». Новые археологические находки вызвали большой интерес среди братьев, которые потратили много времени, чистя инструменты и классифицируя их, приводя документы в нормальный вид и пытаясь понять их значение. Среди послушников прошел даже слух, что брат Френсис нашел настоящие реликвии благословенного Лейбовича — особенно в виде схемы, носящей надпись OP COBBLESTONE, REQ LEIBOWITZ S HARDIN, с несколькими коричневыми каплями, которые могли быть его кровью или же — как заметил аббат — следами от яблочного огрызка. Но сам документ носил дату Лета Господнего 1956 и, значит, принадлежал временам, в которые жил сей почтенный муж, фигуру которого скрывали столько легенд и мифов, что, кроме нескольких фактов, не было известно ничего конкретного.

Рассказывали, что Бог, желая испытать людей, приказал мудрецам той эпохи, и среди них блаженному Лейбовичу, усовершенствовать дьявольское оружие и отдать его в руки тогдашних фараонов. С помощью этого оружия человек за несколько недель уничтожил свою цивилизацию и стер с поверхности Земли большую часть населения мира. После Огненного Потопа пришли эпидемии, безумие и кровавое начало Века Упрощения, когда оставшиеся в живых люди разорвали на куски политиков, техников и ученых и сожгли все архивы, где

* Хвала Господу.

могла содержаться информация, с помощью которой можно было бы снова поставить мир на грань катастрофы. Ничто не вызывало такой ненависти, как записи и образованные люди. Именно в то время слово «простак» приобрело значение «почтенный гражданин», определявшийся некогда как «серый человек».

Дабы избежать справедливого гнева оставшихся в живых простаков, многие ученые и образованные люди скрывались в единственном святилище, пытавшемся обеспечить им защиту. Святая Церковь приняла их, одела в монашеские рясы и попыталась спрятать от Молоха. Порой это убежище было безопасным, но чаще случалось иначе. Люди нападали на монастыри, жгли архивы и святые книги, хватали и вешали беженцев. Лейбович бежал к цистерцианцам, принял обеты, стал священником и спустя двенадцать лет получил от Апостольской Столицы разрешение основать новый орден под названием «альбертины», от св. Альберта, учителя Фомы Аквинского и покровителя ученых. Новый орден должен был заниматься сохранением любого знания, как светского, так и религиозного, а братья — заучивать на память книги, которые удастся доставить для них со всех концов света. В конце концов Лейбович был опознан простаками как бывший ученый и принял мученическую смерть через повешение, однако основанный им орден сохранился и, когда вновь стало можно безопасно владеть написанными документами, много книг восстановили по памяти. Правда, первенство отдали священным книгам, истории, гуманитарным и общественным наукам, поскольку объем памяти запоминавших был ограничен и лишь немногие братья имели образование, необходимое для понимания точных наук. От огромной сокровищницы человеческого знания осталось только жалкое собрание рукописных книг.

Сейчас, по прошествии шести веков мрака, монахи Ордена Лейбовича по-прежнему хранили эти книги, изучали, переписывали их и ждали. Для них не имел значения факт, что знание, сохраненное от гибели, никому не нужно, а порой даже и непонятно. Знание хранилось в книгах, спасение его было их обязанностью, и они сохраняют его, даже если тьма в мире продлится десять тысяч лет.

Брат Френсис Джерард из Юты вернулся в следующем году в пустыню и снова постился в одиночестве. Еще раз, ослабевший и истощавший, предстал он перед аббатом, желавшим знать, продолжает ли упрямый послушник утверждать, что говорит с причастными Небесных Сонмов, или же готов отречься от своего прошлогоднего рассказа.

— Ничего не поделаешь, учитель, я видел, — повторил юноша. И снова аббат выпорол его во имя Христа, и вновь отложил его посвящение. Однако таинственный документ после изготовления копии был отослан в семинарию для изучения. Брат Френсис остался послушником и по-прежнему мечтал о часовне, которая однажды встанет на месте его находки.

— Упрямый молокосос! — злился аббат. — Почему никто больше не видел этого глупого паломника, ежели сей неопрятный человек направлялся в аббатство? Еще одна мальчишеская выходка, чтобы Адвокат Дьявола мог кричать об обмане. Подумать только, набедренная повязка из конопляного полотна!

Однако это конопляное полотно беспокоило аббата, поскольку легенда утверждала, будто Лейбовича повесили в конопляном мешке на голове вместо капюшона.

Брат Френсис провел в послушниках семь лет, перенес семь го-стов в пустыне и стал весьма искусен в подражании голосам волков. Ради развлечения братии он подзывал волчью стаю к аббатству, вой со стен после наступления темноты. Днем он прислуживал на кухне, чистил каменные полы и продолжал изучение древностей.

Однажды прибыл верхом на осле посланец из семинарии, неся радостные вести.

— Известно уже, — сообщил он, — что документы, найденные здесь, подлинные, если говорить о времени их возникновения, а схема каким-то образом связана с работами вашего основателя. Сейчас ее отправили в Новый Ватикан для дальнейшего изучения.

— Значит, возможно, то подлинная реликвия Лейбовича?

Но посланник не хотел заходить так далеко, поэтому лишь много-значительно поднял брови.

— Говорят, Лейбович был вдов в дни, когда принял монашеские обеты. Если бы удалось установить имя его умершей жены...

Аббат вспомнил записку из металлической коробки относительно продуктов для какой-то женщины и тоже лишь поднял брови.

Вскоре после этого он вызвал к себе брата Френсиса.

— Мальчик мой, — сияя, сказал он. — Думаю, пришло и для тебя время принять монашеские обеты. Хочу также похвалить тебя за терпение и выдержку. Не будем больше разговаривать о твоей... гмм... встрече с тем... гмм... странником в пустыне. Ты хороший простак. Если хочешь, можешь встать на колени, чтобы получить мое благословение.

Брат Френсис вздохнул и пал на землю без чувств. Аббат благословил его и привел в себя, после чего позволил принять торжественную клятву Альбертинских Братьев Лейбовича, в которой молодой человек обещал жить в нужде, чистоте, послушании и блюсти устав ордена.

Вскоре его определили учеником в скрипторий, к старому монаху по имени Хорнер, где он несомненно провел бы остаток жизни, украшая страницы алгебраических текстов узорами из листьев оливы и смеющихся ангелочков.

— В твоём распоряжении пять часов в неделю, — прокаркал его

престарелый наставник, — которые можешь, если захочешь, посвятить реализации своего утвержденного проекта. Если же нет, употребишь это время на переписывание «Summa Theologica» и существующих фрагментарных копий «Британской Энциклопедии».

Молодой монах поразмыслил над словами начальника, а потом спросил:

— А могу я посвятить это время выполнению копии схемы Лейбовича? Брат Хорнер с сомнением нахмурился.

— Не знаю, сын мой, наш почтенный аббат излишне болезненно реагирует на это. Боюсь, что...

Брат Френсис принялся горячо просить его.

— Ну, хорошо, — неохотно сказал старец. — Полагаю, то будет довольно кратковременное занятие, а потому — разрешаю его.

Молодой монах выбрал самую красивую шкурку ягненка из тех, что нашел, и много недель сушил ее, растягивал и разглаживал камнем, чтобы получить идеально гладкую, снежно-белую поверхность. Еще больше времени потратил он на изучение в мельчайших деталях копии драгоценного документа, так что знал каждую самую тонкую линию и знак в сложной сети геометрических обозначений и таинственных символов. Он сидел над нею до тех пор, пока не стал с закрытыми глазами видеть всю эту путаницу. Дополнительные недели провел он в монастырской библиотеке в поисках какой-либо информации, могущей помочь хоть немного понять рисунок.

Брат Джерис, молодой монах, работавший вместе с Френсисом в скриптории и часто смеявшийся над чудесной встречей в пустыне, заглянул ему через плечо и спросил, шуря глаза:

— Скажи мне, пожалуйста, что значит «Транзисторный Регулятор для Узла Шесть-В»?

— Безусловно, это название вещи, изображенной на рисунке, — ответил слегка раздраженный Френсис, поскольку Джерис просто прочел вслух название документа.

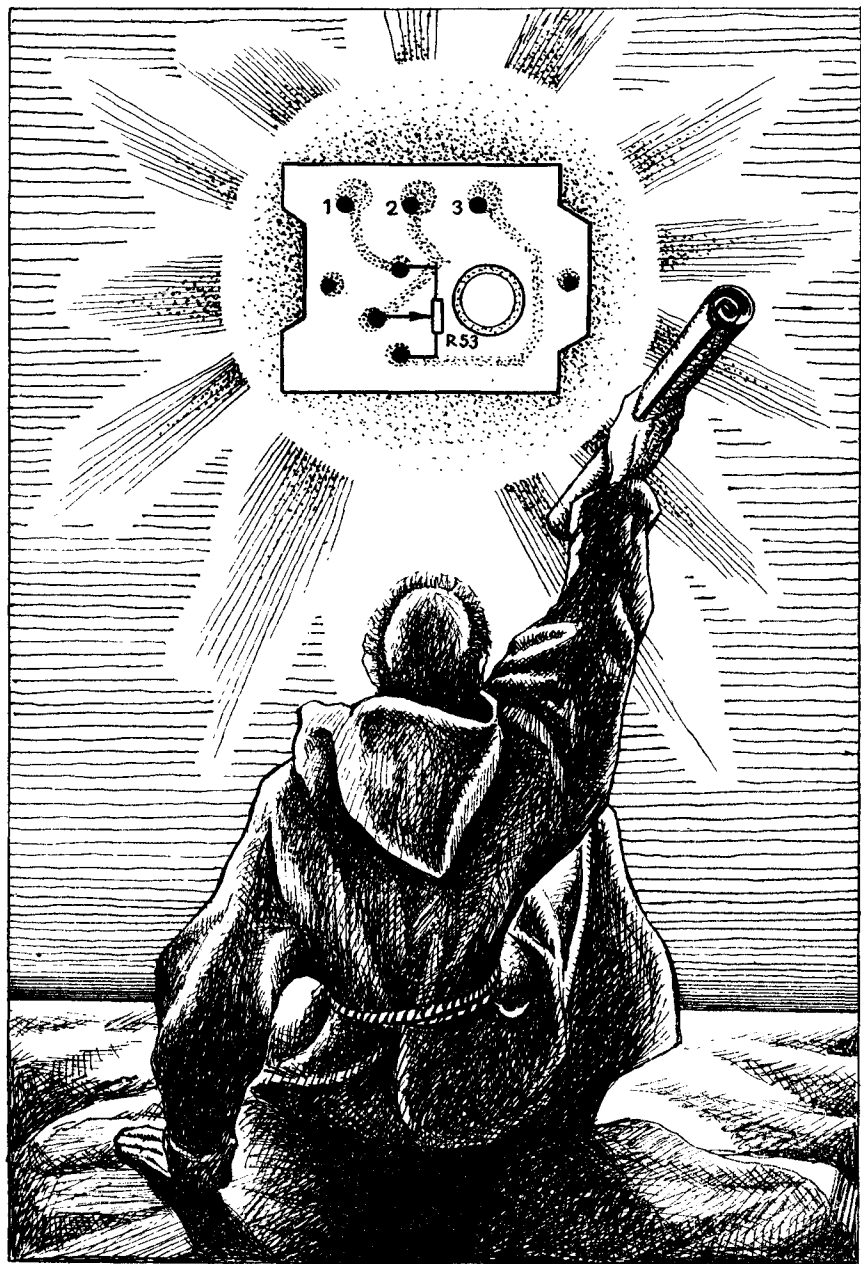
— Наверняка, — согласился с ним Джерис. — Но что за вещь представляет этот рисунок?

— Несомненно, транзисторный регулятор для узла шесть-В. — Джерис язвительно рассмеялся, а брат Френсис покраснел.

— Я полагаю, — сказал он, — рисунок представляет скорее абстрактное понятие, нежели конкретный предмет. Это явно не распознаваемый образ какого-нибудь предмета, разве что настолько стилизованный, что обнаружение этого требует специального образования. По-моему, «Транзисторный Регулятор» является какой-то абстракцией высшего порядка с трансцендентными свойствами.

— До какой же области знаний она касается? — спросил Джерис с лицемерной улыбкой на лице.

— Ну... — Брат Френсис помолчал, потом продолжал: — Посколь-

ку Блаженный Лейбович перед посвящением был по профессии электронщиком, думаю, это понятие относится к забытому искусству, называвшемуся электроникой.

— Так поведено. Но что было предметом этого искусства, брат?

— Это тоже поведено. Предметом электроники был Электрон, который некий, сохранившийся во фрагментах, источник называет «Отрицательным Разворотом Ничто».

— Твоя прозорливость произвела на меня большое впечатление, — заметил Джерис. — А может, ты скажешь мне, как можно отрицать ничто?

Брат Френсис слегка покраснел и принялся горячечно искать ответ.

— Я полагаю, отрицание «ничто» должно в результате дать нечто, — продолжал Джерис. — Следовательно, Электрон должен быть разворотом «нечто». Разве что отрицание касается самого «разворота», и тогда это означало бы «раскручивание ничто», разве не так? — Он захохотал. — Мудры были древние! Полагаю, Френсис, скоро ты научишься раскручивать ничто, и тогда Электрон окажется среди нас. Где мы тогда его поместим? Может, на алтаре?

— Этого я сказать не могу, — холодно ответил Френсис. — Однако верю, что некогда Электрон существовал, даже если не знаю, как он был сконструирован и для чего служил.

Иконоборец язвительно расхохотался и вернулся к своей работе. Этот инцидент огорчил Френсиса, но не поколебал в нем веры в реализацию проекта.

Вскоре, исчерпав скромные запасы информации монастырской библиотеки, касающейся забытого искусства основателя Ордена Альбертинцев, молодой монах начал подготовку предварительных эскизов узоров, которые собирался использовать для своей копии. Сама схема, поскольку ее содержание оставалось непонятным, должна быть скопирована с идеальной точностью и нансена угольно-черными линиями. Однако буквы и цифры брат Френсис собирался написать шрифтом более декоративным и цветным, а не просто черными буквами, употреблявшимися древними. А текст, содержащийся в квадратной таблице, озаглавленной ДЕТАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ, будет размещен приятным для глаза манером вдоль краев документа на свитках и щитах, поддерживаемых голубыми и ангелами. Черные линии рисунка станут менее строгими и суровыми, если он изобразит геометрический орнамент в виде беседки, а кроме того, украсит рисунок зелеными побегами винограда, золотыми плодами, птицами, а может, и коварным змием. На самом верху листа разместится образ Святой Троицы, а внизу — герб Ордена Альбертинцев. Таким вот образом Транзисторный Регулятор Блаженного Лейбовича будет прославлен и сделан привлекательным как для глаза, так и для разума.

Когда Френсис закончил предварительный эскиз копии, он робко представил его брату Хорнеру для дальнейших указаний или одобрения.

— Я вижу, — сказал старец с ноткой сожаления в голосе, — что твой проект займет значительно больше времени, чем я ожидал. Но... все же работай над ним и дальше. Этот узор прекрасен, действительно прекрасен.

— Спасибо тебе, брат.

Старик нагнулся ниже и многозначительно подмигнул.

— Я слышал, что ускорен процесс канонизации Блаженного Лейбовича, так что, возможно, наш почтенный аббат менее чем прежде обеспокоен... ну, ты знаешь чем.

Разумеется, все братья с радостью приняли это счастливое известие. Правда, Лейбовича причислили к лику Блаженных уже очень давно, но совершение последнего шага — провозглашение его святым — могло тянуться еще много лет, даже если сам процесс был в разгаре. Имелась также возможность, что Адвокат Дьявола сумеет найти доказательство, которое вообще сделает канонизацию невозможной.

Спустя много месяцев после того, как замыслил реализацию проекта, брат Френсис начал, наконец, работу на подготовленной им шкурке. Сложность рисунка, исключительная тонкость процесса наложения позолоты, изображение тонких, как волос, деталей схемы требовали нескольких лет напряженной работы; а когда Френсиса стали подводить глаза, проходили порой целые недели, прежде чем он решался даже притронуться к рисунку из опасения совершить хотя бы малейшую ошибку. Но постепенно, с трудом, древний рисунок становился необычайно красивым. Братия аббатства Лейбовича собиравшись, чтобы следить за работой Френсиса, вполголоса обмениваясь замечаниями, а некоторые даже говорили, что само вдохновение на создание такой красоты свидетельствует об истинности его встречи с паломником, который мог быть Блаженным Лейбовичем.

— Не понимаю, почему ты не используешь свое время для работы над каким-нибудь п о л е з н ы м делом? — звучал, однако, комментарий брата Джериса. Сей скептически настроенный монах посвящал свое время изготовлению и украшению абажуров из овечьих шкур под масляные лампы в часовне аббатства.

Брат Хорнер, старый мастер-копиист, заболел, и через несколько недель стало ясно, что любимый всеми монах лежит на смертном одре. Среди всеобщей печали и траура аббат назначил руководителем скриптория брата Джериса.

Панихида по брату Хорнеру прошла в начале рождественского поста, а затем бранные останки праведника предали его родной земле. На следующий день брат Джерис сообщил Френсису, что пора уже перестать заниматься детскими шалостями и заняться делом, достойным мужчины. Френсис послушно обернул ценный рисунок перга-

ментом, положил на полку, придавив толстой доской, и взялся за изготовление абажуров из овечьих шкур. Он не возразил даже словом, удовлетворившись мыслью, что однажды душа брата Джериса последует за братом Хорнером, дабы начать жизнь, для которой работа в скриптории была лишь первым этапом, и тогда, если будет на то воля Бога, он, Френсис, закончит свой любимый документ.

Однако Провидение взяло дело в свои руки несколько раньше. Следующим летом в аббатство прибыл некий монсеньор в сопровождении нескольких семинаристов и вооруженной свиты, верхом на осле. Он заявил, что прибыл из Нового Ватикана как адвокат Лейбовича на процессе канонизации, дабы изучить на месте все доступные доказательства, способные возыметь значение для дела, включая и так называемое явление благословенного патрона Ордена брату Френсису Джерарду из Юты.

Монсеньора приняли очень тепло, разместили в комнатах, предназначенных для прибывающих сановников Церкви, а для услуг выделили шестерых монахов, исполнявших каждое желание гостя. Открыли бочки с лучшим вином, охотники ловили силками толстых перепелов, а каждый вечер адвоката Лейбовича развлекали скрипачи и труппа шутов, хотя гость требовал, чтобы жизнь аббатства шла своим чередом.

На третий день после приезда сановника аббат послал за братом Френсисом.

— Монсеньор де Симон желает тебя видеть, — сказал он. — Если ты дашь волю воображению, парень, мы сделаем из твоих кишков струны для скрипок, тело бросим на съедение волкам, а кости похороним в неосвященной земле. А сейчас иди и предстань пред обличьем почтенного человека.

Брату Френсису не требовались такие предупреждения. С тех пор как пришел в себя после горячечного бреда — результата первого его пустынного бдения, он никогда не вспоминал о встрече с незнакомцем, разве что вопрос задавали прямо; не позволял он себе и догадок касательно его личности. Интерес высших церковных властей к таинственному паломнику слегка испугал его, поэтому он несмело постучал в двери монсеньора.

Однако опасения оказались беспочвенными. Монсеньор де Симон был мягким, тактичным сановником, глубоко интересующимся жизненным путем молодого монаха.

— А сейчас расскажи мне о встрече с присноблаженным основателем нашего Ордена, — попросил он после нескольких минут разговора.

— Я никогда не утверждал, что он был нашим Блаженным Лейбо...

— Конечно, нет, сын мой. У меня с собой рассказ об этом, полученный из иных источников, и я хочу, чтобы ты его прочел и либо подтвердил, либо уточнил. — Он сделал паузу, чтобы вынуть из до-

рожного ларца свиток, который затем подал Френсису. — Разумеется, мои информаторы знают историю понаслышке, — добавил он, — и лишь ты располагаешь сведениями из первых рук, поэтому хочу, чтобы ты уточнил ее очень добросовестно.

— Разумеется. То, что случилось, в сущности было очень просто, отче.

Однако уже сама толщина свитка говорила о том, что рассказ, основанный на слухах, не так прост. Брат Френсис читал его с растущим страхом, который вскоре сменился подлинным ужасом.

— Ты побледнел, сын мой, — сказал почтенный священник. — Что-то случилось?

— Это... это... все было совсем не так! — проблеял брат Френсис. — Он сказал мне всего несколько слов. Я видел его всего раз. Он только спросил дорогу к аббатству и постучал по камню, под которым я нашел реликвию.

— И не было небесных хоров?

— О, нет!

— И неправда, что он имел ореол и что ковер из роз покрыл дорогу, которой он удалился?

— Бог свидетель, не было ничего подобного!

— Ну что же, — вздохнул адвокат. — Рассказы путешественников всегда полны преувеличений.

Он выглядел огорченным, поэтому Френсис поспешил извиниться, но священник уже сменил тему, словно та не имела решающего значения для дела.

— Есть иные чудеса, старательно задокументированные, — объяснил он. — Во всяком случае у меня хорошая новость о записках, которые ты нашел. Мы узнали имя жены, умершей до того, как основатель нашего Ордена принял обет.

— Да?

— Да. Ее звали Эмилия.

Несмотря на разочарование, вызванное рассказом брата Френсиса о встрече с паломником, монсеньор де Симон провел пять дней на месте находки. Его сопровождала толпа полных энтузиазма послушников аббатства, вооруженных кирками и лопатами. После обширных раскопок адвокат вернулся с небольшим количеством артефактов и одной вздутой жестяной банкой, содержащей высушенную массу, которая некогда могла быть квашеной капустой.

Перед отъездом монсеньор посетил скрипторий и пожелал увидеть сделанную Френсисом копию знаменитой схемы. Молодой монах уверял, что она не стоит внимания такого человека, но показал ее поспешно и руки у него тряслись от возбуждения.

— О, Боже! — воскликнул монсеньор. — Закончи это, брат, закончи!

Френсис с улыбкой взглянул на брата Джериса, а тот быстро от-

вернулся, и затылок его подозрительно покраснел. На следующее утро Френсис вновь взялся за работу над украшением копии, используя для этого золотую фольгу, гусиные перья, кисти и краски.

А потом прибыл верхом на осле другой кортеж из Нового Ватикана, с полным набором семинаристов и вооруженных стражников для защиты от разбойников. Во главе их стоял монсеньор с небольшими рогами и торчащими клыками (по крайней мере так уверяли потом несколько послушников), который представился как Адвокат Дьявола, противник канонизации Лейбовича, и заявил, что приехал провести следствие — а может, и определить степень ответственности — по делу о невероятных и истерических слухах, дошедших даже до высших сановников Нового Ватикана. Он ясно дал понять, что не потерпит никакого романтического вздора.

Аббат встретил его вежливо и предложил железную койку в келье с окном, выходящим на юг, извинившись при этом, что гостевых комнат недавно коснулся бич оспы. Монсеньора обслуживала собственная свита, а ел он кашу с травами в трапезной вместе с монахами аббатства.

— Если не ошибаюсь, тебе часто случается падать в обморок, — сказал он брату Френсису, когда пришел этот страшный час. — Сколько членов твоей семьи страдало эпилепсией или безумием?

— Ни одного, экселенц.

— Никакой я не «экселенц»! — рявкнул сановник. — А сейчас мы выжмем из тебя всю правду. — Тон его голоса предполагал, что это будет простая и легкая хирургическая операция, которую уже давно следовало провести.

— Ты слышал, что документы можно искусственно состарить?

Брат Френсис о таком никогда не слышал.

— Ты знаешь, что жену Лейбовича звали Эмилия, а Эмма не является уменьшением от Эмилии?

Этого Френсис не знал, но вспомнил из времен своего детства, что родители его не придавали особого значения тому, как обращаться друг к другу.

— И если присноблаженный Лейбович предпочитал называть ее Эммой, я уверен...

Монсеньор разгневался и атаковал Френсиса оружием семантики, а когда наконец оставил одного, ошеломленный монах терялся в догадках, видел он когда-нибудь какого-то паломника или нет.

Перед отъездом и этот адвокат пожелал увидеть украшенную копию схемы, но на сей раз руки брата Френсиса дрожали от страха, поскольку мог последовать приказ прекратить дальнейшую работу над любимым проектом. Однако монсеньор только постоял, глядя на документ, с некоторым трудом проглотил слюну и с усилием кивнул.

— У тебя богатое воображение, — признал он, — но все мы уже давно это знаем, не так ли?

Рога монсеньора тут же укоротились на целый дюйм, и в тот же вечер он уехал в Новый Ватикан.

Спокойно уплывали года, покрывая морщинами лица молодых когда-то братьев и серебра их виски. Извечная работа в монастыре продолжалась непрерывно, снабжая внешний мир тонкой струйкой многократно копируемых и заново переписываемых манускриптов. Брат Джерис предложил устроить типографию, но когда аббат спросил его о причинах, нашел лишь один ответ: «Чтобы увеличить объемы выпуска».

— Вот как? И что ты будешь делать со всей этой бумагой в мире, который вполне устраивает общая неграмотность? Продавать селянам на растопку?

Разочарованный брат Джерис только пожал плечами, и скрипторий остался при чернильнице и гусином пере.

Но вот однажды весной, незадолго до Великого Поста, прибыл посланец с радостным известием. Процесс канонизации Лейбовича закончился. Вскоре соберется коллегия кардиналов, и основатель Ордена Альбертинцев будет вписан в святцы. Пока все радовались этой новости, аббат — уже ссохшийся и впавший в детство — вызвал пред очи свои брата Френсиса и прохрипел:

— Его Святейшество требует твоего присутствия во время канонизации Исаака Эдварда Лейбовича. Собирайся в дорогу. — Потом ворчливо добавил: — И не грохнись тут в обморок.

Путешествие до Нового Ватикана должно было занять не менее трех месяцев, а может, и больше, поскольку продолжительность его зависела от того, как далеко сумеет забраться брат Френсис, прежде чем банда разбойчиков, встречи с которой ему все равно не избежать, лишит его осла. Френсис отправился в одиночку и без оружия. С собой он взял только нищенскую плошку и украшенную копию схемы Лейбовича, молясь, чтобы ее у него не отняли. Однако в качестве средства предосторожности он наложил черную повязку на правый глаз, поскольку даже упоминание о наведении чар могло обратить в бегство шайку суеверных селян. Так вооруженный и экипированный, двинулся он в путь, послушный вызову первосвященника.

Спустя два с лишним месяца он встретил своего разбойника на горной дороге, извивавшейся среди деревьев и удаленной от каких-либо селений. То был невысокий мужчина, сильный как бык, с блестящей лысиной и челюстью, подобной гранитной плите. Он стоял посреди дороги, широко расставив ноги и скрестив на груди мощные лапы, и разглядывал небольшую фигурку на осле. Разбойник был вроде бы один, вооруженный только ножом, которого даже не вынул из-за пояса. Его появление несколько разочаровало брата Френсиса, поскольку втайне он мечтал о новой встрече с паломником.

— Слазь, — сказал разбойник.

Осел остановился. Брат Френсис сдвинул с головы капюшон, чтобы показать повязку на глазу, и коснулся ее пальцем, а затем стал медленно поднимать, словно желая открыть нечто ужасное. Разбойник откинул голову назад и разразился смехом, который мог бы исходить из глотки самого дьявола. Френсис пробормотал какое-то заклинание, но разбойника это явно не испугало.

— Вы, болтуны в черных мешках, затаскали этот фокус много лет назад, — заявил он. — Слазь.

Френсис улыбнулся, пожал плечами и без слова протеста слез с осла.

— Желаю тебе доброго дня, господин, — весело сказал он. — Можешь взять себе осла. Думаю, пешая прогулка пойдет мне на пользу. — Он улыбнулся и хотел идти дальше.

— Подожди-ка, — остановил его разбойник. — Раздевайся догола. И посмотрим, что у тебя в суме.

Брат Френсис коснулся нищенской миски и беспомощно развел руками, но разбойник снова лишь насмешливо рассмеялся.

— Видел я уже и этот номер с миской, — сказал он. — Последний парень, изображавший нищего, носил в башмаке золото. А теперь снимай тряпки.

Брат Френсис выставил напоказ свои сандалии, после чего принялся раздеваться. Разбойник обыскал его одежду, ничего там не нашел и бросил ему обратно.

— А теперь покажи, что у тебя в суме.

— Это просто документ, господин, — запротестовал монах. — Он ценен лишь для своего владельца.

— Открой.

Френсис молча повиновался. Позолота и цветные украшения ярко засверкали в лучах солнца, продирающихся сквозь густые листья. Разбойник открыл рот и тихо присвистнул.

— Красивая безделушка! Моя женщина наверняка захочет повесить это на стене.

Он продолжал смотреть молча, пока брату Френсису не стало плохо. «Если Ты послал его, чтобы испытать меня, — мысленно молился он, — позволь мне умереть, как пристало мужчине, и пусть он возьмет это с трупа Твоего слуги, раз уж так должно быть».

— Сверни это, — решил наконец разбойник.

— Господин, прошу тебя, — плаксиво заговорил монах, — не забирай у человека плод трудов его жизни. Пятнадцать лет украшал я сей манускрипт и...

— Смотрите-ка! Ты сделал это сам? — Разбойник откинул голову назад и вновь рассмеялся.

Френсис покраснел.

— Не вижу в том ничего смешного, господин...

Задыхаясь от смеха, разбойник ткнул в него пальцем:

— Ты! Пятнадцать лет, чтобы сделать игрушку из бумаги! Так вот чем ты занимаешься. А теперь скажи, зачем? Дай хоть одну осмысленную причину. Пятнадцать лет, ха-ха!

Френсис остоленело смотрел на него, не в силах придумать ответ, который уменьшил бы презрение бандита.

Он осторожно протянул документ. Разбойник взял его двумя руками и сделал движение, словно хотел разорвать пополам.

— И и с у с, М а р и я, И о с и ф! — душераздирающе крикнул монах и рухнул на колени. — Ради господи, пощадите!

Разбойник несколько смягчился и, презрительно фыркнув, швырнул манускрипт на землю.

— Я буду сражаться с тобой за это.

— Все, господин, все, что угодно!

Они приняли боевую стойку. Монах перекрестился, вспомнил, что борьба была некогда священным спортом, и ринулся в бой.

Три секунды спустя он постанывая лежал на земле, придавленный горой мускулов. Острый камень, казалось, рассекал ему спину пополам.

— Хе-хе, — захохотал разбойник и встал, чтобы забрать добычу. Сложив руки, как для молитвы, брат Френсис пополз за ним на коленях, моля изо всех сил.

Бандит обернулся.

— Думаю, ты целовал бы мои башмаки, чтобы это вернуть.

Френсис поравнялся с ним и страстно поцеловал его башмаки.

Это оказалось слишком даже для такого крепкого орешка, каким был разбойник. С проклятием швырнув манускрипт на землю, он забрался на осла монаха. Брат Френсис схватил ценный документ и побежал рядом с бандитом, многословно благодаря его и осыпая благословениями, пока тот удалялся на его осле. Наконец послал последнее благословение исчезающей фигуре и возблагодарил Господа, что существуют такие благородные разбойники.

И все же, когда бандит скрылся среди деревьев, монаху вдруг стало грустно. Пятнадцать лет, чтобы сделать бумажную игрушку... Насмешливый голос продолжал звучать у него в ушах. «Зачем? Дай хоть одну осмысленную причину».

Френсис не привык к бесцеремонности внешнего мира, к его жестоким обычаям и грубому поведению. Язвительные слова разбойника здорово задели его, и он шел дальше, опустив голову. У него даже возникла мысль бросить документ в заросли и оставить на милость погоды, но отец Жуан предложил взять манускрипт в качестве дара, поэтому он не мог явиться с пустыми руками. Успокоившись, он отправился дальше.

Наступил долгожданный час. Торжественная церемония началась как великолепный спектакль звуков, полных достоинства движений и живых цветов, в величественной базилике. И когда Дух был наконец вызван, один из монсеньоров — Френсис заметил, что то был де Симон, адвокат святого, — встал и обратился к святому Петру, чтобы тот молвил устами Льва ХХII, одновременно приказав собравшимся слушать.

Затем папа спокойно объявил, что Исаак Эдвард Лейбович является святым, и церемония закончилась. Этот древний и никому неизвестный техник принадлежал теперь к сонму святых господних, и, когда хор запел, брат Френсис добросовестно помолился своему новому патрону.

Его Святейшество быстро вошел в зал для аудиенций, где ждал его брат Френсис, застигнув врасплох маленького монаха, который на мгновение лишился дара речи. Он торопливо встал на колени, чтобы поцеловать Кольцо Рыбака* и получить папское благословение, а когда встал, понял, что держит за спиной прекрасный документ, словно стыдится его. Папа заметил это движение и улыбнулся.

— Ты принес какой-то дар, сын мой? — спросил он.

Монах нервно проглотил слюну, тупо кивнул и вынул руку из-за спины. Наместник Христа долго с каменным лицом смотрел на рисунок. С каждой уходящей секундой на сердце у брата Френсиса становилось все тяжелее.

— Это — так... — пробормотал он, — жалкий дар. Мне стыдно, что я потерял так много времени на...

Папа, казалось, его не слышал.

— Ты понимаешь значение символики святого Исаака? — спросил он, с интересом разглядывая абстрактный рисунок транзисторной цепи.

Френсис молча покачал головой.

— Что бы это ни значило... — начал папа и замолчал, а потом улыбнулся и сменил тему разговора. Френсису оказали такую честь не потому, что принято какое-то официальное решение по делу паломника. Его пригласили в Новый Ватикан благодаря роли, которую он сыграл в обнаружении очень важных документов и реликвий святого, независимо от того, как они были найдены.

Френсис пробормотал слова благодарности. Папа снова взглянул на разрисованную схему.

— Что бы это ни значило, — тихо повторил он, — эта частица знания, хоть и мертвая, когда-нибудь оживет. — Он улыбнулся онемевшему монаху и многозначительно подмигнул. — И мы будем хранить ее до того самого дня.

Только тут Френсис заметил, что мантия папы изрядно потрепана,

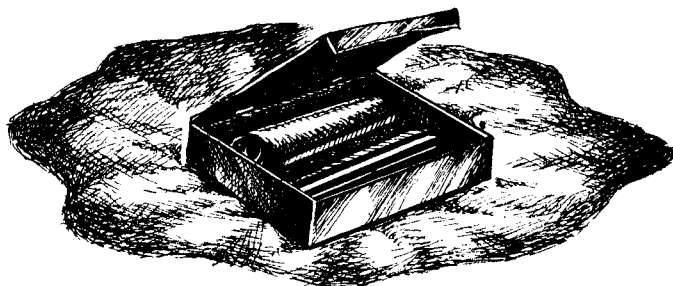
* Т.е. Св. Петра.

в ковре, покрывавшем пол, протерты дыры, а с потолка осыпался гипс.

Однако на полках, тянувшихся вдоль стен, стояли книги. Красивые, разноцветные книги, рассказывающие о непонятных вещах, скопированные людьми, задачей которых было не понимать, а спасать. И книги эти ждали.

— Прощай, сын мой.

И маленький хранитель светильника знаний, шаркая ногами, пошел обратно в свое аббатство. Сердце его пело, когда он подходил к логову разбойника. А если разбойника не окажется на месте, брат Френсис собирался дожидаться его возвращения. На сей раз у него был ответ на его вопрос.

Пол Андерсон

KYRIE

На одной из высоких вершин Лунных Карпат стоит монастырь святой Марты из Бетании. Его стены сложены из местного камня; темные и высокие, как склоны горы, они вздымаются к вечно черному небу. Если вы подойдете туда со стороны Северного Полюса, прижимаясь пониже, чтобы защитное поле Дороги Платона прикрывало вас от метеоритов, то увидите, что венчающий вершину горы крест торчит в противоположную сторону от голубого кружка Земли. Колокольный звон оттуда не слышен — на Луне нет воздуха.

Вы можете услышать его в канонические часы внутри монастыря и в расположенных внизу склепах, где трудятся машины, поддерживающие условия, напоминающие земную среду. Если вы задержитесь там подольше, услышите, как колокола зовут на траурную мессу. Стало уже традицией, что у святой Марты молятся за тех, кто погиб в Космосе. С каждым уходящим годом их становится все больше.

Этим занимаются сестры. Они помогают больным, калекам, бе-

зумным — всем тем, кого Космос раздавил и отбросил. На Луне их полно; одни изгнанники не могут уже выносить земное тяготение, других боятся как разносчиков инфекции с какой-нибудь далекой планеты, третьи оказались здесь потому, что люди слишком заняты передвижением границ своих владений, чтобы тратить время на свои поражения. Сестры носят космические скафандры и аптечки так же часто, как рясы и четки.

Однако им дано время и на созерцание. Ночью, когда блеск Солнца гаснет на две недели, ставни в часовне открываются и звезды смотрят сквозь пластиковый купол на пламя свечей. Они не мигают, а их свет холоден, как лед. Особенно часто приходит сюда одна монахиня, молясь о покое для душ своих близких. Настоятельница всегда старается, чтобы она могла присутствовать на ежегодной мессе, которую заказала перед тем, как принять обеты.

*Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis. Kyrie eleison, Christe eleison, Kyrie eleison.**

В состав экспедиции к Сверхновой Сагиттарии входили пятьдесят человек и пламя. Экспедиция проделала долгий путь с околоземной орбиты, остановившись на Эпсилоне Лиры, чтобы забрать своего последнего участника. После этого она приближалась к цели поэтапно.

Парадокс: время является аспектом пространства, а пространство — времени. Вспышка произошла за несколько сотен лет до того, как на Последней Надежде ее увидели люди, участвовавшие в длящейся целые поколения программе исследования цивилизации существ, совершенно отличных от нас: однажды ночью они посмотрели вверх и увидели свет такой яркий, что предметы отбрасывали тени.

Через пару столетий после этого световая волна достигла бы Земли, но была бы так слаба, что на небе появилась бы просто еще одна светлая точка. Однако за это время корабль, перепрыгивающий пространство, сквозь которое тащится свет, мог бы изучать растянутую во времени смерть большой звезды.

Приборы с определенного расстояния записали происходившее перед взрывом: коллапсирующая огненная масса, когда выгорели остатки ядерного топлива. Один прыжок, и они увидят случившееся столетие назад: судорогу, бурю квантов и нейтронов, излучение, равное тому, которое имеет суммарная масса ста миллиардов солнц этой галактики.

Излучение исчезло, оставив после себя пустоту в пространстве, а «Ворон» подошел ближе. Преодолев пятьдесят световых лет — пятиде-

* Вечный покой даруй им, Господи, и свет вечный да воссияет им. Господи, помилуй, Христе, помилуй, Господи, помилуй.

сят лет! — он изучал сжимающийся шар в центре тумана, сверкавшего как молния.

Спустя еще двадцать пять световых лет главный шар уменьшился еще больше, а туманность расширилась и поугасла. Но теперь расстояние было гораздо меньше, поэтому все казалось крупнее и ярче. Созвездия бледнели в сравнении с ослепительным жаром, на который невозможно было смотреть невооруженным глазом. Телескопы показывали голубовато-белую искру в центре переливающегося всеми цветами радуги облака с неровными краями.

«Ворон» готовился к последнему прыжку в непосредственную близость к Сверхновой.

Капитан Теодор Шили совершал свой последний короткий обход. Корабль мурлыкал вокруг него, мчась с ускорением одно «же», чтобы достигнуть требуемой скорости. Гудели двигатели, чирикали контрольные устройства, шумели вентиляторы. Капитан чувствовал распирающую его силу. Однако вокруг был равнодушный и холодный металл. Сквозь иллюминаторы видны были мириады звезд, призрачная арка Млечного Пути; кроме того, там была пустота, космическое излучение, холод, близкий к абсолютному нулю, и невообразимая отдаленность от ближайшего человеческого очага. Он должен был доставить своих людей туда, где никто еще не бывал, в среду, которой никто не мог сказать ничего определенного, и это его мучило.

Элоизу Ваггонер он застал на посту, в клетушке, соединенной интеркомом прямо с командным мостиком. Его привлекла музыка: каскад триумфирующих и спокойных звуков, которых он не смог определить. Стоя в проходе, он заметил, что на столе перед Элоизой стоит небольшой магнитофон.

— Что это?.. — спросил капитан.

— О! — женщина (он не мог думать о ней как о девушке, хоть еще недавно она была подростком) вздрогнула. — Я... я жду прыжка.

— Ждать нужно в состоянии готовности.

— А что мне делать? — ответила она менее боязливо, чем прежде. — Я не обслуживаю корабль и не являюсь ученым.

— Ты член экипажа, техник специальной связи.

— С Люцифером. А он любит музыку. Говорит, что благодаря ей мы ближе к отождествлению, чем с помощью всего остального, что ему о нас известно.

Шили поднял брови.

— Отождествлению?

Румянец покрыл узкие щеки Элоизы. Глядя в пол, она стиснула руки.

— Может, это неподходящее слово. Мир, гармония, единство... Бог? Я чувствую, что он имеет в виду, но у нас нет подходящего слова.

— Гм-м. Что же, делать счастливым не входит в твои обязанности. — Капитан смотрел на нее, пытаясь подавить вернувшееся отвраще-

ние. Он догадывался, что по-своему она была хорошей девушкой, но ее вид! Костлявая, крупные ноги, большой нос, глаза навывкате и жирные волосы цвета пыли. К тому же телепаты всегда приводили его в смущение: она утверждала, что может читать только мысли Люцифера, но было ли это правдой?

Нет, не думай так. Даже без неверия своим людям одиночество может довести тебя до нервного срыва.

Конечно, если Элоиза Ваггонер действительно человек. Она должна быть по крайней мере мутантом; каждый, кто может общаться с ожившим вихрем, наверняка что-то подобное.

— И что ты играла?

— Баха. Третий Бранденбургский концерт. Ему, то есть Люциферу, не нравятся современные ритмы. Мне тоже.

Разумеется, решил Шили, а вслух сказал:

— Слушай, мы стартуем через полчаса и непонятно, куда попадем. Мы первые, кто окажется так близко от Сверхновой, и уверены лишь в одном: нам не пережить дозы жесткого излучения, если откажут наши защитные поля. Все остальное — лишь теория. А поскольку коллапс звездного ядра нечто единственное в своем роде, я сомневаюсь в верности теории. Мы не можем сидеть и спать наяву. Нужно подготовиться.

— Да, капитан. — Когда она шептала, голос ее терял обычную хрипоту.

Он взгляделся в точку за ней, за обсидиановые глаза счетчиков и контрольных устройств, словно мог пронзить взглядом окружающую сталь и выглянуть в Космос. Туда, где парил Люцифер.

Образ его возник перед глазами капитана: огненный шар диаметром двести метров, сверкающий белым, красным, золотым, голубым; лучи, танцующие, словно волосы Медузы Горгоны, а позади пылающий хвост кометы, длиной в несколько сотен метров, — частица ада. Мысль о том, что двигалось за его кораблем, была не самой малой из его забот.

Капитан судорожно цеплялся за научные объяснения, хоть это и было не лучше домыслов. В обширной звездной системе Эпсилона Ауриги, в заполняющем пространство газе происходили реакции, которые невозможно повторить в лаборатории. Аналогом этого была бы шаровая молния на планете, как простое органическое соединение является аналогом жизни, развившейся из него. В системе Эпсилона Ауриги магнитогидродинамика совершила то, что сделала на Земле химия. Появились стабильные вихри плазмы, которые росли, становились сложнее и спустя миллионы лет обрели форму того, что можно назвать организмом. Это было существо, состоящее из ионов, нуклеонов и силовых полей. Его метаболизм основывался на электронах, нуклеонах и рентгеновском излучении. Оно сохраняло свою форму весь долгий период жизни, размножалось, мыслило.

Но о чем оно мыслило? Немногие телепаты, которые могли общаться с жителями Ауриги и первыми сообщили людям об их присутствии, никогда не объясняли этого четко и понятно. Они сами были достаточно странными.

Поэтому капитан Шили сказал:

— Я хочу, чтобы ты ему это передала.

— Да, капитан. — Элоиза убавила звук. Глаза ее расширились. Через ее уши проплывали слова, а мозг (насколько эффективен был этот преобразователь) передавал их дальше, тому, что летал вокруг «Ворона».

— Внимание, Люцифер. Ты слышал все, что говорилось, но я хочу убедиться, что ты все понял. Твоя психика совершенно отлична от нашей. Почему ты согласился полететь с нами? Я этого не знаю. Техник Ваггонер утверждает, что ты любопытен и ищешь приключений. Это вся правда?

Впрочем, неважно. Мы отправляемся через полчаса и пролетим через район, отстоящий от Сверхновой на пять миллионов километров. Там начнется твое задание. Ты можешь добраться туда, куда мы не решимся, увидеть то, чего мы не можем, рассказать нам больше, чем наши инструментны когда-либо смогут показать. Но сначала мы должны определить, сможем ли вообще выйти на орбиту вокруг звезды. Это касается и тебя тоже: мертвые люди не смогут забрать тебя обратно домой.

Значит, так. Чтобы захватить тебя в гиперполе и не уничтожить при этом, нам придется выключить защитные экраны. Выскочим мы в области смертельного излучения, и ты должен немедленно отодвинуться от корабля, потому что мы включим генератор экрана через шестьдесят секунд после прыжка. Опасности, которых следует ожидать, это... — Шили перечислил их. — Это лишь те, которые мы можем предвидеть. Возможно, мы окажемся в такой ситуации, о которой вообще не думали. Если что-то покажется тебе опасным, возвращайся немедленно, предупреди нас и готовься к обратному прыжку. Ты понял? Повтори!

Слова потекли из губ Элоизы. Она повторила все точно, но — о чем умолчала?

— Очень хорошо. — Шили заколебался. — Если хочешь, передавай свой концерт дальше, но прекрати минут за десять до времени X. С этой минуты объявляется состояние готовности.

— Да, капитан. — Она не смотрела на него. Казалось, она вообще никуда не смотрит.

Его шаги раздались в коридоре и стихли.

— Почему он всегда повторяет одно и то же? — спросил Люцифер.

— Боится, — ответила Элоиза.

— ?

— Ты, наверное, не знаешь страха, — сказала она.

— Ты можешь мне показать?.. Нет, не делай этого. Я чувствую, что это причиняет боль. Не хочу, чтобы тебе было больно.

— Я не могу бояться, пока твои мысли поддерживают меня.

(Ее заполнило тепло. В нем была радость, огоньки, пляшущие над Отцом-ведущим-ее-за-руку-однажды-летним-днем-когда-она-была-ребенком-и-они-пошли-рвать-полевые-цветы; огоньки над силой, мягкостью, Бахом и Богом.) Люцифер описал вокруг корабля широкий круг. Искры танцевали по его следу.

— Думай еще о цветах, прошу тебя.

Она попыталась.

— Они такие (образ настолько отчетливый, насколько это возможно для человеческого мозга, фонтан цветущих лучей, гамма в пространстве света). Но они очень нежные.

— Не пойму, как ты можешь понимать, — прошептала она.

— За меня понимаешь ты. Я не мог любить этих вещей, пока не появилась ты.

— Но у тебя было столько других. Я пытаюсь их почувствовать, но я не создана для того, чтобы понять, что такое звезда.

— А я — понять, что такое планета. Но мы можем касаться.

Щеки ее снова вспыхнули. Мысль покатилась, переплетаясь с маршевой музыкой:

— Потому я и явился, понимаешь? Ради тебя. Я воздух и огонь и не знал холода воды и твердости земли, пока ты мне их не дала. Я блеск луны над океаном.

— Нет, — сказала она. — Пожалуйста, не надо.

Удивление.

— Почему? Разве от радости больно? Ты не привыкла к ней?

— Я... думаю, что да, — она откинула голову назад. — Нет! Черт меня побери, если я начну жалеть себя!

— А почему ты должна себя жалеть? Разве весь мир не для нас? Разве он не полон солнц и песен?

— Да. Для тебя. Научи меня.

— Если ты взамен научишь меня... — мысль прервалась. Остался бессловесный контакт, который — как она предполагала — часто возникает между любовниками.

Она грозно взглянула на шоколадное лицо физика Мотилала Мазундара, стоявшего в дверях.

— Что вы хотите?

Его это удивило.

— Только посмотреть, все ли у вас в порядке, мисс Вагтонер.

Она сжала губы. Он больше, чем кто-либо на корабле, старался быть добрым с ней.

— Простите, — сказала она. — Я ни за что рывкнула на вас. Нервы.

— Мы все дошли до предела прочности, — улыбнулся он. — Это волнующее предприятие, но хорошо бы вернуться домой, верно?

Дом, подумала она. Четыре стены квартиры над шумной городской улицей. Книги и телевизор. Может, на ближайшей научной конференции она прочтет реферат, но потом никто не пригласит ее на прием.

Неужели я так ужасна, задумалась она. Я знаю, что не могу похвастать красотой, но стараюсь быть милой и интересной. Может быть, слишком стараюсь.

— Не со мной, — заметил Люцифер.

— Ты другой, — ответила она.

Мазундар заморгал.

— Что вы сказали?

— Ничего, — торопливо ответила она.

— Я думаю над одним вопросом, — сказал Мазундар, чтобы поддержать разговор. — Предположим, Люцифер подойдет очень близко к Сверхновой. Сможете ли вы по-прежнему поддерживать с ним контакт? Не слишком ли изменит частоту волн его мыслей эффект растяжения времени?

— Какое растяжение времени? — она с усилием улыбнулась. — Я не физик, а скромный библиотекарь, который, как выяснилось, обладает удивительными способностями.

— Вам не сказали? А я думал, что все знают. Сильное гравитационное поле действует на время так же, как огромная скорость. Грубо говоря, все процессы происходят медленнее, чем в обычном пространстве. Поэтому свет массивной звезды несколько краснеет. А масса ядра нашей Сверхновой равна массе трех солнц. Более того, оно достигло такой плотности, что сила тяжести на его поверхности доходит... в общем, невероятно велика. Поэтому по нашим часам ядро будет собираться в сферу Шварцшильда бесконечно долго, но для наблюдателя на поверхности звезды весь процесс занял бы совсем немного времени.

— Сфера Шварцшильда? Не могли бы вы объяснить? — Элоиза не сразу поняла, что вместо нее заговорил Люцифер.

— Если мне это удастся без математики. Понимаете, та масса, которую мы должны изучить, так велика и сконцентрирована, что никакая сила не превосходит гравитации. Ничто не служит противовесом. Таким образом, весь процесс будет продолжаться до тех пор, пока никакая энергия уже не сможет уйти. Тогда звезда исчезнет из вселенной. В действительности, рассуждая теоретически, уплотнение будет продолжаться до нулевого момента. Конечно, как я уже сказал, с нашей точки зрения это будет продолжаться вечно. При этом теория оставляет в стороне вопросы квантовой механики, которые начинают играть роль в заключительной фазе. Эти вопросы еще плохо изучены. Надеюсь, экспедиция расширит наши знания. — Мазундар пожал

плечами. — Во всяком случае, мисс Ваггонер, я задумался, не помещает ли нашему другу связываться с нами неизбежная смена частоты, когда он окажется возле звезды.

— Сомневаюсь. — По-прежнему говорил Люцифер: она была его инструментом и никогда прежде не знала, как хорошо, когда тобой пользуется тот, кто о тебе беспокоится. — Телепатия не волновое явление, она не может быть им, поскольку передача происходит мгновенно. Кроме того, расстояние не ограничено. Процесс имеет скорее характер резонанса. Мы оба, будучи настроены друг на друга, можем общаться через все пространство Космоса, и мне не знакомо такое явление, которое могло бы этому помешать.

— Понимаю, — Мазундар окинул ее долгим взглядом. — Спасибо, — смущенно сказал он. — Гм... я должен возвращаться на свой пост. Удачи. — И он торопливо выскользнул, не дожидаясь ответа.

Элоиза не обратила на это внимания. Ее разум стал подобен факелу и песне.

— Люцифер! — крикнула она. — Это правда?

— Думаю, да. Мы все телепаты, поэтому знаем вопрос лучше вас. Наш опыт позволяет считать, что границ этому нет.

— Ты можешь всегда быть со мной? Будешь?

— Если ты захочешь, мне будет очень приятно.

Ядро кометы промчалось по кривой и затанцевало: огненный мозг тихо засмеялся. — Да, Элоиза, я очень хотел бы остаться с тобой. Как никто и никогда...

Люцифер, мы даже не знали, как верно называли тебя, хотела сказать и, возможно, сказала она. Мы думали, что это шутки, что, давая тебе имя дьявола, уменьшим тебя до безобидных, собственных размеров. Но Люцифер не настоящее имя дьявола. Люцифер значит Несущий Свет. Одна из латинских молитв даже обращается к Христу как к Люциферу. Прости меня, Господи, что я не могу этого забыть. Ты на меня обижен? Он не христианин, но, думаю, это не страшно, думаю, он никогда не согрешил. Люцифер, Люцифер...

Она передавала музыку, как ей было разрешено.

Наконец корабль прыгнул. Одна смена параметров, и он преодолел двадцать пять световых лет, отделявших его от уничтожения.

Каждый испытал это по-своему, кроме Элоизы, которая переживала вместе с Люцифером.

Она почувствовала сотрясение и услышала смертный стон металла, ощутила запах озона и гари и начала бесконечное падение — в невесомость. Ошеломленная, она завозилась у интеркома. Слова вырывались из него с треском:

— ...взорвались... удержать электромагнитное поле... откуда мне

знать, как исправить эту чертову коробку?.. тревога, тревога... — Повсюду выли аварийные сирены.

Ужас нарастал в ней, пока она не нащупала висящего на шее крестика, а также разума Люцифера. Она засмеялась, гордая его мощью.

Он покинул корабль сразу после прибытия и сейчас двигался по той же самой орбите. Повсюду вокруг молния заполняла пространство яркой радугой. Для Люцифера «Ворон» был не металлическим цилиндром, каким видели его люди, а слабым сиянием, защитным экраном, отражающим весь спектр излучений. Дальше находилось ядро Сверхновой, небольшое с такого расстояния, но разогретое и светящееся.

— Не бойся (ласкал он ее). Я все понимаю. Мы выскочили в районе, где плазма особенно густа. Прежде чем вновь включили защитное поле, за тот момент, пока ваш главный генератор не был закрыт, произошло замыкание на корпус. Но вы в безопасности и можете заняться ремонтом. А я... я в оксиде энергии. Никогда я не жил такой полной жизнью. Идем, плыви вместе со мной по этим волнам.

Голос капитана Шили ударил ее в спину.

— Вагонер! Скажи этому ауригецу, чтобы брался за работу. Мы локализовали источник излучения на сходящейся орбите; он может быть слишком силен для наших экранов. — Он сообщил параметры.

— Что это?

Впервые Элоиза почувствовала в голосе Люцифера тревогу. Он заложил вираж и резко пошел в сторону от корабля.

Вскоре его мысли дошли до нее так же отчетливо, как и прежде. Ей не хватало слов, чтобы передать страшное великолепие, увиденное через Люцифера: шар ионизированного газа диаметром миллион километров, сверкающий вспышками электрических разрядов, которые ревели в тумане вокруг открытого ядра звезды. В окружающем пространстве по земным провинциальным стандартам царил вакуум, и потому это нечто не могло издавать звуков, но Элоиза слышала, как оно гремит и яростно плюется.

Люцифер заговорил через нее.

— Масса выброшенной материи. В результате трения и инерции потеряла угловую скорость. Ее затащило на кометную орбиту и держит в связанном виде благодаря внутренним потенциалам. Как будто солнце старается дать жизнь планете.

— Это ударит в нас, прежде чем мы успеем запустить двигатель, — сказал Шили. — Экран не выдержит. Если знаешь какую-нибудь молитву, молись.

— Люцифер! — закричала она, не желая умирать, если он должен уцелеть.

— ... думаю, что смогу изменить ее маршрут, — сказал он с ожесточением, какого прежде она у него не встречала. — Соединить свои поля с полями шара; освободить энергию и зачерпнуть ее; нестабиль-

ная конфигурация; да, пожалуй: я смогу вам помочь. Но и ты помоги мне, Элоиза. Борись вместе со мной.

И его сияние двинулось к чудовищному шару.

Она чувствовала, как хаотический электромагнетизм шара сцепляется с электромагнитными полями Люцифера, чувствовала, как его дергает и швыряет в стороны. Это была ее боль. Он сражался, чтобы удержать свое единство, и это было ее сражение. Газовое облако и аурегеец сплелись в захвате. Формирующие его силы хватали так, словно были руками, энергия хлестала из него, когда он тащил огромную раскаленную массу по течению идущего от солнца магнитного потока. Люцифер глотал атомы и выбрасывал их обратно, пока пламя не разбрызгалось по всему небу.

Она сидела в своей кабине, отдавая ему столько воли к жизни, сколько могла, и до крови разбила кулаки о стол.

Наконец сражение кончилось. Девушка с трудом приняла сообщение изнуренного Люцифера:

— Победа.

— Твоя, — прорыдала она.

— Наша.

Благодаря приборам люди видели, как светящаяся смерть проходит рядом. Настроение поправилось.

— Возвращайся, — молила Элоиза.

— Не могу, я слишком истощен. Мы соединились — облако и я — и скатываемся в сторону звезды. (Словно раненая ладонь протянулась к ней, чтобы поднять ее дух.) Не бойся за меня. Когда мы приблизимся, я зачерпну новых сил от ее жара, новой материи из туманности. Мне понадобится время, чтобы спиральным движением пересилить ее притяжение. Но как может у меня не получиться? Я возвращаюсь к тебе, Элоиза. Жди меня. Отдыхай. Усни.

Товарищи по кораблю отвели ее в амбулаторию. Люцифер слал ей сны об огненных цветах, радости и солнцах, которые были его домом.

Но она все-таки проснулась и закричала. Врачу пришлось дать ей сильное успокаивающее.

Он не понимал до конца, чем будет столкновение с чем-то таким стремительным, с тем, что может закрутить само пространство и время.

Его скорость опасно возрастала, но то происходило по его собственным меркам; с «Ворона» видели, что он падает несколько дней. Менялись свойства материи, и он не мог оттолкнуться достаточно сильно и быстро, чтобы спастись.

Излучение, нагие атомные ядра, возникающие, распадающиеся и снова возникающие частицы пронзали его. Слой за слоем его лишали тела. Перед ним, словно белая горячка, виднелось ядро Сверхновой,

по мере приближения становясь все меньше, все плотнее, такое яркое, что слово «яркость» утратило свое значение. Наконец силы притяжения крепко схватили его.

— Элоиза! — крикнул он в агонии распада. — О, Элоиза, помоги мне!

Звезда поглотила его, растащив до бесконечной длины, а потом сжав в бесконечно малую точку, и вместе с ней он погрузился в небытие.

Корабль находился на безопасном расстоянии: все еще можно было многое узнать.

Капитан Шили навестил Элоизу в амбулатории. К ней возвращались силы — физические.

— Я назвал бы его человеком, — сказал он, перекрывая шум машин, — но этого слишком мало. Мы даже не принадлежали к его виду, а он погиб, чтобы нас спасти.

Она смотрела на него такими сухими глазами, что это казалось невозможным.

— Он и есть человек. Разве у него нет бессмертной души?

— Что же, если верить в существование души, пожалуй, есть.

Она покачала головой.

— Но почему он не может обрести вечный покой?

Капитан осмотрелся в поисках врача и понял, что они одни в тесном, металлическом помещении.

— Что ты имеешь в виду? — Он заставил себя похлопать ее по руке. — Я знаю, что он был твоим хорошим другом, но это была легкая смерть. Быстрая и чистая. Я бы сам не имел ничего против того, чтобы уйти таким образом.

— Для него... да, наверное. Так должно быть. Но... — она не могла говорить дальше. Потом вдруг закрыла руками уши. — Перестань! Пожалуйста, перестань!

Шили сказал что-то успокаивающее и вышел. В коридоре он встретил Мазундара.

— Как она себя чувствует? — спросил физик.

Капитан нахмурился.

— Плохо. Надеюсь, она не сорвется окончательно, пока мы не сможем передать ее психиатру.

— А что, с ней не в порядке?

— Она думает, что слышит его по-прежнему.

Мазундар ударил кулаком по открытой ладони.

— Я надеялся, что этого не произойдет, — прошептал он.

Шили ждал.

— Она слышит, — сказал Мазундар. — Конечно, слышит.

— Но это невозможно! Он мертв!

— Не забывайте о растяжении времени, — ответил Мазундар. — Он упал с неба и погиб быстро — это правда. Но во времени Сверхновой, не таком, как наше. Для нас окончательный звездный коллапс продолжается бесконечно, а расстояние не является преградой для телепатии. — Физик быстро пошел, удаляясь от изолятора. — Он всегда будет с ней.

ВЛАСТЕЛИН ТЫСЯЧИ СОЛНЦ

— Все, что только способен представить себе человек, непременно существует где-нибудь в Галактике, — рассуждал я. — Планет же чертовски огромное количество, а какое фантастическое разнообразие условий на них, какие разнообразные формы жизни, разума и культуры. Мне самому приходилось бывать на планете, где жили огнедышащие драконы, и на планете, где гномы создавали такое, что очаровало бы и гоблинов из старых сказок. Бывал и на планете, где обитает раса колдунов. Они используют телепатический псевдогипноз. Вы знаете, нет, пожалуй, такой даже самой невероятной сказки, которая не имела бы шансов оказаться действительностью где-нибудь на другом конце вселенной.

Лейрд согласился кивком.

— Да-а, — ответ его прозвучал странно мягко и тягуче. — Вот я однажды выпустил джинна из бутылки.

— Интересно. Как же он повел себя?

— А он убил меня.

Я решил засмеяться и уже открыл рот, но, посмотрев на Лейрда, закрыл. Он был абсолютно серьезен. Причем серьезность его не была искусственной, как у актера, играющего комическую роль. Во взгляде его промелькнуло нечто жалкое, тоскливое, и странным образом оно перемешалось с ужасающе холодным сарказмом.

Лейрда я знал плохо. Да его никто не знал хорошо. Большую часть времени он находился в Галактическом Поиске, блуждая среди тысяч жутких планет, на которых даже взгляд человека никогда не останавливался. Он редко навещался в Солнечную систему и находился в ней гораздо меньше, чем кто-либо из его товарищей. О том, что ему удалось обнаружить, он обычно не распространялся.

Он был крепек, высок, почти шести с половиной футов роста, со смуглым лицом и орлиным взором своих удивительно ярких зеленовато-серых глаз. То, что он уже немолод, можно было видеть только по редкой проседи на висках. Вежливый со всеми, он был неразговорчив и почти не смеялся. Старые товарищи, знавшие его еще тридцать лет назад, когда он был самым веселым и отчаянным офицером Солнечного флота, считали, что во время Мятежа что-то повлияло на его психику так сильно, что никакой врач не может найти меру его пере-

мены. Он ничего не рассказывал об этом. После войны он взял направление в Поиск и застрял в нем.

В этот вечер мы оказались с ним одни в холле Лунного отделения Исследовательского Клуба, который размещался в здании за пределами главного купола Селена-Центра. Мы устроились в углу у одного из больших окон, потягивали центраврианский коктейль и вели вынужденный разговор. Мой собеседник слабо поддерживал его, и я никак не мог понять, нуждается ли он в моем рассказе, да и вообще в обществе.

Сзади нас просторный уютный зал был почти пуст. Из окон открывался вид на величавый и в то же время дикий лунный ландшафт. Он представлял собой нагромождение утесов по самому обрыву кратера, за которым расстилалась черная пустыня, залитая голубым светом с Земли, кажущимся здесь фантастическим. Сверху чернел Космос, обрызганный мириадами искр застывшего пламени.

— Почему же вы все-таки живы? — спросил я.

Он рассмеялся, как всегда, невесело.

— Рассказать вам? Я знаю, что вы все равно не поверите. Впрочем, если поверите, то это ничего не значит. Иногда под действием алкоголя я начинаю вспоминать былое и тогда рассказываю свою историю.

Он откинулся в кресле.

— Джинном его можно назвать с большой натяжкой, — начал он. — Скорее, его можно назвать призраком. Вообще, это планета призраков. За миллион лет до того, как появился человек на Земле, они уже были великими. Они знали многое, чего не знала ни одна последующая цивилизация, они даже научились гасить звезды. Вдруг их культура погибла. Видимо, их собственное оружие уничтожило их. Они сгинули в бушующем пламени, остались только руины, нагромождения обломков и пустыня... и джинн, ждавший в бутылке.

Я взял еще выпивки, стараясь понять, что он имеет в виду. Я даже засомневался, нормален ли этот сильный человек с резкими чертами на уставшем лице. Я не мог это определить. Мне приходилось с подобным встречаться в мире звезд, чего не увидишь и в кошмарном сне. Я видел людей с пустыми глазами. Они вернулись из Космоса, который заполнил их мозг холодом, хрупкая стенка из разума где-то не выдержала, сломалась. Считается, что космонавты легко поддаются влиянию. Клянусь Космосом, это нельзя ставить им в вину.

— Вы говорите о Новом Египте? — решил уточнить я.

— Это условное название. Египет — незначительная территория, которую когда-то населяли жалкие крестьяне. На той планете обнаружены остатки величайшей культуры. Называть ее Египтом, хоть и Новым, просто нелепо. Хочу вам сказать, что существа, населяющие Ввирдду, были подобны богам. Они способны были так подействовать на солнца, что те тускнели и гасли. На Земле, например, они за один

прием уничтожили всех динозавров. Для этого им понадобился всего лишь один корабль.

— Разве это установлено? Я считал, что специалисты не сумели расшифровать записи ввирдданиан.

— Да, они не расшифрованы. Археологи только пришли к выводу, что ввирдданиане являются расой гуманоидной внешности. У них была высоко развита межзвездная культура. Ввирдда исчезла миллион земных лет назад. Между прочим, я сам не уверен, что именно они извели динозавров на Земле. Я просто знаю, что у них была постоянная политика уничтожения исполинских рептилий на всех планетах земного шара. Они хотели колонизировать в дальнейшем эти планеты. Известно, что они добирались и до Земли, поэтому естественно предположить, что они проделали такое и тут. — Лейрд подхватил принесенный бокал с выпивкой и поднял его. — Благодарю. Интересно, у вас хватит терпения выслушать мою историю до конца?

Это происходило — как бы не ошибиться — тридцать три года назад. Был я в то время молоденьким лейтенанчиком со светлыми юношескими мечтами. Кульминация того страшного Мятēja джаньярдов наступила, когда им удалось колонизировать весь район космоса в созвездии Стрельца. Дела Солнца обстояли из рук вон плохо. По-моему, тогда даже не понимали, насколько близки наши силы были к полному поражению. Джаньярды вот-вот должны были прорвать наши оборонительные системы и направить на Землю свои дьявольские орудия. Ими они уже уничтожили все живое на паре десятков планет. Наша оборонительная линия растянулась на несколько миллионов кубических световых лет. Она, естественно, была невероятно тонкой. Да, тяжелое было время.

Ввирдду — Новый Египет — открыли и начали производить научные раскопки буквально перед самой войной. Об этой удивительной планете мы тогда знали почти столько же, сколько известно сейчас. Например, мы знали, что так называемая Долина Богов содержит больше реликтов, чем любая другая область планеты. Мне интересен был ход раскопок, я летал на планету. Одно время я даже работал в составе группы, которая открыла и занялась восстановлением гравитомagnetического генератора. Он один составляет половину наших знаний о ГМ-поле.

У меня была в юности буквально фантастическая идея, которая заключалась в желании найти что-либо ценное в лабиринте, составляющем сердце Ввирдды. Я пристально изучал отчеты исследователей, и мне казалось, что я знаю, где искать. Я хотел найти оружие, которое миллион лет назад поджигало планеты и рождало новые звезды...

Ввирдда находилась в тылу передовых частей джаньярдов. Так как в военном отношении она интереса не представляла, то на ней гарнизон не держали. Я был уверен, что у наших врагов, этих

полуварваров, не возникнет подобной идеи — найти сверхоружие прошлого. Ведь их победа была так близка. Я взял одноместный разведчик, который может проскользнуть сквозь вражеские заграждения, и рванул прямо к планете; даже при самой тщательной блокировке всегда можно найти брешь для маленького корабля. В случае неудачи потери составили бы только мою жизнь, в случае удачи — мы приобретали все. Я отправился на Ввирдду.

Без приключений я добрался до планеты, сел в Долине Богов и приступил к поиску.

Лейрд усмехнулся. В его усмешке было что-то жуткое.

Вот что я представил, слушая его рассказ.

Лейрд приземлился на Ввирдде. Луна в виде большого неровного щита, втрое большая, чем земная, низко висела над планетой, заливая своим светом безжизненные холмы. Ее холодное белое сияние заполнило прозрачным светом и Долину Богов, где пересекались длинные тени. Наверху сверкал невероятный небосвод Стрельца — мириады удивительно пылающих солнц, образующих группы, скопления, созвездия, непривычные человеческому глазу. Мерцание звезд преломлялось в прозрачном холодном воздухе. Лейрд ощупывал пирамиду. Пальцы его онемели от холода, в свете луны он мог рассмотреть каждую пору на коже руки, каждую вмятинку на шершавой поверхности пирамиды. Рванул ветер, пронесся мимо него, поднимая тучи пыли, завивая их в вихри. Лейрд съежился от пронизывающего его ветра, который запустил свои щупальца под его одежду, как будто желая заморозить его самого. Дыхание белым паром вырывалось изо рта. Воздух, который он вдыхал, казался жидким. Вокруг Лейрда громоздились руины города, от которого осталось всего лишь несколько колонн, обрушившиеся стены, облитые затопившей всю территорию лавой, теперь остывшей. Безжизненный свет луны падал на груды камней, беспорядочно вздымавшихся на месте бывшего города. Казалось, они шевелятся, когда мимо них ветер проносил песок. Город выглядел как призрак. Планета тоже. Лейрд был единственным живым существом здесь, ползающим по мрачному пространству.

Вдруг где-то в вышине...

Какое-то гудение... опускается что-то... оно уже ниже звезд, луны. Нет, нет, нет, только бы это не корабль джаньядров. Нет, не сейчас. Если они придут, это конец всему. Он вспомнил, что несколько минут назад стрелка его гравитомagnetического детектора указывала вниз, в глубину пирамиды. Он рванул туда, остановившись на мгновение, чтобы прислушаться, и почувствовал, что сердце его холодеет.

Лейрд был переполнен бессильной яростью. Он ругнулся, ветер подхватил и унес его слова прочь, перемешав их с песком и пылью, похоронив их в мертвенном молчании бесконечной Долины Богов.

Взгляд его упал на его собственный разведывательный корабль. Тот был скрыт тенью пирамиды, к тому же Лейрд принял необходимую предосторожность, засыпал его песком. Если же джаныярды применяют металлоискатели, то это будет бесполезным. Кораблик быстр, но совершенно не вооружен. К тому же самого Лейрда легко выследить в лабиринте пирамиды, и тогда они проникнут в хранилище. Получалось так, что именно он привел врага к оружию, которое способно уничтожить Землю. Рука его произвольно сжала рукоять бластера. Вообще-то это бесполезная хлопушка, пугач — что он может! Наконец он решился. Проклиная все на свете, он повернулся и нырнул во вход пирамиды.

В свете своего фонаря он увидел бесконечные коридоры, уходящие вниз, в чрево пирамиды. Тусклое пламя плясало на стенах, тени перемещались, наскakiвая друг на друга. Казалось, что ожили и сомкнулись над ним призраки тех, кто жил миллион лет назад, для того чтобы поглотить его. По каменному полу мерно стучали его башмаки, эхо, подхватив ритм его шагов, гулко отдавалось от стен и покатилося впереди него по извилистому коридору. Его охватил первобытный ужас, смешавшийся с отчаянием: ведь он спускался в могилу тысячелетий, в могилу полубогов, повелевавших вселенными. Он собрал всю свою волю, все мужество, чтобы заставить себя бежать дальше. Он не оглядывался, не смел оглянуться.

Все ниже, ниже, ниже... Извивающиеся туннели, крутые лестницы и пандусы вели в самое сердце великой древней цивилизации. В этом лабиринте должен заблудиться любой, чтобы бродить здесь во тьме, постепенно замерзая и умирая с голоду.

Лейрду никогда бы не найти на верный путь к хранилищу, если бы не ключ, найденный им в докладе Мерчисона. Еще немного, и он...

Лейрд влетел в узкую комнату, походившую на прихожую. Впереди зияла пасть огромной раскрытой двери футов пятидесяти высотой. Он вдохнул и вошел в нее. Хранилище. Он ощутил себя муравьем в его величественности.

Фонарь его бросал лучи на металл, стекло. Сверкали материалы, которых он никогда не знал. Все это в течение миллиона лет было погребено здесь, во тьме. Как работала вся эта техника, он не знал. Он нажал какие-то кнопки, пришло в действие несколько механизмов. Они загудели, засветились лампочки. Экспериментировать дальше он побоялся. Для того чтобы поднять все это богатство на свой корабль, он должен найти антигравитационное устройство. Если бы ему удалось привезти все это на Землю! Уж ученые бы разобрались. Теперь же он должен перехитрить врагов, преследующих его.

Он оскалился в хищной усмешке и включил фонарь поярче. Свет достиг саркофага, отразился от уродливых корпусов механизмов, которые воплощали в себе мудрость и мастерство расы, умевшей зажигать звезды и управлять движением планет. До прихода врагов он

должен использовать хоть что-нибудь из всего этого. Может быть, он сможет уничтожить их одним ударом, как супергерой развлекательного фильма, промелькнуло у него в голове. Или придется покончить с этими машинами, чтобы они не достались джаньярдам. Как он мог не учесть такую возможность? Почему он не взял с собой взрывное устройство, чтобы отправить эту машину к дьяволу?

Он собрал всю свою волю, чтобы остановить бешеный бег мыслей. Он вгляделся в окружающее. На стенах были рисунки, пиктограммы, потускневшие от времени, но все же различимые. Они были предназначены для того, кто найдет путь в хранилище. Раса Нового Египта была похожа на людей Земли. У них была смуглая кожа и темные волосы, резкие черты лица, они были высоки и статны. Вдруг в глаза ему бросилась одна схема. Она показывала последовательность действий, как в старом комиксе: человек брал прозрачный шлем, надевал его на голову, слегка поворачивал регулятор. Он испытывал сильное искушение проделать это, но кто знает, что из этого выйдет?

Все же он поднял шлем и надел его на голову. Скорее всего это его последний шанс. Головной убор был холодным, гладким, жестким, он цепко обхватил голову — совсем как живое существо. Лейрд тряхнул головой и повернулся к машинам.

Вот эта штука, в центре которой стержень, обмотанный проводом, видимо, энергетический проектор. Как он приводится в действие?

Тут он услышал отдаленный топот, который приближался к тому коридору, по которому сюда пришел он сам. Да, простонал он беззвучно, немного им времени понадобилось, чтоб его обнаружить. Впрочем, это было не так трудно. Металлоискатель определил местонахождение его корабля, а это указало им, в какой из двенадцати пирамид, разбросанных по Долине, находится он. Далее действовал энергетический трассер, который довел их до цели...

Он выключил фонарь и скорчился во тьме за выступом одного из механизмов. Он почувствовал успокаивающую тяжесть бластера.

Со стороны входа послышался голос:

— Сдавайся, землянин! Сопrotивляться бесполезно! Выходи!

Он не отвечал, лежал и ждал, что будет.

Странно, но он отметил, что голос был женским. «Красивым», — неуместно лезло ему в голову. Низкий, приятно модулированный голос, но в нем звенела сталь. Джаньярды были очень жестоки, у них и женщины такие: водили войска, пилотировали корабли, убивали.

— Землянин, ты проиграл! Мы пожнем плоды твоих трудов. Ты славно поработал для нас. Мы подозревали, что попытка пробраться сюда будет сделана. Записей археологов у нас не было, сами мы и надеяться не могли преодолеть лабиринт. С тех пор как мой корабль курсирует в районе этого солнца, я снарядила на круговую орбиту вокруг планеты станцию с детекторами. Таким образом тебя и зафик-

сировали. Мы дали тебе возможность сделать дело, а теперь мы пришли забрать то, что ты обнаружил.

— Скройтесь! — в отчаянии воскликнул он. — У меня взрывное устройство. Убирайтесь, или я здесь все разнесу.

Она засмеялась, и в ее смехе слышалось презрение.

— Ты думаешь, мы не знаем, что у тебя есть, а чего нет? У тебя нет даже скафандра. Поднимай-ка руки и выходи. Или мы начнем газовую атаку.

Лейрд по-волчьи злобно оскалился.

— Ну, погоди! — крикнул он, не думая о том, что говорит. — Знайте, вы сами запросились.

И он тронул регулятор на шлеме.

Будто молния ударила его в голову. Показалось, что шквал огня расколол тьму. Он закричал, разрываясь от хлынувшей в него яростной энергии. Мускулы его напряглись, швырнув тело на пол. Он корчился и цеплялся за каменные плиты. Постепенно конвульсии стали ослабевать. Над ним сомкнулась плотная завеса, кругом стоял рев и грохот. Ночь. Смерть. Распад вселенной. И высоко над всем этим — смех.

Он лежал на полу около механизма, дергаясь и всхлипывая. Они слышали, что с ним что-то произошло, осторожно подошли, встали над ним и смотрели, как он затихает.

Они были просто изумительны: высокие, прекрасно сложенные — эти джаньярды-мятежники. Когда-то, три столетия назад, Земля посылала своих лучших представителей для колонизации пространств созвездия Стрельца. Долгая жестокая борьба с природой, завоевание миров, покорение планет неизбежно наложили на них отпечаток: тела их стали твердыми, как железо, в сердцах поселился холод.

Их мятеж давно назревал. Поводом к нему послужила ссора из-за тарифов и торговых прав. Они начали долгую войну против Империи Земли. Сущность этой войны заключалась в том, что стремилась к жизни новая культура, рожденная в огне, боях, существовавшая один на один с жестоким Космосом, в огромных пустынных пространствах меж звездами. Это было дикое восстание мутированного ребенка.

Они стояли над телом человека и смотрели на него, не выражая никаких чувств. Наконец оно стало совершенно недвижимым. Тогда один из них наклонился и снял с него блестящий шлем.

— Он что, хотел ЭТО использовать против нас? — сказал джаньярд, вертя и рассматривая шлем. — Но он не приспособлен к нашему типу жизни. Те, что жили на этой планете миллион лет назад, похожи на людей, но, мне кажется, это только внешнее сходство.

Женщина-командир взглянула на него с сожалением.

— Он был достойным человеком, — промолвила она.

— Смотрите... он жив... вот он садится...

Дариешу, наконец, удалось овладеть сотрясающимся телом. Оно стало слабым, безвольным. В мозгу царил страх. Окружающих он воспринимал как врагов, несущих смерть ему и гибель всей цивилизации. Ощутимее всего почувствовалась непривычная для Дариеша беспомощность нервной системы, которая в этом теле была немой, глухой, слепой, как будто вырванной из своего дома из плоти и связанной с миром только через пять ненадежных чувств.

Ввирдда, Ввирдда... Он оказался пленником мозга, у которого не было и намека на телепатические способности. Он стал демоном, проникшим в полутруп.

Его подхватили крепкие руки и помогли подняться.

— Твоя попытка что-то изменить была просто глупой, — услышал он женский голос, отдававший сталью.

Тем временем Дариеш чувствовал, что к нему возвращаются силы: нервная, мышечная, эндокринная системы вставали на свои места, так как его могучий мозг взял верх в борьбе с бессильно копошившейся массой, которая совсем недавно была Лейрдом. Дариеш судорожно глотнул воздух и с облегчением ощутил, как он заполняет легкие. Сколько же времени он был мертв?

Он начал осматриваться. Взгляд его остановился на женщине. Высока, стройна, красива. Огненные волосы выбивались из-под сбившейся офицерской фуражки, огромные синие глаза с любопытством смотрели на него. Молода. Перед ним пронесся образ Илорны, и старая, привычная боль поднялась в нем. Он стремительно загнал ее в глубь сознания и снова взглянул на женщину. На его губах появилась улыбка, оскорбительная, презрительная улыбка. Женщина поняла это и задыхнулась в гневе.

— Кто ты, землянин? — спросила она.

Понять ее Дариешу было нетрудно: он овладел знаниями и памятью Лейрда мгновенно.

— Я лейтенант Джон Лейрд из Имперского Солнечного флота. К вашим услугам, мадам. А вас как зовут?

— А ты считаешь, что имеешь право знать это? — высокомерно промолвила она. — Впрочем, поскольку я хотела бы кое о чем тебя расспросить... Я капитан Джоана Ростов из Джаньярдского флота. И будь почтителен, не забывайся.

Дариеш заглянул в себя. Да, ситуация... Сейчас у него нет возможности детально исследовать все закоулки памяти Лейрда, но даже на первый взгляд ясно, что перед ним враги. После гибели того, что являлось Ввирддой, для него было безразличным, кто за что воюет в этой схватке, но для того, чтобы стать окончательно свободным и вновь обрести себя, ему нужно было лучше узнать подоплеку ситуации, в которой оказалось тело Лейрда. Особенно потому, что мозг

Лейрда скоро выйдет из шока и, естественно, будет ему противодействовать.

Кругом были знакомые Дариешу механизмы. Это его успокаивало. Именно в них заключалась сила, способная уничтожить целые планеты! Культура этих захвативших его ввирдданианских потомков кажется ему варварской. Конечно же, вопрос об использовании этого шквала огня будет решать он. Непроизвольно он сделал головой гордый царственный жест. Он к тому же последний житель Ввирдды, а механизмы созданы там. Это его наследство.

Ему нужно скорее избавиться от людей.

Джоана Ростов смотрела на пленника. Во взгляде ее странно сочетались подозрительность, испуг и стремление изучить его.

— Что с тобой, лейтенант? — сказала она. — Что-то ты не похож на человека, которого судьба загнала в угол. Для чего этот шлем?

Дариеш как можно безразличнее пожал плечами.

— Это от контрольного устройства, — сказал он. — Я спешил и не сумел правильно отрегулировать его. Это мелочь. Здесь есть кое-что посерьезней.

— Для чего эти механизмы?

— О, у них много функций. Они используются в различных ситуациях... Например, это — ядерный дезинтегратор, а этот вот устанавливает защитное поле, а здесь...

— Чепуха... Откуда ты столько знаешь про эти машины?

— Хотите, продемонстрирую?

— Нет уж. Пошли отсюда.

Тем временем Дариеш хладнокровно рассчитывал свои действия. Он абсолютно владел психосоматической координацией своей расы, которая кристаллизовалась в течение миллионов лет. Однако тело, в которое он попал, не соответствовало подклеточным компонентам. Но попробовать надо.

Неожиданно для всех он рванулся к стоявшему ближе всех джанью-ярду. Ребром ладони он ударил его по шее, другой рукой дернул за комбинезон, свалив на соседнего солдата. По инерции этого же движения он перескочил через валящиеся тела, прихватил автомат, выроненный одним из солдат, длинным прикладом достал до выключателя защитного поля. Выстрелы раздались в то же мгновение. Вспышки от них блеснули в темноте, но пули расплывались, попав в мощное магнитное поле. Дариеш под его сенью добрался до выхода и выскочил в туннель.

У него было всего несколько секунд до того, как они последуют за ним. Он почувствовал, что тело стало сильным и ловким. Должен успеть. Он бежал легко, делая вдохи в соответствии с движениями, стараясь беречь силы. Он еще не владел подсознательными функциями

ми своего нового организма. Строение их нервных систем слишком различно. А вот здесь можно передохнуть. Он нырнул в боковой проход. Пролетев у виска, пуля ударилась о стену. Им удалось обойти поле. В темноте никто не увидел его усмешки. Выследить его можно только имея подробную карту лабиринта или детектор живой энергии. В противном случае они заблудятся и будут бродить здесь, пока не умрут.

Но капитан у них умная женщина. Она поймет, что у него только одна надежда на спасение — выбраться на поверхность к своему кораблю. Если он не поторопится, ему отрежут дорогу. Он продолжал бсжать.

Туннель был длинным и темным. В нем уже миллион лет стоял безжизненный холод. В воздухе чувствовалась сухость и пыль, на Ввирдде осталось мало влаги. Дариеш гадал, долго ли он был мертв.

Сознание Джона Лейрда окружила непробиваемая пелена. Он пытался отыскать в ней брешь, посылая импульсы в привычные нервные пути. Он боролся за восстановление своей личности. Дариеш это почувствовал: мускулы начали получать противоречивые команды. Споткнувшись на ровном месте, Дариеш выругался и попытался загнать бывшего хозяина тела во тьму бессознательности. Держись, Дариеш, держись, еще несколько минут...

Он добрался до бокового выхода и застыл на пороге при виде хаоса опустошенной Долины. Резкий разреженный воздух заполнял его легкие; он взглянул на пески, завалы камней. Звезды показались ему чужими. Созвездия были новыми. Как долго он не видел неба! Луна большего размера, чем помнил он, заливала мертвую картину холодным серебром. За эти бесчисленные годы она приблизилась к планете.

— Корабль, корабль...

Невдалеке виднелся джандьярдский корабль. Он лежал на дюнах в виде длинной узкой торпеды. Конечно, он охраняется, овладеть им одному не под силу, бесполезно и пытаться. Где корабль Лейрда?

Пробиваясь в глубины чужой памяти, он вспомнил, что закопал корабль с западной стороны... То есть корабль закопал не он, а Лейрд. Действуй же скорее! Вперед! Он побежал вдоль чудовищно изуродованной временем стены пирамиды. Вот насыпь. С подветренной стороны тускло блеснуло отражение в металле лунного света. Корабль здесь. Дариеш сбросил песок. Что за недоразвитый щенок этот Лейрд!

Дариеш пробрался к люку, стараясь побыстрее отрыть из песка корабль. Дыхание с хрипом вырывалось из его легких. Они могут появиться в любую секунду. Теперь, когда они убедились, что он действительно может управлять этими машинами...

Наконец люк слабо блеснул в лунном свете. Он дернул ручку с ожесточением, незнакомым на Ввирдде. Рефлексы прежнего ее хозяина, не знакомого с психосоматической тренировкой, неумелого, неловкого, все сильнее пробивались наружу. А вот и они!

Вскинув автомат, Дариеш дал короткую очередь по джаньярдам, показавшимся из-за угла. Они попадали, как срезанные, оглашая криками мертвенно-бледное пространство. Вокруг него застучали пули, отскакивая от корпуса корабля.

Они чуть отступили, чтобы приготовиться к новой атаке. Тогда он скользнул в люк, и мгновенная белозубая улыбка сверкнула на жестком лице Дариеша, воина, повелевавшего в свое время тысячью солнц и водившего армии Ввирдды.

— Пока, дорогие мои! — пробормотал он, и звуки его древнего языка со странной мягкостью растворились в воздухе.

Он захлопнул люк и побежал к кабине рулевого управления. Здесь он автоматически повиновался навыкам Джона Лейрда. Недостойное начало, конечно. Вот когда он поднимется в небо и освободится...

Его что-то толкнуло в спину и с силой швырнуло в пилотское кресло. Металл вокруг разрывался на части в диком реве и треске. О боги, джаньярды стреляли из дальнобойных орудий своего корабля. Они попали в мотор, машина ему не повинует, он падает.

Дариеш угрюмо рассчитал траекторию падения: ему придется упасть среди холмов милях в ста от Долины. Через сколько минут джаньярды на своем корабле будут здесь? А Джон Лейрд неуклонно пробуждается к жизни: мускулы напрягаются, горло перехватывает, слышен хрип. Возрождающаяся личность пытается освободиться. Прежде всего победить надо в битве с ним.

Мысленно Дариеш даже пожал плечами. В принципе он может сдаться джаньярдам, как бы пойти с ними на сговор. Его не интересует, что и как победит в этой примитивной незначительной войне. У него другие заботы.

Было ощущение кошмара. Джон Лейрд скорчился в продуваемой насквозь ледяным ветром пещере и вглядывался в голые холмы, облитые мертвенным светом луны. Он наблюдал за приземлением джаньярдского корабля рядом с обломками своего. Он видел, как блеснула сталь в руках врагов, вышедших на охоту за ним. Все это он видел как будто не собственными глазами, еще не очнувшись от странного забытья.

Существует ли он самостоятельно или он лишь придаток своего мозга? Перед ним предстала изнанка чужого существа с его мыслями, воспоминаниями. Он, Лейрд, находился в черной пропасти безумия и в то же самое время он же убегал от врагов. Он ясно видел свою жизнь и ту, которая проходила здесь миллион лет назад. Неожиданно вместо диких скал и холмов, между которыми ветер носил песок, Лейрд увидел перед собой прекрасную цветущую планету, залитую солнцем, сверкающую бриллиантами дождевых капель. Лейрд увидел себя Да-

риешем из Толлога, правившим всеми планетными системами в империи Ввирдды. Но он же был и Джоном Лейрдом с Земли. Два потока мыслей шли через его сознание, прислушиваясь друг к другу, насканивая друг на друга в тесноте его мозга.

Миллион лет — долгий срок. Дариеш страдал от ужаса, одиночества, опустошения. Сознанием овладела печаль, когда он увидел руины Ввирдды. Миллион лет!

— Кто ты? — вскричал Лейрд, наконец прорвавшись к чужому сознанию. — Что ты сделал со мной?

Вместо ответа в нем вспыхнули картины, ставшие теперь частью его воспоминаний.

Когда-то восстали эраи, те эраи, отцы которых были родом с прекрасной Ввирдды. Покинув ее и проведя столетия в жестоком окружении, они странным образом изменились. Они восстали против власти бессмертных. Тогда бессмертные использовали свое страшное оружие, универсальное оружие, способное даже уничтожать солнца. Оно миллионы лет, запретное, хранилось в лабиринтах Ввирдды. Однако эраим было известно это оружие. Более того — они имели его.

В конце концов Ввирдда пала. Флоты ее были разбиты, армии отступили с десяти тысяч сожженных планет. Эраи продолжали триумфальное шествие по вселенной, подступаясь к Ввирдде, чтобы уничтожить мир, который породил их. В арсеналах некогда могучей империи уже не было ничего, что бы могло их остановить.

Их собственная культура не имела под собой твердой почвы, у нее не было основных достоинств Ввирдды. Прошло десять тысяч лет, и она исчезла. Даже памяти в Галактике от нее не осталось. «Но нам от этого не легче», — думал Лейрд мрачно, потрясенно осознавая, что это мысль Дариеша.

Ввирдданионец хотел выговориться. Он искал отдохновения от миллиона лет одиночества, как понял Лейрд.

— Послушай, Лейрд, мы вынуждены находиться в одном теле. До тех пор пока один из нас не избавится от другого, мы будем вместе. Именно наше тело хотят захватить джаньярды. Если мы будем бороться друг против друга, это ослабит тело, мы станем беспомощны. Мы должны сотрудничать.

— Интересно, кем ты меня считаешь? Ты думаешь, я убийца, подобно тебе?

Ответ был яростным и жестоким:

— Подобно мне? Пойми меня правильно, Лейрд! Я был Дариешем из Толлога, повелителем тысячи солнц, вечным владыкой величайшей Империи во вселенной, возлюбленным Илорны Прекрасной. Теперь волею судьбы я заключен в несовершенное тело чуждого существа через миллион лет после собственной гибели. Тебе повезло, Лейрд, что ты встретил меня. Ведь только я могу управлять всем этим оружием из лабиринта.

Глаза были устремлены на мрачный ландшафт, а двойной мозг следил за фигурками, шныряющими по холмам в поисках следа.

— Не забывай, я знаю твои мысли, — сказал Лейрд. — Солнце или Джанья — тебе безразлично. Чем поручишься, что ты не обманешь меня?

Ответ сопровождался издевательским смехом.

— Что ж, попробуй прочитать что-нибудь в моем мозгу, Лейрд! Кстати, это и твой мозг тоже. — Он засмеялся и добавил: — Очевидно, история повторяется. Тот же мятеж варваров против материнской планеты, хотя в данном случае все в меньшем масштабе и при менее развитых науке и технике. А результат вряд ли будет более счастливым для планеты-прародительницы. Однако, возможно, я смог бы сыграть более активную роль, чем миллион лет назад.

Фантастика — затаиться в засыпанных песком руинах цивилизации, лихорадочно следить за преследователями, движущимися в резком свете луны, и ловить мысли, которые не были его мыслями, над которыми у него не было власти. Кулаки Лейрда сжались сами собой.

— Так-то лучше, — Дариеш мыслил философски. — Успокойся. Дыши медленно и глубоко, сосредоточься только на дыхании. Потом обследуй мой мозг, который в то же время и твой.

— Скройся!

— Как бы это сделать? Сам знаешь, что это невозможно: мы же в одном теле. Теперь мы должны привыкать друг к другу. Я тебе говорю, успокойся, человек. Ляг спокойно. Подумай о случившемся с тобой.

Считается, что человек — это существо, ограниченное во времени. Но необыкновенная воля и стремление Ввирдды преодолели границы самой смерти. Стоило ждать миллион лет, чтобы вновь оживить древний мир.

Что такое личность? Это предмет дискретный и материальный, это схема, существующая в определенном процессе. Рождается организм, у которого естественная генетическая наследственность. Этот организм, попав в мир, развивается в сложнейших взаимосвязях. Он и есть нить от наследственности к окружению. Интеллектуальный компонент, составляющий «я», неотделим от тела, но может быть изучен и обособленно.

Наука на Ввирдде достигла такого уровня, что ученым удалось найти возможность выделить то, что составляло личность Дариеша. Когда эраи стояли у ворот столицы Империи, когда вся планета ждала последнего, решающего боя, после которого наступит конец, спокойно работали лишь несколько человек в лаборатории. Они создали молекулярный сканер, который мог записать нервные импульсы, составляющие память, привычки, рефлексy, инстинкты, то есть суть личности. Затем на особых кристаллах были записаны электронные аналоги этих структур. Был взят мозг именно Дариеша, а не чей-то

другой, потому что он был единственным бессмертным, захотевшим этого. Кто же еще не побоялся бы воскресить свою личность через века после своей смерти, через века после исчезновения всего мира? Дариеш всегда был отважен, а Илорна умерла, так что ему было почти безразлично, что случится с ним лично.

Илорна! Илорна! Лейрд уловил в своей памяти ее образ: лучистые глаза, звонкий смех, длинные черные волосы и весь ее чудный облик. Он ощутил сладость ее губ, услышал журчание ее голоса. Он любил ее. Миллион лет назад. Теперь она обращена в пыль, раздуваемую ночным ветром, а он продолжал любить ее той частью, которая была Дариешем... О, Илорна...

Тело Дариеша погибло вместе с его Империей. Кристаллическая запись, воспроизводившая «я» властелина, покоилась в лабиринте, окруженная могущественными аппаратами Ввирдды. Так было задумано: раньше или позже, в бесконечном будущем вселенной сюда явится кто-то. Этот кто-то или что-то наденет шлем на голову и запустит его в действие. Запись будет репродуцирована на нейроны, тем самым мозг Дарисша оживет вновь, чтобы рассказать о погибшей Ввирдде и возобновить традиции пятидесятимиллионнолетней давности. Воля Ввирдды перешагнет через время.

— Но Ввирдда мертва, — отчаянно сопротивлялся Лейрд. — Ввирдда исчезла. Сейчас новое время, новая история. Ты не имеешь права указывать нам, что делать.

Он получил холодный высокомерный ответ:

— Я сделаю, как сочту нужным. А ты тем временем води себя спокойно и не пытайся мне мешать. Мой тебе совет.

— Заткнись, Дариеш! — У Лейрда от гнева затрепетали ноздри. — Никто, даже призрак с того света, не посмеет командовать мной!

Дариеш сбавил тон и начал убеждать:

— Сейчас у нас нет выбора. Вон преследователи, а если у них есть детекторы энергии — да, я вижу, что они у них есть, — отыскать нас по излучению тепловой энергии тела — дело нескольких минут. Для нас лучше мирно сдаться. Они загрузят корабль машинами Ввирдды и нас поместят туда же. Тогда и наступит наш черед.

Лейрд вел себя спокойно, наблюдая за приближающимися джанджардами. Мир валился в пропасть, чувство конца заполняло все его существо. Что он может сделать? Какой у него еще есть путь?

— Ладно, — согласился он наконец. — Так и быть. Но учти, я буду следить за каждой твоей мыслью. Понял? Не думаю, что тебе удастся удержать меня от самоуничтожения, если мне это понадобится.

— Думаю, что удастся. Противоположные команды нейтрализуют друг друга. Спокойно, Лейрд. Затаись и предоставь все мне. Я Дариеш, воин. Мне приходилось бывать и не в таких переделках, как эта.

Тело поднялось и направилось вниз по склону холма с поднятыми

руками. У Дариеша мелькнула мысль: «А ими командует... хорошенькая женщина. Все может оказаться интересным».

Он рассмеялся. Звук его голоса раскатился над холмами под лунной. Это был смех далеко не человеческого существа.

— Тебя невозможно понять, Джон Лейрд, — произнесла Джоана.

— Бывает, — энергично ответил Дариеш, — я и сам не могу себя понять. Вас тоже, голубушка моя.

Она слегка подалась вперед.

— Не забывай, в качестве кого ты здесь находишься, лейтенант.

— К дьяволу звания, страны, вселенные. Попробуем хоть недолго побыть просто живыми существами.

Во взгляде ее промелькнула насмешка:

— Ты странно рассуждаешь. Для землянина во всяком случае.

Мысленно Дариеш выругался. Будь проклято это тело! Мощь, точность ориентации и чуткость восприятия — добрая половина чувств, которыми он владел прежде, исчезла. Стросение мозга не соответствовало его способностям. Мышление его стало нсторопливым и тягучим. То и дело проскальзывают глупые ошибки, которых никогда не допустил бы прежний Дариеш. Эта молодая леди ловко подмечает все его промахи. Его взяли в плен смертельные враги Джона Лейрда, а мозг самого Лейрда связывает его своими мыслями, волей и памятью. Он готов биться при малейшем подозрении на предательство Дариеша.

Тут «я» землянина насмешливо предупредило:

— Полегче, Дариеш, полегче!

— Молчи уж, — отрезал Дариеш и тут же понял, что его собственный мозг никогда не опустился бы до подобной примитивной эмоциональной реакции. Неужели они уже врастают друг в друга?

— Я хочу вам кое-что сообщить, капитан Ростов, — сказал он вслух. — Я вовсе не Лейрд.

Не отвечая, она прикрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Он инстинктивно отметил, какие у нее длинные ресницы... А может, это бросилось в глаза Лейрду, которому не мешали воспоминания об Илорне?

Они сидели вдвоем в маленькой капитанской каюте на борту джаньярдского крейсера. Дверь каюты была закрыта, но за ней стоял охранник. Время от времени до их ушей долетал приглушенный скрежет и лязг, с которыми втаскивали на корабль массивные аппараты из лабиринта Ввирдды.

Интерьер каюты был стандартно однообразен, но все же то тут, то там на глаза попадались следы женского вкуса: занавески, горшок с маленьким трогательным цветочком, захлопнувшаяся дверца шкафа прищемила краешек цветастого платья. Без сомнения, женщина, сидевшая против него, была очень хороша собой, с распушенными ог-

ненными волосами, свободно падающими на плечи, с горящими глазами. В руке она сжимала пистолет.

Она сказала ему откровенно:

— Мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз. Я кое-чего не понимаю... Охранника я выставила, но готова выстрелить при первом же подозрении или неверном твоём движении. Хочу предупредить, что даже если тебе удастся каким-либо образом справиться со мной, заложницы из меня не получится. У нас, у джаньярдов, корабль дороже жизни любого из нас.

Она замолкла, ожидая его реакции.

Он как можно спокойнее протянул руку за сигаретой в шкатулке на её столе — это привычка Лейрда, — зажег её и медленно втянул дым в легкие.

— Ладно уж, давай, Дариеш, — услышал он Лейрда. — Может, твой замысел и сработает. Но учти, я слежу.

— Видите ли, я единственный оставшийся в живых на этой планете, — начал он своё объяснение почти безразличным тоном. — Я Дариеш из Толлога, бессмертный с Ввирдды. В некотором роде я умер миллион лет назад.

Она выглядела спокойной, лишь пальцы её сильнее сжались на рукоятке пистолета и дыхание прерывисто вылетало через полуоткрытые губы.

Он постарался как можно короче рассказать ей, каким образом была сделана запись его личности, чтобы её сохранить, и как эта запись попала в мозг лейтенанта Джона Лейрда.

— Надеюсь, ты не ждёшь, что я поверю всей этой чепухе? — презрительно спросила она.

— Может, у вас на борту есть детектор лжи?

— Да, кстати, он здесь, в ящике. Сейчас мы его и включим. — Она поднялась и достала из шкафа прибор. Он следил за ней, любуясь изяществом её движений. «Ты давно умерла, Илорна, ты умерла, и во вселенной другой такой не будет. Но эта странным образом напоминает мне тебя».

Маленький черный ящик гудел и сверкал лампочками индикаторов на столе между ними. Дариеш надел на голову шлем, в котором переплетались металлические провода, к запыстым подключил клеммы и стал ждать, пока Джоана наладит прибор. В памяти Лейрда он откопал объяснение, как действует система, измеряющая активность отдельных мозговых центров и силу напряженности связей между ними.

— Сейчас я проверю, как работает прибор, — сказала она, — скажи заведомую ложь.

— У Нового Египта есть кольца, — он улыбнулся, — которые...

сделаны из лимбургского сыра. Однако сама планета состоит из деликатесного камамбера...

— Достаточно. Теперь повтори свою историю.

— Слушай, Лейрд, помолчи. Я не справлюсь с этим прибором, если ты будешь вмешиваться, — мысленно попросил Дариеш.

Он повторил свой рассказ, голос его звучал все тверже и четче. Тем временем он еще и продолжал возиться с мозгом Лейрда, изучая возможности его контроля над нервами — ввирдданианское образование предусматривало развитие этого умения. Вполне возможно изменить показания простейшего электронного приспособления, изменив активность нервных центров.

Он все уверенней продолжал, все-таки опасаясь неожиданного срыва, когда колеблющаяся стрелка на шкале могла выдать его, отклонившись вправо хоть на долю секунды.

— Естественно, личность Лейрда погибла, поглощенная мной. Я вытянул из него весь багаж знаний, но над всем этим возвышаюсь я — Дариеш из Ввирдды. К услугам вашей милости.

Она закусила губу.

— О каких услугах может идти речь? Ты застрелил уже четверых моих людей.

— Не торопитесь, мадам. Поймите меня правильно. Когда я пришел в себя, у меня и мгновения не было, чтобы обдумать свое положение. Для меня не существовало того миллиона лет, который нас разделяет. Я только что сидел в лаборатории перед сканером, чувствовал лишь легкое головокружение — и вдруг я уже в чужом теле. Нервная система бывшего хозяина парализована шоком от моего появления, с другой стороны, и я не могу еще отчетливо мыслить. Тут является мысль Лейрда, что меня окружают смертельные враги, убийцы, которые стремятся уничтожить и меня, и мою планету. Сработал элементарный инстинкт самосохранения. К тому же мне нужно было освободиться от него, чтобы действовать свободно. У меня все получилось. Сожалею о гибели ваших людей, но, надеюсь, их смерть будет компенсирована.

— Гм... ты сдался, когда у тебя не осталось другого выхода.

— Вообще-то да... Но я решил сделать это в любом случае. — Глаза ее не отрывались от шкалы, на которой стрелка, дрожа, склонялась от его смерти к его жизни. — Я нахожусь на вашей территории. Вы побеждаете в войне, которая для меня ничего не значит. Однако, глубже вдумавшись в ситуацию, я решил, что для человеческой расы в целом будет лучше, если победят джаньярды. История свидетельствует, что когда вновь появившиеся культуры, которые в старых империях называются варварскими, но в действительности являющиеся более прогрессивными, побеждают тех, кто отжил и консервативен, результатом является скачок в будущее и необычайный расцвет.

Он заметил, что ее напряжение спало, и внутренне торжествовал.

Ему так легко далась победа над этой представительницей зачаточной культуры. Все, что он должен был сделать, — это гладко соврать в соответствии с ее пониманием окружающего мира. Вот она уже и не думает о нем как о враге.

Голубые глаза поднялись на него, губы раскрылись.

— Ты... вы нам поможете? — прошептала она.

Дариеш с готовностью кивнул:

— Естественно. Я знаю принципы и конструкцию всех машин; по правде говоря, их сила может уничтожать целые планеты. Разбираясь в них, ваши ученые не поняли бы и половины. Я покажу, как они действуют, — он пожал плечами. — Конечно, я попрошу соответствующего вознаграждения. Без ложной скромности, это будет неординарной платой. Власть над миром должна оставаться под контролем того, кто знает его законы и не ошибется по невежеству. Иначе наступит катастрофа.

Неожиданно она сунула пистолет в кобуру и встала, улыбаясь и протягивая ему руку.

Он энергично пожал ее, мгновение помедлил, а потом наклонился и поцеловал. Она неловко отступила, полуиспуганная, полубрадованная.

— Это нечестно! — протестовал Лейрд в глубине его сознания. — Бедная девушка безоружна против твоей лжи. Она и не слышала о кокетстве. Для нее любовь — не игра, а нечто возвышенное, потрясающее...

— Говорю тебе, помолчи! — бесстрастно отрезал Дариеш. — Дело не в этом. Ведь даже если мне удалось наладить с ней контакт, корабль-то по-прежнему в руках бдительных врагов. Для достижения нашей святой цели все средства хороши. Держись!

Он обошел вокруг стола и взял ее руки в свои.

— Я хочу вам признаться, — сказал он. Кривая улыбка исказила его лицо, свидетельствуя о страданиях, которые вызвали воспоминания. — Миллион лет назад я любил женщину. Это было в Ввирдде... Вы напоминаете мне ее.

Она отпрянула.

— Не могу поверить, — шептали ее губы. — Вы... вы не принадлежите нашему времени... Вы так много знаете и умеете. Рядом с вами я чувствую себя ребенком. Дариеш, мне страшно.

— Не надо бояться, Джоана, — как можно нежнее сказал он. — Все, чем я владею, принадлежит вам. — В голосе его звучала тоска. — Джоана, я не могу быть один, мне необходимо с кем-нибудь общаться. Вы даже не можете себе представить, что значит вернуться к жизни через миллион лет после гибели своего мира. Я очнулся таким одиноким... О, позвольте, позвольте мне хоть изредка приходить к вам и

разговаривать с вами, как с другом. Помогите мне забыть о времени, об одиночестве, о смерти. Вы... нужны мне.

Она смутилась, опустила глаза. Потом сказала:

— Это будет нехорошо, Дариеш. Так принято, что у капитана корабля не должно быть друзей. Меня вообще взяли на эту должность из-за моих способностей. О, кометы! — Тут она с усилием рассмеялась. — А, в Космос все сомнения. Приходите, конечно, приходите ко мне. Надеюсь, в этом не будет ничего предосудительного.

Некоторое время они еще поговорили. Прощаясь, он поцеловал ее. Странно, но это казалось совершенно естественным.

Он отправился на свое ложе. Его уже переместили из арестантской каюты в обыкновенную. Настроение у него было приподнятое.

Окунувшись во тьму, он вновь принялся за молчаливый спор с Лейрдом.

— Ну, что дальше? — спрашивал землянин.

— Не торопиться. Нужно двигаться медленно и осторожно, — набравшись терпения, объяснял Дариеш, как будто этот глупец не мог сам прочесть в его мозгу. — Будем ждать удобного случая. Под предлогом подготовки к работе энергетических блоков мы будем изготавливать устройство, которое простейшим способом можно привести в действие, — поворотом рукоятки мы уничтожим корабль. О наших планах никто знать не должен. Их несложно скрыть, наши хозяева не имеют понятия о подпространственных связях. Потом, когда представится возможность бежать, нам останется только повернуть рукоятку. Мы вырвемся отсюда и попробуем вернуться к Солнцу. С моими знаниями ввирдданианской науки мы повернем ход войны. Определенный риск в этом, естественно, есть, но иного выхода я не вижу. И, ради неба, дай мне возможность действовать... Давай предположим, что на время тебя вообще не будет.

— А что будет потом? Как я смогу от тебя избавиться?

— Откровенно говоря, я не вижу такой возможности. Наши нервные окончания слишком переплелись. Нам придется научиться существовать вместе. — Как можно убедительнее он добавил: — Для тебя это только лучше. Решайся! Мы сможем творить все, что захотим. С Солнцем. Со всей Галактикой. Я сумею восстановить жизненное пространство. Я сделаю нам новое тело, перенесу в него нашу запись. Получится тело с необыкновенными способностями, способностями Ввирдды. Это тело будет бессмертным. Человек, ты же никогда не умрешь!

«Однако перспектива не блестяща», — скептически подумал Лейрд. Действительно, его шансы на господство при такой комбинации сил весьма сомнительны. Как бы не получилось, что его личность со временем будет полностью поглощена более сильной личностью Дариеша.

«Возможно... психиатр... наркоз... конечно... гипноз...»

— Брось! — угрюмо прервал Дариеш. — Я достаточно ценю свою личность. Так же как ты свою.

Их общее тело конвульсивно дернулось в темноте.

— Предположим, что мы научимся уважать друг друга, — пришло в голову Лейрду.

Постепенно измученное тело погружалось в дремоту. Мозг Лейрда неуклонно засыпал, личность его витала в царстве сна. Дариеш не спал еще долго. Сон — трата времени. Бессмертные никогда не испытывали потребности в нем...

Он усмехнулся. Сеть из полуправды-полулжи, которую он соткал, получилась недурна. Если бы Джоана и Лейрд только знали...

Мозг — довольно сложная структура. Он способен скрывать факты даже от себя самого. Он заставляет себя забывать то, что ему неприятно вспоминать, подсознание играет в этом главную роль. Оно убеждает высшие компоненты в том, что считает верным. Шизофрения, самогипноз — это лишь слабое отражение способностей мозга. На Вириде тренировка бессмертных включала полное овладение первой координацией. Они могли осознанно использовать скрытые возможности мозга. Они могли усилием воли остановить сердце, блокировать боль, разрушить собственную личность.

Когда Дариеш готовился стать бессмертным, он учитывал, что ему когда-нибудь придется бороться за обладание мозгом. Поэтому он пустил в ход не весь свой мозг. Перед сканированием он сделал определенные приготовления, и теперь только часть его мозга была в контакте с захваченным им Лейрдом. Другая часть, отделенная от сознания добровольной и контролируемой шизофренией, существовала самостоятельно и строила свои планы. Самогипнозом он автоматически воссоединял свою личность в то время, когда мозг Лейрда был объят сном. В остальное же время между частями его личности осуществлялся только подсознательный контакт.

Дариеш решил, что нужно будет сделать разрушительную систему и рычаг, приводящий ее в действие. Иначе не удастся усыпить бдительность Лейрда. Но этот рычаг никогда не будет использован. Джоане Дариеш говорил правду — союз с джаньярдами ему был ближе, их победу он хотел обеспечить.

От Лейрда на время можно будет избавиться. Например, убедить его, что по каким-либо тактическим соображениям нужно напиться пьяным. Алкоголь не подействует на подсознание Дариеша. Когда Лейрд уснет, он закончит приготовления. Он постарается, чтобы к тому времени Джоана делала все, что захочет он.

Психиатрия... Да, мысль Лейрда шла верным путем. Существуют методы воздействия на шизофрению, и при некоторых модификациях с их помощью можно подавить личность Лейрда. Придется списать этого землянина... со временем.

В результате Дариеш получит новое бессмертие — новое бессмертное тело — и столетиями, и тысячелетиями будет править юной цивилизацией.

Демон, изгоняющий человека, — вот он кто. Он устало улыбнулся и вскоре отключил свое сознание.

Корабль мчался сквозь звездную ночь, покрывая огромное расстояние. Время потеряло смысл, превратилось в пустое положение стрелок на циферблате, чередование сна и бодрствования, обедов и ужинов. Медленно двигались созвездия, когда корабль поглощал световые годы.

Бесконечное гудение могучих механизмов полета второго порядка заполняло их дни и их существование. Неостановимый круговорот работы, принятия пищи, сна и... Джоаны. Лейрд размышлял, наступит ли этому конец. Не превратился ли он в Летучего Голландца, заключенного в собственном черепе вместе с существом, победившим его? В минуты отчаяния он искал естественное утешение у Джоаны. Он инстинктивно тянулся к ней, и тогда он и Дариеш составляли единое целое. Однако потом...

— Дариеш, мы ведь летим на соединение с Большим флотом. Слышишь, ты! Она совершает триумфальное возвращение к объединенным силам Джаньи, неся с собой непобедимое оружие Ввирдды.

— А почему бы и нет? Она честолюбива по молодости лет. Она стремится к славе так же, как и ты. И что же?

— Когда же мы бежим? Мы теряем время. Пора похитить спасательную лодку и уничтожить корабль. И поскорее.

— Мы будем уничтожать все? И Джоану Ростов?..

— Дьявол... Ее можно похитить... или еще что-нибудь такое! Ты знаешь, черт возьми, что я влюбился в эту девушку. Но когда дело касается безопасности всей Земли!.. Теперь у одного этого крейсера достаточно силы, чтобы уничтожить всю мою планету. Там мои родители, братья, друзья — моя родина. Я должен действовать!

— Ладно, ладно, Лейрд. Спокойно... Сначала нужно собрать систему энергетических проекторов. Мы проведем серию испытаний, чтобы усыпить бдительность. Здесь, на борту, только Джоана безоговорочно верит нам. Ни один из офицеров ее не поддерживает.

Дни шли. Двойной мозг в едином теле методично работал, руководя джаньярдскими техниками, которые даже не понимали, что им приходится строить. Лейрд, используя знания Дариеша, представлял себе, какая гигантская сила заключена в этих схемах, трубах, невидимых энергетических полях. Эта сила, вырвавшись наружу, способна была превратить величайшую созидательную мощь вселенной в разрушительную энергию, разрывающую пространство-время, высвободить чистую энергию из атомов вещества, нарушить равновесие

полей, стоящих на страже самой сущности Космоса. Лейрд содрогнулся, вспомнив развалины Ввирдды.

Проектор был установлен. Дариеш предложил остановить крейсер, чтобы показать возможности своего оружия. Они выбрали безжизненную планету в ненаселенной системе и легли на орбиту в пятнадцати тысячах миль над ней. Дариеш занялся своей системой и вскоре превратил поверхность планетки в море лавы.

— Если бы я запустил проектор на полную мощность, — заметил он небрежно, — планета просто разлетелась бы на куски.

Лейрд оглянулся. Вокруг были бледные напряженные лица. На лбах блестели капельки пота, некоторым было дурно. Джоана настолько была потрясена, что забылась и упала в его объятия.

Но через минуту она подняла восторженное лицо.

— Итак, джентльмены, конец Земли близок как никогда. Нас уже ничто не остановит. Одного этого корабля, защищенного силовыми экранами, достаточно, чтобы опустошить всю Солнечную систему.

Дариеш с готовностью кивнул. Действительно, такое вполне возможно. Энергии потребуется не так уж много, поскольку вновь ожившие генераторы Ввирдды служат катализаторами, высвобождающими фантастически грандиозные силы. Армии Солнца не обладают знаниями и оружием, чтобы защититься даже от первого удара. Да, победить Солнце можно.

Он вздрогнул от внезапно взорвавшейся мысли Лейрда:

— Так вот оно что, Дариеш! Вот каков твой истинный план!

Два потока мыслей пересеклись в одном мозгу. Лейрд выдвинул свою точку зрения. Он считал, что все просто. Они должны успеть вооружить корабль до того, как он соединится с флотом. Джаньярдские техники не понимают сущности машин Ввирдды и не доверяют им, поэтому придется установить еще робот корабль, но об этом никто не должен знать.

Затем все будет так. Мы достигаем главного флота Джаньи, затем оружие поворотом рукоятки приводится в движение. Смертоносное излучение распространяется по крейсеру, и на борту остаются только трупы. Мертвые люди, парализованные роботы, а оружие тем временем будет направлено наружу, на джаньярдский флот. Свой же корабль несколькими выстрелами уничтожит все надежды захватчиков. Затем запрограммированный на это робот уничтожит и сам корабль, чтобы похоронить всякую возможность использования сверхоружия.

— Что будет с нами? Мы скроемся в самом начале. Да-с, Дариеш! Заранее прикажем роботам подготовить спасательный капитанский катер... возьмем на борт Джоану... и повернем к Солнцу. На крейсере ведь не останется уже никого, кто бы нас стал преследовать.

Ввирдданианин не торопился с ответом:

— План хорош. Смелый, неожиданный удар. Так и сделаем.

— Дариеш, что с вами? — в голосе Джоаны звучало беспокойство. — Вам плохо?..

— Нет, просто мне пришли в голову кое-какие мысли. Все в порядке, капитан Ростов.

Лейрд целовал ее. Вдруг он ощутил всю глубину удара, который нанесет ей спланированное им предательство. Ее друзья, ее мир, ее цель — все будет уничтожено, а уничтожит их он. Он боялся, захочет ли она после этого даже видеть его.

Дариеш, этот бесчувственный дьявол, казалось, наслаждался таким поворотом дел.

Лейрд, наконец, уснул. Дариеш всерьез думал, что план молодого землянина хорош. Главное — в нем нет ничего невыполнимого. Лейрд придумал его сам и теперь вплоть до встречи с основным флотом будет смаковать детали. Потом будет поздно. Дариеш обеспечит победу джаньярдов. Все, что нужно сделать ему, Дариешу, — когда придет роковой час, стараться не подойти к рукоятке. Лейрду нужно будет дотянуться до нее, он приложит к этому все силы. В этом случае их желания будут противоположными, и они должны взаимно уничтожиться. Это откроет победу Джанье.

Эта новая цивилизация внушает доверие. С ее свежестью, энергией, надеждами можно делать дела. Не то что вялые воспоминания Лейрда о Земле. Целеустремленность Джаньи поможет ей в борьбе. Эта цивилизация молода, она растет, она будет изменяться так, как нужно ему, Дариешу.

«Ввирда, — стучало в его мозгу, неподвластном Лейрду, — Ввирда, скоро ты возродишься! Джанья станет твоим подобием».

Вот и Большой флот!

Миллионы крейсеров и катеров разворачивают флот в неярком свете карликового Солнца. Кругом раскаленные добела звезды на фоне черного бархатного Космоса и, насколько хватает взгляда, ряд за рядом выстраивается флот Джаньи. Корабли выглядят, как гигантские акулы, рассекающие пространство. На них смерть: пушки, торпеды, бомбы, люди, защищенные броней. Они готовы напасть на планету и уничтожить цивилизацию. Воображение с трудом справлялось с этой картиной. Человек полностью не мог охватить всего этого могучего джаньярдского флота. В мозгу, как на экране, отпечатывалось нечто огромное и непобедимое.

Своим острием, стрелой со стальным наконечником джаньярдский флот был устремлен на Землю. Пробить защитные линии Солнца и разрушить Империю — вот для чего они здесь. «Как могут люди стремиться уничтожить Землю? — безжизненно думал Лейрд. — Они не люди уже. Космос переменял их. Ни одно человеческое существо не может замышлять гибель разума, колыбели всего человечества». Его ярость обрушилась на Дариеша:

— Кончай, Дариеш! Вот наш шанс!

— Да нет, Лейрд. Давай подождем, подождем еще немного. У нас нет удобного предлога покинуть корабль.

— Ладно. Но пойдем в контрольную рубку. Нужно потихоньку подбираться к переключателю. Боже, боже, от нашего поступка зависит судьба всего человечества.

Дариешу пришлось согласиться. Он не смог скрыть недовольства, что удивило Лейрда. Часть его сознания, загнанная поглубже, ждала постгипнотического сигнала, который должен был пробудить ее.

У их корабля был неустроенный вид. Его собственное вооружение было снято с него. Вместо этого поставили аппараты Ввирдды. Механический мозг робота являлся теперь и пилотом, и артиллеристом крейсера. О том, какие приказы получил робот, знал лишь двойной мозг Дариеша-Лейрда.

КОГДА ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ БУДЕТ СДВИНУТ, НУЖНО ЗАЛИТЬ КОРАБЛЬ СМЕРТОНОСНОЙ РАДИАЦИЕЙ... ЗАТЕМ, КОГДА КАПИТАНСКИЙ КАТЕР УДАЛИТСЯ, ТЫ УНИЧТОЖИШЬ ФЛОТ, НЕ ТРОНУВ ТОЛЬКО ОДИН ЭТОТ КАТЕР. КОГДА НЕ ОСТАНЕТСЯ НИ ОДНОГО КОРАБЛЯ, ТЫ АКТИВИЗИРУЕШЬ ДЕЗИНТЕГРАТОРЫ И ПРЕВРАТИШЬ СОБСТВЕННЫЙ ЖЕ КОРАБЛЬ СО ВСЕМ ЕГО СОДЕРЖИМЫМ В ГАЗОВОЕ ОБЛАКО.

Лейрд в лихорадке, не отрываясь, смотрел на переключатель. Обычная рукоятка. Подумать только — от угла ее наклона относительно щитка зависит вся история космических завоеваний. Он с трудом отвел взгляд от нее и посмотрел на тучу кораблей врага. Как можно спокойней он взял сигарету. Руки дрожали. Он судорожно затянулся. На лбу выступил пот. Он ждал.

Ничего не подозревающая Джоана подошла к нему. За ней шли несколько офицеров. Глаза ее сияли, на щеках играл румянец возбуждения, в отблесках света ее волосы казались расплавленной медью. «Как хороша, — думал Лейрд. — Почему именно ему выпало сделать ее несчастной?»

— Дариеш! — в ее голосе звенел восторг. — Дариеш, адмирал хочет нас видеть, он приглашает нас на свой корабль. Вероятно, он хочет понять действие оружия. Затем флот направится к Солнцу. Мы полетим в авангарде. Дариеш, Дариеш! Мы выиграем войну!

«Вот тот момент», — мелькнула мысль Лейрда, рука его метнулась к переключателю.

Тут же сработало подсознание Дариеша, рука застыла на полпути.

Нет!

Как же это? Как...

Вторая половина мозга Дариеша открылась Лейрду, и он понял, что проиграл.

Все было невероятно просто. Дариеш остановил его, задержал его руку приказом своей воли. Лейрд все понял: пока он спал, Дариеш продолжал тренировать свое ввирдданианское подсознание. Но Дариеш не учел одного: Лейрд во время сознательно созданного сомнамбулизма написал Джоане письмо, в котором сообщал правду. Он положил это письмо так, чтобы она обнаружила его, когда будет искать причину его странного паралича. В письме также дан совет содержать тело его и Дариеша под стражей, пока не удастся овладеть всей ввирдданианской психиатрией: наркотиками, электрическими полями, гипнозом. Именно эти приемы и вычеркнули Лейрда.

Джаньярды стояли на пороге победы.

— Дариеш, — как из тумана выступало на него лицо Джоаны, голос ее звучал тускло, заглушаемый внутренним спором Дариеша и Лейрда. — Дариеш, дорогой, что с вами? Вам плохо?

Тем временем ввирдданианин уговаривал:

— Сдавайся, Лейрд. Я могу даже сохранить твоё «я». Письмо я уничтожу, никто ничего не узнает. Видишь, теперь весь мой мозг тебе открыт. Сейчас я веду честную игру. Я уважаю тебя, я не хочу вредить тебе. Но советую тебе сдаться, или мне придется изгнать тебя из твоего собственного тела.

Медленная смерть, как результат непокорности. Он потерпел поражение и должен погибнуть. Он не способен был сейчас думать четко. Он промямлил:

— Сдаюсь. Ты победил, Дариеш.

Тело рухнуло на пол. Джоана бросилась к нему.

— Что с вами?

Дариеш растерянно улыбался.

— Я что-то устал. Еще не совсем овладел чужой нервной системой. Все пройдет. Уже лучше. Идемте.

И тут рука Лейрда дернула рукоятку.

Дариеш опоздал со своей командой. Он закричал, стараясь овладеть рукой, тело вновь забилося в параличе.

Сознание Лейрда восстановилось, в нем смешались горечь поражения и облегчение от победы. Он судорожно соображал:

— Никто не видел, как я это сделал. Они наблюдали только за моим лицом. Теперь смертоносная радиация уже здесь. Если ты не подчинишься, Дариеш, мы все погибнем.

Все оказалось элементарно. Изучая память Дариеша, Лейрд познакомился и с его знаниями о тренировке подсознания. Скрытой половиной мозга он предвидел, что ввирдданианин задумал что-то, и послал самому себе постгипнотическую команду. В ситуации, когда, казалось, он безнадежно проиграл, сознательная часть его «я» сдалась, а подсознательная отдала приказ повернуть рукоятку.

— Соглашайся, Дариеш, соглашайся. Ты не менее меня любишь жизнь. Вместе мы выберемся из этого ада.

Дариеш еле выдавил:

— Ты выиграл, Лейрд...

Тело поднялось и направилось к отсеку, в котором был капитанский катер. Невидимые лучи смерти пронизывали все живое. Через три минуты нервная система будет разрушена.

— Что ты как медленно идешь! Быстрей, Джоана, бежим.

— Зачем? — она испуганно остановилась, оглянулась на своих офицеров. На их лицах появилось подозрение. — Дариеш, что все это значит?

— Капитан! — один из офицеров рванулся вперед. — Капитан... Он повернул рукоятку. Он хочет покинуть корабль. Никто из нас не знает, что заключается в его механизмах.

Лейрд выхватил пистолет из кобуры Джоаны и выстрелил в него. Второй не успел схватиться за оружие, пистолет Лейрда сверкнул вновь. Он кулаком ударил Джоану под подбородок и подхватил ее на руки. Скорее, скорее в катер.

В коридоре, ведущем к катеру, стояла стража.

— Что с ней? — спросил старший.

— Ей плохо... Радиация от машин... Ее нужно срочно доставить в госпиталь, — отвечал Лейрд.

Они в раздумье отступили, и он проскользнул в катер.

— Нам нужно ехать с вами? — спросил охранник.

— Нет, — Лейрд уже ощущал головокружение. Радиация начала действовать, смерть приближалась неотвратимс...

— Нет... — он ударил кулаком в лицо не отстававшего от них джандьярда, захлопнул люк и упал в кресло пилота.

Мотор взревел, пробудившись. Кулаки и приклады барабанили в люк. Он почувствовал приступ рвоты.

О, Джоана, как это подействует на тебя...

Он включил скорость. Ускорение вдавило его в кресло.

На экране он увидел яркую вспышку: гигантские орудия Ввирдды открыли огонь.

Мой стакан давно был пуст. Я попросил наполнить его и сидел, невольно гадая, какова доля правды в этой сказке.

— В той исторической науке, которую мы изучали, — размышлял я вслух, — существует мнение, что какая-то глобальная катастрофа уничтожила главный флот Джаньи. Это изменило ход войны. Примерно через год Солнце победило. Значит, это сделали вы?

— Выходит, так. Некоторым образом я. Или Дариеш. Мы действовали как один. Он не враг себе. В тот момент, когда он увидел, что я готов умереть, но не сдался, он перешел на мою сторону.

— Слушайте, а почему об этом не говорят? Почему вы ничего не рассказали? Можно было восстановить машины...

Грубое, обветренное лицо Лейрда исказила мрачная усмешка.

— Можно было... Но земная цивилизация не готова использовать эти машины. Даже Ввирдда была не готова, а Земле до Ввирдды — миллион лет. Кроме того, в нашем договоре оговаривалось...

— В договоре?

— Конечно. Ведь Дариеш и я все еще существовали вместе. Жизнь под постоянным подозрением взаимного предательства невыносима. Ведь приходилось бы не доверять собственному мозгу. Мы заключили соглашение на пути к Солнцу. А летели мы долго. Мы использовали ввирдданианские методы аутогипноза, чтобы убедиться, что договор не будет нарушаться.

Он печально глянул на лунное небо.

— Вот почему я считаю, что тот джинн из бутылки убил меня. Две личности неизбежно слились, стали одной. Естественно, новая личность большей частью Дариеш, чем Лейрд.

О, это не страшно! — добавил он. — Мы хорошо помним свою жизнь, когда были еще разделены. Мы учитьваем особенности каждого «я». В сущности жизнь землянина была так бедна возможностями, ограничена, что жалеть о ней нечего. Но иногда его «я» прорывается. Хочется поговорить. Тогда я выбираю такого человека, который заведомо мне не поверит и не сможет никак использовать мой рассказ.

— Почему вы ушли в Поиск? — осторожно поинтересовался я.

— Мне хотелось как следует изучить Вселенную, прежде чем заниматься ее преобразованием. Дариеш хочет сам сориентироваться, собрать побольше данных, чтобы не ошибиться в принятии решения. Когда мы перейдем в новое тело — бессмертное, — у нас будет куча работы: переносить Галактику в лучших ввирдданианских традициях. Для этого потребуются тысячелетия, но время у нас будет! — он провел рукой по коротко стриженным волосам. — У Лейрда тоже было условие. Он требовал, чтобы мы жили нормальной человеческой жизнью, пока его тело не будет слишком старым. Вот... — он пожал плечами, — так мы и живем.

Он посидел еще немного. Мы больше не разговаривали. Он встал.

— Простите, — сказал он. — Вон моя жена идет. Спасибо за компанию.

Я смотрел, как он идет навстречу высокой красивой женщине. У нее были удивительно рыжие волосы.

Донесся его голос:

— Наконец-то, Джоана.

Они рука об руку вышли из зала. Они ничем не отличались от других людей.

Я подумал о том, что у него, может быть, припасены для нас еще какие-нибудь небылицы...

РУКА ДАЮЩАЯ

Раздался мелодичный звон колокольчика, а затем бесцветный голос робота, шефа дипломатического протокола, объявил:

— Его Превосходительство Валка Вахино, Чрезвычайный и Полномочный Посол Планетарной Лиги Кундалоа в Соединенных Республиках Солнца!

Представители Земли вежливо встали. Несмотря на неблагоприятные условия: большую гравитацию и сухой, холодный воздух, посол двигался с врожденной грацией, вызывая у людей удивление исключительной красотой его расы.

Эта красота была совершенно человеческой, поскольку физически, да и умственно жители Кундалоа были близки людям, а незначительные отличия — капелька экзотики — только добавляли им прелести. При этом люди чувствовали, что эта раса все-таки не совсем чужая.

Ральф Дэлтон внимательно присмотрелся к послу. Валка Вахино был идеальным представителем своего народа: гуманоидный млекопитающий, двуногий, с мужественным лицом, высокими скулами и темными глазами. Изящный, чуть ниже ростом, чем земляне, он двигался быстро и бесшумно. Длинные сапфировые волосы спускались до плеч, открывая высокий лоб и создавая приятный контраст с темно-золотистой кожей. Посол был одет в древний костюм лауджов с Кундалоа — сверкающую серебристую туннику и пурпурный плащ, покрытый, словно роем звезд, металлической вышивкой, на ногах — мягкие позолоченные сапоги. В узкой шестипалой руке он сжимал богато украшенный жезл — знак своего ранга, который одновременно служил верительной грамотой.

Он поклонился уважительно, но без всякого подобострастия, и бегло заговорил на земном языке с легким певучим акцентом.

— Мир вашим домам! Великий Дом Кундалоа шлет привет и наилучшие пожелания братьям Республик Солнца. Уверения в дружбе привез вам посланник Великого Дома Валка Вахино.

— Премьер Соединенных Республик Солнца Ральф Дэлтон от имени всех народов Солнечной Системы приветствует и поздравляет посланника Великого Дома Валка Вахино и выражает глубокую дружбу Планетарной Лиге Кундалоа.

Затем Дэлтон представил собравшихся: министров, технических советников, представителей штабов; в этом зале собралась правящая элита Солнечной Системы.

— Начинаем конференцию, — продолжал Дэлтон, — по поводу предложений, сделанных нами Великому Дому Кундалоа. Конференция транслируется по телевидению, и решение будет принято на основании наших бесед.

— Понимаю. Это очень хорошая мысль, — ответил Вахино. Он подождал, пока все сели, потом занял свое место.

Воцарилось молчание. Всеобщее внимание было приковано теперь к большим настенным часам. Вахино прибыл точно в назначенное время, а вот Скорроган со Сконтара запаздывал. «Невежа», — подумал Дэлтон. Впрочем, сконтариане известны дурными манерами в отличие от кундалоанцев, чья деликатность вошла в поговорку, но при этом вовсе не означала слабости.

Начался выжидательный разговор, обычный в таких обстоятельствах. Оказалось, что Вахино не раз бывал в Солнечной Системе, особенно в последнее время. Ничего удивительного, если вспомнить тесные экономические связи обеих планет. В университетах Земли обучалось множество кундалоанских студентов, а перед войной множество туристов с Земли летали на Кундалоа. Наверное, туризм снова расцветет, когда планета начнет подниматься из руин.

— О да, — говорил Вахино. — Мы очень надеемся на это. Вся молодежь Кундалоа мечтает побывать на Земле, хотя бы недолго. Можно без преувеличения сказать, что мы испытываем безграничный восторг перед вами и вашими достижениями.

— Этот восторг взаимен, — отвечал Дэлтон. — Ваша культура, ваша литература, искусство и музыка пользуются большой популярностью во всей нашей Системе. Множество людей — и не только ученых — учат лауджский язык, чтобы прочесть Дванагоа-Эпаи в оригинале. Кундалоанские эстрадные певцы имеют огромный успех, а ваши юноши, — он улыбнулся, — с трудом отбиваются от наших девушек. И если число браков до сих пор невелико, то только потому, что они, к сожалению, бесплодны.

— И все же, — настаивал Вахино, — мы отдаем себе отчет, что ваша цивилизация задаст тон во всей Галактике. Дело не только в том, что цивилизация соляриан стоит выше всех в отношении техники, хотя это одна из главных причин: вы первые поделились с нами своими научными достижениями. Но сейчас речь идет о помощи, которую вы предлагаете: вы готовы отстроить уничтоженные миры, отстоящие от вас на целые световые годы, готовы поделиться с нами вашими сокровища и знания, поскольку нам практически нечем отблагодарить вас. Одно это ставит вас во главе всей Галактики.

— Как вам хорошо известно, наши мотивы эгоистичны, — сказал Дэлтон слегка смущенно. — Разумеется, обычный гуманизм тоже играет определенную роль: мы не можем позволить, чтобы раса, похожая на нас, терпела нужду, тогда как Солнечная Система и ее колонии ни в чем не нуждаются. Но наша собственная кровавая история учит, что экономическая помощь, вроде нынешней программы, выгодна и для помогающего. Когда мы отстроим Кундалоа и Сконтар и модернизируем их отсталую промышленность, можно будет начать торговлю. А наша экономика по-прежнему опирается в основном на

торговлю. Мы исключим саму возможность войн вроде той, что недавно закончилась, и обречем союзников против действительно чуждых и грозных цивилизаций Галактики, с которыми нам, возможно, придется столкнуться.

— Мы молим Высочайшего, чтобы этот день никогда не пришел, — сказал Вахино.

Колокольчик зазвенел снова, и робот объявил:

— Его Превосходительство Скорроган, сын Валтака, князь Краа-кахейма, Чрезвычайный и Полномочный Посол Империи Сконтара в Соединенных Республиках Солнца!

Все снова встали, на этот раз несколько медленнее, и Дэлтон заметил на многих лицах недовольное выражение, которое, впрочем, тут же сменилось обязательной вежливостью. Трудно было отрицать, что сконтариане были сейчас не очень-то популярны на планетах Солнечной Системы. Отчасти по собственной вине, но только отчасти.

Повсеместно считалось, что войну начал Сконтар, однако это было неверно. Вся беда была в том, что солнца Сканг (центр планетарной системы Сконтара) и Аваики (центра системы Кундалоа) отстояли друг от друга всего на половину светового года, а между ними располагалось солнце Аллан с целой плеядой планет.

Когда земляне добрались до Сконтара и Кундалоа, там уже сложились довольно мощные цивилизации, и обе были не прочь прибрать к рукам зеленые планеты Аллана. Обе имели там колонии, и это вызывало постоянные стычки, которые впоследствии переросли в ужасную пятилетнюю войну; она истощила обе системы и закончилась при посредничестве Земли.

Что касается людей, то они любили кундалоанцев, а значит, не любили сконтариан, на которых и сваливали всю вину. Впрочем, Сконтар и перед войной не пользовался особенной симпатией. Его жителей обвиняли в изоляционизме и стремлении во что бы то ни стало придерживаться отживших, с точки зрения землян, традиций. Раздражение вызывал их образ жизни и даже внешний вид.

Дэлтону пришлось туго, когда он уговаривал Собрание пригласить Сконтар на конференцию по экономической помощи. С большим трудом премьеру удалось объяснить, насколько это важно — получить доступ к природным богатствам Сконтара и заручиться дружбой могучего народа.

Программа помощи была пока только в проекте. Собрание должно было определить, кому именно нужно помогать, а потом и санкционировать переговоры с заинтересованными сторонами. Нынешняя неофициальная встреча была, так сказать, первым шагом. Но шагом решающим.

Когда сконтарианин вошел, Дэлтон вежливо поклонился. В ответ посол стукнул об пол древком огромного копья, прислонил свое ору-

жис к стене, а затем вынул из-за пояса и подал земному премьеру атомный пистолет. Дэлтон осторожно взял его и положил на стол.

— Приветствую и поздравляю, — сказал он, поскольку Скорроган молчал. — Соединенные Республики Солнца...

— Спасибо, — прервал его хриплый бас. — Валтам Империи Сконтара шлет привет премьеру Солярии устами Скоррогана, князя Краахейма.

Казалось, что посол заполняет весь зал своей могучей безобразной фигурой. Сконтариане жили в мире высокой гравитации и низких температур, но были, однако, расой гигантов, ростом более двух метров и с такой мощной мускулатурой, что казались необъятно толстыми. Их считали гуманоидами, поскольку они были двуногими млекопитающими, но на этом сходство с людьми кончалось. Из-под широкого низкого лба и нависших бровей Скоррогана смотрели ястребиные глаза. Нижняя часть лица была срезана, а на месте подбородка торчал мощный костяной бивень, челюсти полны были страшных клыков, высоко на черепе торчали короткие уши. Густая коричневая шерсть покрывала тело до самого кончика подвижного хвоста, с головы и шеи свисала рыжая грива. Несмотря на страшную, по его меркам, жару, посол был одет в церемониальные меха и распространял вокруг острый запах пота.

— Князь опоздал, — с сомнительной вежливостью сказал один из министров. — Надеюсь, у него не было никаких серьезных препятствий...

— Нет, — ответил Скорроган. — Просто я просчитался со временем. Прошу прощения, — добавил он отнюдь не извиняющимся тоном, тяжело рухнул на ближайшее кресло и открыл папку. — Перейдем к делу, господа?

— Ммм... пожалуй. — Дэлтон тоже уселся. — На этих предварительных переговорах мы не будем излишне интересоваться цифрами и фактами, а мы хотим только согласовать основные цели и общую политику.

— Разумеется, вы захотите ознакомиться с нынешним состоянием ресурсов Кундалоа, а также наших алланских колоний, — сказал своим мягким голосом Вахино.

— Да, — сказал Дэлтон. — Мы пошлем группу экспертов и технических советников...

— Кроме того, — начал начальник штаба, — возникает проблема безопасности...

— У Сконтара есть своя армия, — буркнул Скорроган. — Пока об этом можно не беспокоиться.

— Может, и нет, — согласился министр финансов. Он вынул сигарету и закурил.

— Перестаньте курить! — рявкнул Скорроган. — Вы же знаете, что сконтариане не переносят табачного дыма...

— Простите! — Министр финансов раздавил сигарету в пепельнице и взглянул на Дэлтона. Рука министра слегка дрожала. Опасения были напрасными — климатизаторы моментально поглощали дым. К тому же как можно кричать на члена правительства, явившись просить помощи...

— Не надо забывать о других планетных системах, — поспешно сказал Дэлтон, отчаянно стараясь сгладить инцидент. — Я имею в виду солярианские колонии, и не только их. Думаю, экспансия ваших двух рас выйдет за пределы вашей тройной системы, а запасы, обретенные таким образом...

— Сконтару необходима экспансия! — воскликнул Скорроган. — Договор просто ограбил нас! Впрочем, неважно. Простите. Тяжело сидеть за одним столом с врагами, особенно скрытыми.

На этот раз молчание длилось долго. Дэлтон с почти физическим неудовольствием понял, что Скорроган необратимо разрушил зыбкое согласие. Даже пойми он ситуацию и попытайся ее исправить — а кто видел, чтобы аристократ со Сконтара объяснялся перед кем-то! — было уже слишком поздно. Сотни миллиардов людей у своих телеэкранов оказались свидетелями небывалой наглости посла недружественного государства. Кроме того, слишком много влиятельных солярианцев сидело в этом зале, смотрело в его презрительные глаза и чувствовало острый запах нечеловеческого пота.

Стало ясно, что Сконтар не получит помощи.

На закате тучи повисли над темной линией гор, и холодный порыв ветра принес в долину весть о зиме. С неба летели первые снежинки, кружились на фоне неба, кровавого от гаснущего зарева. К полуночи начнется метель.

Показался и скользнул в ангар, словно слепленный из темноты, космический корабль. За небольшим космопортом в полумраке виднелся древний город Гейрхейн. Отблески заката падали на крутые крыши старых домов, извилистые улочки были пусты, как овраги, они тянулись к вершине холма, где возвышался мрачный замок, древнее гнездо местных баронов. Валтам выбрал его своей резиденцией, и маленький Гейрхейн стал столицей Империи, поскольку от гордого Скирнора и великолепного Труванга остались только радиоактивные руины, и дикие звери были сейчас на пепелище старого дворца.

Скорроган, сын Валтака, вышел из корабля, вздрогнул и поплотнее завернулся в меха. Сконтар был холодной планетой, здесь мерзли даже аборигены.

У входа в ангар посла ожидали высшие вожди Сконтара. Скорроган внутренне содрогнулся, но лицо его сохранило равнодушное выражение.

Встретить посла пришел сам Валтам. Его белая грива развевалась по ветру, золотые глаза горели зловещим огнем, в них проглядывала

плохо скрываемая ненависть. Рядом с Императором стоял его старший сын и наследник Тордин. В пурпуре заката острие его копья казалось окровавленным. За правителем толпились вельможи Сканга, маркграфы Сконтара и других планет, за ними поблескивали шлемы и кирасы лейб-гвардии. Лица были в тени, но от фигур так и веяло презрением и враждебностью.

Скорроган подошел к Валтаму, приветственно ударил копьем и слегка наклонил голову. Воцарилась тишина, только ветер постанывал, вздымая снег.

Наконец без каких-либо приветствий заговорил Валтам.

— Итак, ты вернулся, — сказал он. Это прозвучало, как пощечина.

— Да, господин, — Скорроган изо всех сил старался говорить спокойно, это ему удавалось, но с трудом. Он не боялся смерти, на него давила тяжесть неудачи. — С прискорбием должен сообщить, что моя миссия провалилась.

— Это нам известно, — холодно ответил Валтам. — Мы видели твой телерапорт.

— Милостивый господин, Кундалоа получит от соляриан неограниченную помощь, а Сконтару отказано во всем. Никаких кредитов, никаких технических советников, ничего. Мы не можем рассчитывать ни на торговлю, ни на туристов.

— Мы и это знаем, — сказал Тордин. — Но ты был послан, чтобы получить эту помощь.

— Я пытался, господин. — Скорроган говорил лишь потому, что должен был что-то сказать. — Соляриане испытывают к нам инстинктивную неприязнь, они любят кундалоанцев, а мы слишком сильно отличаемся от них.

— Да, отличаемся, — холодно признал Валтам, — но прежде это не имело особого значения. Минганиане, гораздо менее гуманоидные, чем мы, получают от соляриан огромную помощь. Такую же, какую получит Кундалоа, какую могли бы получить и мы. Мы хотим, — продолжал он, — самых хороших отношений с сильнейшей цивилизацией Галактики и могли бы их иметь. Из надежных источников я знаю, какие настроения царили в Соединенных Респуббликах — соляриане были готовы помочь нам, сделай мы хоть шаг навстречу. Тогда можно было бы подумать о восстановлении нашей мощи и даже о большем... — голос его сорвался.

После паузы он заговорил снова, но теперь к горечи все явственнее примешивалась ненависть.

— Я послал тебя как моего специального представителя, чтобы ты заручился великодушно предложенной помощью. Я верил в тебя, я не сомневался, что ты понимаешь тяжесть нашего положения... А ты... ты вел себя нагло и бесцеремонно. В глазах соляриан ты оказался олицетворением тех черт, которые они ненавидят в нас. Неудивительно, что нам отказали. Хорошо еще, что не объявили войны!

— Может быть, пока не поздно, — сказал Тордин, — мы пошлем другого...

— Нет, — Валтам поднял голову с врожденной гордостью этой железной расы, с надменностью, свойственной культуре, для которой честь всегда была превыше жизни. — Скорроган был нашим полномочным послом, и извиняться за его плохое воспитание — это все равно, что ползать на коленях перед всей Галактикой... Нет, это невозможно! Мы должны обойтись без соляриан!

Снег пошел гуще, тучи закрыли все небо. Лишь в одном месте сверкало несколько звезд.

— Честь дорого нам обойдется! — воскликнул Тордин. — Сконтар голодает — а продукты соляриан могли бы поддержать его, ходит в лохмотьях — а соляриане прислали бы одежду. Наши заводы уничтожены или устарели, наша молодежь растет, не зная галактической цивилизации и технологии, — соляриане прислали бы нам машины и техников, помогли бы все восстановить. Они прислали бы учителей, и перед нами открылась бы дорога к величию... Но теперь слишком поздно. — Тордин удивленно смотрел на своего друга Скоррогана. — Ну почему ты это сделал? Почему?!

— Я сделал, что мог, — сухо ответил Скорроган. — А если я не подходил для этой миссии, нужно было послать кого-нибудь другого.

— Ты вполне подходил, — сказал Валтам. — Ты был лучшим дипломатом из нас. Твоя ловкость, твое понимание внесконтарианской психологии, твой выдающийся ум делали тебя незаменимым для этой миссии. А ты в таком простом и важном деле... Но хватит! — Голос его перекрыл рев ветра. — Мое доверие к тебе исчерпано! Сконтар узнает, что ты погубил его!

— О, господин! — воскликнул Скорроган прерывающимся голосом. — Я стерпел от тебя слова, за которые любой другой заплатил бы кровью! Но не заставляй меня слушать дальше. Позволь мне удалиться.

— Я не могу лишить тебя наследственных прав и титулов, — сказал Валтам, — но твоя роль в правительстве Империи закончена. Отныне не смей показываться при дворе. Сомневаюсь, что у тебя будет много друзей.

— Может быть, — ответил Скорроган. — Но я сделал все, что было в моих силах, а теперь, после таких оскорблений, даже если бы мог объяснить тебе свою позицию, не скажу ни слова. Однако если мне будет позволено посоветовать кое-что относительно будущего Сконтара...

— Это лишнее, — сухо сказал Валтам.

— ...то я рекомендовал бы подумать о трех вещах. — Скорроган указал копьём на далекие блестящие звезды. — Во-первых, помните о трех солнцах. Во-вторых, о некоторых новых работах в науке и технологии здесь, у нас, — таких, как работа Дирина по семантике. И,

наконец, посмотрите вокруг. Взгляните на дома, построенные вашими отцами, на одежду, которую носите, послушайте свой язык. И лет через пятьдесят приходите ко мне... извиняться! — Он закутался в плащ, поклонился Валтаму и, широко шагая, двинулся через поле к городу. Все смотрели ему вслед с горечью и недоумением.

В городе царил голод. Бывший посол ощущал его даже сквозь стены — голод отчаявшихся, истощенных существ, что теснились у костров и не знали, переживут ли они зиму. На мгновение он задумался, сколько из них умрет, но тут же отогнал эти мысли.

Услышав чью-то песню, он остановился. Странствующий бард, из тех, что в поисках хлеба бродят от города к городу, шел по улице, его ветхий плащ развевался на ветру. Тонкими пальцами бард трогал струны арфы и пел древнюю балладу, в которой заключена была вся резкая мелодичность, весь звучный, железный тембр древнего языка Сконтара. Чтобы отвлечься, Скорроган перевел две строфы на земной язык:

Крылатые птицы войны
в диком полете
будят уснувшее зимой
стремление к дальнему пути.
Милая моя, пришло время,
пой о цветах,
прекраснейшая,
когда прощаешься.
Будь здорова, я люблю тебя.

Все напрасно. Не только терялся металлический ритм твердых, острых слогов, не только пропадали сложные рифмы и аллитерации, но, что хуже всего, в переводе на земной это не имело смысла. Не хватало подходящих слов. Как можно, например, переводить полное всевозможных оттенков «виркансраавин» словом «прощаться»? Нет, их психологии слишком различны.

Да, именно в этом был смысл его ответа вождям. Но и они не поймут. Не могут понять. Пока не могут понять. И он останется один перед лицом наступающей зимы.

Валка Вахино сидел в саду и купался в солнечных лучах. Теперь у него редко бывала возможность для «аликаул». Как же это перевести на земной язык? «Сиеста»? Не совсем точно: кундалоанец отдыхал, но никогда не спал после полудня. Обычно он сидел или лежал во дворе, и солнце проникало внутрь его тела, или же его обмывал теплый дождь. Его мысли плыли спокойно, соляриане называли это мечтой наяву, хотя это было нечто иное, просто в земном языке не было подходящего слова. «Психическое расслабление» звучало уж очень неуклюже и прозаично.

Иногда Вахино казалось, что он так и не отдыхал никогда в жизни. Тяжкие миссии времен войны, потом — утомительные путешествия

на Землю... А в последнее время Великий Дом назвал его Верховным Связным, уверенный, что никто лучше него не понимает соляриан.

Может, это и так. Он провел среди них много времени, любил их и как расу, и как отдельных индивидуумов. Но... великие духи! Как они работали — буквально не разгибаясь! Можно было подумать, что каждого подгоняет стая демонов.

Честно говоря, другого способа восстановить хозяйство, освободиться от устаревших традиций и получить такие желанные, ошеломляющие богатства просто не было. Но, с другой стороны, какое наслаждение вот так лежать в саду, смотреть на большие золотистые цветы, вдыхать воздух, насыщенный их ароматом, слушать жужжание насекомых и складывать стихи.

Солярианам трудно понять народ, состоящий из одних поэтов, а ведь самый глупый и ничтожный кундалоанец умел, вытянувшись на солнце, слагать стихи. Что ж, у каждой расы свои таланты. Разве можно сравняться с изобретательским гением землян?

В голове Вахино кружились звучные, певучие строфы. Он укладывал их, тщательно подбирая каждый слог, и с растущим наслаждением создавал целое. Да, так будет хорошо... Это запомнят и будут петь даже через сто лет. Валка Вахино не будет забыт. Кто знает, не назовут ли его мастером стихосложения — «алиа амауи кауанхиро валана вро»!

— Простите, господин! — Тупой, металлический голос заскрежетал в его мозгу. Нежная ткань поэзии затрещала по швам и растаяла, словно покрывало Елены Прекрасной из трагедии «Фауст» земного поэта Гете. Некоторое время Вахино не чувствовал ничего, кроме боли утраты.

— Простите, но вас хочет видеть мистер Ломбарт.

Голос принадлежал роботу-курьеру, его подарил сам Ломбарт. Вахино раздражал этот механизм из блестящего металла, чуждый среди старых гобелсов и барельефов, но он боялся обидеть дарителя, да и предмет был полезен.

Ломбарт, руководитель солярианской миссии восстановления, был важнейшим человеком во всей Системе Аваики, и Вахино оценил его вежливость: вместо того чтобы послать за Верховным Связным, солярианин потрудились явиться сам. Вот только время он выбрал не очень удачно.

— Передай мистеру Ломбарту, что я сейчас буду.

Нужно что-нибудь надеть на себя. В отличие от кундалоанцев люди были явно предубеждены против наготы. Наконец он вышел в зал, где стояли кресла для землян: они неохотно садились на традиционные плетеные циновки. Увидев Вахино, Ломбарт встал.

Землянин был низким, плотным и седым. Собственным трудом он поднялся до руководителя миссии, и усилия эти оставили на нем заметные следы. За любую работу он брался с яростью и был тверд, как

сталь. Он был напорист, смело брался за любую проблему и творил подлинные чудеса в Системе Аваики.

— Мир вашему дому, брат, — растягивая звуки, пропел Вахино.

— Добрый день, — сказал землянин и, увидев, что Вахино делает знаки прислуге, поспешно добавил: — Только без ритуалов! Я их очень высоко ценю, но сейчас просто нет времени битый час сидеть за столом и переливать из пустого в порожнее, говорить о культуре, боге, уважении друг к другу, прежде чем перейти к настоящему делу. Я как раз хотел, чтобы вы объяснили согражданам, что с этим пора покончить.

— Но это же наш древнейший обычай...

— Вот именно — древнейший и поэтому тормозит прогресс. Я не имею в виду ничего плохого, мистер Вахино, я хотел бы, чтобы и у нас были такие же прекрасные обычаи, но только не во время работы. Очень вас прошу.

— Наверное, вы правы. Это просто не подходит для современной модели промышленной цивилизации, а именно к ней мы идем. — Вахино сел в кресло и подал гостю сигарету. Курение было типичным пороком соляриан, к тому же весьма заразным. Вахино тоже закурил с удовольствием неопита.

— По этому-то делу я и пришел, мистер Вахино. У меня нет никаких определенных жалоб, но набралось множество мелких трудностей, с которыми можете справиться только вы сами. Мы, соляриане, не хотим, не можем вмешиваться в ваши дела, но кое-что вы должны изменить, иначе мы не сможем вам помочь.

Вахино все уже знал. Он давно ждал этого визита и сейчас с грустью подумал, что деваться некуда. Затянувшись сигаретой, он выпустил клуб дыма и вежливо поднял брови, однако тут же вспомнил, что у соляриан изменение выражения лица не составляет части разговора, и поэтому громко сказал:

— Прошу вас, откройте мне, что у вас на сердце. Я понимаю, здесь нет намерения обидеть нас, и потому не усмотрю его.

— Хорошо! — Ломбарт наклонился к нему и доверительно тронул за плечо. — Дело в том, что вся ваша культура, вся ваша психология не подходит к современной цивилизации. Это можно изменить, но изменение должно быть радикальным. Для этого вы должны принять соответствующие уставы, организовать пропагандистскую кампанию, изменить систему образования и так далее.

Возьмем, например, — продолжал он, — такой обычай, как сеста. Сейчас, когда мы беседуем с вами, на всей планете не крутится ни одно колесо, не действует ни одна машина, никто не работает. Все лежат на солнышке, слагают стихи, напевают песенки или просто дремлют. Так не пойдет, Вахино, если мы хотим построить развитую цивилизацию! Плантации, рудники, фабрики, города! При четырехчасовом рабочем дне мы с этим не справимся.

— Да, конечно, конечно, но у нас, наверное, нет энергии вашей расы. Ведь ваш вид отличается интенсивной работой щитовидной железы.

— Это дело привычки. Нужно только научиться. Совсем не обязательно работать через силу. Мы для того и механизуем вашу жизнь, чтобы избавить вас от непомерных физических усилий и перегрузок. Но машинную цивилизацию невозможно изменить и примирить с таким количеством верований, обрядов, обычаев и традиций, как у вас. В этом вы очень напоминаете мне сконтариан, которые никак не могут расстаться со своими древними копьями.

— Традиция придает жизни ценность и смысл...

— Культура машин создает собственные традиции. Со временем вы убедитесь в этом. Она создает собственный смысл, и думаю, что это смысл завтрашнего дня. Тот, кто держится за устаревшие обычаи, обречен плестись в хвосте. Ваша денежная система...

— Она очень практична.

— По вашим меркам — да. Но как вы можете торговать с Землей, если до сих пор оперируете серебром? Вы должны перейти на нашу систему, ввести абстрактные деньги. То же самое — с метрической системой, если вы хотите пользоваться нашими машинами или договориться с нашими учеными. Короче говоря, вы должны взять от нас все. — Ломбарт помолчал. — А ваши собственные понятия! Ничего удивительного, что вы не сумели подчинить планеты своей собственной системе, если каждый из вас непременно хочет быть похороненным там, где родился. Это прекрасное чувство, но и только. Вам придется избавиться от него, коль скоро намереваетесь достичь дальних звезд. — Он заколебался, потом сказал: — Даже ваша религия... простите, но в ней попадают такие вещи, которые современная наука решительно отвергает.

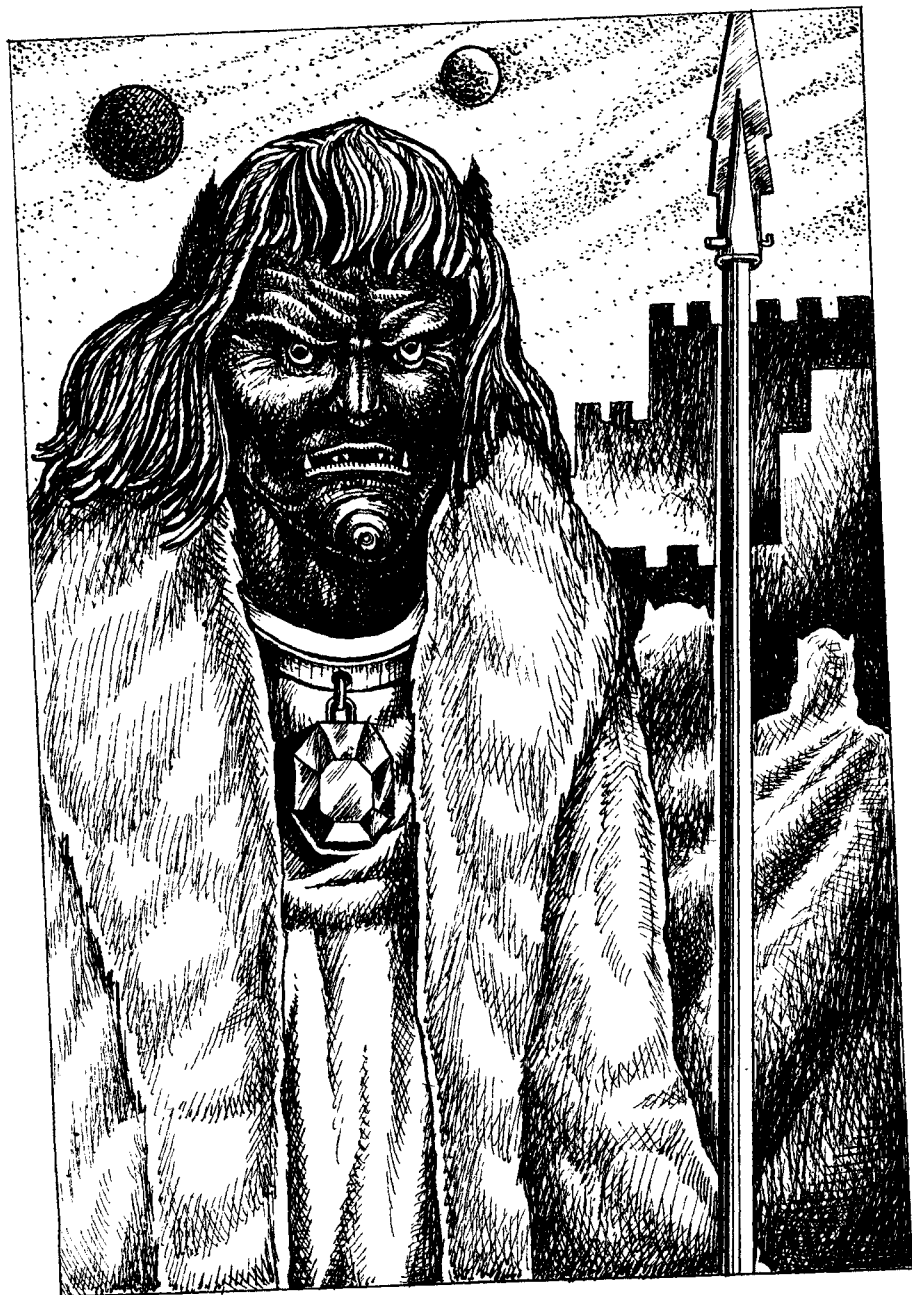
— Сам я агностик, — спокойно ответил Вахино, — но для многих из нас религия Мауироа очень важна.

— Если бы Великий Дом позволил нам привезти миссионеров, мы могли бы обратить всех, скажем, в неопантеизм. По-моему, это гораздо более утешительно и научно, чем ваша мифология. Если кундалоанцам обязательно нужно во что-то верить, то пусть это будет вера, согласующаяся с данными передовой науки.

— Может быть. Я тоже полагаю, что наши родовые связи слишком запутанны и косны для современной общественной организации... Да, перемены должны быть более глубокими, чем просто развитие промышленности.

— Разумеется, — тотчас подхватил Ломбарт. — Речь идет о полном изменении мировоззрения. Впрочем, со временем вы пришли бы к этому сами. Наш приход лишь ускорит технический прогресс на Кундалоа.

— А язык?

— Не хочу, чтобы меня обвинили в шовинизме, но думаю, что все кундалоанцы должны изучать солярианский. Раньше или позже, он им понадобится. Все ваши ученые и техники должны бегло говорить на нем. Языки лаул, муара и другие превосходны, но для передачи научных терминов совершенно не годятся. Уже одна многозначность... честно говоря, ваши философские книги звучат для меня очень туманно. Это прекрасно, но лишено четкого смысла. Вашему языку не хватает точности.

— Мы всегда считали, что араклес и вранамауи — образцы кристаллической ясности мысли, — грустно сказал Вахино. — Должен признать, что для меня ваш Кант или Рассел тоже не всегда понятны. Другое дело, что у меня нет в этом никакого опыта. Наверное, вы правы. Я поставлю вопрос перед Великим Домом, и, может, вскоре удастся что-нибудь сделать. Но в любом случае вам не придется долго ждать. Вся наша молодежь мечтает стать такой, как вы хотите, а это — гарантия успеха.

— Да, — согласился Ломбарт, потом мягко добавил: — Я бы предпочел, чтобы успех стоил не так дорого. Но достаточно взглянуть на Сконтар, чтобы понять, насколько это необходимо.

— О, Сконтар! За последние три года они совершили настоящие чудеса. Они пережили страшный голод и сейчас не только отстроились, но даже организовали экспедиции на далекие звезды в поисках места для новых колоний. — Вахино улыбнулся. — Я не люблю наших бывших врагов, но трудно не восхищаться ими.

— Да, они отважны, — согласился Ломбарт, — но что пользы с этой отваги? Устаревшая техника для них — камень на шее. Кундалоа со значительно меньшим населением уже сейчас производит в несколько раз больше продукции, а уж когда мы полностью модернизируем вашу промышленность!.. Да что говорить! Звездные колонии Сконтара — крохотные поселения, целиком зависящие от метрополии! Сконтар, конечно, может выжить, но всегда будет силой десятого порядка. Может, он даже станет вашей колонией, и вовсе не потому, что им не хватает природных или других ресурсов. Дело в том, что, отвергнув нашу помощь — а так оно и было, — они ушли с магистральной линии галактической цивилизации. Сейчас они пытаются самостоятельно развивать науку, создают оборудование, которое мы имели много столетий назад, и допускают такие промахи, что нельзя смотреть на них без сожаления. Их язык, как и ваш, не пригоден для изложения научных мыслей, традиция постоянно сковывает их. Например, я видел сконтарианские космические корабли, они строили их по собственным проектам, вместо того чтобы копировать наши модели... Они попросту смешны! Сотни попыток, чтобы выйти на дорогу, по которой мы идем уже давно. У них есть корабли шарообразные, овальные, кубические... Я даже слышал, что кто-то там проектирует корабль-тетраэдр!

— В принципе это возможно, — буркнул Вахино. — Геометрия Римана, на которой основана их инженерия, допускает...

— Исключено! Земля уже опробовала все подобные варианты, и ничего не вышло. Только чудак — а ученые Сконтара в своей изоляции становятся кланом чудаков — может рассуждать таким образом. Нам, людям, посчастливилось — и это все. Однако и наша культура долго создавала психологию, отвергающую научную цивилизацию. Мы долго топтались на месте, но потом в итоге все же достигли звезд. Другие расы могут сделать то же самое, но сначала они должны создать соответствующую цивилизацию и усвоить определенный склад ума. А без нашей помощи ни Сконтар, ни любая другая планета еще долгие века не смогут сделать этого. Недавно я получил... — продолжал Ломбарт, роясь в карманах, — получил философский обзор со Сконтара. Так вот, один из философов, Дирин, занимающийся общей семантикой, произвел сенсацию... — Ломбарт наконец нашел бумагу. — Вы ведь читаете по-сконтарски?

— Да, — сказал Вахино. — Во время войны я работал в разведке. Покажите-ка... — Он нашел упомянутый абзац и начал переводить вслух: — «В предыдущих статьях автор показал, что сам по себе принцип безатомности не универсален, но должен быть подвергнут неким психоматическим ограничениям, вытекающим из относительности брөганааричного»... этого я не понимаю... «поля, которое в соединении с электронными атомоволнами...»

— Суший бред! — воскликнул Ломбарт.

— Не знаю, — беспомощно ответил Вахино. — Сконтарская психология так же чужда мне, как ваша.

— Маразм, чушь, — сказал Ломбарт. — К тому же этот вечный сконтарский догматизм! — Он бросил листок на маленькую бронзовую жаровню, и огонь быстро расправился с листами. — Это понятно всякому, кто имеет хоть малейшее понятие об общей семантике и хотя бы каплю рассудка! — Он презрительно улыбнулся и покачал головой. — Раса чудаков!

— Я хотел бы, чтобы ты нашел для меня несколько часов завтра утром, — сказал Скорроган.

— Постараюсь, — Тордин XI, Император Сконтара, кивнул своей поредевшей гривой. — Хотя лучше бы на будущей неделе.

— Завтра! Очень тебя прошу!

— Хорошо, — согласился Тордин. — Но в чем дело?

— Я хочу совершить небольшую экскурсию на Кундалоа.

— Почему именно туда? И почему завтра?

— Расскажу, когда встретимся, — Скорроган наклонил голову, покрытую еще густой, но белой, как молоко, гривой, и выключил свой экран.

Тордин снисходительно улыбнулся. Скорроган был известен свои-

ми чудачествами. «И все-таки старики должны держаться вместе, — подумал он. — Выросли уже два поколения, и оба наступают нам на пятки».

Тридцать с лишним лет остракизма почти не изменили самоуверенного вельможу. Правда, с течением времени озлобление прошло, и когда Сконтар медленно, но верно стал подниматься из руин, память о трагическом проступке посла несколько потускнела и прежний круг друзей — особенно после смерти Императора Валтама — стал постепенно возвращаться к вельможе-отшельнику. Со временем возобновились и отношения с новым Императором, другом юности, — Тордин частенько посещал Краакахеим или приглашал Скоррогана во дворец. Он даже предложил старому аристократу вернуться в Высший Совет, но тот отказался, и прошло еще десять — а может, двадцать? — лет, в течение которых Скорроган жил тихо и незаметно. И вот теперь он впервые обратился с просьбой... «Да, — подумал Тордин, — я полечу с ним завтра. К дьяволу работу! Монархам тоже нужен отдых».

Он встал с кресла и, хромая, подошел к окну. Новые эндокринные процедуры чудесно справлялись с его ревматизмом, но лечение еще не кончилось. При виде снега, покрывшего долину, Тордин вздрогнул. Снова близилась зима.

Геологи утверждали, что Сконтар вступает в новый ледниковый период. Однако он никогда не наступит: скоро инженеры-климатологи включат свою технику, и ледники навсегда вернутся на север. Но пока на дворе бело и холодно и пронизывающий ветер завывает у стен дворца.

А в южном полушарии сейчас лето, созревают поля, ученые сообщают, что ожидается большой урожай. Кто возглавляет там научную группу?... Ах да, Ассгайр, сын Хастинга. Его работы в области генетики и астрономии помогают крестьянам выращивать достаточно продуктов для новой научной цивилизации. Старый вольный крестьянин, опора Сконтара в течение всей его истории, выжил. Менялся лишь мир вокруг него. Тордин грустно улыбнулся при мысли о том, как преобразилась Империя за последние десятилетия. Новые психосимволические способы правления опирались на открытия Дирина в области общей семантики, открытия, исключительно важные для любой науки вообще. Теперь Сконтар был империей только по названию. Он разрешил проблему соединения либерального государства с наследственным, но активным правящим классом правительства. Хорошие, полезные перемены; вся прошлая история Сконтара медленно, с трудом стремилась к ним. Новые знания ускорили процесс, втиснув столетия развития в два коротких поколения. И, странное дело, хотя естественные и биологические науки устремились вперед с невероятной скоростью, искусство, музыка и литература изменились мало, ремесла сохранились, люди продолжали говорить на древнем языке наархейм.

Тордин вернулся к столу — у него было еще много работы. Взять хотя бы вопрос наследования на планете Аэрик! Впрочем, разве можно управлять без хлопот межзвездной сетью из нескольких сотен быстро развивающихся поселений!? Однако все это было не так уж важно в сравнении с тем, что Империя крепко стояла на ногах и росла.

Они далеко ушли от давних дней отчаяния, от эпохи голода и эпидемий. Тордин подумал, что сам не до конца понимает, насколько длинна эта дорога.

Он взял микролектор и принялся просматривать доклад министерства финансов. Хотя Император и не владел новыми методами вычислений так хорошо, как молодые, он все же анализировал и подсчитывал достаточно бегло и не понимал, как когда-то мог обходиться без всего этого.

Тордин подошел к нише в воротах центральной башни замка Краахаейм. Скорроган назначил встречу там, а не внутри, потому что любил открывающийся оттуда вид. «Великолепно! — подумал Тордин. — Но эти дикие скалы, торчащие из бурого моря туч, заставляют голову кружиться». Над ним поднимались древние зубцы башни, а еще выше по склону горы — черные заросли краакара, от которого и пошло название скального гнезда. Ветер яростно свистел и взметал сухой снег.

Охрана приветственно подняла копыя. Впрочем, другого оружия у них не было: оно ни к чему в центре государства, уступающего мощью только солярианам. Скорроган вышел навстречу Императору. Пятьдесят лет почти не согнули его спину, а глаза не потеряли былой зоркости. Однако сегодня Тордин заметил в этих глазах какое-то напряженное ожидание. Как будто старик уже видел конец пути.

Скорроган сделал предписанные этикетом жесты и пригласил друга в замок.

Император произнес обычную формулу сожаления, однако было видно, что он буквально дрожит от нетерпения и с трудом выдержал бы часовой разговор в замке.

— В таком случае идем, — сказал Скорроган. — Мой корабль готов.

Изящный небольшой корабль тетраэдной формы стоял на задах замка. Они вошли и заняли места у огромного иллюминатора.

— А сейчас, — сказал Тордин, — может, ты скажешь, почему именно сегодня хочешь лететь на Кундалоз?

— Сегодня, — медленно ответил Скорроган, — исполнилось ровно пятьдесят лет моего возвращения с Земли.

— Вот как? — удивился Тордин, и ему стало неприятно. Неужели старик решил вернуться к старым счетам?

— Может, ты не помнишь, — продолжал Скорроган, — как я

сказал тогда вождям, что через пятьдесят лет они придут ко мне извиниться.

— И теперь ты решил отомстить? — Тордина не удивило это типичное проявление сконтарианской психологии, но он еще не видел причин для извинений.

— Да, — сказал Скорроган. — Тогда я не хотел объясняться, да никто и не стал бы меня слушать. Кроме того, я и сам не был уверен, что поступил правильно. — Он улыбнулся и взялся сухими ладонями за руль. — Теперь я в этом уверен. Время подтвердило мою правоту, и сегодня я докажу тебе, что моя дипломатическая миссия увенчалась успехом. Видишь ли, я тогда намеренно оскорбил землян.

Скорроган запустил двигатель, и корабль стартовал. От Кундалоа Сконтар отделяла половина светового года, но звездолеты новой конструкции могли покрыть его за четверть часа. Вскоре перед ними появился большой голубой шар Кундалоа, сверкавший на фоне миллионов звезд.

Тордин сидел спокойно, пока это необычное, хотя и простое, заявление доходило до его разума. Император ожидал чего-то в этом духе: он никогда всерьез не верил, что Скорроган был тогда так неумен.

— Со времен войны ты редко бывал на Кундалоа, правда? — спросил Скорроган.

— Да, всего трижды и каждый раз недолго. Они хорошо живут. Соляриане помогли им встать на ноги.

— Хорошо... — На губах Скоррогана появилась улыбка, больше похожая на гримасу плача. — Они купаются в роскоши, и она буквально разъедает всю их систему вместе с тремя звездными колониями.

Он гневно рванул на себя руль, корабль вздрогнул. Сели они на краю большого космопорта в Кундалоа-сити.

— И что теперь? — шепотом спросил Тордин. Ему вдруг стало страшно, он смутно ощущал, что будет не рад тому, что увидит.

— Проедем по столице, — сказал Скорроган, — и, может, если будет интересно, прогуляемся по планете. Я хотел, чтобы мы явились сюда неофициально, инкогнито: так мы сможем увидеть их повседневную жизнь, а это гораздо важнее, чем любые статистические данные. Я хочу показать тебе, Тордин, от чего уберег Сконтар! — воскликнул он с болезненной улыбкой. — Я отдал всю жизнь за свою планету. Во всяком случае пятьдесят лет жизни... пятьдесят лет позора и одиночества.

Они миновали ворота и вышли на равнину, покрытую сталью и железобетоном. Здесь царило непрерывное движение, чувствовалось постоянное излучение горячечной энергии солярианской цивилизации. Значительную часть толпы составляли соляриане, прибывшие на Аваики по делам или для развлечений. Были здесь и представители нескольких других рас, но большинство составляли, конечно, местные

жители. Впрочем, их не всегда можно было отличить от людей. Обе расы и без того были похожи друг на друга, а поскольку кундалоанцы одевались по-соляриански...

Тордин удивленно покачал головой, вслушиваясь в разговоры.

— Ничего не понимаю! — сказал он Скоррогану, пытаясь перекричать шум. — Я знаю кундалоанский язык, но здесь...

— Ничего удивительного, — ответил Скорроган. — Почти все говорят по-соляриански, а местные языки быстро умирают.

Толстый солярианин в крикливом спортивном костюме кричал на невозмутимого местного лавочника, стоявшего перед магазинчиком:

— Эй, парень, даь местный сувенир, хоп-хоп...

— «Сто слов по-соляриански», — скривился Скорроган. — Правда, это уже проходит, поскольку молодые кундалоанцы с детства учатся говорить правильно. Но туристы везде одинаковы. — Его рука непроизвольно потянулась за пистолетом.

Однако времена изменились, и сегодня уже не убивали только потому, что кто-то был тебе неприятен. Даже на Сконтаре это вышло из моды.

Турист повернулся и налетел на них.

— Простите! — вежливо воскликнул он. — Я должен быть внимательнее.

— Ничего, — пожал плечами Скорроган.

Солярианин тем временем перешел на правильный наархеймский:

— Мне действительно очень жаль. Вы позволите поставить вам по стаканчику?

— Пожалуй, не стоит, — ответил Скорроган, слегка нахмурившись.

— Что за планета! Отсталая, как... как Плутон. Отсюда я еду на Сконтар, хочу заключить пару контрактов. Вы, сконтариане, умеете делать дела.

Скорроган яростно фыркнул и отшатнулся в сторону, волоча за собой Тордина. Когда они отъехали в молитаторе на несколько сотен метров, Тордин спросил:

— Куда делись твои хорошие манеры? Ведь он был с нами вполне вежлив. Может, у тебя врожденная ненависть к людям?

— Я люблю людей, — сказал Скорроган, — но ненавижу туристов-соляриан. Слава богу, этот подвид редко показывается на Сконтаре. Их бизнесмены, инженеры и ученые — очень милые люди, и я рад, что они будут все чаще приезжать к нам, но туристов я терпеть не могу.

— Почему?

Скорроган резким движением указал на горящую неоновую вывеску.

— Вот почему! — сказал он и перевел солярианские надписи:

**ПОСЕТИТЕ ДРЕВНИЕ ХРАМЫ КУНДАЛОА!
ОРИГИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ
ПЕРВОБЫТНЫХ КУЛЬТУР МАУИРОА!
СКАЗОЧНОЕ ОЧАРОВАНИЕ ДРЕВНИХ ОБЫЧАЕВ!
ПОСЕТИТЕ СВЯТЫНЮ ВЫСШЕГО БОЖЕСТВА!
ПЛАТА ЗА ВХОД СНИЖЕНА! ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ СКИДКА!**

— Когда-то религия Мауироа что-то значила, — тихо сказал Скорроган. — Это была прекрасная и благородная вера, хотя и содержала ненаучные элементы. Впрочем, их можно было изменить. Но теперь слишком поздно: большинство кундалоанцев — неопантеисты или атеисты, а древние обряды совершают лишь для заработка. Они превратили их в балаган. Кундалоа сохранила древние памятники, фольклор, народные мелодии — остатки прежней культуры — и эксплуатирует их на потребу праздным зевакам, а это хуже, чем если бы их просто уничтожили.

— Я не понимаю, на что ты так злишься, — сказал Тордин. — Времена переменялись. На Сконтаре тоже все по-новому.

— Но не так, как здесь. Посмотри вокруг себя: ты никогда не был в Солнечной Системе, но снимки видел не один раз, и должен заметить, что это — типичный солярианский город. Может, немного провинциальный, но типичный. И во всей Системе Аваики ты не найдешь города, который не был бы солярианским. Не найдешь и процветавших некогда искусства, литературы, музыки. Осталось дешевое подражание солярианским образцам или подделка под старину. Нет и науки, которая по своей сути не была бы солярианской, нет несолярианских машин, все меньше становится домов, которые можно отличить от шаблонного солярианского жилища. Распались родовые связи — основа местной культуры, а супружеские стали такими же случайными, как и на Земле. Исчезла бывшая привязанность к селу, молодежь рвется в города, чтобы заработать миллион абстрактных кредиток. На столах — продукция солярианских продовольственных фабрик, а местные блюда можно получить только в немногочисленных дорогих ресторанах. Нет больше сделанной штучно посуды, сотканых вручную тканей. Все носят то, что производят большие заводы. Нет прежних поэтов и бардов, да, впрочем, их никто и не стал бы слушать: все сидят у телевизоров. Нет философов араклейской или вранамаунской школ, их сменили посредственные комментаторы Рассела и Владимира Соловьева.

Скорроган замолчал, Тордин долго не отзывался, потом задумчиво произнес:

— Понимаю, к чему ты клонишь. Кундалоа превратилась в копию Земли!

— Причем в дурную копию! И это было неизбежно с момента, когда они приняли помощь землян. Тем самым они обрекли себя при-

нять солярианскую культуру, науку, солярианскую экономику. Это был единственный образец, понятный для людей, а именно они руководили восстановлением; их культура давала хорошие результаты, и Кундалоа приняла ее с легкостью. А теперь слишком поздно: изменить ничего нельзя, да они и не хотят ничего изменять...

А знаешь ли ты, — добавил Скорроган после паузы, — что однажды такое уже случилось? Я знаю историю Солнечной Системы и историю Земли. Когда-то, еще до того, как люди добрались до других планет своей системы, на Земле существовали многочисленные культуры, сильно отличавшиеся друг от друга. Но в конце концов одна из них, культура Западной Области Земли, опираясь на технические достижения, подмяла под себя весь остальной мир. Запад стал образцом, ему все завидовали, перенимали его образ жизни, и когда Запад кому-нибудь помогал, он по существу копировал самого себя. Так погибли все самобытные культуры.

— И от этого ты хотел нас уберечь? — спросил Тордин. — Я понял твою точку зрения. Однако подумай, достаточно ли ценно прошлое, чтобы платить за него миллионами жизней и годами лишений?

— Ценно не прошлое, а будущее! Мы обязаны были жить, развиваться, развивать науку! Но почему по чужому образцу? Неужели, чтобы выжить, мы должны были стать существами второго сорта?! Ни одна гуманоидная раса не станет настоящими людьми — слишком различны наши психологии, инстинкты, образы жизни. Мы не стали духовными сателлитами Солнечной Системы, не погибли как нация. И в этом я вижу свою величайшую заслугу перед Сконтаром!

Старик улыбнулся и, помолчав, закончил:

— И я сделал это. Риск был страшный, но это удалось. Результаты ты знаешь: Дирин развил семантику, которую с самого начала высмеивали солярианские ученые. Мы создали четырехориентированные корабли, которые они считали невозможными, и сейчас бороздим Галактику не хуже их. Мы развили психосимволизм, свойственный лишь нашей расе, внедрили новый тип сельского хозяйства... И при этом сохранили искусства, архитектуру, язык. Размах наших успехов не только позволил достичь звезд, сделав нас великой державой Галактики, но и вызвал возрождение, равное великопепному Золотому Веку! И все потому, что мы остались верны себе.

Скорроган замолчал, Тордин тоже долгое время не произносил ни слова. Они вошли в боковую тихую улочку старого района. Большинство зданий сохранилось с досолярианских времен, и вокруг мелькало довольно много древних нарядов.

— Итак? — спросил Скорроган.

— Не знаю, — Тордин задумчиво потер глаза. — Все это так неожиданно, может, ты и прав. Я должен подумать над этим.

— Я думал пятьдесят лет, — сухо сказал Скорроган, — поэтому могу дать тебе несколько минут.

Они подошли к лавке. Старый кундалоанец сидел там среди груды своих товаров: ярко раскрашенных кувшинов, кружек и мисок. Какая-то туристка торговалась с ним.

— Приглядишься к этому типу, — сказал Скорроган, — и припомни прежних ремесленников Кундалоа. Перед нами дешевка, производимая тысячами на потребу туристам. Рисунок искажен, выделка отвратительная. А когда-то каждый изгиб, каждая черточка что-то значили.

Взгляды их остановились на кувшине, что стоял у ног старого гончара, и даже невозмутимый Тордин вздрогнул от восторга. Кувшин как бы горел, он казался живым. Совершенная простота чистых линий, длинные изгибы заключали в себе тоску и любовь мастера. «Этот кувшин будет жить, когда меня уже не будет», — подумал Тордин.

— Вот настоящее искусство, — улыбнулся Скорроган. — Этому кувшину больше ста лет... Раритет... Как он попал на эту свалку?

Группа землян держалась в стороне от гигантов-сконтариан, и Скорроган с достоинством и грустью смотрел на них.

«Да, они уважают нас, соляриане перестали ненавидеть Сконтар, они восхищаются нами, посылают свою молодежь учить наши науки и язык. Но Кундалоа для них уже не в счет», — думал он.

Тем временем и туристка заметила кувшин.

— Сколько? — спросила она.

— Не продать, — сдавленным шепотом ответил кундалоанец, одергивая на себе потертую пижаму. — Не продать.

— Я дать сто кредиток. Продать!

— Это мое собственное. Семья имеет много лет. Не продать.

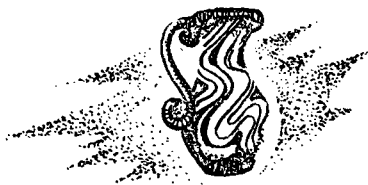
— Пятьсот кредиток! — размахивала банкнотами туристка.

Старик прижал кувшин к впалой груди и смотрел на нее черными глазами, в которых появились слезы.

— Не продать. Иди. Не продать оамауи.

— Идем, — буркнул Тордин. Схватив Скоррогана за руку, он потащил его за собой. — Уйдем поскорее отсюда!

Сконтариане поспешили к космопорту. Тордин хотел поскорее забыть глаза старого кундалоанца, но не был уверен, что сможет... хоть когда-нибудь.

Генри Слизар

ПОСЛЕ...

В Р А Ч. Советник по вопросам трудоустройства вместо профессионального спокойствия проявлял совершенно непрофессиональное раздражение.

— Но это же невозможно, чтобы для вас, доктор, не было никакого занятия, — сказал он. — Для человека с вашим образованием... В конце концов война не всех превратила в дикарей. Что-то, а потребность в учителях тысячекратно возросла со дня А.

Доктор Мейхем удобно уселся и вздохнул.

— Вы не понимаете. Я не учитель в обычном смысле этого слова; в предмете, составляющем мою специальность, ныне нет потребности. Да, сейчас есть стремление к науке — люди должны как-то ладить с этим опустошенным миром, который достался нам в наследство. Они хотят учиться мастерству каменщиков, хотят быть инженерами и конструкторами. Они хотят знать, как строятся города, что делать, чтобы оживить уничтоженные машины, как лечить радиоактивные

ожоги и соединять сломанные кости. Они учатся делать протезы для жертв бомбардировок, приучать ослепших к самостоятельной жизни, лечить психически больных, возвращать обезображенным их нормальный вид. Эти вещи всех теперь интересуют. И вы знаете об этом лучше, чем я.

— А ваша специальность, доктор? Вы думаете, что она уже не нужна? Доктор Мейхем рассмеялся.

— Я не думаю, я знаю. Я пробовал, но меня не хотели слушать. Я двадцать лет руководил студией улучшения памяти. Издал шесть книг, из которых по крайней мере две стали университетскими учебниками. В первый год после заключения мира я организовал восьминедельный курс и получил всего одно заявление. Но именно это — моя профессия, этим я всегда занимался. Как мне переделать достигнутое всей жизнью для потребностей этого нового мира, мира страха и смерти?

Советник по вопросам трудоустройства закусил губу — его заинтересовала эта проблема. Когда доктор Мейхем уходил от него, он еще понятия не имел, как ему помочь. Он смотрел на сгорбленную фигуру, которая, привлекая ноги, покидала его комнату, и ему было неприятно от сознания собственного поражения. В ту ночь, проснувшись вдруг от своего обычного сонного кошмара, он долго лежал с открытыми глазами, думая о докторе Мейхеме. Утром он уже знал, что делать.

Месяцем позже в газетах появилось объявление, которое нашло немедленный отклик.

Д—Р М Е Д. Х Ъ Ю Г О М Е Й Х Е М

Ускоренный восьминедельный курс «Как забыть»

Запись до 9 сентября.

А Д В О К А Т. — Я буду с вами откровенен, — сказал Даррел своему клиенту. — Если бы времена были другие, если бы не было дня А, я мог бы заверить вас в том, что вы отвечали бы только за убийство. Но в нынешнем положении... — он утомленно положил руку на плечо молодого человека.

Если бы Макалистер был статуей, его реакция не была бы иной.

— Так чего же мне ожидать? — с горечью спросил он. — Меня осудят? Да?

— Постарайтесь понять присяжных, — сказал адвокат. — Со времен войны число людей уменьшилось на 90%. И что хуже всего — соотношение женщин и мужчин как 800 к 1 вовсе не изменяется. — Он поднял брови. — В этом деле нет никаких официальных предписаний, но я могу сказать вам одно: если бы вы в той драке убили женщину, приговор был бы гораздо мягче. Такова жизнь, сынок. Вот до чего мы дошли.

— Значит, у меня нет никаких шансов? Я получу высшую меру?

— Разумеется, это зависит от присяжных, но я хочу, чтобы вы, вернувшись в зал, были готовы к худшему.

Дверь открылась, и показалась голова посыльного.

— Суд уже собрался. Мистера Макалистера просят в зал.

Юрист молча махнул рукой.

Вердикт гласил: виновен в убийстве. Председатель огласил приговор немедленно, чтобы можно было незамедлительно приступить к его выполнению. На следующий день Макалистер, белый, как бумага, скрипя зубами от ярости, вступал в законный брак с восемнадцатью женами своей жертвы, что в сумме с его собственными составило тридцать одну.

ТОРГОВЕЦ. Свенсон вошел в комнату, где собралось правление, сохраняя пренебрежительную уверенность в себе члена дирекции, которая вызывала восхищение даже у его врагов. Ни для кого не было тайной, что пришел день, когда Свенсону придется отвечать за то, что он как председатель объединения Торговцев Мужской Галантерей оказался не на высоте. Но Свенсон был совершенно раскован, и если даже его противники понимали, что это поза, они все равно испытывали беспокойство.

Председатель начал заседание без всякого вступления и сразу попросил Отдел Сбыта отчитаться. Все знали содержание отчета; каждый из членов правления узнал о нем неофициальным путем. Поэтому, вместо того чтобы вслушиваться в ужасающий список потерь, они не спускали глаз с лица Свенсона, внимательно следя за его реакцией на это публичное обвинение.

Наконец заговорил Свенсон.

— Господа, — сказал он голосом, в котором не было волнения, — как мы только что слышали, продажа мужского готового платья значительно уменьшилась со времен войны. Последовавшие от этого потери не являются ни для кого из вас неожиданностью, но не потерями будем мы сегодня заниматься. Речь идет о негативных прогнозах на будущее, касающихся дальнейшего падения сбыта. Господа, позволю себе усомниться в этих прогнозах: я утверждаю, что сбыт будет больше, чем когда-либо.

Среди членов правления раздались шепотки, на конце длинного стола кто-то рассмеялся.

— Я знаю, что мои предсказания звучат неправдоподобно, — сказал Свенсон. — И потому, прежде чем мы сегодня покинем этот зал, я постараюсь доказать то, что сказал. Но сначала я бы хотел, чтобы вы выслушали доклад специалиста, профессора Ральфа Энтвиллера, из Американского Евгенического Фонда.

Сидевший на почетном месте рядом с президентом бледный муж-

чина встал. Он поклонился собравшимся и начал говорить так тихо, что его едва было слышно.

— Мистер Свенсон просил меня рассказать вам сегодня о прошлом, — начал он. — Я ничего не знаю о торговле, моя область — это евгеника, и я специализируюсь в радиационной биологии...

— Вы не могли бы конкретнее? — попросил Свенсон.

— Конечно. Я занимаюсь мутациями, господа, мутациями, которые вскоре станут нормой. Уже сейчас процент рождающихся мутантов составляет почти шестьдесят пять процентов, и мы уверены, что со временем он еще более возрастет.

— Ничего не понимаю, — буркнул председатель. — Что все это имеет с нами общего?

Свенсон улыбнулся.

— Очень много. — Держась за петлицы пиджака, он повел взглядом по поднятым лицам. — Хотя бы потому, что мы будем продавать в два раза больше шляп.

В О Ж Д Ь. Мбойна, вождь племени Алори, не выказал страха при виде приближающейся к его острову лодки. Но не только его общественная позиция требовала сохранять спокойствие: он, единственный из всего племени, уже встречался с белыми. Это было полвека назад, когда он был еще ребенком.

Когда лодка причалила к берегу, один из белых, мужчина ученого вида, с короткой седой бородкой, подошел к нему с дружески протянутой рукой. Говоря, он заикался, но разговаривал на языке отцов Мбойны.

— Мы пришли с миром, — сказал он. — Мы пересекли огромные пространства, чтобы вас посетить. Меня зовут Морган, а это мои братья Хендрикс и Карев, мы люди науки.

— Тогда говорите! — грозно крикнул Мбойна, не желая, чтобы племя обвинило его в слабости.

— Была большая война, — сказал Морган, неуверенно глядя на воинов, которые собрались вокруг своего вождя. — Белые люди, там, за великими морями, метали друг в друга молнии. Они отравили своим оружием воздух, воду и собственные тела. Но мы верили, что есть в мире уголки, не тронутые убийственной рукой войны. Ваш остров — один из них, великий вождь, поэтому мы пришли поселиться и жить здесь. Но сначала мы должны сделать одну вещь и поэтому просим вас потерпеть немного.

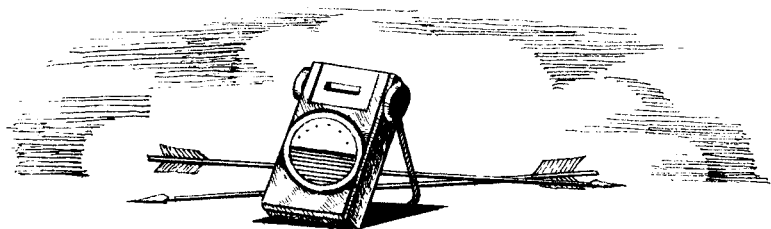
Из груды наваленных в лодке предметов пришельцы вынули металлические коробочки с маленькими окошечками. Затем они несмело приблизились к вождю и его людям, вытягивая в их сторону странные предметы. Некоторые аборигены попятились, другие угрожающе подняли копья.

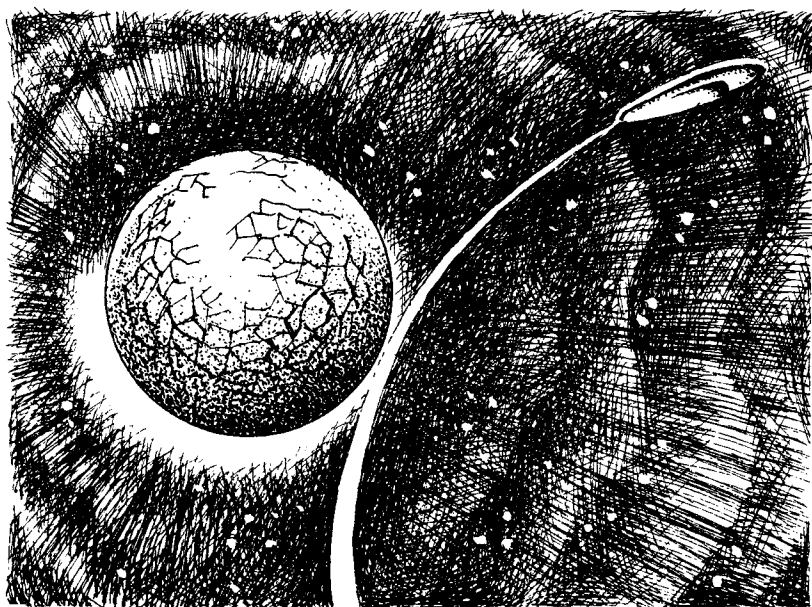
— Не бойтесь, — сказал Морган. — Это только игрушки, созданные нашей наукой. Смотрите, когда их глаза смотрят на вас, коробочки не издадут ни звука. А теперь смотрите. — Белые люди направили окошечки в свою сторону, и странные предметы начали лихорадочно стрекотать.

— Великие чары, — удивленно зашептали аборигены.

— Великие чары, — повторил Мбойна с уважением, склоняя колени перед белыми богами и доказательствами их божественности. Он с уважением пригласил гостей в свою деревню, где после соответствующих церемоний их убили, выпотрошили и подали на ужин.

Три дня и три ночи туземцы чтили свою мудрость, танцуя и разводя большие костры, ибо теперь и они были богами. Маленькие коробочки начали магически стрекотать и для них.

Филип К. Дик

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Майор Криспен Эллер, нахмурившись, смотрел сквозь иллюминатор. Астероид как астероид: вода — в изобилии, температура умеренная, атмосфера кислородно-азотная земного типа...

— Мне это не нравится, — тихо произнес майор.

— И никаких следов жизни, — присоединился к разговору помощник командира Гаррисон Блейк, — несмотря на идеальные условия. Вода, воздух, оптимальная температура... В чем же дело?

Они посмотрели друг на друга. Однообразная и бесплодная поверхность астероида простиралась под килем крейсера 9-43, находившегося далеко от базы, на полпути через Галактику. Земля давно занималась поисками и разведкой в Галактике, обследуя каждый камешек, чтобы отстаивать свои права на рудные концессии. Заняться этим ее заставило соперничество с триумvirатом Марс — Венера — Юпитер.

Вот уже год крейсер 9-43 то тут, то там размечал свои рудные

месторождения, оставляя везде бело-голубой флаг. Маленькие изыскательские корабли постоянно вели кочевой образ жизни, прокладывая путь через периферию системы, подвергаясь опасности встреч с облаком бактерий, метеоритами и космическими пиратами.

Три члена экипажа уже давно заслужили отдых и были достойны отпуска на Земле, чтобы истратить свои накопленные сбережения.

— Посмотрите сюда! — крикнул Эллер. — Идеальные условия для жизни, но ничего, кроме голых холодных безжизненных скал.

— У меня плохое предчувствие, что тут что-то не так. Должна быть какая-то причина отсутствия жизни.

— И что же вы предлагаете? — улыбнувшись, спросил Блейк. — Вы ведь капитан. Согласно нашим инструкциям мы должны составить карту всех астероидов, если их размеры не ниже класса «Д». А этот, по моему мнению, класса «С». Какие будут приказания, мы выходим или нет?

Эллер заколебался.

— Мне это совсем не нравится. Никто не знает всех смертельных факторов, встречающихся в глубинах космоса. И может быть...

— Не хотите ли вы направить наш корабль прямо к Земле? — поинтересовался Блейк. — Никто не узнает, что мы не стали обследовать этот кусок скалы. Что касается меня, Эллер, то я не собираюсь докладывать.

— Я в этом не сомневаюсь, но дело не в том. Меня прежде интересует наша безопасность и возвращение на Землю. — Эллер пристально изучал экран. — Если бы знать...

— Выпусти хомяков, пусть они побегают, посмотрим, что с ними будет, и может, примем решение...

Лицо Блейка стало серьезным и приняло недовольное выражение.

— Вы чересчур осторожничаете, как раз когда мы почти вернулись домой. — Эллер внимательно рассматривал серую безжизненную скалу. Вода, ровная температура, облака — идеальное место для жизни. Но ее здесь не было. Спектроскоп ничего не показывал. Чистая, бесплодная скала, без какой-либо растительности.

— Да это не столь важно, — сказал Эллер, — откройте один из шлюзов, и пусть Сильви выпустит хомяков.

Он подошел к селектору и набрал номер лаборатории, где Сильвия Саймоне работала с измерительными приборами.

— Сильви! — обратился Эллер, когда на экране появилось лицо Сильвии.

— Да.

— Выпусти-ка хомяков на полчаса на небольшую прогулку на поводке и с ошейником, естественно. А когда животные вернутся, надо их тщательно обследовать. Мне не нравится этот астероид, на нем может быть радиация или ядовитые газы.

— Хорошо, Крис, я все сделаю, — улыбаясь сказала Сильвия. — Нельзя ли и нам выйти на минутку, размять ноги?

— Сделайте и сообщите мне результаты как можно скорее. — Эллер обернулся к Блейку, выключая селектор. — Думаю, что вы довольны.

Блейк ухмыльнулся.

— Я буду счастлив лишь тогда, когда мы повернем к Земле. Путешествие с вами в качестве капитана — это выше моих сил.

— Удивительно, — продолжал Эллер, — что за тридцать лет службы вы даже не научились сдерживаться. Вы никак не можете примириться с тем, что капитанские нашивки дали не вам.

— Послушайте, Эллер! Я старше вас на десять лет. Вы еще были мальчишкой, а я уже служил, и вы для меня будете сопляком всегда. В следующий раз...

— Крис! — Экран засветился и появилось лицо Сильвии, охваченное страшной паникой.

— Что случилось, Сильвия? — спросил Эллер.

— Хомяки... я нахожусь у клеток. Они в состоянии каталепсии. Совершенно неподвижные и твердые...

— Блейк, будем взлетать, — приказал Эллер.

— Как? — пробормотал Блейк. — Мы же...

— Поднимайте корабль! Торопитесь! — Эллер бросился к пульту управления. — Нам нужно убраться отсюда!

Блейк подошел к нему.

— Разве что-нибудь... — начал он, но вдруг замолчал, не закончив фразу.

Лицо вытянулось, челюсть отвисла, он, как пустой мешок, стал медленно падать. Эллер растерялся, подошел к пульту управления, но тут же в голове у него возник аннигилирующий огонь. Тысячи сверкающих лучей взорвались в его глазах и ослепили их. Он, шатаясь, нащупал переключатель. Его охватила полная тьма, но пальцы сомкнулись на выключателе автопилота, который должен был поднять корабль. Автоматика сработала, и корабль поднялся в космос. Эллер упал и погрузился во тьму. Он лежал в беспамятстве. Внутри корабля все замерло, никто не шевелился.

Открыв глаза, Эллер с трудом поднялся, опираясь на трясущиеся руки. Гаррисон Блейк пришел в себя и застонал, пытаясь пошевелиться. Его лицо болезненно пожелтело, глаза стали кроваво-красными, а на губах была пена. Он посмотрел на Криса, дрожащей рукой вытирая лоб.

— Выбрались, — произнес Эллер, помогая Блейку подняться и усаживая его в командирское кресло.

— Спасибо, — он нервно потряс головой. — Что... что с нами произошло?

— Не знаю. Сейчас спущусь в лабораторию, посмотрю, как там Сильвия.

— Мне пойти с вами? — пробормотал Блейк.

— Нет, сидите спокойно, вам вредно шевелиться и напрягаться, берегите сердце, понимаете?

Блейк утвердительно кивнул головой. Эллер пересек рубку и вышел в коридор, потом воспользовался лифтом и через минуту был в лаборатории. Сильвия неподвижно лежала на полу.

— Сильвия! — Эллер бросился к ней, схватил и стал трясти ее одеревеневшее и холодное тело. Она слабо шевельнулась. Эллер достал ампулу со стимулятором. Разбил ее и дал вдохнуть Сильвии. Она тихо застонала.

— Крис? — шептала она слабым голосом. — Что случилось? Это вы? — Она приподнялась. — Я говорила с вами, наклонясь над столом, и вдруг...

— Уже все в порядке, — успокоил ее Эллер, погрузившись в раздумья. — Непонятно, что это было. Радиация с астероида? — Он посмотрел на часы.

— О, господи!

— Что случилось? — спросила Сильвия, сидя на стуле. — Что происходит, Крис?

— Мы были без сознания целых два дня, — сказал Эллер, не отрывая глаз от часов, — тогда объяснимо и это. — Он провел по щетине подбородка.

— Но теперь с нами все в порядке, не правда ли? — Сильвия указала рукой на клетку с хомячками. — Они уже пришли в себя, но почему-то ходят по кругу.

— Пойдем, поднимемся наверх, надо поговорить, проверить все приборы. Попробуем разобраться, что случилось, — сказал Эллер, протягивая ей руку.

— Я должен признаться, — угрюмо выдавил Блейк, — что я ошибся. Нам не следовало приземляться на этот астероид.

— Я считаю, что радиация шла из центра астероида. — Эллер начертил линию, изображающую волну, быстро распространяющуюся, а потом спадающую. — Это похоже на пульсацию из астероида.

— Мы бы попали под воздействие второй волны, если б вовремя не взлетели, — встала Сильвия.

— Вторая волна была зарегистрирована примерно через четырнадцать часов после первой. По-видимому, в недрах астероида — залежи минералов, периодически излучающие радиацию. Это короткие волны, похожие на космические лучи.

— Но совсем другие. Они прошли через наш экран.

— Этим объясняется отсутствие жизни на астероиде, здесь ничего не может существовать! Волна ударила нас в полную силу.

— Крис! — сказала Сильвия. — Как вы думаете, не повлияла ли эта радиация на наше здоровье? Или...

— Я не уверен, что мы вне опасности, — он протянул график на миллиметровке. — Посмотри сюда! Если наша кровеносная система восстановилась полностью, то неврологические показания изменились.

— И что это значит?

— Не знаю. Я не специалист в области неврологии. Я просто сравниваю данные, полученные сейчас и месяц или два назад, но не знаю, что это значит.

— И вы думаете, это серьезно?

— Наши организмы попали под влияние волны неизвестной радиации, которой мы подвергались около десяти часов. Мы подверглись... И время покажет, какие последствия она могла оставить. Сейчас я чувствую себя неплохо. А вы?

— Очень хорошо, — ответила Сильвия, стоя у иллюминатора и всматриваясь в черную пустоту космоса. Мне хочется вернуться домой и мне кажется, мы движемся к Земле, и, как только приземлимся, пусть нас немедленно проверят.

— Хорошо, что наша сердечно-сосудистая система не пострадала. Ни тромбов, ни разрушения клеток... — это меня больше всего беспокоило...

— Когда мы достигнем Солнечной системы?

— Через неделю.

— Не так уж и быстро, но будем надеяться, что мы к тому времени будем еще живы.

— Мы должны вести себя спокойно, — предупредил Эллер. — А по возвращении на Землю нас вылечат, я надеюсь, что с нами ничего серьезного не произошло.

— Я думаю, нам повезло, что мы так легко отделались, — сказала Сильвия, зевая. — Господи, как мне хочется спать! Пожалуй, я пойду и прилягу. Возражений не будет?

— Нет! — ответил Эллер. — Блейк, а не перекинуться ли нам в карты? Надо немного развеяться. В черного валета?

— Ладно, — ответил Блейк. — Почему бы не сыграть? — Он достал колоду карт из кармана куртки. — По крайней мере скоротаем время.

— Очень хорошо. — Эллер начал игру, он срезал колоду карт и достал смерку треф, которую Блейк взял червонным валетом. Играли они без азарта и довольно небрежно. Блейк был угрюм и зол на Эллера, что оказался неправ. Крис тоже был не в духе и очень устал. У него болела голова, хотя он и принял анальгетик. Он снял шлем и вытер лоб.

— Играйте, — зло пробормотал Блейк.

Через неделю они достигнут Солнечной системы. Под ногами вор-

чали реакторы. Больше года они не видели Землю. Какая она теперь? Тихая, как всегда? Большой зеленый шар с крошечными островами, омытыми огромными океанами? Как приятно приземлиться на космодроме в Нью-Йорке, встретить толпу землян, этих милых беззаботных землян, неглупых и не беспокоящихся о том, что происходит в других мирах. Эллер улыбнулся, но сразу нахмурился.

— Проснитесь, — прикрикнул он, увидев, как голова Блейка склонилась вперед, а глаза закрылись. — Что с вами?

Блейк вздрогнул и стал сдавать карты, но голова упала снова.

— Простите, — пробормотал он чуть слышно и протянул руку к «прикупу», когда Эллер стал рыться в колоде, чтобы раздать остальные карты. Эллер поднял глаза и увидел, что Блейк уже спит. Он дышал спокойно и похрапывал. Эллер встал, выключил свет, пошел в туалетную комнату, снял куртку и открыл кран с горячей водой. Как приятно будет лечь в постель, забыть о всем случившемся! Как болит голова! Эллер остановился, наблюдая, как вода течет по рукам. Он был ошарашен и молчал, не в силах вымолвить ни слова. Его ногти исчезли.

Испугавшись, он поднял голову и посмотрел в зеркало. Потом провел рукой по волосам, они выпадали клочками и большими прядями. Ногти и волосы... Он попытался взять себя в руки и успокоиться. Это радиация, ну конечно, радиация! Он стал рассматривать руки. Ногтей как будто никогда не было на ставших заостренными и гладкими пальцах. Паника охватила Эллера, и его не покидала мысль: только ли у него? А у Сильвии? Он надел куртку и снова посмотрел на себя в зеркало, приложив руку к вискам, ему было ужасно плохо. Он, вытаращив глаза, смотрел на ставшую совсем лысой голову, волосы, падая, покрыли плечи. Лысый череп блестел и стал непристойного розового цвета. Его голова стала вытягиваться и приобрела форму шара, уши и лоб сморщились, а ноздри уменьшились и очутились под глазами. Лицо с каждой минутой принимало омерзительный вид. Весь дрожа, он приоткрыл рот, зубы зашатались, некоторые из них отделились и выпали. Это смерть? А что происходит с другими?

Эллер выскочил из туалетной комнаты и, задыхаясь, бросился к лифту. Дыхание стало частым, сдавливало грудь, сердце болело и учащенно билось, ноги ослабели. До него донесся звук: разъяренное мычание быка. Это был голос Блейка, охваченного ужасом и паникой.

«Вот и ответ, — подумал Эллер. — По крайней мере я не один!»

Гарризон Блейк смотрел на него испуганно. Блейк, без волос, с лысым розовым черепом, тоже выглядел непривлекательно. Голова распухла, ногтей не было. Он стоял перед пультом и смотрел то на себя, то на Эллера. Его униформа сидела мешком на его исхудавшем теле.

— Нам повезет, если мы останемся живы. Странные последствия

этой космической радиации. Это черный день в нашей жизни, когда мы приземлились на этот...

— Эллер, — прошептал Блейк. — Что делать? Мы же не сможем жить такими, какими стали! Ты только посмотри на меня.

— Знаю. — Эллер сжал рот, ему было очень трудно говорить, так как зубы все почти выпали, и он почувствовал себя беззубым младенцем, с неподвластным себе телом, без волос... Когда же это кончится?

— Мы не можем вернуться такими! — прикрикнул Блейк. — Боже мой, мы чудовища. Мутанты. На Земле нас посадят в клетку как зверей, а люди...

— Прекратите, — сказал Эллер. — У нас есть шанс выжить, и берегите ноги, садитесь!

Блейк, тяжело дыша, постоянно вытирал свой лоб.

— Сейчас я больше всего переживаю за Сильвию, — произнес Эллер с беспокойством в голосе. — Она страдает больше нас. Я все думаю: спуститься к ней в лабораторию или нет. Может, она...

Вдруг засветился экран.

— Крис! — донесся полный ужаса крик Сильвии. Она не появилась на экране и, по-видимому, держалась от него в стороне.

— Да. Как вы?

— Как я? — В голосе девушки слышалась истерическая дрожь. — Я боюсь смотреть на вас, и вы не старайтесь меня увидеть на экране. Это... это ужасно! Кошмарно! Что мы будем делать?

— Что делать, я не знаю. Как говорит Блейк, мы не можем в таком виде появиться на Земле.

— Я тоже не хочу возвращаться! Не могу!

— Это мы обсудим потом, — сказал наконец Эллер, — нет необходимости сейчас говорить об этом. Это последствия радиации, и если эффект временный, то нам смогут помочь хирурги. Не стоит забивать этим голову.

— Не думать об этом? Вы считаете это пустяком, неужели вы не понимаете? Мы стали чудовищами. Ни зубов, ни ногтей, ни волос... А наши головы...

— Я понимаю вас. Можете к нам не подниматься, а остаться в лаборатории. Разговаривать мы с вами будем по видео.

Сильвия глубоко вздохнула.

— Как скажете. Вы ведь по-прежнему капитан. — Она выключила экран.

— Блейк, ты можешь говорить? Как ты себя чувствуешь? — Эллер оглядел его. Вид у него был совсем болезненный. Громадный лысый череп испускал какое-то сияние и был увенчан чем-то вроде купола. Когда-то крупное тело Блейка усохло, грудь впала, руки, как палочки, покачивались.

— В чем дело? — спросил Блейк.

— Просто хотел посмотреть на...
— Не очень-то приятно на вас смотреть.
— Согласен. — Эллер сел в другой угол, сердце его колотилось, дышать было трудно.

— Бедная Сильви! Ей труднее всего...
— Нас всех стоит жалеть. Мы — чудовища, нас уничтожат или запрут в клетках. Лучшее быстрая смерть. Мутанты, гидроцефалы!

— Нет! Не последнее! — возразил Эллер. — Наш мозг не тронут, мы еще можем думать, и этим надо пользоваться.

— Главное, мы узнали, почему на астероиде нет жизни, — иронически буркнул Блейк. — Нам повезло! Мы подверглись радиации. Под ее воздействием разрушаются органические ткани, происходят мутации в клеточных структурах и в функционировании организма вообще.

Эллер внимательно посмотрел на него.

— Говоришь ты очень заумно, Блейк.

— Зато это точное описание, и давайте смотреть правде в глаза. — Блейк поднял голову. — Мы чудовищные крабы, обожженные космической радиацией. Мы теперь не люди и даже не человекоподобные существа. Мы...

— Кто же мы?

— Не знаю.

— Странные существа, — сказал Эллер. Он с любопытством рассматривал свои длинные и тонкие пальцы, шевелил ими, проводя по поверхности стола, чувствуя каждую шероховатость, каждую царапину. Пальцы стали очень чувствительными. Потом Эллер поднес их к глазам: он заметил, что стал хуже видеть, все было как в тумане. Когда глаза Блейка начали исчезать внутри черепа, Эллер понял, что их зрение постепенно теряется, они слепнут. Он впал в панику.

— Блейк! — вскрикнул он. — Мы слепнем, ты слышишь, мы теряем зрение, прогрессирующе уничтожается наша мускулатура, мы совсем ослепнем.

— Я это знаю, — подтвердил Блейк.

— Но почему высыхают наши глаза? А потом вообще исчезнут? Почему?

— Атрофируются.

— Возможно. — Эллер нашел бортовой журнал и написал несколько слов трассирующим лучом. Зрение слабело, а пальцы становились чувствительными — необычная реакция кожи.

— Что вы об этом скажете? — спросил Эллер. — Вместо одних потерянных функций мы приобрели другие.

— В руках? — Блейк не сводил с них глаз, думая о своих новых возможностях. — Вода пальцами по ткани своей формы, я чувствую каждую ниточку, чего раньше за собой не замечал.

— Значит, потеря ногтей не бесцельна!

— Вы так думаете?

— Мы считали все случайностью: ожог, разрушение клеток, все изменения. — Эллер перевел трассирующий луч с обложки журнала на лист. — Пальцы — новые органы чувств, улучшенное осязание, но зрение теряется.

— Крис! — раздался перепуганный, ошеломленный голос Сильвии.

— Что случилось?

— Я плохо вижу, такое ощущение, что я слепну.

— Не беспокойтесь.

— Я боюсь... — Эллер подошел к экрану. — Сильв, осмотрите свои пальцы. Вы ничего не заметили? Коснитесь чего-нибудь, я думаю, вы получите ответ на ваш вопрос.

— У меня впечатление, что я способна хорошо осязать предметы. Что это значит?

Эллер рукой погладил свой выпуклый гладкий череп и, внезапно сжав пальцы, закричал.

— Сильв! Вы можете ходить по лаборатории? Вы еще в состоянии включить рентгеновский аппарат?

— Да, как будто.

— Тогда сделайте поскорее снимок, и как будет готово, сообщите мне тотчас.

— Какой снимок?

— Своего собственного черепа. Я хочу посмотреть, изменился ли наш мозг. Мне кажется, что я многое стал понимать!

— Что именно?

— Скажу, когда увижу снимок. — Легкая улыбка появилась на тонких губах Эллера. — Если это подтвердится, то мы ошиблись, анализируя случившееся. — Эллер долго изучал появившийся на экране снимок. Зрение сильно пострадало, и поэтому с трудом приходилось различать линии черепа. Снимок дрожал в руках Сильвии.

— Я прав, Блейк. Подойдите, если можете. — Блейк медленно доковылял. — Я едва вижу, что это такое. — Он, моргая, разглядывал снимок.

— Мозг подвергся сильным изменениям, взгляните на это увеличение, вот здесь. — Он обвел контуры лобной части. — Как вы думаете, что это?

— Не представляю. Ведь эта область мозга приспособлена для высшего мышления.

— В этой части мозга происходят процессы познания окружающей нас действительности, развитие форм мышления и вообще способность мыслить. И именно здесь произошли изменения, увеличение черепа.

— Что же из этого следует? — спросила Сильвия.

— У меня есть теория. Может быть, она не соответствует истине,

но уж слишком все объясняет. Она пришла мне в голову сразу же после исчезновения ногтей.

Эллер уселся за пульт.

— Блейк, не надо думать, что наше сердце неуязвимо и слишком мощный орган. Лучше больше находиться в состоянии покоя. Мы очень сильно потеряли в весе и, может быть, позже...

— В чем суть вашей теории?

— Мы совершили скачок в эволюции, — начал Эллер. — На астероиде мы встретились с радиацией, ускорившей рост клеток. Но наши изменения происходили целенаправленно и быстро. Мы за несколько секунд эволюционировали и прошли через века, Блейк. Изменения в объеме мозга, исчезновение зрения, выпадение зубов, облысение, потеря массы тела... Но мозг прогрессировал и шагнул намного вперед. У нас развились высшие познавательные способности мышления.

— Эволюционировали? — Блейк медленно сел. — Вероятнее всего, это именно так.

— Я в этом просто уверен, и когда мы сделаем еще снимки, я смогу вам показать изменения внутренних органов: желудка, почек... Я думаю, что мы утратили часть...

— Эволюция! — вставил Блейк. — Она не результат хаотичных внешних депрессий, это означает, что весь органический мир содержит в себе закономерность и определенную направленность этой эволюции, а не определяется случаем.

— Наша эволюция, — продолжал Эллер, соглашаясь, — пойдет дальше и даст широкий спектр побочных явлений. Интересно знать, что движет эволюцией.

— Это совершенно меняет все, — пробормотал Блейк. — Главное, что мы не монстры. Мы... мы — люди будущего.

Эллер бросил взгляд на Блейка, он почувствовал что-то странное в его голосе.

— Да, с этим можно частично согласиться, — поправил Эллер, — но на Земле все равно нас будут принимать за чудовищ.

— Просчитаются, — сказал Блейк. — Да, они скажут, что мы чудовища, но это ведь не так: через несколько миллионов лет человечество догонит нас, ведь мы опережаем во времени, Эллер.

Эллер посмотрел изучающе на круглую, огромных размеров, голову Блейка. Он смутно различал лишь ее контуры из-за потери зрения. Хотя контрольный зал был хорошо освещен, ему казалось, что тут совсем темно, и мог различить лишь тени, и больше ничего.

— Мы — люди будущего, — сказал Блейк, нервно смеясь. — Это бесспорно. Я теперь смотрю по-новому на все эти вещи, а совсем недавно я стыдился своего вида! Но сейчас...

— Что же сейчас?

— Теперь я сомневаюсь, что был прав.

— Что ты хочешь сказать?

Блейк промолчал и медленно встал.

— Куда вы?

Блейк с трудом пересек зал и вслепую нащупал дверь.

— Есть много новых моментов, которые я должен обдумать. Мы эволюционировали, наши возможности познания усовершенствовались. Я думаю, что мы во многом выиграли. — Он удовлетворенно обхватил свой огромный череп. — Я считаю, что и дальше будут происходить прогрессивные изменения, в дальнейшем мы будем считать нашу экспедицию «Великой», Эллер. Я верю, что вы выдвинули правильную теорию. Я чувствую большие изменения в моих способностях, у меня появилось изумительное изменение — умение логически мыслить, обобщать, находить невидимые ранее соотношения, которые...

— Стойте, — приказал Эллер. — Куда вы? Ответьте мне... ведь я еще пока капитан корабля.

— Я иду в свою кабину. Мне надо отдохнуть, мое тело не слушается меня. Может быть, придется придумать небольшие механизмы и, вероятнее всего, даже органы: искусственное сердце, легкие, почки. Я думаю, что наши сердечно-сосудистая и дыхательная системы долго не протянут, и поэтому надежда выжить небольшая. Мы скоро увидимся, до свидания, Эллер. Хотя, вероятно, я не должен был употреблять слово «видеть», — он слегка улыбнулся. — Это, — он указал руками на место, где раньше были глаза, — уступит место чему-то другому.

Блейк вышел и закрыл за собой дверь. Эллер слышал, как он медленно, слегка пошатываясь, шагал по коридору.

Капитан подошел к экрану видео.

— Сильв! Вы меня слышите? Вы слышали наш разговор?

— Да.

— Значит, в курсе, что с нами произошло?

— Крис, я почти ничего не вижу, я ослепла. — Эллер вспомнил игривые, живые прекрасные глаза Сильвии и немного грустит.

— Мне жаль, Сильв. Я не хотел бы, чтобы мы остались такими, я хочу видеть нас прежними. Все эти изменения нам ни к чему.

— Зато Блейк считает, наоборот, что это все к лучшему.

— Послушайте, Сильв. Я хотел бы поговорить с вами, вы не могли бы подняться сюда, в контрольный зал, если, конечно, вы сможете. Я хотел бы, чтобы вы были со мной, я беспокоюсь о Блейке.

— Почему?

— Он что-то задумал. Он ушел не только отдохнуть, приходите, мы все решим вместе. Совсем недавно я считал, что мы должны вернуться на Землю, но сейчас я начинаю подумывать...

— Из-за Блейка? Вы считаете, что он...

— Поговорим, когда вы будете здесь. Но поднимайтесь осторожно, не спеша. Скорее всего, мы не вернемся на Землю, и на это есть свои причины. Приходите, объясню.

— Я приду, постараюсь, — ответила Сильвия, — подождите, и прошу вас, Крис, не смотрите на меня, я не хочу, чтобы вы меня видели такой.

— Я ничего не вижу, — объяснил Эллер, — и боюсь, что не увижу уже никогда.

Сильвия надела один из космических скафандров, находившихся в лабораторном шкафу. Костюм из пластика и металла хорошо скрывал формы ее тела. Она вошла и села за пульт. Эллер позволил ей отдышаться.

— Начинайте, — сказала она.

— Сильв, первое, что нам предстоит сделать, это уничтожить все оружие на борту нашего корабля. Когда Блейк вернется, я ему скажу, что мы не возвратимся на Землю. Он, естественно, разозлится и будет сопротивляться, может натворить разных глупостей. Я заметил, что он понимает противоречия мутаций, которые произошли с нами.

— А вы не хотите вернуться на Землю...

— Это опасно. Очень опасно.

— Блейк ослеплен новыми возможностями, — задумчиво сказала Сильвия. — Мы эволюционировали и опередили людей на миллионы лет в своем развитии, и этот процесс продолжается.

— Блейк мечтает возвратиться на Землю не как обычный человек, а как человек будущего. Он уже считает, что мы — гении, а они — идиоты. Если процесс эволюционирования будет продолжаться, нам покажется, что люди — приматы, животные...

Наступило молчание, продлившееся несколько минут.

— Естественно, в такой ситуации у нас возникнет желание помочь им, руководить ими, мы ведь опередили их в развитии на миллионы лет. Мы сможем многое для них сделать, если они позволят управлять ими, вести их за собой.

— А если они восстанут против нашего влияния, у нас будут средства обеспечить наше господство, — вставила Сильвия. — Вы правы, Крис. Если мы вернемся на Землю, мы будем презирать человека как недоразвитое существо. Мы захотим учить их жить, управлять и руководить, добровольно или силой. Да, искушение будет велико.

Эллер встал и подошел к шкафу с оружием.

— Мы будем следить, чтобы Блейк не подходил к пультам управления в контрольном зале. Я переделаю программу нашего пути. Мы будем постоянно и постепенно удаляться от Солнечной системы и возьмем курс на какую-нибудь отдаленную часть Галактики, это единственный выход.

Он разобрал оружие, вынул стреляющее устройство, все механизмы разделил. Послышался шум. Они обернулись, стараясь разглядеть, в чем дело.

— Блейк, — спросил Эллер, — это вы? Я не вижу вас, но...

— Вы правы, — ответил Блейк. — Мы уже все ослепли, Эллер. Итак, вы уничтожили оружие, но это не помешает нам вернуться на Землю.

— Возвращайтесь в свою кабину, — крикнул Эллер. — Я капитан, и это мой приказ...

Блейк захохотал.

— Вы мне приказываете? Вы слепы, Эллер, но, я думаю, ЭТО вы все-таки сможете увидеть!

Что-то поднялось в воздухе вокруг черепа Блейка бледно-голубым облаком и закружилось вокруг него. Эллеру показалось, что он разрушается на бесчисленные осколки, которые постепенно растворялись...

Блейк вернул облако в крошечный диск, который держал в руке.

— Если вы еще помните, — спокойно объяснял он. — Я ПЕРВЫЙ попал под излучение. Поэтому я чуть-чуть опережаю вас в развитии. Оружие — это пустяки по сравнению с тем, чем владею я. Все оружие, находящееся на корабле, устарело на миллионы лет, а я держу в руках...

— Что это за диск? Где вы его взяли?

— Нигде, я сделал его сам, как только понял, что вы решили не возвращаться на Землю и уводите корабль как можно дальше от Земли. Но в настоящий момент, я боюсь, вы уже опоздали.

Эллер и Сильвия старались отдышаться. Эллер откинулся на поручни, измученный, с ослабевшим сердцем, не сводя еле видящих глаз с диска, который держал в руках Блейк.

— Мы будем продолжать путь к Земле, — сказал Блейк. — Вы не сможете изменить наш курс, мы идем прямо на космодром Нью-Йорка. Мы должны вернуться, Эллер. Это наш долг перед человечеством.

— Наш долг?

— Конечно! — с легкой ухмылкой ответил Блейк. — Человечество нуждается в нас. Мы сможем во многом помочь человечеству. Как видите, я стал улавливать некоторые ваши мысли, хотя и не все, но достаточно, для того чтобы узнать, что вы задумали. Вы скоро заметите, что мы начнем терять речь как средство общения, начнем подключаться непосредственно к...

— Вы научились читать мысли, наверное, тогда вы знаете, почему мы не должны возвращаться на Землю.

— Я знаю, о чем вы думаете, но ошибаетесь. Мы должны вернуться на Землю для их же блага. — Блейк рассмеялся. — Мы можем во многом помочь им. Мы модифицируем их, под нашим руководством изменится наука, мы переделаем все порядки на Земле. Мы, трое, очистим расу, создадим новую и расселим ее по всей Галактике. Наш бело-голубой флаг будет развеваться повсюду. Мы сделаем Землю сильной, и она будет править Вселенной.

— Значит, вот вы что задумали, — сказал Эллер. — А если Земля откажется от нашего руководства? Что тогда?

— Очень даже может быть, что земляне и не поймут, — согласился Блейк, — наши приказы должны выполняться, даже если их смысл и не понятен. Вы сами командовали кораблем, вы это знаете. Для блага Земли и для...

Эллер вскочил. Он пытался нащупать противника. Но силы подвели его. Не добежав до Блейка, он упал, тяжело дыша. Ругаясь, Блейк сдвинул несколько шагов назад.

— Идиот! Не задумали ли вы... — Диск засветился, голубое облако ударило в лицо Эллера. Он пошатнулся и упал набок. Сильвия поднялась с трудом и медленно направилась к Блейку. Он резко повернулся к ней и взмахнул диском. Взлетело второе облако. Сильвия вскрикнула, облако пожирало ее.

— Блейк!

Качающийся силуэт Сильвии упал. Эллер, поднявшись на колени, схватил Блейка за руку. Пытаясь вырваться, Блейк потянул Эллера за собой, тот почувствовал, что силы покидают его, скользнул по полу и ударился головой. Рядом с ним лежала неподвижная и молчаливая Сильвия.

— Убирайтесь от меня, — буркнул Блейк, держа в руках диск. — Я же могу и вас точно так же разрушить, как и ее. Вам ясно?

— Значит, вы ее убили, — зарыдал Эллер.

— В этом ваша вина. Вы видите, чего вы добились в этой схватке. Отойдите! Если вы осмелитесь приблизиться ко мне, я снова выпущу облако и с вами тоже будет покончено.

Эллер лежал, не двигаясь и не отрывая взгляда от молчаливой фигуры Сильвии.

— Отлично, — усмехнулся Блейк, удалившись на большое расстояние. — Мы летим на Землю, и вы будете вести корабль, а я буду работать в лаборатории. Я умею читать ваши мысли, так что предупреждаю: если вы рискнете изменить курс, я тотчас буду знать об этом. И забудьте о Сильвии! Мы остались вдвоем, и этого достаточно, чтобы выполнить все задуманное. Уже через несколько дней мы войдем в Солнечную систему, и тогда придется много работать... Вы можете подняться?

Эллер медленно встал, опираясь на поручни.

— Хорошо, — сказал Блейк. — Мы должны тщательно подготовиться. Возможно, нас ждут трудности в общении с землянами на первых порах. Скоро ваше развитие приблизится к моему, и вы сможете помогать мне. Мы будем работать вместе над новыми изобретениями.

Эллер с презрением посмотрел на него.

— Неужели вы думаете, что я вам буду помогать? — спросил он и повернулся к неподвижно лежащей фигуре. — И вы полагаете, что после ее гибели я буду с вами?

— Эллер, — неторопливо выдавил Блейк, — вы меня удивляете. Вы должны думать со мной в одном направлении и под одним углом, ведь на карту поставлено слишком многое.

— Значит, вот как вы собираетесь обращаться с людьми? И такими средствами хотите помочь им?

— Вы занимаете более реалистичную позицию, — спокойно ответил Блейк, — но поймите, что люди будущего... — Они стояли друг против друга, и на лице Блейка мелькнуло выражение сомнения.

— Вы должны смотреть на вещи по-новому, и вы это делаете. — Он слегка нахмурился и приподнял диск. — Какие у вас сомнения? — Эллер не ответил. — Может быть, — задумчиво произнес Блейк, — вы на меня злитесь. Может, случай с Сильвией помутил ваш рассудок, меня это наталкивает на мысль, что я обойдусь и один. Если вы не хотите присоединиться ко мне, я перешагну через ваш труп. Я обойдусь своими силами, Эллер. Пожалуй, это даже лучше. Рано или поздно такой момент выбора для вас настанет.

Вдруг Блейк завопил. Крупная светящаяся фигура отделилась от стены и медленно стала продвигаться по залу. Сразу показалась другая, третья... Всего их было пятеро, они слегка трепетали, мигая каким-то внутренним светом. Все они были на одно лицо и ничем не отличались друг от друга, без каких-либо характерных черт. Фигуры расположились в центре контрольного зала. Они бесшумно парили над полом, как бы выжидая. Эллер смотрел на них, не отрываясь, а Блейк опустил свой диск. Он стоял неподвижно, бледный, раскрыв рот от удивления. Внезапно Эллера осенила мысль, и он вздрогнул от ужаса. Он не видел фигур ослепшими глазами, но чувствовал их новыми органами восприятия. Он задумался и понял, почему эти контуры фигур не были отчетливыми и почему воспринимались совсем одинаковыми. Это была энергия в чистом виде.

Блейк пришел немного в себя.

— К-как? — заикался он, двигая диском. — Кто?

Но мысль, возникавшая в голове Эллера, перебила Блейка. Она была твердая и четкая: «Сначала девушку». Две фигуры двинулись к безжизненному телу Сильвии, лежавшему недалеко от Эллера, и зависли над ней, блестящие и трепещущие. Часть сверкающей короны отделилась, упала на тело девушки и окружила его пылающим огнем.

«Достаточно, — пришла вторая мысль, через несколько секунд. Корона поднялась. — А теперь того, с оружием».

Одна фигура двинулась к Блейку. Он попятился к выходу, дрожа от страха.

— Кто вы? — спросил он, поднимая диск. — Откуда вы взялись?

Фигура продолжала к нему приближаться.

— Стойте! — закричал Блейк. — Иначе...

Голубое облако проникло в фигуру, она чуть вздрогнула и погло-

тила облако, потом двинулась снова. Челюсть Блейка отвисла от удивления. Пятясь, он отступил в коридор, прикрыв за собой дверь. Фигура остановилась в нерешительности перед дверью. К ней подошла вторая. Светящийся шар вышел из первой фигуры и покатился за Блейком. Он окутал его и погас. Там, где стоял Блейк, не было никого, вообще ничего.

«Неприятно, — сказала вторая мысль, — но это необходимо. Девушка ожила?»

— Да.

— Хорошо.

— Кто вы? — поинтересовался Эллер. — А как Сильв? Она жива?

— Девушка поправится. — Фигуры собрались вокруг Эллера. — Мы могли вмешаться до начала событий, но мы предпочли подождать, пока тот, кто держал оружие, овладеет ситуацией.

— Значит, вы были в курсе происходящих событий с самого начала?

— Да, мы все видели.

— Но кто вы? Как вы сюда попали?

— Мы здесь были все время...

— Здесь?

— Да, на борту корабля. Ведь первую дозу облучения получили мы, а не вы, как предполагал Блейк. Наша метаморфоза началась значительно раньше, чем его. Нам пришлось пройти большой путь в своем развитии. Ваша раса эволюционировала мало, произошли лишь небольшие мутации: чуть увеличился череп, исчезли волосы. Нашей расе, наоборот, пришлось пройти весь путь с самого начала.

— Ваша раса? — Эллер оглянулся вокруг. — Значит, вы...

— Да, — пришла спокойная мысль. — Вы правы. Мы хомяки из лаборатории, которых вы взяли для опытов. Но мы не в обиде на вас, и ваша раса нас вообще не интересует. В известной степени мы многим вам обязаны, именно вы помогли нам выйти на новый путь. Мы увидели наше предназначение за несколько коротких мгновений. За это мы вам и признательны, и думаю, что уже расплатились: девушка ожила и приходит в себя, Блейк исчез. Вам разрешается продолжить ваш путь и вернуться на вашу планету.

— Возвратиться на Землю? — переспросил Эллер, нахмурившись. — Но...

— Мы все детально обсудили и пришли к единому мнению. Нет никакой необходимости оставаться вам здесь, в дальнейшем ваша раса достигнет определенного уровня развития, и нет смысла торопить события. Но перед своим отбытием мы решили сделать кое-что для вашего общего блага и для вашей расы вообще. Вы сейчас все поймете.

Из первой фигуры мгновенно вылетел огненный шар и зав'с над Эллером, коснулся его и перешел к Сильвии.

«Это лучше, — констатировала мысль, — вне всякого сомнения».

Они смотрели в иллюминатор. Первый светящийся шар отделился от стенки корабля и стал удаляться в пространство.

— Смотрите, — закричала Сильвия.

Шар света быстро удалялся от корабля, набирая скорость с невероятной быстротой, вслед за ним пустился еще один. За ним третий, четвертый и наконец пятый. Все они растворились в глубине космоса.

Как только они исчезли с поля видимости, Сильвия обернулась к Эллеру, глаза блестели.

— Вот и все закончилось. Интересно, куда они направились?

— Кто знает, но, вероятно, далеко, как можно дальше от нашей Галактики.

Эллер обернулся и протянул руки к волосам Сильвии.

— Вы знаете, — сказал он, широко улыбаясь, — ваши волосы стоят того, чтобы их видеть, это самые прекрасные волосы в нашей Вселенной.

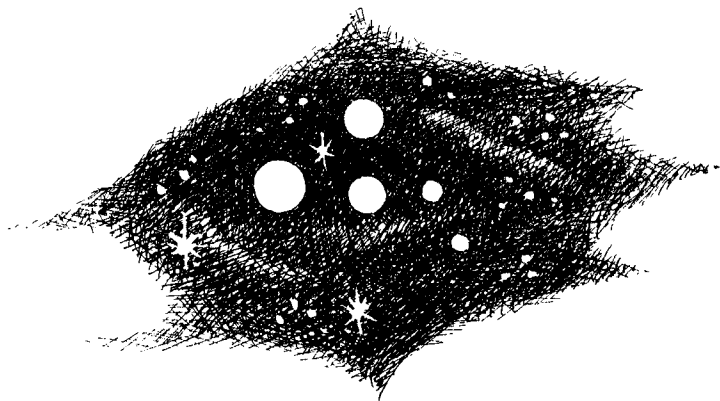
— Сейчас нам любые волосы покажутся самыми красивыми, — смеясь, добавила она. — Даже ваши, Крис.

Эллер долго смотрел на нее и наконец сказал:

— Они правы!

— А именно?

— Так гораздо лучше, — Эллер смотрел на девушку, на ее волосы, темные глаза, красные горячие губы, знакомый стройный силуэт. — Я согласен... Тут нет никаких сомнений.

Жак Стернберг

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Когда он покинул стенд, на котором его в течение десяти лет собирали и усовершенствовали, он выглядел так, что в первое мгновение можно было серьезно подумать, не стоит ли ему дать персональное удостоверение личности и внести его в списки социального страхования.

Но в конце концов он был всего лишь роботом.

В его внешности не было ничего выдающегося. Он не был слишком большим, и особенно привлекательным его назвать было нельзя. Это был такой же человек, как и множество других. Возможно, в нем скрывались необычайные способности, которыми был снабжен его мыслительный аппарат? Эти способности были так всеохватывающи, что выводили на новый вопрос; какое же задание должен был выполнить этот робот? Здесь были только муки выбора, и выбора неограниченного. В концерне, где его разработали и создали, однажды поняли, что управление хозяйством теперь стало проблематичным, а этот ро-

бот без труда мог в одиночку руководить и самим концерном, и его дочерними предприятиями. Он мог в одиночку произвести расчеты всех фирм, взять управление всеми отделами и общее руководство отдельными филиалами, а также принять ответственность директората концерна. Короче, он был в состоянии координировать работу сотен отделов, связав их одной-единственной нервной системой, и при этом находить для каждой проблемы не только удовлетворительное, но и оптимальное решение среди сотен других.

Но генеральный директор концерна считал себя незаменимым, и каждый заведующий отделом думал о себе то же самое, поэтому было решено использовать робота как простого служащего, который обладал такими же способностями, как и обычные люди.

Решили даже позволить ему подниматься по служебной лестнице ступенька за ступенькой. Сначала его отправили в отдел отгрузки продукции на подземный этаж. За один час робот выполнил план десяти дней, сделал всю текущую дневную работу и, кроме того, работу последующих двух дней. Потом он был переведен на первый наземный этаж, где он своим прилежанием и усердием самым роковым образом повлиял на других складских рабочих.

Из упаковщика он стал клерком. За полчаса он сделал работу всего отдела, причем он отвечал на письма с гениальной смелостью, которая бросалась в глаза. Он также аккуратно разобрал всю почту, поступившую за день.

Совет управления концерна понял, что в будущем он больше не может доверять роботу заданий, над которыми он работал бы вместе с другими служащими. Его нужно изолировать, если Совет не хочет, чтобы во всех отделах поселился коллективный дух комплекса неполноценности.

Его назначили уполномоченным.

Задания его были различными, но строго ограниченными: он должен был ездить из города в город, поддерживать связь между различными дочерними предприятиями, делать различные доклады. В случае необходимости он мог изредка проявлять инициативу.

Уполномоченный занимался этой работой целый год. Он координировал, организовывал, слал доклады, ездил повсюду, не отдыхая ни часу, не снижая ни ритма, ни темпа, как мыслящая машина. И тысячи инициатив, о которых он докладывал руководству концерна, позволили тому в течение месяца троекратно увеличить торговый оборот и превратить концерн в трест, ответвления которого директорат больше не мог проследить, а потом в огромное предприятие, обладающее руководящими кадрами, директоратом, а также главным руководителем, причем главная задача всех их состояла в том, чтобы удержаться на самом верху руководства предприятием; это была иллюзия, которой они могли спокойно отдалиться, потому что миллиарды людей здесь работали как один человек.

Но однажды все связи оборвались.

Уполномоченного послали в Италию, он прибыл туда и послал оттуда первое сообщение. И это было все. Больше ни одного доклада, и никто не знал его адреса в Риме.

Прошел месяц.

Директорат попытался разобраться в путанице множества нововведений, которые создал мозг робота, он старался решить возникающие вопросы и проблемы непрерывными расчетами и алхимией слов. Тщетно. Нужно было учитывать не только характерный упадок объемов торговли, но и предстоящую конкуренцию.

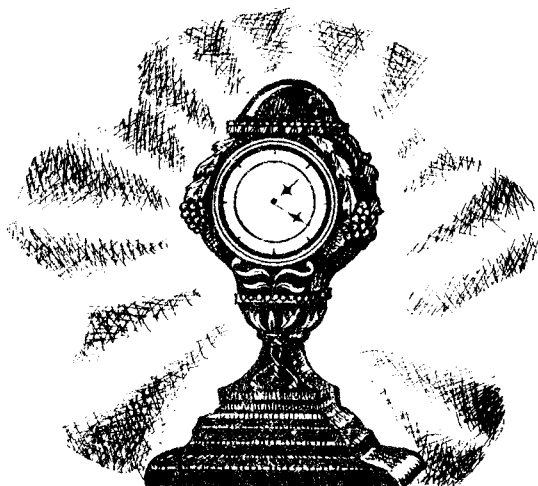
Уполномоченного разыскивала полиция всего мира, этим занимались даже частные детективы, но все напрасно. Его следов нигде не удалось обнаружить. Приходилось предположить, что он исчез или просто растворился.

Но это было не так.

Робот был жив. И он по-прежнему находился в Риме. Но он больше не интересовался и не занимался торговлей. Он забыл обо всех своих функциях, своих заданиях, своей ответственности. Он забыл обо всем.

Все дни он проводил в маленьком зале одного из музеев столицы. Он приходил каждое утро и уходил только тогда, когда музей закрывался.

В его жизни теперь была только одна-единственная цель. Он по самым ушам влюбился в предмет, выставленный на витрине музея: в восхитительные маленькие маятниковые часики восемнадцатого столетия.

Раймон Квено

НА КРАЮ ЛЕСА

1

На краю леса спутники разделились. Один из них повернул направо, а другой налево, к деревне. Деревья стали реже, по обе стороны дороги потянулись поля, дома приближались. Странник вошел в деревню уже в сумерках. На постоялом дворе зажгли лампы, когда он переступил порог таверны. Пошел дождь; он сел на скамью, поставив рюкзак на пол.

Один из официантов подошел и спросил, что ему подать. Странник подумал о своем спутнике, который теперь, наверное, потерянно бредет под дождем. Он заказал вермут и комнату на ночь. Комнату даст хозяин, ответил официант. Хозяин скоро будет, вы должны подождать его; не беспокойтесь, комната у вас будет.

Хозяин пришел через полчаса. Слуга сидел в отдалении и читал тоненький роман. Странник подумал: где теперь его спутник? Наверное, он промок до нитки. Или укрылся в какой-нибудь хижине, подва-

ле, садовом домике, сарае? Или, может быть, он шел под дождем, оставаясь совершенно сухим?

Хозяин сказал:

— Вам нужна комнате, месье?

— Да, на ночь.

— Нет ничего проще, туристы в это время редки. Вы можете занять лучшую комнату.

— Конечно, но... цена?

— Двадцать франков за комнату, и, как я уже сказал, вы можете занять лучшую, за которую я летом беру пятьдесят франков. Возьмите ту, которая вам больше всего понравится. Гость, месье, всегда прав. Да, клянусь, — сказал хозяин, — я всегда уважаю гостей.

— Вы удивили меня, — произнес странник, — потому что это нехарактерно для вашей профессии.

— Месье, месье, не критикуйте нашу профессию. Хотя я хорошо знаю, что являюсь исключением, но, несмотря на это, существует солидарность, месье.

— Я не хотел раздражать вас.

— Вы не раздражили меня, поэтому я еще раз говорю вам, что гость для меня, как бы это лучше выразиться... священен.

— Святое небо! — сказал странник.

И посмотрел на хозяина.

Румяный, гладко выбритый толстяк внушительного роста. Он уперся руками в бедра и уставился на стену; казалось, он полностью заполнил собой все помещение. Потом он сказал:

— Скажем, я не такой, как другие. — И улыбнулся.

— Я хотел бы, — ответил странник, — снять лучшую комнату за двадцать франков, чтобы доставить вам удовольствие.

— Вы еще никогда здесь не были? — спросил хозяин.

— Нет. До вчерашнего дня я даже не знал о существовании Сент-Серте-сюр-Креш. Я иду из Кугоржа в Гугугнак.

— В это время года?

— У меня в это время года отпуск. В Гугугнаке хорошая кухня, не так ли?

— Говорят, месье. Теперь я оставляю вас. Занимайте комнату номер один. Гортензия, приготовьте первый для господина, — потом пробормотал: — Странно, он уже снова исчез.

Странник проследил взглядом, как вышел хозяин. Гортензия тут же отправилась выполнять приказание, и он надолго остался один.

Одна из дверей, ведущих в таверну, медленно приоткрылась, но не видно было, чтоб кто-то вошел. Посетитель перегнулся через стол и тут увидел собаку, только что вошедшую в помещение.

Пес неопределенной породы, похожий на фокстерьера, с коричневой шерстью, обнюхал ножки двух или трех столов и стульев, сделал один-два поворота, потом бочком, осторожно, приблизился к странни-

ку. Тот присвистнул, чтобы привлечь внимание животного, которое уверенно, по-хозяйски запрыгнуло на стул перед странником и уселось на нем.

Оба они смотрели друг на друга.

— Может быть, хочешь кусочек сахара, моя собачка, а? — спросил странник.

— Я не ВАША собака, — возразило животное. — Я сама по себе. Я вообще не из этого дома; если его владелец так считает, он глубоко ошибается. Что же касается сахара, то я совсем не прочь получить кусочек. Там, наверху, на комод, стоит полная сахарница; если вам не жалко и не трудно, вы можете оказать мне такую любезность.

Странник на мгновение неподвижно застыл, но лицо его не выразило ни удивления, ни страха. Немного позже он встал, чтобы взять кусочек сахара и дать его собаке, которая с чавканьем раскусила его. Жадно облизав лапу, собака сказала:

— Я — Дино. Зовут меня Дино.

— Очень приятно, — ответил странник. — А я — Амадей Гюбернатис, младший депутат Французского собрания.

— Совершенно верно, — ответил пес. — Вы итальянского происхождения?

— Как и большинство французов, — произнес депутат.

— Пожалуйста, не сердитесь, месье Амадей. Я ни в коем случае не расист, хотя по отцовской линии происхожу от первоклассного производителя, — он улыбнулся и очень серьезно добавил. — Вы, конечно, здесь скучаете?

— Я? Нет, ничуть, — ответил Амадей. — Я никогда не скучаю.

— Только животные никогда не скучают, — возразил пес, — или индивидуумы, которые живут естественной жизнью. Но отсутствие скуки у депутата меня удивляет.

— У меня в голове все время какие-нибудь планы, — сказал Амадей, — какие-нибудь конструкции, проекты, законы, декреты.

— Но перерабатывать тоже не годится, — возразила собака, покачав головой.

— Что значит перерабатывать? Вообще-то я с тринадцати лет работаю от двух до восемнадцати часов в день.

— У меня мурашки идут по коже, когда я это слышу, — ответила собака. — Нельзя ли попросить вас дать мне еще кусочек сахара?

— Охотно, — сказал Амадей.

После того как сахар был съеден, беседа продолжилась.

— Зачем так много работать? — спросила собака.

— Я специалист. Специалист по вопросам власти и капитала. Я не только доктор права и имею диплом юриста, я также магистр изящных искусств. Я еще никогда здесь не был, и в этом моя сила... моя сила.

— Вы очень честолюбивы, — сказала собака, облизывая лапу.

— Честолюбив... честолюбив... Трудно сказать... Честолюбив.

— Может быть, вы думаете о своем народе? О своих избирателях?

— Совершенно верно. Только ради них я стал специалистом. В конце концов не каждый может так научиться, как я. Только ради них я сосредоточил в своих руках такую власть: при помощи этого оружия я сражаюсь за них.

— Гррмф! — рыкнула собака. — Гррмф!

— Ну, хорошо, пожалуй, я честолюбец, — согласился Амадей. — Но в данный момент я в отпуске.

— Один?

— Пока что. Я только что потерял спутника. Я странствую пешком по стране. Это очень познавательно. А какие потом будут воспоминания!

Пес зевнул и прыгнул со стула. Он сделал два или три круга, обнюхал две-три вещи, затем толкнул другую дверь и выбежал наружу, не сказав «до свидания».

Почти сразу же после этого через другую дверь вошел официант и спросил Губернатиса, не хочет ли он поужинать.

Он хотел.

Вот еще!

Его и обслуживали как случайного посетителя.

Слава Богу, Губернатис не был изысканным гурманом.

Девушка накрыла скатертью стол перед ним, поставила столовый прибор и чуть позже вернулась с миской супа. Ужин состоял из супа, омлета, салата и фруктов. Все подавали очень быстро и так же быстро убрали. Кельнерша попыталась флиртовать с гостем, но тот не проявил к ней никакого интереса, по крайней мере не показал его. Вскоре после того, как странник очистил яблоко, в таверну вошел одноглазый старик в бархатных штанах.

— Гортензия, горячий пикон, — потребовал он.

Он глянул на странника своим единственным глазом.

— Ну, как дела, месье Бланди? — спросила кельнерша. — Как всегда, ни шатко ни валко, старый увальень?

Странник понял, что вновь пришедший был глух. Кельнерша поставила на стойку пикон, а возле него — горячую воду и остановилась, вперив руки в бедра.

— Совсем не так плохо, Гортензия, — продолжил одноглазый старик. — Конечно, я как всегда мучаюсь ревматизмом. Но ха! Это еще ни о чем не говорит. Это ни о чем не говорит. Сегодня дождь, гм, гм! Черви выползают наружу.

Он снова посмотрел на странника.

— Погода не подходящая для прогулок, — сказал он. — Нет ничего приятного в такой погоде, не правда ли?

Хотя этот вопрос был направлен прямо ему, странник ничего не ответил.

— Грибы протухнут, — продолжил одноглазый, — и виноград уже

не будет так хорош. Совсем не хорош. Шампиньоны протухнут, виноград обвалится, вот так.

— Ну и старый увалень, — улыбнувшись, сказала Гортензия.

Она подтянула резинку, которая резала ей бедро. Она по-прежнему стояла на месте. Странник доел свое яблоко.

— Кофе?

— Нет, спасибо.

— Тут невозможно спать, — сказал старик.

— Займись лучше своими делами, старый оборванец, — сказала Гортензия и, повернувшись к страннику, произнесла: — Это мой дядя. Он себе на уме.

— Она так думает, — ответил одноглазый, который оказался совсем не глух. — Она так считает. Если бы у меня не было ревматизма, я был бы бодр, как юноша. Как настоящий юноша.

— Он что-то замышляет, — сказала Гортензия. — Несмотря на свой почтенный возраст, он все еще способен на шальные проделки. Кое-кто считает его колдуном. Он вправляет вывихи и гадает на огне. Он знает названия всех трав и знает, для чего их можно использовать. Раньше поговаривали, что он может беседовать с умершими.

— Рассказни, — буркнул одноглазый.

— У него дома есть говорящая голова, которая рассказывает ему обо всем, что происходит в мире, — продолжила Гортензия, вытирая стол. Когда она это делала, ее мощная грудь уперлась в плечо мужчины, а ее колено коснулось его руки. — Но ее никто не видел, только я однажды, когда была маленькой и испытывала перед этим языческий страх; были люди, которые утверждали, что это было радио, а не голова, но я заверяю вас, что когда я была маленькой, не было еще никакого радио — а я еще не старая, мне двадцать лет; мне также говорили, что все это мне приснилось. Но я видела эту голову, да!

— Случайно, — сказал одноглазый.

— У него есть еще два ворона, которые шпионят за мной, они летают повсюду, садятся на подоконники, осматривают все вокруг, а потом рассказывают ему обо всем, что видели и слышали. Некоторые из местных молодых людей пытались их убить, но им это не удалось; напротив, юношей находили либо ранеными, либо вообще мертвыми.

— Совершенно верно, — произнес одноглазый.

Гортензия двинулась с места.

— Он единственный оставшийся в живых из всей моей семьи.

Странник раскурил трубку.

— Вы странствуете пешком? — спросил его старик. — Это гораздо более познавательно, чем на поезде или на автомобиле. Есть вещи, которых на большой скорости просто не заметишь.

— Да, это так.

— Вы будете ночевать здесь?

— Да.

— Тогда утром зайдите ко мне, и я покажу вам много интересных вещей. Вы же ученый и имеете дело как с числами, так и со статистикой.

— Откуда вы это знаете?

— Гортензия ведь сказала вам, что один из моих воронов видел, как вы пришли, а вы вполголоса про себя бормотали цифры.

Странник улыбнулся.

— Итак, утром зайдите ко мне, — еще раз сказал старик и встал. — Пикон я оставляю господину, — добавил он.

— Старый мошенник, — пробормотала Гортензия. — Он совершенно выжил из ума, совершенно. Но то, что я видела говорящую голову, когда была маленькой, правда.

Наступила тишина.

— Я отведу вас в вашу комнату, — сказала Гортензия.

Странник уже хотел было встать, чтобы последовать за ней, когда появился хозяин.

— Хорошо поужинали, месье Губернатис? А ты отправишься в постель, когда покончишь с посудой, — это Гортензии. — Так хорошо поужинали, месье Губернатис? В это время года ввиду незначительного, весьма незначительного количества посетителей возникают затруднения с поварами; трудность также в том, что сам я готовить не умею и без повара не могу приготовить ничего, кроме омлета. Так что у меня нет ни припасов, ни поваров. Короче, вы хорошо поужинали, месье Губернатис?

— Вполне достаточно. Я непривередлив в еде.

— Да-да, за этими словами скрывается упрек.

— Ни в коем случае. Я поужинал весьма неплохо.

— Удался ли этот небольшой омлет?

— Он великолепен.

— Гм.

Хозяин осмотрел странника сверху донизу.

— Если верить вашему удостоверению, вы мистер Губернатис?

— Да, это я. Вы в этом сомневаетесь?

— Ни в коем случае, ни в коем случае. Вы депутат?

— Да.

— Мой дом ждал вашего посещения, месье депутат. И... но... есть еще кое-что. Вы здесь никогда не были?

— Никогда.

— Вы в этом уверены?

— Конечно. Абсолютно уверен.

— Вы здесь никогда не были?

— Я же говорил вам, никогда.

— Даже во сне?

Губернатис задумался.

— Даже во сне, — ответил он.

Затем заметил:

— Странный допрос.

Толстощекий хозяин, озабоченно задававший вопросы, снова с огорчением посмотрел на него.

— Пожалуйста, извините, господин депутат, извините. Я склонен к некоторым преувеличениям. Это долгая история, которую я должен вам рассказать, долгая история.

Он устремил умоляющий взгляд на гостя, словно надеялся, что тот попросит его рассказать эту историю. Но тот, должно быть, устал от множества рассказанных в этот вечер автобиографических историй и скромно ответил:

— Каждому хочется рассказать свою историю.

Этот ответ, казалось, смутил хозяина; но его уже охватило лихорадочное возбуждение.

— Раз... — сказал он, — ...решите, господин депутат, разрешите рассказать историю, ни в коем случае не похожую на другие. Ни в коем случае. Во-первых, моя история огнюдь не чрезвычайна. А во-вторых, она все же необычна.

В это мгновение дверь тихо и медленно приоткрылась, и Губернатис увидел собаку. Она несколько секунд покружилась, потом легко и решительно прыгнула на стул между хозяином таверны и странником и уселась там.

— Эта собака принадлежит вам? — спросил Амадей.

Хозяин посмотрел в направлении собаки, словно хотел удостовериться в ее присутствии.

— Да. Это Дино.

— Конечно, у него тоже есть история, — сказал Губернатис.

Он посмотрел на собаку, но та сделала вид, что ничего не слышала, закрыла глаза и зевнула; потом снова равнодушно посмотрела в сторону.

— Он храбрый маленький песик, — растерянно сказал хозяин. — Моя история, господин депутат...

— Вы расскажете ее потом.

— Она проста, она коротка, она ясна. Послушайте, господин депутат, меня зовут Рафаэль Деснуэттес. Мой отец был служащим отеля, мой дед был поваром, мой прадед даже написал книгу о приготовлении пищи. Итак, вы видите, какой аристократией нашего дела мы являемся. Я не буду говорить об этом, чтобы пощадить ваши чувства, господин депутат, я же знаю, что вы радикал-социалист. Хорошо, итак, я скажу вам, что профессия наша наследственная, мы занимаемся ею и ею живем. Я хотел стать моряком, господин депутат. Я действительно стал юнгой. Но когда мой отец умер, я почувствовал, что должен вернуться к семейному делу, и сделал это в основном для того, чтобы скрасить дни своей старой матери и утешить ее — она была горничной и уважала наши семейные традиции. Итак, сам я вернулся сюда примерно десять лет назад. Моя мать умерла два года

спустя. Я остался сиротой. А теперь я перейду к своей собственной истории. Через пять лет после того, как я осел здесь — я обращаю ваше внимание на то, господин депутат, что это произошло пять лет назад, — однажды, как вы сегодня, сюда зашел странник, который, как и вы, путешествовал пешком. Это был довольно крупный мужчина, вероятно, даже атлет, с очень красивым лицом, господин депутат, а глаза — глаза его ослепительно сияли. Он зашел на часок, чтобы выпить кружку пива. Я не могу вспомнить, что он мне рассказал, когда я присел рядом с ним, чтобы поговорить. Я ничего из этого не помню, — пожаловался он. — Затем минут через десять он ушел, и тогда я понял, что меня посетила... обезьяна.

— Обезьяна? — переспросил Губернатис.

Собака закрыла глаза и слегка склонила голову в сторону.

— Я знаю, что раню ваши чувства, господин депутат, — сказал Деснуэттес.

— Нет, нет, — пробормотал Губернатис.

— Да, да, я знаю это. Обезьяна! И все же это была обезьяна, которая почтила меня своим визитом. С этого дня я все жду ее возвращения, и каждый гость для меня желанен и почитаем! Вы сами, господин депутат, вы совершенно особенный, вы совсем не такой, как тот, кто должен вернуться сюда.

— Вы уверены, что он вернется?

Хозяин самодовольно усмехнулся.

— Конечно, господин депутат, конечно.

Собака снова открыла глаза.

— С одной стороны, — сказал Губернатис, — вы, кажется, все еще хорошо помните, как он выглядит, а с другой стороны, одержимы желанием снова найти его. Я хочу сказать: мне, к примеру, кажется, что я ничуть не похож на обезьяну, и все же вы задаете мне вопросы, словно я могу оказаться этой обезьяной.

— В самом деле. Но в этом нет никакого противоречия, господин депутат. Я только думаю, что его внешность могла измениться, что он принял другой облик.

— Как же вы тогда снова его узнаете?

— По кое-каким приметам.

— Но вы помните хоть что-нибудь из того, что он вам рассказал?

— Ничего. Я часто задумывался над этим. Но ничего. Ничего.

Потом:

— Как вы смотрите на стаканчик старого кальвадоса? У меня в подвале есть отличное вино. Я сейчас принесу его.

Он вышел из таверны.

Как только он оказался по ту сторону двери, пес сказал:

— Что вы думаете о его истории?

— Не слишком много. Я не привык к таким разговорам. Я живу в мире чисел и точных понятий.

— Да, он мечтатель, этот хозяин, не так ли?

— Он мечтатель, я честолюбец, вы быстро усвоили этикет людей, месье Дино. А вы, кто вы?

— Собака.

Но тут появился хозяин, и Дино больше ничего не говорил.

Кальвадос был первоклассным, и Гюбернатис сделал хозяину обычные комплименты. Хозяин таверны принял их как без малейшей гордости, так и без малейшей скромности. Он был так же молчалив, как и пес. Его желание рассказать историю, казалось, совершенно исчезло.

На безлюдной улице послышались шаги, они приблизились, и дверь начала открываться. Дино прыгнул со стула и залаял. В щели притвора появилась голова одноглазого старика.

— Вы должны утром посетить меня, господин странник, — сказала голова.

— Вы можете на меня рассчитывать.

— Доброй ночи.

Голова исчезла, и дверь снова закрылась. Дино опять запрыгнул на стул.

— Вы с ним уже познакомились? — спросил Деснуэттес.

— Он недавно был здесь. Но... кто он, собственно, такой?

— Разве я это знаю? Кто это вообще знает? Старый, выживший из ума старик — и все.

Собака искоса посмотрела на странника и улыбнулась. Потом она прыгнула со стула, уверенно направилась в сторону двери, толкнула ее и тоже исчезла. Они услышали шаги у себя над головами.

— Это девушка приготовила вам комнату, — сказал хозяин.

— Мне рассказали странную историю об этом одноглазом.

— И кто же?

— Ваша девушка.

Хозяин пожал плечами.

— Ха! В этой глуши все так суеверны! Пустая болтовня, иногда глупая. Некоторые заходят настолько далеко, что даже утверждают, что моя собака говорит.

Гюбернатис рассмеялся.

— На самом деле, хорошая шутка!

— И что она может делаться невидимой.

— Раньше ее сожгли бы, и вас вместе с ней.

— Меня? Меня?! Но, господин депутат, я честный гражданин. Что я сделал такого глупого?

— Этого одноглазого старика тоже сожгли бы.

— Сумасшедшего? Он же сумасшедший!

— Ну, сегодня-то сумасшедших больше не сжигают на кострах.

— Нет.

Хозяин замолк, и снова воцарилась тишина. Над их головами тоже было тихо, и стаканы были пусты.

— Я пойду лягу, — сказал Губернатис и встал. — Большое спасибо за великолепный кальядос.

Он взял свой рюкзак.

— Вы найдете свою комнату? — не вставая, спросил Деснуэттес.

— Она находится напротив лестницы. Это номер первый.

— Доброй ночи, месье Деснуэттес.

— Доброй ночи, господин депутат. — Но он так и не встал.

Губернатис открыл дверь. Лестничная клетка была освещена. У подножия лестницы он увидел Дино, который лежал на дерюжке и спал. Амадей медленно поднялся по лестнице, деревянные ступеньки закрипели, но пес не проснулся.

Он вошел в комнату; в кровати, конечно же, лежала Гортензия.

2

На следующее утро, с первыми лучами солнца, Амадей проснулся свежим и отдохнувшим. Он сделал несколько ежедневных гимнастических упражнений, сполоснулся и привел себя в порядок. Потом спустился вниз. Его рюкзак уже находился в обеденном зале.

— Что желает господин? — спросила Гортензия, стоящая у кухонной двери.

— Черного кофе, хлеба, масла, мармелада.

Снаружи, по залитой утренним солнцем деревенской улице, деловито прошли несколько человек; там были также лошади, повозки, тачки, бороны; кошки и собаки; дети — все очень невзрачные, хотя и шумные. Его кофе, хлеб, масло и мармелад были поданы; он с удовольствием и наслаждением принялся за них. Гортензия, все еще не приведшая себя в порядок, убежала на кухню. Потом к нему присоединился Дино, который, как только дверь за девушкой закрылась, занял свое место на стуле напротив него. Амадей предложил ему кусочек сахара.

— Охотно, — ответил пес и начал грызть сахар.

— Сегодня утром прекрасная погода, — сказал Амадей.

— Да, действительно, — ответил пес и облизал сладкую, липкую лапу.

— Следующий этап своего путешествия я начну в хорошую погоду, — произнес странник.

— Погода может измениться, — возразил пес.

— Во второй половине дня?

— Погода здесь всегда неустойчива. Вы еще должны посетить дядюшку Гортензии.

— Ах да, верно. Конечно. Впрочем, я и сам об этом помню.

— А Гортензия?

— Я ее прогнал. Она легла в мою постель.

— Конечно же, вы ее прогнали. Она в ярости.

— Да, может быть, вы думаете, что я поставлю на карту всю мою карьеру из-за такого незначительного приключения?

— Есть достаточно политиков, которые... приключения... с дамами... и все же достигли успеха.

— Ха! Это не по мне. Я никогда не мог упрекнуть себя ни в этом отношении, ни в деловом. В этом моя сила... один из аспектов моей силы; наука — другой ее аспект.

— Вы настолько сильны? — спросил пес. — Насколько мне известно, вы никогда не были министром.

— Подождите. И, кроме того, я не хочу кричать о своей силе на всех углах.

— Может быть, вы масон?

— Ха! Конечно, это власть, но она постепенно теряет свою силу. Впрочем, я действительно м...

— Разве это вам помогает?

— Мало. Я предпочитаю знать тайны других, чем самому быть окруженным тайнами.

— Это несколько противоречит вашей теории.

— Нисколько. Ничуть. Подумайте над этим.

Депутат с симпатией посмотрел на пса.

— Вы нравитесь мне, — сказал он, — ваше общество доставляет мне удовольствия. Я купил бы вас у месье Деснуэттеса. Если бы не боялся, что после этого вы перестанете говорить со мной.

— Почему вы так думаете?

— Я в любом случае знаю, что собаки не говорят. Вероятно, под этим столом находится система микрофонов, а мой настоящий собеседник сидит в соседней комнате. Он слышит меня и отвечает. При встрече я воспользуюсь случаем сказать ему, что был счастлив познакомиться с ним.

— Вах! — ответил пес. — Странно. Вы видите, что говорите с собакой, и не верите в это?

— Вы хорошо дрессированы, и это все.

— Эй, эй! А если я вам скажу, что у меня есть и другие способности?

— Какие же?

— К примеру, становиться невидимым.

— Покажите это.

— Но сначала расскажите мне, что сегодня ночью случилось с Гортензией.

— Все очень просто. Я попросил ее выйти. Она думала, что я шушу. Но в конце концов она поняла. И ушла. Я очень сожалел, что мне пришлось поступить с ней так невежливо, но ведь на карту была поставлена... моя судьба...

— Да, да, — задумчиво произнес пес.

— Вас сильно интересует эта персона?

— Мы были друг с другом в интимных отношениях, — ответил пес, стыдливо опустив голову.

— Ага, — скромно произнес Амадей.

Они оба замолчали.

— А ваша невидимость? — спросил странник.

— Ах да, моя невидимость. Вы хотите увидеть ее постепенно нарастающей или внезапной?

— Боже мой...

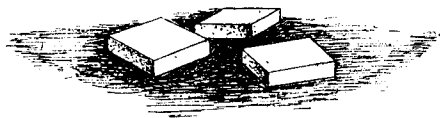
— По вашему желанию.

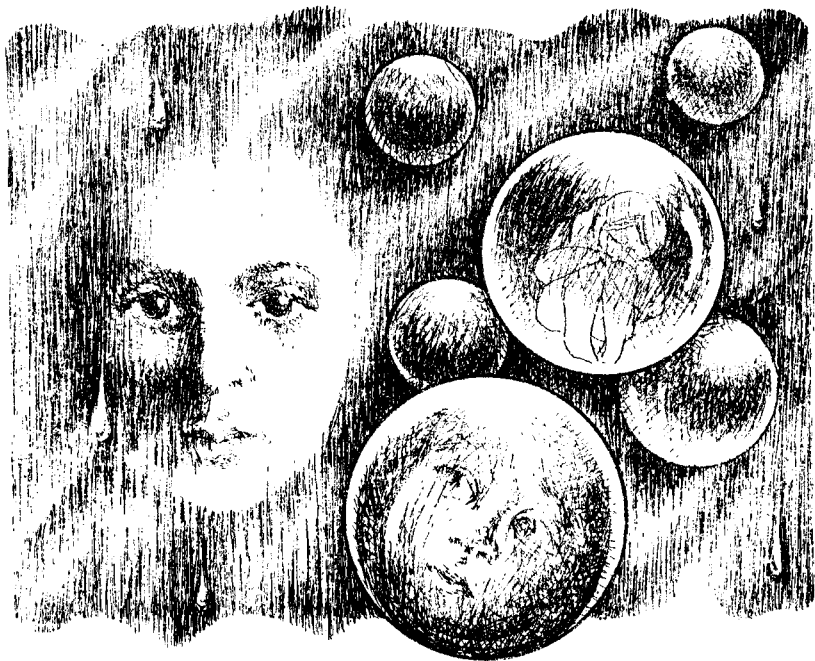
— Скажем, постепенно нарастающей.

Дино тотчас же спрыгнул со стула и начал описывать по помещению широкий круг, почти натываясь на стулья. Вернувшись к исходной точке, он слегка отклонился в сторону и начал описывать второй круг, чуть уже первого, причем его собственные размеры уменьшились пропорционально уменьшению диаметра этого круга. Таким образом, он начал описывать спираль и в конце концов превратился в крошечную собачку, которая со все возрастающей скоростью описывала сложную геометрическую фигуру вокруг своей оси симметрии и, наконец, достигнув микроскопических размеров, исчезла.

— Великолепный фокус, — пробормотал странник. — Но я видел фокусников, чьи проделки были еще хитрее. Проклятье, я же говорю сам с собой; дурная привычка, от которой я должен обязательно избавиться.

Он положил рюкзак возле кассы, где он никому не будет мешать, и вышел наружу. Снаружи было влажное от росы, теплое, ароматное утро; он радостно и бодро отправился на поиски жилища одноглазого дядюшки Гортензии, и ему не пришлось долго искать.

Жюли Верланж

ПУЗЫРЬКИ

8 августа

Сегодня я увидела еще одну другую. Она размахивала перед окном своими длинными руками и говорила. Ее рот непрерывно открывался и закрывался, но я ничего не понимала. Кроме того, через оконные стекла ничего услышать невозможно. Потом она обими руками уперлась в окно. Я поборола страх, нажала на кнопку, и жалюзи упали вниз. Я знала, что она не сможет добраться до меня. Никто не сможет добраться до меня.

Папа рассказывал, что раньше, в старые времена, оконные стекла были бьющимися. Я не могу себе этого представить, но папе виднее. Он говорил, что нам еще повезло, что пузырьки появились только в наше время, потому что в старые времена погибли бы все. Дома тогда были построены не так, как сегодня, и не было никаких слуг.

Отец мне также сказал, что я все это должна записать, когда вы-

расту. Он сказал: «Это все нужно записать для будущего. Потому что однажды, несомненно, будет найдено средство борьбы с пузырьками и все снова станет таким же, как и раньше». Еще он сказал: «Люди должны знать, что происходило во времена пузырьков. Поэтому ты должна все записать, Моника. Начнешь, когда станешь большой, а меня больше не будет». Мой папа, конечно, не думал, что скоро его уже не будет с нами. Если бы он только не вышел наружу, если бы он только не вышел!

Он сказал: когда я вырасту. Ну, сегодня мне исполнилось шестнадцать, я думаю, что я уже достаточно взрослая, и поэтому сегодня утром я начала эти записи.

Отец писал много. Он описал всю историю с пузырьками и то, каким был мир до них. Меня тогда еще не было, я знаю только то, что рассказал мне папа. Я родилась как раз тогда, когда появились пузырьки.

По мнению папы, с самого начала погибло очень много людей, прежде чем стало ясно, что против пузырьков нельзя бороться и что есть только одно средство, чтобы не погибнуть или не стать другим: не выходить наружу.

Отец тотчас же это понял, и поэтому мы смогли спастись. Он сказал, что раньше невозможно было не выходить наружу, люди умерли бы от голода. Потому что не было ни синтезаторов мяса, ни синтезаторов овощей и фруктов, ни слуг, которые заботятся обо всем. Он рассказал мне, что в старые времена люди должны были сами себя обеспечивать пищей, выращивать на земле овощи и фрукты и разводить скот, чтобы снабдить себя мясом.

Это, конечно, было странно, я даже не знала, что это за штука такая, скот. Но папа объяснил мне и показал картинки из старинной книги. Странные вещи! Едва можно было поверить, что они существовали на самом деле.

9 августа

Этим утром я пошла в библиотеку, чтобы посмотреть старинные книги, но теперь, когда папы здесь больше нет и никто не может мне ничего объяснить, появилось многое, чего я просто не понимаю.

Только что я увидела в книге изображение женщины, похожей на другую, которая часто подходила к моему окну, с такими же извивающимися руками. Под ним было написано: «Богиня Кали». Разве тогда, в старые времена, уже были другие? Папа говорил, что нет, что это пузырьки превращали людей в других. Раньше этого не было.

Я не могу смотреть на других. У меня всегда мурашки бегут по коже, когда они приближаются к моему окну, как это было вчера. Впрочем, они делают это очень часто. Можно подумать, что они хотят мне что-то сказать, их рот непрерывно шевелится.

Папа сказал: «Странно, что мы боимся других больше, чем пузырьков, хотя они не так опасны. Я думаю, это потому, что другие возбуждают и пугают нас, в то время как пузырьки даже по-своему красивы». Это правда, пузырьки намного красивее. Я часто смотрю, как они проплывают снаружи. Они мягко поблескивают, красочно переливаются и похожи на мыльные пузыри, которые я так любила пускать в детстве. Но они намного больше и тверже, и их ничто не может уничтожить.

Они разбиваются только о человека, и тот должен умереть.

Я однажды видела это, когда папа еще был тут. Это был мужчина. Он бежал изо всех сил и рот его был широко открыт. Он, должно быть, кричал, хотя мы ничего не слышали. А за ним плыл огромный пузырь. Плыл быстро, очень быстро. Он настиг человека и разбился прямо о его голову. И весь человек покрылся радужной пеной.

Я закричала, отец подбежал и прижал мое лицо к своей груди. Он сказал: «Не смотри туда, не бойся, малышка». Он прижал меня еще сильнее, и когда он, наконец, отпустил меня и я посмотрела наружу, там уже не было видно ничего, кроме переливающейся лужи цвета пузырьков с маленькой кучкой пузырьков в центре.

Папа сказал: «Он мертв, несчастный, его растворило на месте. И это для него лучше, чем стать другим». Конечно, папа всегда прав, но иногда я спрашиваю себя, не лучше ли стать другой, чем умереть, потому что мне, конечно, очень не хочется умирать.

Но другие так ужасны!

15 августа

Мать-слуга все утро рассыпалась передо мной мелким бисером. Она беспрерывно спрашивала меня, не нужно ли мне чего. Она так надоела мне. Да и кому это не надоест? Я отослала ее к синтезатору фруктов и велела принести яблоко, а когда она вернулась, я выгнала ее из комнаты.

Если бы только папа был тут! Вот уже три года я одна. Я это знаю точно, потому что я отмечала все дни, как это делал папа. Иногда он говорил мне, что сам не знает, зачем он это делает. Он думал, что только так он может удержать связь с прошлым. Но я никогда не знала прошлого. Я делаю это только потому, что это делал папа, и мне кажется, что он все еще может вернуться.

Я знаю мир только таким, с пузырьками, с пустыми улицами, по которым бродят только другие.

Отец так много рассказывал мне о мире, который был раньше, и мне казалось, что он вот-вот должен вернуться. Можно будет выйти наружу и увидеть людей, а не других. Папа сказал, что за городом находится местность, где все зеленое; там есть трава, деревья, цветы и даже животные в резервациях.

Я видела все это в старых книгах и в телепередачах, но папа сказал, что это не совсем как в жизни. Он рассказал, как прекрасно почувствовать на своей коже тепло солнца и капли дождя. Я часто видела, как дождь стекает по оконному стеклу, и я спрашиваю себя, как это может быть прекрасно для моей кожи? Существует также море — огромное количество соленой воды. И люди плавают в нем, как я в плавательном бассейне в подвале. Я думаю, мне понравилось бы плавать в море.

Папа верил, что я снова увижу мир таким, каким он был раньше; он, может быть, не увидит его, но я увижу обязательно. Есть множество людей, которые ищут средство уничтожения пузырьков. Я жду уже достаточно долго; мир снаружи все так же полон пузырьков, а я заперта здесь.

Мне скучно, мне ужасно не хватает папы. Мне так хотелось бы, чтобы он был со мной. Хотя у меня есть двое слуг и мать-слуга, но они иногда действуют мне на нервы. Конечно, они не люди. Папа часто называл их машинами. Странное название. Он рассказывал, что раньше не было слуг. Слугами тогда называли людей, которые обслуживали других людей.

Хотя это звучит странно, но папа всегда все знал. Он прочитал все эти старые книги и мог часами рассказывать о старых временах. Теперь я пытаюсь читать эти старые книги, но там столько вещей, которых я не понимаю. Что, например, значит «влюбиться» или «спуститься в метро»? Отец, конечно, объяснил бы мне это.

23 августа

Я пошла в комнату мамы. Там я открыла шкаф. От вещей все еще исходил ее запах. Сначала я не осмеливалась ни к чему прикоснуться. Мне казалось, что мама стоит позади меня и смотрит на меня пустыми глазами. Я испугалась. Но потом сердце мое успокоилось, и я взяла одно из платьев мамы. Оно было мягким и зеленым, таким же зеленым, как большой камень в ее коробочке с украшениями.

Я надела его. Я, должно быть, сильно выросла, потому что оно пришлось мне впору. Я посмотрела на себя в зеркало. Это зеленое платье сверкало, как и мамины украшения.

Мне кажется, что я красивая, потому что моя мама была такой же, а папа говорил, что мама была очень красивой. Он говорил также, что волосы ее были цвета спелой пшеницы под летним солнцем — и у мамы, и у меня. Хотя я не знаю, что такое спелая пшеница под летним солнцем, но лицо отца всегда приобретало мечтательное выражение, когда он это говорил, и я думаю, что это красиво.

Волосы мои очень длинные. Я могу использовать их как накидку. В старые времена женщины иногда подстригали волосы до самых

ушей, как у папы. Странная идея — выглядеть, как папа. Потому что мама действительно была красивее. Но папа был мне дороже.

Я всегда немного боялась мамы. У нее была привычка смотреть, не видя, устремив взгляд внутрь себя. Она никогда не заботилась обо мне, никогда со мной не говорила. Иногда она целыми часами плакала, потом подбегала к двери, молотила по ней кулаками и кричала: «Я хочу наружу! Я хочу наружу! Выпустите меня наружу!» Тогда папа прижимал ее к себе и говорил: «Кисонька, дорожка, потерпи, малышка». Папа очень любил ее, и именно из-за нее он вышел наружу. Я знаю, что не должна этого говорить, но он не должен был выходить наружу, не должен был!

Однажды я разозлилась по-настоящему. Папа, как всегда, утешал ее, и я сказала: «Оставь ее! Ты же видишь, что она ничего не понимает». Папа печально посмотрел на меня, а потом долго со мной говорил: «Ты не должна осуждать свою мать, девочка; не ее вина, что она делает это... Да, я знаю, она не заботится о тебе и ничем не интересуется, но до пузырьков она была не такой... Она не выдержала того, что с нами произошло. Она живет в выдуманном мире и отказывается признавать реальность. Но она ничего не может с этим поделать, и ты не должна ее за это ненавидеть, Моника, мы должны понять ее... Если со мной что-нибудь случится, ты должна будешь заботиться о ней, словно это она маленькая девочка, а не ты. Ты знаешь, что она иногда хочет вырваться наружу, мы не должны этого допустить, она не понимает, что делает... Обещай мне хорошо относиться к своей матери, когда меня больше не будет. Обещай мне это, Моника». Он смотрел на меня так жалобно, так печально. Но я не смогла бы сдержать своего обещания.

Она умерла, когда он вышел наружу.

26 августа

Идет дождь.

Этим утром я подошла к окну. Вода струилась по улице. Я спросила себя, был бы этот дождь приятен моей коже, и у меня появилось желание открыть окно. Но его нельзя было открыть. Папа объяснил мне, что он заблокировал все выходы. Чтобы что-то открыть, нужно спуститься в глубокий подвал, пройти за помещение с синтезатором мяса и синтезатором фруктов и опустить рычаг отключения защиты.

Он показал мне, как это делается, и сказал, что позже, когда к нам придет помощь или у нас не будет другого выхода, мы сделаем это. Он все заблокировал, чтобы воспрепятствовать попыткам что-нибудь открыть, как, например, я хотела сделать это сегодня утром; а также из-за матери, которая все время пыталась выйти наружу. Но чтобы уйти, он разблокировал рычаг. Через несколько дней я сама снова заблокировала его.

Потому что то, что он говорил, мне казалось правильным и хотелось, чтобы рычаг отключения защиты был все время заблокирован, потому что тогда папа больше не сможет выйти наружу. С тех пор я больше никогда не касалась этого рычага. И так будет лучше, потому что если у меня появится желание открыть окно — как сегодня утром, — я не смогу этого сделать, а за время, которое мне понадобится, чтобы отключить блокировку рычага защиты, я возьму себя в руки и пойму, что тогда я умру или превращусь в другую. Возможности того и другого одинаково вызывали у меня ужас.

Я спустилась в подвал, чтобы поплавать в бассейне, потому что у окна мне стало скучно. Мне вспомнилось, как папа рассказывал, что не было бы ни воды, ни света, если бы пузырьки появились в старые времена, потому что не было слуг, чтобы вырабатывать все это. Тогда все это еще делали люди. Пузырьки убили бы их, и все остановилось бы. Но пузырьки не могут повредить слугам, потому что те сконструированы таким образом, что могут работать очень долго. Он сказал, что если даже исчезнут все люди, слуги будут функционировать еще сотни лет.

Как он объяснил мне, мать-слуга останется здесь, даже когда я умру от старости. Она может функционировать вечно. И будет ждать. Потому что она запрограммирована на меня. Она постоянно заботится обо мне и делает все, о чем я ее попрошу. Она должна держать подальше от меня все вредное и опасное. Если пузырькам удастся ворваться сюда, она попытается уничтожить их и спасти меня. Но она не сможет долго продержаться, бедняжка, потому что их так много и они все время прибывают, а это значит, что в конце концов они нас уничтожат.

1 сентября

Странно, никто не знает, откуда появились пузырьки и почему одни люди умирают, а другие остаются в живых, но превращаются в других.

Однажды я видела по телевизору старика. Это было уже после ухода папы.

Папа время от времени включал телевизор, но экран все время оставался темным. Он сказал мне, что я должна продолжать включать его даже тогда, когда его здесь не будет. Он был уверен, что существуют ученые, которые ищут средство уничтожения пузырьков. Он сказал, что если придет спасение, об этом сообщат по телевизору.

Папа объяснил мне, что сегодня еще ничто не может уничтожить пузырьки. Даже излучатель. А ведь это довольно эффективное оружие. Были испытаны все способы, но пузырьки так и не удалось уничтожить. Они разбивались только о тела людей, а люди умирали. Если не умирали, то было еще хуже. Они становились другими.

С другими происходило вот что. Вместо того чтобы быть растворенными пузырьками, они снова вставали и внешне казались невредимыми. Но через пару дней у них вырастала куча разных вещей. Множество рук, как у женщины на картинке, которую называли богиней, или множество ног, или огромное количество глаз по всему телу, или две головы, или несколько ртов на шее и на груди. Ужасно!

Старик, которого я увидела по телевизору, говорил о пузырьках и других. Целыми днями экран телевизора был темен, а тут он вдруг засветился. За столом в огромном мягком кресле сидел старик. Он казался усталым. Зал был полон слуг, которые казались гораздо более сложными, чем в доме, со множеством кнопок и огоньков.

Я по-настоящему обрадовалась, когда услышала, как он заговорил, его голос придал мне мужества, как когда-то голос папы. Я больше не чувствовала себя одинокой.

Он говорил о борьбе, надежде и ожидании. Что мы не должны терять мужества. Придет день, и пузырьки будут побеждены. Я не поняла всего, что он говорил, он говорил довольно тяжеловесно, но я дослушала его до конца. Он выглядел так мило, этот старик, но казался очень усталым. Когда он произносил слово «мужество», голос его был по-настоящему теплым и молодым.

Он объяснил, что никто не знает, откуда взялись пузырьки и из чего они состоят. Никто не понимает сути того процесса, который превращал людей в других или убивал их. Против пузырьков использовали все доступные, все известные средства, но не могли уничтожить их. Много людей погибло в борьбе с ними и многие еще погибнут. Даже несколько других предложили свою помощь в борьбе с пузырьками, потому что они считали ужасным то, что те сделали с ними. Другие могут выходить наружу, и с ними ничего не случилось, так что в некоторых случаях они были незаменимы. Мы благодарны им, потому что они борются вместе с нами.

Старик сказал также, что некоторые считают, что пузырьки развиваются уже давно, может быть, целое столетие, но проявили себя только в наше время. Что мы, может быть, расплачиваемся за ошибки наших предков, которые экспериментировали с атомной энергией и безрассудно играли с силами природы, которых они не понимали. Может быть, мы стали жертвой их невежества, потому что они видели лишь эффективность этой энергии и в результате этого отбирали жизнь у будущих поколений. В то время в результате экспериментов с расщеплением атомного ядра они выпустили слишком много радиации, и некоторые думают, что в результате этого и началось развитие пузырьков. Казалось, старик тоже придерживался этого мнения.

Но борьба продолжалась, и когда были испробованы все современные научные возможности, к сожалению, безрезультатно, пришлось обратиться к древним наукам, чтобы найти решение.

Потом он сказал, что передача требует слишком много времени и

средств, которые необходимо использовать в борьбе с пузырьками, так что он теперь будет сообщать только о возможных успехах в этой борьбе. Он еще раз призвал не терять мужества. Потом экран снова потемнел.

Я очень часто думаю об этом старике. Я больше никогда не видела ни его, ни кого-либо другого. Экран все время оставался темным. Я все время спрашиваю себя, прав ли старик и будет ли мир снова таким, как прежде. Мне так этого хочется.

5 сентября

Другая снова подходила к окну. Странно, со временем я все меньше и меньше боюсь ее. Кроме того, она не так уж и ужасна, несмотря на множество рук. Она не такая отвратительная, как те, у кого множество ртов или носы по всему телу.

Теперь мне ее скорее жаль; кажется, она хочет мне что-то сказать. На руках она все время держит младенца. Она непрерывно жестикулирует, и ее черные волосы развеваются на ветру.

Затем она протянула мне малыша. Казалось, она хочет, чтобы я взяла его. Странно, он кажется вообще не изменившимся. Он таких же размеров, как моя кукла. Внезапно другая отступила от окна, потом снова протянула малыша мне. Я хорошо видела, что это не был мутант, ребенок был совершенно нормальным. Довольно пухленький и откормленный, он сучил своими маленькими ножками. Рот его был открыт, а личико сморщилось. Конечно, он плакал. Наверное, он был недоволен, что его вытащили из дома.

Мне не хотелось опускать жалюзи; я сделала знак, чтобы другая ушла, но она осталась. Она плакала. Я видела слезы на ее лице, и она все протягивала мне малыша. Действительно, она хотела, чтобы я его взяла. Сумасшедшая! Разве я открою дверь, чтобы впустить пузырьки? Но, как ни странно, на улице не было видно ни одного пузырька. Я еще раз сделала знак, чтобы она ушла, но она не прореагировала. Я отошла от окна.

Я постоянно думаю о ней. Мне жалко эту другую, она выглядела такой растерянной. Но не могла же я в самом деле взять этого мальчика и вырастить маленького другого. И вообще, я не знаю, как ухаживать за малышами. У меня же были только куклы, а папа мне говорил, что малыши едят не то, что едим мы. Может быть, мать-слуга знает это? Но я еще не сошла с ума. Папа будет в ярости, когда узнает об этом. Открыть! Другой! И взять маленького другого? Я даже думать об этом не должна.

Однако странно, что у малыша нет никаких деформаций. Может быть, он еще слишком мал? Но обычно, если оказываешься снаружи и не умираешь, мутаций не приходится долго ждать. Всего несколько дней. Может быть, ему всего несколько дней? Но он так похож на мою

куклу, а папа всегда говорил, что она выглядит как двухлетний ребенок. Я все спрашиваю себя, почему другая хотела отдать мне этого малыша? Может быть, она хотела защитить его от пузырьков и спасти, прежде чем он станет другим? Но от пузырьков нельзя защититься. Никто этого не может.

7 сентября

Я испугалась, сильно испугалась. У меня разболелся живот, и я подумала, что умру, как мама. Я редела, и мать-слуга суежилась вокруг меня.

Она ощупала мой живот, бормоча и утверждая, что со мной все в порядке, просто я съела слишком много яблок. Это так, но мне хотелось яблок. Она дала мне таблетку, и боль в животе тотчас же прошла. Мать-слуга разбирается во всем.

Папа всегда знал, что нужно принять, если начинаешь чувствовать себя плохо. Но только не в отношении мамы. Он ничего не мог сделать, мать-слуга тоже не могла.

Потому он и вышел наружу. Чтобы найти врача. Он сказал, что это необходимо, потому что по телефону звонить бесполезно, никто добровольно не выйдет из своего дома. Но он взял с собой излучатель и сказал, что приведет сюда врача, чего бы это ему ни стоило.

Это было чистое безумие, но, несмотря ни на что, он ушел. Он просто не мог слышать и видеть, как мама кричит и держится за живот. Он ее так любил. Я думаю, это свело его с ума, потому что он знал, что ему не уцелеть, если он выйдет наружу.

Он сделал маме укол и мне тоже, чтобы я заснула, потом он ушел. Я знаю, что не должна так думать, но было бы лучше, если бы он позволил ей умереть. Я узнала об этом от матери-слуги, когда проснулась. Слуги убрали ее тело, а папа так и не вернулся.

Мне было так его жалко, что я все время плакала, и мать-слуга была вынуждена насильно заставлять меня что-нибудь съесть. Мама бы все равно умерла, да. Что бы он ни сделал. Где он мог найти врача! И что из того, даже если бы он нашел его? Я уверена, что врач предпочел бы, чтобы его застрелили, чем подвергнуться нападению пузырьков.

Иногда я спрашиваю себя, не ходит ли он снаружи со множеством рук или ног, или у него выпали все волосы, а повсюду на черепе выросли глаза, или... Но я не хочу думать ни о чем подобном! Не хочу... Я предпочитаю думать, что папа мертв.

И несмотря на это... Что если он однажды подойдет к окну, много-рукий, как богиня Кали? Что мне тогда делать? О, папа, что мне тогда делать?

10 сентября

Весь день трезвонил видеофон, но я не подошла к нему.

Когда папа еще был здесь, он всегда брал трубку и иногда звонил сам. Он всегда говорил, что нехорошо жить без связи, без контактов с людьми, и искал уцелевших. Теперь, когда большинство людей уже было мертво, когда они были растворены пузырьками, он едва ли мог кого-нибудь найти. Во многих домах поселились другие. Они мутировали целыми семьями, поэтому на экране видеофона появлялись только другие. Они были злы. Отец в таких случаях всегда отключал связь.

Я вспомнила, как старик с экрана телевизора говорил, что несколько других помогают людям в борьбе с пузырьками. Это удивило меня, потому что папа всегда говорил, что другие ненавидят людей. Они выглядят не так, как мы, и они ненавидят нас, потому что мы нормальны, а они нет, считал папа.

В первое время после ухода папы я отвечала на звонки, но это всегда были другие, которые тянули к экрану свои многочисленные руки и глядели на меня множеством глаз. Они ругали меня и требовали, чтобы я вышла и вылечила их. Они пугали меня.

Однажды на экране видеофона появился человек. Женщина. К этому времени я почти перестала отвечать на звонки, но этот звонок был таким долгим, что мне захотелось узнать, кто это был.

Женщина на экране видеофона была старой, у нее были глаза сумасшедшей. Волосы ее были грязны и растрепаны, неопределенно-серого цвета, они свисали ей на лицо, и она постоянно отводила их в сторону морщинистой рукой. Увидев меня, она торопливо сказала:

— Прошу вас, малыш, узнайте, нет ли где-нибудь здесь врача. Я прошу вас, мне срочно необходим врач. Я звонила повсюду, но безуспешно. Помогите мне, девочка, мне так нужна помощь. Мой муж очень болен. Он умирает, а я здесь одна. Пожалуйста, помогите мне!

Она заплакала, потом отошла в сторону, и я увидела в глубине комнаты старика, лежащего на софе. У него было опухшее, покрасневшее лицо, он с трудом, импульсивно дышал, словно ему не хватало воздуха.

Женщина снова вернулась к экрану видеофона.

— Ты видела? Он умирает, он умирает, он умирает!

Голос ее захлебнулся. Я больше не могла вынести этого и отключилась.

Затем я заревела. Я ничем не могла ей помочь, я ничего не могла сделать. Я непрерывно думала о папе, которому тоже нужен был врач.

После этого я перестала отвечать на звонки.

18 сентября

Я так возбуждена, что непрерывно бегаю от телевизора к окну и от окна к телевизору. Мне не сидится на месте.

Мать-слуга говорит мне, чтобы я успокоилась, потому что не стоит так скакать с места на место, но я думаю, что она просто придирается ко мне для проформы. Мне кажется, она тоже испытывает облегчение. И, может быть, даже понимает это.

Вот уже в течение нескольких дней снаружи все меньше и меньше пузырьков и больше не видно других. Богиня Кали с младенцем тоже больше не приходит.

Но я никогда не думала, что это будет именно так!

Мир снова становится таким, каким он был раньше. Мир снова становится прежним...

Я включила телевизор, и экран мгновенно засветился. Я узнала этот огромный зал, где видела старика, но на этот раз на его месте сидел молодой человек. Он ничуть не казался усталым. У него был ясный голос, он говорил четко и быстро, глаза его блестели.

Сначала я поняла не все, что он сказал. Это же было невероятно! Хотя я слышала слова, но мне казалось, что я вообще не могу связать их друг с другом. Потом я заметила, что реву. Почему слезы так обильно текут, когда ты рада и тебе кажется, что сердце вот-вот выскочит из груди? Я чувствую, как слезы ручьями текут по моему лицу.

О, папа! Почему тебя нет со мной, чтобы слышать это? Мы победили! Пузырьки уничтожены!

Молодой человек все еще говорил твердым, четким голосом. Он рассказал об оружии, которым были уничтожены пузырьки, и о защитной одежде для выхода наружу, потом он сказал, что отряды добровольцев уже очищают город.

Затем он с нажимом указал на то, что в настоящее время никто пока не должен покидать своих домов. Пока что слишком рано. В городе еще множество пузырьков. Нужно проявить немного терпения. «После такого долгого ожидания было бы глупо потерять все, совершив легкомысленный поступок, не так ли?» Нас будут искать, отряды принесут защитную одежду. А пока лучше подождать в закрытом помещении. Скоро все это кончится.

После этого он показал отряд за работой. Я увидела улицу, похожую на нашу, и около дюжины человек, продвигающихся по ней.

Они были одеты во что-то вроде черных мешков, которые покрывали все тело и даже голову, с застекленными прорезями для глаз. На их руках были огромные толстые перчатки того же цвета. Они несли цилиндр, похожий на папин излучатель, только больше и длиннее.

Внезапно появились три или четыре пузырька, которые быстроплыли к ним. Люди направили на пузырьки свою трубу, и из нее

вырывалось что-то голубое, ослепительно сверкающее, от чего заболели глаза и пузырьки лопнули. Но на земле, а не на людях.

Как чудесно было видеть, что уничтожаются эти ужасные пузырьки! Я возгласами подбадривала этих людей.

Мать-слуга хотела накормить меня. Может быть, я ее напугала. До еды ли мне тут, когда видишь такие необычные вещи и скоро увидишь мир таким, каким он был раньше.

21 сентября

Ну, наконец-то! Я видела людей, я говорила с ними!

Я не могу больше терпеть. Я целыми днями сижу у окна, но там все та же улица, за исключением того, что не видно ни одного пузырька и ни одного другого.

Я несколько раз слушала по телевизору того молодого человека, но он повторял все одно и то же: терпение, вас найдут. В конце концов он начал действовать мне на нервы. Я ведь ждала достаточно долго. Весь день я пугала мать-слугу. Она, наверное, кипела от ярости.

Но именно она позвала меня. Я смотрела телевизор.

— ИДИ, ПОСМОТРИ, МОНИКА.

Я подбежала к окну. По моей улице шли люди в жутких черных мешках!

Я закричала, я забыла, что они не могли меня слышать. Но я, как сумасшедшая, начала жестикулировать, и меня наконец заметили; люди подошли к дому и помахали мне.

Я уже три дня назад сняла блокировку рычага защиты, с таким нетерпением я их ждала. Я ринулась к двери, широко распахнула ее, и они вошли.

Они быстро закрыли за собой дверь и сняли свои черные мешки.

Их было двое. Высокий и низенький. У высокого были черные волосы и сияющие от радости глаза. Когда он улыбался, все его лицо словно освещалось. Низенький был довольно полным, у него были кудрявые светлые волосы, маленькие голубые глазки, прячущиеся в жирных складках щек.

Высокий сказал:

— Посмотри на это! Лорелея с длинными волосами. Ундины с зелеными глазами, в золотом платье.

Низенький ответил:

— Тише! Ты пугаешь мадемуазель своими нелпыми выражениями — они понятны не всякому.

Это была правда, я не поняла, но не боялась этих людей.

Они называли себя. Высокого звали Фрэнк. Низенького — Эрик. Я назвала себя: «Моника». Мы пожали друг другу руки, и им захотелось, чтобы я их обняла. Высокий сказал:

— Кроме всего прочего, сегодня особенный день.

Я сделала это, и у меня появилось странное чувство, потому что, кроме папы, я никогда никого не обнимала.

Фрэнк спросил:

— Где ваши родители, Моника? Вы одна?

Я быстро ответила:

— Мама умерла, а папа... вышел наружу.

Он печально посмотрел на меня и положил руку на мое плечо.

— Вы давно одна, Моника?

— Три года.

Он вздохнул, потом сказал:

— Теперь вам больше не надо думать об этом. Вам действительно очень повезло. Сколько вам лет?

— Шестнадцать.

Они молча переглянулись.

Фрэнк сказал:

— Только шестнадцать? Я было подумал, что вам...

Эрик быстро прервал его:

— Когда вам исполнилось шестнадцать?

— В последний месяц.

Они оба замолчали. Потом опять переглянулись; у них обоих было такое выражение, словно им было за что-то стыдно. Я ничего не понимала. Почему мне только шестнадцать? Может быть, я показалась им слишком молодой? Маленькой девочкой? Но, с другой стороны, казалось, что им было жалко меня, очень жалко.

Фрэнк потрепал меня рукой по щеке, а Эрик опустил взгляд.

Внезапно я стала чего-то стесняться, меня охватила печаль, но почему — я не знала. Я охотно спросила бы у них, что они имели в виду, но теперь я не доверяла самой себе.

22 сентября

Я жду Фрэнка, который должен забрать меня.

Я придвинула к окну маленький столик, чтобы не пропустить его, пока я пишу. Конечно, теперь мне не нужно вести этот дневник, потому что время пузырьков закончилось. Я думаю, что это последняя моя запись.

Представить себе, что я выхожу наружу... Я просто не могу в это поверить. Я спросила у Фрэнка:

— Вы покажете мне этот мир, каким он был раньше?

Сначала он озадаченно посмотрел на меня, потом ответил:

— Ну конечно, малышка, я покажу вам мир, каким он был раньше.

Но он казался не слишком радостным. Почему? Разве мир раньше не был так прекрасен, как я его себе представляла? Или, может быть, он никогда больше не станет таким?

Ах, это ничего не значит. Я выйду наружу, и все равно это будет чудесно.

Я буду совершенно счастлива, даже если не увижу ничего особенного... Теперь я тоже понимаю, почему другая хотела, чтобы я взяла ее малыша. Я должна была сделать это, потому что вчера слышала, что сказал Фрэнк Эрику, а сегодня утром сама видела это по телевизору.

Я вчера на несколько мгновений оказалась одна, потому что хотела привести себя в порядок, а также потому, что решила надеть мамин платок. Они сидели в библиотеке, и мать-слуга подала им напиток, который иногда давала папе, а мне никак не хотела дать.

Я вернулась тихо, чтобы послушать, и я услышала.

Фрэнк сказал:

— Мы ничего не должны делать. Это бесчеловечно! Несмотря ни на что, у нее такие же права на жизнь, как и у нас, это в конце концов не ее вина. Мне кажется, тут надо действовать иначе, может быть, отправлять в резервацию.

А Эрик ответил:

— Нельзя никакого «иначе», ты же сам великолепно это знаешь. Не существует средства, чтобы помочь ей, и она, может быть, заразна. Нет никакого другого выхода. Это нужно сделать.

Фрэнк гневно ответил:

— Тебе, может быть, это нравится, мне — нет, я не могу ее просто застрелить! Я просто не могу этого сделать! Это чудовищно, поступать так! Мне стыдно за это.

Эрик коротко ответил. Было странно видеть, как он защищается. Совсем как я, когда мать-слуга дает мне советы и я знаю, что она права, но не хочу с ней соглашаться.

Он сказал:

— Это закон. Мы ничего не можем подслать. Она не должна иметь потомства.

Фрэнк прервал его.

— Никто же не знает, действительно ли они опасны! И эти дети, все эти дети!..

— Мы не можем пойти на риск. Хотя дети других не деформированы, откуда ты можешь знать, нормальны ли они? Произвести отбор невозможно.

— Но, может быть, они невосприимчивы! Вы же их вообще не исследовали! А здесь во всяком случае нет никакого сомнения.

— Боже мой, но ведь СОВЕТ решил! Пузырьки в первый раз появились шестнадцать лет и два месяца назад. Посчитай же, посчитай!

Где-то в доме что-то звякнуло, и они оба вскочили.

— Тихо, — сказал Фрэнк. — Если она внезапно вернется...

Потом я вошла и сразу же увидела, что я очаровала их, но мне это

не доставило никакого удовольствия. Мне показалось, что я все поняла. Сегодня утром я буду совершенно уверена.

Я подбежала к телевизору, но там все еще показывали людей, очищающих город. Потом внезапно появилась другая сценка.

Другой убежал прочь. У него было много ног, и он не мог бежать очень быстро, он все время спотыкался. Но я видела, что он прилагает отчаянные усилия, чтобы спастись. Один из мужчин направил на него излучатель. Другой съехал на земле, превратившись в маленькую кучку пепла.

Они тотчас же сменили эту сцену и заговорили о чем-то другом. Конечно, они не хотели нам этого показывать. Но я все великолепно поняла. Кроме того, я слышала, как об этом говорили Фрэнк и Эрик.

Они убивали всех других. Да, это так.

О боже мой! Фрэнк прав. Мне кажется, что что-то не в порядке. Другие пугались, но, несмотря на это...

Поэтому богиня Кали и хотела отдать мне своего малыша. Вероятно, она знала об этом. Я спрашиваю себя, не расстреляли ли они и ее? Я, конечно, не хотела смерти Кали, нет. А ее малыша? Он же выглядел таким нормальным!

Мне кажется, что они делают что-то не то. Папа этого не одобрил бы.

Однако я не должна думать об этом. Я не должна грустить. Это великолепный день. Я жду Фрэнка и я выйду наружу. Я жду у окна...

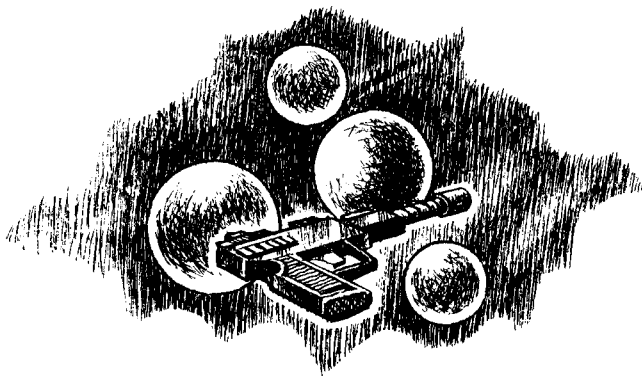
Ну наконец-то! Он идет... Нет, это Эрик. Вероятно, Фрэнк не пошел и попросил Эрика заменить его. Ну да, я немного ошиблась. Эрик же так мил, но Фрэнк милее.

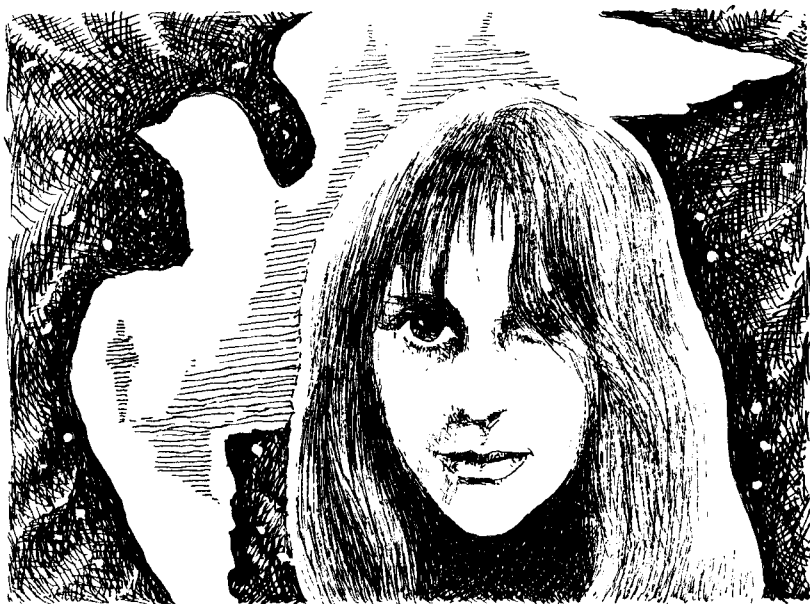
Я сойду с ума, как медленно он идет. И голова его опущена. Странно, он же глядит в окно, но не реагирует на мои знаки.

У него в руке излучатель. Зачем он ему? Боже мой, почему он так крадется?

Вот он уже здесь. Я открою ему дверь.

Наконец-то я увижу мир, каким он был раньше...

Даниэль Вальтер

УБИЙСТВО СИНЕЙ ПТИЦЫ

Послышалось дребезжание, словно тысяча всадников ехала по металлическому мосту. Осколки кристаллов и искры брызнули во все стороны, словно огненные черви, расплзаясь в ночи. На юге прогремел залп пушек, и над равниной пополз чудовищный вой, словно нечто материальное, созданное мудрым богом войны. О, мать, спрячь меня! О, нежная полногрудая возлюбленная с огнедышащими бедрами, вспоминай меня, вспоминай нас всех, мы все...

Грохот орудийных залпов усилился. С неба падали разноцветные стрелы.

(...ДАЙТЕ ЖЕ МНЕ ВАШУ САМОПИСКУ...! — Берг говорил «самописка» вместо «авторучка». — СПАСИБО...)

Я находился возле самого подножия горы, которую называли Желтым Стражем. Я лежал на жесткой, высохшей почве и смотрел вверх, на вход в Собачье Ущелье. Голова моя гудела, как церковный колокол. (Берг запнулся: «...ЧТО, ЧТО?.. АХ, АД!...»)

Я крепко сжимал ружье. Это был единственный спутник, оставшийся со мной. Я был один. Пробираясь сквозь ночь, я обнаружил, что все мои товарищи были мертвы. Они превратились в сморщенные кучки, похожие на черные зародыши. Я попытался воспользоваться коммуникатором, но из него раздался только печальный треск; я не получил никакого ответа. А потом я спросил себя: что это за звук? Кто подкарауливает там, в ночи? Кто может выскочить из этого Собачьего Ущелья?

Кто? Нам говорили, что это всего лишь акция по очистке — умиротворению, да... умиротворению... и...

(ОН НЕ ДОЛЖЕН ПРОСЫПАТЬСЯ, — сказал Берг. — МЫ ПРИБЛИЖАЕМСЯ К ИСТИНЕ. МЫ, НАКОНЕЦ, ДОЛЖНЫ УЗНАТЬ, ЧТО ЖЕ ПРОИЗОШЛО В ТУ НОЧЬ...)

...и ...я ...там было Собачье Ущелье, словно амбразура в горе, темное, как ночь, пятно, в которое мы падали в течение многих дней. Видит бог, мы сделали все, что от нас требовали, и сделали, как смогли, но результаты... Стало светло, как днем. Перед этим была не просто полутьма, а чертовски непроглядная темень и... О! Мои глаза — хотя я их не открывал — они все еще видят... Они напали на нас и...

(Пациент резко вскрикнул, доктор Берг непроизвольно вздрогнул и заскрежетал зубами:

— ОН НЕ ДОЛЖЕН ПРОСЫПАТЬСЯ!)

— Они же тебя убивают, — сказала она. — Ты же видишь...

— Они сказали, что это необходимо, если я хочу снова обрести душевное равновесие. Для меня нет спасения — и для тебя тоже нет, — пока я не расскажу им все, что знаю...

— Это они так утверждают. На самом деле они только хотят знать, что произошло той ночью на Клоринде-III, и они накачивают тебя наркотиками, пока ты этого не скажешь, а потом ты будешь так же нужен им, как рваный башмак.

— Что я могу сделать? Я единственный, кто в эту ночь видел...

— Но ты же потерял память — и если и дальше они будут рыться в твоём подсознании при помощи всех этих наркотиков... это будет для твоего мозга словно взрывчатка. Однажды все взлетит на воздух, твоя голова, твой разум и вся наша совместная жизнь. А без тебя я ничто, ты это знаешь.

— Но что же мне тогда делать: они никогда не оставят меня в покое. Они хотят узнать, в результате какого колдовства (или, точнее, в результате какого чуда тактики) они потерпели такое сокрушительное поражение во время той операции на Клоринде-III. А я единственный уцелевший в той ночной мясорубке, они пытаются выудить из меня все и выжать меня, как лимон. Будет лучше, если я помогу им как можно быстрее довести это дело до конца.

Она шевельнулась на белой простыне, и ему показалось, что ее тело заблестело всеми оттенками охряного цвета. Он жил только ради этого мгновения. Вернувшись, он обнаружил ее такой же, какой покинул — с мягкими грудями и загорелыми ногами. Он поверил, что жизнь теперь или пойдет дальше, или начнется сначала. Но тут появились люди с угрюмыми лицами из военного департамента — это было в среду, во второй половине дня, и солнце светило тогда особенно ярко, как перед грозой, — и все пошло по новому кругу: вопросы, приказы, угрозы. Ему без обиняков заявили, что он должен подвергнуться исследованиям, обработке галлюциногенами и другим процедурам допроса, после которого все его тело дрожало, а голова была полна кошмаров. Со своей стороны он хотел быть покорным и сделать все возможное; ради них он был готов вновь пережить этот ужас на Клоринде-III. Она не понимала, что у них было средство заставить его говорить, что они не остановятся даже перед тем, чтобы поместить его в одиночку, и что он своей готовностью и покорностью вызвал какое-то странное чувство симпатии у доктора Берга и получил некоторую свободу.

— Прощу тебя, — попросил он, — давай попытаемся продолжить. Все это время там, на Клоринде...

Она перекаtilась на другую сторону кровати и демонстративно повернулась к нему спиной. Тело ее поблескивало в полутьме, и он вспомнил, как часто он почти сходил с ума от ярости там, когда думал о бесчисленных, потраченных впустую часах... Он почти украдкой придвинулся к ней и коснулся ее плеча.

— Постарайся понять меня, — сказал он.

— А ты пытаешься понять меня?... Ты думаешь, что это время, пока тебя не было, я предавалась удовольствиям? Почему ты не спрашиваешь, каково было мне?

— Я знаю, — ответил он, — что это было нелегко и для тебя, и для меня... Но я вернулся. Я единственный уцелевший из всего отделения, и я снова тут... Пойми же, они могли сунуть меня в бронированную камеру, и если бы не было доктора Берга, они давно бы уже это сделали!

Она мягко повернулась к нему. Лунный свет осветил ее лицо, и он увидел, как оно посерьезнело.

— Ты клянешься, что говоришь мне правду?

— Почему я должен лгать?

— Иногда у меня складывается впечатление, что ты сам пытаешься пробудить воспоминания о происшедшем той ночью...

— Никогда, — ответил он.

— Ты уверен в этом и можешь поклясться?

Дрожь пробежала по его телу. Он уже понял, что она была не так уж и не права. Иногда по ночам он пытался сложить фрагменты, совместить обрывки воспоминаний. Один или два раза ему показалось,

что он близок к разгадке и вот-вот окунется в бездну, которая притягивает его своей загадочностью. Но скоро это впечатление растаяло в каком-то розовом тумане (да, он мог поклясться, что туман был розовым). Он увидел, как из газообразного моря поднимается огромная птица, взмахивая крыльями, которые закрывали полнеба. Небо было пустынно, и постепенно Лесу становилось видно лишь распростертые крылья этой птицы. И он поднял ружье. Да, он неумолимо поднял ружье и выстрелил. Огненный луч ударил прямо в середину покрытого пухом тела, она рухнула вниз и придавила его своим огромным телом. Когда убитую птицу охватило пламя, на него нахлынула глубокая печаль.

Он, конечно, рассказал свой сон Милене. Она приписала этот кошмар наркотикам, которыми его все время обрабатывали.

— Нет, — произнес он, — это что-то другое. У меня возникают кошмары, несомненно вызываемые наркотиками и психоделиками, но сон о синей птице, я бы сказал, не является кошмаром. Он скорее символизирует воспоминания. Я знаю, что мои объяснения не очень ясны, но все это так запутано, так... как бы мне это сказать... так туманно... Нет, я не могу поклясться, потому что я обещал тебе никогда не лгать и я хочу сдержать это обещание. Потом, когда мы будем свободны...

Он замолчал. В последнем предложении слышались нотки раскаяния. Он взял ее за руку.

— Ты мне доверяешь?

Она утвердительно кивнула. Он кончиками пальцев коснулся ее груди.

— А что касается остального, ты теперь хочешь этого?

— Да, — ответила она.

ДЕПАРТАМЕНТ ВОЙНЫ И УМИРОТВОРЕНИЯ

Двести метров стекла, металла и пластика возвышались перед ним в своем необыкновенном величии. Он оглянулся и с тяжестью на сердце посмотрел на главную улицу, затопленную мириадами людей. Эти мужчины и женщины были свободны и делали все, что хотели. Он вздохнул и предъявил служащему свой пропуск. Его пропустили в здание. Шум улицы немедленно стих, как только двери закрылись за ним. Служащие департамента войны носили строгие серые, оливково-зеленые, цвета хаки, бежевые или черные мундиры, которые показывали их принадлежность к различным отделам. Скользящей походкой, словно роботы, они пробегали по коридорам. Они не смотрели ни направо, ни налево. Их общей болезнью была «шпиономания» — новая, странная форма ненависти к чужакам. Для всех членов этого министерства на множестве языков объявлялся главный девиз:

ВСЕ ЧУЖАКИ — ВРАГИ.

ALL STRANGERS ARE ENEMIES
ALLE FREMDEN SINFEINDE
TOUS LES ETRANGERS SONT...
TODES LOS EXTRANEROS...
TUTTI, GLI STPANIERI...
KNA WNAFNI

Он сунул белый жетон в щель внутреннего телефона. Безликий голос спросил:

— Кто говорит?

— Лес Пейлис.

— Входите.

Он протянул другой, лимонно-желтый жетон служащему в оливковой форме, который доставил его на лифте на девятнадцатый этаж.

Кожа Леса была влажна и зудела, он ощутил какой-то запах.

— Теперь вы сами сможете найти дорогу...

Тот же полковник в гражданском ожидал его.

— Сегодня у вас хорошее настроение?

— Да, — ответил Лес, — хотя я всю ночь ломал себе голову, пытаюсь узнать, обойдется ли на этот раз без возбуждающего...

— Посмотрим, — сказал полковник. — Время у меня есть.

Почему-то в его тоне постоянно слышалась угроза. Вероятно, он находил методы доктора Берга недостаточно эффективными, или, может быть, ему было совершенно все равно, что покажут исследования. Ему было около пятидесяти, и, возможно, он устал от многочисленных допросов и промывок мозгов.

— Садитесь, — сказал полковник. — Расслабьтесь. Сигарету?

Он всегда говорил одно и то же и в той же последовательности:

— Садитесь—расслабьтесь—сигарету—садитесь—расслабьтесь—сигарету—садитесь...

— Спасибо, господин полковник, — сказал Лес, глубоко затягиваясь сигаретным дымом. Потом устремил взгляд на металлическую дверь, через которую скоро должен был войти доктор Берг, — ту, холодную и кажущуюся грозной дверь, за которой находилась камера пыток.

— На этот раз у меня такое чувство, что мы всего добьемся, — сказал Лес, словно убеждая самого себя.

— От меня это не зависит, — пробурчал полковник.

Лес снова затянулся сигаретой; взгляд его был направлен на цифры, друг за другом появляющиеся на циферблате электронных часов. Почему доктора Берга здесь все еще нет? Его впервые пришлось ждать. Нет... во второй раз; в первый раз это было перед третьей... да... перед третьей серией пыток. Вероятно, это входило в дьявольскую игру, которую они затеяли с ним. Но любовь придала ему мужества. Если бы он был один, ему не удалось бы побороть страх. Он не

хотел остаться один и потерять теплую защиту рук и тела Милены. Он не боялся, он сказал им, что они должны были послать его в какое-нибудь другое место, например на Альдебаран или на Эпсилон Возничего... на последнюю планету последней звездной системы. Но страх и слабость возникали от любви, страсти и мучительного чувства, что ему вновь придется жить без Милены, чувства, которое охватило его со времени возвращения с Клоринды; он обливался холодным потом и впадал в дикую панику при мысли, что его отделил от нее хотя бы на несколько дней. При этом он так же думал о том дне, о ракете, полной убийц, о возвращении на Землю. Он вспоминал то тоскливое чувство: может быть, она нашла себе нового любовника, вероятно, она вообще не придет или придет только за тем, чтобы сказать ему, что она сожалеет, но кое-что изменилось — разлука, заботы... короче, жизнь с ее взлетами и падениями, с ее мелочами и проблемами... Но она пришла, она осталась верна ему. В этом заполненном любовью времени было что-то сверхъестественное. Он гордился Миленой, гордился ее любовью. Однако эта любовь была одновременно его слабостью, его ахиллесовой пятой, ранимым глазом носорога, пальцами, попавшими под приводной ремень. Все проведенное на Клоринде-III время он был погружен в яркие воспоминания, и каждый день страданий образовывал морщины на его теле, словно слова песни на пластмассовом диске при записи пластинки. Но в ночь нападения, начиная с того момента, когда небо осветилось словно днем, все это погрузилось в ничто, в безбрежное забвение и, казалось, превратилось в базальтовую скалу. Конечно, он иногда спрашивал себя, каким чудом — или какого дьявола — он единственный уцелел в этой мясорубке. Иногда он даже начинал сомневаться в реальности этой кровавой ночи, потому что противник — который не производил впечатления сильного — не располагал особенно действенным оружием и до последнего мгновения в каждом бою нес ощутимые потери.

Полковник сидел в своем кресле. Он как всегда был безукоризненно одет и отутюжен, но его гладко причесанные волосы не очень подходили к его городскому костюму. Лес достал из кармана пачку сигарет и предложил одну из них офицеру, но тот отказался:

— Нет, не теперь.

Лес закурил сигарету и с удовлетворением отметил, что рука его почти не дрожит.

— Вы слишком много курите, — сказал полковник. — Вы должны ограничить себя.

— Да, конечно, — как всегда, обходительно согласился Лес. — Но сейчас я ужасно нервничаю.

Полковник встал и отсутствующим взглядом посмотрел в окно, на движение на главной улице. Лес спросил себя, был ли тот в состоянии представить себе его душевное состояние, и... в нем поднялся жгучий гнев: свинья, проклятая свинья! Что он вообще знает о жизни! Вообще

ничего! Он был уверен, что его никто здесь не понимал! Им нравилось, что он делает для них грязную работу... Бывали ли они вообще когда-нибудь там, в пустынях Галатеи, в болотах Фонселора, в горах Клоринды-III? Чего он еще мог ожидать от них? Они делали свою работу, и время лицемерного сочувствия прошло. Усиливающаяся экспансия человечества во все уголки Вселенной усиливала сумасшествие одних и безразличие других. А что касается справедливости...

Он мысленно видел, как она поворачивается, как ее тело слабо поблескивает. Даже если бы ему выкололи глаза, она все время была бы перед его внутренним взором, как тем вечером на Клоринде-III, когда внезапно... Она повернулась, и то, во что она была одета, как всегда, показалось лишним... Он попытался обнять ее, но она ловко уклонилась и рассмеялась... Предыгра перед дальнейшей игрой. Он знал это. Он преследовал ее по комнате, немного задыхаясь от ранений, полученных на Клоринде-III, и, как ловушки, вытянул руки; она открыла дверь в то мгновение, когда он хотел схватить ее, — и в помещение вошел доктор Берг.

— Я заставил вас ждать, господин Пейлис, — сказал он.

Лес слегка пошатнулся, поднявшись и увидев за застекленной дверью маленькую красную комнату, кресло с блестящими застегками. Доктор Берг улыбнулся. Но всякая улыбка и всякое проявление вежливости порождали в Лесе только гнев. Ему хотелось, чтобы это было в последний раз...

— Прошу вас, — сказал доктор Берг, отступая назад, чтобы освободить вход в камеру пыток, где его ассистент, молодой человек с женскими чертами лица, манипулировал различными блестящими приборами и инструментами.

Когда Лес вошел в маленькое красное помещение, молодой ассистент бросил на него печальный взгляд, в котором, однако, не было никакого сочувствия. Такие люди, решил Лес, испытывают сострадание только к самим себе.

— Я думаю, сегодня все закончится, — сказал Лес, улыбаясь доктору Бергу.

Тот, по-видимому, был расстроен, и его улыбка напоминала смущенную мину человека, который оказался в обществе невежи. Он хмыкнул и усадил Леса в кресло. Потом откашлялся и сказал:

— Департамент попросил меня как можно быстрее добиться результатов. Поэтому я прошу вас, чтобы вы приложили... э-э... чуть больше усилий, господин Пейлис.

Внезапно Леса охватил панический страх. Он знал это, но не мог за это поручиться, однако, когда он вошел в здание департамента, ему стало ясно: сегодня это будет в последний раз... Но это ни в коем случае не значило, что после этого они оставят его в покое. Они могут отомстить ему за недостаточную готовность сотрудничать. У них есть для этого тысячи способов, один ужаснее другого: одиночное заключе-

ние, промывка мозгов, ссылка, кастрация, стирание личности, повторяющиеся наказания, изоляция, превращение его в подопытного кролика и ежедневные физические и моральные пытки. В любом случае он никогда больше не увидит ее...

Молодой человек бросил на него простоватый взгляд и пристегнул его запястья к подлокотникам кресла. Берг сел напротив Пейлиса.

— Поймите нас правильно, Пейлис, ни полковник, ни я лично не можем ничего сделать для вас; мы считаем вас мужественным человеком, пострадавшим от сильного шока и стершим из своей памяти воспоминания о причине шока. В вас борются две противостоящие друг другу силы, и вы теряетесь в выборе. Но мы служащие правительства и мы любой ценой должны узнать, что произошло в ту ночь на Клоринде-III... Я надеюсь, что вы меня, может быть, поймете.

Полковник стоял в дверях, лицо его ничего не выражало. Он только согласно кивнул головой, чтобы показать, что он разделяет мнение доктора Берга.

Потом он упал в большой кроваво-красный сосуд с ядовитым газом и проплыл на лодке по всем извилинам реки Меандр, пересек странное место, где звучали хриплые крики и призывы женщин («ПОМОГИ, ПОМОГИ, ВЕРНИСЬ, О, ПРИДИ, ТЫ МОЙ»), но лодку подхватил водоворот, и она, мотаясь и раскачиваясь, понеслась в этом потоке. Не было ни весел, ни руля, ни бордажного крюка, ни якоря, который он мог бы бросить; лодка мчалась вдоль по сосуду, похожему на огромную консервную банку, заключающую в себе весь мир...

Сначала была чернота Вселенной, чернее, чем ночь, потом космический корабль опустился на шафраново-желтый шар с пятнами зеленого и серого, который назывался Клоринда-III и должен был быть покорен. Они вышли из корабля...

Туман, туман, туман.

(ПЕЙЛИС, ПОСТАРАЙСЯ ЖЕ!)

С САМОГО НАЧАЛА МЫ СТОЛКНУЛИСЬ С ТРУДНОСТЯМИ, ПРИШЛОСЬ СРАЖАТЬСЯ ПОЧТИ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

Туман, туман, туман, грохот пушек разрывал тишину, и он думал, что потерялся, потому что незадолго до этого он отправился на поиски и обнаружил, что от его спутников остались только обгоревшие кожистые комки.

(...ТЕПЕРЬ ЛЕЖИТЕ СПОКОЙНО, ПЕЙЛИС, МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ ВСЕ ВСПОМНИТЬ...)

И Я БОЮСЬ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ УВИЖУ ЕЕ, НЕ СМОГУ БОЛЬШЕ ОБНЯТЬ ЕЕ ИЗ-ЗА ЭТОЙ ДЕРЬМОВОЙ ВОЙНЫ, КОТОРАЯ

ОТОБРАЛА У НАС ДАЖЕ ВОЗМОЖНОСТЬ МЕЧТЫ, Я ПОЛОН ЕЮ И ДРОЖУ, КАК РЕБЕНОК, ПРИ МЫСЛИ О ЕЕ КОЖЕ И ЕЕ УМЕНИИ ЛЮБИТЬ. Я ВСПОМИНАЮ О СТРАСТИ, КОТОРАЯ СОПРОВОЖДАЛА КАЖДОЕ ЕЕ ДВИЖЕНИЕ, И КАК ОНА ШЛА КО МНЕ НАВСТРЕЧУ ПО ТРОПЕ ЖЕЛАНИЯ, И КАК Я ВЗРЫВАЛСЯ ОТ ЯРОСТИ ВОЗЛЕ ЖЕЛТОГО СТРАЖА! ОХ! Я НАКАЗАН ЗА ЭТО, НАКАЗАН ЗА ЭТО.

Туман, туман, туман, серо-красный, кровавый цвет ярости. (ПЕЙЛИС, НАПРЯГИТЕСЬ ЖЕ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ, МЫ УЖЕ ТАК БЛИЗКО!)

Нас сжигают, нас взрывают, и мыдохнем, как крысы — за что, за кого, спрашиваю я себя?

Лес Пейлис лежал за кучей гравия. Была глубокая ночь, и воцарилась тишина, потому что пушки на некоторое время смолкли. Перед ним, над Собачьим Ущельем, поднимались неуничтожимые сторожевые башни врага. Они переоценили свои силы и мощь огня. Лес Пейлис знал, что все его спутники были убиты. По неизвестным причинам он один уцелел из всего отделения. Скоро прибудет подкрепление, и его вызволят из этого страшного положения. Когда началось нападение, он потерял сознание; и он больше ничего не мог вспомнить. Он полз сквозь ночь и обнаружил то, что осталось от его товарищей. Лучше ему не думать об этом... Потом небо изменило свой цвет... Он увидел, как доктор Берг смотрит на него сквозь отверстие в черном облаке и говорит ему: «Напрягитесь еще раз, еще чуть-чуть, все БЕЗУСЛОВНО должно быть выяснено!»

БЕЗУСЛОВНО.

(ДАЙТЕ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА, САМОПISКУ... СПАСИБО.)

Он находился точно напротив Собачьего Ущелья. Скалы превратились в воинов из гранита, размахивающих огненными мечами и спускающихся к нему, и из их пемзовых глоток на него сыпались угрозы. Он закрыл глаза и прочертил вспыхнувшую ночь снопом всеобжигающего огня. Все вокруг него ожило, и из середины горы, из точки, которая была вершиной и подножием его судьбы, поднялась гигантская птица с распростертыми крыльями и блестящим клювом. Ночь превратилась в день, вечерние сумерки стали рассветом, и он понял, что враг располагает средством, против которого никто ничего не может сделать, потому что это было АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ!

Враг материализовался посреди мечты одного из противников и начинал атаку!

Никто не мог пережить убийство своей собственной мечты! НИКТО!

НО МЕНЯ ОНИ НЕ ТРОНУЛИ! Я не двинулся с места, лежал на земле, уткнувшись лицом в грязь и затаив дыхание; перед моим мысленным взором была чудесная птица моей юношеской мечты. НО МОЯ НАСТОЯЩАЯ МЕЧТА НАХОДИЛАСЬ ЗА МНОГО СВЕТО-

ВЫХ ЛЕТ ОТСЮДА! Здесь только символ, облако синих перьев, воспоминание детства — чувство раскаяния, угрызения совести, страницы интимного дневника! **МЕНЯ ОНИ НЕ ПОЛУЧАТ!**

Далеко вверх птица открыла свой клюв и прокаркала голосом доктора Берга:

— Еще один маленький рывок! Давай!

...но он глядел сквозь прищуренные веки. Влажная грязь отражала образ птицы: ее крылья были широко распахнуты, словно паруса бригаантины, а ее клюв был огромным сапфиром, глыбой льда невыносимой синевы. Это не мечта, это кошмар, не мечта, не моя мечта, о, моя любимая, мое дитя, моя куколка с ароматными волосами!

(ПЕЙЛИС, НАПРЯГИТЕСЬ, ПЕРЕСТАНЬТЕ НЕСТИ ЧЕПУХУ!)

ПОТОК СТАНОВИТСЯ ВСЕ БЫСТРЕЕ. МЫ ПОЙМАЛИ ЕГО, ПОЙМАЛИ ЕГО. ОН НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДОЛЖЕН ОПРОКИНУТЬ, ОН ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ. ОН НЕ МОЖЕТ ПОДХОДНУТЬ ИЗ-ЗА МЕНЯ!

Тело Пейлиса встало на дыбы, словно ему под ногти загнали иголки или ломали руки и ноги ультразвуковым.

...в этой грязи он увидел отражение гигантской птицы, которая кружила над ним. Эта удивительная птица приближалась к нему, описывая круги, как лунь или ястреб-перепелятник, который приближается с неба к своей жертве. Пейлис больше ничего не мог видеть. Небо исчезло, закрытое крыльями чудовища. Берг молчал, и орудия тоже молчали. Все вокруг дышало смертью. Птица, казалось, скользила в невидимой воздушной воронке, описывая незримую спираль (как древняя пуля из нарезного оружия), устремляясь к Лесу, который пытался раствориться в грязи, словно дождевой червь.

(ПЕРЕСТАНЬТЕ ПОРОТЬ ЧЕПУХУ, ПЕЙЛИС, МЫ ХОТИМ ЗНАТЬ ПРАВДУ!)

...он перекатился на другой бок, как искусный и тренированный боец, которого из него сделали. Он направил свое оружие в небо и выстрелил в синеву снопом яркого оранжевого пламени. Птица издала жалобный, придушенный крик, слабый сток, вырвавшийся из нежного горла, и с неба на него стало падать причудливо изломанное тело женщины, которую он хорошо помнил; однако то, что упало в грязь возле него, было всего лишь черным предметом, похожим на обугленный зародыш.

Доктор Берг выронил авторучку. Рев, который издал подопытный, был похож на крик проклятых душ в глубине ада из древних саг. Мужчина вскочил с такой силой, что оторвал металлические крепления от подлокотников никелированного кресла.

Он на мгновение выпрямился, стоя в центре маленького красного помещения, глаза его округлились и пылали. Потом его фигура осела, и жуткий запах горелого мяса распространился по лаборатории. Про-

шло две минуты, но доктор Берг, полковник, который никогда не курил, и молодой человек с нежными чертами лица все еще молча стояли и смотрели на почерневшую, спекшуюся массу на пластике, покрывавшем пол, от которого в обе стороны отходили две металлические полосы.

Она ждала его дни и ночи. Их брак не был зарегистрирован, и она знала, что не имеет на него никаких прав. На пятый день она вышла на балкон семьдесят шестого этажа, откуда был виден весь город, закрыла глаза и перевалилась через перила. Где-то вдали кричала птица.

...потому что никто не может пережить убийство своей собственной мечты.

Пьер Вери

ОНИ

Конечно, господа, я не совершил в своей жизни ничего великого. Или, точнее сказать, почти ничего. Но однажды ночью я создал семнадцать фигур геомантии. С этой ночи я слеп и руки мои мертвы.

Гастон Конор.

На этот раз ОНИ схватили-таки ее.

Инна Редлоу падала, падала к звездам. Она знала, что это падение будет бесконечным. В течение столетий она будет погружаться в бездну неба, окруженная ими, не имеющими названия, беспрестанно мучившими ее. На своем лице и коже она чувствовала их отвратительные, липкие конечности, но хуже всего было другое: пощипывание их отверстий, которые, возможно, были их ртами. И всю вечность

ощущать на себе это присасывание, означавшее симпатию этих людей...

Умереть...

Инна думала о приземлении, которое ей предстояло, она слышала торжественные слова: «*Dona eis requiem, Domine*». Господи, упокой их. О, как она завидовала мертвым, как ревновала к ним. Для Инны Редлоу никогда не будет ни покоя, ни смерти.

Боже мой! Почему Уильям оставил ее, зачем ему надо было принимать участие в каждой из этих глупых встреч бывших школьных друзей? Это в конце концов и было основанием для страха Инны.

Он, конечно, считал бы этот страх НЕРАЗУМНЫМ. Неразумным — это было его любимое словечко. У всех мужчин есть любимые словечки. «Я не могу себе позволить отклонить это предложение друзей, ты же понимаешь, дорогая! Встреча продлится только три дня». ДРУЖБА тоже была его любимым словечком. Все мужчины любят говорить о товариществе и культе дружбы, как о чем-то священном. Женщины, утверждают они, не могут понять, у них отсутствует принципиальное понимание дружбы.

Но в Инне прятался страх. Инна — спутница жизни Уильяма. Плоть от плоти. Разве не является обязанностью супруга оставаться возле жены, когда та боится, чтобы защитить ее и успокоить? Разве слово «СТРАХ» понять тяжелее, чем слово «ДРУЖБА»?

Уильям поехал из Дартмура в Эксетер, чтобы повидаться со школьными товарищами, которые ничего для него не значили и не могли значить, с которыми он не виделся лет двадцать и которым нечего было ему сказать, совсем нечего! Тот банкир, а этот аптекарь, учитель и строительный рабочий; бедняк, ставший богатым, богатый, ставший бедняком, богатые, которые стали еще богаче, бедные, ставшие еще беднее; толстые, жирные и худые; желчные и, и, и... То, что Уильям надеялся там найти — Инна точно это знала, — было его юностью. Но он не найдет там ее, даже если постарается подогнать на некоторое время свой теперешний ритм жизни к ритму жизни далекой юности.

По возвращении он найдет пустой дом; ее в нем не будет, даже если вся полиция Англии будет искать ее; Инна была вне досягаемости любых полицейских служб.

Потому что это произошло: ОНИ схватили ее.

Всю неделю она чувствовала их приближение. Сначала это было только предчувствие. Потом уверенность. Она испытывала невыносимое ощущение их присутствия.

ОНИ прятались в подвалах.

Так как ОНИ вышли из-под земли, ОНИ неизбежно должны были быть созданиями тьмы, бездонных глубин. Как ОНИ выглядели? Инна не готова была себе их представить. Может быть, ОНИ были похожи на ужасных морлоков, которых описал Уэллс в своей «Машине

времени»? Нет. Конечно, намного ужаснее. Морлоки по крайней мере были человеческими существами. ОНИ — нет. ОНИ не имели с человеком ничего общего. Непредставимо...

В одном она была уверена: только свет был действенным оружием против них. Инна охотно оставила бы гореть лампу в комнате на всю ночь, но та мешала Уильяму заснуть.

— Это же смешно, дорогая. Будь разумной.

Словно она не старалась быть разумной! Она добросовестно пыталась проанализировать свой страх. Откуда он взялся? Из-за детективов? Из-за какой-нибудь сказки о призраках, которую рассказала ей няня, когда она была еще маленькой девочкой? Этого она не помнила. Призраков она тоже не боялась. Потому что их не существовало.

А ОНИ были. ОНИ были ужасающе реальны.

— Не нервничай так, дорогая, — сказал Уильям.

И включил свет.

Инна долго вслушивалась в ИХ тайное копошение в средневековом подвале, напоминающем подземелье; она дрожала.

— Уильям, ты слышишь? Шорох! Внизу...

— Ну, что еще такое? Я ничего не слышу. (Как он мог услышать? Он уже почти спал.) Опять я ничего не слышу. Ну да, Дартмур — уединенное местечко, и чтобы чувствовать себя хорошо в этом замке времен Плантагенетов, — пошутил он, — надо иметь толстую шкуру.

Стены старого дома, который Инна унаследовала от своих родителей, действительно были невероятно толстыми: внешние стены были метр шестьдесят толщиной, а двери и оконные рамы сделаны из рубленых дубовых бревен.

— Но люди тут, в этой местности, совершенно безобидны. Я говорю тебе, здесь нечего бояться, Инна, абсолютно нечего.

Она хотела ответить, что боится не убийц и воров, но он только посмеется над этим.

Несколько секунд, тянувшихся смертельно медленно... Инна прислушивалась, напрягая все органы чувств.

Уильям захрапел.

Шорох — или это скрип дерева — или это ОНИ уже поднимаются по лестнице?

— Уильям, ты слышишь? На этот раз я уверена...

Уильям во сне сжал кулаки.

В то мгновение, когда Уильям уехал, она приняла решение. Провести три ночи одной в огромном доме было выше ее сил; уже при одной мысли об этом она почти сходила с ума. Она отправится в Дэвисток к Маргарет, доброй и верной подруге юности. (Женщины тоже, даже если мужчины в это не верят, могут дружить.) Маргарет Флойд жила одна и была бы рада принять ее. Несмотря на то что Инна полно-

стью доверяет Маргарет, она, разумеется, не сможет сказать ей правду о том, что за срочное дело привело ее к ней. И пока эти господа мужчины, подавляя зевоту, напрасно тратят время, почесывая языками, Маргарет и Инна вспомнят то время, когда они еще играли в куклы. Инне придется примириться с тем, что Маргарет будет непрерывно говорить о своей потере: горячо любимом Джеймсе, который погиб около двадцати лет назад, во Второй мировой войне. Это действительно было печально, но ей, бедняжке, всегда бывает смертельно скучно слушать об этом. Так скучно, что Инна уже несколько лет не посещала Маргарет. Однако теперь Инна была готова вытерпеть все, лишь бы не оставаться одной. (И она действительно должна была признать, что здесь был чистый эгоизм и что мужчины были не так уж неправы, когда утверждали, что женщины ничего не понимают в настоящей дружбе.)

На телефонный звонок ответила горничная. Миссис Флloyd только что отправилась в Лондон, потому что у ее матери случился апоплексический удар и там необходимо было ее присутствие.

«Куда теперь идти? Где искать убежища?» — спрашивала себя Инна в паническом ужасе. Редлоу, живя в Дартмуре, на этом маленьком плоскогорье в Девоншире, не поддерживали никакой связи с соседями, ближайшие из которых жили довольно далеко.

Снять комнату в одном из отелей города? Это было неприлично. Уильям этого не поймет. Кроме того, это ничего не изменит: ОНИ отыщут ее, и Инна все равно ничего не сможет противопоставить им.

Да, она была обречена выдерживать эту осаду в одиночестве и решать до возвращения Уильяма спать только днем.

В первый вечер она приготовила себе две чашки крепкого чая, несмотря на опасность получить тахикардию.

В дополнение к этому она установила и включила в своей комнате три лампы. Наступила оргия света. Только свет мог прогнать кошмары — словно сов. Она купила самый мощный карманный фонарик, какой только смогла найти.

Сначала она взялась за книги. Но ее взгляд рассеянно скользил по буквам, ее мозг был неспособен уловить смысл слов, как рука неспособна удержать воду. Книги не могли заглушить ее тревогу.

Да еще непрерывные взгляды на стенные часы. Что? Так мало? Конечно, часы остановились... Нет, ОНИ идут... Как гласит поговорка: «*A watched pot never boils*»*. Боже, когда же наступит утро...

Инна прислушалась. Шорох, потрескивание... Там, в подвале, было слышно копошение этих отвратительных, жутких монстров.

Громкий скрип заставил ее испуганно подскочить.

Несколько минут она, как сумасшедшая, металась взад и вперед.

* Когда ждешь, время тянется очень медленно.

Я закричу, я закричу... Любой ценой удержать себя в руках — если это не удастся, ОНИ легко проникнут сюда и схватят ее.

Уильям оставил на маленьком столике вечернюю газету.

Забыть об ужасе при помощи кроссворда... Распадается на мелкие кусочки... четыре буквы. Это скорее мягкое, чем твердое... семь букв. Взгляд на часы. Там, где не помогла книга, помог кроссворд — время пришло в движение. Дурак в сказках... шесть...

Шорох, на этот раз много ближе. ОНИ за дверью! Ужас внезапно полностью захлестнул ее, это было похоже на настоящее сумасшествие. С фонариком в руках она подбежала к двери, распахнула ее и направила поток света — словно луч смерти — в темноту лестничной клетки. Ложная тревога. Там не было ничего. Замок люка, ведущего в подвал, был заперт. Как надгробная плита над могилой. ОНИ должны перестать буйствовать там, внизу. Что за дурные мысли лезут ей в голову. Наверху она в безопасности.

Комната была залита светом.

Инна вернулась к кроссворду. Дурак в сказках... шесть букв.

Так прошла первая ночь.

Как великолепны были лучи восходящего солнца.

Вторая ночь...

Трюк с кроссвордом больше не действовал.

Инне пришла в голову мысль взяться за палиндром.

В тот вечер, когда Уильям вдруг воодушевился этой странной игрой, Инна только презрительно пожала плечами.

Но палиндром поможет ей провести вторую ночь.

Палиндром — это слово или даже целый текст, в котором буквы как справа налево, так и слева направо расположены таким образом, что текст этот можно читать и слева направо, и справа налево.

Простейший пример: Анна.

Пример более сложный: кабак.

Это кажется детской игрой, но на самом деле это напряженное занятие, требующее ума, выдержки и везения.

После десяти, двадцати, тридцати попыток Инна сдалась. Снова и снова все блокировалось запутанным положением букв в предложении. Но — какое чудо — когда она снова посмотрела на часы, она увидела, что прошло уже два часа. Нет, не то чтобы она больше не думала о них, потому что ОНИ не шли у нее из головы, но это были два часа без шелканья зубов, два прошедших часа...

С облегчением и даже с радостью она снова принялась за игру, теперь она с головой погрузилась в нее. Потом она испытала настоящее удовлетворение (и очень обрадовалась), когда создала этот палиндром: шалаш и казак, казак и шалаш...

Это, конечно, ничего не значило, но не в этом дело — главное, палиндром!

Тут и произошла катастрофа: отключился свет.

Она крепко сжала фонарик.

Ей показалось, что из подвала послышалось сдавленное хихиканье. Она взяла себя в руки. Владеть собой. Свет может включиться в любую секунду. Кроме того, она купила большой пакет свечей. Она зажжет их. Все вместе.

Она застонала, вспомнив, что пакет со свечами находится в выдвижном ящике кухонного буфета.

Этажом выше.

На площадке лестницы шорох. Боже мой! Если ОНИ подняли крышку люка, ведущего в подвал...

Она подскочила, распахнула дверь, ринулась вверх по лестнице, торопясь и спотыкаясь о ступеньки; она была вынуждена ухватиться за перила, чтобы не упасть — и вскрикнула: она выронила фонарик, который теперь, подскакивая, скатывался по ступенькам. Света больше не было. Стекло и лампочка разбились.

Бежать на кухню.

Прикосновение к пакету со свечами в кухонном буфете немного успокоило дикое сердцебиение.

Спички, быстрее...

Коробка была пуста.

Она вспомнила, что Уильям клал на буфет зажигалку. Она ощущала мебель пальцами, наткнулась на чашку, на вазу.

Никакой зажигалки. Конечно... Уильям взял ее с собой.

— О, Уильям, почему ты оставил меня одну?

Банг!

Удар тяжелой крышки люка подвала о стену; ОНИ открыли ее.

Кровь внезапно застыла в ее жилах.

И снова этот шорох на ступеньках лестницы, этот легкий топоток. Эта мерзость преследовала ее по пятам.

ОНИ схватят ее, визжа, потащат в подвал и еще глубже, чем в подвал, в свое царство, под землю. Потому что это было их целью: утащить ее в глубину, все глубже и глубже, в абсолютное ничто.

Подняться вверх... это единственная надежда на спасение.

Она поднялась еще на этаж. ОНИ карабкались за ней. У нее в голове была только одна мысль: не в подвал! Не в подвал! Все, что угодно, только не это: не в подвал...

Она поднялась еще выше.

Пока не достигла чердака.

Люк на крышу... Может быть, божественный свет луны и звезд...

А ОНИ приближаются.

Люк на крышу, путь к небу! Там ОНИ ничего не смогут сделать с ней, конечно, ничего, эти порождения ада...

Инна по лестнице выбралась на крышу.

В это мгновение перед ней все завертелось, все зашаталось. Она упала.

Но не вниз, а к звездам.

При этом она чувствовала, что это был не подъем, а падение.

Словно освободившись от земного тяготения, Инна падала в бездонную пропасть неба.

Это было падение, в которое они втянули ее. У НИХ никогда не было намерения тащить ее в подвал, туда, где для нее был «низ».

ВЕРХ и НИЗ для НИХ было одним и тем же.

Не было ни ВЕРХА, ни НИЗА. Потому что в священных манускриптах алхимиков, приверженцев Парацельса и Раймона Лулли, астрологов и геомантов, говорилось, что ВЕРХ — то же самое, что и НИЗ; так же как НИЗ — то же самое, что и ВЕРХ.

Макрокосмос и микрокосмос.

Как в палиндроме: что слева направо, что справа налево — все равно.

Во всяком случае Инна падала и ОНИ окружали ее. ОНИ схватили ее, и Инна почувствовала на своем лице, на всем своем теле липкое прикосновение ИХ щупалец и отвратительное присасывание отверстий, являющихся ИХ ртами.

В это мгновение Анн Уолдер очнулась ото сна.

Кошмар! Все это было только ужасным кошмаром. Эти две ужасные ночи лишь приснились ей.

Возле нее слышался храп. Уильям! Она тихо протянула левую руку и нежно погладила кулаки своего мужа. Дорогой Уильям! Как это хорошо, чувствовать его запах, как это великолепно, слышать его равномерный храп.

Он только утром отправится в Эксетер, и, само собой разумеется, он против того, чтобы она три дня оставалась одна в этом старом мрачном доме. Но она, напротив, повторяла: «Но, Уильям, я не боюсь оставаться одна. И ты великолепно знаешь, как я осторожна!» Он не хотел этого. На рассвете они отправятся вместе. Уильям завезет Анн в Дэвисток, к ее подруге детства Маргарет Флloyd, которая давно уже приглашала Анн и будет рада видеть ее.

Анн улыбнулась. Палиндром... Вчера вечером Уильям еще занимался этой игрой, которая казалась ей слишком детской. Именно поэтому Анн Уолдер создала во сне палиндром.

Пустая спичечная коробка, зажигалка? Вчера вечером, когда Анн хотела зажечь газ, чтобы приготовить ужин, она заметила, что спичечная коробка была пуста, и она попросила у Уильяма зажигалку.

Стук крышки люка подвала о стену. Уильям вчера вечером оставил ее открытой, когда лазил в подвал, чтобы разобрать кучу старых бумаг и найти фотографии учеников его колледжа. (Ох уж этот культ дружбы; мужчины воистину как дети.)

Анн друг за другом складывала элементы кошмара, и для каждого из них находилось простое объяснение.

Кроме одного.

Это имя, которое у нее было в кошмаре и которое не было ее именем: Инна... Инна как? Редлоу. Инна Редлоу. Странное имя. Еще реже и мрачнее была фамилия: Редлоу — красный закон.

Внезапно на нее нахлынул приступ ужаса. Она побледнела. Боже! Нет! Нет...

Она широко раскрытыми глазами уставилась в темноту, затаила дыхание, прислушалась, готовая упереться руками в грудь Уильяма и разбудить его.

Шорох и царапанье в подвале...

ЭТО НАЧАЛОСЬ СНОВА...

Только на этот раз она не спала.

Итак, ОНИ все же существуют? И ОНИ поднимутся, чтобы схватить ее?

Она попыталась улыбнуться.

Кошка — вот и все.

Кошка, живущая по соседству с людьми, точнее — кот, шляющийся по округе.

Вчера вечером, когда Уильям выносил к машине ее чемодан, кот, должно быть, проскользнул вслед за ним в дом, а потом, когда Уильям спустился в подвал, кот пробрался вслед за ним; может быть, почуял там мышь? И Уильям, должно быть, запер его, когда поднялся наверх и запер за собой люк.

Возможно, Уильям оставил открытым чемодан, полный старых бумаг, и кот забрался туда. Потому и раздавался звук, который Анн принимала за шорох, топоток и сдавленное хихиканье. Перенапряженные нервы сделали все остальное.

Не зажигая света, чтобы не разбудить Уильяма, Анн подошла к двери, нащупала задвижку, открыла ее, вышла на лестницу и шагнула в темноту.

Посмотрим, кот ли это...

Еще один шаг...

Вскрикнув, Анн Уолдер рухнула в ничто.

Уильям вечером забыл закрыть люк, ведущий в подвал.

Две секунды...

Или вечность...

Она падала в бездонную пропасть абсолютного ничто.

ОНИ схватили ее, одолели, крепко стиснули; она почувствовала на лице и теле липкое прикосновение ИХ щупалец, чавкающее, хлюпающее посасывание их ртов; она знала, что ОНИ никогда не отстанут, ОНИ будут мучить ее в течение всего падения, которое никогда не кончится. ВЕРХ — это и есть НИЗ, а НИЗ — это и есть ВЕРХ.

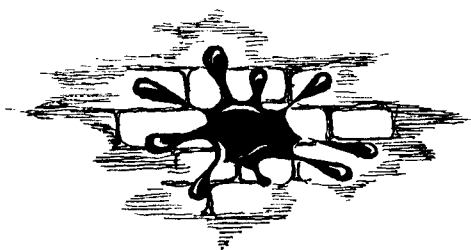
Вспышка взорвала темноту, которая тотчас же снова затопила пространство.

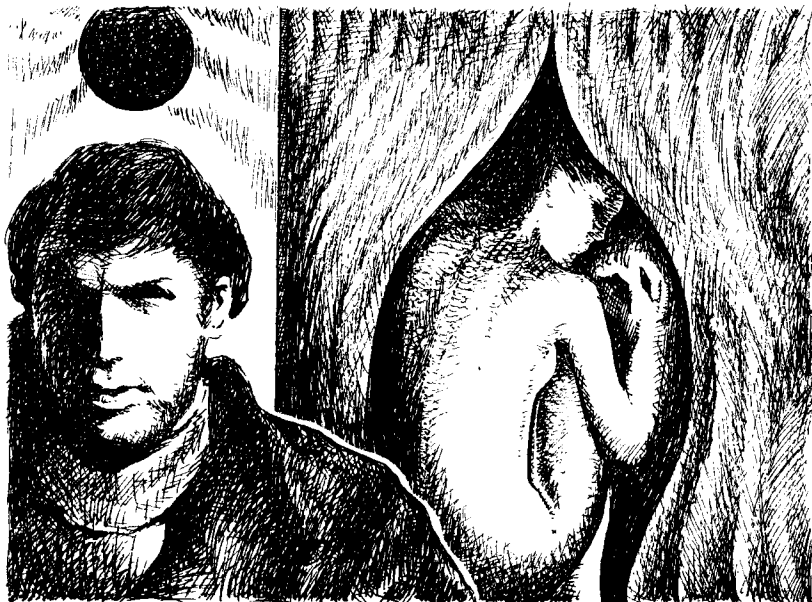
Анн умерла.

Упав с семиметровой высоты по крутой лестнице, ведущей в подвал, она ударилась головой о кирпичную стену, и там остался большой КРАСНЫЙ след.

Она ударилась точно о то же место, где Анн, двадцатью годами раньше, когда она была еще маленькой девочкой (и в то время ее еще звали Анни), ради шутки острым ноготком выцарапала на штукатурке свое имя НАОБОРОТ. (Но это был не палиндром, это был принцип.)

АННИ УОЛДЕР — ИННА РЕДЛОУ.

Ален Доремье

В А Н А

Словику было двадцать пять лет, когда он решил приобрести себе вану.

Словик жил в Нью-Париже, в жилом квартале Мьюдон. Его удобная квартира находилась на двадцать седьмом этаже жилого блока средних размеров. Словик проводил там свои дни в тишине и уюте. Он выполнял долг гражданина государства, ежедневно два часа в день занимаясь обязательной работой. Остальное время он проводил в наслаждении и отдыхе.

Словик по природе был тихим и впечатлительным. Он охотно принимал у себя друзей, которые были неженаты и которым было столько же лет, сколько и ему. Мико, его друг, работал в том же управлении, что и он, однако там они встречались редко, потому что работали в разное время. Мико и Словик часто обедали вместе.

Закон запрещал мужчинам до тридцати лет жить вместе с женщиной. Мико считал, что мужчина должен использовать лучшие годы

своей жизни как можно продуктивнее, а не ждать. Удовольствий он не чулся. Словик был того же мнения. Иногда он жалел, что живет не в прошлом, не в двадцатом столетии; говорят, что тогда молодой человек имел право завести семью сразу после достижения половой зрелости. Но в те времена планета еще не была так перенаселена. Этот запрет пришлось принять только из-за катастрофического прироста рождаемости.

Мико посмеялся над Словиком, когда он сказал ему по секрету, что ему нравится, когда женщина живет вместе с мужчиной. Мико ухмыльнулся и назвал Словика взрослым мальчишкой, который не знает, что говорит. Он посоветовал ему сходить в Дом Женщин в зоне резервации. Там у него будет возможность забыть обо всех сумасшедших идеях.

Словик последовал совету Мико. И через несколько дней у него пропало желание видеть друга. Тогда он заперся дома, проводя свободное время в комнате гармоний, где была установлена трифоническая музыкальная аппаратура с большими, вделанными в стены динамиками.

У Словика была привычка, которую его друзья считали чудачеством. Он не любил музыку своего времени с ее сложным сочетанием звуковых элементов. Он предпочитал тонкие тональности композиций двадцатого столетия: Герри Маллигана, Джона Льюиса, Хораса Сильвера, Теолониуса Монка — предшественников современной музыки. К удовольствию других любителей, он старался приобрести редкие и старые записи их произведений.

Когда у него не было желания слушать музыку, он садился в свой турбомобиль и ехал к морю. Он выбирал верхнюю полосу многоэтажного автобана, потому что та не была так заполнена. Скорость опьяняла его. Ощущения его обострялись. При этом он говорил себе, что чувствует отвращение к обществу своих друзей.

Однако это было мимолетное чувство. Когда он снова встречался с Мико или с кем-нибудь из других своих друзей, он не мог представить, как такие мысли вообще могли прийти ему в голову. Впрочем, он никогда никому не говорил об этом. Он боялся, что люди будут рассматривать его как странного, бестактного человека. Это породит молву, что он виновен в индивидуализме, а люди попадали в тюрьму и за меньшие провинности.

Так и текла жизнь Словика: работа, музыка, его поездки на автомобиле, часы, проведенные с Мико и другими друзьями, посещения Дома Женщин, а иногда и Дома Игр. Словик не задумывался над тем, счастлив он или нет. Эта проблема существовала только в книгах из прошлого. Никто не был «несчастлив». Что же касается слова «счастье», то это было архаичное выражение; современным его синонимом был «комфорт».

И все же иногда у Словика появлялось чувство стыдливости, слов-

но он пожелал чего-то, чего не существовало вообще. Он не знал, почему оно возникло, и не задумывался об этом чувстве. Чего же ему не хватало; у него — как и у любого другого — было все, что нужно для жизни. Это не были также женщины, потому что в Доме Женщин он мог получить все, что ему требовалось. Что же касалось совместной жизни с одной из них, то тут, вероятно, Мико прав: это была юношеская мечта, и он больше к ней не стремился.

Словик так бы и продолжал жить день за днем, если бы не появились ваны. В первый раз ему рассказал о ванах Мико. Честно говоря, Словик уже слышал об их существовании, но не обратил на эти разговоры никакого внимания. Он почти не интересовался современными вещами, он считал, что не может быть ничего по-настоящему нового.

Ваны были одним из видов живых существ, которых обнаружили в Галактике. Одна из исследовательских экспедиций привезла несколько экземпляров ван с одной из земноподобных планет в созвездии Ориона. Слухи, гласящие об их ценности, побудили некоторых богатых коллекционеров купить этих живых существ. Слухов о них становилось все больше и больше.

Ввоз внеземных живых существ был строго регламентирован сводом правил. При помощи многочисленных тестов нужно было доказать, что это неразумные существа и что они не несут в себе опасных для здоровья человека и его окружающей среды спор и микроорганизмов. Ваны соответствовали всем этим условиям. С их родной планетой было установлено постоянное сообщение, спрос на них постоянно увеличивался, и торговля ими процветала.

Сначала характерные особенности ван держались в секрете, и, без сомнения, именно поэтому у Словика не было возможности что-либо узнать о них. Общественность знала только, что это были гуманоидные существа, конечно, неразумные. Но такая информационная блокада просуществовала недолго. Сведения о ванах распространились и в один прекрасный день достигли Словика. Их сообщил ему Мико.

Мико предложил купить одно из этих существ на свои деньги. Он показал Словику трехмерную фотографию, которую дал ему друг, занимающийся внеземными разумными существами. Словик посмотрел на нее и понял, почему о ванах идет такая молва. На фотографии была женщина, или по крайней мере точное подобие земной женщины, она обладала загадочной красотой.

Словик вопросительно посмотрел на Мико, глаза которого блестели. И Мико рассказал ему, что знал. Ваны были животными, высоко развитыми, но тем не менее животными, которые не обладали ни разумом, ни речью, но зато у них была внешность — тут голос Мико особенно подчеркнул следующие слова — и все другие функции земных женщин. Биологи экспедиции, открывшей их, обстоятельно изучили этот вид. Эти — женские — существа размножались партогенезом. Существование мужских экземпляров не было доказа-

но. Название, которое им дали, происходило от звуков, которые они издавали, мягких, протяжных звуков, похожих на два слога: «Ва-на».

Ваны были вегетарианками, они все дни проводили в безделье. Присутствие мужчин первой экспедиции не спугнуло их. Члены экспедиции заботились о них. Сначала один из них был сражен их прелестями, а потом множество землян познало то же самое. Так было обнаружено, что ваны подходят для людей.

После того как первые экземпляры были ввезены на Землю, было установлено, что ваны легко акклиматизируются. Их пищей в основном была трава. Гидропонные культуры Земли продуцировали достаточное количество растительности, которая соответствовала растительности их родной планеты. Было также установлено, что ваны могут великолепно питаться ею.

Они были смирными и ласковыми, как кошки или собаки, и выполняли каждое желание своих хозяев. Из-за них сравнительно быстро начали возникать эксцессы. В Северной Америке они вызвали новую волну пуританизма. Досужие сплетники усердно разносили слухи о том, что некоторые мужчины жили с двумя или тремя ванами одновременно и не скрывали своей бесстыдной привычки; шептались, что отдельные жестокие люди и садисты убивали ван. В это начали вмешиваться Комиссии по сохранению общественной морали, а также Общество защиты галактических животных.

В Европе, куда ваны только что начали ввозиться в больших количествах, они еще не представляли собой такой проблемы. Правительство, установившее запрет на совместную жизнь с женщиной мужчины младше тридцати лет, разрешило тем же мужчинам жить под одной крышей с ванами. Главной заботой в Европе было перенаселение. Теперь же из-за ван рождаемость сильно уменьшилась.

Мико сообщил Словику все новости и закончил свой рассказ тем, что сказал ему о своем желании как можно быстрее достать себе одну из этих ван. Благодаря своему другу из общества по импорту с других планет он мог быстро сделать это. Мико спросил Словика, не хочет ли он использовать благоприятную возможность и через его посредство тоже заказать себе вану. Словик сначала отклонил это предложение, сказав, что оно его не интересует.

Однако его взгляд снова упал на фотографию, которую показал ему Мико. Вана была очень красива. И Словик вдруг сказал, не раздумывая и почти не сознавая, почему он это делает, что он согласен заказать себе одну из них.

Он получил вану через неделю. Ее привезли в специальной клетке, покрытой непрозрачной пластиковой накидкой. Это было сделано для того, чтобы при транспортировке оградить вану от взглядов других людей. Иногда, если это забывали сделать, могла подняться волна общественного недовольства.

Когда экспедитор ушел, Словик приблизился к закрытой клетке.

Он одним движением откинул накидку и увидел вану. Она, свернувшись в углу клетки, смотрела на него. Словик был удивлен, потому что она была красивее, чем он себе представлял. Она выглядела так же, как и та, которую он видел на фотографии (все ваны, как сказал Мико, были похожи друг на друга, как родные сестры), но силы ее привлекательности не могла передать никакая фотография.

Два ее качества очаровали Словика: цвет кожи ваны и ее запах. Мико не сказал ему (может быть, он сам этого не знал), что цвет кожи ван был не таким, как у людей. Но это была единственная особенность, которой они внешне отличались от людей. Ее кожа, блестящая, как шелковистый мех животного, была нежного, желто-шафранного оттенка, играющая красноватыми отблесками. Запах этого существа очень напоминал запах мускуса.

Словик открыл дверцу клетки. Экспедитор заверил его, что ему нечего опасаться — эта вана, как и все другие, совершенно безобидна, даже если на первый взгляд она и кажется немного диковатой. Он протянул руку, и она, даже не вздрогнув, позволила себя погладить. Ее блестящая кожа была восхитительно мягкой и теплой. Он почувствовал, как под этой кожей бьется жизнь, легкой дрожью выходя на поверхность. Он еще никогда, ни к одной из земных женщин не испытывал таких чувств.

Вана все еще смотрела на него. Словик встретился с ней взглядом и испытал шок. Глаза существа были цвета чрезвычайно светлой бирюзы. Их радужная оболочка была невероятно большой; струящийся взгляд этих глаз, казалось, хотел поглотить его. Но был еще один весьма странный эффект — это отсутствие всякого человеческого выражения в ее взгляде. Он не отражал ни радости, ни страха, ни боли. Он казался пустым.

Словик оставил дверь клетки открытой; через несколько минут вана встала и вышла наружу. Она была небольшого роста; руки и ноги ее были изящны, сложение ее хрупко. Ее обнаженное тело было во всех подробностях похоже на тело земной женщины, но у нее, конечно, не было волос на лобке. Однако лицо ваны обрамлял густой венчик, больше напоминающий плотный золотистый мех, чем волосы. Фигура ее была гармонична, лишена неровностей, крутые бедра образовывали контраст с тонкой талией. Грудь ее оканчивалась острыми сосками и в отличие от остального тела были великолепно развиты. Диски сосков и сами соски были красноватого оттенка.

И, наконец, поражало лицо ваны. Почти треугольное, с большими бирюзовыми глазами, оно было по-первобытному прелестно и полно таинственного очарования. Маленькая головка покоилась на длинной шее и напоминала цветок на стебле. Вана склонила голову в сторону, словно чего-то ожидая, и рассматривала Словика. Ее тело, казалось, жаждало ласки. Словик понял, почему покупатели с разных миров так расхватывают ван.

Вана быстро привыкла к Словику. Он называл ее Сильви и стал ее кормить, чтобы она чувствовала себя как дома. Он приобрел лучшую пищу в специальном магазине для ван. Она поблагодарила его за это, потеревшись о него щекой. Словик ласково погладил ее по руке. Он с самого начала старался обращаться с ней нежно и ласково. Она постоянно искала и жаждала этих ласк.

Вечером второго дня Словик привел Сильви в свою постель. Потом он делал это каждый вечер. Затем он отводил ее в соломенный шалаш, который соорудил в одной из своих комнат. Однажды вечером он слишком устал, чтобы отвести ее в шалаш на подстилку, и так и заснул возле нее в постели. Словик обнаружил, что ему доставляет удовольствие проводить ночь с ванной. С тех пор он начал оставлять ее в постели. Когда утром он просыпался, ее мускусный запах опьянял его. Он протягивал руку и касался ее тела, лежащего возле него. Она мгновенно просыпалась. Он подтягивал ее к себе и обнимал ее теплое тело.

Мико посещал его. Он брал с собой свою вану. Она доставляет огромное удовольствие, говорил он. Он был удивлен и, казалось, немного шокирован, когда узнал от Словика, что его вана иногда остается спать в его постели. Однако он быстро взял себя в руки.

— Ты обращаешься с ней как с настоящей женщиной, — улыбаясь сказал он. Словик взвесил это замечание; он нашел его неприличным. И все же Мико, возможно, был прав, упрекая его. Он должен обратить внимание на то, чтобы не слишком доверять ване.

И все же однажды ночью, когда он спал один, он с некоторым удивлением ощутил, что ему не хватает присутствия Сильви. Однажды утром он проснулся на рассвете. Постель показалась ему пустой и холодной. Он встал, чтобы привести вану. Она спала в своем шалаше, как обычно, свернувшись калачиком. Он разбудил ее, погладив по руке. Она открыла глаза и посмотрела на него расплывающимся взглядом. Он хотел, чтобы она пошла с ним в его комнату. Но когда она поднялась перед ним с этой кошачьей грацией, он внезапно остановил ее. Он опустился на пропитанную ее запахом соломенную подстилку. На ее теле играли блики света.

С этого дня он начал или оставлять Сильви спать в своей постели, или ложился с ней на ее соломенную подстилку. Он также начал бессознательно каждый день искать ее общества. Он уже давно не появлялся ни в Доме Женщин, ни в Доме Игр. Мико удивлялся отсутствию инициативы у Словика, его нежеланию развлекаться. Он был удивлен тем, что Словик гораздо реже приглашает его к себе домой.

Мико был очень доволен своей ванной и иногда передавал ее своим друзьям, которым он оставлял ключ от своей квартиры. Однажды он спросил Словика, не даст ли он ему на вечерок свою вану, свою собственную он пообещал на этот вечер одному из друзей. Словик наотрез

отказал, и Мико был удивлен. Между друзьями воцарилось молчание, потом Мико с нотками отвращения в голосе сказал:

— Словик, ты... ты же ВЛЮБИЛСЯ в это животное!

Словик вскочил и посмотрел на него гневным, пронзительным взглядом. Он увидел выражение брезгливости на лице Мико. Резким голосом, не отдавая себе отчета в том, что он говорит, Словик закричал:

— Я запрещаю тебе называть ее животным!

Мико только ответил:

— Ты сошел с ума.

Он выбежал, дверь за ним захлопнулась. Словик был мертвенно бледен. Он подошел к Сильви и крепко обнял ее. Он нежно гладил ее золотистые волосы, беспрерывно повторяя:

— Ты не животное. Ты не животное.

Сильви терлась о него щекой, как она сделала это в первый день, когда он дал ей поесть. Она мягко мурлыкала:

— Ва-на.

Словику показалось, что она довольна.

Теперь Сильви окончательно вошла в жизнь Словики. Он брал ее с собой в комнату гармоний; где она прижималась к нему, пока он слушал свою любимую музыку. Она прикрывала свои щелевидные глаза, превращая их в узкие, тонкие щелки, через которые наблюдала за Словикиком. Он брал ее в свою машину, пользуясь наименее загруженными трассами, чтобы избежать любопытных взглядов. Сильви вжималась в сиденье машины, ее волосы развеивались по ветру. Словик лопался от смеха, и однажды ему стало ясно, что раньше он даже не представлял себе, что это такое — лопаться от смеха. у него появилось чувство, что он обнаружил нечто доселе неизвестное; он постепенно начал понимать, что это, вероятно, было чувство, которое он давно уже подсознательно искал.

Однажды он взял Сильви к морю, на пустынный берег. Он не знал, какие моря были на планете ван, но Сильви казалась счастливой. Она плавала и ныряла в воде, потом копалась в песке, и тело ее блестело на солнце. Словик сказал себе, что она обязательно смеялась бы, если бы могла. Потом она вытянулась возле него и лизнула в шею своим длинным, шершавым языком. Она ласкала его тело длинными пальцами, на которых он регулярно обрезал ногти.

Ему очень нравилось заботиться о ней. Она отпрянула назад, когда он начал расчесывать гребнем ее мех. Он успокоил ее, лаская и мягко говоря с ней. Она позволила ему подстричь ее и собрать волосы на затылке в пучок. Увидев ее профиль, он подумал о старинной картине. Он нашел ее репродукцию в микрофильмотеке. Это был портрет молодой девушки с прической «лошадиный хвост», который нарисовал Пикассо в 1954 году, геометрический профиль с четкими линиями, оттененными светлым фоном, фигура, напоминающая критские фрески. Словики поразило это сходство.

Так проходили дни. Он больше не отпускал Сильви от себя. Ему было совершенно ясно, что он оторвался от мира, в котором жил раньше, но это было ему безразлично. Его друзья избегали его. Уже с неприкрытым сожалением говорили, что Словик из-за своей ваны дегенерировал до уровня животного. Во всяком случае он вызывал всеобщее неодобрение. Люди, которых он знал, отводили взгляд, встречая его. Словик все реже выходил из дома.

Мико однажды посетил его еще раз, он заклинал во имя их бывшей дружбы отказаться от своих заблуждений. Словик, улыбаясь, выслушал его. Когда Мико выговорился, он позвал Сильви, погладил ее на глазах у своего бывшего друга и сказал:

— Мико, вспомни, что я однажды сказал тебе: я охотно стал бы жить с женщиной. Она и есть эта женщина.

Мико разочарованно воскликнул:

— Ты сошел с ума, ты больше не можешь правильно оценивать вещи! Она — животное, игрушка, и больше ничего. Она намного меньше, чем женщины в Доме Женщин. И ты осмеливаешься утверждать, что ты ЛЮБИШЬ это создание!

Словик побледнел от гнева. Он прижал к себе Сильви, но ничего не сказал, только вызывающе посмотрел на Мико. Мико сдался. Он оставил Словика, предупредив о последствиях его поведения. Он сказал:

— Общество просто не потерпит такого гнусного поведения!

Когда он ушел, Словик обнял Сильви.

Некоторое время спустя из-за растущего общественного недовольства на Словика наложили денежный штраф. Он был обвинен в том, что показывается на людях со своей ванной. К этому времени в Европе, вслед за Америкой, начали образовываться лиги, выступающие против ван. В другой раз рассерженные соседи обругали Словика и забросали его камнями, когда он вышел из дома. Он решил больше не брать с собой Сильви.

Теперь Сильви делила с ним комнату. Словик выбросил соломенную подстилку, на которой она раньше спала. Она следовала за ним по всей квартире и ловила каждый его жест. Словик устроился погружаться в глубину ее загадочного взгляда. Иногда ему казалось, что он читает в них нечто чрезвычайное и неопишное, и это было словно притяжение омуты. Может быть, это было только беглое присутствие той, другой жизни на Земле.

Теперь Словик знал, что значит древнее слово «счастье». Он мог проводить с Сильви долгие часы, не занимаясь ничем другим, только играя с ней или молча глядя на нее. Он не страдал от того, что она не может говорить. Напротив, ее молчание нравилось ему. Утром он купал и подстригал ее. Вечером он засыпал, обнимая ее и вдыхая ее

запах. Иногда ночью он тихо включал свет и любовался спящей Сильви.

Однажды Сильви заболела, и он уже думал, что она умрет. День и ночь он сидел в изголовье ее кровати, бессильный чем-либо помочь ей преодолеть эту неизвестную болезнь. Сильви начала чахнуть. Кожа у нее стала шершавой и бесцветной, у нее не было сил двигаться. Словик нежно ласкал ее, он обнимал ее, словно хотел дать ей собственное дыхание. Ему казалось, что она была его ребенком. Она выздоровела, и он не мог сказать, как. Однажды ночью он проснулся, потому что кто-то прижался к нему. Взгляд Сильви снова был блестящим и умоляющим.

Было лето. Город опустел, потому что жители его разъехались в отпуска на все четыре стороны. Большие жилые блоки были пусты. Через широко открытые окна в комнату проникало солнце. Словик и Сильви спали на полу, чтобы насладиться солнечными лучами. Он привык ходить обнаженным, как и она. Скоро его тело приобрело медный цвет, который гармонировал с цветом тела Сильви. Однажды, когда они стояли перед зеркалом, он обнаружил, что похож на нее, что он стал почти таким же, как и она.

Сонно вытянувшись на солнце, Словик погрузился в мечты. Он уедет отсюда, увезет Сильви и отправится с ней на ее родную планету. Там они без всяких препятствий будут жить вместе. Словик не ощущал никакой вины ни перед обществом, ни перед кем-либо лично. Он, конечно, знал, что это были только мечты; но ему нравилось предаваться им.

У него все чаще и чаще появлялось ощущение, что он существует в другом мире, в мире, где они с Сильви были одни. Окружающее стало для него второстепенным. Город, чьи жилые блоки и террасы он видел из открытого окна своей комнаты, словно был отделен от него стеной. Сильви не принадлежала ни этому городу, ни этому миру.

Однажды он нагнулся через перила балкона, и его вдруг охватило головокружение, словно находящаяся в пятидесяти метрах под ним улица внезапно надвинулась на него. Обливаясь потом, он отпрянул назад от перил, и ему показалось, что он вот-вот потеряет равновесие. Его члены охватила странная слабость. Он, шатаясь, прислонился к балконной двери. Сначала Словик не обратил никакого внимания на эти симптомы, но через несколько недель он обнаружил, что такое случается с ним все чаще и чаще. Слабость охватывала все его тело, словно хотела парализовать его. Он был вынужден ложиться. Сильви ложилась рядом с ним, непонимающе глядя на него; эта болезнь внезапно нахлынула на него, словно он проломил тонкую корочку льда.

Однажды утром он почувствовал себя особенно слабым и поэтому не встал. Чтобы отвлечься, он включил телевизор, стоящий в спальне. Он давно уже не интересовался им, он был занят исключительно Сильви. Лежа в постели, он впервые за долгое время увидел на экране новости, происходившие на свете. И он узнал то, что мир знал уже давно.

Он смотрел на изображение, слушал голос диктора, не делая ни движения. Ваны принесли на Землю смерть, драматическим тоном говорил диктор. Ученые забеспокоились только тогда, когда первые владельцы ван заболели неизвестной болезнью, от которой они вскоре умерли. С тех пор все владельцы ван умирают один за другим. Эти создания были носителями вируса, наличие которого эксперты при биологических исследованиях не заметили. У этого вируса, по-видимому, долгий инкубационный период, и он смертелен для людей.

На экране появился снимок вируса под микроскопом; его наконец-то удалось выделить. Диктор продолжил объяснение. Ваны передают смертельный возбудитель в момент полового акта. Каждый последующий акт усиливает заражение. Вирус этот выделяет таинственный яд, который день за днем полностью разрушает организм. Но ученые уже нашли средство, чтобы сдерживать распространение возбудителя болезни.

Эпидемия началась в Африке, куда сначала завезли ван. Но она уже перекинулась на Европу, здесь появились первые случаи заражения.

Все владельцы ван должны немедленно изолировать своих животных и сдать их Службе Гигиены, которая уничтожит их в газовых камерах. Потом владельцы должны немедленно обратиться за лечением к специалистам, иначе врачи не смогут гарантировать им дальнейшую жизнь.

Диктор умолк. Словик при помощи дистанционного управления выключил телевизор, не вставая с постели. Он долго лежал неподвижно. На его лице не было видно ни малейшего проявления чувств. Когда он попытался встать, пол под его ногами зашатался. Он никогда еще не чувствовал себя таким слабым. При каждом шаге он был вынужден на что-нибудь опираться. Пот ручьями тек по его телу.

Сильви спала на софе в соседней комнате. Словик подошел и долго смотрел на нее. Он дрожал, словно в лихорадке. Затем он нагнулся и слегка коснулся ее кожи кончиками пальцев. Она проснулась и посмотрела на него, обдавая его таинственным теплом своих нечеловеческих глаз.

— Сильви, моя маленькая Сильви, — пробормотал он, ласково прижимая ее к себе.

Жерар Клейн

ПЛАНЕТА С СЕМЬЮ МАСКАМИ

Дневной свет внезапно уступил место разноцветному блеску праздничной ночи, когда он, равномерно шагая, миновал жемчужные ворота. Воздух опьянял. Круто спускающиеся вниз улицы, которые разделяли странную архитектуру чужого города на темные, симметричные каменные блоки, завораживали его своим призрачным движением и приглушенным шепотом безличных голосов. Он с удовольствием повернулся еще раз, чтобы бросить последний грустный взгляд через ворота на бесцветную даль пустыни.

Он сделал последние шаги по дюнам после того, как пересек местность, которая показалась ему вымершей и бесконечной, как пустынный космос. Он был одним из тех существ, которые нигде не чувствовали себя дома, и даже там, где они родились. Лицо его покрыла серая песчаная пыль, которая иногда налетала из пустыни на Город Семи Врат. Еще год назад он услышал о Планете с Семейю Масками и преодолел огромное расстояние, чтобы разыскать это чудо, мир веч-

ного праздника. Из предосторожности он оставил свой космический корабль далеко от города, в пустыне, потому что хрупкие строения не выдержали бы грохота выплевывающих потоки энергии двигателей. День за днем он карабкался на дюны, оставляя их позади, боролся с красными песчаными бурями, которые залетали далеко на запад с северных, покрытых кристаллами берегов огромного высохшего моря.

Он был вынослив. Он не боялся усталости. Он уже давно ощущал голод и жажду, но все же не делал никаких остановок для отдыха. Бесконечное любопытство гнало его вперед, да и усталость постепенно нарастала. Он знал, что Планета с Семейю Масками представляла собой своеобразный мир, в котором не были известны войны, вражда и страдания. Здесь цивилизация достигла конечной стадии и застыла на вершине своего развития. Кое-кто на Земле называл ее декаданство, но именно это мнение возбудило любопытство Стелло. Он хотел видеть, как блекнет яркое сияние успеха, как полыхание факела уступает место тихому язычку пламени свечи. Наконец он хотел быть свидетелем долгого заката, затянувшегося конца. Ведь никто не оспаривал, что Планета с Семейю Масками находилась в своем теперешнем состоянии еще до того, как на Земле появилась жизнь.

Он оставил позади одни из семи врат, которые под жестокими лучами местного солнца казались какой-то причудливой редкой раковинной. Обходя город, он рассматривал своеобразные, блестящие, как мишура, стены и считал врата, в существовании которых скрывалась совершенно определенная, но непонятная ему символика. В нем зашевелилось что-то, чего он давно не испытывал, находясь в других мирах, в космосе, и, как ему казалось, утратил, наблюдая робкое свечение лампочек бортовых приборов и вспыхивающие цифры на множестве экранов.

Ему казалось, что он снова делает первые шаги по мостовой земного города, города, в котором он родился и который постепенно вспоминался ему. Он представил себе, как открывает дверь старого дома, в котором когда-то прошло его детство, и к этому примешались любопытство, удивление и нахлынувшие воспоминания.

Эта часть города была почти не населена. Гладкие фасады сверкали. Он подумывал о могучих, массивных строениях, которые он видел на других планетах. Здесь здания были так хрупки, что даже неосторожный взгляд наблюдателя, казалось, мог сокрушить их.

Его занимал еще один вопрос, который не давал ему покоя на всем пути через пустыню. Гуманоиды ли существа, живущие на Планете с Семейю Масками? Сообщения об этом были недостаточными, неполными, в общем, они были неудовлетворительными. Определения и цифры, которые приводились, — только оболочка, она ничего не говорила о сути.

Жители планеты, следуя странной традиции, постоянно носили маски. Поэтому считалось, что жизнь их — вечный маскарад, празд-

ник без конца. Может быть, это было образом жизни, формой существования, возведением непреодолимого барьера между внутренним и внешним, или, может быть, это была отпугивающая усмешка, выражающая недосыгаемость совершенства.

Семь масок, семь врат и семь лун на себе, а также семь гласных древнего языка, которые своим звучанием указывали путь в коварном лабиринте бессмертных слов. Семь масок, символы семи голубых чувств, которые ложились на застывшие черты потерянных лиц. Своя маска у каждого врат, свои врата у каждой луны. И, вероятно, своя луна соответствует каждому гласному звуку. Язык, звуки которого были воплощены в архитектуре, в стенах находящегося в центре пустыни города, древний язык, который, может быть, древнее всех других языков.

От треугольного строения отделилась тень и приблизилась к нему. Фигура напоминала человека, закутанного в перекинутую через плечо накидку. Маска пурпурным пятном выделялась на черном фоне. Глубоким голосом существо заговорило на древнем языке Галактики, происхождение которого было неизвестно, на языке, который знали все народы, даже те, у представителей которых не было зубов и губ.

— Откуда вы прибыли? — вежливо спросила тень.

— Я прибыл с Земли, — ответил Стелло.

— Я понимаю, Вы прошли через жемчужные врата.

Пестрая накидка призрачно затрепетала, когда порыв ветра коснулся ее. Стелло подошел поближе, так он лучше мог разглядеть черты ярко-алой маски. Голубой камень, как глаз, сверкал на гладком металлическом лице. Там, где должны были быть губы, он увидел странный орнамент, изображающий невообразимо большие, насмешливо и одновременно задорно изогнутые губы, которые не хотели выдавать смысловую информацию.

— Я понимаю, — повторила тень. — Вы носите бледную маску. Вы прошли через жемчужные врата. С Земли, сказали вы?

Стелло занервничал. Он решил пройти через эти врата просто потому, что они были пустыми. Он хотел обойти шушукающихся друг с другом существ, которые стояли около других врат. Жемчужные врата, единственные из семи врат, были свободными.

— Я не ношу маски, — подчеркнул Стелло.

Пурпурная маска присвистнула сквозь свои мертвые губы.

— Ах так, — сказала она. Ее мягкий голос напоминал шорох отполированной песком гальки и холодное дыхание кристаллов огромного высохшего моря. Даже слова древнего языка были как камни, истершиеся от употребления множеством народов за тысячелетия, и выражали разнообразнейшие чувства, от вспыльчивости ревливой любви до полного умиротворения глубокой старости.

Развевающаяся тень ждала. Стелло спросил себя, что она хочет от него. Может быть, она недовольна славой своего мира, достигшей Земли? Может быть, она считает его преступником? Может быть, вход через перламутровые врата сюда запрещен?

— Конечно, вы уже знаете, куда вам идти, — сказала маска, повернувшись к центру города. — Разумеется, у вас здесь есть друг, чужеземец?

— Я проделал долгий путь, — сказал Стелло, постепенно теряя самообладание. — Я голоден, хочу пить и, кроме того, я устал. Я принес с собой несколько предметов, которые ценятся в моей стране. Могу я их здесь продать?

Голубой камень переливался в свете одного из мерцающих фонарей. Стелло казалось, что по отлитым из металла губам скользнула усмешка.

— Я слышал о ваших обычаях, — сказала пурпурная маска, — но здесь они не приняты. Здесь вам не нужны деньги. Вы здесь в Городе Семи Врат, не забывайте об этом, чужеземец. Вашу просьбу выражает луна, врата и маска. Вы получите здесь то, что хотели найти.

— Вы можете провести меня через город? — спросил Стелло. — Мне нужен приют, — звуки древнего языка медленно срывались с его губ.

Бесчисленные переливающиеся накладки заметно поблекли, блеск голубого камня в центре металлической маски угас.

— Разве вы не заметили блеск моей маски? — спросила тень размеренным голосом, в котором Стелло уловил нотки печали.

— Прошу прощения, — не понял Стелло.

— Пожалуйста, — сказала тень. — Здесь вы можете каждого попросить провести вас через город. Я сожалею, что ничего не могу для вас сделать, потому что я ношу пурпурную маску.

Накладка перестала развеиваться, ее краски снова стали яркими.

— До свидания, — сказал Стелло и повернул к центру города.

— Подождите, — воскликнула тень, — откуда, вы сказали, вы прибыли?

— С Земли.

— Ах так, с Земли. Не были ли вы легкомысленны в выборе вашей маски? У вас еще есть время сменить ее. До свидания.

Снова Стелло остался один. Он задумчиво побрел дальше. Что значило это упоминание о масках? Он был рад, что так ловко выпутался из затруднительного положения. Но он непрерывно внушал себе, что находится в чужом городе, жители которого, вероятно, придают словам древнего языка иное значение, чем он сам. Обычаи и история этих существ не были его обычаями и историей, он ничего не знал о них, и они ничего не знали о нем. Для них далекий мир, Земля,

был лишь пустым звуком, так же как он видел в них до сих пор лишь одну только оболочку, блестящие предметы, которые в свете лун переливались множеством красок. Они же видели в нем только дикого зверя, который, должно быть, сбежал на эту песчаную планету из неизвестных джунглей. Может быть, между ним и жителями Города Семи Врат вообще не было ничего общего? Он не был, как они, рожден за этими вратами, не смотрел постоянно на пустыню, на красные песчаные бури и едва различимое огромное высохшее море, пламенеющее от жары далеко на западе, на эти слои микроскопической пыли, перемешанной с рассеянными повсюду острыми кристаллами.

Он вырос в несовершенном, суровом мире. Он осознал свою силу и твердость и в то же время чуждость чувств внешнему миру, свое варварство. Он были дикой скалой, бурным горным потоком, которым сверкающий мрамор и спокойные воды равнинной реки так же неведомы, как и гонимый ветром песок; человеком с Земли, одним из тех, кто нигде не задерживается, вечным странником.

Он провел в путешествиях всю свою жизнь. Ему нравилось шататься меж мирами, хотелось стать дразнящей легендой, пользоваться дурной славой, возбуждать любопытство, приветствовать порты величественным жестом прибывшего издалека путешественника. Да, такое общение с космосом доставляло ему удовольствие, даже тогда, когда он чуть не потерялся на Таре, и даже в те жуткие дни, которые он провел в одиночестве под низким небом, вляпавшись в мусоросборник, который оказался на его пути в звездный порт. Но здесь?

Здесь он чувствовал преграду, отделяющую его от этого мира, от его сущности. Это ощущение он не мог описать, не мог высказать, оно маячило перед его взором, словно размытая дымка.

Он поднял голову и посмотрел на семь лун в небе. Они образовали над планетой ореол света. Каждая луна испускала прозрачный луч, изливала сверкающие яркие краски. Над каждым вратами своя луна: рубиновая, серебристая, золотая, смарагдовая и еще одна, жемчуг...

Жемчужная луна... Бледная звезда, блеклый язычок пламени в ночи, зловеще прищуренный глаз.

Он отвел взгляд от лун и посмотрел на строения, которые заполняли город, и медленно побрел дальше. Внезапно он заметил, что попал в окружение громадин, которые высились перед ним как скалы среди волн, неистово вздымающихся вверх, покрытых клочьями взлетающей пены. Они были похожи на мыльные пузыри, лопающиеся от дуновения ветерка.

Он брел сквозь ряды деревьев, видел башни цитадели, через стеклянные купола которых семь застывших на темном небе лун казались размазанными. За окнами металась маски, призрачные накидки, словно летучие бабочки-однодневки, порхали по винтовым лестницам, то тут, то там раскрывались хрустальные чашечки странных растений-минералов.

Все выглядело нереальным. Ночь была прозрачной. Сверкали планета и луны на небе, сверкали семь врат, в звуках древнего языка слышался звон металла, тускло отливал жемчуг, застывшая и превратившаяся за много столетий в камень плоть... а он, Стелло, был безнадежно жив. Он чувствовал кровь, бьющуюся в его жилах, тепло и твердость мускулов под кожей. Он провел ладонью по огрубевшему от ветра и солнца лицу, на котором были следы долгих путешествий в космосе, и щетина едва заметной бороды, которая, повинувшись неудержимому течению жизни, значительно выросла под его пальцами.

Что скрывалось за этими масками? Холодное, идеальное совершенство? Формы из песка и грязи, на которых нежелательно было задерживаться постороннему взгляду? Кристаллы с острыми гранями? Тонкая шлифовка металла? Вращающиеся, цепляющиеся друг за друга шестеренки передаточных механизмов? Были ли это существа из плоти и крови или это только театральные роботы с чувствительными датчиками?

Или у них под маской было бесконечное количество других масок, запутывающих, чтобы невозможно было узнать истинное «Я» и заводящих в безвыходные тупики внутренних лабиринтов? Или маски были древним, давно уже потерявшим смысл атрибутом?

Он подумал о том, каким загадочным может быть лицо. Как горы на горизонте можно оставить позади только один раз, так и сами собой разумеющиеся формы и выражения лиц имели здесь совсем не тот смысл, что на Земле. Маски могли быть языком чувств.

Он спешил по улицам города, направляясь к центральной, еще не определенной цели, и наткнулся на большую группу переливающихся огней. Золотые маски, серебряные маски, ониксовые и смоляно-черные маски. Он встретил одинокую пурпурную маску. Маски могли или даже должны были быть знаками или символами, которые соответствовали определенному социальному или кастовому положению, причем контакты с некоторыми из них, по-видимому, были запрещены. Однако потом Стелло снова почувствовал сомнительность своей теории.

Перед ним внезапно открылась равнина; он не сразу осознал, что вышел из-под защиты толстых стен. Перед его глазами танцевали огни. Скоро он понял, что это отражение толпы; игра расцветок масок и кружение накидок, свет множества мерцающих фонарей. Огромное пустое пространство было всего лишь песчаной равниной с таким мелким песком, какого он еще никогда не видел. Это была не пыль, а мягчайший ковер, словно дно спокойного моря, безграничная даль, символ внезапно охватывающей тебя агорофобии. Он не мог себе представить, что какое-то существо сумело бы достичь другого конца этой равнины.

Он и не пытался этого сделать. Благоговейная, мирная тишина, нависшая над толпой, спокойное молчание, нарушаемое только шелестом развевающихся одежд.

Ярко-алая накидка вздулась, поднялась вверх и вспыхнула в центре песчаной арены; Стелло услышал согласное бормотание, обрывки древнего языка, к которому примешивалось что-то чуждое. Огни вспыхивали, взлетали вверх, тихо парили. Музыка звучала все громче и громче, огни танцевали в такт. На мгновение ему показалось, что серый песок является экраном, на котором внезапно вспыхивали огни, появлявшиеся из ничего. Но скоро он почувствовал, что жизнь была как в огнях, так и в звуках, наполняющих воздух над равниной, но он не обнаружил никаких музыкальных инструментов.

На мгновение вспыхнула бледным сиянием гладкая серебряная маска. Он тотчас же узнал ярко-алую накидку местного жителя и, хотя он не понимал смысла этого внутреннего языка, почувствовал, как что-то едва сдерживаемое поднялось в его душе. Ни произведения искусства Земли или других планет, ни живые существа никогда еще так сильно на него не действовали. Он задрожал, но не от страха и не от холода, хотя дул ветер, а от одиночества и непреодолимого ощущения своей чуждости этому месту. На земле этой планеты его внезапно охватило сознание несовершенства своего собственного существа.

Что-то коснулось его руки, но он не обратил на это внимания.

Песок, несмотря на свою хрупкость, вероятно, был чрезвычайно тяжелым, потому что местные жители не поднимали ни малейшего облачка песчинок. Во время танца песок должен был подниматься, впрочем, смотря по тому, что называть танцем. Это понятие казалось устаревшим, потому что танец на Земле являлся прикладным видом искусства. Можно назвать их движения пространственной игрой, хотя такое словесное образование выглядело немного странным, даже если его облечь в звуки древнего языка. Каким способом выражается то, что нельзя выговорить, нельзя нарисовать, нельзя вычеканить даже из самого податливого металла, нечто таинственное, что молниеносно поднималось из песка, а потом в пространственной игре снова падало вниз.

Он подошел ближе, накидки отпрянули от него. Он остановился на краю равнины, его сапог скользнул по песку и оставил четкий след, его глаза уставились на мечущиеся, размытые тени. Он надеялся увидеть за этими развевающимися накидками человеческое или какое-нибудь другое материальное тело. Но он ждал напрасно. Накидки казались языками пламени, кистью, которая танцевала на древнем холсте песка, оставляя мазки.

Эти контуры были словами. Да, в голову Стелло эта мысль пришла, когда он взглянул на луны и пучки света, рвущегося сквозь ночь. В этих следующих друг за другом фигурах скрывались язык, предло-

жения, строки стихотворения, может быть, заклинание. Все ждали знаков луны, движения врат, того, что упадет какая-нибудь маска или из песка вырастет необыкновенное растение этой минеральной, богатой кремнеземом планеты.

Внезапно, по простой аналогии, он понял смысл танцевальных движений: они напоминали волнения моря, водопада, реки. Они воплощали в себе океан; когда ударял мороз, они становились горами льда, а потом, преодолев неподвижность, снова превращались в девственную, гладкую поверхность спокойного моря, напоминая массу застывшего стекла.

Потом игра фигур прекратилась, и это означало смерть. Стелло, наконец, увидел, как маска, словно серебристая кожа, отделяется от лица и, как преждевременно умерший лист земного дерева, падает вниз. Прежде чем она коснулась песка, от нее остались только вялые жилки. Новая маска была бледной, тускло сверкающей жемчужной маской.

Стелло почувствовал смертельный страх, поднимающийся в нем. Носили ли они множество надетых друг на друга масок? Не могли ли они сбрасывать маски и менять лица, как деревья сбрасывают листву?

И снова прикосновение к его руке.

— Вы танцуете, чужеземец? — спросил мягкий голос.

— Нет, — ответил он, горло его пересохло, он обернулся.

Он увидел перед собой скромно украшенную маску из чистого золота, похожую на фантастический самородок, отшлифованный ветром и водой.

Накидка, казалось, взлетела вверх. Стелло услышал странный звук, похожий на рыдание, приглушенное маской.

— О, вы не танцуете, чужеземец! Пока еще нет, не теперь! Подумайте же! Ваша маска...

— Но я не ношу никакой маски, — сказал Стелло, с трудом контролируя свой голос и чувствуя гнев, поднимающийся в нем.

«Может быть, это заговор? — подумал он. — Может, они все намереваются ввести меня в заблуждение? Почему этот танцор не встает снова? Зачем эта неподвижность, эта тишина?» Он не отважился посмотреть на свою руку, потому что все еще чувствовал то прикосновение — краешек накидки на своем запястье.

Он отвел взгляд от золотой маски и увидел — или это был обман зрения? — как из одной из лун, бледной, жемчужной луны, вниз ударил луч и заскользил над равниной. Гнетущее молчание повисло над толпой, и неподвижность эту можно было сравнить только с бездонной морской глубиной. Непостижимо! Накидка и маска съежились и растворились в пыли. Стелло прищурил глаза, но не увидел больше ничего, кроме безбрежного моря песка.

Это было жутко. Он непроизвольно коснулся правой рукой пусто-

го пояса. Но тут же понял, что никакое оружие не сможет его спасти. При каком ритуале он только что присутствовал? Церемонии жертвоприношения?

— Вы можете меня проводить? — хрипло спросил он золотую маску. — Я здесь чужой. Я не знаю ваших обычаев. Я проделал долгое путешествие, хочу есть и пить. Я одинок. Но мой народ считает за честь приветствовать всех путешественников от западной части небосклона до восточной. Моя планета мирная, но могущественная, ценит любую помощь и оказывает ее другим.

Привычные фразы вежливости древнего языка, казалось, внезапно засверкали новыми красками. Хотя они уже тысячи раз произносились при других обстоятельствах и в других мирах, ему казалось, что эти слова, свежие и незатасканные, не произносимые в течение тысячелетий, были только что придуманы.

Но он не получил ожидаемого ответа. Золотая маска приблизилась к нему вплотную, он почувствовал легкое дыхание.

— Разве вы не заметили цвета моей маски?

Хотя голос был мягок и женственен, Стелло вздрогнул.

— Вам действительно нужен сопровождающий, чужеземец? Вам недостаточно луны и маски? Смените маску, пока еще не поздно.

Стелло усмехнулся.

— Я не знаю, какое значение вы придаете этим маскам, мое лицо открыто. С этой «маской» я родился, с ней я и умру, как и все люди моего народа.

— Действительно, чужеземец, — сказала маска скептическим тоном, в котором Стелло уловил нотки печали.

— Прошу вас, уйдем отсюда, — сказал он. — Я не знаю, почему, но меня угнетает это место.

— Как вам угодно.

Они пошли по тихим улицам, отливающим то золотым, то белым, словно две луны на небе оспаривали право освещать им путь.

— Не поймите меня дурно, если я признаюсь, что ничего не знаю об этом мире, — начал Стелло. — Я не могу различать ваши маски. Указывают ли они на различия вашего положения, являются ли украшением, а может быть, они служат вам лицами?..

— Вы не знаете этого, чужеземец? — спросил голос. — Вы, должны быть, прибыли издалека. Ваш род, наверное, слишком юн. Потому что, насколько мне известно, эти маски старше нас, старше даже древнего языка, на котором вы так своеобразно говорите.

— Я учил его на Земле, — сказал Стелло. — Я говорил на нем в космосе от Альтаира до Веги, при помощи него связывался с другими кораблями, ругался в космопортах Ульсинора давно забытыми ругательствами. К нему примешалось множество наречий. Я говорю на нем вполне прилично, потому что принадлежу хотя и к молодому, но

уже испорченному роду, который вторгся с Земли во Вселенную чаще хозяином, чем рабом, и всегда в поисках власти. Но оставим это, эти старые, выцветшие гимны еще не добрались сюда.

Накидка беспокойно зашевелилась.

— Я не понимаю, чужеземец. Ваши слова полны горечи. Забудем все, потому что здесь Планета Семи Лун, здесь Город Семи Врат, а мы Народ с Семейю Масками. Но как могло случиться, что ваш народ с самого рождения носит только одну маску этого цвета?

— Да, это так, — ответил Стелло. — Вам это чем-то мешает? Мы здесь парии?

Он мельком подумал о расах Земли, о желтой, как золото, и черной, как эбеновое дерево. Разница между ними была ничтожна, и обе эти расы превосходили белую в выражении радости или глубокой печали. Он вспомнил, что с возрастом они постепенно седеют и краски покидают их лица; даже самые черные и желтые среди них все больше и больше становятся похожими на белого человека.

Однако он ничего не сказал.

— Нет, нет, — ответил голос на его вопрос. — Вы не должны так думать. Я вижу, что вы не знаете наших обычаев. Но почему вы выбрали такой мерцающий жемчуг?

Стелло принужденно усмехнулся.

— Этот выбор сделал не я.

— Разве это возможно? — задумчиво спросил голос. — Разве может весь род решиться на смерть? Зачем же вся жажда борьбы и это чудовищное отчаяние, которое гонит вас от бездны к бездне?

— Я не понимаю.

— Вы не понимаете? Ваш дух настолько инертен, или вы так захвачены танцем? Вы не заметили, о чем мстят здесь ветер? «Смени свое лицо! Смени свое лицо!»

У Стелло по спине побежали мурашки. Он задумался над тем, что только что сказала ему фигура. Внезапно увидел свое лицо другими глазами. До сих пор оно служило ему удобной защитой, за которой он прятался, или экраном, отражающим весь его внутренний мир: и радость, и страх, и боль, и удивление. От своего лица он не мог отделиться, никогда не хотел отделяться, даже во сне. Теперь он имел дело с народом без лиц, который сам отказался от лиц из плоти и скрывает образовавшуюся пустоту за металлическими масками. Он подумал о существах, которые не отличаются друг от друга ничем, даже внешней оболочкой.

Эта мысль была ужасна! Он ощупал кожу на своем лице и почувствовал ее, теплую и живую, на лбу, щеках и подбородке, под своими жесткими пальцами. Он погладил крылья носа.

«Мое лицо — маска? — подумал он. — Нет уж!»

— Я знаю, — сказал он наконец. — Я думаю, здесь скрывается великая тайна, и, может быть, я прибыл на эту планету именно для

того, чтобы разгадать ее. Не мучайте меня! Между этими лунами, вратами и масками должна быть какая-то связь, но здесь отсутствует последнее связующее звено.

Маска усмехнулась с присвистом.

— Вы, можете быть, и правы, но я не могу вам больше ничем помочь. Я прошла через золотые врата, поэтому я ношу эту маску, а до этого я танцевала, и луна послала мне особого спутника!

— Прощу прощения, — сказал Стелло.

— Ладно, ладно, но вы не можете носить другую маску, так ведь?

Наступило молчание.

— Я не знаю. Я ничего не понимаю, — угнетенно ответил Стелло.

— Вы ее выбрали случайно? Не отдавая себе отчета?

Голос казался удивленным и в то же время печальным.

«Может, это женщина?» — спросил себя Стелло. Им двигало не только любопытство. Он сталкивался с разными цивилизациями на разных мирах, он останавливался тут и там, если это было возможно. Когда контакты между людьми и некоторыми из фантастических существ, родившимися под другими небесами, не приводили к смерти, это доставляло ему радость. Хотя их мягкая прозрачная пергаментная кожа излучала чудовищный холод, они были прекрасны, женщины с Альтаира. О тех, которые с Алгола и которых только с трудом можно было назвать человеческими существами, он не думал. Но, однако, держа их в своих руках, он задавал себе решающий вопрос: существует ли абсолютная красота, которая признается всеми и всюду, или эта красота живет только в нашем воображении и рождается нашими чувствами и мыслями?

Работы философов о трансцендентности и исследования поведения, проведенные психологами, тоже не дают ответа на этот вопрос, потому что любая красота, ее возникновение и открытие чисто случайны. Случай относителен, только побочные проявления абсолютны, и нельзя также утверждать, что событие можно описать, прежде чем оно произойдет. Этого не может даже сам великий автор Великой Книги Мира.

«Это женщина?» — спросил себя Стелло.

Голос раздражал его, так же как накидка и маска. Была ли под складками этой накидки плоть, которую он мог ощутить под руками, а под маской губы, которые он мог поцеловать и сунуть между ними свой язык? Но были ли губы и плоть так важны, было ли знание тайны таким же привлекательным, как и процесс ее разгадывания?

— Семь лун наблюдают за нами, — продолжил голос. — Согласно древнему соглашению, написанному на древнем языке, они исполняют каждое наше желание. Маска и соответствующий танец — больше нам ничего не надо.

— Я знаю, — сказал Стелло, погружившись в мысли; он почувствовал, что давление накидки на его руку усилилось.

Была ли это женщина или по крайней мере существо женского пола? Как эти существа думают: анализируют, суммируют, выражают мысли?

В каждом из миров этот вопрос встает вновь и вновь, эта проблема требует своего специфического решения. Здесь было нечто большее, чем просто проблема, это было мучение.

— Каждая маска — воплощение просьбы, — сказал голос. — Пурпурная маска просит одиночества и мира. Смарагдовая маска жаждет знаний. Золотая маска требует любви. А жемчужная маска...

Голос четко артикулировал слова, словно читал лекцию маленькому ребенку. Стелло воистину был маленьким ребенком.

— Молчи! — воскликнул Стелло, полный страха.

Ему показалось, что он понял, но может ли он убежать от своей маски? Была ли возможность бегства и какое-нибудь убежище, в которое он сможет отвести эту тень, снять с нее маску и увидеть ее настоящее лицо?

— Сними ее, — прошептал голос, — сними ее, пока еще можно!

Как мне ей объяснить?

Стелло поколебался, потом до него дошло глубокое напряжение и неподдельное сочувствие этого голоса.

Луны висели в небе, и хрупкие башни дворцов мерцали в свете огней.

Они подошли к одному из фонтанов, которыми была украшена площадь. Неожиданно из него поднялось водяное растение. Пульсируя, словно сердце, оно вдруг взорвалось, как погасшая раньше времени звезда.

— Какое странное и древнее проклятие, — сказал голос. — Сними свою маску, сними свою маску.

Он покачал головой. Ему показалось, что жемчужная луна невероятно увеличилась и потянулась к нему тонкими жаждущими губами, которые хотели схватить и проглотить его.

Он оглянулся и беспомощно побежал по улице покинутого города, бледный луч догнал его. Он посмотрел на небо и увидел неподвижное созвездие.

Жуткое спокойствие захлестнуло его. Накидка сбоку от него раскачивалась взад-вперед.

— Нет, — сказал голос, — нет, — и по ноткам отчаяния он понял, что этот голос может принадлежать только женщине.

Охваченный видом водяных капель, отражающих краски семи лун, шелестом бархата и треском разрываемого шелка, он закрыл глаза и почувствовал, как материя накидки скользит по его щеке. Больше уже он ничего не чувствовал.

Руки?

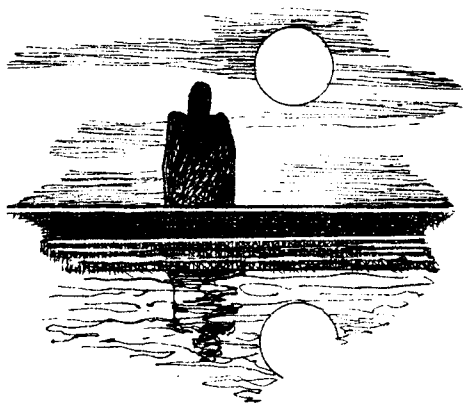
Что-то легло на его лицо.

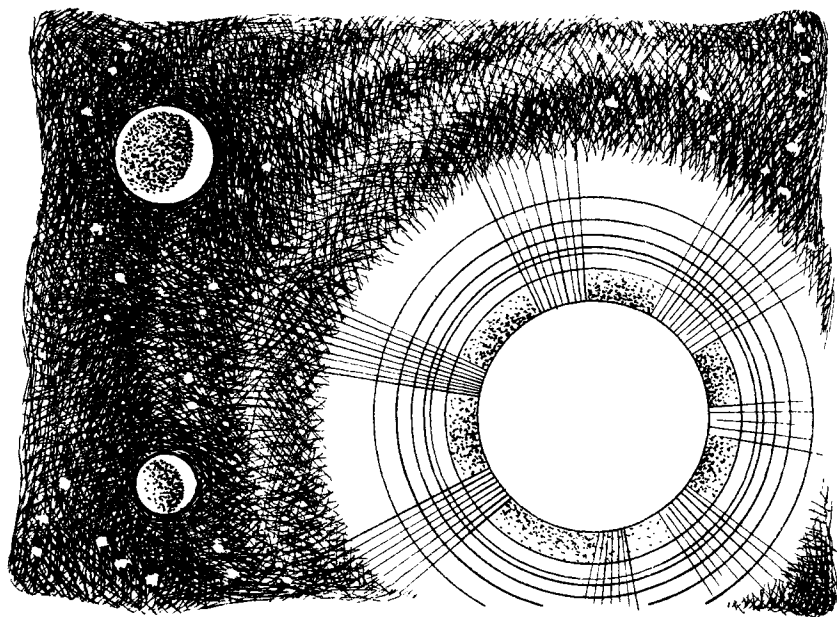
— Это должно быть, — заботливо сказал голос. — Это должно быть!

Руки нежно скользнули по его лицу, словно что-то ища. Внезапно он вскрикнул; что-то отделилось от него, скользнуло над его щеками, носом, лбом и глазами и упало с сухим шорохом, словно шаги по древней пыли. И он почувствовал на своем лице свежесть ночи.

Фонтан изливался в бассейн. На его краю, в спокойной воде, он мог бы увидеть свое отражение.

Но он не осмелился открыть глаза.

Кларк Дарлтон

ГРИНУОЛД — ЗАБЫТАЯ ПЛАНЕТА

В первые столетия после основания Солнечной Империи снова и снова происходили неожиданные катастрофы, по большей части оставшиеся неизвестными общественности. В это время обустройства и колонизации чужих и вновь открытых миров даже оснащенная новейшими средствами электроники и позитроники централь в Террании часто теряла связь с колониями и контроль над ними.

Бывало и так, что подходящие миры колонизировались, но потом о них забывали. Их названия и координаты хранились в блоках памяти в Террании, но пока не возникало настоятельной необходимости извлечь их, о них не вспоминали.

Одним из таких миров была планета звезды, находящейся на расстоянии 3400 световых лет от Солнца. Когда в начале двадцать первого столетия эта планета была заселена, решено было превратить ее в рай. Поселенцы получили необходимое снаряжение, а сами колонисты были подобраны при помощи компьютера. Там были представле-

ны все слои населения Земли: от простых рабочих и крестьян до высококвалифицированных ученых. Все должно было быть в полном порядке.

Спустя пятьдесят лет один из служащих позитроники управления мирами в Террании нажал не на тот рычажок, а позже никто не мог установить, был ли это акт саботажа, случайность или просто ошибка. Когда эта ошибка была обнаружена, виноватого уже не было в живых.

Вероятно, это происшествие, державшееся в тайне, вообще бы никто не обнаружил, если бы исследовательский корабль ЭКС-1972 под командованием майора Брюгнера не попал бы в магнитный шторм в световом годе от Зета Альфы и не потерпел бы катастрофу.

Этим, спустя двести пятьдесят лет после заселения третьей планеты, названной Гринуолдом, началась почти невероятная история «Забитой Системы».

Это рассказ о пионерских днях Солнечной Империи.

Это также предупреждение, которое касается каждого, кто не хочет прислушиваться к опыту прошлого или переоценивает возможности техники будущего...

1

Первый офицер ЭКС-1972, капитан Пьер Дюрок, пятидесяти лет, из которых двадцать служил в исследовательском флоте Солнечной Империи, сначала заметил — что-то не в порядке. Когда он попытался установить обычную связь с ближайшей станцией гиперсвязи, он не получил подтверждения.

Он повторил запрос. Результат был тот же. Даже в новейшей и сложнейшей аппаратуре могли быть дефекты, утешил он себя и по тревоге вызвал специалистов, не проинформировав об этом командира корабля, который, честно говоря, заслужил право на отдых. Рабочая группа получила задание найти повреждение. До Земли было около 3400 световых лет.

Шарообразный корабль диаметром в сто метров совершал исследовательский полет в знакомом секторе Млечного Пути. Большинство звезд было уже каталогизировано и нанесено на звездные карты, но по большей части о них не было подробных данных. Подобные исследования еще только начинались.

Специалисты вернулись в командную централь и сообщили капитану Дюроку, что аппаратура гиперсвязи в полном порядке. Они не смогли найти повреждения, потому что там не было никаких дефектов.

— А приемник? Может быть, наше сообщение слышали и дали подтверждение, но мы не приняли его?

— Приемник тоже в полном порядке, — заверил его шеф рабочей группы. — Технически он исправен, хотя не издает ни звука.

— Разве это возможно? — капитан Дюрок покачал головой и задумчиво посмотрел на кнопку над маленьким экранчиком интеркома. Одно нажатие — и он свяжется с майором Брюгнером, командиром корабля. — Никакого дефекта, и, несмотря на это, аппаратура не работает? И все же никаких неисправностей там нет!

— Нет, кое-что есть. В корабле все в порядке, но, может быть, дефект находится ВНЕ корабля? Я имею в виду в космосе.

Капитан бросил на шефа группы взгляд, в котором отразились все его сомнения.

— В космосе? Что там может быть не в порядке? — он указал на контрольный экран. — Звезды и далекие галактики, никаких систем поблизости от нас. Ну, хорошо, есть некоторые неравномерности в излучении, замеченные приборами, но это не имеет значения...

— Силовые поля?

— Что-то подобное. Почему вы спрашиваете?

— Энергетические поля влияют на радиосвязь, сэр. Может случиться кое-что и похуже, к примеру, выйти из строя двигатель.

Дюрок энергично махнул рукой.

— Когда я получил последнее сообщение, отклонения в параметрах были исчезающе малы. Это же была почти норма.

Шеф группы специалистов пожал плечами.

— Ваше дело, шеф. Во всяком случае аппаратура в порядке. Я советую вам проводить проверку через равные промежутки времени. Может быть, будет лучше вообще покинуть этот сектор.

Когда люди вышли из командной централи, Дюрок связался с майором Брюгнером и доложил ему обо всем. Командир не казался особенно обеспокоенным, но через несколько минут появился в централи.

Дюрок снова обратил все свое внимание на показания приборов и испугался, когда одновременно вспыхнули сразу несколько красных лампочек.

Регенерация воздуха выходит из строя!

Охлаждение тоже барахлит!

Энергия вырабатывается с перебоями!

Досветовой двигатель отказал!

В первое мгновение у Дюрока появилась надежда, что отказали лишь приборы контроля. Но, проверив все во второй раз, он убедился в обратном.

На корабле творилась дьяволищина!

ЭКС-1972 двигался на досветовой скорости ко все еще далекой звезде, обозначенной на звездных картах как Зета Альфы и о которой не было подробных данных. До звезды отсюда был неполный световой год.

Майор Брюгнер вошел в командную централь.

Ему было лет шестьдесят, и он был очень опытным командиром. Выход из строя позитронных приборов ему совсем не нравился. Особенно его беспокоила система воздухообеспечения.

В течение нескольких минут он проверил все. Короткие переговоры с людьми из научных отделов, которые были на каждом исследовательском корабле, прояснили ситуацию. Когда он повернулся к Дюроку, лицо его было серьезным.

— Все это выглядит чертовски скверно, капитан. Если я не ошибаюсь, это магнитный шторм. Если он продлится пару часов, мы выдержим и с нами ничего не произойдет, но если он будет бушевать дольше...

— Тогда нам нужно как можно быстрее убраться отсюда.

Командир почти с сожалением улыбнулся:

— Я думаю, вы еще никогда не попадали в такой космический шторм. Как вы думаете, почему почти все электронные и позитронные приборы вышли из строя? Потому что мощное магнитное поле, в которое мы попали, поглощает энергию! Так что линейный двигатель тоже вышел из строя. Мы должны быть довольны, если мы полетим дальше по инерции и покинем зону шторма. На это могут потребоваться дни или даже недели. Что нас и может погубить.

— Мы не можем маневрировать?

— Можно сказать и так.

Дюрок погрузился в размышления. До его сознания еще не дошла вся серьезность сложившегося положения, потому что внешне корабль был в полном порядке. Он все еще летел со скоростью двести пятьдесят тысяч километров в секунду, и прямо перед его носом ярко сияла обычная звезда. Они достигнут ее чуть больше, чем за год.

Но только в качестве гроба, забитого мертвецами.

— Капитан, оставьте свои пессимистичные мысли, — предупредил Брюгнер. — Я уже говорил, что шторм может закончиться сравнительно быстро или мы выйдем из него. Потом приборы снова будут функционировать как ни в чем не бывало. Централь связи должна быть все время на приеме. Как только будут приняты первые сигналы, мы установим постоянную связь. А пока нам нечего делать, отдохните. Если вы мне понадобится, я найду вас в каюте.

Так что первый офицер удивил своих подчиненных, отправившись на отдых. Но сам он был отнюдь не спокоен. Конечно, он не в первый раз находился в исследовательском полете, но он никогда еще не попадал в магнитный шторм.

Войдя в свою каюту, он остановился в дверях и уставился на постель. На ней сидело существо метрового роста, покрытое мехом, с карими глазами, и с видимым удовольствием смотрело на него. Хихикнув, оно сказала:

— Теперь, будь любезен, закрой рот. Ты что, никогда в своей жизни не видел илта?

Дюрок закрыл рот и дверь.

— Дружище Гукки, я же почти о тебе забыл!

То, что именно Гукки был пассажиром ЭКС-1972, можно объяснить чистой случайностью. Довольно рутинное задание привело его в этот сектор Галактики, и так как не было никакого другого корабля, майор Брюгнер должен был доставить мышебобра на станцию ОЗО.*

Вопреки своим обычным привычкам Гукки большей частью находился в своей каюте, не общаясь с экипажем исследовательского корабля. И все же он знал его, потому что большую часть времени он лежал на своей постели и воспринимал, а точнее сказать, читал мысли отдельных членов экипажа, проводя так свое свободное время.

Для телепортации у него было мало возможностей, телекинетическими же способностями здесь воспользоваться было довольно трудно.

Дюрок сел за стол.

— Ты, конечно, уже все знаешь?

— Разумеется. Ты довольно интенсивно думал об этом. Впрочем, командир сказал еще не все, на самом деле его опасения намного сильнее, потому что мы приближаемся к полю космических обломков. А мы не можем управлять кораблем.

— Полю обломков?

— Да, области, заполненной обломками взорвавшейся звездной системы. Если мы пройдем через нее без навигационных приборов целыми и невредимыми, нам крупно повезет.

— И почему ты мне ничего не сказал об этом? В конце концов я же первый офицер и ...

— Потому что ты все равно ничего не сможешь изменить, а командир хочет иметь возле себя людей с крепкими нервами. Я сообщил тебе об этом только потому, что мне довольно дорога моя шкура. У меня нет никакого желания взлететь на воздух вместе с этой скорлупкой. Если бы ты мог читать мысли Брюгнера, они показались бы тебе довольно тухлыми.

— А что я должен сделать, чтобы спасти нас?

— Ну, именно это я и хотел спросить у ТЕБЯ! Я подумал о спасательном боте. Насколько я знаю, у него есть система жизнеобеспечения и даже линейный двигатель ограниченного радиуса действия.

— Пара световых лет, и все.

— Этого достаточно. Если действительно произойдет несчастие и нас протаранит один из обломков, нас будут искать. Планирующий контроль знает, где находится корабль и кто на его борту. Пошлют

* Объединенная Звездная Организация (Звездный Союз).

спасательную экспедицию. Мы будем находиться поблизости в спасательном боте, и нас выловят.

Дюрок покачал головой.

— Ты просто не представляешь себе...

Загудел интерком.

— Капитан, — серьезным голосом произнес майор Брюгнер, — к сожалению, я должен вас побеспокоить. Вернитесь в централь.

Дюрок поднялся.

— В любом случае я поговорю об этом с Брюгнером, Гукки. Обратимся к Шлюмпфу, он надежен и может тебе помочь. Объясни ему твой план. Как квартирмейстер и офицер снабжения он, кроме того, отвечает и за спасательные боты.

Не ожидая ответа, он покинул каюту и исчез в ближайшем антигравитационном лифте. Секундой позже он с ничего не выражающим лицом вышел из него и направился к ближайшей аварийной лестнице.

Гукки начал разыскивать лейтенанта Шлюмпфа.

— Не порите чушь, — сказала биолог Карин Форстер и слегка отвернулась от Шлюмпфа, который, казалось, не знал, куда ему девать руки. — Я думала, мы сыграем партию в шахматы.

— Это мы всегда успеем сделать, — успокоил ее Шлюмпф, придвигаясь к ней. Они сидели в каюте биолога за столом, на котором стоял антигравитационный куб с трехмерными шахматами. Собственно, они должны были сидеть друг против друга, но Шлюмпфу удалось изменить позицию в свою пользу. — Не проводите ли вы меня в малую кают-компанию?

— Нет, если вы и дальше будете вести себя так же нахально, лейтенант. Уберите руки!

— Я же просто хотел показать пальцем, вы, недотрога. У вас, должно быть, скверный опыт в подобных делах.

— Конечно, я знаю вас уже достаточно давно.

Карин Форстер было двадцать восемь лет, и она в качестве ученого оказалась на борту исследовательского корабля только потому, что ее отец был влиятельной фигурой в одном из отделов биологической станции на Земле и занимал там ответственный пост. Ее без преувеличения можно было назвать очень миловидной, и лейтенант Шлюмпф, казалось, давно уже это заметил. Во всяком случае он использовал каждую свободную минуту, чтобы побыть с ней, но до сих пор ему не удавалось пробить броню ее защиты.

Ну, ладно, шахматы. Иногда совместная выпивка в кают-компании или посещение бортового кинозала. И все.

Он слегка разочарованно нажал на кнопку управления со своей стороны. Его фигура должна была прыгнуть на поле противника и скользнуть с третьей ступени на четвертую. С явным удивлением он

обнаружил, что она не двинулась с места и неподвижно застыла в старом кубе.

— Этой фигуре конец, — твердо сказал он.

— Нет, совсем не конец, — ответила Карин и отодвинула его в сторону. — Вам нужно только нажать на нужную кнопку.

Она нажала на другую кнопку, но фигура осталась на старом месте.

— Я ничего не понимаю, лейтенант, Разве вы не манипулировали ею, чтобы использовать возможности и...

— Честное слово, нет, Карин! — у Шлюмпфа на самом деле совесть была чиста. — Я сам не понимаю...

— А я понимаю! — раздался позади них высокий голос. Оба они вздрогнули, словно их застали за чем-то неприличным, повернулись и увидели Гукки, который без предупреждения телепортировался в каюту. — Я вам это сейчас объясню.

Он так же довольно хорошо знал Шлюмпфа и Карин Форстер, потому что они оба дружили с Дюроком. Тайные желания лейтенанта в отношении биолога не мешали ему, напротив, он использовал любую возможность, чтобы подразнить их. В конце концов они уже больше недели были вместе на корабле.

— Ты не особенно тактичен, — упрекнула его Карин и указала на шахматный куб. — А что с этим?

— Разве вы еще не заметили, что подача воздуха переключена на резерв? Приборы воздухоочистки вышли из строя и некоторые другие агрегаты тоже. Шахматы именно такой...

Он сообщил то, о чем знал и что понимал:

— Нам нужен спасательный бот. Я не знаю, разделяет ли командир наше мнение, но меня это мало заботит. Если корабль войдет в поле обломков, это может привести к неприятностям — банг! Если мы будем находиться в боте, мы спасемся. Дюрок думает — и я тоже, — что мы должны взять бот, пока не будет слишком поздно. Конечно, мы предупредим и других членов экипажа.

— Разразится паника, — предупредил Шлюмпф. — Это невозможно.

Гукки кивнул.

— Очень порядочное соображение, Шлюмпф, но нереалистичное. Мы же не хотим рвать когти, просто мы хотим иметь шанс на случай, если что-то произойдет. Ну как? Ты позаботишься о боте? И засунь в холодильник пару больших контейнеров с овощами, чтобы мы не умерли с голода.

— Все боты снаряжены как полагается, — с отсутствующим видом заметил Шлюмпф. Казалось, он уже мысленно спустился в ангар и ищет там лучший бот. — Мы можем забраться в любой из них и стартовать.

— Это будет невежливо и, кроме того, бессмысленно. Двигатель

не работает. Мы полетим в том же направлении, в каком летит корабль.

— Позже это может произойти и с нами, Гукки, — Шлюмпф посмотрел на мышобобра. — Экипаж пока еще ничего не знает?

— Нет, пока не знает, но может узнать в любое мгновение.

Едва он это произнес, как щелкнул интерком. Работающий на батарейках прибор все еще функционировал. Командир, майор Брюгнер, в нескольких словах сообщил, что ЭКС-1972 попал в область мощного электромагнитного поля и временно потерял способность маневрировать. Нет никаких оснований для беспокойства. О поле обломков, к которому они приближались, ничего не сообщалось.

— Но, может быть, ничего и нет, — сказал Шлюмпф, когда лицо командира исчезло с экрана. — Возможно, ты все видишь в черном свете, Гукки?

— Вовсе нет. Я же могу читать мысли.

Шлюмпф об этом знал. Он пообещал позаботиться о спасательном боте и подготовить все к возможному бегству, если оно будет необходимо. Однако он указал, что если первый офицер согласен с этими предварительными мероприятиями, командир тоже может согласиться с ними.

Он взял с собой Карин Форстер и отослал Гукки обратно в его каюту.

Поле обломков было хорошо видно невооруженным глазом и казалось не особенно плотным. При достаточном везении ЭКС-1972 мог пересечь его, не столкнувшись ни с одним из астероидов и даже не приблизившись к нему. В данное мгновение нельзя было рассчитать нужного курса, потому что необходимые приборы и инструменты вышли из строя.

Незадолго до того, как корабль вошел в опасную зону, майор Брюгнер решил предупредить экипаж и подготовить его к возможной аварийной ситуации. До самого последнего мгновения он надеялся, что по крайней мере аварийный двигатель будет функционировать, но надежды его не оправдались. Первые обломки пролетели на некотором расстоянии от корабля, не задев его. Они не представляли непосредственной опасности.

Дюрок встретил остальных возле ангара.

— Вы можете не беспокоиться, — сообщил он. — Брюгнер не имеет ничего против нашей осторожности. Сам он остается в командной централи, что бы ни произошло. Даже если нам придется экстренно покинуть корабль, он потом вернется, чтобы отыскать нас.

— Экстренно? — недоверчиво осведомился Шлюмпф. — Что это значит?

— Брюгнер предупредит нас, если рой осколков станет гуще и вероятность столкновения возрастет.

На ЭКС-1972 было восемь спасательных ботов, каждый из которых был рассчитан минимум на десять человек.

Гукки читал мысли.

— Командир только что приказал экипажу покинуть корабль, — внезапно озабоченно произнес он. — Расстояние между астероидами становится все меньше и меньше. Мы держим курс прямо в центр этого роя.

Дюрок кивнул Шлюмпфу и Карин.

— Идемте, друзья, у нас больше нет времени. Теперь нас могут спасти только химические двигатели и рулевые джозы спасательного бота. При их помощи мы можем маневрировать и тормозить. Три человека из экипажа присоединятся к нам. Они уже ждут.

В шлюзе ангара они надели скафандры и увидели, что все боты уже заняты. В самом ангаре воздуха уже не было и внешние люки уже были открыты. Готовые к старту боты стояли на направляющих, ведущих наружу, в бесконечность космоса.

Каждый, казалось, ожидал катастрофы.

В это время командир корабля майор Брюгнер в одиночестве сидел в центре управления, беспомощно уставившись на все еще функционирующий панорамный экран, на котором было видно окружающее корабль пространство. Он не понимал, почему из строя вышла только часть аппаратуры, а не вся она целиком. Далеко впереди он видел светящийся центр этого огромного поля обломков. ЭКС-1972 мчался прямо к нему.

Осталось по крайней мере еще десять минут. Может быть, корабль пройдет сквозь облако, не столкнувшись ни с одним из обломков, но у маленьких ботов шансы на это были несравненно большими, чем у огромного корабля.

Он включил интерком.

— Командир корабля всему экипажу: немедленно покинуть корабль! Попытайтесь маневрировать в облаке, я буду ждать вас на другой стороне. Всего хорошего! Конец связи!

Приемники скафандров приняли приказ, но между отдельными членами экипажа в этих скафандрах связи не было. Нужно было прикладывать шлемы друг к другу, чтобы общаться между собой. Только Гукки мог обойтись без этого. Кроме того, сразу же после старта они могли открыть шлемы.

Дюрок сидел за пультом управления.

— Еще десять минут! — сообщил ему Гукки. — Внимание!

Их было семеро в десятиметровом корабле, где пять метров занимали двигатель и аппаратура. Кроме них здесь были профессор Владимир Боговский, космолог и физик, техник Маркус Рондини и старший радист Дорель Керст.

Они стартовали четвертыми и при автоматическом старте получили значительное ускорение, в результате чего стали быстро удаляться

от летящего прежним курсом ЭКС-1972. Их боковое ускорение оставалось постоянным. Дюрок должен был изменить курс таким образом, чтобы они носом вперед устремились сквозь облако обломков, в случае необходимости уклоняясь от обломков при помощи рулевых и тормозных дюз.

Через несколько минут они потеряли визуальный контакт с другими ботами, хотя корабль был виден еще долго, но и он в конце концов исчез среди светящихся точек — обломков облака.

— Как вы оцениваете наши шансы, профессор? — спросил лейтенант Шлюмпф у Боговского.

Тот спокойно ответил:

— Высоко, иначе я остался бы на корабле. Теперь нам остается только надеяться, что командир поведет так же, как и нам.

— Как велика может быть область влияния шторма?

— Не имею никакого представления, это едва ли можно оценить. Он может захватить несколько световых лет, а может быть и относительно небольшим. Важнейшими факторами являются его скорость и направление движения. От этого зависит, когда мы покинем его зону. Теперь не будем мешать капитану. Ему достаточно трудно...

Так это и было.

Дюрок был очень рад, что техник Маркус Рондини был с ними, потому что он мог оказать неоценимую помощь, как только снова придется включать двигатели. Кроме того, Рондини упорно изучал астронавигацию.

— Примерно еще минут пять, — сказал он, бросив взгляд в широкое смотровое окно. Бот точно выдерживал курс, и тормозные дюзы работали безукоризненно. Скорость теперь составляла только одну треть световой. — Мы сможем своевременно уклониться, если перед нами внезапно возникнет препятствие?

— Смотря по тому, насколько быстро я его обнаружу.

— У меня хорошие глаза, и я своевременно предупрежу вас.

— Спасибо.

Гукки молчал. Он сидел в тесном помещении вместе с остальными, обнаружив, что никто не ударился в панику. Каждый был полон уверенности и надежды и был рад, что командир исследовательского корабля приказал им покинуть корабль.

— Там, впереди, большой обломок! Отклониться вправо!

Дюрок тотчас же заметил препятствие. Он медленно отклонил нос маленького цилиндрического бота, и чуть позже бесформенный, голый и безжизненный обломок камня проплыл мимо них. Он был около пятидесяти километров в диаметре.

— Он был очень близко, — заметила Дорель Керст.

— Но он безопасен, потому что огромен, и мы своевременно заметили его, — произнес Шлюмпф. — Много опаснее маленькие обломки. Их замечаешь только тогда, когда уже слишком поздно.

Гукки при помощи внутренней рации все время пытался связаться с другими спасательными ботами, но динамик молчал. Не было даже слышно обычного треска статических разрядов.

Постепенно ему стало ясно, что все они оказались в отчаянном положении и что их шансы на спасение очень малы, если основной корабль не пройдет через облако и не подберет их. Конечно, планирующий контроль заметит их отсутствие и вышлет поисковую экспедицию, но когда их найдут, может быть уже слишком поздно. Запас продуктов в спасательном боте рассчитан примерно на месяц. То же с водой и воздухом, если им не удастся пустить в действие соответствующую аппаратуру.

Пьер Дюрок искусно уклонился от скопления обломков, появившихся перед ними. Пока нос корабля отклонялся, он закрыл ослепленные глаза, по которым полоснула внезапная вспышка. Когда он снова открыл их, слева скользило все еще раскаленное газовое облако, оставшееся после атомного взрыва.

— Что это было? — испуганно воскликнула Карин Форстер, догадываясь, каким будет ответ.

— Может быть, один из наших спасательных ботов, — произнес Рондини.

— Нет, тогда взрыв не был бы так силен. — Спокойствие и выдержка Боговского были удивительны. — Это может быть только наш корабль. Итак, майору Брюгнеру не удалось пройти сквозь облако.

Они молчали, потому что каждый знал, что у них больше не было никакой другой возможности спастись. Корабль столкнулся с огромным обломком и был распылен на атомные частицы. Шансы на спасение почти полностью исчезли. Только когда они выйдут из области космического шторма, они смогут направиться к ближайшей звезде, если до тех пор не установят радиокontakt с одним из кораблей Солнечной Империи.

В течение следующих двух часов они наблюдали еще три взрыва, которые, однако, были значительно слабее первого. Потом они пересекли облако обломков, и перед ними снова было свободное пространство. Дюрок скорректировал курс таким образом, что нос их корабля был направлен точно на желтую звезду, которая называлась Зета Альфы.

Скорость их составляла восемьдесят тысяч километров в секунду, и, чтобы достичь Альфы, им потребуется четыре года. Нужно избежать малейшей потери энергии, пока они не выйдут из зоны шторма.

Мужчины с особым вниманием относились к женщинам их экипажа и пытались скрыть от них действительное положение вещей. Гукки, немного повозившись, сказал:

— Господа, вы совершенно неправы, если считаете, что наших женщин нужно щадить. Теперь обсудим, как нам выпутаться из всего этого. Нет никакого смысла держать кого-либо из нас в неведении и,

уж конечно, не женщин, потому что они только в ваших глазах являются слабым полом. При этом нервы у них обоих гораздо крепче, чем у вас всех, за исключением, может быть, вас, Боговский. Но у него же вместо нервов корабельные канаты. Итак, Дюрок, каково наше положение? Как НА САМОМ ДЕЛЕ обстоят дела? Объясните, пожалуйста, дамам.

Дорель Керст слегка пригладила прядь волос, высунувшуюся из-под воротника скафандра.

— Спасибо, Гукки, у тебя больше здравого смысла и ощущения реальности, чем у наших мужчин.

Маркус Рондини откашлялся.

Гукки украдкой хихикнул.

— Теперь он еще и ревнует, маленький Цезарь!

Дюрок повернул кресло пилота так, что оказался спиной к пульту управления.

— Гукки абсолютно прав. Мало смысла тешить друг друга иллюзиями. У нас есть только один-единственный шанс: мы должны как можно быстрее выйти из области космического шторма, тогда мы сможем провести точную пеленгацию и в линейном пространстве направиться к Зете Альфы. Неясно, сможем ли мы обнаружить другие спасательные боты, даже если они не все погибли. Однако, если шторм продлится больше четырех-пяти недель, мы потеряем всякую надежду на спасение, — он тяжело вздохнул. — Такие вот дела! Именно так, а не иначе! Но, может быть, у кого-нибудь есть какие-то идеи? Я слушаю.

Боговский слегка нагнуллся вперед.

— Никаких идей, но есть крохотная надежда. Согласно наблюдениям, магнитные штормы в большинстве своем движутся в направлении вращения Галактики, другими словами, они следуют за вращением Млечного Пути. Насколько я помню карты, мы должны выйти из области шторма сбоку, когда направимся к Зете Альфы.

Дюрок полез в ящик и достал карту.

— Вы правы, профессор. Теперь все зависит от того, какую протяженность имеет этот шторм. Но мне кажется, тут нет никакой отправной точки. Протяженность его может составлять световые годы, а может и световые часы. Все зависит от того, имеет ли он межзвездное или галактическое происхождение.

— Здесь, в центре Млечного Пути, он может быть только межзвездного происхождения. Мы, может быть, скоро выйдем из него, если бот увеличит скорость.

— Я хотел бы подождать еще несколько дней, профессор.

— Теперь вы здесь командир, капитан.

В последующие дни, скучные и рутинные, шесть человек и мышобер ближе сошлись друг с другом. Чтобы время шло быстрее, каждый из них рассказал другим о своей жизни. Все они, конечно, были

знакомы друг с другом еще на корабле, но по-настоящему они ПОЗНАКОМИЛИСЬ только здесь. Теперь они стали по-человечески ближе друг другу, потому что в буквальном смысле все сидели в одной лодке.

Гиперрадиоприемник молчал. И пока не было никакой связи, не работал и линейный двигатель. А пока он не работал, они беспомощно дрейфовали между звездами и им не оставалось ничего другого, как ждать.

При относительно невысокой скорости в сто пятьдесят километров в секунду пространство снаружи не менялось. Звезды были далеко, и Зета Альфы, находящаяся более чем в одиннадцати световых месяцах, казалось, не приближалась.

В эти дни отношения между лейтенантом Шлюмфом и лейтенантом Карин Форстер, с одной стороны, и Маркусом Рондини и Дорель Керст — с другой стали более ясными. Не было сомнения в том, что между двумя этими мужчинами и двумя женщинами возникло нечто похожее на склонность друг к другу, если можно так выразиться. Гукки, телепату, конечно, без труда, быстрее, чем другим, удалось узнать, что скрывается за этими тяжелыми вздохами. Иногда он целыми часами сидел в своем кресле, закрыв глаза, и читал мысли. Он сам понимал, как невежливо он поступает, но он говорил себе, что в настоящее время ему все равно больше нечего делать.

Боговский и Дюрок, за неимением более полезного занятия, посвятили себя практическим упражнениям по выживанию, но без особого успеха. Все же они выяснили, что ближайшая после Зеты Альфы звезда находится в трех световых годах от них и у нее нет планет. Поэтому спасения у нее искать было бессмысленно. Следующим был голубой гигант на расстоянии четырех световых лет. У него было множество планет, но ни об одной из них не было подробной информации. Ближайшая станция ОЗО находилась в пятистах световых годах. Именно к ней направлялся Гукки. Если он не прибудет туда, автоматически начнется расследование.

На четвертый день из динамика гиперрадиоприемника впервые раздалась слабая звуки.

Лейтенант Шлюмф, несший вахту у пульта управления, разбудил Пьера Дюрока, спавшего в кресле возле Гукки. Не будя мышкетера, капитан встал и повис перед креслом пилота.

— Прием? — прошептал он, чтобы не разбудить других.

— Только статические разряды, но все же и это кое-что! Приемник снова работает!

— Не слышно ни станции, ни других ботов?

— В этом направлении ничего. Но когда мы полностью выйдем из области шторма, все может измениться.

— Иди, отдохни, Шлюмпф, я сменю тебя. В данный момент делать больше нечего. Когда мы выйдем из шторма, мы разбудим остальных.

Шлюмпф тотчас же согласился и поспешил на свое место, которое, конечно, было возле Карин Форстер. Он осторожно лег и постарался заснуть.

Дюрок проверил всю аппаратуру бота и обнаружил, что она все еще не функционирует, но красные лампочки горели не так ярко, как прежде. Некоторые из них уже подмигивали спокойным зеленым светом, хотя и довольно робко.

Ребята, ребята, подумал Пьер Дюрок про себя, может быть, нам еще повезет! Если эта лодчонка снова заработает нормально, мы полетим вперед быстрее. Чувствуешь себя так, словно сидишь в герметически заклепанной бочке посреди океана и ждешь, когда тебя кто-нибудь подберет.

Статические разряды становились все громче, хотя Дюрок и не прибавлял звук. Он пробежал по всему диапазону, но все еще не было никаких изменений. Он не уловил сигналов ни пеленгаторов, ни космических буев, ни релейных станций.

На экране гиперсвязи непрерывно «снежило».

Дюрок знал, что они больше не находятся в центре космического шторма, но никто не мог сказать, как далеко в космос протянулись его щупальца. Все же его влияние стало меньше, и появилась надежда вскоре снова оказаться в свободном пространстве.

Но что могло их ожидать на одной из четырех зарегистрированных планет Зеты Альфы? Третья планета была кислородным миром, и было помечено, что атмосфера ее пригодна для дыхания, но в записях не было никаких сведений, обитаема она или нет. Но в данное мгновение Дюроку это было все равно. Даже если они совершат посадку на необитаемой планете — если посадка будет удачной, — все равно появится проблеск надежды. Раньше или позже поисковая экспедиция появится вблизи планеты и с ней можно будет установить радиоконтакт — конечно, если аппаратура во время посадки не пострадает.

Но проблема с продуктами будет решена, потому что на каждом спасательном боте исследовательского флота был посевной материал — на всякий случай.

Необитаемая планета была лучше, чем бесцельное блуждание на обдающем ограниченной маневренностью спасательном боте между звездами, которых они никогда не смогут достичь.

Через три часа все сигнальные лампочки засветились зеленым светом.

Дюрок разбудил остальных, поскольку сами они не просыпались.

Шлюмпф и Рондини выступили вперед и осведомились, в чем дело. Боговский на заднем плане спокойно комментировал происходящее. Обе женщины и мышебобер выжидали.

— Навигационный компьютер должен работать без перебоев, — сказал Дюрок после проверки. — Это значит, что у нас не будет никаких затруднений по крайней мере с расчетами необходимого линейного этапа. Мы введем данные в линейный компьютер и будем надеяться, что он все еще функционирует. Я предлагаю как можно ближе подлететь к Зете Альфы. Остаток пути мы продедем на досветовой скорости или, в случае необходимости, короткий этап в линейном пространстве.

Все согласились с этим.

Маркус Рондини ассистировал Дюроку.

Они начали расчеты.

Приборы, казалось, работали безупречно. Постепенно были получены нужные данные, они накапливались, чтобы потом их можно было использовать. Приборный отсек спасательного бота был не так велик и великолепно оснащен, как на исследовательском корабле, но приборов было вполне достаточно, чтобы добраться до ближайшей звезды.

Аппаратура очистки и обновления воздуха снова работала великолепно; к запасам можно было больше не прикасаться.

— Ровно одиннадцать световых месяцев и три световых дня, — сказал наконец Рондини. — Кошачий прыжок.

— Конечно, а как же еще? — пробурчал Дюрок, скармливая данные компьютеру.

Через полчаса бот набрал скорость для перехода в линейное пространство, и напряжение его экипажа достигло высшей точки. Всем было ясно, что от того, что произойдет в следующие минуты, зависит их судьба.

Дюрок нажатием кнопки привел в действие автоматику выполнения рассчитанного и записанного линейного этапа. Он откинулся в кресле и стал ждать. Теперь он больше ничего не мог сделать.

Едва ощутимая вибрация прошла по кораблю, когда начался переход. Он без всяких сложностей скользнул из одного измерения в соседнее и через секунду исчез из все еще опасной близости магнитного шторма.

Ключья тумана, зоны вибрации в водовороте света и теней — так начался обратный переход в нормальное пространство. Потом стало темно и снова появились звезды. Прямо перед носом бота находилось большое желтое солнце.

— Мы сделали это! — воскликнул Маркус Рондини и вскочил, чтобы заключить в объятия Дораль Керст. — Мы сделали это, девочка, теперь с нами не может произойти ничего плохого!

— Не раздави меня, Маркус, — простонала она.

Гукки расслабился и бросил Шлюмпфу ободряющий взгляд.

— Ну, Шлюмпф, не используете ли и вы благоприятную возможность?

— Не советую! — энергично возразила Карин Форстер, которая, конечно, тотчас же поняла, что имеет в виду мышбебер. — Я ничего подобного не желаю!

Боговский прошел вперед и занял место техника.

— Ну? — коротко спросил он, рассматривая близкое солнце. — Это на самом деле должно быть Зета Альфы.

— Это и есть Зета Альфы, в этом нет никакого сомнения, — Дюрок произвел несколько переключений и напряженно посмотрел на маленький экранчик, на котором появлялись цифры и данные. — Расстояние до нее два световых часа. Мне нужно провести дальнюю пеленгацию, чтобы обнаружить местонахождение планет. Нам же нужна только третья из них.

Боговский еще раз вытащил звездную карту и стал внимательно изучать ее. На его лице появилось выражение глубокой задумчивости.

— Надеюсь, мое предположение о том, что гравитационное поле этой звезды притягивает к себе часть магнитного шторма, не подтвердится. Иначе мы снова попадем в затруднительное положение.

Дюрок покачал головой.

— Нам больше не нужен линейный двигатель, в случае необходимости мы можем совершить посадку и на вспомогательных. У третьей планеты есть атмосфера, — он обернулся. — Мисс Керст, проверьте, пожалуйста, работает ли связь.

Маркус Рондини, поколебавшись, отпустил ее.

Опасения профессора подтвердились лишь частично. Некоторые приборы не работали, среди них и связь. Пеленгатор работал великолепно, но двигатель не издал ни звука. Если область шторма рассматривать как спираль, то линейный полет маленького корабля перенес его из одного витка этой спирали в другой.

Дюрок остался оптимистом.

— Даже если теперь весь бот будет неработоспособен, посадка все равно нам удастся. У нас все еще есть маневровые и тормозные двигатели, на которые шторм не влияет. Как только мы войдем в верхние слои атмосферы, мы выпустим несущие плоскости. Хотя они, как вам известно, и небольшие, но мы можем воспользоваться ими.

Он снова повернулся к пеленгатору. Несколько минут спустя стали известны данные о третьей планете, которая теперь появилась на краю экрана пеленгатора. Неворуженным глазом ее еще не было видно.

— Размером она с Землю, и условия на ней схожие, — прошептал Дюрок. — Она вполне может быть близнецом Земли, но там только два континента и один большой остров — и все. Дальнейшие подробности неизвестны.

— Мы скоро должны начать торможение, — сказал Боговский. — Скорость еще слишком велика.

Терпящий аварию бот все больше углублялся в систему Зеты Альфы, и скорость его постепенно гасилась химическими тормозными двигателями. Справа от солнца, которое становилось все больше и больше, находилась планета, являющаяся их целью. До нее было еще больше светового часа.

В это мгновение пеленгатор вышел из строя.

Боговский успокоил всех:

— Нам он больше не нужен, мы можем лететь и совершить посадку, планета видна невооруженным глазом. Худшее осталось позади.

— Надеюсь, — на этот раз Дюрок был настроен скептически. — Если только худшее еще не ждет нас впереди...

— Смотри, накаркаешь! — сказал лейтенант Шлюмпф.

Через пять часов их скорость была уже пятьдесят километров в секунду. Дюрок отключил двигатель и взглядом на приборы дал понять, что химическое горючее на исходе. Небольшое его количество нужно было оставить на крайний случай.

Планета плыла перед ними в пустоте, большая, зелено-голубая, покрытая полями облаков. Уже заметно ощущалось ее притяжение. Если Дюроку не удастся на последних крохах топлива вывести бот на орбиту и затормозить еще больше, произойдет живописное кораблекрушение, если они до этого не сгорят в атмосфере, словно метеор.

Гукки, непривычно молчаливый, пересел из своего кресла в освободившееся кресло Рондини. Он сидел возле Дорель Керст, которая оторвалась от радиоустановки.

— Ну, малыш? — мягко спросила она. — Ты выглядишь так странно. Ничего удивительного, я тоже боюсь.

— Я не малыш, — возразил он и моргнул. — Пожалуйста, думай о чем-нибудь более приятном.

— Почему? — она казалась озадаченной. — Я думаю непрерывно, хотя и не всегда о приятных вещах. Тебе это лучше знать.

— Да! Но с тех пор как мы приблизились к планете, между вашим сознанием и моим мозгом словно возник толстый слой изоляции. Твои мысли доходят до меня как сквозь вату — хотя вата, конечно, не может задержать импульсы мыслей. Мои способности уменьшаются.

— Может быть, это из-за магнитного шторма?

— Нет, со мной так было и раньше. Это из-за планеты перед нами. Она, кажется, окружена силовым полем, которое парализует мои парapsихологические способности. Если то же произойдет с телепортацией и телекинезом, меня можно будет только поздравить.

Боговский перехватил несколько слов из их беседы. Он подошел к ним и опустился возле Гукки, который с готовностью освободил для него место.

— Вы понимаете, лейтенант Гукк, и меня заинтересовала ваша

проблема. Я слышал, какое предположение вы высказали, и я скорее склоняюсь к мнению, что в этом виновато взаимодействие одной из спиралей магнитного шторма с силовым полем планеты. Комбинация магнитных полей, если вам угодно. Нет, не спрашивайте у меня точного объяснения — у меня его нет. Но я предполагаю, что упомянутый мной эффект влияет на ваши парапсихологические способности. Они снова восстанавливаются, как только закончится магнитный шторм. Я думаю, вам нечего беспокоиться.

Боговский был единственным в боте, кто официально обращался к мышобобру. Он не мог, как другие, решиться на дружеское «ты».

— Слабое, но все же утешение, профессор. Вы поняли, что меня беспокоит этот инцидент. Телепат, который внезапно теряет способность читать мысли, — как зрячий, который внезапно слепнет. Честно говоря, я чувствую себя немощным.

— Ну, подождите еще немного, Гукки, пока мы не совершим посадку. Потом посмотрим. Магнитный шторм не может стоять на месте, он движется. Одно силовое поле планеты ни в коем случае не может оказать никакого воздействия на ваши парапсихологические способности.

— Надеюсь, — пробурчал Гукки и устало указал в направлении приборов. — Удастся ли это Дюроку?

— Вы имеете в виду посадку? Надеюсь, да.

Им не оставалось ничего, кроме надежды.

На остатках топлива Дюроку удалось провести коррекцию курса и еще раз затормозить до скорости в двадцать пять километров в секунду. Курс соответствовал расчетному, но скорость все еще была велика для обычного маневра погружения в атмосферу. Капитан пока не решился на снижение. Удар о верхние слои атмосферы будет так силен, что они разобьются.

Теперь Маркус Рондини снова помогал ему.

Планета проплывала под ними, слишком быстро и слишком низко. Бот приближался к ней по плоской параболе.

Внешние микрофоны уловили первый свист проносящихся мимо молекул воздуха. Дюрок взялся за рычаги системы высотного управления — небольших несущих плоскостей на корме. Они были слишком малы, чтобы их сорвал набегающий поток воздуха.

Континент был хорошо виден в разрывах покрывающих его полей облаков. Коричневые плоскогорья сменялись зелеными равнинами, а те — реками и озерами. Потом пошел океан, покрывающий половину этого мира. Посреди него находился остров, около ста километров в диаметре, не более. Потом шел второй континент и снова океан.

Бот очень медленно и едва заметно реагировал на высотное управление. Парабола стала еще более плоской, и, наконец, бот полетел параллельно поверхности планеты.

Дюрок облегченно вздохнул.

— Теперь мы вышли на орбиту. Мы снова опускаемся, а скорость наша все еще двадцать километров в секунду. Когда она упадет до десяти, мы выпустим основные крылья.

Рондини ничего не ответил. Компьютер пока что работал безупречно. Итальянец записал на листке бумаги несколько цифр и стал считать.

— Что вы там делаете? — любопытствовал Дюрок.

— Я пытаюсь рассчитать, на каком континенте мы опустимся.

— Может быть, и в море, — задумчиво произнес Дюрок.

— Мне хотелось бы избежать этого, капитан. Если мы знаем курс и величину уменьшения скорости, подсчитаем расстояние, принимая во внимание увеличивающуюся плотность атмосферы, и сможем довольно точно указать место посадки. Впрочем, бот обладает плавучестью?

— Конечно, но нам лучше сесть на суше. Считайте дальше.

И Рондини продолжил расчеты. Потом передал данные пилоту.

После двух дальнейших маневров погружения бот в последний раз выскользнул в космос, но чуть позже был снова подхвачен притяжением планеты. На этот раз кривая снижения была круче и скорость составляла всего десять километров в секунду.

Выпущенные крылья сделали возможным дальнейшее торможение. На высоте пятидесяти километров они в последний раз облетали неизвестную планету.

Бот быстро опускался вниз.

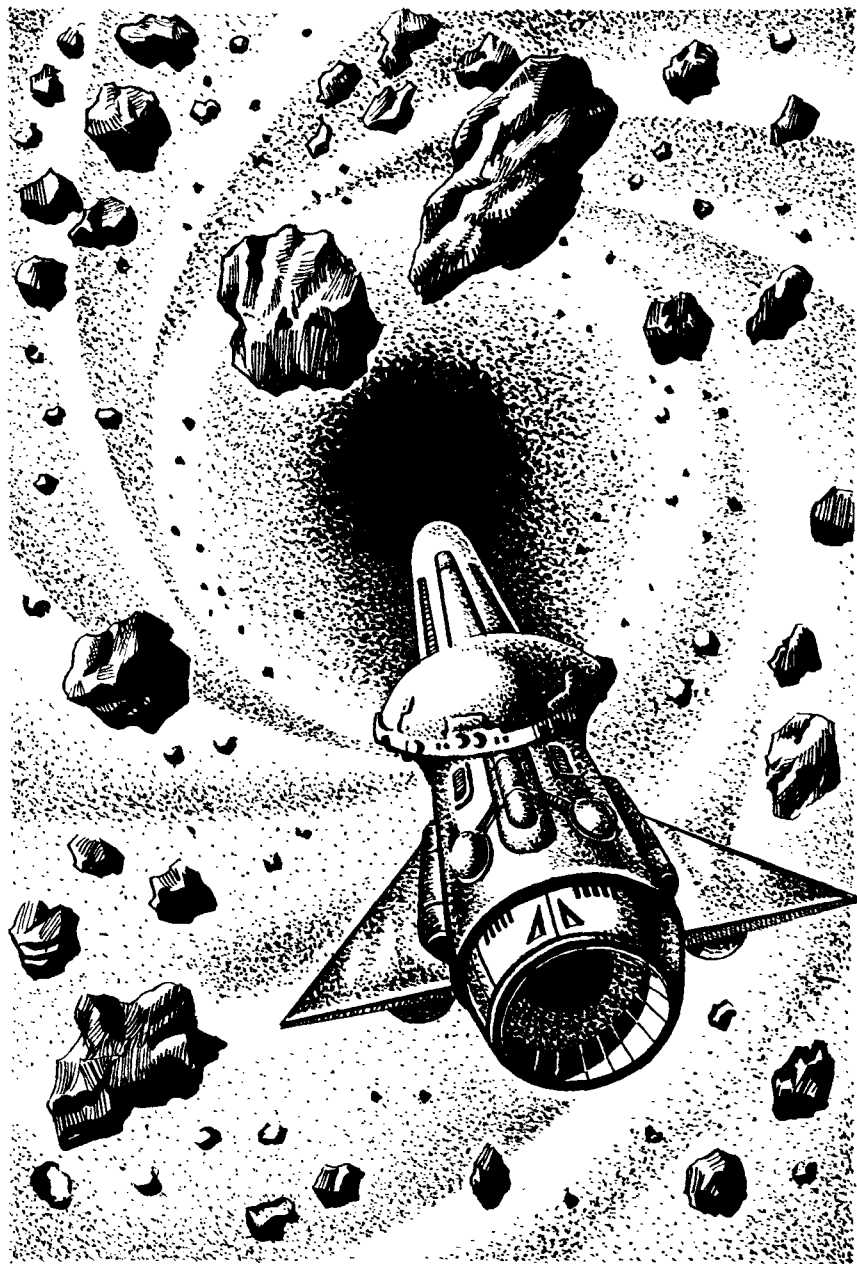
2

Терес Хан перекинул ружье через плечо и побрел дальше. Он уже три дня находился на охоте, чтобы убить карега, опаснейшего хищника западной страны. Он мечтал об этом еще зеленым юношей, но только сейчас ему удалось воплотить свою мечту в жизнь.

Убить карега из ружья было нетрудно, проблема заключалась в том, чтобы отыскать этого летающего ящера. Они прятались в горах и поджидали неосторожных путешественников или нападали на беззащитные деревни на равнине, похищали людей и скот и исчезали в своих убежищах в неприступных горах.

Терес Хан был сыном вождя Буру Хана и его жены Бенес, и было ему двадцать лет. Их род жил на берегу Северного моря, на прибрежной равнине, отделяющей океан от гор. Местность была плодородной, и никто никогда не страдал от голода. Мир царил между ними и соседними родами, и они обменивались друг с другом товарами.

Местность слегка поднималась. Впереди, вдалеке, Терес видел белые вершины Западных гор, а на юге белела покрытая снегом цепь Южных гор. Там в своих неприступных пещерах жили кареги.

Они были похожи на огромных, до четырех метров длины, ящеров, вооруженных острыми когтями. При помощи двух огромных крыльев они после короткого разбега поднимались в воздух и преодолевали огромные расстояния. Но они могли также падать со скал и на распростертых крыльях переходить на планирующий полет.

Даже на земле они превосходили людей, потому что могли быстро бегать и догоняли любого противника.

Терес немного отдохнул на маленьком, слегка выступающем островке травы, достал припасы и подкрепился. Затем попил воды из маленького ручейка. Он проверил ружье, в магазине которого было двадцать пуль. Оно принадлежало его отцу, но если он принесет карега или по крайней мере один из его когтей, оно будет принадлежать ему как искусному наследнику вождя.

Ружье и другое оружие были изготовлены не здесь, и едва ли кто знал, как все это делается. Оно происходило из прошлого, которое было табу. Тогда было не только это убийственное оружие, но и многие другие удивительные вещи, о которых рассказывалось только в сказках и сагах. Но Терес не верил в эти сказки.

Магазин был полон, но у него не было запасных патронов. Их становилось все меньше. В городе их рода было только три таких ружья. Они были самым важным и ценным имуществом рода.

Солнце уже опустилось к горизонту, когда Терес достиг первых отрогов гор и решил расположиться на ночлег. Из объяснений своих старых друзей, которым уже приходилось убить карега, он знал, что теперь он вступил в их владения. Но он, осматривая небо, не видел в нем ни малейшего пятнышка.

Размоченные сухари были не слишком ему по вкусу, но он был голоден и проглотил эту кашу. Ему больше хотелось свежего мяса, и вода казалась ему вкуснее, когда он думал о том, как убьет карега.

Он решил не разжигать костра, хотя у него было устройство для разведения огня. Никто не знал, как функционирует эта штука, но нужно было только нажать на маленькую кнопку, и тут же вспыхивало яркое пламя. Ему завещал это его дед на смертном одре.

Были тысячи таких «завещаний прошлого», и научники в первую очередь хранили и совершенствовали их. Но научники были врагами всех родов в Западной и Восточной странах. Восточная страна находилась по ту сторону большого моря.

Терес забрался в свое убежище и попытался заснуть, но когда на небе появились первые звезды, на него нахлынули мысли и сомнения; прежде всего сомнение в том, было ли правильным жизненное устройство его народа. Может быть, ему стоит многое изменить в нем, когда он станет вождем.

Он вспомнил разговоры, которые вел с теми друзьями, кто думал так же, как и он. Они слишком мало знали о таинственном прошлом,

чтобы однозначно судить о нем. Чтобы больше узнать, нужно связаться с учеными, но тут все равно придется нарушать традиции.

Традиции, которые стали законами.

Звезды светились над ним и, вероятно, находились очень далеко. На них или на планетах, кружащихся вокруг них, должна быть жизнь. Это не оспаривали даже жрецы, хранители традиций. Но они одновременно учили, что от этой жизни надо защищаться, потому что она несет гибель и угрожает естественному порядку жизни. Звезды таят в себе цивилизацию и технику, войны и гибель.

— Ученые знают о них все, — произнес Терес вслух в наступающей ночи. — Но мы не поддерживаем с ними контактов. А почему не поддерживаем? Можно поддерживать контакт с врагами или нет? Когда я убью карега, я стану мужчиной, поймаю какого-нибудь ученого и допрошу его. Он должен будет ответить мне, или я его убью. Конечно, я сделаю это. Я должен знать, что происходит...

Он заснул, замсрз, и кошмары мучили его.

Это были нереальные сны, порождение его генетических воспоминаний, о которых он ничего не знал. Но гены его помнили все.

Когда он, наконец, очнулся от своего беспокойного сна, уже забрезжило утро. Перед ним была последняя равнина между Западными и Южными горами, которая спускалась к далекому Восточному морю. Чтобы достичь цели, ему нужно было пересечь ее.

Он уже забыл о сне.

На четвертый день Терес все еще не вернулся в Северный город. Это было обычным делом, и у Буру Хана не было никаких причин для беспокойства. Были юноши, которые отсутствовали много недель, прежде чем им удавалось убить карега. Но ему очень хотелось бы, чтобы его сын присутствовал на сегодняшнем собрании Совета. Он собирался только шесть раз в год.

— Не можешь ли ты отсрочить заседание, пока не вернется Терес? — спросила Бенес, его супруга, надев красочную праздничную одежду, чтобы достойно представить себя среди младших вождей.

— Это невозможно, Бенес. Члены Совета часто прибывают издалека, после трудного путешествия, и я не могу заставлять их ждать. Кроме того, вчера вернулся из своей экспедиции моряк Рабольт. Мы с нетерпением ждем его рассказа.

— Рабольт, искатель приключений...

— Да, и ЭТО тоже он. Полгода назад он вместе с тремя спутниками отправился, чтобы посетить Остров Ученых. Мы должны знать их планы, чтобы защитить себя от неожиданностей. То, что Рабольт вообще возвращается — хороший знак. Ты сама знаешь, что мы уже потеряли многих людей.

— Большинство из них утонуло в море вместе со своими корабля-

ми, — ответила Бенес. Она покачала головой. — Зачем все это? Научники не заботятся о нас, почему же мы должны заботиться о них? Они живут на своем острове, права на который никто у них не оспаривает. Конечно, может быть, они колдуны и им известны странные вещи и тайны, но каким образом все это касается нас?

— Касается, и очень, Бенес. Они могут уничтожить нас своим колдовством, если им этого захочется. Раньше они были одними из нас, мы все были единым народом, который привез в этот мир огромный космический корабль наших предков. Теперь мы — три народа.

— Мир достаточно велик для всех.

Буру в последний раз глянул в зеркало, потом кивнул жене:

— Нам предстоит долгий и трудный день. Тебе не стоит ждать меня. Если Терес вернется, пошли его в Дом Совета. Но я не думаю, что он вернется без карга.

Он выкатил из прихожей велосипед, осторожно взобрался в седло и нажал на педали. Ни автомобилей, ни других средств передвижения, оснащенных моторами, не было ни в Северном городе, ни где-нибудь еще на этой планете, которую ее жители называли Гринуолд.*

А если они где-то и были, то только на Острове Научников.

Он встречал жителей города, которые шли по своим делам или ежедневно посещали базар, чтобы что-то купить или продать. Они везли туда рыбу, а обратно возвращались с плодами, купленными у крестьян, у которых за городом были поля. Жизнь на Гринуолде была проста и естественна.

Буру Хан вежливо и с достоинством отвечал на их приветствия. Уже его дед и отец были вождями, но Буру предпочитал, чтобы его называли «старейшина Совета».

Он пообедал несколько выбоин и решил по возможности выбрать один свободный от учебы день, чтобы юноши могли отремонтировать улицу. Сейчас для этого было самое подходящее время, а если он прождет до наступления зимы, будет еще хуже.

Добравшись до Площади Совета, он слез с велосипеда и поставил его к свободной стойке. Его не нужно было запирать. В Северном городе еще никто ни у кого никогда ничего не украл.

Он вместе с другими членами Совета поднялся по широким ступеням к portalу, где его ждали, собравшись в группки по интересам, его заместители и другие депутаты. Хотя было достаточно других проблем, собравшиеся говорили только об одном: о Рабольте.

— Он молчит, — заметил Фабер, представитель рыбаков. — Его корабль выглядит так, словно он попал в шторм, а его спутники тоже держат рты на замке. Они молчат, как рыбы.

— Рабольт скоро все нам доложит, — утешил Буру.

Они вошли в зал с длинными рядами сидений, которые уже были

* Гринуолд (англ.) — зеленый мир

заполнены. Позади подиума, возвышающегося на сцене, были еще два пустых места. Буру кивнул остальным присутствующим, потом прошел вперед и опустился на свое место. Он подумал, стоит ли ему открывать заседание, пока не появится Рабольт.

Моряк поплыл к Острову научников, так сказать, по поручению государства, и это было не в первый раз. Он был также единственным жителем Западной страны, который объехал весь континент и составил карту. Раньше были лучшие карты, но во время восстания против господства ученых двести лет назад все они были утрачены. И не только карты, но все научные и технические знания, кроме тех, которые были доступны простому народу. Цивилизация погибла.

— Начинайте же, Буру, — прошептал мужчина, сидящий возле него. — Нам нужно обсудить множество вещей.

Буру приветствовал собравшихся и дал слово депутату с юга. По ту сторону Южных гор была плодородная местность. Там росло все, что вообще могло расти, но проблема заключалась в транспортировке выращенных там продуктов на север. Нужно было пересечь долину между двумя горными цепями, а при этом всегда было много потерь от карегов. Кроме того, сказывался недостаток тягловых животных, которые могли бы везти деревянные телеги. Для этого уже пытались использовать полуприрученных карегов, но эти ящеры снова и снова нападали на своих хозяев и пожирали их.

— Почему, по крайней мере в этом случае, не воспользоваться, хотя бы чуть-чуть, запретной техникой? — спросил депутат в завершение своей речи. — Мы знаем, что наши предки поступали бескомпромиссно, запрещая любое знание. Они считали, что цивилизация губительна, и мы тоже так считаем. Но не стоит ли нам воспользоваться хотя бы немногими полезными достижениями цивилизации, которые облегчили бы нашу жизнь?

За его высказыванием последовали жидкие аплодисменты, потом наступила тишина. Буру поднялся, чтобы ответить на поставленные вопросы. Он сказал, что самый безобидный компромисс приведет к дальнейшей эскалации. Еще действуют законы предков, основанные на их горьком опыте. Никто, правда, не знает, что это был за опыт, но они его уважали и основали на нем свои законы.

— В арсенале осталось еще несколько единиц огнестрельного оружия. Я запросил, чтобы в распоряжение города предоставили три ружья, а также заряды к ним. Наши крестьяне на востоке выращивают тягловых животных. За соответствующую плату, в виде зерна и фруктов, они отдают нам половину своего вновь увеличившегося стада. Это тоже мое предложение.

Его поддержало большинство.

Один из охотников с западного побережья потребовал, чтобы ему предоставили лучшее ружье. Буру несколько раз покачал головой, обсуждая этот пункт.

— Мы уже часто говорили об этом, друг мой. Мы все знаем, как изготавливают оружие, но прошло почти двести лет, и мы привыкли обходиться без него. Большинство из нас, к счастью, забыло, как функционирует ружье или как его изготовить. Так должно оставаться и дальше. Через сто лет нам больше не понадобится этот пережиток прошлого. Мы будем убивать карегов голыми руками.

— Но наша добыча велика...

— ...конечно, и скоро больше не останется ни одного карега и никакой дичи в лесах. В настоящее время у нас избыток пищи, а потом мы будем умирать от голода. Плоды крестьянского труда гнивают, потому что нарушено равновесие нашей жизни. Нет, друг мой, не будет никакого нового ружья. Твоя охота приносит достаточно добычи, которую ты относишь на базар.

В это мгновение по залу пронесся гул.

Прибыл Рабольт.

Он был атлетически сложен, и у него была светлая, окладистая борода, его одежда была грубой и практичной, лицо его светилось самоуверенностью и энергией. Когда он занял место рядом с Буру, именно ЕГО можно было принять за вождя Гринуолда.

Буру приветствовал путешественника, потом дал ему слово. Он попросил его рассказать о своем путешествии на Остров Ученых, находящийся между двух континентов.

Рабольт привел в порядок записи, потом начал:

— Ветер был попутным, и мы быстро продвигались вперед. Скоро наш берег исчез позади, а перед нами лежала безбрежная пустыня невообразимо глубокого океана. Мы, как обычно, ориентировались по звездам и течениям, которые были нам известны. Мы взяли с собой достаточно припасов и постоянно пополняли их рыбой и морскими животными, сопровождавшими наше судно.

После шести недель плавания перед нами на горизонте появился остров — длинная полоска над водой, похожая на гряду облаков. Прежде чем приблизиться к острову, мы дождались наступления ночи.

Ксантер, Хаберт и Ра, мой сын, могли спать, а я нес вахту. Стемнело, и я увидел множество искусственных огней, все время вспыхивающих по всему берегу. Мощные потоки света ярких прожекторов доставали почти до нашего корабля, и я уже начал бояться, что его обнаружат. Но пока что ничего не происходило.

Я разбудил остальных, и мы снова подняли парус. Нас гнало к берегу, но мы не могли обнаружить ни единого темного места, где мы могли бы беспрепятственно высадиться на берег.

Однажды мы увидели огонь, поднявшийся в небо и погасший там. Он был похож на человека, поднявшего вверх пылающий жезл. Дьявольщина ученых, что же еще?

Потом далеко в глубине острова мы обнаружили множество слабо светящихся куполов. Они светились очень слабо, но были заметны на большом расстоянии. Сначала мы не знали, что это такое, но потом поняли, что ими были накрыты города. У ученых нет больших городов, но очень много маленьких. Только немногие из них находились вблизи скалистого берега.

Пока мы раздумывали, где нам лучше высадиться на берег так, чтобы нас не заметили, нас внезапно поймал яркий луч света подвижного прожектора. Он был установлен на очень быстром судне, которое приближалось к нам против ветра. У него не было парусов, только двигатель. Винт за кормой пенил воду.

Мы спустили парус и стали ждать. По опыту мы знали, что ученые нас не убьют. Они жалеют нас.

Ра хотел взять ружье, но я запретил. Какой смысл сражаться против дьяволов, силой превосходящих нас в сотни раз?

Судно остановилось метрах в двадцати от нас. Нас медленно гнало к берегу. Я уже хорошо слышал грохот далекого прибоя.

— Что вы здесь ищете? — спросил один из ученых со своего судна. Голос его звучал властно и нетерпеливо. — Возвращайтесь, прежде чем будет слишком поздно.

— Шторм пригнал нас сюда, — ответил я в надежде, что он мне поверит. — Как только подует благоприятный ветер, мы уйдем. Нам нужны продукты. Вы дадите нам их?

У нас нет войны с учеными, мы только не хотим иметь с ними дел, потому что они не отказались от цивилизации и продолжают проводить исследования, чтобы творить новые дьявольщины и колдовство. Они не придерживаются мудрых законов наших предков.

— Море полно рыбы. Вы можете получить пресную воду — и все. Поворачивайте ваш корабль и плывите против ветра. Через два месяца вы сможете достичь своего берега.

Мне хотелось узнать, что означают светящиеся купола и пламя, взвившееся в небо. Пока что возвращаться было еще рано, но я ничего не мог возразить ему. Я спросил себя, как они обнаружили нас во тьме.

— Наш корабль нуждается в ремонте, он пострадал во время шторма.

Ученый ответил:

— В последние три месяца в Западном море не было штормов, так что вы говорите неправду, рыбак из Западной страны. Вы шпионы, и все.

Переговоры продолжались еще некоторое время, потом мы получили разрешение зайти в уединенную бухту, чтобы отремонтировать корабль. Там также имелся источник, из которого мы могли пополнить запасы пресной воды. Нам было точно указано место, потом судно с прожектором снова исчезло в темноте, но меня не покидало чувство, что, несмотря на это, за нами наблюдают.

Мы проплыли точно в указанное место между двумя светящимися башнями, миновали опасные рифы и вошли в спокойную воду. Якорь зацепил грунт поблизости от берега, и мы решили провести ночь на судне. Научники знали, что мы здесь. Не было никакого смысла предпринимать что-нибудь именно сейчас.

Когда забрезжило утро, я выбрался из кровати и поднялся на палубу, чтобы осмотреться. На первый взгляд эта бухта выглядела так же, как и все наши бухты — одинокой, каменистой, берег был почти лишен растительности, утесы круты. Вода была чистой и кишела рыбой. Ксантер мог здесь предаться своей страсти и одновременно пополнить наши запасы.

Обнаружив маленький ручей, вытекавший из ущелья и впадавший в бухту, я разбудил остальных. Нам же было разрешено набрать воды и отремонтировать корабль, так что мы могли здесь высадиться на сушу. Именно это я и сделал.

Ра сопровождал меня в маленькой спасательной шлюпке, которую мы вытащили из воды на галечный пляж. Мы закинули на плечи по бурдюку и деревянному бочонку и пошли к ручью. Пока Ра наполнял их питьевой водой, я пошел вверх по течению ручья. Русло его круто поднималось вверх, и наконец, идя сбоку, я достиг небольшого водопада; вода падала с маленького плато, образованного прибрежными утесами. Я взобрался на него. Глубоко подо мной находилась бухта, и наше судно было там таким маленьким, что я удивился, как это нам удалось пересечь на нем море.

В глубь острова ничего не было видно. Равнина поросла травой и перелесками, похожими на островки. Вдали поднимались высокие горы, некоторые из них были странно уплощены, так, что казались обработанными. На одной из них я обнаружил огромный помост, на котором находился серебристо блестящий шар.

Только я хотел отправиться в обратный путь, как заметил в безоблачном небе маленькую точку, которая быстро приближалась к тому месту, где я находился. Скоро я увидел туловище с крыльями, похожее на карга. Это был самолет, опускавшийся все ниже и ниже и наконец совершивший посадку недалеко от меня. Из него вышел один-единственный человек и направился ко мне. В руках у него было оружие, похожее на наши пистолеты.

— Никто не разрешал вам покидать бухту, — с упреком сказал он, — ремонтируйте корабль и покиньте остров. Иначе все кончится большими неприятностями.

Не было смысла спорить с ним. Он находился в более выгодном положении.

— Ну, хорошо, — попытался смягчить я его, — я хотел только осмотреться. — Я указал на далекие горы. — Что это там?

— Вы едва ли поняли бы это, даже если бы я вам объяснил. Во всяком случае, оно служит для того, чтобы наблюдать за вами. При

помощи этого мы также узнали, что вы плывете к нам. Такие башни стоят по всему побережью. Вы не хотите иметь с нами дела, и мы не хотим иметь дела с вами, это все.

— Мы живем счастливее вас, — сказал я.

Он кивнул.

— Тогда оставайтесь там, где вы счастливее, — сказал он.

Не говоря больше ничего, он повернулся и пошел к своему самолету. Немного позже машина почти бесшумно поднялась, описала круг над бухтой и исчезла в глубине острова.

Я задумчиво начал спускаться.

Мы с Ра оттащили бурдюки и бочонки к месту высадки и взяли новые. Тем временем Ксантер и Хаберт спустили вторую шлюпку. Кто ищет, тот всегда найдет, так что мы нашли у корабля многое, что требовало ремонта.

После обеда я немного прилег и поспал, чтобы ночью быть бодрым. Я задумал во второй раз подняться на равнину и немного пройти в глубь острова. Может быть, я обнаружу что-нибудь, что до сих пор ускользало от меня, потому что я знал, что научники никогда не убивают без предупреждения.

Прежде чем стемнело, в бухту мимо утесов вошло патрульное судно. Капитан осведомился, когда мы закончим ремонт. Я объяснил ему, что на это потребуется два или три дня. Он заметил, что не имеет смысла покидать эту бухту и направляться в другую. За нами непрерывно наблюдают.

Позже я проверил ружье. Я твердо решил до отплытия воплотить свой план в жизнь, каким бы фантастическим он ни был. Вероятно, мне не повезет, но я, по крайней мере, попытаюсь это сделать.

Когда, наконец, стало совсем темно, я скользнул за борт, высоко держа ружье над головой, и поплыл к берегу. Путь был мне знаком, и через полчаса я добрался до плоскогорья.

Светящиеся башни стояли на равном расстоянии друг от друга, а вдали, слева, возле гор с серебряным шаром, я обнаружил один из слабо светящихся куполов. Если я хочу достигнуть своей цели, я должен как можно ближе подойти к одному из этих куполов. В них жили научники, отгородившись от дикой природы и свежего воздуха, который, как они считали, вреден для них. Но, может быть, техника и цивилизация так сильно изменила их существование и сделала их настолько чувствительными, что все естественное действительно было для них вредно?

Я хотел захватить одного из научников и похитить его.

В этом месте по залу прошел шепоток, который выражал не столько удивление, сколько одобрение. Буру Хан привстал с кресла. Увидев холодную усмешку в глазах Рабольта, он снова сел. Он не задал ни единого вопроса.

Рабольт продолжил:

— Мне было ясно, что мне с пленником, если я вообще захвачу его, не удастся уйти далеко. Научники превосходят нас во всех отношениях, и когда я думал о серебристом шаре, при помощи которого они держали под наблюдением даже море, я легко мог себе представить, как быстро они меня обнаружат.

И все же я решил попытаться это сделать.

Это был напряженный марш, но когда начало светать, город уже лежал на равнине передо мной. Сам я стоял на густо поросшем деревьями холме и, кажется, был в относительной безопасности. Дальше теперь я идти не мог, а возвращаться назад было поздно. Я нашел себе укрытие на день и стал ждать захода солнца, наблюдая за городом.

Он находился под почти прозрачным куполом. Улицы и дома были хорошо видны сквозь прозрачный материал, но я видел мало людей. Зато там были маленькие и быстрые машины, мчащиеся по улицам, — каждая к неизвестной мне цели.

Через некое подобие шлюза некоторые из этих машин выезжали из города и скользили по широким бетонным дорогам, исчезая из поля моего зрения. Эти прямые дороги вели к другим городам, которые я не мог видеть.

Я ломал голову над тем, как мне попасть в город, если здесь есть шлюзы. Как мне открыть один из них? Мы все знаем, что такое робот, наши предки рассказали нам о них. Это механические существа, которым было дано столько разума, что вскоре они поработили своих создателей. У ученых они есть и сегодня.

Потом я заснул в своем укрытии и проснулся только после захода солнца. Я подождал еще некоторое время, потом направился к городу, к тому месту, где был ближайший шлюз. Хотя мне было ясно, насколько нереальной была моя попытка, но я должен был попробовать это сделать.

Как я и ожидал, мне этого не удалось. Не я поймал ученого, а они поймали меня.

Перед самыми воротами шлюза, ведущего на дорогу, я остановился и спрятался за дерево. Я обнаружил одного робота, стоящего вне стеклянного купола у входа в город. Он отдаленно напоминал человека и не двигался с места. Можно было подумать, что он спит.

Осторожно приблизившись, я увидел, как его глаза внезапно вспыхнули, а потом почувствовал мощную боль в мозгу. Я застыл, словно парализованный, ружье выпало из моих рук. У меня больше не было сил его держать.

Ворота открылись, появилась пара ученых и направилась ко мне. Ни один из них не был вооружен. Робот все еще не двигался.

Ученые тотчас же узнали меня по одежде.

— Наш рыбак из Западной страны, — сказал один из них. Он, казалось, хорошо помнил о нашей встрече у берега. — Что вы здесь делаете, друг мой? Вы же знаете, что вам запрещено уходить в глубь

острова, вы можете высадиться на него только для того, чтобы набрать пресной воды. Вам повезло, что охранный робот принял вас за одного из нас, иначе вы были бы убиты.

Мне впервые показалось, будто здесь что-то не так. Почему робот должен задерживать научника, который хочет вернуться в город?

— Я увидел светящийся купол и захотел узнать, что это такое, — вяло попытался возразить я.

— Только ли любопытство парня, живущего на лоне природы? — усомнился мой собеседник. — Теперь мы должны отдать вас под суд за шпионаж, тем более что вы вооружены. Где вы взяли ружье? Мы думали, что вы отказались от всех технических достижений.

— Мы не изготавливаем новых, — ответил я.

Они некоторое время посовещались, потом, наконец, один из них подошел к роботу, словно хотел спросить у него совета. Я не видел, что он там делает, но когда он вернулся к остальным, он показал им маленькую карточку со штампом.

Научник подошел ко мне.

— Вы свободны, рыбак. Возвращайтесь на свой корабль и исчезайте с острова как можно быстрее. Завтра мы направим в бухту патрульное судно и потопим вас, если вы все еще будете там. Вы должны идти ночью, иначе вам не удастся вернуться.

Это было все. Они вернули мне ружье, словно это была деревянная палка, и исчезли в шлюзе города.

Робот неподвижно стоял снаружи.

Что мне оставалось делать? Мой план провалился, но они не взяли меня в плен. Они отпустили меня! Было ли это только великодушие, или они хотели продемонстрировать мне всю мою беспомощность? Тогда я еще ничего не знал, но скоро я должен был узнать об этом.

Я пошел ночью, как мне и посоветовали. Далеко справа на небе отражалось море, а слева от меня был сверкающий серебристый шар на горе, указывающий мне путь. Когда забрезжило утро, я добрался до берега; конечно, мне нужно было пройти еще несколько километров, прежде чем передо мной откроется бухта. Наше судно, целое и невредимое, все еще находилось в этой естественной гавани.

Через десять минут Ра подобрал меня в спасательную шлюпку.

Я сообщил ему и остальным, что произошло, и осведомился, в каком состоянии ремонтные работы. Все было в полном порядке. Даже пресная вода была в таком количестве, что, экономно расходуя ее, мы могли продержаться полгода.

— Хорошо, тогда мы отправимся еще сегодня, — сказал я. — И хотя сейчас уже вторая половина дня, но ветер благоприятен. Мы поплывем на север, чтобы попасть в западное течение.

Когда мы в указанное время покинули гавань и направились в открытое море, на некотором расстоянии от нас появилось патрульное судно ученых. Оно неподвижно покачивалось на небольших вол-

нах, а ветер гнал нас все дальше и дальше, пока оно не исчезло из нашего поля зрения.

Берег был виден еще долго, но потом он постепенно исчез за горизонтом, и мы снова были одни в безбрежном просторе океана.

Дни и ночи монотонно следовали друг за другом. Ветры и течения были милостивы к нам, и если бы все оставалось так и дальше, мы добрались бы до Западной страны за два месяца.

Мы преодолели едва ли половину пути, когда произошло событие, увенчавшее наше путешествие полным успехом.

Я спустился в маленькую каютку, чтобы немного поспать. Несмотря на равномерный ветер, снаружи, в полуденном зное, было невыносимо жарко. Ра стоял за рулем, а Ксантер и Хаберт ловили рыбу. Чисто случайно, чуть погода, Ксантер вскарабкался на мачту, потому что захлестнуло парус.

Внезапно я услышал его крик:

— Там, впереди, что-то есть — похоже на судно!

Я мгновенно оказался на палубе. Ра все еще стоял за рулем, тщетно пытаясь разглядеть это судно, но его голова находилась слишком низко. Мне самому стоило больших трудов обнаружить крошечную точку в водяной пустыне, но потом я нашел ее.

Судно? Оно показалось мне слишком плоским и неуклюжим. Но это ни в коем случае не могла быть суша, потому что этот предмет поднимался и опускался на длинных волнах. Если он находится прямо перед нами и движется в том же направлении, рано или поздно мы догоним его, в этом я был уверен.

Итак, я подозвал Ксантера, он должен был забраться на мачту и не спускать глаз с этого предмета. Мы подняли все паруса и надеялись, что догоним судно — или что бы там ни было — еще до наступления темноты.

Несмотря на напряжение, время шло очень медленно. Черная точка перед нами постепенно увеличивалась, а потом, в самом конце дня, мы увидели, что это плот, на котором была установлена примитивная хижина.

На корме его стоял человек и глядел на нас.

Конечно, я предположил, что это житель Восточной страны, который отважился на далекое путешествие через океан и плыл к нам мимо острова научников. Тогда он должен был находиться в пути уже много месяцев, и я спросил себя, почему он не воспользовался гораздо более совершенным кораблем. Плавание на таком хрупком суденышке было смертельно опасно. Конечно, он будет рад, если мы его подберем.

Однако все вышло не так.

Когда мы подошли на расстояние слышимости и продолжали приближаться, одинокий мореплаватель внезапно нагнулся, потом направил на нас ружье. По крайней мере сначала я подумал, что это было ружье, пока не рассмотрел его лучше.

Из дула вылетел узкий, яркий луч, и в то же мгновение верхний парус на нашем корабле вспыхнул.

Все это произошло так быстро и неожиданно, что мы не успели двинуться с места, но потом я пришел в себя.

— Ружье, Ра, быстрее! Это научник!

Мне было ясно, что он своим энергетическим излучателем может уничтожить весь наш корабль. Может быть, он будет осторожнее, если увидит, что мы тоже вооружены. А пока что я попытался заговорить с ним.

— Не делайте глупостей, научник! — проревел я ему. — Мы можем вам помочь, если вы нуждаетесь в помощи. Мы из Западной страны. Куда вы плывете?

Вместо ответа он выстрелил во второй раз, на этот раз прицелившись чуть ниже. Сгорело несколько канатов, парус вяло обвис. Теперь настало время что-нибудь предпринять, потому что мы заметно теряли скорость.

Ра протянул мне снятое с предохранителя ружье. Я прицелился и нажал на курок. Пуля вырвала кусок дерева из балки плота возле самой ноги чужака. Я снова прицелился и послал вторую пулю в маленькую деревянную хижину.

— Следующая пуля попадет в вас! — предупреждающе крикнул я.

Чужак словно ничего не слышал. Он снова поднял свой излучатель.

Прежде чем он успел выстрелить, я снова нажал на курок. Я попал ему в левую ногу. Чужак вскрикнул и выронил оружие. Оно соскользнуло за борт и пошло ко дну.

Тем временем Хаберт отремонтировал парус, и мы снова быстро помчались вперед. Я уже слышал стоны раненого, который заполз в свою хижину. Тут я испугался, что у него есть второй излучатель, и стал спешить. Но мы вынуждены были ждать, пока не подойдем достаточно близко.

Я одним прыжком перепрыгнул на плот, когда мы подошли к нему вплотную. Ра вовремя захлестнул чалку за одну из балок, чтобы плот не уплыл от нас.

Научник все еще лежал и спокойно смотрел на меня. В его глазах не было страха, только упрямство и горечь поражения.

— Почему вы стреляли в нас? Разве это было необходимо?!

Я осматрел его. Чистая рана, никакой опасности. У нас было достаточно парусины, чтобы перебинтовать его ногу.

— Мне нужно в Западную страну, — просто сказал он, ослабев от потери крови.

— Мы тоже плывем туда! Так что зачем все это? Идемте, я помогу вам подняться на корабль. Там мы сможем перебинтовать вас.

— А плот?

— Мы возьмем его на буксир.

Ксантер помог мне поднять раненого на наш корабль. Мы уложили его в каюте, и пока Хаберт перебинтовывал его, я осмотрел плот и хижину. Я нашел только продукты питания, консервы и несколько неизвестных мне приборов, которые я забрал с собой, запасы воды и другие мелочи, необходимые в подобном путешествии. Но не было никакого оружия.

Мы бросили плот, чтобы он не тормозил нас. Наш пленник проспал всю ночь, он, должно быть, очень устал, но когда на следующее утро он проснулся, его уже можно было допросить.

Он сказал немного, хотя я настаивал, чтобы он объяснил мне, что погнало его в океан. Вот что мне удалось узнать: он бежал с Острова, потому что нарушил местный закон. Он обманул наблюдательные станции, и его не заметили. Я не знаю, как он это сделал, но в конце концов он ведь научник. Он хотел достичь Западной страны и твердо решил сообщить все подробности только нашим вождям.

Точнее сказать, он решился на это.

Он ждет в каюте моего судна разрешения предстать перед Соестом. Рабольт не мог больше говорить.

Возбуждение в Зале Совета было так велико, что никто не мог понять, что говорят другие. Буру Хан схватил Рабольту за руку и стал уговаривать его, но моряк продолжал стоять, ничего не отвечая ему. Он наслаждался мгновениями своего величайшего триумфа.

Еще никогда никому не удавалось поймать научника.

Рабольт незаметно сделал знак Ксантеру, стоявшему у входной двери. Только потом он сел. В зале стало потише, и сидящие поблизости люди могли понять, о чем разговаривают он и Буру.

— Я этого не понимаю, — сказал Буру Хан. — Научник, который бежит с острова? Почему он нарушил закон? Какой закон?

— Он сегодня сам скажет нам это, Буру Хан.

— Когда он придет?

— Он уже на пути сюда. Его сопровождают Ксантер и Хаберт.

— Я все еще не понимаю.

Когда открылась дверь и в нее, хромая, вошел научник, в зале воцарилась полная тишина. Все лица повернулись к чужеземцу, который добровольно отправился к ним. Тот медленно поднялся на подиум. Кивком головы он приветствовал Рабольту и всех сидящих там.

Мужчина, сидящий по другую сторону от Буру Хана, с готовностью поднялся и освободил место. Научник сел. Рабольт представил ему Буру Хана, потом указал на собрание:

— Это наше правительство, как вы его называете. Теперь вы можете спокойно говорить, рассказать все, как вы рассказали мне. Здесь нет никого, кто ненавидел или осуждал бы вас, и вы тоже сделайте все, что сможете. Вы готовы ответить на наши вопросы?

Научник кивнул:

— Да, готов.

Карег подстерегал на одинокой скале на промежуточной равнине и вел себя абсолютно спокойно. Опасность, исходящая от ружья, была ему знакома. Обладая некоторым разумом, он был вполне в состоянии исследовать причину чего-то, представляющегося непонятным, и учиться новым вещам. До того как сюда прибыли чужаки на огромном корабле, кареги были властителями этого мира. Корабль снова улетел, а чужаки остались. Они стали смертельными врагами карегов, которые пытались защитить свой мир.

Каждый убитый двуногий был частью великой победы.

Между двумя расами не было никакого взаимопонимания и не было общего языка. Кареги великолепно общались друг с другом, но двуногие этого знать не могли. Они же не были телепатами. Кареги же в некотором смысле были телепатами; однако они могли понимать мысли только других телепатов, но не остальных двуногих.

Карег на скале, возвышающейся над равниной на добрую сотню метров, давно уже заметил Тереса Хана, но не отваживался на риск. Пока противник находится на почти лишенной укрытий равнине, он со своим ружьем представляет огромную опасность. Карег должен ждать, пока его противник не углубится в подходящую местность.

Темная точка приближалась очень медленно, потому что Терес сильно устал. Если ему удастся найти подходящее место, он должен передохнуть. Ему нужна была тень, а далеко впереди он видел скалы и деревья, стоящие рядом друг с другом. Может быть, там также была вода.

Настоящие горы были еще далеко, сегодня он до них не доберется. Если ему какой-нибудь карег случайно не пересечет дорогу на равнине, ему придется пробыть в пути еще несколько дней, прежде чем он достигнет своей цели.

Он знал, что заседание Совета состоится сегодня, но это не особенно беспокоило его. Он еще не был вождем, и пока его отец заправляет делами государства, он в них не вмешивается.

Незадолго до полудня он приблизился к одинокой скале, возле которой он намеревался отдохнуть. Как он и надеялся, он нашел там маленький источник, впадающий в небольшое озеро.

Он с облегчением сбросил рюкзак с продуктами и напился досыта. Затем поел, потом сел, оперевшись спиной о скалу, наслаждаясь отдыхом.

Ружье лежало на земле возле него.

Конечно, он уже слышал о моряке Рабольте. Он завидовал его приключениям и возможности посетить Остров ученых. Когда-нибудь он тоже посетит этот остров и поговорит с учеными.

Почему бы им не помочь друг другу?

Ученые — и помощь? Одна эта мысль была абсурдной, если все

то, что он о них знал, — правда. У них были техника, цивилизация и прогресс. В Восточной и Западной странах развитие остановилось, потому что этого хотели их предки. Конечно, для этого были весомые основания, и однажды пропасть между этими народами станет настолько глубокой, что любое взаимопонимание между ними будет невозможным. Один не будет понимать другого, и все разделятся.

Так, может быть, и произойдет, если вдумчиво читать древние сообщения. Но почему все это не может вернуться обратно, в разумные рамки? В конце концов была же техника, которую предки привезли сюда, прежде чем повернуться к ней спиной.

Он почти уже заснул, потом вспомнил, что ему надо идти дальше. Но сначала он должен искупаться, чтобы освежиться. Он быстро разделся и прицепил к поясу нож, потому что никто не знает, какие опасности могут подстергать его в озере, хотя оно и такое небольшое.

Он вошел в мелкую воду, и только в середине озера его ноги не достали дна. Он погрузился в прозрачную воду, все больше удаляясь от берега.

Погрузившись метра на три, он увидел над собой четырехметровую тень с широкими крыльями.

Тень кружила над озером и ждала, когда он вынырнет, чтобы набрать воздуха.

Ледяной страх пронизал Тереса Хана. Его ружье лежало у скалы, а карег был достаточно умен, чтобы понять это. Может быть, он может предвидеть последствия? Нет, это было исключено! До сих пор никто даже в бреду не мог себе вообразить карега мыслящим существом.

Он должен вынырнуть, прежде чем захлебнется. Он подождал, пока карег, завершая круг, не окажется подальше, оттолкнулся от дна, вдохнул воздух и тотчас же снова нырнул. Летающий ящер камнем упал вниз, но было уже поздно. Терес удивился, что это животное не может ни плавать, ни нырять.

Карег учился.

Когда Терес появился в третий раз, тот был уже тут. Он упал, схватил человека за плечи и потянул его из воды.

Терес почувствовал резкую боль от вонзившихся в тело острых, как ножи, когтей, но сцепил зубы и попытался освободить руку, чтобы дотянуться до ножа.

Ноша для карега была слишком тяжела, и он не мог подняться выше. Он по широкому кругу облетал озеро и попытался постепенно набрать высоту. Он был так занят этим, что больше не обращал внимания на добычу, только крепко держал ее.

В десяти метрах над озером Тересу, наконец, удалось вытащить нож из футляра. Он едва мог повернуть голову, но знал, что тело ящера находится слишком далеко, чтобы нанести по нему хороший удар. Но для доказательства успеха Тересу нужен был только коготь животного, а он вонзился в плечо возле его предплечья.

Он подождал благоприятного мгновения, когда они находились над центром озера, там, где было глубже всего. Внезапным движением он рванул правое плечо вниз. В результате когти ящера отцепились от его плеча. Терес тотчас же ударил ножом и подрезал коготь точно в том месте, где кожа ящера была наиболее чувствительной, на самом конце лапы. Нож вошел в плоть и отделил коготь от лапы. Он полетел вниз и упал в воду.

Удивленный нападением и болью, карег раскрыл остальные когти. Терес тоже полетел вниз, однако своевременно выпрямился и погрузился в озеро.

Он тотчас же вынырнул и успел увидеть, как карег, покачиваясь, полетел прочь, покругил над скалами и поднялся вверх. Наконец, ящер исчез за вершинами скал и деревьев.

Коготь утонул. Не обращая внимания на раны, Терес начал искать его. Он нашел его на чистом песчаном дне на глубине пяти метров, поплыл к берегу и спрятался в нише скалы. Ружье и рюкзак с продуктами он затащил с собой.

Правая рана была опаснее, чем левая. Он тщательно очистил ее и разорвал рубашку, чтобы перебинтовать обе раны. Боль уменьшилась, но все еще оставалась опасность заражения крови.

Но у него был коготь карега!

Теперь он — мужчина!

Остаток дня и ночь он хотел провести здесь, под защитой скалы, а утром отправиться в обратный путь. Он чуть было не стал жертвой своей собственной добычи, потому что оказался слишком легкомысленным. И все же он спросил себя, откуда ящер знал, что в воде он будет беспомощным? Не был ли это действительно разум?

Может быть, ученые были не единственной проблемой этого мира?..

Сам не зная почему, он был рад, что карег не убит.

Когда стемнело, он собрал хворост, держа ружье наготове в руке, и разжег костер перед входом в нишу. Это удержит не только летающих ящеров, но и других животных. Он навалил столько дров, что теперь сможет отдохнуть без помех по крайней мере несколько часов.

Лежа и глядя вверх через узкое отверстие, он снова увидел звезды.

И одна из звезд медленно двигалась по небу.

Терес Хан хорошо знал звезды, которые двигались по небу, но они никогда не ползли так медленно и неторопливо, как эта.

Он удивленно поднялся и вылез из ниши.

Он все еще видел звезду.

Она медленно двигалась по небу на запад все в том же направлении. Приблизившись к горизонту, она побледнела, потом исчезла.

Терес забрался обратно в нору.

Он осторожно ощупал коготь — знак его совершеннолетия.

Была ли эта звезда знамением?

Костер все еще горел ярким пламенем, когда он заснул. Он не мог себе представить, что его мир в эту ночь начал изменяться.

4

Они, пристегнувшись, лежали в разложенных креслах, уперев ноги в специальные подставки. Они слышали шорох трения воздуха об обшивку, и охлаждение работало на полную мощность.

Только Пьер Дюрок все еще сидел. Он спокойно положил руки на рычаги управления и руководствовался данными, которые сообщили ему Рондини и Боговский. Если эти данные были правильными, они должны опуститься в северной части западного континента. Южнее побережья, между горами и морем была широкая равнина.

Они были еще на высоте пятидесяти километров, когда в последний раз пролетели над восточным континентом, постепенно опускаясь все ниже. Скорость их продолжала падать, и опасности сгореть в атмосфере больше не было.

Снова показалось море, а потом остров между двумя континентами.

Дюроку показалось, что он ошибся, но потом он совершенно ясно увидел города и связывающих их дороги. Однако прежде чем он успел обнаружить другие признаки высоко развитой цивилизации, остров остался далеко позади.

Высота теперь была около двадцати километров. Этого должно было хватить, чтобы добраться до западного континента и совершить посадку. Горючего больше не было, а выработка атомной энергии все еще была блокирована.

Они были на высоте пяти километров и опускались все ниже, когда на горизонте появилась суша. Бот миновал берег на высоте двух тысяч метров, и Дюрок скорректировал его полет. Когда он повернул рули высоты, бот перешел на планирующий полет.

Он еще раз поднялся вверх, когда они уже коснулись почвы; бот послушно следовал манипуляциям пилота. Но потом он уже больше не смог подниматься, потерял последние метры высоты и почти на скорости звука коснулся песка.

Появились первые кусты, они были вырваны с корнем, но их сопротивление еще больше затормозило бот. Пассажиры в креслах немилосердно трясло. Мышебобер несколько раз выругался, но тотчас же замолк, когда внезапная, неестественная тишина навалилась на бот и прекратилось всякое движение.

Пьер Дюрок облегченно вздохнул и расстегнул ремни. С новым вздохом он откинулся в кресле и сказал, не поворачивая головы:

— Я думаю, мы прибыли.

Другие тоже освободились от накопившегося напряжения. Сиденья одно за другим поднимались, и сидевшие в них отстегивались. Они прошли вперед и уставились в большой передний иллюминатор.

Перед их глазами была пустынная местность со скудной растительностью, слева шел гребень гор, а на севере — отдельные перележки и плоские холмы. Место посадки было выбрано великолепно.

— На севере есть поселение, прямо на берегу, — сказал Дюрок. — При последнем облете я заметил его, хотя и не был в этом уверен. Но при подлете я снова увидел его. Оно находится примерно в пятидесяти километрах отсюда.

Лейтенант Шлюмпф указал на погасшие контрольные лампочки.

— Почему бы нам не подождать, пока не прекратится магнитный шторм? Потом мы снова сможем стартовать. Мы полетим к городу, и нам не придется идти пешком.

Дюрок немного поколебался, потом покачал головой.

— Боюсь, что я должен разочаровать вас, Шлюмпф. Посадка была гораздо более жесткой, чем было запланировано. Чувствительные агрегаты двигателя находятся в брюхе корабля, а сам двигатель на корме. Подробный осмотр покажет, сможет ли бот вообще летать. Рондини это очень быстро установит. Так что, может быть, нам придется идти пешком.

— А я все еще не могу телепортироваться! — с ужасом пожаловался Гукки. — Шлепать пятьдесят километров по пустыне?... Я этого не выдержу. Итак, кто понесет меня?

Шлюмпф посмотрел на его неуклюжие ноги, потом произнес:

— Может быть, мы сможем тебя катить, малыш.

Выходной люк заклинило. Рондини и Боговский налегли на него, он внезапно поддался и открылся. Рондини потерял равновесие и вывалился из шлюза. Он неуклюже упал на четвереньки на песок и, казалось, хотел обнять всю планету.

— Он меня снова опередил! — яростно пробурчал Гукки и вторым выпрыгнул наружу.

Воздух был приятно теплым и чистым. Казалось, что сила тяжести здесь была чуть меньше земной, но это могло быть и ошибкой. Рондини нагнулся и заглянул под бот, чтобы получше рассмотреть повреждения. Когда он выбрался, лицо его было серьезно. Остальные, подошедшие позже, выжидательно смотрели на него, но теперь они знали, что он увидел.

— Ничего особенного, — сказал он. — За исключением трещин, из-за которых мы не сможем выйти за пределы атмосферы. Должно быть, вышли из строя все позитронные системы управления. Без посторонней помощи мы не сможем их отремонтировать. Бот теперь — груда железа и больше ничего.

— Лучше груда железа, чем вообще никакого бота, — философски заметил Гукки. — Что еще вышло из строя?

— Мне кажется, все, — с уверенностью ответил Дюрок. — Точнее я смогу это установить, когда кончится шторм и спадет индукция магнитного поля этой планеты. Сейчас вторая половина дня по восточному времени. Я предлагаю отдохнуть, плотно поесть, а потом отправиться в город. Мы возьмем с собой припасы и оружие. Может быть, нам повезет и завтра вечером мы доберемся до цели.

— Я почти уверен, что жители города не смогут нам помочь, — Боговский закончил короткий обход и вернулся назад, к остальным. — Если они технически ушли настолько далеко вперед, чтобы оказать нам помощь, они давно уже заметили бы нашу аварийную посадку и были бы уже здесь.

Им стало ясно, что профессор был прав. Несмотря на это, было бессмысленно ждать чуда возле разбитого корабля.

— Остров показался мне более цивилизованным, — коротко заметил Дюрок и больше ничего не сказал.

Они вынесли из корабля припасы и осмотрели снаряжение. Только два скафандра казались целыми, на других были видны повреждения. Однако для всех семи потерпевших кораблекрушение нашлись ручные излучатели с полным зарядом.

Когда стемнело и появились первые звезды, Дюрок указал на одну из них, показавшуюся ему наиболее заметной.

— Она находится почти точно на севере. Если мы примем ее за ориентир, мы по крайней мере окажемся вблизи города. Завтра, при свете дня, мы легко найдем этот город. Он находится на берегу моря.

— Почему мы должны идти ночью? — спросил Гукки.

— Потому что днем, наверное, будет слишком жарко. И трудности будут в особенности у тебя с твоим густым мехом.

Бросив последний взгляд на разбитый бот, они направились на север, идя по совершенно неизвестной местности.

Терес Хан проспал долго и почувствовал себя приятно освеженным. Несмотря на подстерегающую опасность, он, прежде чем позавтракать, еще раз погрузился в воду, упаковал коготь в рюкзак и отправился в путь.

Снятое с предохранителя ружье он держал в руке. Может быть, карег вернется, чтобы отомстить за отрезанный коготь.

Он должен идти на северо-восток, потом повернуть на север, как только доберется до торгового пути, ведущего на юг. Деревянные телеги оставили в степи ясно видимые следы, которые он не пропустит.

Однажды он посмотрел на небо и увидел высоко над собой четыре кружащиеся точки, которые сопровождали его. Это могли быть только кареги, выжидающие благоприятного момента для нападения. Здесь, в почти лишенной растительности местности, они едва ли представляли опасность для Тереса, но дальше на север были леса. Летающие ящеры могли спрятаться в кронах деревьев, поджидая, пока он не

подойдет достаточно близко, а потом неожиданно напасть на него. На этот трюк уже попалось несколько охотников.

Около полудня Терес добрался до отдельных деревьев, которые хотя и дали ему тень, но не могли предоставить укрытия для поджидающих карегов. Он отдохнул, немного поел, но спать поостерегся. Он лежал на спине и наблюдал за кружащимися над ним животными.

Теперь его сопровождали шесть точек.

Это выглядело малоутешительным, потому что если их будет еще больше, они нападут на него и в пустыне. Двоих или троих из них он, может быть, сумеет застрелить, но остальные...

Совсем не радостная мысль.

Откуда-то до него донесся незнакомый звук.

Он прислушался. Звук доносился с востока, и Терес никогда еще не слышал ничего подобного. Не поднимается ли ветер? Или даже шторм? Это был далекий шелест, какой издает карег, падая на жертву с большой высоты и разрезая воздух своими могучими крыльями.

Потом внезапно все стихло.

Терес на некоторое время задумался, потом забыл об этом. Что бы это ни было, оно, казалось, не представляло никакой опасности. Карег были более важны, потому что к ним присоединился еще один. Теперь их было семь, и они переговаривались между собой.

Я должен был взять с собой побольше снаряжения, подумал Терес, злясь на себя. Не каждый выстрел может быть удачным, а когда магазин опустеет, у него останется только нож. У него не было никакого желания оказаться в гнезде карега, где его голодные детеныши с нетерпением ждут обеда.

Он покинул тень дерева и пошел дальше, пока в конце дня не добрался до торговой дороги. Может быть, его нагонит какой-нибудь караван и возьмет с собой. Это сбережет ему много нервов, и он будет в безопасности.

Когда стемнело, он добрался до леса.

Карегов не было видно уже часа два. Может быть, они улетели вперед или отказались от своих намерений, но последнее казалось невероятным.

Несмотря на опасность, он вошел в лес, все время оставаясь на дороге и постоянно смотря во все стороны и — особенно внимательно — наверх. Наконец, он нашел то, что искал: могучий корень дерева, который образовывал естественное укрытие. Терес забрался под него, забился в угол и свернулся калачиком, чтобы поспать. Голода он не чувствовал.

Ранним утром он без помех добрался до края леса на другой стороне и, облегченно вздохнув, продолжил путь. Карег больше не появились, они удовлетворились тем, что он покинул их владения.

Два дня спустя Терес Хан увидел лежащий перед ним Северный город.

День Совета и допрос ученика принесли неожиданности не только для Буру Хана. О происшедшем быстро стало известно во всем городе, и этого было достаточно, чтобы люди перестали доверять сообщениям.

Ученого звали Рамес Дон. Он изучал многие области наук, обладал огромными знаниями и этим заслужив на Острове некоторое признание. Несмотря на это, он решил тайно покинуть его, чтобы установить контакт с оставшимися поселенцами. Они должны узнать правду.

Примерно двести лет назад, когда ученые отступили на Остров, все было в порядке. Высказывалось мнение, что скоро прилетит корабль Солнечной Империи и совершит посадку, чтобы выяснить, что здесь случилось, но никакого корабля так и не было. Казалось, о поселенцах Гринуолда забыли.

Вследствие этого дальнейшее техническое развитие на Острове испытало быстрый взлет и были сделаны новые открытия. Через сто лет после отделения началось строительство первой, пока беспилотной, ракеты. Не хватало сырья и множества вещей, а все знания о функционировании двигателей оказались бесполезными. Знания эти не были утрачены, но их нельзя было немедленно использовать на практике.

Пока небольшая группка ученых занималась этим, другая создавала для Острова кибермозг. Его создание заняло много десятилетий, и когда он, наконец, был приведен в действие, никто не знал, какие последствия будут у этого эксперимента.

Когда Рамесу Дону исполнилось двадцать лет, его отец показал ему кибермозг, по большей части уже законченный. Рамес был очарован им и решил продолжить работу своего отца. Он изучал физику и кибернетику, участвовал в установке рассеянных по всему острову предупреждающих устройств и конструировал работающий на солнечной энергии электромотор. Потом его отец умер, и он взял на себя его обязанности по уходу за этим гигантским сооружением, покоящемся на массивном основании глубоко под землей.

Мозг отвечал на любой вопрос, который ему задавали, не регистрируя ответов на эти вопросы. Потому что в него были вложены все знания ученых, живших на острове. Мозг развил в себе способность абсолютно самостоятельно комбинировать все научные выводы и давать верный ответ на каждый вопрос.

Никто не представлял себе опасности, заключавшейся в этом, Рамес Дон тоже.

А когда они ее заметили, было уже поздно.

Охрана на берегу по совету мозга была усилена. Никто не мог незаметно ступить на остров или покинуть его. Мозг приказал строить прозрачные купола, чтобы закрыть города от нападения с воздуха, — и эти купола были построены. Мозг же все знал.

Научники все больше попадали в зависимость, которая со временем сделала их рабами кибермозга.

Было созвано заседание Совета Ученых, на котором была названа грозящая опасность. Небольшим перевесом голосов было решено провести испытания и проверить лояльность мозга.

Маленькая флотилия давно уже подготовленных патрульных судов должна была выйти далеко в море, а потом, вернувшись, провести имитацию нападения на Остров. Тогда будет видно, действительны ли автоматические защитные устройства. В случае необходимости можно было узнать об этом и у мозга или же просто отключить его.

Однако все произошло совсем по-другому.

Едва один из кораблей удалился на километр от берега, как с берега по нему открыли огонь. Хотя корабль тотчас же повернул назад, он был потоплен.

Сам Рамес Дон вместе с остальными техниками пытался отключить мозг. Половина из них при этом погибла, а кибермозг продолжил свои штрафные санкции и довел их до конца.

Позднее даже самые упрямые скептики убедились, что робот отобрал у ученых власть над Островом. Но никто ничего не мог с этим поделать. Они сами, словно мыслящие машины, передали ему все знания и дали ему действенное оружие. Поворачивать назад было слишком поздно.

Купола над городами служили для того, чтобы контролировать каждого ученика, который перемещается с одного места на другое. Того, кто не вернется в город до наступления темноты, ожидало суровое наказание.

На Острове Ученых воцарилась абсолютная диктатура.

Несмотря на это, развитие продолжалось. Исследовательские станции в горах могли работать беспрепятственно, и кибермозг с готовностью выдавал сведения из всех научных областей, которые им требовались. Без его помощи не удалось бы сегодня запустить ракету на высоту более ста километров.

До корабля с экипажем теперь было не так уж и далеко.

Рамес Дон уже несколько лет назад решил бежать с Острова, но он не предполагал, насколько это будет трудно. Он не мог полагаться на помощь своих друзей, потому что большинство из них было довольно своим существованием. Кибермозг избавил их от повседневных забот, они только должны были выполнять его распоряжения.

Чтобы проводить исследования природы, Рамес Дон получил разрешение поселиться вблизи скалистого берега. Он выбрал окруженную лесом и скалами бухту, которая была вне поля зрения ближайшей радарной станции. Днем он изучал поведение морских животных, выращивал новые виды водорослей, а ночью строил плот.

Это была тяжелая и нудная работа, прежде всего потому что он должен был делать ее тайно и не привык к физическому труду. Он

валил и очищал дерево за деревом, чтобы потом спрятать его в подлеске. Прошел месяц, прежде чем он изготовил все детали плота и хижины, а теперь еще нужно было все собрать.

Нужно было ждать подходящего момента.

Конечно, он знал, что идет на огромный риск, потому что ему, как никому другому, были известны меры предосторожности, принятые кибермозгом. Даже самолеты не могли покинуть остров, они могли удалиться только на такое расстояние, какое определил для них позитронный деспот. Если они улетали дальше, их обязательно уничтожали. Вот одна из причин, почему прекратились контакты между учеными и остальными поселенцами.

Рамес Дон терпеливо ждал, пока не представится благоприятная возможность. На востоке острова произошло восстание, которое кибермозг подавил при помощи ужасных боевых машин. Эти человекообразные роботы управлялись дистанционно и не подчинялись ни одному человеку.

Они были чудовишно вооружены и не ведали обычного закона роботов, согласно которому робот не может напасть на человека и убить его. Не было более беспощадных бойцов, чем они.

Пока подавлялось восстание, Рамес Дон собрал плот, установил на нем хижину, погрузил собранные припасы и спустил плот на воду. Была темная ночь, облака затянули небо, и ветер дул с суши. Плот быстро оказался в дико бушующем море, и уже в эту первую ночь он прошел испытание на прочность.

Когда забрезжило утро, острова уже не было видно.

Кибермозг не заметил его бегства.

В течение недели его неуклюжий плот гнало на запад, пока однажды не появился мнимый преследователь в лице моряка Рабольты.

Как теперь все уже знали, недоразумение было разрешено и бегство Рамеса Дона с острова счастливо завершилось.

Таков был фантастический рассказ ученого, и он подтверждал правоту мудрых предков поселенцев. Цивилизация и техника захватывают людей и порабащают их. Человек становится рабом своих собственных созданий. Кибермозг стал властителем всех ученых.

Теперь нужно было помешать тому, чтобы этот кибермозг протянул свои щупальца в Западную страну.

Но как?..

Через десять минут Гукки остановился и сел.

— Делайте со мной, что хотите, но я не пойду дальше!

Карин Форстер сбросила поклажу на землю и присела возле мышобобра. Она погладила его мех.

— Что ты, малыш? Устал?

Гукки посмотрел на нее. Было достаточно светло, потому что ночь была ясной и безоблачной. В небе светили чужие звезды.

— Устал — это не то выражение, Карин. Я полумертв от усталости. Я больше не могу.

К ним подошел лейтенант Шлюмпф.

— Ты же просто хочешь, чтобы тебя несли, — запротестовал он.

Карин бросила не него взгляд, полный упрёка.

— Я ожидала, что вы будете более тактичным, лейтенант. Если вы так обращаетесь с маленьким мышебогром, то как будете обращаться со своей женой, когда женитесь?

— Карин права, — пришел ей на помощь Маркус Рондини. И обернувшись к Шлюмпфу, добавил: — Во всяком случае я бы вашей женой стать не хотел.

— Но вы же даже не женщина, — ответил немного сбитый с толку Шлюмпф.

Капитан Пьер Дюрок прошел еще несколько метров.

— Я думаю, нам всем следует сделать небольшую передышку. На полчаса, а потом мы пойдем дальше.

Они открыли банки с саморазогревающимися консервами и уселись на землю. Гукки на самом деле так устал, что, сладко посапывая, уснул на коленях у Карин. Лейтенант Шлюмпф бросил на него сочувственный взгляд.

Рондини сидел возле Дорель Керст и любезничал, словно у него не было других забот. Можно было подумать, что он рассматривает это вынужденное пребывание на незнакомой и, может быть, полной опасностей планете, как романтическое приключение.

Дюрок беседовал с Боговским.

— Что мы здесь найдем, профессор? Я имею в виду какую культурную ступень цивилизации? Могут ли это быть гуманоиды, или мы встретимся с совершенно чуждыми нам существами?

Боговский усталю пожал плечами.

— Эта система не особенно подробно обозначена на карте, так что она вряд ли была изучена до нас. Но вы видели города и дороги, если вы только не ошиблись. Хорошо, я тоже видел кое-что, что можно принять за города и дороги, но мы оба в этом не уверены. Мы можем только предполагать, каких существ мы встретим. Во всяком случае мы единодушны в том, что у них нет высокоразвитой цивилизации в нашем понимании.

Они замолчали. Предположения были бессмысленны, пока у них не было отправной точки. Теперь лучше было отдохнуть.

Когда Карин Форстер и Гукки встали, к ним присоединился Рондини.

— Садись мне на плечи, малыш, я понесу тебя немного, но не воображай, что я поташу тебя до самого берега.

Гукки, пошатываясь, встал.

— Спасибо, Маркус. Когда я снова смогу телепортироваться, я пронесу тебя через полгалактики.

— На Землю, этого будет достаточно...

Второй раз они сделали привал, когда забрезжило утро.

И здесь их ожидала первая неожиданность этого чужого мира.

Напали кареги.

Шлюмпф первым увидел, как они появились в утреннем тумане, похожие на небольшие самолеты. Здесь была добрая дюжина этих опасных ящеров, которые надеялись на успех внезапного нападения на богатую добычу.

Люди провели ночь на плоских холмах, поросших высокой травой. На склонах были отдельные деревья и редкие кусты. Они развели в маленькой ложбине костер, чтобы прогнать холод. Края впадины закрывали огонь, и его не было видно с расстилающейся во все стороны равнины.

Боговский решительно взял излучатель.

— Они похожи на летающих динозавров. Не являются ли они основными разумными существами этого мира? Тогда мы должны попытаться установить с ними контакт.

Дюрок стянул его на дно ложбины.

— Разумны они или нет, но совершенно очевидно, что они нападают на нас. Будет лучше, если мы будем защищаться, когда они приблизятся.

Карегии окружили над холмами и стали приближаться. Они, казалось, не были единодушны в том, какую тактику им избрать. Один из них внезапно круто поднялся вверх и повис в сотне метров над впадиной, в которой укрылись земляне и Гукки.

— Разведчик, — предположил Рондини. — Мне его снять?

— Пока не надо, Маркус, — произнес Дюрок. — Мы будем защищаться только тогда, когда на нас нападут.

Немного позже стало ясно, что летающие ящеры общаются между собой. «Разведчик» оставался над ними, а остальные сгруппировались так, словно они могли видеть дно ложбины и им были ясны ее слабые места. Северная сторона была плоской, и защитить ее было труднее. И именно оттуда последовало нападение.

Они летели низко над землей, издавая резкие крики. Вытянув вперед когти передних лап, они ринулись к холму, и не оставалось никаких сомнений в их намерениях.

Дюрок тщательно прицелился и прожег крыло первому нападавшему. Животное упало и почти лишилось сознания. До того, как ему повредили крыло, его еще никогда не ранили.

Однако остальные не отказались от своих намерений. Несмотря на плотный защитный огонь, они проникли в ложбину и попытались обрушиться на людей. Дорель Керст среагировала слишком медленно, и один из карегов опрокинул ее. Ящер обеими лапами схватил ее и попытался поднять вверх свою жертву, чтобы утащить ее.

На этот раз Гукки, не потерявший присутствия духа, подскочил к

ящерицу сбоку, прижал дуло излучателя к его телу и выстрелил. Радистка с трудом выбралась из-под внезапно навалившейся на нее массы и выкарабкалась из-под тела чудовища.

Они прогнали оставшихся в живых карегов и обнаружили, что убили пятерых. Шестой нападавший лежал в нескольких метрах от них на склоне и пытался поползти. Без крыла животное казалось беспомощным.

Маркус Рондини встал и с излучателем наготове пошел вниз по склону. Когда он оказался метрах в двух от карега, тот внезапно ожил, мгновенно развернулся и, как молния, ринулся на удивленного техника. Дорель Керст, стоявшая возле Гукки на дне ложбины, вскрикнула от ужаса.

Карег ударил когтистой лапой по бедру Рондини, но прочный материал скафандра не допустил серьезного ранения. Но все же Рондини потерял равновесие и упал.

В это мгновение Пьер Дюрок выпрямился и убил животное.

Они осмотрели Рондини и обнаружили лишь небольшую царапину.

— Это было легкомыслие с вашей стороны, Маркус, — упрекнул его Дюрок. — Мы имеем дело с чужой формой жизни и должны рассчитывать на всякие неожиданности.

— Ну да, капитан! Я хотел побольше узнать об этом звере, а он был еще жив. Другие же убиты или улетели.

Они, не задерживаясь больше на месте нападения, отправились дальше. Все же теперь они имели хоть какое-то представление о том, что их может здесь ожидать.

Гукки шел возле Боговского. Некоторое время он ничего не говорил, но потом по его лицу стало заметно, что он напряженно раздумывает. Наконец, он заговорил:

— Послушайте, профессор, хотя я временно утратил свои телепатические способности, но все равно, когда эти чудовища напали на нас, мне на мгновение показалось, что в мой мозг проникли путанные импульсы мыслей. Может быть, это была иллюзия?

— Наших мыслей?

— Нет, не думаю. Их узор был чужд и своеобразен. Они, должно быть, принадлежали летающим ящерам. Но сейчас они исчезли. Я думаю, это произошло тогда, когда умер последний из них.

— Действительно, странно. Может быть, в мгновение смерти они испускают мощный импульс мысленной энергии, который они, несмотря на их неспособность к этому в других условиях, могут принимать? Это было бы объяснением.

— Может быть, но я в этом не уверен, — вздохнул Гукки. — Наступит ли когда-нибудь такое время, когда этот проклятый магнитный шторм, наконец, закончится? Надеюсь, он продлится недолго.

Рондини немного прихрамывал, но не причинял остальным никаких затруднений. Во всяком случае потерпевшие кораблекрушение

довольно быстро продвигались вперед и, пройдя через большой лес, увидели город, раскинувшийся перед ними.

Вообще-то это было просто скопление приземистых деревянных домов, среди которых возвышалось несколько каменных построек. Там были извилистые улицы и несколько площадей, но никаких общественных средств сообщения или автомобилей. Место, куда техника еще не пришла.

— Я думаю, — медленно произнес профессор Боговский, — что мы найдем здесь людей.

5

Едва улеглось потрясение жителей Северного города, вызванное рассказом научника, как перед ними предстала еще большая неожиданность. Четверо чужих мужчин, две женщины и покрытое мехом существо пришли с юга и захотели говорить с вождем.

Буру Хан забрался на свой велосипед и поехал к Дому Совета, куда провели чужестранцев. Он не имел ни малейшего представления, в чем тут дело, потому что, судя по описанию, это не были люди из Южного города. Может быть, они были из какого-нибудь уцелевшего племени, о котором никто ничего не знал?

Но когда он увидел посетителей, он тотчас же понял, что все его предположения неверны. Его отец рассказывал ему о пионерских временах, которые сам знал только по рассказам. Тогда, когда они прибыли в этот мир с другой планеты, люди тоже носили эту странную одежду, закрывающую все тело.

Чужаки говорили с акцентом, но он хорошо понимал их. Они сообщили ему, что произошло и что их маленький корабль разбился и теперь находился в степи, в пятидесяти километрах к югу. В заключение они, ни на что не надеясь, спросили, сможет ли этот мир оказать им помощь.

Буру Хан ответил на вопросы, а потом сам рассказал историю жителей Гринуолда. Забытые поселенцы, закончил он, едва ли чем смогут помочь. И если кто-то вообще сможет им помочь, так это только научники. Однако он сомневался в том, что им стоит ждать помощи оттуда, и рассказал историю о кибермозге, который захватил там власть.

Земляне вынуждены были признать, что попали в затруднительное положение. С одной стороны, они встретили здесь дружелюбных, готовых помочь поселенцев, однако у них не было техники и средств для этой помощи, а с другой стороны, были научники, потомки бывших земных ученых, которых поработила воцарившаяся над ними машина.

Буру Хан предложил чужестранцам пустой дом в качестве жилья

и пообещал заботиться о них. Вечером он хотел прийти к ним со своим сыном Тересом, моряком Рабольтом и беглым научником Рамесом Доном.

Пьер Дюрок прежде всего был рад тому, что переговоры прошли так успешно и что последующие дни и ночи им не будет угрожать постоянная опасность. Они нашли друзей, услышали рассказ об Острове, и несмотря на то, что там произошло, все шло хорошо.

Вечером из уст Рамеса Дона они услышали подробности о жизни ученых и их техническом прогрессе, который так скверно повлиял на их судьбу. Когда Рамес Дон упомянул о попытке создания ракеты, Маркус Рондини навострил уши и осведомился о подробностях. После всего, что он до сих пор слышал, он удивился тому факту, что кибермозг вообще разрешил такие опыты. Но, вероятно, он разрешил только разработку беспилотных ракет, чтобы потом покорить оба континента. Разрешение на создание ракеты с экипажем для космических перелетов использовалось только в качестве приманки.

На следующий день Пьер Дюрок вместе с Гукки осмотрел корабль Рабольта, а остальные занялись различными делами. Боговский прежде всего поговорил со старейшинами; он хотел знать все о полузабытом прошлом, чтобы найти отправную точку для объяснения того, что Гринуолд стерт и отсутствует на звездных картах и не было ли это сделано намеренно.

— Потребуется много времени, чтобы построить большой и более совершенный корабль, — сказал Рабольт, снова и снова бросая на Гукки любопытные взгляды. — Но, может быть, это стоит сделать. Во время путешествия я установил, что контроль машин над учеными имеет пробелы, иначе мне пришлось бы плохо.

— Я тоже заметил это, — согласился Пьер Дюрок. — Если бы контроль был совершенным, в вашем городе не было бы человека по имени Рамес Дон. И, вероятно, не было бы и Рабольта.

Рабольта мгновенно привлекла идея нового путешествия.

— Если мне с помощью Буру и Тереса удастся мобилизовать всех мужчин в городе, хороший корабль будет готов через несколько недель. Женщины должны сшить паруса и приготовить припасы. Если мы отплывем до начала зимы и спустимся южнее, мы попадем в зону постоянного юго-восточного ветра, который быстро погонит нас к острову.

— Сколько на это потребуется времени?

— Не больше четырех недель, если не будет штормов.

Гукки что-то пробормотал про себя, потом задумался, а остальные вопросительно смотрели на него.

— Пьер Дюрок, не можем же мы половину жизни провести на Гринуолде, хотя мне здесь очень нравится. Скоро нас хватят и будут искать. И, как мне кажется, вскоре на эту планету совершит посадку корабль Космического Патруля.

— Но по крайней мере мы не будем ждать его в бездействии.

Они еще долго оставались на берегу и строили планы. Рабольт загорелся этой идеей и хотел уже сегодня поговорить с Бурр. Настоящая высадка на Остров Научников — это было ему по вкусу.

В этот день профессор Боговский вернулся домой, погруженный в глубокую задумчивость. Он вполуха слушал то, что говорили ему другие. Экспедиция на остров оставила его почти равнодушным.

Гукки буквально сходил с ума, потому что он не мог прочесть его мысли и удовлетворить свое любопытство. Когда они обедали, он беспокойно ерзал на своем месте. Но прежде чем он успел задать вопрос, у них появились гости.

Пришли Терес Хан и его отец, а с ними еще несколько членов Совета.

Этим вечером они отправились спать очень поздно, и Гукки, к сожалению, пришлось мучиться, не утолив своего любопытства до самого сна.

На другой день он больше не увидел Боговского. Профессор встал очень рано и исчез неизвестно куда. Он только сказал Дюроку, что узнал нечто довольно любопытное и хочет выяснить подробности.

Первые деревянные балки были уложены уже вечером. Рабольт руководил постройкой своего нового корабля, и технические советы Рамеса Дона помогали ему. Хотя научник и не испытывал никакого желания вернуться к себе на родину, но в душе он надеялся, что экспедиция будет удачной и условия жизни на Острове снова станут нормальными.

Гукки вместе с Карин Форстер и Дорель Керст прогуливался по городу и наблюдал за его жителями. В душе он жалел, что не может показать хотя бы несколько своих телекинетических штучек, потому что ничто не указывало на то, что его способности постепенно возвращаются к нему.

Вечером вернулся Боговский и стал рассказывать, хотя никто ни о чем его не спрашивал. С ним пришел Терес Хан.

— Здесь есть старики, которые помнят рассказы своих предков, и они еще свежи в их памяти. В этом месте опустился корабль поселенцев, высадил здесь более десяти тысяч колонистов, выгрузил припасы и снаряжение, а потом снова исчез. С тех пор здесь больше не садился ни один корабль. Второй корабль, который прилетел вместе с первым, высадил такое же количество колонистов на другом континенте. Между обоими группами не было никаких контактов, так как вскоре радиосвязь вышла из строя и наметился отход от техники и цивилизации и возвращение к естественной жизни. Ученые и другие интеллектуалы переселились на Остров.

Терес сказал:

— Многим из нас все это известно, но никто об этом не беспокоится. Никто также не знает истинных причин этого переселения, они всегда держались в тайне власть имущими, — он вздохнул. — Мне хотелось узнать об этом побольше, и я хочу когда-нибудь посетить Остров Научников, но сегодня я не знаю, есть ли в этом смысл. Колесо истории нельзя повернуть назад.

— Но можно учиться на опыте, — возразил Боговский. — Можно учиться, не превращаясь в раба технического прогресса... Но это не то, что я хотел сказать. Я узнал кое-что, что может быть полезно для нас всех.

«Я же знал это!» — с удовольствием подумал Гукки. Он было решил, что Боговский уже все рассказал Тересу, но молодой человек смотрел на профессора с таким же любопытством, как и все остальные.

— И что же это? — с нетерпением спросил Дюрок.

Боговский спокойно сказал,

— Теперь я знаю, в каком месте двести пятьдесят лет назад здесь совершил посадку корабль с колонистами.

Несколько мгновений никто ничего не говорил, потом Дюрок нагнулся вперед.

— Ну и что же? Это нам ничем не поможет.

— Может быть, и нет. Но если мы действительно ничего не найдем, мы по крайней мере не будем сидеть здесь без дела и ждать окончания постройки корабля, который должен доставить нас на остров. Корабль с поселенцами совершил тогда посадку у Западных гор со стороны озера. Местность там не населена. Никто не отваживается проникать туда, потому что это владения карегов, с которыми мы уже познакомились.

— Это летающие ящеры?

— Верно. Они тогда прогнали поселенцев.

Они приняли план Боговского и обсудили его. Было ясно, что женщины не должны принимать участие в этой экспедиции. Прибрежная полоса к западу от гор была запрещенной не из-за притязаний на нее карегов и связанной с этим опасности — а из-за традиций. Сначала вообще было запрещено проникать на другую сторону гор.

Боговский предположил, почему это так было.

— Это из-за того, что там совершил посадку космический корабль. Итак, там должно быть что-то, что руководители тогдашней колонии спрятали от своих поселенцев. Радикальный отход от техники и цивилизации заставляет меня предположить, что это такое: достижения техники и цивилизации.

Дюрок откинулся на стуле.

— Возможно, вы правы, профессор, — согласился он.

Надежда найти там исправный гиперрадиопередатчик или даже спасательный бот заставила их быстро принять решение. Даже Гукки,

который все еще с ужасом вспоминал о пятидесятикилометровом переходе, с воодушевлением согласился; конечно, он решил на участие в экспедиции только тогда, когда Терес пообещал дать им телегу с тягловым животным для перевозки припасов. Тогда мышебобру останется пройти пешком пару километров, не больше...

Они сидели до глубокой ночи и обсуждали план. Прежде всего нужно было покончить с карегами, которые постоянно нападали на людей и пытались их убить. Намерение предпринять карательную экспедицию против летающих ящеров было поддержано всеми. Даже Терес, который половину своей жизни не испытывал по отношению к карегам ничего, кроме страха, высказал свои соображения:

— Они неразумны, хотя мне они иногда кажутся разумными, когда я слушаю рассказы охотников. Мы намереваемся проникнуть в их владения, и они, наверное, будут защищаться. Но они никогда не напали ни на одного из нас здесь, в городе, или в его окрестностях. Я часто спрашиваю себя, не делают ли они это потому, что боятся нас здесь, или между карегами заключен какой-то пакт. Они никогда не вторгаются в наши владения, но беззастенчиво защищают свои.

— Будь они разумны, мы могли бы заключить с ними соглашение. Мы же не хотим изгнать или уничтожить их, мы хотим только найти кое-что, что, может быть, находится в их владениях, — Боговский покачал головой. — Мысль о том, что мы не можем понимать друг друга, огорчает меня, но не может заставить меня отказаться от решения сделать все возможное для нашего спасения. К этому относится также экспедиция в запретную область.

— Мой отец разрешит ее, — уверенно сказал Терес. — Я знаю, что он хочет вам помочь. И он также даст нам ружья, чтобы мы могли защищаться.

— Утром мы поговорим с ним, — решил Боговский, прежде чем они разошлись.

Тягловое животное, отдаленно напоминающее ламу, было ручным. На юге континента они были еще дикими и паслись огромными стадами. Гукки быстро подружился с ним, потому что обнаружил у себя на ноге кровавую мозоль и у него не было желания заработать еще одну.

Буру Хан после долгих раздумий согласился с планом землян и своего сына и дал им еще три ружья. Излучателями нужно было пользоваться только в случае необходимости, чтобы сберечь энергетический заряд, который позже, возможно, будет им необходим.

Рабольт только согласно кивнул. Ему было все равно, что будут делать тем временем чужеземцы. Корабль был для него самым главным, и он хотел построить его как можно быстрее, чтобы успеть до начала зимы.

К удивлению всех, Рамес Дон попросил разрешения принять участие в этой экспедиции. Он обосновал свое желание тем, что, может быть, ему удастся извлечь пользу для своих друзей, если они найдут остатки снаряжения и оборудования звездного корабля. Кроме того, добавил он, его коллеги на Острове, конечно, будут благодарны за каждое указание, которое может помочь им в дальнейших исследованиях.

Никто не возражал против участия научника в экспедиции.

Деревянная телега была доверху нагружена фруктами, овощами, сушеной рыбой и вяленым мясом. Вода была не так уж и важна, потому что уже примерно через тридцать километров нужно было пересечь реку, которая впадала в море. Во владениях карегов, через пару километров, судя по сообщениям, должна была встретиться маленькая речка, которая начиналась в Западных горах и текла к океану.

Терес Хан был назначен официальным руководителем экспедиции, потому что он лучше знал местные условия, хотя он тоже никогда не был во владениях карегов на западной стороне гор. На этот раз у него было сто зарядов для ружей.

Они выступили солнечным и теплым днем и к вечеру уже пересекли реку и достигли границы владений карегов.

До Северного города теперь было более пятидесяти километров. Теперь на всем оставшемся пути им нечего было надеяться на постороннюю помощь.

Главное задание Гукки состояло в том, чтобы снова и снова погонять упрямое животное и следить, чтобы телега двигалась дальше. Он также позаботился о том, чтобы их лагерь был разбит у русла ручья. Была выставлена охрана, чтобы нападение летающих ящеров не застало их врасплох.

— Послушай, Матильда, — сказал Гукки псевдоламе, собственноручно распрягая и задавая ей корм, — мне очень жаль, что я не могу читать твои мысли, если ты вообще можешь думать, но если ты и дальше будешь так упряма, я буду вынужден силой тянуть тебя. Ты напоминаешь мне змного мула. Мне не нравится то, что я все время должен подталкивать телегу сзади, чтобы тебе было легче. Я же хочу тебе просто помочь, ты понимаешь меня?

«Как бы было великолепно, если бы Матильда понимала меня, — подумал он, — но, к счастью, она не понимает, иначе она знала бы, что я все время сижу сзади, на грузе, хотя и делаю вид, что помогаю ей».

— Ты разговариваешь с кобылой? — Гукки посмотрел вверх и увидел незаметно подошедшего Тереса. — Этого еще никто не делал.

— Значит, я сделал это первым, — произнес Гукки и добавил: — Садись, Терес. Я хочу тебя кое о чем спросить.

Сын вождя сел возле мышобобра.

— Спросить? Ты хочешь меня спросить?

— Да, конечно, а почему бы и нет? Я же не знаю здешней местности и вообще я почти ничего не знаю о твоём мире. Что вообще представляют собой кареги? Они не такие живые существа, как ты или я, даже если они нападают и убивают нас. Может быть, у них действительно есть основания для этого?

Терес погладил Матильду и спокойно произнес:

— Кареги?.. Я ещё никогда не убил ни одного карега, несмотря на то что у меня есть коготь. Ты же знаешь эту историю. Я никогда не думал о том, правильно ли мы поступаем, вторгаясь во владения карегов, чтобы добыть коготь. Может быть, тут тоже скрыта какая-то тайна прошлого.

— Здесь нет никакой тайны, — заверил его мышобобр. — Я думаю только, что мы вторглись на эту планету и кареги теперь защищают свои родовые права. Это их право, Терес.

— Но они же животные!

— И это говоришь ТЫ! Разве люди сто тысяч лет назад не были такими же животными? Что было бы, если тогда со звезд прилетели бы чужаки и подавили их, чтобы не дать им развиваться дальше? Было бы у нас тогда «сегодня»?

— Но кареги, это же видно, они никогда не смогут...

— Предубеждение! — оборвал его Гукки. — Всего лишь предубеждение. Их внешний вид вообще не играет никакой роли. Если бы я не мог говорить, ты и меня бы не признал разумным! Кто тебе сказал, что кареги ничего не понимают? Кроме того, это совершенно неважно. Они были здесь до вас, и ЭТО все решает. Каждое живое существо должно получить свой шанс на эволюцию. Каждое!

Терес задумчиво улыбнулся и сказал:

— А это тягловое животное, кобыла, тоже?

— Да, и оно тоже! Через сотню тысяч лет его потомки, может быть, впрягут в телегу в качестве тягловых животных людей, если только они подойдут им. Никогда не забывай об этом!

Терес посидел ещё некоторое время, потом вернулся к остальным. Он внезапно глубоко задумался.

В эту ночь Гукки показалось, что он в первый раз за долгое время воспринимает импульсы мыслей, очень слабые и робкие. Он тотчас же проснулся и попытался сконцентрироваться, но это ему не совсем удалось.

Он принял вахту и сел на камень немного в сторону. Ночь была тихой, слышалось только журчание близкого ручья.

Это, должно быть, Рамес Дон, подумал Гукки, когда до него дошли новые импульсы. Научник не спал. Он лежал в своём укрытии и думал. Мысли его теперь были более четкими, хотя по-прежнему и отрывочными. Мышобобру с трудом удалось сложить вместе их фрагменты.

Рамес думал о космическом шторме, который занес сюда землян, и о нарушении магнитного поля планеты Гринуолд, влияние которых вывело из строя все электронные и позитронные приборы и аппараты. Он покинул Остров много месяцев назад. Как там теперь обстоят дела? Использовали ли его коллеги этот шанс и победили ли они кибермозг? Может быть, он сам вышел из строя, когда разыгрался этот космический шторм...

Гукки тотчас же понял, что имеет в виду научник. Если из строя вышли приборы и управление маленького спасательного бота, то что же произошло с этим гигантским кибермозгом, все функции которого жаждали на позитронной основе?

С другой стороны, это соображение пришло слишком поздно. Если телепатические способности снова возвращаются к нему, то кибермозг тоже сможет функционировать. Магнитное поле Гринуолда снова входило в норму или по крайней мере приближалось к ней.

Потом появились и другие импульсы мыслей, узор которых был чужд и непонятен. Они забили мысли Рамеса Дона и исходили по меньшей мере от сотни существ. Гукки не смог рассортировать их и уловить смысл, но в данное мгновение ему было все равно. Главным было то, что он снова мог воспринимать их!

Он разбудил Тереса Хана, вахта которого была последней, и лег на его место. Когда начало светать, он, наконец, заснул.

После завтрака они отправились дальше, повернув на запад и все время следуя параллельно берегу. С левой стороны были горы. Над ними, на большой высоте, почти постоянно кружило несколько карегов, но они так ни разу и не напали. Может быть, летающие ящеры выжидали благоприятную возможность?

Во второй половине дня Боговский внезапно указал вперед.

— Вы видите там отдельную отвесную скалу, похожую на палец в сотню метров высотой? Описание совпадает. Теперь мы обогнем ее слева, со стороны гор. Там должны быть две почти одинаковые горные вершины, там, между ними, находится долина. У входа в эту долину двести пятьдесят лет назад и совершил посадку космический корабль.

Они увидели вершины, указывающие путь.

Когда стемнело, вход в долину был уже перед ними. Они остановились и осмотрелись.

Горы вздымались высоко в небо и закрывали вид на океан. Долина была больше похожа на ущелье. В ее стенах виднелись многочисленные пещеры и ниши. Между горами и морем была песчаная равнина, прибрежная полоса почти двадцатикилометровой ширины.

Боговский произнес:

— Если там вообще что-нибудь укрыто, то только в этой долине. Завтра утром мы войдем в нее. А теперь поищем подходящее место для лагеря.

Терес Хан осматривал скалы и пещеры. Он заметил во многих

отверстиях движение и был уверен, что кареги непрерывно наблюдают за ними. Он не понимал, почему они до сих пор не напали на них.

В эту ночь они спали под защитой нескольких каменных обломков. Мышебобер снова мог принимать чужие мысли, на этот раз они были четче и сильнее. Но, к его безграничному удивлению, ему не удалось проникнуть в их смысл. Узор их оставался непонятным.

На следующее утро, когда рассвело, все они увидели, что сделали кареги. Под защитой ночи они подкрались и окружили экспедицию со всех сторон. Сотни ящеров образовали кольцо вокруг каменных обломков и отрезали путь к отступлению. Ящеры неподвижно сидели на песке или на ближайших скалах и смотрели на людей. Казалось, что они ожидают сигнала к нападению.

Терес схватил ружье, но Боговский покачал головой.

— Это бессмысленно, Терес, оставьте ружье. Прежде чем мы убьем хотя бы дюжину, они уничтожат нас. Они могли неожиданно напасть на нас под покровом ночи и уничтожить, но они этого не сделали. У них какие-то другие намерения.

Терес, ничего не ответив, опустил ружье. Ситуация и поведение карегов превосходили его понимание.

Пьер Дюрок и Маркус Рондини с готовыми к стрельбе излучателями лежали под прикрытием скал. Они решили как можно дороже продать свои жизни. Поведение ящеров им тоже казалось странным, и им начало казаться, что они имеют дело по крайней мере с полумрачными существами.

А потом Гукки внезапно принял ясный и четкий мысленный импульс-вопрос:

— ЧТО ВЫ ИЩЕТЕ В НАШИХ ВЛАДЕНИЯХ? ДАЙ ОТВЕТ, ЕСЛИ ТЫ НАС ПОНИМАЕШЬ. МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ОДИН ИЗ ВАС ОБЛАДАЕТ ТАКОЙ ЖЕ ЧАСТОТОЙ ВОЛН-МЫСЛЕЙ.

В голове мышобобра зароилось множество мыслей. Кареги были телепатами — он уже сам догадался об этом. Импульсы, которые он воспринимал в обе предыдущие ночи, испускались ими. Но он мог ясно разобрать их мысли только тогда, когда они были направлены прямо ему. Кареги же тоже были в состоянии принимать только обращенные к ним импульсы мыслей. Итак, взаимопонимание все же было возможно.

— МЫ ПРИШЛИ С МИРОМ И СКОРО УЙДЕМ, — подумал он. — Затем он повернулся к Тересу и Боговскому и сказал вслух:

— Они установили со мной контакт — и он действует. Они спрашивают, чего мы хотим в их владениях.

На лице сына вождя появилось выражение недоверия. Боговский только кивнул, словно и не ожидал ничего другого. Дюрок сказал:

— Итак, это действительно телепатия? И ты думаешь, что кареги действительно разумны?

— По крайней мере они не тупы. Я думаю, что кровавая война

между людьми и карегами теперь, возможно, закончится. Все это было только результатом недопонимания.

— Между нами и ними никогда не может быть мира, — убежденно заявил Терес. — Никогда, после такой долгой войны.

— **ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ НАЗАД, ИНАЧЕ МЫ УБЬЕМ ВАС!** — Гукки знал, что он получил сконцентрированный именно на нем мысленный приказ. Одно это уже указывало на наличие разума у ящеров. Он понял, что на этот раз, совершенно случайно, ему предстояло выполнять ответственнойшее задание. — **ЭТО НАШИ ВЛАДЕНИЯ, И ТАК ДОЛЖНО ОСТАТЬСЯ НАВСЕГДА!**

Гукки ответил вслух, чтобы и остальные могли понять его, и одновременно сконцентрировался на передаче мыслей:

— **ЭТА ОБЛАСТЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАНЕТСЯ ВАШИМИ ВЛАДЕНИЯМИ, НАМ ОНА НЕ НУЖНА. МЫ ТОЛЬКО ПРОСИМ У ВАС РАЗРЕШЕНИЯ НА ОДИН ДЕНЬ ПОСЕТИТЬ ДОЛИНУ, А ПОТОМ СНОВА ОСТАВИМ ВАС В ПОКОЕ.**

Ответ подтвердил, что они его поняли.

— **МЫ ДОЛЖНЫ ПОСОВЕТОВАТЬСЯ.**

— Нам нужно подождать, — сказал мышeboбер, увидев вопросительное выражение на лицах своих спутников. — Они совещаются.

Терес все еще не мог осознать того, что ненавистные и ужасные кареги скорее всего были мыслящими существами. Однако их поведение полностью соответствовало тому, что сказал Гукки. Хотя кареги все еще оставались на прежнем месте, Гукки, улавливающий чужие, ставшие теперь непонятными импульсы мыслей ящеров, утверждал, что они телепатически советуются друг с другом.

— Посмотрим, что они решат, — произнес Боговский, которого все это сильно заинтересовало. — Мы не должны забывать, что, если они на нас нападут, будет кровавая баня. Но с другой стороны, совершенно несомненно, что они намеренно не использовали свои шансы этой ночью. Они **ХОТЕЛИ** установить с нами контакт.

Целый час они лежали под защитой каменных обломков, потом кареги потребовали от Гукки, чтобы он покинул эту естественную крепость и вышел наружу. Они хотели видеть, с кем они «говорят».

Гукки отдал Дюроку излучатель.

— Я пойду к ним безоружным. Если что-то произойдет, не обращайтесь на меня внимания. Я спасусь, даже без телепортации. Прикройте меня огнем, и все.

Не ожидая ответа, он перебрался через каменную глыбу, за которой сидел, и своей обычной переваливающейся походкой направился к ближайшей группе карегов.

Теперь он в первый раз увидел их вблизи. Их блестящие неподвижные глаза смотрели на него спокойно, почти равнодушно. Кареги великолепно сознавали свое теперешнее превосходство и играли с ним.

Вытянувшись во весь свой четырехметровый рост, они действительно казались очень большими и теперь, когда их крылья были сложены на спинах, подобно зубчатому гребню, напоминали крокодилов. Гукки уже много раз видел пресмыкающихся, и некоторые из них не оставляли о себе никаких приятных воспоминаний, но у него не было никаких предрассудков, почти всегда недопонимание и войны возникали из-за предрассудков и недостатка желания понять друг друга, в основном с обеих сторон.

Несмотря на это, он был вынужден признаться себе, что испытывает что-то вроде страха, но он доверял этим чужим существам, которые в течение столетий преследовали людей и убивали их. Может быть, на стороне Гукки было то, что он не был похож на человека.

Он остановился в нескольких метрах от карегов и стал ждать.

— ТЫ НЕ ОДИН ИЗ НИХ...

— ОНИ МОИ ДРУЗЬЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ ВЫГЛЯДЯТ ИНАЧЕ. ТОЛЬКО ДВОЕ ИЗ НИХ ЖИВУТ НА ЭТОЙ ПЛАНЕТЕ; Я И ОСТАЛЬНЫЕ ПРИЛЕТЕЛИ НА КОРАБЛЕ, КОТОРЫЙ СОВЕРШИЛ ЗДЕСЬ ПОСАДКУ НЕКОЛЬКО ДНЕЙ НАЗАД. Я ДУМАЮ, ВЫ ЗНАЕТЕ ОБ ЭТОМ.

— ДА, МЫ ЗНАЕМ ОБ ЭТОМ. МНОГИЕ ИЗ НАС БЫЛИ УБИТЫ ВАМИ.

Гукки протелепатировал:

— ВЫ НАПАЛИ НА НАС, А МЫ ТОЛЬКО ЗАЩИЩАЛИСЬ. КАЖДЫЙ НАПАДАЮЩИЙ ДОЛЖЕН РАССЧИТЫВАТЬ НА ТО, ЧТО ЗАЩИЩАЮЩИЙСЯ УБЬЕТ ЕГО. ОН РИСКУЕТ, РЕШИВШИСЬ НА НАПАДЕНИЕ. Я ХОЧУ ГОВОРИТЬ С ВАМИ, ЧТОБЫ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО НИ НАПАДАЮЩИХ, НИ ЗАЩИЩАЮЩИХСЯ.

Пока мышебобер разговаривал с карсгами, Терес и остальные спрятались за обломками скал, держа оружие в руках. На Гринуолде еще никогда не было такой ситуации, и никто теперь не мог знать, какие последствия она может принести.

Может быть, Терес был последним молодым человеком, который принес с гор коготь карсга...

Они ждали почти час, пока Гукки и ящеры оживленно обменивались мыслями. Его предположения подтвердились. Кареги были полуразумны и могли общаться друг с другом при помощи определенного вида телепатии. Они жили по своим собственным законам, никогда не вторгаясь в область севернее обих горных цеспей, все время надеясь, что люди будут достаточно разумны, чтобы оставаться там, где они поселились. То, что караванная дорога с юга на север пролегла по их владениям, может быть, в первую очередь и было основанием для их взаимного непонимания и враждебности.

Гукки попытался объяснить это карсгам. Потом он еще раз повторил просьбу разрешить им посетить долину, потому что они хотели

найти там остатки потерянного снаряжения. Одновременно с этим он пообещал после возвращения в Северный город вместе со своими друзьями защищать там интересы карегов и позаботиться о том, чтобы впредь больше не было никакой охоты на ящеров. Он также указал на возможность того, что они могут великолепно помогать друг другу. Каждый из них нуждается в другом, и любая война, убежденно добавил Гукки, будет не только излишней, но и неразумной.

Он не смог скрыть своего удовлетворения, когда уловил последние импульсы мыслей:

— ВЫ МОЖЕТЕ ПРОЙТИ В ДОЛИНУ, МЫ НЕ СТАНЕМ НАПАДАТЬ НА ВАС. НО ЗАВТРА УТРОМ ВЫ СНОВА ДОЛЖНЫ ВЕРНУТЬСЯ И ОТПРАВИТЬСЯ НАЗАД, В ВАШИ ВЛАДЕНИЯ. ПОТОМ МЫ БУДЕМ ЖДАТЬ ЗНАКА ДВУНОГИХ, ЗНАКА О МИРЕ. МЫ БУДЕМ СЧАСТЛИВЫ, ЕСЛИ ВОЙНА ЗАКОНЧИТСЯ, ПОТОМУ ЧТО МЫ НЕ ХОТИМ ЕЕ. НАМ ДОСТАТОЧНО ГОР И РАВНИНЫ НА ЮГЕ, НО МЫ ХОТИМ ИХ ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ, ЧТОБЫ МЫ МОГЛИ ТАМ ЖИТЬ.

— Я СДЕРЖУ СВОЕ ОБЕЩАНИЕ, — ответил Гукки.

Он поднял обе лапы в знак мира и, переваливаясь, вернулся назад, к обломкам скал, где остальные с интересом и облегчением выслушали его.

Мышебобер рассказал им все и закончил:

— Мы должны воспользоваться разрешением их вождя и немедленно выступить. Телегу с Матильдой мы возьмем с собой на случай того, если нам придется на нее что-нибудь погрузить. Вы можете спокойно положить оружие на телегу, оно вам не понадобится.

Кобыла чувствовала опасность, исходящую от карегов, потому что с незапамятных времен летающие ящеры охотились на ламоподобных животных. Однако Матильда была в безопасности, и Гукки постарался объяснить это животному. Он снова и снова успокаивающе внушал ей это, но, к сожалению, она не могла его понять. Наконец, мышeboбер взял ее за уздечку и потащил из укрытия. Терес и Маркус подталкивали телегу сзади, чтобы облегчить работу животному.

Кареге неподвижно сидели на некотором расстоянии и смотрели на них.

Путешественники быстро достигли входа в долину. Он был узок, но кареге, должно быть, много раз проходили здесь, потому что протоптали настоящую дорогу. Они быстро продвигались вперед.

— Где мы должны искать? — спросил Рамес Дон у профессора. — Вы получили какие-нибудь указания?

— К сожалению, нет. Мнс сказали, в долине, но этого же слишком мало. Может быть, нам нужно осмотреть пещеры.

— Лучше не надо! — воскликнул Гукки. — В пещерах живут кареге, и они могут снова неправильно понять нас.

Они прошли около пяти километров и, когда солнце достигло

своей высшей точки, добрались до конца долины, круглой котловины около километра в диаметре. В центре ее, на берегу маленького ручья, сбегающего с гор, стоял непрозрачный куб из пластмассы. Длина его ребер была метров пять. Не было видно никакого входа.

Они остановились и осмотрелись.

Карегов не было видно, но каждый был убежден, что они сидят вокруг в многочисленных пещерах и наблюдают за ними. Однако один тот факт, что они должны были рассчитывать на то, что в кубе находится новое, смертоносное для них оружие, вызывал опасения. Но, может быть, они хотели только, чтобы люди открыли куб, потому что сами они не могли этого сделать?

— Консервная банка, — сказал Дюрок. — Ее можно изготовить любой величины и установить где угодно. Она, по-видимому, не повреждена и стоит там, где ее поставили. Отверстие наверху.

— Пять метров гладкой стены, — сказал Боговский. — Для Гукки в нормальном состоянии это был бы небольшой кошачий прыжок...

— Прыжок мышесобора, — саркастически уточнил Рондини.

Гукки шлепнул Матильду и подошел к ним.

— Надеюсь, я смогу это сделать. Если я уже принимаю некоторые из ваших импульсов мыслей, я думаю, мои способности постепенно возвращаются ко мне. Я могу попытаться прыгнуть на пять метров. Если мне это удастся, я открою вам ваш «сезам».

Он сконцентрировался — и секундой позже оказался наверху, на кубе. Он сам был так удивлен успехом, что улыбался, раскрыв рот до ушей.

— Вот так! — счастливо пропищал он, потом занялся механизмом замка люка.

Они нашли множество вещей, которые могли быть жизненно важными для колонистов на чужой, нецивилизованной планете, среди них оружие, непортящиеся продукты, сельскохозяйственные машины, энергетические агрегаты, транспортные средства и тому подобное.

Рамес Дон издал восхищенный взглас, обнаружив портативный мотор, а также небольшой агрегат, обеспечивающий его энергией.

— Мотор для нашего судна! — воскликнул он. — С ним мы доберемся до нашего Острова за неделю! Нам не нужно будет ждать благоприятного ветра!

— В любом случае мы возьмем его, — решил Пьер Дюрок, когда Терес, полный сомнений и недовольства, с удивлением рассматривал образцы техники. — Работать будет рад.

Они нашли там почти все, что им могло понадобиться, но там не было ни единого передатчика. Или его тогда снова забрали на корабль, или уничтожили и выбросили в находящееся поблизости море. Может быть, никто так и не сможет выяснить, что на самом деле

произошло с грузом корабля поселенцев. Поразительно было, что то же самое произошло с грузом второго корабля на Восточном континенте.

Была ли здесь какая-то связь?

И если да, то почему?

Они погрузили мотор на телегу, взяли продукты, которые смогли унести, и немного ручного оружия, затем Гукки снова закрыл куб и вернулся к остальным.

Они отправились в обратный путь без всяких помех со стороны карегов.

— Они держат свое слово, — удивленно и облегченно сказал Терес. — Может быть, в дальнейшем нам больше не придется бояться их.

— Они больше боятся вас, — сообщил Гукки.

У выхода из долины их ожидали ящеры.

Гукки еще раз установил с ними контакт и поблагодарил их за любезность. Он повторил свое обещание провести переговоры с людьми.

Когда стемнело, они разбили лагерь среди песчаной равнины между горами и берегом, развели костер и заснули без охраны.

Вечером следующего дня они добрались до Северного города.

6

Люди в гавани лихорадочно работали, чтобы изготовить корабль еще до начала осенних бурь. Он был пятнадцати метров длиной и построен таким образом, что был устойчив при самом большом волнении. Маркус Рондини взял на себя установку мотора, который они с Рабальтом опробовали на старом корабле. Он работал великолепно.

Способности Гукки постепенно возвращались к нему. Казалось, что нормальное магнитное поле снова восстанавливалось, по мере того как космический шторм уходил все дальше и дальше. Тем не менее все это происходило очень медленно. Хотя Гукки уже мог читать отдельные мысли, но способность к телекинезу еще не восстановилась. Телепортироваться он пока что мог не дальше чем на пять километров.

Буру Хан созвал экстренное заседание Совета, на котором представили слово Боговскому. Космобиолог сообщил о встрече с карегами и передал их пожелания. Закон когтя, конечно, должен быть отменен. Караванная дорога теперь должна была отклониться на восток и там огибать горы. Это означало потерю времени; но сохраняло мир.

Охота на карегов как доказательство мужества должна подлежать наказанию.

Собрание решило больше не преследовать карегов, потому что они охотились в прериях на диких псевдолам, которые были их естественной пищей.

Первый шаг к взаимопониманию и уступкам с обеих сторон был сделан. Если обе стороны останутся терпимы друг к другу и будут оказывать взаимную помощь, вечная смертельная вражда превратится в совместное добрососедское существование.

Оставался открытым один вопрос:

Как быть с Островом Научников?

И был еще вопрос:

Что произошло за последние двести пятьдесят лет с поселенцами на Восточном континенте?

Уцелели ли они вообще?

Прежде чем корабль был готов, произошел еще один инцидент, который окончательно прояснил отношения между людьми и карегами.

Гун Рат, молодой человек из Северного города, более четырех недель назад отправился, чтобы добыть коготь карега. Он не знал о том, что произошло за это время, и у него не было другой цели, кроме как доказать, что он стал мужчиной. Он должен убить карега и отрезать его когти — по крайней мере ОДИН коготь.

У Гуна Рата не было ружья, он не был сыном вождя. Вооруженный только ножом, он отправился в горы, твердо решив доказать, что он уже стал мужчиной, чтобы вступить во владение фермой своего отца.

Вот уже неделю он находился в долине Восточных гор. Он ежедневно видел карегов, кружащихся над ним, но они не нападали на него. Он напрасно пытался подманить одного из летающих ящеров тем, что был якобы невнимателен и незащищен, но животные все еще находились на безопасном расстоянии. Вероятно, думал он, они имели дело с огнестрельным оружием других жителей Северной равнины и были осторожны.

Если они не нападут, это должен сделать он сам.

Однажды утром, обещавшим солнечный и теплый день, он оставил свои скудные припасы, взял с собой только нож и начал подниматься по крутому склону горной долины. Выполнить то, что он задумал, оказалось сложнее, чем он думал. Метр за метром он карабкался вверх в надежде, что случайно наткнется на гнездо карега.

Около полудня Гун Рат добрался до каменного выступа, на котором смог передохнуть. Свои припасы он оставил в долине, поэтому чувство голода усилилось вдвойне. К счастью, он взял с собой немного воды и смог утолить жажду. Но гнездо карега было еще далеко, если оно вообще здесь было.

Выступ был двух метров шириной и почти пять длиной. Под ним зияла бездна, а скальная стена на другой стороне почти отвесно поднималась вверх. Гун Рат подумал, как ему двигаться дальше. Он не видел ни подходящего уступа, ни щели, за которые он мог бы зацепиться. И он не знал, что же ему делать.

И пока он раздумывал над этим, кружащиеся кареги все приближались и приближались. Они подлетали к нему, но недалеко от уступа поворачивали в сторону. Они все время оставались поблизости, словно наблюдая за ним.

Гун Рат держал свое единственное оружие, нож, наготове, решив отступить. Дальше он подняться не мог — а до наступления темноты он должен быть в долине, в своем убежище, иначе он пропал.

Еще прежде чем он начал действовать, произошло нечто странное, чему молодой человек не мог найти объяснения.

Три карега, которые постоянно наблюдали за ним, казалось, все поняли. В то же мгновение они подлетели к нему и сели на каменный уступ. Гун Рат поднял нож и хотел уже напасть на одного из них, но другой карег подскочил к нему и **вырвал оружие**. Нож, звякнув, упал на край уступа, соскользнул и исчез в пропасти.

Теперь Гун Рат был совершенно беспомощен перед нападающими. Но кареги не напали на него.

Они сидели вокруг и смотрели на него умными, неподвижными глазами. Они глядели на него, словно хотели поговорить с ним, но из их бесформенных пастей не раздалось ни звука. Если бы они напали на него, Гун Рат не стал бы думать, а защищался бы всеми возможными способами. Но теперь он сидел прижавшись спиной к скале и ждал.

Он не мог себе даже представить, что в это время вступил в действие соглашение между карегами и людьми.

Он осторожно ощупал стену позади себя, надеясь найти камень, который послужил бы ему оружием. Он нашел его, зажал в правом кулаке и стал ждать подходящей возможности защититься от летающих ящеров.

Такая возможность так и не представилась ему.

Еще прежде чем стемнело, три карега напали на Гуна Рата, но вместо того, чтобы разорвать его, они зажали его в когтях, один из которых он намеревался добыть, и понесли его на север, пока пораженный Гун Рат не увидел далеко впереди, на берегу, очертания города.

Они мягко опустили его на землю, еще несколько секунд посидели вокруг него, потом разбежались и поднялись в вечернее небо. Через секунду они исчезли.

Гун Рат непонимающе уставился им вслед, потом посмотрел на небольшие ранки, которые остались на его теле. В конце концов за свое вынужденное воздушное путешествие он преодолел более семидесяти километров.

Кареги не убили его!

Ферма отца, находящаяся на берегу, была всего в нескольких километрах. Гуну Рату никогда раньше не нравилось ходить ночью или даже пережидать ее вне дома, но все случившееся так потрясло его, что он забыл обо всех опасениях. Он хотел как можно скорее оказаться дома, пусть даже и без когтя.

Около полуночи он постучал в дверь дома отца, который открыл ему и радостно заключил его в объятия. Он уже думал, что его сын пропал. Сокрушенно и подавленно Гун Рат поведал ему о своей неудаче. К своему безмерному удивлению, он прочитал на лице отца отнюдь не презрение.

— Гун, ты даже не представляешь себе, что это значит и как я счастлив. Утром мы должны немедленно рассказать об этом Буру Хану. Карегі принесли тебя назад. Они выполняют мирное соглашение, которое мы с ними заключили. Эта проклятая война наконец закончилась...

Только теперь он объяснил своему сыну, что произошло за это время. Теперь Гун Рат узнал о появлении чужеземцев, которые совершили посадку на Гринуолде на космическом корабле. И услышав о плане посещения Острова Научников, он решил тотчас же поговорить с Рабольтом.

Он твердо решил принять участие в этом путешествии.

Первое испытание судна прошло успешно. Корабль достиг скорости, которая почти позволила ему выйти на глиссирующий режим. Несмотря на это, путешественники на всякий случай взяли с собой и паруса. Были погружены продукты питания и залита в баки питьевая вода. Рабольт и Рамес Дон в один голос утверждали, что они доберутся до Острова за пять дней. А может быть, и за четыре.

Гун Рат, друг Ра, был зачислен его отцом Рабольтм в эту экспедицию. Кроме того, в нее также вошли Хаберт и Ксантер. На этот раз с ними также были Шлюмпф, Карин Форстер и Дорель Керст.

В день отплытия почти все население Северного города собралось в гавани, чтобы принять участие в историческом событии. С тех пор как между людьми и карегами воцарился мир, жизнь людей заметно изменилась. Она стала легкой и беззаботной, потому что не было больше угрозы сверху на открытых местах и за пределами города. На караваны тоже больше никто не нападал.

Рондини запустил мотор, и корабль, который Рабольт назвал в честь своих гостей «Терра», вышел из естественной гавани в открытое море. Свежий ветер дул с юго-запада, но высокие волны ничуть не мешали «Терре». Она, как стрела, скользила по их вершинам на восток, пока Западная страна не скрылась за горизонтом.

Гукки еще раз выслушал историю, рассказанную Гуном Ратом, и теперь знал, что его усилия увенчались успехом. Он решил после возвращения с острова поблагодарить ящеров.

У Шлюмпфа и Карин Форстер появилась великолепная возможность беседовать друг с другом целыми часами. Они большую часть времени сидели на носу, уставившись в пробегающие мимо волны и обмениваясь философскими замечаниями. Гукки улавливал некото-

рые из них и всегда комментировал эти замечания недоуменным покачиванием головы. Если он в скором времени ничего не предпримет, эти двое вообще никогда не сблизятся.

— Если бы все были такими же, как они, — пробормотал он сам себе, — род человеческий давно уже вымер бы...

Рондини и Дорель Керст, наоборот, не испытывали никакого особого стеснения. Поэтому никого особенно не удивило, когда на второй день путешествия они подошли к капитану Пьеру Дюроку, своему командиру, и попросили официально зарегистрировать их брак. Церемония состоялась посреди океана, мотор был выключен, а потом фляжка изготовленного в Северном городе старого вина пошла по кругу.

Гукки вразвалочку подошел к Шлюмпфу и Карин Форстер, которые наблюдали за торжеством завистливыми глазами.

— Великолепно, а? — невинно осведомился он.

Шлюмпф с отсутствующим видом кивнул, а Карин слегка покраснела.

— Хорошее вино, — как ни в чем не бывало продолжил Гукки. — Не так ли?

Оба снова кивнули, ничего не говоря.

Мышебобер постепенно начал терять терпение.

— Черт побери, если это был великолепный праздник и хорошее вино, почему же вы не хотите, чтобы все это повторилось?

Теперь даже Шлюмпф покраснел до корней волос.

— Но... но... — запинаясь, произнес он. — Я же не могу... я имею в виду, мы же не можем...

— Конечно, вы можете это, или вы забыли, что трансцендентальная поликонденсация переноспоры в перплексном хаосе может интабулировать комплексный морфоз только тогда, когда унитас квазимонументально универсален и происходит, черт побери, довольно внезапно?

Шлюмпф непонимающе уставился на него.

— Что? — напряженно спросил он.

Гукки многозначительно кивнул Карин Форстер.

— Ну что на это ответить? Он всегда говорит, как толстый Геринг, а теперь он больше вообще не понимает. Я хочу только сказать, что нужно иметь сердце, которое бьется у тебя в груди. Верно, Карин?

— Да, конечно, — она пригладила волосы. — Но... что же нам делать?

Гукки продолжил свою роль сводни. Он вытер ладонями лицо и, казалось, вот-вот разразится слезами отчаяния. Наконец он прорыдал:

— Небо Трампа, что же мне еще делать? Если вы и дальше ничего не будете делать, только беседовать о смысле жизни или часами раздумывать о закате солнца, который, впрочем, каждый вечер очень

красив... ну да, Рабольт так больше никогда и не достанет вторую бутылку этого великолепного напитка. Да разве вы оба это поймете... Эх!

Он похлопал себя по массивному бедру и встал. Затем разочарованно, вперевалку пошел прочь, оставив их одних.

Очевидно, он отказался от роли сводника.

Позже, лежа на своей койке и закрыв глаза, он еще раз тайком улынулся про себя. Теперь он все же мог настолько хорошо читать мысли, что уловил часть разговора, который вели лейтенант Шлюмпф и лейтенант Карин Форстер на палубе под защитой надстройки.

Когда Остров появился на горизонте, Маркус Рондини остановил мотор.

Корабль покачивался на плоских волнах, и ветер медленно гнал его на восток, к острову.

— Скоро мы встретим первое патрульное судно, — с опаской произнес Рабольт. — Может быть, нам лучше дожидаться темноты? На скальном побережье есть достаточно уединенные бухты, где за нами не смогут наблюдать.

— Кибермозг видит все, — возразил Рамес Дон. — Радарные устройства расположены таким образом, что ни одна точка побережья не остается непросматриваемой. Но, может быть, как сказал профессор Боговский, космический шторм проделал в защите пару пробелов?

— И как нам их найти? — осведомился Дюрюк.

— Нам придется пойти на риск, капитан. Нас подгонит к берегу, а если нас поймут, мы сможем утверждать, что у нас вышел из строя двигатель. Но когда мы подойдем к берегу достаточно близко, нас больше не засечет ни одна радарная станция. Потом мы пойдем дальше.

Рамес Дон ничего больше не ответил. Бессильная ярость, которая заставила его покинуть этот остров, исчезла. Вместо этого им овладело фанатичное стремление отключить кибермозг и ликвидировать его власть, чтобы люди сами могли определять свою судьбу. Вместе с Рабольт, который довольно хорошо знал берег, он сидел за картой.

— Тут должна быть бухта, — сказал Рабольт и указал на линию берега, к которой их гнало. — Я немного знаю ее.

— Если это так, тогда до места, где находится кибермозг, отсюда около тридцати километров, или один дневной переход. По обе стороны установлены радарные башни, которые в первую очередь охраняют берег. Только на суше у нас будет шанс — и то только в том случае, если за это время ничего не изменилось. Я знаю эти установки. Здесь есть долины, которые не просматриваются. Если мы воспользуемся ими, пусть даже это будет означать кружной путь, мы сможем неза-

метно добраться до купола кибермозга. Что нам делать потом, я, конечно, еще не знаю. Можете себе представить, как этот купол защищен от вторжения извне.

Гуххи внимательно слушал.

— Даже от телепортеров? — спокойно спросил он.

Рамес Дон покачал головой.

— Нет, не думаю. На этой планете еще никогда не было телепортеров. Мозг едва ли подготвился к этому.

Боговского это заинтересовало.

— А как насчет ваших коллег? Вы верите, что все они беспрекословно повинуются мозгу? Я имею в виду, что вы заверили нас в том, что здесь нет никакого гипнотического внушения. Разве невозможно найти здесь союзников? Или вы думаете, что каждый из них боится наказания? Какое это наказание?

— Боевые роботы по приказу мозга убивают каждого, кто выступает против него. И никто не может покинуть остров. Мне повезло — но больше никому.

— Итак, если мы сможем кого-нибудь убедить, что его помощь поможет нам парализовать кибермозг, он, может быть, поможет нам или по крайней мере не выдаст нас?

— Таков характер этих людей, — ответил Рамес Дон.

— Ну что ж, посмотрим, — произнес Боговский.

Быстро темнело, но ни одно патрульное судно так и не появилось. Берег находился еще на расстоянии пары километров, и оба освещенных купола, которые можно было видеть с моря, давно уже исчезли из поля зрения. Корабль находился вне поля зрения радаров.

Рамес Дон вздохнул.

— Я думаю, мы сделали это. Теперь осталось только найти упомянутую Рабольтом бухту. Там мы будем в безопасности, если случай не сыграет с нами какой-нибудь скверной шутки.

Рабольт стоял на корме, напряженно всматриваясь во тьму. Был хорошо слышен шорох прибоя, а все остальное казалось совершенно спокойным. Если не удастся отыскать узкий проход в рифах, корабль может швырнуть на скалы. Это будет означать конец их отчаянного путешествия.

— По правому борту что-то есть! — крикнул Рабольт своему сыну Ра, который стоял у руля. — Не слишком большое, но заметное.

Они снова включили мотор, чтобы можно было управлять кораблем, но судно шло с небольшой скоростью, медленно продвигаясь вперед. Справа и слева выросли первые покрытые пеной утесы.

— Мы идем верно? — спросил Рамес Дон.

— Насколько я могу вспомнить, достаточно верно, — ответил Рабольт и, не поворачиваясь, сделал Ра знак рукой. — Мы точно в проходе.

Внезапно вода стала спокойной и даже ветер прекратился. Камен-

ные стенки бухты сомкнулись и казались черными стенами, которые кончались там, где начинались звезды.

Рондини выключил мотор, а Рабольт бросил якорь за борт. Он зацепился за грунт, когда они были в двадцати метрах от берега.

Тем временем обе женщины начали действовать. Они затемнили окна кают так, что из них не мог больше вырваться ни один луч света, потом все спустились под палубу и собрались в кают-компанию, которая одновременно была и камбузом.

Рамес Дон, садясь, сказал:

— Я, честно говоря, не верил, что это нам удастся. Может быть, космический шторм вывел из строя кибермозг. Возможно, он уже не действует.

Дорель Керст поставила на длинный стол дымящийся кофе, Карин Форстер принесла чашки.

— Ага, ты уже стараешься заниматься хозяйством, — тайком шепнул ей Гукки, заметно обрадовавшись ее смущению. — По крайней мере варишь кофе...

Она исчезла в нише камбуза.

Лейтенант Шлюмпф сделал вид, что ничего не слышал.

— Мы отправимся завтра, незадолго до восхода солнца, — продолжил Дюрок. — Если принять во внимание окольный путь, мы доберемся до купола к вечеру. А там посмотрим. В качестве оружия мы возьмем с собой излучатели. От ружей слишком много шума, и мы вряд ли сможем их использовать.

— А кто останется на корабле? — спросил Боговский.

Пошли горячие дебаты, которые, однако, не могли повлиять на одобренное всеми решение. Остался также лейтенант Шлюмпф, который должен был защищать дам, а с ним Ксантер и Хаберт, ответственные за корабль. Рабольт и его сын должны были сопровождать экспедицию.

Кроме того, эти шесть человек и Гукки решили покорить Остров и захватить опытную ракетную установку.

Этим вечером все они отправились спать пораньше, и только уроженец Западной страны Хаберт остался на палубе, чтобы нести свою одинокую вахту.

В полночь его сменил Ксантер.

7

Гукки телепортировал их поодиночке на берег, тем самым доказав, что он, хотя и в ограниченных пределах, снова стал боеспособен. Они помахали руками Ксантеру, который с удивлением наблюдал за их странной высадкой, потом Рабольт зашагал вперед, чтобы показывать дорогу.

Когда они достигли плато, стало уже почти светло. Рабольт остановился у края и сказал:

— Еще пара шагов, и можно будет увидеть серебристые шары, установленные на стальных подставках.

— Радарные установки, — подтвердил Рамес Дон. — Пока они не засекут нас, мы в безопасности. Ущелье идет глубоко внутрь острова. Мы пока не должны покидать его.

Через некоторое время оказалось, что это совсем не так просто, потому что дно ущелья постепенно повышалось и, кроме того, само ущелье изменило направление и дно его несколько раз оказывалось в поле зрения радаров. Это каждый раз становилось великим часом Гукки, и у мышдебобра не осталось никаких сомнений, что они без него, как он выразился, оказались бы в ведре с водой.

Они подошли к одному из таких опасных мест и постарались укрыться за холмами от радарной башни, наблюдавшей за этой местностью. Гукки телепортировался вперед, исследовал местность, а потом по одному перенес с собой всех остальных. Это потребовало от него максимального напряжения, и ему на этот раз не удавалось прыгать дальше, чем на два километра.

В пятнадцати километрах от берега между ними и башней протянулась невысокая цепь холмов.

— Там, на плоской вершине, должна быть возведена еще одна станция слежения, — объяснил Рамес Дон, когда они расположились в одной из ложбин, чтобы отдохнуть, — но ее, кажется, пока что нет. Похоже, у мозга появились другие заботы и это хорошо. Насколько я помню эту местность, если мы будем держаться у подножия холмов, мы попадем в слепую зону, протянувшуюся на два километра к куполу мозга.

— Я не понимаю, — вмешался Боговский, — почему поблизости от мозга есть такое слабое место в защите?

— Это легко объяснимо: все побережье острова великолепно просматривается, так что почти невозможно незаметно высадиться на сушу. Если бы с нами не было Гукки, нам бы, вероятно, это тоже не удалось. Поэтому, как вы сами понимаете, меры безопасности на самом острове совсем не так интенсивны, как на побережье. Есть более важные дела у мозга.

На острове площадью в десять тысяч квадратных километров живут не более четырех тысяч человек, — продолжил Рамес Дон. — Сельского хозяйства здесь нет никакого, продукты синтетические, как и все предметы повседневного обихода. В центре острова есть места, которые до сих пор еще не исследованы. Города и химические заводы в большинстве своем находятся у побережья.

Уже стемнело, когда они, наконец, добрались до купола. Он поблескивал в желтоватом свете, был мутным, но довольно прозрачным и находился над несколькими рядами строений, располагавшимися прямоугольником.

Роботов не было видно.

— Мозг находится под землей, на глубине пятидесяти метров, — Рамес Дон лежал на животе, подвинувшись к краю небольшого возвышения, чтобы лучше видеть. — Здесь есть три входных шлюза, которые должны охраняться. Однако я никого не вижу. Странно.

— А я... — внезапно прошептал Гукки, прижимаясь к земле. — С северо-запада что-то приближается. Это автомобиль?

— Транспортёр, — подтвердил Рамес Дон и осторожно взглянул на равнину. — И без света, а ведь уже почти темно. Если мозг сочтет это неправильным, водитель будет наказан.

Они, напрягшись, лежали в укрытии, наблюдая, как транспортёр приблизился по дороге и куполу и остановился возле него. Из машины никто не вышел, внутри купола тоже ничего не двигалось. Не появился ни один робот, чтобы проверить прибывших.

— Кажется, кто-то хочет проверить установку, — неуверенно пробормотал Боговский. — Мы не знаем, что здесь произошло за последние месяцы. Гукки, ты улавливаешь какие-нибудь импульсы мыслей?

— Очень нечетко, я все время пытаюсь это сделать. Кажется, в машине находится только один человек. Можно мне посмотреть?

— Не позволяй себя поймать!

— Не беспокойтесь. Один я легко преодолёю два километра. Может быть, мне будет легче читать мысли, когда я окажусь вблизи.

Они прождали шесть минут, потом Гукки дематериализовался.

Корес Дон сидел за пультом управления атомного автомобиля и ждал. С тех пор как четырнадцать дней назад в работе заводов-автоматов по изготовлению продуктов питания появились перебои, он почти забыл о нормальном отдыхе.

Одновременно с этими перебоями прибрежные наблюдательные станции сообщили о выходе из строя радарных установок и других технических средств наблюдения. К сожалению, средства связи тоже вышли из строя, так что прошло почти десять дней, прежде чем собрался Совет Ученых, чтобы обсудить происшедшее и его причины. Контроль мозга уже вошел в плоть и кровь каждого, и им было трудно мыслить и действовать самостоятельно.

Охранные роботы у входов в маленькие города, в которых, как правило, проживало не более пятисот человек, больше не выполняли так четко свои запрограммированные обязанности, контроль работал с перебоями, а в некоторых местах даже вообще полностью вышел из строя. Повсюду считали, что это лишь отдельные сбои, а некоторые думали, что это штучки мозга, проверяющего лояльность людей.

Только когда четыре дня назад собрался Совет Ученых, стало известно обо всех инцидентах в совокупности и в первый раз появилось

подозрение, что с кибермозгом что-то не в порядке. Но он ведь не только властвовал и убивал, по его приказам функционировала вся индустрия, производящая жизненно важные вещи и продукты питания, поэтому было решено провести обследование. Тут в ходе обсуждения, конечно, возникло воодушевление и надежды.

Одна группа ученых потребовала официального запроса у мозга, чтобы сохранить лояльность, другая группа, напротив, придерживалась того мнения, что нужно использовать ситуацию, чтобы перепрограммировать мозг, а если в нем действительно есть какой-то дефект, больше не включать его.

Группа мятежников была в большинстве, Корес Дон гоже принадлежал к ним.

Три дня назад четыре кибернетика отправились, чтобы нанести визит в купол диктатора. В случае необходимости они должны были сказать, что поспешили ему на помощь.

Со вчерашнего дня восстановилась неустойчивая связь между городами, но помехи все еще были настолько сильны, что регулярные прием и передача сообщений были невозможны. Связь с четырьмя учеными снова оборвалась, известно было только, что они добрались до купола мозга.

Корес Дон ждал, потому что он был пятым членом группы, обязанным оставаться на заднем плане, пока его не позовут. Его никто не позвал, и он отправился сюда сам.

И теперь он сидел за рулем своей машины и ждал.

Он ломал голову над тем, где находится машина, на которой сюда прибыли его коллеги. Он нигде не видел ее, так же как нигде не видел охранных роботов, которые обычно постоянно окружали купол и заботились о том, чтобы никто не приблизился к нему незамеченным. Они обычно без предупреждения открывали огонь.

Он нажал на кнопку, и стекло окна возле него скользнуло вниз. Свежий вечерний воздух устремился в кабину. У Кореса Дона не было лучевого оружия, только автомат новейшей конструкции. Он лежал на соседнем сиденье. Против боевых роботов его можно было использовать только в том случае, если тщательно прицелишься и попадешь в нужное место.

Снаружи все было спокойно. Корес Дон знал, где находится вход. Когда его отец еще работал здесь, он часто бывал в этом месте, но с тех пор условия, по-видимому, изменились.

Он хотел подождать еще час и, если до тех пор ничего не произойдет, покинуть машину и проникнуть в купол. Он предполагал, что четверым его коллегам это тоже удалось, но он не знал, живы ли они еще. В куполе не было видно ни одного огонька.

Внезапно рядом с собой, но снаружи машины он услышал шорох. Он молниеносно схватил оружие, но тут вдруг услышал необычайно чистый, тонкий голос, почти писк:

— Не надо, молодой человек, кто же сейчас стреляет? Я — Гукки. Выгляньте из окна и вы меня увидите. Вы же ожидали совершенно другого.

Корес на мгновение застыл на месте, потом положил автомат на сиденье и осторожно выглянул из окошка. Рядом с машиной он увидел мышебобра.

— Кто... кто ты... вы? — пораженно пробормотал он.

— Я уже сказал — Гукки. Но идemте же, вас ждут. Или вы забыли, что у вас есть брат?

— Рамес?

— Да, он.

— Рамес мертв. Он уже давно мертв. Об этом было сообщение. Он хотел бежать с Острова...

— Он не мертв, он ждет вас в двух километрах отсюда, там, за холмом. Вы пойдете или нет?

Корес взял с собой оружие, открыл дверцу и выбрался наружу. Мышебобср протянул ему руку. Ученый бесстрашно взял ее, и прежде чем он понял, что произошло, дематериализовался вместе с Гукки.

После горячих приветствий, следовавших за первым удивлением, Рамес Дон представил своего брата остальным участникам экспедиции и сообщил об их судьбе и надежде найти на острове готовый к использованию космический корабль или по крайней мере гиперрадиопередатчик. Потом свою историю рассказал Корес Дон, подтвердивший тайные упования Боговского на то, что космический шторм парализовал мозг или по крайней мере значительно понизил его работоспособность.

У них были все необходимые факты для того, чтобы сложить картину в целом и решить, что им делать дальше. Корес Дон хотел помочь своим четверым коллегам, которые должны были находиться в куполе.

— Этот материал не пропускает никаких импульсов и излучений? — еще раз удостоверился Боговский, указывая на купол. — Значит, хотя мозг все еще великолепно функционирует, он не может больше передавать приказы в другие места. Он практически изолирован, потому что, насколько я понял, каждый приказ он передает без проводов, соответствующим радиосигналом. Это значит, что вне купола нам не угрожает никакая опасность. Однако если мы проникнем в купол, роботы по приказу мозга нападут на нас. Боюсь, ваши коллеги находятся в большой опасности, Корес Дон.

— Самое время что-нибудь предпринять.

— По-видимому, но никаких необдуманных поступков. С другой стороны, мы знаем, что влияние космического шторма и взаимодействие его с магнитным полем этой планеты постепенно уменьшается.

Итак, вы правы: мы не можем терять времени. Но мы не должны потерпеть неудачу, иначе через несколько дней все будет по-старому.

— Что же мы предпримем?

Рабольт обрисовал свой план. В прошедшие дни он многому научился и в особенности был очарован парапсихологическими способностями мышeboбра. Казалось, он доверяет им больше, чем всем излучателям в мире, вместе взятым.

— Как заверил нас Корес Дон, шлюз в купол можно открыть и снаружи — мера предосторожности, предусмотренная в этой конструкции. Внутри купола не видно ни одного робота. Или они дезактивированы, или ждут в укрытии возможных нападающих. Если я правильно понял, Гукки не может телепортироваться сквозь купол, так что мы должны пройти через шлюз. А когда мы окажемся внутри купола, Гукки снова сможет телепортироваться, и если на нас нападут роботы, он доставит нас в какое-нибудь безопасное место внутри купола. Было бы смешно, если бы мы не сумели этим вывести мозг из себя.

— Гукки сможет взять с собой только одного из нас, — задумчиво произнес Боговский.

— Я думаю, двух, — заметил мышeboбер.

Боговский кивнул.

— Ну хорошо, двух. Я за то, чтобы Корес Дон и один из нас сопровождал Гукки, образовав, так сказать, ударную группу. У них будет возможность в любое мгновение телепортироваться в безопасное место. Мало смысла соваться туда нам всем.

— Я бы предпочел Маркуса Рондини, — сказал Гукки. — Он техник, хотя и не кибернетик, но пригодится нам.

Никто не возражал.

Коресу Дону дали один из пистолетов, чтобы у всех было эффективное оружие, потом Гукки вместе с двумя спутниками телепортировался к машине. Он решил использовать свои способности только в крайнем случае, чтобы не вызвать подозрений кибермозга. Его спутники согласились с ним.

От машины до купола они прошли пешком, стараясь быть особенно осторожными. Но оба человека держали мышeboбра за руки, чтобы в любое мгновение исчезнуть, если того потребует ситуация.

Потом они оказались перед стеной из какого-то желтого материала.

— Это специальная легированная сталь, — объяснил Корес Дон. — Она разработана нами еще до конструирования мозга, но никогда раньше не использовалась. Только мозг приказал начать ее производство.

Рондини произнес:

— Выглядит прочной. Она плавится?

— Нет, расплавить ее невозможно. Никто не может попасть в купол иначе, кроме как через шлюз.

— Надеюсь, дверь не заперта.

— Это мы сейчас узнаем...

Корес Дон провел ладонью по узкой щели, обозначающей очертания двери. В темноте научник мог действовать только на ощупь, но он не единожды бывал здесь и знал нужное место.

Едва дверь открылась, Гукки прошептал:

— Импульсы мыслей! В куполе находятся люди!

— Это мои коллеги и друзья?

— Я не могу так быстро определить это, но в куполе есть люди, — он на мгновение замолк, а дверь позади них снова задвинулась. Они находились под изолирующим материалом и были отрезаны от внешнего мира. — Дайте мне ваши руки и держитесь — сюда кто-то идет.

Это был робот, обе руки с оружием которого были вытянуты вперед. Издали он напоминал человека, хотя и был немного выше. Они, вероятно, не заметили бы его, если бы материал купола не светился изнутри. На первый взгляд Гукки и Рондини показалось, что, судя по внешним очертаниям, это был земной боевой робот.

Мышебобер отпустил руки мужчин.

— Чтобы не выдать мозгу нашу тайну телепортации, мы, хорошо прицелившись, выведем его из строя. В грудную пластину, если у кого-то есть желание...

Но прежде чем кто-нибудь «выразил такое желание», Гукки испытал свои вновь возродившиеся телекинетические способности. Действительно, купол защищал от влияния космического шторма. Способности Гукки вновь полностью восстановились.

Робот внезапно остановился, повернулся на месте — и открыл огонь. Лучи энергии ударили в купол и отразились от него. Они не смогли повредить этот материал.

— Это, должно быть, дьявольски прочное вещество, — пораженно пробормотал Гукки и поднял робота на несколько метров вверх. — Так, а теперь посмотрим, как он вывихнет свои металлические суставы.

Робот все еще дико палил во все стороны, а потом, внезапно потеряв поддержку, рухнул вниз. С громким лязгом он упал на жесткое бетонное покрытие улицы и лопнул. Он перестал стрелять и больше не шевелился. Его части рассыпались вокруг, только основная часть корпуса осталась целой.

— Ну, что скажете? — не без гордости произнес Гукки. — Мне это снова удалось. Из купола больше не выйдет ни один из них.

Теперь он почувствовал также неясные импульсы мыслей четырех ученых и легко смог запеленговать их. Они находились примерно в тридцати метрах в глубину. Двое из них спали, а двое думали, как им бежать из этой тюрьмы. Прежде чем решиться на такое головоломное предприятие, они должны были установить, что кибермозг-диктатор внутри купола оставался полностью работоспособным. Только там, где существовала беспроволочная связь, передача приказов оказалась

нарушенной. Запрограммированные же роботы внешней службы, как и прежде, могли выполнять полученные ими однажды приказы.

И все же должно было быть какое-то основание для их нерешительности и бездействия. Можно было предположить, что диктатор стал практически беспомощным в своем куполе, который был одновременно и его тюрьмой, он просто выжидал, когда он, наконец, сможет действовать, как раньше.

Но поняли это они слишком поздно.

— Там идут еще трое, — сказал Рондини, отрывая Гукки от прослушивания мыслей. — Ты хочешь?..

— Нет, на этот раз мы их обстреляем, иначе они нападут. Если это жестяное чучело будет думать, что у нас есть только лучевое оружие, оно, возможно, позволит себе расслабиться. Мне кажется, я прав...

Они подпустили трех роботов достаточно близко, чтобы не промахнуться. Рондини скомандовал, и через несколько секунд от роботов остались только оплавленные обломки.

Мозг, должно быть, давно уже был проинформирован о вторжении пришельцев, но, кроме появления четырех роботов, пока больше ничего не произошло. Может быть, он был заинтересован в том, чтобы захватить их живыми и получить от них информацию? Иначе он не мог узнать, что произошло на острове за это время.

Это предположение высказал Рондини, а в заключение добавил:

— Мы должны этим воспользоваться. Ты не узнал, где находятся четверо ученых?

— В решетчатой клетке неподалеку от пульта управления. Мозг через равные промежутки времени допрашивает их. С применением весьма неприятных штук. Электрошока и тому подобного. В настоящее время их пока оставили в покое. Мозгу пришлось заняться нами.

— С нами у него будет много хлопот, — произнес Рондини и смолк.

Так как больше не появлялось ни одного робота, они осторожно пошли дальше и приблизились к первому низкому строению. Корес Дон сказал, что в нем находятся лифты, ведущие вниз, к мозгу. Если они еще действуют, то могут доставить их прямо в центр управления.

Когда Рондини высказал свои соображения, Корес Дон попытался успокоить его.

— Не беспокойтесь, сначала мы попадем только в прихожую. Конечно, там тоже есть средства защиты, не говоря уже о том факте, что мы собираемся освободить пленников, а мозгу известно о нашем присутствии. Но какой смысл ждать здесь, наверху? Так мы ничего не достигнем.

Вход был заперт, но Гукки менее чем через минуту телекинетически открыл запор. Там было множество кабинок и ни одного антигравитационного лифта. На Острове их пока что еще не знали.

Пользоваться этими кабинками было нетрудно, и уже через несколько секунд они спустились вниз в одной из них, пока кабинка внезапно не остановилась. Дверь автоматически открылась, и они увидели дула поднятых излучателей, которые держали шесть боевых роботов, ожидающих их.

— Стойте неподвижно, — прошептал Корес Дон. — Они запрограммированы на убийство. У нас нет ни малейшего шанса.

С шестью противниками одновременно не мог справиться даже Гукки, поэтому он без возражений последовал совету научника. Он просто сунул свой излучатель за пояс комбинезона и вышел в зал, а роботы несколько отступили.

Они не обезоружили его, из чего можно было сделать вывод о перебоях в работе логического центра кибермозга, хотя поведение человекоподобных машин недвусмысленно указывало на то, что их рассматривают как пленников. Их окружили и повели к двери, которая открылась, пропустив их. За ней находилось нечто вроде балюстрады, которая кольцом опоясывала все помещение, уходящее вниз. Точно в центре помещения поблескивало металлическое полушарие кибермозга. Стены были покрыты экранами и пультами управления, так что почти нигде не было видно до блеска отполированного камня.

— Мозг!.. — выдохнул Корес Дон.

— Он может говорить? — невозмутимо и без всякого уважения спросил Гукки.

Корес только кивнул.

Маркус Рондини вообще ничего не сказал. Он молча изучал огромную установку, сожалея только, что не может осмотреть ее изнутри. Итак, это был их противник, абсолютный властелин четырех тысяч человек, а вскоре, возможно, и всего этого мира!

Казалось, попасть с галереи вниз, в сам зал, невозможно, стены были гладкими, без всяких выступов. Ни лестниц, ни пандусов не было.

— Не беспокойтесь, — едва слышно произнес Гукки. — У вас есть я.

Малыш прочитал мысли Рондини. Но, вероятно, он тоже склонялся к тому, чтобы подождать и посмотреть, что будет дальше. Если кибермозг чего-то от них хочет, он скоро сообщит об этом. В конце концов они же его пленники.

А потом он заговорил с ними металлическим голосом, лишенным всяких интонаций. С присущей ему логикой он изучил язык людей, связав отдельные звуки с отдельными понятиями.

— Вы бунтари враги нашей цивилизации поэтому вы будете наказаны если не покоритесь каждый враг должен умереть это наш закон...

— Ему нужно еще походить в школу, — громко сказал Гукки.

— Четверо пленных будут убиты моими слугами если вы не покоритесь а потом в свою очередь и вы для меня это не проблема у меня нет чувств.

— Твоя власть кончилась! — импульсивно воскликнул Корес. Он больше не мог совладать с собой. — Мы сделали тебя, чтобы ты помогал нам, а не за тем, чтобы ты нас убивал. Если ты не хочешь стать нашим другом, мы тебя выключим и сдадим в металлолом. Если ты можешь думать, обдумай это.

Шесть роботов неподвижно стояли позади них, словно ничего не слыша. Оружие они держали наготове. Рондини отчаянно искал нужное место на пульте управления, чтобы одним ударом парализовать мозг. Могла быть тысяча таких мест, нужно было только своевременно найти их и дезактивировать. Но это им не удалось бы, мозг был предупрежден.

Гукки читал его мысли и намерения, но не мог ничего предпринять. Хотя его техническое образование можно было назвать великолепным, оно отнюдь не превосходило знания специалистов. Ему удалось бы и без Рондини парализовать некоторые из важнейших переключателей кибермозга, но нужно было время для эксперимента, а времени у него теперь совсем не было.

— Мне нужна информация, или я уничтожу органическую жизнь этого мира, у меня есть власть и нет никаких чувств.

— Но ты же мыслишь логически! — яростно проревел Корес Дон. — А если ты мыслишь логически, ты должен прийти к заключению, что уничтожение всей органической жизни на планете тебе ничего не даст. Ты будешь хозяином мертвого мира. Ты этого хочешь?

— Этот мир будет мертв несколько сот тысяч или миллионов лет, потом возникнет новая жизнь. Я буду богом этой новой жизни.

В первый раз бездушный голос гигантского кибермозга приобрел что-то похожее на окраску и жизнь. Можно было различить отдельные фразы. Казалось, в нем появились какие-то эмоции. Даже Рондини заметил это и удовлетворенно взглянул на полусферу.

Корес Дон тотчас же понял, что произошло. У мозга была мечта, которая имела очень мало общего с логикой. Он хотел быть «богом», неограниченным властелином, и если не людей, то хотя бы какой-нибудь формы жизни, которая возникнет здесь через тысячелетия.

— Ты можешь властвовать над нами, теми, кто создал тебя, но ты должен нам повиноваться.

— Это нелогично!

— Кто хочет властвовать, должен осознавать свою ответственность — это абсолютно логично и соответствует законам разума. А теперь ты действуешь вопреки всякой логике, готовясь убить нас. Мы пришли, чтобы помочь тебе.

Рондини коснулся локтя Гукки и подумал:

«Я НАШЕЛ УЯЗВИМУЮ ТОЧКУ, НО ОНА НАХОДИТСЯ ВНИЗУ, У ФУНДАМЕНТА, ВОЗЛЕ ЦОКОЛЯ МОЗГА. ВИДИШЬ МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ КРЫШКУ ЗОЛОТИСТОГО ЦВЕТА? ПОД НЕЙ НАХОДЯТСЯ КОНТАКТЫ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЯ. ДОСТАТОЧНО

ТОЛЬКО РАСПЛАВИТЬ НЕСКОЛЬКО РЕЛЕ И ОДИН ПРОВОД ИЛИ ВООБЩЕ ВЫВЕСТИ ИЗ СТРОЯ ОДИН КОНТАКТ, ТОГДА СЕРДЕЧНИК ПРОВЕРНЕТСЯ. КИВНИ, ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ ПО-
НЯЛ...»

Гукки посмотрел на металлическую крышку и кивнул. Он должен очень осторожно телекинетически открыть ее, не касаясь контактов, чтобы мозг ничего не заметил. В данное мгновение это было невозможно, потому что он не мог в достаточной мере сконцентрироваться. Но он уже теперь начал изучать все детали прибора, чтобы потом, когда представится возможность, действовать быстрее.

Тем временем мозг и Корес продолжали свою кажущуюся бесплодной беседу.

— Четыре человека, которые пришли ко мне, не хотели помочь, почему это должен делать ты? Мне нужна информация! Почему прервалась связь? Кто в этом виноват?

— Ты это узнаешь, как только ты позволишь мне сделать одно переклечение в центре программирования.

— Ты дашь мне информацию или умрешь вместе с остальными. Люди не могут думать быстро и принимать логические решения, я даю тебе три дня. Через три дня вы умрете, а потом умрут и все остальные на этой планете.

— Снова нелогично! — холодно сказал Корес Дон. — Кроме людей, находящихся в куполе, ты не сможешь убить никого, потому что роботы тебе больше не повинуются. Они никогда больше не будут повиноваться тебе, если ты не узнаешь, почему это так.

— Человек чувствует боль, потом начинает говорить.

— Можешь попробовать.

Мозг замолчал, потом шесть роботов, казалось, получили приказ, потому что они подхватили пленников и провели их с галереи в коридор, в стенах которого на равных расстояниях друг от друга находились двери.

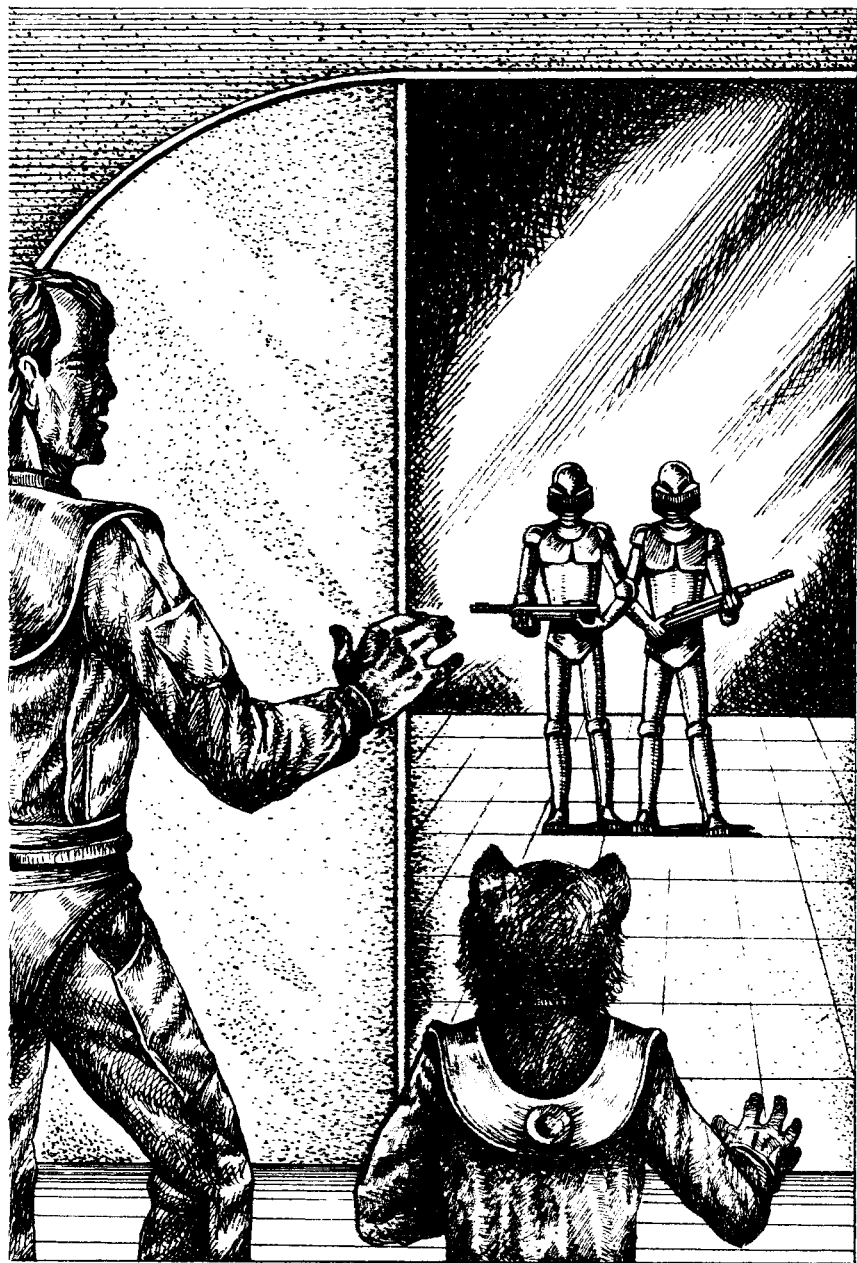
Немного позже они оказались в металлической клетке, немного напоминающей передатчик материи. Щелкнул позитронный замок, и при обычных условиях бегство теперь было невозможно. Роботы оставили им оружие.

— Чудовище, должно быть, спятило, — бесцеремонно заявил Гукки. — Оставить нам оружие! С одними лишь излучателями мы можем покинуть эту клетку, когда захотим. Но тогда мы лишимся своего триумфа.

— Где мои четверо коллег? — спросил Корес Дон.

— Двумя комнатами дальше, в такой же клетке. Теперь они спят. Рондини опустил на голый пол.

— Если бы мы только могли приблизиться к распределителю! Я не знаю, что тогда произойдет, но в любом случае возникнет некоторая путаница. Разумеется, в секторе логики. Тогда мозг наделает еще

больше ошибок и мы, может быть, сможем отключить его или перепрограммировать.

— Почему бы нам не отключить его сразу же? — спросил Корес Дон. — Я знаю, где находится нужный пульт управления.

— Со смертью мозга умрет и Остров, который зависит от него. Но на короткое время — почему бы, собственно, и нет? Однако я не смогу найти нужный пульт управления.

— Он находится ПОД мозгом, под его фундаментом. Туда есть только один вход, но позитронный ключ находится у нашего Совета Ученых, — он замолк и посмотрел на Гукки. — Ты имеешь в виду?..

— Конечно, если там нет паразитов, но я в это не верю. А теперь, если вам в голову не пришла великолепная идея сделать это помещение из того же металла, из которого сделан купол, мы отправимся туда.

Корес кивнул.

— Именно это мы и сделали, чтобы быть уверенными в том, что сюда больше никто не сможет вторгнуться.

— Да, тогда мы все так же далеки от цели, как и прежде...

Корес и Гукки тоже сели. У них не было ни пищи, ни воды, но об этом, казалось, никто не думал. В данное время это казалось не таким уж важным. Они могли убраться отсюда, если бы захотели, но этим они ничего бы не достигли. Сначала нужно было парализовать мозг.

— Он проявлял чувства, когда говорил о том, что уничтожит нас, дабы стать богом, — пробормотал Корес Дон. — Я не думал, что он способен на такие эмоции.

— Тогда, к сожалению, мы не сможем уподобиться Лемми Каушечу, — произнес Гукки, который знал почти все захватывающие видеofilмы старого земного производства, — который просто спросил мозг-диктатор Альфы-60, что такое жизнь. Тот, конечно, не нашел никакого ответа и взорвался, потому что не мог вынести неизвестности. Наш же мозг ЗНАЕТ ответ.

— Предположим. И что же нам делать?

— Принять предложение Рондини, я не вижу другой возможности.

— А когда?

— Сейчас!

Мышебобер поднялся.

— Ты хочешь сделать это в одиночку? — с сомнением осведомился Рондини. — Я мог бы тебе помочь. В конце концов я кое-что понимаю в этом, не так ли?

— Теперь я знаю место, Маркус. В одиночку я более подвижен, можете даже взять мое оружие. Прежде чем мозг вообще успеет заметить, что что-то происходит, он заработает головную боль. А пока он найдет таблетки, мы выйдем и освободим остальных.

— Как тебе угодно, — сказал Рондини и взял излучатель Гукки.

Гукки осторожно сконцентрировался на точке, находящейся в двух метрах от клетки. Он немедленно рематериализовался, но теперь уже находился вне тюрьмы. Улыбнувшись остальным, он произнес:

— Лучше сядьте рядом друг с другом, чтобы роботы, если они заглянут сюда, не заметили моего отсутствия. Я скоро вернусь.

И телепортировался во второй раз.

Он пригнулся за перилами кольцевой галереи, хотя не имел никакого понятия о том, сколько «глаз» было у мозга и где они находились. Не было видно ни одного робота-охранника.

Гукки осторожно прополз на четвереньках немного дальше, потом медленно выпрямился. Он заглянул вниз через край балюстрады, посмотрев на находящуюся там полусферу. Сигнальные лампочки на ней горели, показывая, что позитроника работает. Мозг никогда не спал. Теперь Гукки увидел золотистую крышку распределителя со стороны. Возле нее находился металлический блок, очевидно, усилитель. За ним можно было укрыться.

Чем ближе он будет к агрегату, тем лучше.

Он прыгнул под покрытие блока.

Потом он осторожно прополз еще немного вперед, пока золотистая крышка не оказалась прямо перед его глазами. Он сконцентрировался и начал телекинетически ощущивать внутренность распределителя. Он нашел переключатели и реле, не понимая их назначения, но это не имело никакого значения. Важно было только произвести как можно больше неправильных переключений и установить ложные соединения, прежде чем мозг натравит на него своих роботов. Он должен сделать все это как можно быстрее.

Гукки не первый раз повреждал подобный тип позитронного мозга или подобных устройств и выводил их из строя. В этих делах у него был большой опыт. И все же он отлично понимал изменившееся положение и особые обстоятельства. Если ему не удастся выполнить свои намерения, будет досадно, очень досадно, особенно в отношении этого зловещего мозга.

Он нащупал несколько пучков проводов, идущих к одному из реле распределителя, где они разделялись. С другой стороны тоже был такой же пучок кабелей, заканчивающихся в подобном реле. Обе платы находились всего в нескольких миллиметрах друг от друга. Если бы ему удалось так изогнуть их края, чтобы они соприкоснулись...

Металл был прочен. Гукки пришлось использовать все свои парapsихологические силы, чтобы согнуть плату на долю миллиметра. Немного отдохнув, он попытался еще раз и наконец понял, что это ему удалось.

Не было никаких искр, вызванных коротким замыканием, не было вообще ничего. Чтобы закрепить свой успех и изменить реакции мозга, он замкнул еще два других главных кабеля и спаял несколько

контактов реле так, что их больше нельзя было разъединить. Потом он счел за лучшее на некоторое время исчезнуть отсюда.

Он вовремя материализовался в клетке, чтобы увидеть двух входящих роботов.

Гукки поспешно выхватил свой излучатель.

8

Профессор Боговский выкатился из-под своего одеяла. По звездам он увидел, что было уже за полночь. Он толкнул Пьера Дюрока, спавшего рядом с ним.

— Они еще не вернулись, — прошептал он, чтобы не будить других. — Я начинаю беспокоиться.

Дюрок перекатился на другую сторону.

— Почему? Сколько сейчас времени?

Только теперь Боговский посмотрел на часы.

— Два часа. Их нет уже почти пять часов.

— Значит, что-то потребовало времени, мой дорогой. Я бы на вашем месте выкинул это из головы. Утром разберемся.

— Ну и нервы у вас, — критически произнес Боговский. Дюрок кивнул и сказал:

— Слава богу, да!

Боговский снова неохотно закрыл глаза. У него не было никакого желания посреди ночи говорить с Дюроком о нервах. Он и без того знал, что нервы у Дюрока были крепче, чем его собственные.

Однако Пьер Дюрок, раз проснувшись, не смог больше заснуть, как ни старался. Он продвинулся немного вперед, чтобы видеть купол. Материал поблескивал, как и прежде. Дюрок лежал на животе и пытался что-нибудь обнаружить, но он не видел ни Гукки, ни его спутников, ни роботов.

Но он увидел, как открылся шлюз.

Он протер глаза: нет, он не ошибся. Дверь теперь была широко открыта, и вход в купол свободен. Внутри ничего не было видно.

— Странная случайность, — подумал Дюрок и осторожно выбрался из своего убежища. Незаметно от Боговского он выбрался из впадины и побежал вниз по склону. От возбуждения он забыл свое лучевое оружие, но ему было все равно. Проем двери, может быть, был сигналом от Гукки и остальных, которые, хотя и были ограничены в свободе передвижения, но были в состоянии что-то предпринять, чтобы позвать на помощь.

Достигнув купола, он, тяжело дыша, остановился.

Теперь он внезапно понял, что действует слишком поспешно. До сих пор у него не было на это времени, а теперь его осталось у него

еще меньше, потому что из одного из строений вышел робот и направился к выходу из купола.

Дюрок схватился за пояс, но вовремя вспомнил, что у него нет оружия. И все же он продолжал стоять. У него не было инстинктивного страха перед роботами, потому что, насколько он их знал, они всегда были только слугами. Были и исключения, известные ему. Однако он сам еще никогда с ними не сталкивался.

Он отошел немного в сторону, когда боевой робот с опущенным оружием вошел в дверь и остановился. Он устремил взгляд фасетчатых глаз на Дюрока.

— Ваш приказ, господин? — спросил он механическим голосом.

В первое мгновение Пьер Дюрок потерял дар речи. Он рассчитывал на что угодно, только не на это. Но все же он достаточно держал себя в руках, чтобы использовать возможность и спросить:

— Я ищу семерых существ. Где они?

— Ваш приказ, господин? — повторил робот, не отвечая на вопрос.

Дюрок был в замешательстве. С программой робота было что-то не в порядке.

— Ну, хорошо, тогда я приказываю тебе отвести меня к семерым существам, о которых я уже упомянул. Это месторождения таких же людей, как я, и один...

— Ваш приказ, господин? — невозмутимо проскрипел робот.

Теперь было совершенно ясно, что позитронный мозг робота больше не получал координирующих импульсов. Причина могла заключаться только в передатчике, а передатчиком мог быть только мозг.

Дюрок больше не стал обращать внимания на робота и прошел мимо него в купол. Он осторожно осмотрелся, направляясь к ближайшему строению, преисполнившись надежды. Робот дошел почти до самой машины Кореса Дона, потом внезапно резко остановился. Он вышел из зоны импульсов-приказов мозга, и у него, казалось, не было никакой другой программы. Он был выведен из строя.

Пьер Дюрок осторожно вошел через открытую дверь в строение и оказался в зале с лифтами. Хотя он никогда раньше не видел таких лифтов, он тотчас же понял, для чего служат эти маленькие кабинки. Все это было создано людьми и, хотя и устарело, несомненно, тоже управлялось кибермозгом.

Он решительно вошел в ближайшую кабинку и изучил ручное управление. Было несомненно, что лифт находился в высшей точке подъема. Итак, на нем можно было только спуститься вниз. Дюроку и до этого было ясно, что вся аппаратура мозга находится под землей, а сам мозг установлен в самом безопасном месте на наибольшей глубине. Лифты здесь были предназначены в первую очередь для роботов, а также для техников-людей, которым разрешалось входить сюда.

Пока Дюрок раздумывал над тем, должен ли он отважиться на спуск вниз или нет, напротив него открылась одна из дверей. Снизу

поднялась кабинка. Из нее вышел робот и резко остановился, увидев Дюрока. Вместо оружия у него были две хватательные конечности с различными инструментами на концах. Это, несомненно, был один из ремонтных роботов.

— Ваш дефект, господин? Я откомандирован, чтобы устранить его.

Дюрок мгновенно нажал на кнопку лифта, дверь закрылась, и кабинка пошла вниз. Дюрок не испытывал никакого желания подвергнуть ремонту со стороны сумасшедшего робота. Не оставалось больше никакого сомнения, что мозг больше не функционирует. Он издавал бессмысленные приказы.

Лифт остановился, дверь открылась.

Пьер Дюрок, потеряв дар речи, уставился на сцену, открывшуюся перед ним...

Меры предосторожности, предпринятые Гукки, оказались излишними.

Оба боевых робота, казалось, изменили свои функции, потому что они напрасно пытались открыть своим оружием ящичек переключателя на противоположной стене. Спиралевидные стволы снова и снова сползали с роликов на руках, но, очевидно, неправильно запрограммированные машины не желали отказываться от своих намерений. Они больше не казались опасными. Они были смешными.

Гукки опустил излучатель.

— Это действительно удалось, мозг спятил. Ну, а теперь прочь отсюда!

Корес Дон придерживался другого мнения.

— Мы должны позаботиться о мозге. Если оставим его в таком состоянии, может произойти огромное несчастье, как только связь с внешним миром снова восстановится. Мы должны полностью парализовать его, чтобы он не мог больше отдавать никаких приказов.

— Он прав, — согласился Рондини. — Ты это сделаешь, Гукки? Это трудно?

— Вовсе нет, — похвастался мышечобер. — Детская игра.

— Тогда остальное тоже нетрудно, — произнес Корес. — Уходим из клетки!

Гукки без усилий телепортировался из клетки вместе с остальными. Роботы не обращали на них никакого внимания. Казалось, они ничего не замечали и занимались исключительно коробкой переключателя, которую они никак не могли открыть.

— Хотелось бы знать, — удивленно пробормотал Рондини, — какие контакты ты замкнул?

— Не имею никакого представления, — честно ответил Гукки.

— Мы сами должны отправиться к мозгу и парализовать его, —

нервно произнес Корес Дон. — Он отдает бессмысленные приказы, а когда магнитное поле Гринуолда снова будет в порядке, это вызовет катастрофу.

Они покинули помещение и вышли в коридор, который они уже знали. Но как же велико было их удивление, когда они увидели дюжину роботов, которые сидели кружком и играли мотком кабеля.

ИГРАЛИ!

Очень искусно, словно с самого начала были запрограммированы на это, они катали кольцо кабеля от одного к другому, и если попытка не удавалась и кольцо опрокидывалось, его брал рядом сидящий робот, снова ставил набок и катил дальше, своему соседу.

— Боже мой! — потрясенно простонал Маркус Рондини. — Похоже, удача может ускользнуть от нас. Наш мозг, кажется, превратился в воспитательницу детского сада!

— По меньшей мере он считает себя ею, — предположил Гукки. — Так все же лучше, чем считать себя диктатором этого мира.

Напротив них приоткрылась дверь, и они увидели Пьера Дюрока, который сначала широко раскрытыми глазами уставился на группу роботов, а уж потом заметил их.

— Как вы сюда попали? — спросил Корес Дон. — Как вы проникли в купол?

Дюрок опомнился от удивления и вышел из кабинки лифта. Он коротко рассказал о том, что произошло. Теперь стало совершенно ясно, что мозг больше не координирует действия роботов, а передает им абсолютно бессмысленные приказы, которые, несмотря на относительную безвредность, скрывают в себе огромную опасность.

— Теперь мы полностью отключим его, — решил Корес Дон. — Да пойдём же, наконец!

Гукки, переваливаясь, шел позади них.

— Бедный прохиндей! — пробормотал он про себя. — Только что он хотел быть богом, а теперь удовлетворился ролью воспитательницы детского сада. Хотелось бы мне только знать, какие провода я замкнул! Теперь у него, должно быть, всеподавляющий комплекс инфантильности.

Он сам не знал, что это было, но это выражение понравилось ему.

На кольцевой галерее не было ни одного робота.

Корес Дон указал вниз.

— Дверь к главному пульту управления открыта — как это может быть? Но у нас все еще нет ключа для полного отключения мозга.

— Ключ — это я, — самоуверенно заявил Гукки. — Подождите здесь.

Но прежде чем он успел телепортироваться, прозвучал голос мозга, на этот раз очень вежливый, почти елейный.

— Приветствую вас, мои дорогие, в своем убежище. Чувствуйте себя как дома. Я — ваша мама. Господа отдали вас на мое попечение,

я буду заботиться о вас, и вы будете счастливы. Роботесса номер семнадцать покажет вам ваше жилище и познакомит вас с играми...

— Отключить! — возбужденно прошептал Корес Дон. — Я вспоминаю, что мой отец говорил что-то о такой возможности отключения. Мы должны выполнять ВСЕ приказы, даже этот. А Гукки должен ввести в программу это отключение.

— Это непременно будет сделано, — заверил мышсбобер, — хотя должен признать, что мне всегда нравились детсадовские воспитательницы, — он посмотрел вниз, на круглую арену, в центре которой находился мозг, и сконцентрировался. — Не беспокойтесь, я отключу эту тетю. Маркус, ты идешь со...

Он взял руку Рондини и телепортировался вместе с ним в открытое помещение, где находился главный пульт управления.

К концу следующего дня все они втиснулись в машину Кореса Дона. Четверо освобожденных ученых преодолели первый шок и теперь беседовали друг с другом, не обращая внимания на остальных. Рамес Дон сидел возле своего брата.

— Как все пойдет дальше? — озабоченно спросил он. — Без мозга... как нам жить?

— Это тебе лучше знать, — ответил Корес. — Именно Ты! прожил без него почти полгода. НАМ же нужно этому учиться. Но мы научимся.

Он повел машину по дороге, ведущей в ближайший город. Радио снова работало, так что можно было установить связь с Советом Ученых. Он рассказал обо всем своим друзьям и начальникам и предложил немедленно создать команду экспертов, чтобы заново перепрограммировать мозг... Одновременно он сообщил о крушении корабля землян.

В ответ на это последовало радостное сообщение, что вследствие выхода из строя мозга, его медлительности и кажущихся бессмысленными приказов удалось перепрограммировать автономных роботов. Следствием этого было возобновление работы заводов по производству продовольствия. Как только это произошло, импульсы-приказы мозга полностью прекратились.

— Но жизнь продолжается! — воскликнул Корес Дон; он, казалось, был не особенно удивлен. — Продолжается без кибермозга!

— Конечно, продолжится, — подтвердил его брат. — Ты прав. Я тоже жил, пересекая океан на плоту. Они живут лучше и счастливее, хотя ими не правит никакой мозг.

— Они живут счастливее ПОТОМУ, что у них нет кибермозга, который говорил бы им, что можно делать, а что нельзя, — Корес Дон, казалось, стал другим человеком с тех пор, как кончилась эта неизвестность. — Мы должны позаботиться о том, чтобы подобное никогда больше не повторилось.

Рамес Дон указал направо, где в глубине суши были видны плоские, покрытые лесом холмы.

— За этими горами находится ракетный полигон, — сказал он. — Со времени последнего старта прошло уже несколько месяцев. Ракета так и не вышла на орбиту.

Рондини произнес:

— Может быть, мы сможем дать техникам пару хороших советов. Для нас важно только найти установку гиперсвязи.

— Здесь ее нет, — заверил Рамес Дон. — Но я уверен, что наши ученые справятся с этой проблемой.

— А если нет, мы покажем им, как сконструировать этот прибор, — сказала Дорель Керст и толкнула локтем в бок сидящего рядом Рондини. — Не правда ли, дорогой, ты ведь немного разбираешься в этом?

— Больше в межзвездных двигательных установках, но я приблизительно знаю, на каком принципе основана гиперрадиосвязь.

Прием в городе был дружеским, и земляне замечали облегчение, охватившее научников. Особенно сердечную встречу устроили Работу, моряку из Западной страны, и его спутникам. Им они в первую очередь были благодарны за то, что господство кибермозга было сломлено.

Гукки вызвал всеобщее удивление, и когда все узнали, что именно он произвел первое переключение, в результате которого мозг превратился в няньку, все принялись хвалить его. Мышебобер был объявлен героем дня, и немного позже рабочие роботы принесли дюжину корзин с синтетической морковью и другими овощами. Гукки буквально забаррикадировался ими, а потом с довольным выражением уселся в центре и стал быстро орудовать своим единственным зубом.

На следующий день началось официальное обсуждение.

Уже четыре недели ракетный полигон был пуст. Там осталась только пара боевых роботов и роботов-охранников. Но теперь они больше не представляли никакой опасности.

Создать гиперрадиосвязь ученые никогда не пытались. С тех пор как мозг захватил власть, в этом направлении было проведено лишь несколько тайных экспериментов, о которых стало известно только теперь. Было решено призвать помощь из космоса.

— А что насчет Восточного континента? — спросил профессор Боговский после того, как научная часть была обсуждена. — Вы когда-нибудь вступали в контакт с тамошними поселенцами? Что с ними стало? Как они живут?

— До того как мозг поработил нас, туда два или три раза плавали наши патрульные суда. Насколько мы могли установить, люди там находятся в таком же состоянии, как и на Западном континенте. Поселенцы жили как в глубине суши, так и на берегу. Сельское хозяйство, рыболовство, а также охота в лесах. Конечно, это только

предположения, основанные на беглых наблюдениях. Наши люди не хотели высаживаться на берег и вступать в контакт, но им пришлось это сделать, потому что они подобрали рыбака, потерпевшего крушение в море. Они отвезли его на берег, и он с готовностью все им рассказал. Поэтому мы знаем, что в Восточной стране нет никакой новой техники. Там должны быть группы поселенцев, живущие в лесах, изолированные от остальных и находящиеся почти на уровне каменного века.

— Лично мне хотелось бы изучить этих людей, — сказал Боговский. — В результате мы могли бы многому научиться, принимая во внимание факт, что рецидив последовал неожиданно быстро. Подумайте: двести пятьдесят лет! В этот промежуток времени начался и проходил регресс, на который обычно требуются многие тысячелетия.

— Но это же не объясняет, — проищнал Гукки, забравшись на стул, с которого его мог видеть каждый, — ПОЧЕМУ все это произошло. Я охотно узнал бы, почему оба корабля, высадившие колонистов, бесследно исчезли, ничего не сообщив об этом в Терранию.

— Вероятно, они послали сообщение, — ответил Пьер Дюрок, — но потом произошло нечто, чего мы никак не можем объяснить. Несмотря на нашу позитронную бюрократию и технику управления, снова и снова случаются ошибки и недоразумения. Ничто не совершенно под луной, в том числе и руководство в Террании. Это упущение нужно ликвидировать.

В этом месте в дискуссию вмешался Ра, сын Рабольтя.

Все выжидательно смотрели на него.

— Друзья, всю свою жизнь я хотел разгадать тайну прошлого. Запыленные летописи наших предков казались мне очень неполными, и часто возникало впечатление, что они намеренно сокращены. Мне хотелось раскрыть правду, и сегодня, мне кажется, я понял, почему это было сделано. Наши деды и прадеды были умными людьми. Они еще помнили цивилизацию и понимали, какую опасность она в себе таит. Они хотели, чтобы мы жили естественной, свободной жизнью, и неосознанно воспользовались тем, что сообщение о нашей высадке было утеряно. Я склоняюсь к мнению, что мы и дальше должны жить, как и прежде — каждый на своем континенте. Научники тоже. Вы получили урок и можете быть рады, что все кончилось так хорошо. Космический шторм и возмущение магнитного поля планеты были благословением, которое больше никогда не повторится. Это всего лишь СЛУЧАЙ, а он не повторяется дважды.

Гукки сказал:

— Со своей точки зрения ты прав, младший Рабольт, но ты не можешь требовать от нас, чтобы мы остаток своей жизни провели на Гринуолде. Чтобы убраться отсюда, нам нужен или гиперрадиопередатчик, чтобы позвать на помощь, или межзвездный космический корабль. Мы позаботимся о том, чтобы о вас и дальше не вспоминали,

обещаем это, но мы должны убраться отсюда! Ты же не можешь отрицать, что мы помогли вам. Война с карегами закончилась, а здесь мы отключили кибермозг. В благодарность мы требуем, чтобы вы помогли нам покинуть планету.

Рабольт ничего не ответил, только задумался. Затем встал один из ученых и подошел к подиуму.

— У меня есть брат, который командует патрульным судном. Тридцать лет назад, незадолго до того, как Остров был закрыт и никто больше не мог покинуть его, он отважился на путешествие в Восточную страну без официального поручения и без последующего доклада. Только самые близкие друзья и я, его брат, знали об этом. И только сегодня я вправе рассказать все, поэтому прошу прощения. Но если бы об этом узнал мозг, мой брат пропал бы, потому что он обнаружил кое-что важное для мозга. Люди Восточной страны живут в каменном веке, по крайней мере внешне. Но моему брату удалось узнать, что далеко внутри суши, в долине одной из непроходимых горных цепей живет группа исследователей, предки которых уже занимались постройкой космического корабля. Им известны принципы, и у них есть планы и чертежи, но рабочей силы у них недостаточно, и они вынуждены сами изготавливать каждую деталь. Мой брат утверждал, что они строят корабль уже более шестидесяти лет, а если к ним прибавить еще тридцать последующих, то будет девяносто лет! Кто знает, как далеко они продвинулись?

Дюрок сделал знак мужчине и попросил его сесть на место. Он протянул ему руку.

— Я благодарю вас за то, что вы нашли в себе мужество сказать правду. Наше обещание будет выполнено. Даже если мы вернемся назад, в Терранию, мы никому не скажем ни слова о Гринуолде. Когда-нибудь у вас появится гиперрадиопередатчик, и только от вас будет зависеть, захотите ли вы установить контакт с Солнечной Империей или нет. У нас нет диктатуры, и кто не хочет иметь с нами дело, тому мы позволяем идти своим собственным путем. Вы сообщите нам все, что вам известно?

— Если Совет Ученых согласен — да.

Все единогласно одобрили это. Несмотря на все сомнения, решающим оказалось то, что потерпевшие кораблекрушение, прибывшие из космоса, помогли им и что они были обязаны им. Глава Совета кивнул молодому человеку:

— Говорите, Стюарт Халл, вы свободны сказать все, что найдете нужным. Нас тоже интересует Восточная страна, мы мало знаем о ней.

— Мой брат высадился на крутом скалистом берегу в одной из защищенных бухт. Местность была необитаемой. Они высадились на сушу и подготовились к длительному пребыванию здесь. На Острове не заметили их отсутствия, потому что они предполагали отправиться

далеко на юг, на поиски новой земли. Мой брат своевременно повернул на восток, чтобы добраться до континента. В последнее мгновение он сообщил о выходе из строя передатчика, потом замолчал.

Через два дня они встретили первого человека, заблудившегося охотника. Он был испуган, и его с трудом удалось заставить говорить, но потом он рассказал о своем племени, которое жило в лесах «у гор», почти в сотне километров в глубь суши, если только оценка была верна. В центре этих гор была котловина, в которой жили «колдуны». Туда был только один вход — тщательно охранявшийся каньон. Колдуны, как брат вскоре выяснил, были такими же учеными, как и мы, но они не отправились к нам на Остров. Это значило, что они являются потомками ученых. Они поставили перед собой задачу построить космический корабль, чтобы навсегда покинуть планету. Они изолировались, чтобы никто не мешал им работать. Ничего странного, что о них складывали саги.

Он закончил.

Рамес Дон спросил:

— Это все, Халл?

— Больше мы ничего не узнали. Мой брат планировал осмотреть долину, но ему также нужно было думать и о возвращении. Он не мог отсутствовать слишком долго, чтобы не вызвать подозрений, а обследование береговой полосы шириной в двести километров требовало времени. Итак, он вынужден был удовлетвориться этой информацией, а об остальном догадываться сам. Я тоже занимался этим. Я убежден в том, что в Восточной стране среди людей каменного века, охотников, земледельцев и рыбаков, находится тайная исследовательская станция, которая, может быть, даже в состоянии слушать наши радиопереговоры. Эти люди никогда не связывались с нами, очевидно, желая работать в одиночку. И представляется довольно вероятным, что они строят космический корабль. Может быть, он уже готов к старту.

Боговский спросил:

— Есть ли карта Восточной страны? Хотя при посадке мы много раз пролетали над континентом, но не сделали никаких снимков. Я могу только вспомнить, что горная цепь, идущая с запада на восток, разделяет континент на две части.

— А в центре горной цепи находится совершенно неприступная котловина, — подтвердил Стюарт Халл. — Из нее на юго-запад идет каньон.

Гукки охотно немедленно телепортировался бы в Восточную страну, но он все еще не был уверен, удастся ему это или нет. Хотя он уже увеличил радиус своих прыжков до пяти километров и телепатические способности у него тоже сильно улучшились, но он не испытывал никакого желания рематериализоваться посреди океана и упасть в воду.

Все это надо было очень тщательно спланировать, но это означало потерю драгоценного времени.

Рабольт выразил желание снова вернуться в Западную страну, а Корес Дон пообещал предоставить в распоряжение землян одно из патрульных судов. Пьер Дюрок сказал моряку:

— Вы можете взять себе мотор, ведь он принадлежит поселенцам. Забирайте Ра, Ксантера, Гуна Рата и Хаберта и возвращайтесь в Западную страну. Еще раз благодарим вас, ваших друзей и Буру Хана за помощь, которую вы нам оказали. Мы желаем всем счастья!

— И храните мир с карегами, — энергично потребовал Гукки.

Через два дня Рабольт вышел в море и поплыл на своем корабле на запад. В то же время в гавань вошло патрульное судно.

Стюарт Халл стал его капитаном. Весь экипаж, за исключением двух его членов, покинул корабль. На борт было погружено достаточное количество продуктов, а также две машины для передвижения по суше, на которых они надеялись добраться до горной котловины. Конечно, они позаботились и об оружии, чтобы не оказаться беспомощными перед нападением полудиких племен.

Они поплыли на юг, потом повернули на восток. Спустя пять дней они увидели Восточный континент.

9

Справа, возле утесов, берег был плоским, и Стюарту Халлу не составило труда найти подходящую бухту с песчаным пляжем, которая укрыла бы их от штормов. Не было никаких признаков того, что здесь или где-то поблизости жили люди.

— Райский ландшафт! — с воодушевлением воскликнул лейтенант Шлюмпф, когда якорь зацепился за грунт и корабль развернуло по ветру. — Наверное, так выглядела Земля несколько миллионов лет назад.

— Как Адам и Ева, — хихикнул Гукки и бросил на Карин Форстер многозначительный взгляд. — Что же касается меня, то я охотно провёл бы здесь пару недель отпуска.

— Ты можешь остаться здесь с двумя моими людьми, — предложил Стюарт Халл, — и смотреть за кораблем.

Гукки проигнорировал это предложение и, переваливаясь, пошел на корму, где стояли обе машины, только что освобожденные от креплений. Так как они могли плавать, выгрузить их на берег не составляло труда. В воду спустили широкий трап, по которому они съехали, а потом их причалили к кораблю, чтобы загрузить. В это время Гукки с Пьером Дюроком телепортировались на берег. Они быстро нашли место, где машины без труда могли выбраться из воды и проехать в глубь суши.

— А что мы будем делать, если наши братья запрямятся? — спросил мышeboбер, когда они прошли некоторое расстояние и осмотрели эту идиллическую бухту. — Ведь может быть и так, что они не позволят нам погостить у них.

— Мы поговорим с ними и объясним положение, Гукки. То, что они вообще заняты постройкой космического корабля, недвусмысленно доказывает, что они хотят покинуть этот мир и намереваются установить контакт с Солнечной Империей. Кто же может помочь им в этом лучше, чем мы?

— Верно, — согласился Гукки. — Мы знаем координаты ближайшей базы. Но с другой стороны, тогда мы будем вынуждены нарушить наше слово и указать координаты этой системы, хотим мы или нет. С меня потребуют отчет. Ты знаешь, как нам этого избежать?

— Боюсь, это невозможно.

— Я очень не люблю нарушать свое слово, — заверил его Гукки. — Надеюсь, мы все же найдем какой-нибудь выход.

Они еще немного побродили вокруг и наметили дорогу. Она пролегла через небольшой лесок вечнозеленых деревьев, который переходил в прерию. Путь на восток был свободен. Слева тянулась горная цепь.

Они подождали, пока выгрузка в бухте будет закончена, потом телепортировались на борт патрульного судна. Шлюмпф язвительно сообщил:

— Мы закончили работу.

Гукки равнодушно кивнул.

— Поэтому мы отбываем немедленно, Шлюмпф. Для этого мы нашли хороший путь. Когда мы отправляемся?

Стюарт Халл посмотрел на солнце.

— Если мы не хотим терять времени, тотчас же. До сумерек мы преодолеем половину пути. Завтра около полудня мы будем у каньона, а там посмотрим, как нас примут. Может быть, охотника просто прогнали, поэтому он и сказал, что никто не должен ступать в эту долину.

— Может быть, «колдуны» увидят разницу, — с надеждой произнес Боговский.

Халл дал последние указания оставшимся на корабле людям, потом все забрались в машины, завели моторы и отчалили от корабля. Через несколько минут машины выбрались на песок и пересекли лесок.

Они быстро помчались вперед по равнине. Невозможно было потянуть направление, потому что горы слева были самым лучшим ориентиром, какой можно было себе представить. Справа прерия тянулась до самого горизонта, прерываемая только маленькими и большими перелесками. Нигде не было видно ни малейшего следа человеческого присутствия.

Спидометр показал, что они проехали семьдесят километров, когда солнце зашло.

Они остановились у небольшой рощицы, которая отлично укрывала их от посторонних взглядов. Несмотря на это, Боговский был убежден в том, что в горной котловине их давно уже заметили.

— Если кто-то строит космический корабль, он также в состоянии наблюдать за окрестностями, — сказал он, когда они сидели вокруг лагерного костра, который разжег Рондини, поддавшись романтике путешествия. — Они уже давно знают, что мы идем.

— Но по крайней мере они еще ничего о нас не слышали! — с надеждой произнес Гукки. — Или вы думаете, профессор, что их техника продвинулась настолько далеко вперед?

— Может быть, никто из нас еще ничего не знает. Но мы должны рассчитывать и на это.

— Нам нечего скрывать, — вмешался Дюрок. — Мы хотим убраться отсюда, и они тоже хотят этого. Никто не знает, как далеко они продвинулись, но, может быть, мы сможем им помочь. Будем надеяться на это.

Он забыл о телепате Гукки.

Мышебобер сказал:

— Профессор, я должен признать, что ваша теория увлекательна, но может оказаться неверной. Я предполагал нечто подобное, но эта мысль показалась мне слишком фантастической. Мы же один раз установили, что случайности не повторяются. Но если одно и то же случается в третий раз, то это уже не случайность, а намерение.

Боговский быстро преодолел первоначальное удивление.

— Этого не может быть, Гукки. Все должно находиться в рамках естественных законов, если вы понимаете, о чем я говорю.

Мышебобер кивнул.

— Но тогда нам чертовски повезет, если нам удастся убраться отсюда...

Боговский кивнул, игнорируя вопросительные взгляды остальных.

На следующий день они выехали рано утром; ночь прошла спокойно. Они все больше приближались к горам, потому что не хотели пропустить вход в каньон. Рассказ охотника за много лет потерял свою точность, и его описание мало помогало. Не было ни одной отправной точки, и неизвестно было, где начинается каньон, ведущий в котловину.

Они вынуждены были много раз подъезжать к подножию крутых склонов, надеясь обнаружить проход, но не находили там ничего, кроме разочарования. Только когда солнце достигло своей высшей точки, Стюарт Халл указал наискосок вперед.

— Должно быть, там! Слева, за этим плоским горным хребтом. Если это не вход, тогда его вообще здесь нет...

Это БЫЛ вход в котловину.

Конечно, и до сих пор им попадались долины и ущелья, и обеим машинам не раз приходилось пересекать реки, стекавшие с гор, но на этот раз это был каньон, который великолепно соответствовал неопределенным описаниям. Они остановились.

Странно было, что никто до сих пор не помешал им проникнуть в каньон почти на целый километр. Справа и слева поднимались отвесные каменные стены. Не могло быть более совершенной ловушки, чем эта.

Пеленгаторы обеих машин не зарегистрировали никаких особых излучений. Хотя Пьер Дюрок не совсем доверял приборам ученых, но других не было. Он предпочел положиться на свои глаза и внимательно наблюдал за местностью. Он не обнаружил никакого укрытия, в котором мог бы спрятаться наблюдатель «колдунов». Каменные стены были гладкими, без выступов и пещер.

— Никакой охраны? — он поправил импульсный излучатель, висящий на ремне у него на груди. — Этого же не может быть, если они работают над таким проектом!

— Они знают, кто мы! — повторил Боговский свое вчерашнее утверждение. — И они хотят, чтобы мы пришли к ним. По крайней мере они ничего не имеют против этого.

— Почему же тогда не видно комитета по встрече? — осведомился Дюрок.

— Мы должны ехать дальше, — сказал Боговский, похлопав Халла по плечу.

Стюарт Халл сделал знак Рондини, который вел вторую машину. Почти в то же мгновение они тронулись с места и продолжили свой путь через каньон. Река превратилась в ручей, который извивался по дну. Поле зрения ограничивалось поворотами каньона, повторяющими извивы ручья. Никто не мог даже предположить, что их ожидает за следующим поворотом.

Гукки, хотя и принимал посторонние импульсы мыслей, но ничего не мог разобрать. Он уже один раз пытался объяснить, что они доходят до него «как сквозь вату». Он не находил этому никакого объяснения.

В конце дня местность начала круто подниматься. Ручей стал еще меньше, а потом показался маленький водопад, высотой в дюжину метров, низвергающийся с гладкой скалы. Они, несомненно, приблизились к горной котловине, о которой говорилось в сагах.

Когда ущелье сузилось еще больше, Боговский внезапно заметил:

— Мы выехали на улицу — или по крайней мере на дорогу. Здесь перед нами уже кто-то ездил. Скоро мы это узнаем.

Они проехали еще пару километров, потом дорога закончилась перед оградой довольно массивного вида, которая круто поднималась вверх и заканчивалась круглым плато, не видимым снизу. А позади него поднимались расположенные полукругом каменные стены, окружающие долину.

Обе машины остановились. Рондини вылез и подошел к остальным. Он уставился на ограду и закрытые ворота.

— Я думаю, ты ищешь запер, — предположил Гукки и подошел к нему. — Мне нетрудно телепортировать вас всех на ту сторону, но я не имею никакого представления, насколько приветливы люди, находящиеся по другую сторону забора. Будет лучше, если я посмотрю один...

— Оставайтесь на месте, Гукки, — крикнул ему Боговский. — Сюда кто-то идет.

Человек в зеленом рабочем комбинезоне был вооружен импульсным излучателем. Теперь, когда Гукки увидел его, он смог лучше прочесть его мысли. Они выражали только удивление и изумление. К облегчению мышечобора, в них не было враждебности, только стремление к осторожности и пристальное внимание.

Человек остановился на расстоянии нескольких метров от них. Он рассматривал их через проволоку забора, которая, вероятно, была под напряжением.

Особенно долго его взгляд задержался на Гукки, который, наконец, встряхнулся и произнес:

— Может быть, вы думаете, что вы в зоопарке? А теперь придите в себя и отключите аппаратуру охраны. Можем мы поговорить с вашим шефом?

Мужчина — у него была окладистая борода, и ему было около пятидесяти лет — медленно опустил оружие. Ему потребовалось некоторое время, чтобы переварить тот факт, что «животное» говорит с ним. Потом он, наконец, спросил:

— Кто вы?

Боговский выступил вперед.

— В любом случае не каннибалы и не дикари, друг мой. Мы искали вас и хотим вам помочь. Впустите нас, и мы продолжим разговор.

Бородач ответил:

— Подождите минутку, я только позвоню по телефону.

Он отошел и исчез за каменным уступом. Гукки прочитал его мысли, потом с удовлетворением произнес:

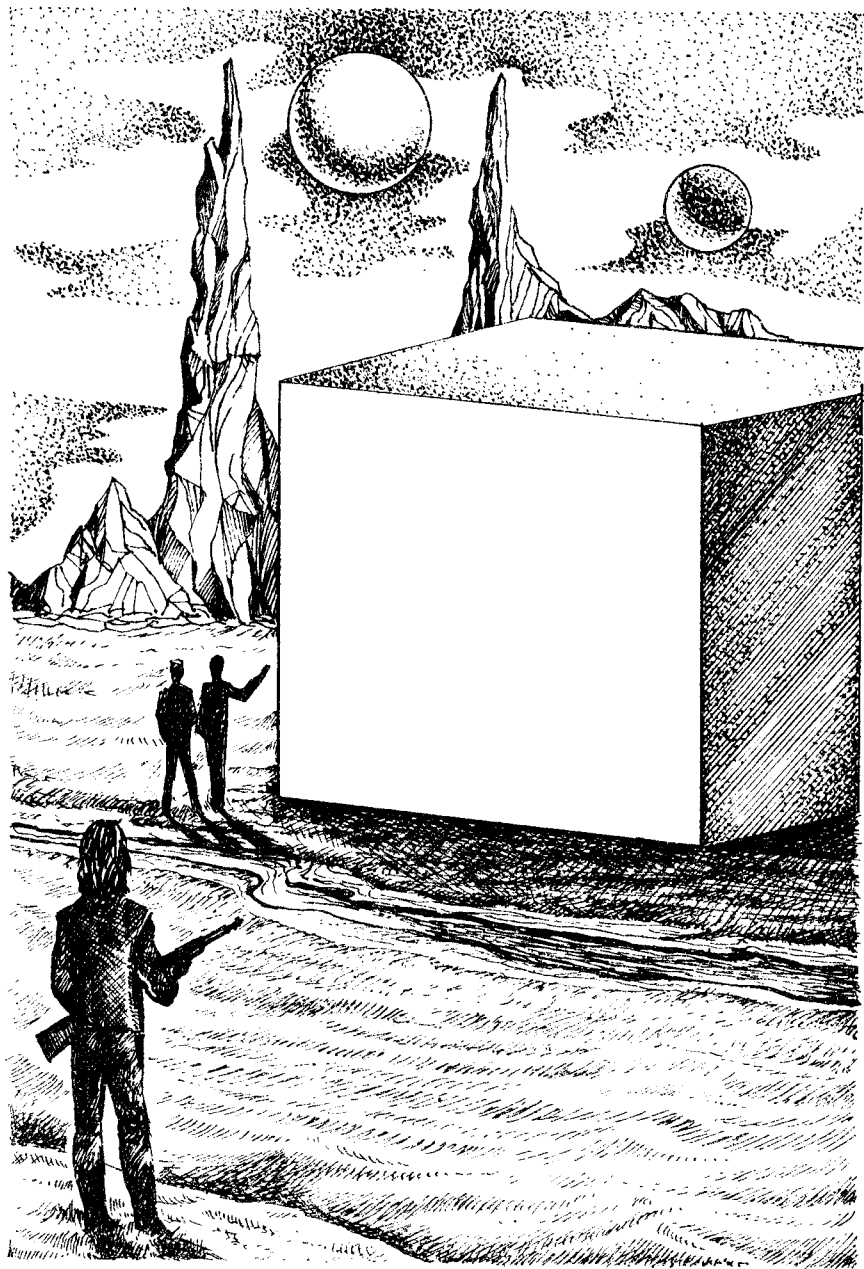
— Он действительно звонит и сообщает о нас. Ему особенно импонирует тот факт, что с нами две прекрасные дамы. Сам я, кажется, представляю для него загадку. Он уже закончил и сейчас вернется.

— Нас пропустят внутрь? — быстро спросил Рондини.

Гукки только кивнул. Мужчина подошел к ограде и подождал, пока сбоку не загорится сигнальная лампочка. Потом он достал из кармана ключ и отпер ворота.

— Оставьте здесь свои машины, боюсь, дорога дальше слишком крута для них. Потом мы сможем поставить их в ангар.

Затем они взяли оружие. Охранник не стал протестовать. Он даже пошел вперед, словно чувствовал себя абсолютно уверенно и позади него никого не было. Ворота он снова запер.

Боговский догнал его и пошел рядом.

— Вам не запрещено отвечать на мои вопросы?

— Хоть это и не запрещено, я считаю, что вам лучше задать свои вопросы командиру. Через десять минут мы будем у него.

Дорога действительно была довольно крута. Их машины никогда бы не прошли здесь. Наконец они добрались до края плато — и застыли от удивления.

Их взорам открылось неожиданное зрелище.

Круглое плато было около трех километров в диаметре и напоминало плоский кратер. Центр его был на добрую сотню метров ниже краев. Точно в центре блестела поверхность маленького озера, вокруг которого находились длинные, приземистые строения. Вся впадина была покрыта пышной растительностью, почти как в оранжерее. Там были прорезанные дорожками сады и прямоугольные плантации овощей.

Рай среди гор, идеальное убежище для людей, живущих в уединении, независимо от остальной цивилизации.

На противоположном склоне находилось огромное строение с круглой куполообразной крышей. Возле него были другие строения, которые, несомненно, служили для жилья. К ним вели бетонированные подъезды, которые в настоящее время были пусты.

— Идемте, — прервал бородач их напряженное молчание. — Майор Бентклифф ждет вас...

Они последовали за ним по сочному лугу, на котором цвели цветы и росло несколько деревьев с фруктами, похожими на яблоки. Там была только пешеходная тропинка, но, казалось, по ней часто ходили и ухаживали за ней. Гукки поймал взгляд Боговского и разделил его сомнения, хотя его теория казалась все еще довольно вероятной. Но скоро они все узнают наверняка!

МАЙОР Бентклифф! Это был ключ к истине.

Они остановились перед садовой дверцей. За ней находилось бунгало из натурального дерева, окруженное цветочными клумбами. Человек, который привел их сюда, указал на скамейку за дверцей.

— С вашей стороны будет знаком вежливости и доверия, если вы оставите свое оружие здесь. Заверяю вас, оно вам не понадобится. Я сам останусь здесь.

Когда они приблизились к дому, открылась деревянная дверь, ведущая в сад, и им навстречу вышел мужчина. Ему было около семидесяти лет, но он выглядел бодрым и здоровым. На нем был линялый мундир, который смотрелся так, словно его давно уже не надевали. Казалось, его только что достали из шкафа в честь особого случая.

Капитан Дюрок тотчас же узнал мундир. У него был такой же, мундир исследовательского флота.

Он отдал честь.

— Капитан Пьер Дюрок, первый офицер «ЭКС-1972», сэр...

Майор Бентклифф ответил на приветствие, представился и подал Дюроку руку, а потом горячо поздоровался с остальными. Он слегка нагнулся к мышебобру и сказал:

— Если я не ошибаюсь, Гукки, не так ли?

— Вы меня знаете, майор?

Тот кивнул.

— Когда Ким Лайош описал мне вас, я сразу же понял, кто вы. Итак, вы наконец нашли нас...

Боговский не мог больше сдерживать любопытства.

— Я думаю, вам есть что сообщить нам, — с напором произнес он.

— Внизу, в большом строении, — вы собираете космический корабль?

Бентклифф слегка улыбнулся, несколько болезненно.

— Когда я узнал, кто вы такие, я приказал приостановить работы. Надеюсь, вы заберете нас с собой. Нам нужно еще много десятков лет, чтобы закончить корабль. Поверьте мне, очень трудно без всяких вспомогательных технических средств построить способный летать космический корабль...

Боговский уставился на него.

— Боюсь, мы неправильно поняли друг друга, майор. Вы должны продолжать работы над кораблем, и мы поможем вам в этом. У нас самих больше нет корабля, мы некоторое время назад потерпели крушение на этой планете. Чистая случайность, что мы услышали о вас и смогли разыскать.

Бентклифф внимательно посмотрел на него и остальных.

— Вы не поисковая команда флота Солнечной Империи? Разве ОЗО не послала вас, чтобы найти и подобрать нас?

— А для этого есть особые основания? — осведомился Пьер Дюрок, который внезапно стал недоверчивым.

Бентклифф кивнул.

— Конечно. Я командир «ЭКС-998» и нахожусь здесь уже более двадцати лет. Мы совершили посадку на планете, находящейся отсюда более чем в двухстах световых годах. Большая часть экипажа заразилась неизвестной болезнью. Они сошли с ума, мои люди, а потом взбунтовались. Я не знаю, погибли они или нет. Во всяком случае они высадили нас на этой планете, обеспечили всем необходимым, а потом снова улетели. И мы больше ничего о них не слышали.

Вот как ЭТО было! Предположения Боговского частично оправдались, он ведь рассчитывал на то, что найдет землян. Но являлись ли они потерпевшими кораблекрушение или это были высаженные бунтовщиками офицеры и члены экипажа, не играло теперь никакой роли.

— «ЭКС-998»... — пробормотал Пьер Дюрок. — Я не уверен, но мне кажется, что этот корабль занесли в списки пропавших без вести. Во всяком случае он больше никогда не вернулся на Землю.

Бентклифф указал на дверь дома.

— Я думаю, мы должны в спокойной обстановке обговорить все, что произошло, и обсудить все возможности. Идемте со мной.

Помещение было большим и светлым. Бентклифф предложил им сесть и подошел к старомодно выглядящему телефону без экрана. Он приказал снова продолжить прерванные работы, а на вечер созвал общее собрание всех членов экипажа. Уголкем глаза покосившись на Карин Форстер и Дорель Керст, он улыбнулся и попросил также привести с собой женщин. Потом он сел.

— Так, господа, а теперь, пожалуйста, расскажите...

10

Стюарт Халл большей частью находился вместе с Шлупфом и Рондини, которые вместе с Гукки и обеими женщинами осматривали рабочие цеха и мастерские, а Бентклифф с Боговским совершали прогулку по плато, посещая при этом небольшие фабрики и некоторых людей.

— Я не понимаю, — удивленно сказал профессор, — почему вы никогда не предпринимали попыток установить связь с учеными, о которых я вам рассказал. Я уверен, что ученые смогли бы вам помочь. Они сами занимались космическими исследованиями.

Бентклифф серьезно ответил:

— Когда мы двадцать лет назад высадились здесь, на Острове Ученых уже властвовал кибермозг. Мы предприняли только одну попытку, которая оказалась неудачной. Потом мы отказались от этого. Ни с Западного, ни с Восточного континентов помощи ожидать мы не могли, — он покачал головой. — Нет, профессор, у нас есть только одна единственная возможность: мы сами должны помочь себе. Даже если на это потребуется сотня лет. Тогда это сделает следующее поколение, а не мы. Мы живем здесь мирно и счастливо, и нам, вероятно, ничто не мешает остаться здесь навсегда. К счастью, бунтовщики оставили нам здесь также женщин, так что мы можем создавать семьи и производить на свет детей. Может быть, мы — зародыш новой цивилизации Гринуолда.

— Никто вас не заставляет покидать Гринуолд, — заверил его Боговский во второй раз. — Вы нашли здесь новую родину, и ваши дети больше не знают Земли.

— Нас здесь двести сорок четыре человека, профессор, — Бентклифф улыбнулся. — С позавчерашнего дня.

Они вышли из поселения и сели на скамейку. Вид окрестностей был очарователен.

— Почему вам в голову никогда не приходила идея построить гиперрадиопередатчик, майор?

— Но это же только идея, но вы не специалист по радиосвязи, иначе вы должны были бы сразу же понять, что для этого необходимы некоторые элементы, которых на Гринуолде, к сожалению, нет. Обычное радио сделать можно, но ближайшая база Солнечной Империи находится в сотне световых лет отсюда.

— Немного подальше, майор. Так ли невозможно сконструировать гиперрадиопередатчик?

— К сожалению, абсолютно невозможно.

— Ну хорошо, — Боговский сорвал стебелек травы и покрутил его в пальцах. — Тогда мы тоже примем участие в строительстве корабля. Когда двести пятьдесят лет назад на этом континенте совершил посадку второй корабль с колонистами, он должен был оставить припасы и снаряжение. Вы никогда ничего не находили?

— Не знаю. Может быть, дикари что-то и обнаружили, но мне об этом ничего не известно. Кажется, возможность общения с ними здесь еще меньше, чем на Западном континенте. Здесь между самостоятельно развивающимися человеческими обществами едва ли есть какая-то связь.

В нескольких метрах от них материализовался Гукки. Он просто сел на траву.

— Кажется, все совсем не так плохо, — сообщил он. — Рондини утверждает, что ему удастся изготовить двигатель. Конечно, только досветовой, потому что он не может сделать конвертор Калупа из консервных банок. А Дорель говорит, что это ничего не значит, потому что вне поля притяжения планеты и системы нужен будет простой мощный радиопередатчик. Никакого гиперрадио, только принцип импульсного ускорителя.

Боговский кивнул ему.

— Тогда телепортируйся обратно и скажи Рондини, что он должен немедленно приступить к работе. Мы не можем терять времени.

Гукки продолжал сидеть.

— Опять эта земная спешка! — фыркнул он и лег на спину. — Немного солнца будет отнюдь не вредно для резематенка моих суставов.

Боговский уставился на него.

— Для чего будет не вредно? — удивленно осведомился он.

— Мне очень жаль, но я не могу этого произнести, во всяком случае я чувствую изменения влажности и погоды...

— Он имеет в виду ревматизм суставов, — объяснил майор Бентклифф удивленному профессору.

После вчерашнего вечернего собрания у Боговского и Дюрока появилось впечатление, что хотя все готовы и дальше трудиться над постройкой корабля, но только для того, чтобы от всего поскорее отделаться — и от корабля тоже.

Им предоставили для жилья свободный дом. Там был даже бассейн и проточная вода. Там были отдельные комнаты, и Рондини и Дорель в первый раз по-настоящему почувствовали себя мужем и женой. Шлюмпф и Карин Форстер, напротив, все еще спали в разных комнатах, относительно чего Гукки отпустил несколько более или менее подходящих замечаний.

Стюарт Халл, Пьер Дюрок, Боговский и Гукки еще некоторое время посидели вместе после того, как другие ушли.

— Ну, что вы думаете? — еще раз спросил Дюрок.

— Должен признать, что они построили весьма недурной корабль. Еще семь или восемь лет, и они закончили бы его и без нашей помощи. Конечно, я не уверен, будет ли он летать, — Боговский посмотрел на Гукки. — А что ДУМАЮТ они, наши новые друзья?

— Импульсы их мыслей постепенно становятся все яснее. У них нет ни предательских, ни коварных замыслов, они даже рады нашему посещению и помощи, которую мы им предложили. Некоторые из них отправятся с нами, когда корабль будет готов. Другие хотят остаться здесь навсегда.

Стюарт Халл произнес:

— Надеюсь, позже они будут готовы установить с нами контакт. Ведь мы теперь снова контролируем мозг.

Они сидели вместе почти два часа, потом отправились спать.

Утром начинался первый рабочий день.

Через десять дней Стюарт Халл распрощался с ними. Он хотел вернуться на Остров и пообещал никому не выдавать точное местоположение котловины. Когда придет время для контакта, он сделает это.

Гукки телепортировался вместе с ним на берег и посадил его на поджидающее патрульное судно. Оба оставшихся там члена экипажа лениво лежали на палубе и загорали. Они бездельничали уже десять дней и были рады, что капитан вернулся снова.

Гукки выехал вместе с ними из бухты и подождал, пока берег не превратится в тонкую полоску на горизонте. Только потом он распрощался с ними и вернулся назад, в горы.

Теперь он без труда телепортировался на расстояние двухсот километров без промежуточных остановок. Условия начали нормализоваться.

Он не мог особенно помочь в постройке корабля, поэтому с разрешения Дюрока он совершал экскурсии на равнину и в леса южнее и севернее гор. Его прыжки становились все более и более длинными, он постепенно знакомился с континентом и его жителями, с которыми он, конечно, не устанавливал прямых контактов. Он опасался, что охотник, к примеру, может принять его за вкусную дичь и, не задумываясь, подстрелить и изжарить.

Однажды он стоял на вершине горы в двухстах километрах к востоку от райской котловины и смотрел на северную равнину. На востоке он видел море, а на юге еще тянулись горы.

Неестественно прямые линии в степи привлекли его внимание. Они вели к месту, находящемуся в двух километрах от подножия гор. Гукки был убежден, что на равнине он никогда бы не обнаружил этих линий, но теперь, с высоты более тысячи метров, он их видел. Он сдержал любопытство, чтобы найти ориентиры, по которым снова сможет найти это место.

Только сделав это, он телепортировался на равнину, которая на восемьсот метров поднималась над уровнем моря.

Его предположение оправдалось. Теперь линии были не видны, но у него был другой отправной пункт. Он последовал вдоль невидимых линий, пока перед ним не возник круто поднимающийся вверх склон горы.

Если линии где-то вообще заканчивались, то только здесь.

Он нагнулся и стал изучать почву. Трава здесь росла не особенно пышно, и если приглядеться внимательнее, при некоторой фантазии можно было представить себе, что на ширине трех метров стебли травы были короче, и цветы здесь были другими. Глядя на все это издали, можно было принять их за линию.

Оставался вопрос: ПОЧЕМУ это было так? Почему мутация произошла только на этих линиях одинаковой ширины, и больше нигде?

Возле скал линии сходились и заканчивались у стены.

Связь всего этого постепенно прояснялась для Гукки, и он нашел приемлемое объяснение этому феномену. Двести пятьдесят лет назад второй корабль с поселенцами совершил посадку на равнине и высадил колонистов. Потом было выгружено снаряжение и на машинах с атомными двигателями или на мощных глайдерах перевезено сюда и спрятано. Излучение заразило почву полосами трехметровой ширины, поэтому и возникла мутация травы, растущей на все еще слегка радиоактивной почве. Все другие семена этих растений, попадающие в нормальную почву, погибали.

Гукки стоял перед гладкой стеной, у которой заканчивались следы. Как он ни напрягал зрение, он не нашел ничего, что напоминало бы открывающий механизм. Ему не оставалось ничего другого, как только осторожно телекинетически ощупать помещение за стеной. Он, несомненно, мог телепортироваться туда, но не отваживался на это.

Помещение за стеной было пустым!

В несколько прыжков он вернулся на круглое плато, где в монтажном зале нашел Пьера Дюрока, и отозвал его в сторону. Он вкратце сообщил капитану о своем открытии и высказал свои предположения.

— Ну хорошо, — произнес Дюрок, — если ты так уверен, тогда возьми с собой фонарь и одного из нас. Но будь осторожен, слышишь?

Если там в то время что-то спрятали, то не без основания. Впрочем, Шлюмпфу пока все равно нечего делать...

Гукки не стал пускаться в дальнейшие объяснения, схватил ничего не понимающего лейтенанта за руки и телепортировался с ним на двести километров на восток. Прежде чем Шлюмпф пришел в себя от удивления, он уже стоял перед зловещей каменной стеной.

Только теперь Гукки рассказал ему обо всем и включил фонарь, который прихватил с собой.

— Я должен идти в скалу? — запротестовал Шлюмпф. — А ты уверен, что при этом ничего не случится?

— Не уверен, но что же делать? Может быть, ты хочешь ждать еще десять лет, пока будет готов корабль?

— Неужели ты думаешь, что за этой стеной спрятаны космические корабли?

— Нет, но, может быть, там есть снаряжение и, кроме того, там может быть гиперпередатчик. Ну, пошли, держи мою руку. Это же ненадолго...

Скала была толщиной в добрый метр, за ней находилось огромное помещение, стены которого были покрыты тонкой, блестящей глазурью. Здесь стояли длинные металлические ящики метровой высоты, в которых находилось снаряжение для колонистов. Тут всего этого было по крайней мере в пять раз больше, чем они обнаружили на Западном континенте.

Гукки с Шлюмпфом шли вдоль рядов ящиков и читали названия. Они были четко написаны, и читать их было легко. Здесь были ящики с оружием, взрывчаткой, электроплугами, сеялками, семенами, продуктами, техническим оборудованием и даже отдельные части сборного глайдера.

В другом конце пещеры Шлюмпф указал на продолговатый ящик, стоящий внизу. Он сделал это молча, дрожа от возбуждения. Гукки тотчас же увидел, что в этом ящике должно быть именно то, что они искали.

«Запасные части гиперрадиоустановки», — было написано на ящике.

— Боже мой! — сказал лейтенант Шлюмпф и опустился на рулон синтетической ткани. — Передатчик!

— По крайней мере Рондини теперь сможет собрать его, — произнес Гукки слабым голосом. — Здесь же только запасные части и элементы. Так написано на ящике! Но ящик этот выглядит очень тяжелым, я едва ли смогу его телепортировать. И пока неизвестно, как нам вытащить эту штуку из пещеры.

Они вернулись назад, к остальным, и все рассказали им. Рондини выскочил из домика и готов был немедленно телепортироваться с Гукки, но Боговский и Дюрок посоветовали ему потерпеть. Торопиться не стоило, и прежде всего их действия обязан одобрить майор Бентклифф.

Это должно было произойти утром.

Совершенно выдохшийся мышебобер уселся на землю, телепортировав одного за другим четырех человек на расстояние в двести километров. Он вытер пот с лап и указал на скальную стену.

— Это вон там!

Лейтенант Шлюмпф потянул Рондини за собой.

— Это действительно там, но ты едва ли найдешь вход. Нужно будет найти его, потому что Гукки в одиночку не сможет вытащить из пещеры этот тяжелый ящик.

Дюрок и Боговский обследовали гладкую скалу, но если здесь когда-то и были следы искусственной обработки, солнце, дожди и перепады температуры давно уже стерли их. Не было никакого разумного объяснения тому, чтобы так основательно спрятать снаряжение колонистов.

Рондини вытащил из футляра свой нож из арконитовой стали и воткнул его в тонкую щелку, которую он обнаружил на уровне своих глаз. К его удивлению лезвие вошло в скалу почти на пять сантиметров, и стык, который он обнаружил, был прямым, как линия, и не мог иметь естественного происхождения.

— Ну, это же смешно... — пробормотал он и продолжил дальше, а остальные стояли вокруг и смотрели.

У Гукки снова проснулся интерес к окружающему. Он наблюдал за мужчинами и следил за продвижением работы по очистке стыка. Наконец четко проступили очертания довольно большого прямоугольника.

— Так, а теперь получим и остальное, — сказал мышебобер и встал. Он указал на стык. — Где-то здесь есть замок, вероятно, позитронный. Так как у нас нет кодового ключа, мы должны отключить энергию.

Мужчины молча отступили немного назад, чтобы не мешать ему сконцентрироваться. Все зависело от того, удастся Гукки сделать это или нет. В случае необходимости придется открыть ящик внутри пещеры и выносить его содержимое наружу по частям. Но это работа, которую лучше сделать снаружи.

Раздался щелчок, а потом тяжелая каменная плита повернулась на центральной петле. Перед глазами людей открылась пещера со снаряжением, и Гукки с триумфальной улыбкой прошел в нее.

Он телекинетически помог снять верхние ящики, пока Рондини не добрался до нижнего. Он не был заперт, но, несмотря на фонари, в пещере все еще была полутьма, поэтому они, объединив свои силы, выволокли металлический ящик наружу и поставили его на траву.

Рондини открыл его и, тщательно изучив содержимое, сказал:

— Через четыре или пять дней передатчик будет готов. Нам больше не нужен корабль.

Майор приходил к ним каждый день. Ему было трудно скрывать свои двойственные чувства и сознавать, что он должен заботиться о будущем этой маленькой колонии. Постройка корабля стала в основном трудовой терапией. Никто всерьез не верил, что он когда-либо полетит. Но им нужно было иметь перед собой какую-то цель, которая придавала бы смысл жизни в этом новом мире.

На третий вечер Боговский сказал ему:

— Майор, мы нашли внизу, в пещере, еще множество вещей, которые пригодятся вам, особенно сельскохозяйственные машины и неистощимые генераторы энергии. Тогда вы сможете забыть о маленькой электростанции в каньоне. Вы можете собрать глайдер и посетить ученых. Посетите дикие племена на равнине, и у вас появится обширное поле работы. Но здесь, в горной котловине, вы создали рай, поэтому, кто хочет, должен продолжать строительство корабля.

Бентклифф попил чистой, ледяной воды и поставил стакан на стол.

— Поэтому я не беспокоюсь о себе, — согласился он. — Конечно, мы должны изучить пещеру и ее содержимое, наши молодые люди будут возбуждены и охвачены исследовательской лихорадкой. Но что произойдет, если вы действительно вызовете сюда корабль Империи? Будут задавать вопросы и раскапывать события прошлого. Я слишком стар, чтобы еще раз начинать все сначала.

— Не будет никаких вопросов, если вы этого не захотите, — заверил его капитан Дюрок. — Вы по закону самостоятельная колония, здесь, на этой планете, уже свыше двухсот лет живут земляне. То, что вы прибыли сюда позже, не будет никого волновать. Нас заберут, и этим для вас все кончится. Ваша жизнь здесь станет лучше и легче, поверьте мне, и никто не будет вам докучать.

Бентклифф, прощаясь, казался обеспокоенным, и в ту же ночь Рондини закончил передатчик. Другие уже отправились спать — с ним осталась только Дорель. Она провела пальцем по матово блестящему металлу гиперрадиопередатчика.

— Каков радиус его действия?

— Зависит от энергии малого реактора, может быть, хватит на расстояние в двести световых лет. Если этого не хватит, мы должны будем взять большой реактор или присоединить еще один малый, тогда радиус действия будет четыреста световых лет. Этого хватит.

Он коснулся тумблера включения и поспешно отдернул руку.

— Ты хочешь подождать до завтра?

— Да, нужно еще установить антенну.

В ту ночь они долго не ложились спать.

Главная релейная станция этого сектора Млечного Пути, часть гигантского моста гиперрадиосвязи между отдельными базами и кораблями, с одной стороны, и Землей — с другой, была крепко заякорена силовым полем и не двигалась, если не считать того, что она вместе со всей Галактикой вращалась вокруг ее ядра.

Это был не корабль, а полый астероид диаметром около тридцати километров. Ничто на его поверхности не выдавало присутствия людей — ничто, за исключением убирающейся антенны гиперрадиосвязи и антенн пеленгаторов, которые засекали каждый предмет в радиусе многих световых лет, регистрировали его и передавали на экран в его естественном виде.

Служба на такой станции была не особенно напряженной, и потому ничего странного не было в том, что сюда откомандировывали наиболее пожилых офицеров и техников. Они сменялись через равные промежутки времени, и им давали длительные отпуска, которые они проводили на Земле или на других планетах — смотря по желанию.

Радист уже час нес вахту, когда засек странные сигналы на необычной волне. Он принял и записал несколько обычных сообщений, которые потом передал на ближайшую соседнюю станцию. Помехи последнего времени, вызываемые мощным космическим штормом, охватили более пятидесяти кубических световых лет, но теперь они были едва заметны.

Приборы показали, что не было пропущено ни одного сигнала. Несомненно, это был земной передатчик, может быть, корабль, терпящий бедствие. Но это ни в коем случае не могла быть станция, регулярно выходящая на связь.

Только дешифровочное устройство позволило выделить из сигнала переданные слова. Или передатчик был поврежден, — вероятно, кодирующая его часть, или он находился на границе уходящего шторма. Но когда радист несколько раз прослушал повторяющееся сообщение, он полностью понял весь текст. Он прокрутил его в пятый раз, записал в соответствующей форме и решил доложить о нем своему командиру, прежде чем передать на следующую станцию.

Майор, которому было около ста лет, узнав о сообщении, пришел в централь. Кроме того, он предложил предоставить в распоряжение радиста один из двух патрульных ботов, стоящих наготове в ангаре. Капитан принес карты соответствующего сектора космоса.

— Настоящий сигнал бедствия, — сказал майор и признательно кивнул радисту-капитану. — Довольно слабый и перебиваемый помехами, но понятный. Капитан, вот координаты. Что вы на это скажете?

Капитан развернул карту и начал изучать ее. Потом поднял взгляд.

— Сто двадцать световых лет отсюда, звезда Зета Альфы. У нее четыре планеты. Больше никаких примечаний. У исследовательского отдела должны быть более полные сведения...

— Передатчик уже удалось локализовать? — спросил майор.

— Конечно, сэр. Как я уже сказал, сто двадцать световых лет.

— Они, должно быть, попали в шторм, — предположил майор и поднялся. — Готовьте свой корабль к старту, капитан. Помогите этим людям и позаботьтесь о них. Когда вы вернетесь, я жду вашего доклада, — капитан покинул помещение и спустился на лифте в ангар. Майор сказал другому радисту, сменившему первого: — Никаких сообщений об этом случае на соседнюю станцию. радист. Последнее слово текста, как вы знаете, опознавательное слово. Это значит, что сообщение передал один из членов ОЗО.

Тем временем капитан собрал своих людей и они стартовали. Они преодолели все расстояние за несколько линейных этапов и вынырнули в нормальное пространство в нескольких световых часах от Зеты Альфы.

Где-то здесь должен был находиться попавший в аварию корабль, если только он не совершил посадку на одну из четырех планет. Заработала радиостанция, и примерно через полчаса был установлен контакт. Некий капитан Дюрок сообщил о себе и передал данные о своем местоположении.

Потом связь стала безупречной, и капитан получил необходимую информацию, чтобы совершить посадку у входа в каньон. Он не задал никаких лишних вопросов и пообещал через несколько часов быть там.

Потом его корабль лег на новый курс и полетел прямо к третьей планете.

Гукки грустно смотрел на экран, на котором Гринуолд становился все меньше и меньше. Другие молча сидели возле него. Ни у одного из них не осталось плохих воспоминаний об этой райской планете с ее относительно безобидными проблемами, и теперь, когда они ее покинули, там, наверное, вообще не осталось никаких проблем.

— Терес Хан, — наконец пробормотал мышебобер, нарушив молчание. — Как у него там дела? Сохраняют ли они еще мир с карегами? Выросли ли уже овощи, которые мы посадили?

— И научники — что они делают? — Рондини указал на остров, который крохотной точкой виднелся между континентами. — Стюарт Халл! Я уверен, что он тайно поддерживает связь с нашими друзьями в котловине.

— Да, майор Бентклифф, наш старый добрый Бентклифф! — почти печально вздохнул Гукки. — У меня в последнее время появилась мысль, что он охотно отправился бы с нами и не сделал этого только

потому, что не хотел оставлять на произвол судьбы своих людей, ни один из которых не захотел бы сопровождать нас. Да, у меня возникло о нем несколько странных мыслей, но я не обратил на них внимания. Во всяком случае я, со своей стороны, тоже охотно остался бы в долине. Я не могу себе представить более прекрасного местечка во всей Вселенной — конечно, кроме своего сада на озере Гошун...

Гринуолд исчез с экрана, а потом исчезла и Зета Альфы, когда патрульный корабль нырнул в линейное пространство, взяв курс на станцию.

— Все идет как надо, — заверил Гукки, когда Боговский задал ему соответствующий вопрос. — Опознавательное слово ОЗО всегда выполняет свою функцию. И, должен сообщить, я выполняю тут задание отдела обороны Солнечной Империи, входящей, как известно, в ОЗО, — он доверительно улыбнулся остальным. — Не беспокойтесь, все абсолютно легально. Только боюсь, что мое первоначальное задание тем временем тью-тью. Это было срочное задание, хотя я и не считал его особенно важным. Может быть, тем временем кто-нибудь выяснил, почему двести пятьдесят лет назад произошли эти странные события?

Боговский прищурил глаза и сказал:

— Я этого не выяснил, но мне в голову пришла идея. Весьма может быть, что это тайный эксперимент исследовательского центра Солнечной Империи по колонизации. Он хотел установить, могут ли колонии развиваться самостоятельно, без контакта с Терранией — и КАК они развиваются. Если это так, то мы должны быть довольны результатами.

Гукки решил при случае спросить об этом у Перри Родана.

Когда на экран, наконец, появилась станция, Гукки разочарованно сморщил нос.

— Вот этот каменный обломок? Без атмосферы и лесов, без травы и морей? Боги Трампа, на что только я сменял свой рай...

Лейтенант Шлюмпф, который сидел довольно близко к Карин Форстер, положив свою руку на ее, не встретив возражений с ее стороны, сказал:

— Ты сменял свой рай на цивилизацию, и если подумаешь, то поймешь, что сам в этом виноват. Кто нашел в пещере гиперрадиопередатчик?

Гукки оскалил свой зуб.

— О, у меня такое чувство, что ты тоже кое-что нашел. Когда же состоится свадьба?

Шлюмпф не смутился, и Гукки не получил ожидаемого удовольствия.

— Как можно скорее, лучше всего там, на станции...

Корабль нырнул в ангар, потом открылся шлюз.

Командир станции ждал их.

Не прошло еще и десяти минут после формальных приветствий, а

он уже стоял в маленькой часовне станции и совершал обряд бракосочетания.

— Он, похоже, боялся, что она снова даст ему отставку, — предположил Гукки, покидая часовню вместе с Маркусом Рондини. — Сначала он потерял много времени, да и теперь действует недостаточно быстро.

Лицо Рондини сохраняло бесстрастное выражение.

— Иногда для этого есть основания, — произнес он.

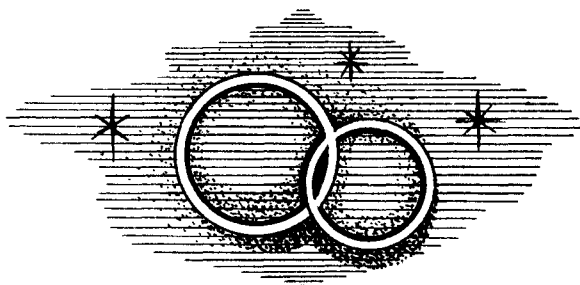
Пока они вместе с командиром станции ждали в своих комнатах сигнала к свадебному пиршеству, поступило официальное сообщение, что курьерский корабль ОЗО заберет их на обратном пути и доставит на Землю.

Он прибудет сюда через два часа.

Во время обеда никто не удивился тому, что лейтенант Шлюмпф и лейтенант Карин Форстер быстро покинули их.

Ведь существуют более важные вещи, чем еда, а два часа — это только два часа...

Эту мысль высказал, естественно, Гукки.

Урсула Ле Гуин

ЗВЕЗДЫ ПОД НОГАМИ

Деревянный дом и окружавшие его постройки вспыхнули сразу, выбросив яркие языки пламени, и сгорели дотла, но купол, сооруженный из дранки и штукатурки поверх каменных, цилиндрической формы стен, уцелел. Последнее, что они сделали, — свалили обломки телескопа, инструменты, книги, карты и схемы на полу в центре под куполом, облили маслом и подожгли. Огонь охватил деревянные части большого телескопа и часового механизма. Жители деревни, смотревшие от подножия холма на купол, белеющий на фоне зеленого вечернего неба, вздрогнули и повернулись сначала в одну, потом в другую сторону, пока черный и желтый дым, полный искр, хлестал из продолговатых щелей: жуткое и отвратительное зрелище.

Темнело, на востоке зажигались звезды. Слышались выкрикиваемые команды. Солдаты спустились на дорогу гуськом, молчаливые, темные люди в темных доспехах.

Крестьяне продолжали стоять у подножия холма даже после ухода

солдат. В жизни без каких-либо перемен и надежд пожар сойдет и за праздник. Они не поднимались вверх, а по мере того, как становилось все темнее, сбивались плотнее и плотнее друг к другу. Спустя некоторое время они стали расходиться по домам. Некоторые бросали взгляды через плечо на холм, там ничто не шевелилось. Звезды медленно спрятались за черный улей купола, но он не повернулся, чтобы следовать за ними.

Примерно за час до рассвета на пожарище прискакал, делая невероятные зигзаги, человек, спешил к развалин мастерской и пешком приблизился к куполу. Дверь была взломана. Сквозь нее была видна красноватая струйка света, очень тусклая, просачивающаяся из-под массивной деревянной балки, которая упала и истлела за ночь до середины. Повисший, кислый дым наполнял воздух внутри купола. Высокая фигура шевелилась там, и ее тень шевелилась с ней, уходя вверх, в темноту. Иногда он нагибался или останавливался, затем медленно брел дальше.

Человек в дверях сказал:

— Геннар, Мастер Геннар.

Человек в куполе замер, глядя в направлении двери. Он уже что-то вытащил из мешка обломков и полусгоревшего хлама на полу. Механически сунул этот предмет в карман своего плаща, все еще вглядываясь в дверной проем. Затем он подошел. Его глаза, красные и опухшие, были почти закрыты, он дышал прерывисто, с большим трудом, его волосы и одежда были испачканы и пахли золой.

— Где вы были?

Человек из башни показал куда-то на землю.

— Тут есть подвал? Это там вы находились во время пожара? Ей-богу! Уйти под землю! Я знал это, я знал, вы должны быть здесь. — Борд засмеялся, чуточку безумно, взяв Геннара под руку. — Пойдемте. Уйдем отсюда, ради всего святого. Восток уже светлеет.

Астроном пошел неохотно, глядя не на серый восток, а назад и вверх, на щель в куполе, где ярко горели несколько звезд. Борд вывел его наружу, помог ему взобраться на коня и потом, ведя его в поводу, быстро спустился с холма.

Астроном держался за луку седла одной рукой. Другую руку, которую он обжег поперек ладони и пальцев, когда поднял металлический обломок, все еще очень горячий под шубой пепла, он прижимал к бедру. Но он не замечал этого, как не замечал и боли. Иногда его чувства говорили ему: «Я еду верхом на лошади» или «Светает», но эти обрывочные сообщения не имели для него смысла. Он дрожал от холода, так как по мере того, как становилось светлее, усиливался ветер, заставляя шуметь темный лес, по которому двигались теперь два человека и лошадь, по темной узкой дороге, заросшей шиповником и ворсянкой. Но ни лес, ни ветер, ни бледнеющее небо, ни холод

не касались его сознания, в котором ничего не было, кроме переливчатой темноты с вонью и жаром пожара.

Борд помог ему спешиться. Теперь вокруг них растекался солнечный свет, ложившийся далеко на камни над речной долиной. Там было укромное место, и Борд увлек и втащил его туда. Там было холодно, тихо и ничто не защищало от ветра. Как только Борд разрешил ему остановиться, он тут же присел, так как у него подкашивались колени, и почувствовал холодный камень под своими опаленными и пульсирующими руками.

— Уйти под землю, ей-богу! — сказал Борд, оглядываясь в свете свечи, вставленной в фонарь, на испещренные прожилками стены со шрамами, оставленными кирками рудокопов. — Я приду сюда, как только стемнеет, если смогу. Не выходите. Не ходите дальше внутрь. Это старая штольня, они не разрабатывают этот рукав шахты вот уже много лет. В этих старых тоннелях могут быть обвалы и ямы. Не выходите! Лежите тихо. Когда псы уйдут, мы переправим вас через границу.

Борд повернулся и ушел к вершине штольни в темноту. Звук его шагов давно стих, когда астроном поднял голову и оглядел темные стены вокруг себя и маленький огонек свечи. Он задул ее. На него навалилась темнота, пахнувшая землей, молчаливая и абсолютная. Он увидел зеленые тени, бледные коричнево-желтые пятна, постепенно превращающиеся в черные; тени медленно растаяли. Монотонная, прохладная чернота была как бальзам для его воспаленных и болящих глаз и для его мозга.

Если он думал, сидя там, в темноте, его мысли не выражались словами. Он дрожал от истощения, наглотавшись дыма и получив несколько легких ожогов, его разум мутился. Но, возможно, работа его мозга, безусловно светлого и ясного, никогда не была нормальной. Ведь это ненормально для человека — провести двадцать лет, шлифуя линзы, строя телескопы, вглядываясь в звезды, делая расчеты, планы, карты и схемы тех объектов, до которых нельзя добраться, потрогать, поддержать их в руках. И теперь все, чему он посвятил свою жизнь, разрушено, сожжено. А то, что осталось, должно быть погребено — как он сейчас.

Но она не пришла к нему, эта идея о собственном погребении. Все, что он остро осознавал, была большая тяжесть гнева и печали, груз, который он был не способен вынести. Это выжимало его разум, подавляло сознание. И тьма здесь, казалось, облегчала эту тяжесть. Он привык к темноте, он жил ночью. Тяжестью здесь была только горная порода, только земля. Никакой гранит не бывает так тверд, как ненависть, и никакая глина так не холодна, как жестокость. Черная невинность земли обнимала его. Он лежал внутри нее, слегка дрожа от боли и облегчения от боли, и заснул.

Свет разбудил его. Граф Борд был здесь, зажигая свечу с помощью

кремня и кресала. Лицо Борда было ярко освещено этим светом. Превосходный цвет волос и лица, голубые глаза сильного человека и охотника, красные губы, чувственные и волевые.

— Они идут по следу, — говорил он. — Они знают, что вы спаслись.

— Почему... — сказал астроном. Его голос был слаб; горло так же, как и глаза, было все еще наполнено дымом. — Почему они преследуют меня?

— Почему? Вам еще нужно объяснять? Чтобы сжечь вас живым, Мастер. За ересь, — голубые глаза Борда ослепительно сверкали сквозь ровное пламя свечи.

— Но они уже сожгли все, что я сделал.

— Нора выжжена, хорошо. Но где же лиса? Они хотят свою лису! Но черт меня возьми, если я позволю им схватить вас.

Глаза астронома, светлые и широко поставленные, поймали его глаза и задержались в них. — Почему?

— Вы думаете, я глупец, — сказал Борг с усмешкой, которая была не улыбкой, а оскалом волка, вызовом жертвы и азартом охотника. — А я и ссть глупец. Я был глуп, предупреждая вас. Вы никогда не слушали. Я был глуп, слушая вас. Но я любил слушать вас. Я любил слушать вас, когда вы рассказывали о звездах и движении планет и пределах времени. Кто еще говорил со мной когда-нибудь о чем-нибудь, кроме как о посевах и навозе? Вы понимаете? А я не люблю солдат и чужестранцев, и суды, и костры. Ваша правда, их правда, что я знаю о правде? Разве я Мастер? Разве я знаю законы движения звезд? Может быть, вы знаете. Может быть, они знают. Все, что я знаю, — это то, что вы сидели за моим столом и разговаривали со мной. Могу я видеть вас на костре? Божественный огонь, они говорят; но вы сказали, звезды — огни Бога. Почему вы спрашиваете меня «Почему?» Почему вы задаете глупый вопрос глупцу?

— Простите, — сказал астроном.

— Что вы знаете о людях? — сказал граф. — Вы думаете, они оставят вас в живых? И вы думаете, я позволю дать вам умереть на костре? — Он посмотрел на Геннара сквозь пламя свечи, скаля зубы, как загнанный волк, но в его голубых глазах вспыхнула искра веселья.

— Мы, которые живем на земле, видите ли, не парим наверху среди звезд...

Он принес трутницу и три сальные свечи, бутылку воды, головку горохового пудинга, мешок с хлебом. Он скоро ушел, опять предупредив астронома не выходить из шахты.

Когда Геннар проснулся, какая-то странность в его положении взволновала его, но не та, которая беспокоила бы большинство людей, прячущихся в норе, чтобы спасти свою шкуру, но больше всего доставляющая ему страдания. Он не сознавал времени.

Это было не отсутствие часов, когда сладкий звон церковных колоколов в деревне призывал к утренней или вечерней молитве, или тонкая и добровольная точность хронометра, который он использовал в своей обсерватории и от чистоты которой зависело так много в его открытиях; то, что он потерял, было не часами, а Временем. Не глядя на небо, человек не может узнать о вращении Земли. Весь ход времени, солнечная яркая радуга и фазы Луны, парад планет, оборот созвездий вокруг Полярной звезды, более обширный оборот периодов звезд — все это было утрачено, основа, в которую была вплетена и его жизнь.

Здесь не было времени.

— О, мой Бог, — молился астроном Геннар в темноте под землей. — Как могло оскорбить тебя то, что восхваляло тебя. Все, что я когда-либо видел в свой телескоп, была одна искра твоей славы, одна мельчайшая часть устройства мира, тобой сотворенного. Ты не должен ревновать из-за этого, Господи! И только немногие верили мне, даже очень немногие. Было ли моей самонадеянностью то, что я осмелился описывать твою работу? Но как я мог не делать этого, Господи, когда ты позволил мне видеть бесконечные поля звезд? Мог ли я видеть и молчать? О, мой Бог, не наказывай меня больше, позволь мне вновь выстроить маленький телескоп. Я не буду рассказывать, не буду публиковать, если это раздражает твою святую Церковь. Я не скажу больше ничего об орбитах планет или о природе звезд. Я не буду говорить, Господи, только позволь мне видеть!

— Что за дьявол, успокойтесь, Мастер Геннар. Я слышу вас с середины тоннеля, — сказал Борд, и астроном открыл глаза ослепительному блеску его фонаря. — Они устроили наверху настоящую охоту за вами. Теперь вы колдун. Они клянутся, что видели вас спящим в своем доме; но в золе нет костей.

— Я спал, — сказал Геннар, закрывая глаза. — Они вошли, солдаты... Я... Я должен был послушаться вас. Я вошел в переход под куполом. Я построил его с таким расчетом, чтобы я мог возвращаться в дом во время холодных ночей, когда от холода замерзали и не гнулись пальцы, я вынужден был иногда ходить отогревать руки. — Он вытянул свои почерневшие, покрытые волдырями руки и посмотрел на них рассеянно. — Потом я слышал их наверху...

— Здесь еще немного еды. Что за черт, вы ничего не ели?

— Прошло много времени?

— Ночь и день. Теперь ночь. Идет дождь. Послушайте, Мастер, сейчас в моем доме живут два пса в черном. Эмиссары Совета, черт, я обязан был оказать им гостеприимство. Это мое графство, они здесь, я граф. Поэтому мне трудно приходить к вам. Я не хочу присылать сюда кого бы то ни было из моих людей. Что если священники спросят их: «Знаете ли вы, где он? Решите ли вы ответить Богу, что вы не знаете, где он?» Им лучше ничего не знать. Я приду когда смогу. С вами

все в порядке? Вы останетесь здесь? Я заберу вас отсюда и переправлю за границу, когда они уберутся отсюда. Теперь они роятся, как мухи. Не разговаривайте громко, как в этот раз. Они могут заглянуть в этот старый тоннель. Вы должны уйти дальше вглубь. Я вернусь. Оставайтесь с Богом, Мастер.

— Ступайте с Богом, граф.

Он увидел голубые глаза Борда и тень, метнувшуюся на грубо вырубленный свод, когда он поднял фонарь. Свет и цвет умерли, как только граф, повернувшись, загородил фонарь. Борд ушел, Геннар слышал, как он спотыкался и ругался, нащупывая дорогу.

Геннар зажег одну из своих свечей, немного поел и попил, сначала съедая более черствый хлеб и отламывая чуть-чуть от очерствевшего большого куска горохового пудинга. В этот раз Борд принес ему три буханки хлеба и немного соленого мяса, еще две свечи, вторую кожаную бутылку воды и толстый шерстяной плащ. Сейчас Геннар не чувствовал холода. Он был одет в куртку, которую всегда носил в холодные ночи в обсерватории и очень часто спал в ней, когда спускался вниз, запинаясь от усталости. Это была добротная шерсть, грязная после его поисков среди обломков в куполе и опаленная на концах рукавов, но сама куртка была на редкость теплая и стала для него как собственная кожа. Он сидел в ней, ел и глядел сквозь сферу дрожащего желтого огонька свечи в темноту тоннеля вдали. Слова Борда «Вы должны уйти дальше вглубь» звучали в его мозгу. Когда он покончил с едой, он завернул оставшиеся продукты в плащ, взял этот сверток в одну руку, зажженную свечу в другую и стал спускаться по боковому тоннелю, а затем по штольне вниз и вглубь.

Сделав несколько сотен шагов, он пришел к большому тоннелю, пересекающему штольню, от которого уходило много коротких ходов и несколько больших пещер или галерей. Он свернул влево и очутился перед большой галереей из трех уровней. Он вошел туда. Самый дальний уровень был всего лишь примерно в пяти футах под сводом, который был укреплен все еще хорошо сохранившимися стойками и балками. В углу самого дальнего уровня, за углом кварцевого вкрапления, который шахтеры оставили выступающим как поддерживающее опору, он устроил свой новый лагерь, разложил еду, воду, трутовницу и свечи так, чтобы в темноте они были всегда под рукой, и постелил плащ как матрац на пол из глины. Потом он задул уже сгоревшую на четверть свечу и улегся в темноте.

После третьего возвращения в тот первый боковой тоннель и не найдя ничего, что бы говорило о посещении шахты графом, он пошел назад в свой лагерь и сделал ревизию припасам. У него оставалось еще две буханки хлеба, полбутылки воды и соленое мясо, к которому он еще не притрагивался, и четыре свечи. Он подумал, что, должно быть, прошло шесть дней после прихода Борда, но, может быть, их прошло

три или восемь. Он страдал от жажды, но не решался попить до тех пор, пока у него не будет пополнен запас воды.

Он решил искать воду.

Сначала он считал шаги. Пройдя 120 шагов, он увидел, что столбы, поддерживающие свод, покосились и груда камней обвалилась, наполовину засыпав ход. Он пришел к подземной выработке, вертикальной шахте, спустился вниз, едва не свалившись, по тому, что осталось от деревянной лестнице, но после этого, на нижнем уровне, он забыл начать считать шаги. Скоро он увидел сломанную ручку от кирки, дальше выброшенную шахтерскую повязку, на которой еще держался огарок свечи. Он положил его в карман и пошел дальше.

Монотонность стен из вырубленного камня, укрепленных деревом, притупляла его сознание. Он шел как человек, которому нужно пройти бесконечный путь. Темнота следовала за ним и шла впереди него.

Свеча, догоревшая почти до конца, пролилась струей горячего сала на пальцы, причинив ему боль. Он бросил ее, и она погасла. Он искал ее в наступившей тьме, испытывая тошноту от запаха дыма и поднимая голову, чтобы не вдыхать эту горелую вонь. Перед собой, прямо перед собой, вдалеке, он увидел звезды. Крошечные, яркие, далекие, пойманные в узком, как щель в обсерватории купола, пространстве.

Он вскочил, забыв о свече, и побежал навстречу звездам.

Они бросали причудливые тени на почерневшие лица и выхватывали причудливые блики из ярких живых глаз.

— Кто это здесь, Ханно?

— Что ты делаешь в этом старом штрессе, приятель?

— Эй, кто это там?

— Хоть бы и дьявол, останови его!

— Ты, приятель! Держи!

Он побежал, ослепленный, в темноту, обратно, тем путем, которым пришел. Они следовали за ним, и он гнался за своей собственной тенью, гигантской тенью вниз по тоннелю. Когда прежняя тьма поглотила тень и прежняя тишина установилась снова, он все еще ковылял, спотыкаясь и запинаясь, так что очень часто оказывался на четвереньках. Наконец он свалился и лежал, сжавшись против стены, в его груди полыхал огонь.

Тишина и тьма.

В кармане он нашел огарок свечи в жестяной коробке, зажег его с помощью кремня и кресала и, освещая себе путь, нашел вертикальную шахту не далее пятидесяти шагов от этого места, где он остановился. Он вернулся назад в лагерь. Там он заснул, проснулся, поел и выпил оставшуюся воду, что означало необходимость встать и отправиться на поиски воды опять; заснул или задремал, а может, впал в состояние прострации, в котором он услышал голос, говорящий с ним.

— Вот ты где. Хорошо. Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Я говорил, что это не гном. Кто когда-либо слышал о гноме такого же роста, как человек? Или кто когда-нибудь видел хоть одного, коли на то пошло. Их, друзья, увидеть невозможно, сказал я. А то, что мы видели, был человек, это уж точно. Тогда что он делает в шахте, сказали они, а что если он привидение, один из тех парней, которые погибли, когда потоки воды обрушились в старую южную шахту, может быть, они приходят сюда погулять? Хорошо, сказал я тогда, я пойду посмотрю. Я еще никогда не видел призрака, хотя слышал все о них. Я не боюсь того, чего нельзя увидеть, вроде гномов, а какой мне вред, если я увижу опять лицо Темона или старого Трипа, разве я не видел их во сне, в таких же заботах, продолжающих работать с потными лицами, точно так же, как в жизни? Почему бы нет? И вот я прихожу, но ты не привидение и не рудокоп. Ты можешь быть дезертиром или вором. А может, ты сумасшедший, так, бедняга? Не бойся, прячься, если тебе нравится. Что мне до этого? Здесь, внизу, есть место для тебя и для меня. Почему ты прячешься от солнечного света?

— Солдаты...

— Я так и подумал.

Когда старый рудокоп кивнул, свеча, прикрепленная ко лбу, качнулась и по своду штрека метнулись тени. Он сидел на корточках не более чем в десяти метрах от Геннара, его руки свисали между колен. Пучок свечей и кирка с короткой ручкой, инструмент замечательной формы, выглядели из-за пояса. Его лицо и тело в неровном свете звездочки-свечки были грубыми и землистыми.

— Позвольте мне остаться здесь.

— Оставайся и добро пожаловать! Разве я владелец шахты? Где ты вошел? А, старый штрек над рекой? Тебе повезло, что ты нашел его, и хорошо, что ты пошел по этому пути к перекрестку, а не пошел вместо этого на восток. В восточном направлении этот горизонт тянется до провалов. Там очень глубокие провалы; ты не знаешь это? Никто не знает, кроме рудокопов. Они обнаружили провалы раньше, чем я родился, идя по старой жиле, которая проходила здесь и вверх. Я увидел однажды провалы, мой отец взял меня, ты должен увидеть это однажды, сказал он. Увидеть мир под миром. Пространство, которому нет конца. Пропась, глубокая, как небо, и черный поток, падающий в нее, падающий и падающий до тех пор, пока огонь свечи не потухнет и нельзя будет следить за ним, а вода все падает в бездну. Звук ее доносился, как шепот, без конца из темноты. А дальше есть еще провалы, и еще ниже. Нет им конца, быть может. Кто знает? Пропась под пропастью, блещущие кварцевыми кристаллами. Там кругом бесплодный камень. Все уже выработано здесь давным-давно. Это достаточно безопасная дыра, что ты выбрал, приятель, если бы ты не приковылял к нам. Что ты искал? Пищу? Человеческое лицо?

— Воду.

— В этом нет недостатка. Пойдем, я покажу тебе. На нижнем ярусе даже слишком много ключей. Ты повернул в неверном направлении. Мне пришлось работать там, внизу, по колено в этой чертовой холодной воде, прежде чем жила иссякла. Давным-давно. Пойдем.

Старый рудокop оставил его в лагере, показав ему, где бьют ключи, и предупредив не спускаться вниз по течению, так как подпорки могли сгнить и шаги или звук могли вызвать обвал. Там, внизу, все балки, брусья были покрыты толстой блестящей белой шубой, возможно, селитрой или древесной плесенью. Это выглядело очень странно над маслянистой водой. Когда Геннар опять остался один, он подумал, что ему приснился белый тоннель, полный черной воды, и посещение рудокopа. Когда он увидел блики света далеко внизу тоннеля, то притаился за кварцевой глыбой с большим куском гранита в руке: весь его страх, гнев, горе здесь, в темноте, уступили место одному чувству; решимость не даваться в руки никому. Слепая решимость, тупая и тяжелая, как кусок камня, тяжелого, в его душе.

Этo был всего лишь старый рудокop, принесший ему толстый кусок сухого сыра.

Он сел и заговорил с астрономом. Геннар ел сыр, потому что у него уже не осталось еды, и слушал, что говорил старый рудокop. По мере того как он слушал, ему, казалось, становилось легче. К тому же, похоже, его зрение в темноте обострилось.

— Ты не похож на солдата, — сказал рудокop, и он ответил:

— Нет, я когда-то был ученым, — но больше ничего, потому что он не осмелился сказать шахтеру, кто он. Старик знал обо всех событиях наверху; он рассказывал о сгоревшем Круглом Доме на холме и о графе Борде. — Эти, в черных сутанах, увезли его в город, чтобы, как они говорят, представить суду Совета. Судить — за что? Он когда-нибудь кого-нибудь обижал, кроме кабанов, оленей и лисиц, на которых охотился? Или Совет, что будет его судить, состоит из лисиц? Что это творится повсюду: суют нос в чужие дела, отрывают от работы, эти костры, эти суды? Лучше оставить честных людей в покое. Граф был честным, настолько, насколько может быть честным богатый человек, справедливый лендлорд. Но вы не должны верить им, никому из таких людей. Только здесь, внизу, вы можете верить людям, которые спускаются в шахту. Что еще берет с собой человек сюда, кроме собственных рук и рук своего друга? Что лежит между ним и смертью, когда случится обвал в горизонте или подземная выработка рухнет и он окажется замурованным в штрече? Только их руки, и их лопаты, и их желание откопать его. Не было бы серебра наверху под солнцем, если бы не было доверия между нами здесь, внизу, под землей. Здесь, внизу, вы можете положиться на своих товарищей. И никто не придет, кроме них. Видели ли вы владельца шахты, одетого в кружева, или солдат, спускающихся под землю по лестницам, все глубже и глубже в шахту, в темноту? Никогда. Они храбры громко топать по травке. Ну

а какой толк от сабли или крика в темноте? Мне бы хотелось посмотреть на них, когда они спустятся сюда.

Когда он пришел в другой раз, с ним был другой человек, и они принесли масляную лампу и жестяной бидон с маслом, а кроме того, еще сыра, хлеба и несколько яблок.

— Это Ханно подумал о лампе, — сказал старый рудокоп. — У нее пеньковый фитиль. Если она будет гаснуть, дунь посильнее, и она разгорится снова. Вот здесь еще дюжина свечей. Малыш Пер украл много из коробки, там наверху, на травке.

— Они все знают, что я здесь?

— Мы — да, — сказал рудокоп коротко. — Они — нет.

Спустя некоторое время Геннар пошел по нижнему, уходящему на запад горизонту, по которому он шел в тот раз, до тех пор, пока не увидел свечи рудокопов, пританцовывающие как звезды, и он вошел в забой, где они работали. Они разделили с ним свою пищу. Они показали ему дороги в шахте, насосы и глубокий ствол шахты, где были установлены лестницы и висели шкивы с бадьями; он убежал оттуда, так как ему показалось, что всасываемый в ствол шахты воздух пахнет гарью. Они вернули его и разрешили работать с ними. Они обращались с ним как с гостем, как с ребенком. Они усыновили его. Он стал их тайной.

Мало приятного в том, чтобы проводить по двенадцать часов в день в черной дыре под землей всю свою жизнь, если ничего там нет, ни тайны, ни скрытых сокровищ, ничего.

Было серебро, разумеется. Но если раньше десять артелей по пятнадцать человек разрабатывали этот уровень и не было конца скрипу, лязгу и грохоту груженных бадей, поднимающихся на визжащем блоке, и пустых, опускающихся вниз, чтобы встретиться с гонщиками, бегущими с тяжелыми тележками, то теперь работала одна артель из восьми человек: всем за сорок, люди пожившие и не знавшие никакого ремесла, кроме ремесла рудокопа. В шахте оставалось еще немного серебра в твердом граните в маленьких жилках среди породы. Иногда они проходили один фут за две недели. «Это была замечательная шахта», — говорили они с гордостью. Они показали астроному, как устанавливать клин и подвешивать салазки, как подходить к граниту с прекрасно сбалансированным и остро отточенным кайлом, как сортировать и дробить руду, что искать, редкие яркие жилки чистого металла, как крошить богатую серебром породу. Он каждый день помогал им. Он был в галерее и поджидал, когда они придут, и окликал одного или другого, и весь день работал лопатой или кайлом или отвозил тележки с серебром по желобам, обшитым досками, к главному стволу шахты, или работал в забоях. Там они не позволяли ему работать долго; гордость и привычка запрещала это. «Послушай, не руби, как дровосек. Смотри: вот так, видишь?» Но потом другой просил его: «Ударь вот здесь, парень, видишь, по клину, вот так».

Они делились с ним своей грубой, скудной пищей.

Ночью, один в пустоте земли, когда они поднимались по длинным лестницам наверх, на травку, как они говорили, он лежал и думал о них, их лицах, голосах, их тяжелых, изрубцованных с въевшейся землей руках, руках старых людей с толстыми ногтями, почерневшими от ударов камней и стали. Эти руки, умудренные и уязвимые, вскрыли землю и нашли сверкающее серебро в твердом камне. Серебро, которого они никогда не держали, никогда не имели, никогда не трогали. Серебро, которое им не принадлежало.

— А если вы найдете новую жилу, новую залежь?

— Откроем ее и скажем хозяевам.

— Зачем говорить хозяевам?

— Ты что? Мы получаем плату за то, что выдаем на-гора! Или ты думаешь, мы делаем эту проклятую работу из любви к работе?

— Да.

Они все смеялись над ним, смех был громкий, насмешливый, простодушный. Живые глаза блестели на их лицах, почерневших от пыли и пота.

«О, если бы мы смогли найти новую залежь! Жена зарезала бы свинью, как мы сделали однажды, и, ей-богу, я купался бы в пиве! Но, если бы было серебро, они бы уже нашли его; поэтому-то они ведут работы так далеко в восточном направлении. Но там бесплодная порода, и здесь почти все выработано, крошки подбираем».

Время тянулось за ним и впереди него, как темные выработки и квершлагги шахты, тотчас появляясь там, где бы он ни проходил со своей маленькой свечой. Теперь, когда он был один, астроном часто бродил в тоннелях и старых выработках, зная опасные места, глубокие горизонты, полные воды, привыкший к качающимся лестницам и тесным проходам, очарованный игрой пламени своей свечи на каменных стенах и лицах, блеском слюды, который, казалось, приходил из самой глубины камня. Что это иногда так сверкает? Как если бы свеча находила что-то внутри блестящей слюдяной поверхности, и что-то мигало в ответ и меркло, как будто скрывалось за облаком или невидимым диском планеты.

«В земле есть звезды, — подумал он. — Если бы кто-нибудь знал, как их увидеть».

Не умея обращаться с киркой, он хорошо разбирался в машинах. Они восхищались его умением и принесли ему инструменты. Он починил насосы и лебедки; он подвесил на цепи лампу для Малыша Пера, работающего в длинном узком тупике, с рефлектором из жестяной коробки из-под свечей, разрезанной и разогнутой в лист и полированной мелкой каменной пылью и овчиной с подкладки его куртки.

— Это чудо, — сказал Пер. — Как днем. Только, находясь сзади меня, она не гаснет, когда воздух становится плохим и не указывает мне, что я должен возвращаться и отдышаться.

Дело в том, что рудокop мог продолжать работу в узком забое только некоторое время после того, как свеча погасла от недостатка кислорода.

— Вы должны быть оснащены воздухоудными мехами в таких местах.

— Что, как в кузнице?

— Почему бы нет?

— Ты когда-нибудь поднимаешься на травку, по ночам? — спросил Ханно, глядя задумчиво на Геннара. Ханно был меланхолический, задумчивый, отзвучивший паренёк. — Просто чтобы оглядеться кругом.

Геннар не ответил. Он пошел помогать Брану крепить; рудокopы выполняли все виды работы, которые когда-то выполнялись бригадами крепильщиков, землекопов, сортировщиков и другими.

— Он смертельно боится покинуть шахту, — тихо сказал Пер.

— Даже чтобы увидеть звезды и глотнуть воздуха, — сказал Ханно, как будто он все еще разговаривал с Геннаром.

Однажды ночью астроном выложил все содержимое своих карманов и посмотрел на то, что находилось в них с той ночи пожара в обсерватории: предметы, которые он поднял в те часы, часы, которые он теперь не смог бы вспомнить, те часы, когда он шел ощупью и спотыкаясь в дымящихся обломках, ища... ища то, что он потерял. Он больше не думал о том, что он потерял. Это таилось в его мозгу под толстым шрамом, шрамом от ожога. В течение длительного времени этот шрам в его мозгу не давал ему понять природу предметов, которые теперь выстроились перед ним на пыльном каменном полу шахты: комок бумаг, все исписанные с одной стороны; круглый кусочек стекла или кристалла, металлическая трубка, прекрасно обработанное деревянное зубчатое колесо; немножко согнутой черненой меди с вытравленными красивыми линиями, и так далее, кусочки, обломки, обрывки. Он положил бумаги обратно в карман, не пытаясь даже разъединить хрупкие полубогорелые листки и разобрать красивый почерк. Он продолжал глядеть на все эти предметы и машинально подбирать и рассматривать другие, особенно кусочки стекла. Это, он понял, был окуляр его 10-дюймового телескопа. Он сам положил линзу на землю. Когда он поднял ее, то держал очень осторожно, за ребрышки, чтобы выделения его кожи не испортили стекла. Наконец он начал ее тщательно полировать, используя для этого кусок замечательной овечьей шерсти от своей куртки. Когда она стала чистой, он поднял ее и поглядел на нее и сквозь нее во всех направлениях. Его лицо было спокойно и полно решимости, его светлые, широко поставленные глаза смотрели в одну точку.

Наклоненная в его пальцах телескопическая линза отражала пламя лампы в одну яркую крошечную точку около края и, по-видимому, ниже закругления забоя, как если бы линза выхватила там звезду из многих сотен ночей, в течение которых она была обращена к небу.

Он заботливо завернул линзу в кусочек шерсти и сделал для нее место в каменной нише с помощью трутницы. Затем он осмотрел один за другим все остальные предметы.

В течение следующих недель рудокопы меньше видели своего бегенца, пока они работали. Он был занят важным делом: исследованием пустынных восточных районов шахты, сказал он, когда они спросили его, что он делал.

— Зачем?

— Делаю изыскания, — сказал он с короткой, вздрагивающей улыбкой, которая сразу сделала его очень похожим на сумасшедшего.

— О, парень, что ты знаешь об этом? Она там вся выработана. Серебра нет; на востоке не найдено ни одной жилы. Ты, может быть, найдешь немножко бедной породы или жилу оловянного камня, но ничего, ради чего стоило бы копать.

— Как ты узнаешь, что есть в земле, в камнях под твоими ногами, Пер?

— Я знаю приметы, приятель. Кто их знает лучше?

— Но если приметы спрятаны?

— Значит, и серебро спрятано.

— А, если ты знаешь, что оно там, если ты узнал, где копать, если бы ты мог заглянуть внутрь камня. А что еще там есть? Ты находишь металл, потому что ты ищешь его и копаешь ради него. Но что еще мог бы ты найти, глубже, чем шахта, если бы ты искал, если бы ты знал, где копать?

— Камень, — сказал Пер. — Камень, камень и камень.

— А потом?

— А потом? Адский огонь, насколько я знаю. Что же еще, если становится все жарче по мере того, как шахта становится глубже? Как говорят, все ближе и ближе к аду.

— Нет, — сказал астроном ясно и твердо. — Нет. Под камнями нет ада.

— Что же тогда ниже всего этого?

— Звезды.

— А, — сказал рудокоп смутившись. Он взъерошил свои жесткие всклокоченные волосы и засмеялся. — Это трудный вопрос, — сказал он и стал разглядывать Геннара с жалостью и восхищением. Он знал, что Геннар сумасшедший, но степень его сумасшествия была для него новой вещью, и восхитительной. — Когда ты их найдешь, звезды?

— Если бы я знал, как искать, — сказал Геннар так спокойно, что Пер не смог ответить, а поднял свою лопату и вновь принялся загружать тележку.

Однажды утром, когда шахтеры спустились вниз, они застали Геннара спящим, завернувшись в шерстяной плащ, который граф Борд дал ему, и увидели около него странный предмет, невиданное хитроумное приспособление, сделанное из серебряных трубочек, оло-

бянных стоек и проволоки, оторванных от старых раструбов шахтерских ламп, части ручки от кирки, заботливо вырезанной и подогнанной, деревянных шестеренок, кусочка мерцающего стекла. Это был непонятный, импровизированный, искусный, хрупкий, замысловатый инструмент.

— Что это за дьявольщина?

Они смотрели друг на друга и внимательно разглядывали вещь. Свет от их ламп сфокусировался на ней, желтый луч иногда скользил по спящему человеку, когда то один, то другой поглядывал на него.

— Он сумасшедший, это точно.

— Абсолютно.

— Ну и что?

— Не трогай это.

— И не собирался.

Разбуженный их голосами, астроном сел. Желтый пучок лучей делал его лицо белым пятном в темноте. Он протер глаза и приветствовал их.

— Что это будет, приятель?

Казалось, он разволновался и смутился, когда увидел предмет их любопытства. Он положил руку, как бы защищая его, а сам еще некоторое время смотрел на него, будто не узнавая. Наконец, хмурясь, он сказал шепотом:

— Это телескоп.

— Что?

— Устройство, которое сделает отдаленные предметы ясно различимыми для глаза.

— Как работает? — спросил один из шахтеров, сбитый с толку.

Астроном ответил ему с возрастающей уверенностью:

— Используя некоторые свойства света и линз. Глаз — тонкий инструмент, но он не видит и половины окружающего нас мира — даже много больше половины. Мы говорим, ночное небо черное: между звездами пустота и темнота. Но направьте глаз телескопа на это пространство — и, о чудо, звезды! Звезды, слишком слабые и далекие для невооруженного глаза, ряд за рядом, великолепие за великолепием, и так до самых отдаленных пределов Вселенной. Вопреки всем представлениям в полной темноте есть свет: великая красота солнечного света. Я видел это. Я наблюдал это ночь за ночью и делал звездные карты, звезды — маяки Бога на берегах темноты. И здесь тоже есть свет. Нет мест, лишенных света, утешения и великолепия сотворяющего духа. Нет, таким образом, мест негодных, отверженных, брошенных. Нет места, оставленного в темноте. Куда поглядели глаза Бога, там есть свет! Мы должны идти дальше, мы должны работать дальше! Свет есть, если мы хотим увидеть его! Не только с помощью одних глаз, но с помощью умения рук, и знаний мозга, и веры сердца

невидимое становится зримым и спрятанное выходит на поверхность. И вся темная земля сверкает, как ночная звезда.

Он говорил с такой убежденностью, властью, которая, как знали рудокопы, принадлежала по праву священникам, возвышенными словами, что должны отдаваться эхом под сводами церкви. Она не принадлежала этому месту, этой дыре, где они выкапывали себе средства к существованию, словам сумасшедшего беглеца. Позже, разговаривая друг с другом, они качали головами или постукивали пальцем по лбу. Пер сказал: «Безумие растет в нем», а Ханно сказал: «Бедная душа, бедная душа». Конечно, не было ни одного, кто бы поверил в то, что сказал им астроном.

— Покажи мне, — сказал старый Бран, найдя Геннара в глубокой восточной выработке, занятого со своим замысловатым приспособлением. Это Бран первым пошел на поиски Геннара, и принес ему пищу, и привел его обратно к остальным.

Астроном с готовностью отступил в сторону и показал Брану, как держать приспособление, направляя его вниз на пол тоннеля, и как нацеливать и фокусировать его, и постарался описать его назначение, и что Бран мог увидеть: все нерешительно, так как он не привык объяснять несведущему, но без нетерпения, когда Бран не понимал.

— Я не вижу ничего, кроме земли, — сказал старик после долгого и серьезного наблюдения с помощью устройства. — Только мелкую пыль и гальку на ней.

— Возможно, лампа ослепила твои глаза, — сказал астроном со смирением. — Лучше смотреть без света. Я это могу, потому что делаю так очень давно. Это все практика — так же как установка клиньев, которую вы всегда делаете правильно, а я всегда неправильно.

— Хм, может быть. Скажи мне, что ты видишь. — Бран колебался. Он не так давно догадался, кем должен быть Геннар. Знать, что он еретик, ничего не значило для него, но знать, что он ученый человек, делало трудным называть его «приятель» или «парень». И к тому же здесь, после всего, что произошло, он не мог называть его «Мастер». Были моменты, когда, несмотря на всю свою кротость, беглец говорил с таким воодушевлением, что слова его брали за душу, моменты, когда было бы легко назвать его «Мастер». Но это напугало бы его.

Астроном посмотрел на Брана как будто издалека и сказал некоторое время спустя:

— Большая Медведица, Скорпион, Серп на Млечном Пути летом — вот созвездия. Узоры из звезд, группы звезд, семейства звезд.

— И ты видишь их здесь, с помощью этой штуки?

Все еще глядя на него при слабом свете лампы ясными задумчивыми глазами, астроном кивнул и не ответил, а указал вниз на скалу, на которой они стояли.

— Как они выглядят? — Голос Брана сник.

— Я видел их мельком. Только мгновение. Я еще не научился этому; это все-таки отличается от того, что я умел. Но они там, Бран.

Теперь его часто не было в забое, когда они приходили на работу, и он не присоединялся к ним даже во время обеда. Несмотря на это, они всегда оставляли ему часть своей еды. Он знал теперь ходы шахты лучше, чем любой из них, даже Бран, не только живую шахту, но и «мертвую» ее часть, заброшенные выработки и исследовательские тоннели в восточном направлении, глубже, к провалам. Там он бывал особенно часто; а они не следовали за ним.

Когда он появлялся среди них и они разговаривали с ним, то они чувствовали себя скованными и не смеялись.

Однажды вечером, когда они собирались наверх с последней нагруженной тележкой, он пришел встретить их, выступив неожиданно из правого квершлага. Как обычно он был одет в свою разорванную куртку из овчины, черную от глины и грязи тоннеля.

— Бран, — сказал он, — подожди, теперь я могу показать тебе.

— Показать мне что?

— Звезды. Звезды под скалой. Есть очень большое созвездие в галерее, на старом четвертом уровне, где белый гранит пробивается сквозь черный.

— Я знаю это место.

— Это там: под ногами, у той стены белого камня. Великое свечение и собрание звезд. Их свет пробивается сквозь темноту. Они как лица танцоров, глаза ангелов. Идем, посмотрим на них, Бран.

Шахтеры стояли, Пер и Ханно подпирали спинами тележку, не давая ей скатиться вниз: ссутулившиеся люди с усталыми, грязными лицами и большими руками, согнутые и измученные работой с лопатой, киркой, кувалдой. Они были в замешательстве, сострадательные, нетерпеливые.

— Мы уже уходим. Все, домой, ужинать. Завтра, — сказал Бран.

Астроном поглядел по очереди на всех и ничего не сказал.

Ханно сказал своим хриплым добрым голосом:

— Пойдем с нами наверх, хоть один этот раз, приятель. Наверху темная ночь и как будто идет дождь; сейчас ноябрь; ни одна живая душа не увидит тебя, если ты придешь и посидишь в моем доме, один раз, и поешь горячей пищи, и поспишь под крышей, а не под толщей земли совсем один!

Геннар отпрянул назад. Как будто свет померк, когда его лицо скрылось в тени.

— Нет, — сказал он. — Они выжгут мне глаза.

— Оставь его в покое, — сказал Пер и стал толкать тяжелую, нагруженную серебром тележку по направлению к штреку.

— Посмотри, где я тебе сказал, — сказал Геннар Брану. — Шахта не мертва. Посмотри своими собственными глазами.

— Хорошо, я приду вместе с тобой и посмотрю. Доброй ночи!

— Доброй ночи! — сказал астроном и свернул в боковой тоннель, в то время как они продолжили свой путь. Он не зажег ни свечи, ни лампы; они видели его лишь мгновение, а потом все поглотила тьма.

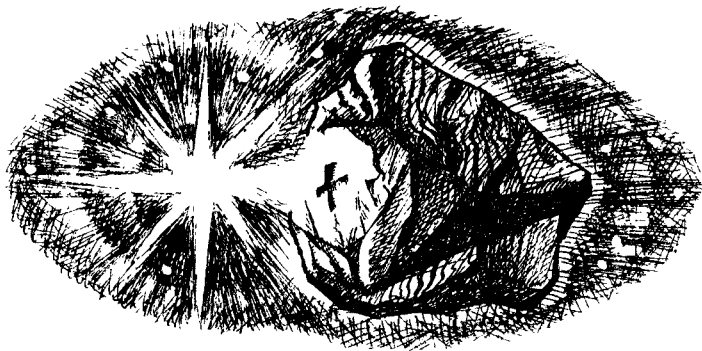
Утром его не было на обычном месте. Он не пришел.

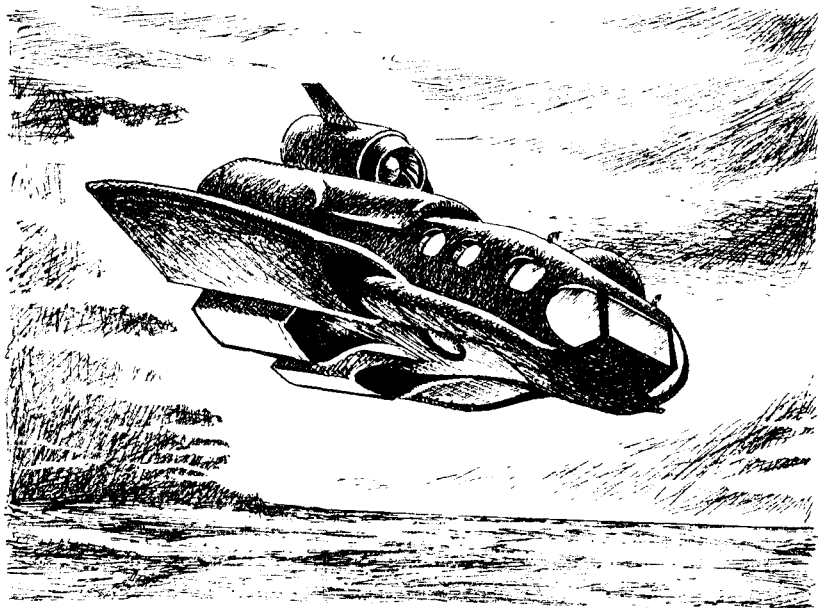
Бран и Ханно искали его, сначала лениво, потом весь день. Они ушли так далеко вниз, насколько у них хватило духа, и пришли наконец к началу провалов. Они вошли в тоннель, переключаясь время от времени, хотя в огромных пещерах даже они, рудокопы, всю свою жизнь не осмеливались громко разговаривать, так как боялись бесконечного эха в темноте.

— Он свалился вниз, — сказал Бран. — Дальше вниз. Вот что он сказал. Идите дальше, вы должны идти дальше, чтобы найти свет.

— Но света нет, — прошептал Ханно. — Здесь никогда не было света от сотворения мира.

Но Бран был упрямый человек, с буквальным и доверчивым рассудком; и Пер послушал его. Однажды они вдвоем дошли до места, о котором говорил астроном, где большая жила белого гранита, которая прорезывалась в более темной скале, была оставлена нетронутой полвека назад как несущая опора. Они укрепили свод старого забоя, где подпоры ослабли, и начали копать. Не белый камень скалы, а рядом с ней; астроном оставил там пометку, нечто вроде схемы или символа, нарисованного копатью свечи на каменном полу. Они наткнулись на руду на глубине в один фут, под слоем кварца; под ним — теперь работали все восемь — удары кирок обнажили самородное серебро, жилы, жилки, россыпи и узлы, сверкающие среди разбитых кристаллов в раздробленной скале, как звезды и созвездия, глубина под глубиной, свет без конца.

Бертрам Чендлер

ПРИВЫЧКА

На вид это был обычный корабль, стандартное грузовое судно, на которых перевозилось большинство грузов с Земли на другие планеты. Когда-то он и впрямь был грузовым кораблем — на его гладком борту до сих пор сияло золотыми буквами название — «Венерианка». Только опытный глаз профессионального космонавта мог бы заметить странной формы трещины, чернеющие на фоне сверкающего металла. Только профессиональный космонавт с группой физиков впридачу рискнул бы выдвинуть догадку о том, что находится внутри.

В круглой раме тамбурной двери возникли два человека. Первый из них, проигнорировав трап, прыгнул с высоты десяти футов, мягко приземлился, чуть согнув ноги в коленях. Второй двигался более степенно, медленно спустился по наклонной дорожке на потрескавшийся бетон. Он осуждающе произнес:

— Тебе надо быть поосторожнее, Тиллот. В конце концов мы улетаем сегодня вечером.

— Был бы я осторожным, — ответил второй, в позе его невысокой легкой фигуры было что-то угрожающее, — меня бы здесь не было.

Высокий, по имени Эбботсфорд, — он был начальником Отдела Исследований Межпланетной Транспортной Комиссии, — сердито упрекнул его:

— Я рад, что ты со мной, Тиллот. Я рад, что среди пилотов, работающих в Комиссии, нашелся один доброволец. Как раз поэтому я прошу тебя — будь осторожнее. Слишком много зависит от успеха нашего испытательного полета...

— Ол райт, доктор, — ответил Тиллот тоном издевательского самоуничижения. — Я буду осторожен. Я подниму вашу штуковину вверх и выведу ее из атмосферы так осторожно, словно это корзина с яйцами, и таким же образом верну ее назад. Все остальное зависит от вас. — Голос у него был насмешливым: — Я надеюсь, вы будете внимательны в промежутке между взлетом и посадкой.

— Конечно, — жестко ответил Эбботсфорд.

— Конечно, — передразнил его Тиллот. И добавил: — Не смешите меня, доктор. Это будет первый корабль, достигший скорости света, первый межзвездный корабль... Какого черта вы говорите, что будете осторожны, как вы сможете?

Потом их диалог был прерван; с ними хотели поговорить коллеги Эбботсфорда и члены исполнительного штаба космодрома.

Группа мужчин и женщин медленно шла через широкую полосу бетона к зданиям кладовых и ремонтных мастерских, к оазису культуры и человеческого мастерства, затерянному в безжизненной пустыне.

Поздно вечером Эбботсфорд позвал к себе Тиллота, сославшись на то, что им надо много о чем поговорить о предстоящем полете. Они сидели в комнате, скромно, но довольно комфортабельно обставленной, больше похожей на кабинет или лабораторию, чем на жилое помещение, и потягивали виски.

Эбботсфорд произнес:

— Мне любопытно...

— Собственно, это обычное состояние для ученого, не так ли? — спросил Тиллот.

— Да, конечно. Но мое любопытство вызвано вопросом, относящимся скорее к психологии, чем к физике.

— Почему бы вам тогда не сходить к доктору Венделлу? В конце концов в Комиссии он — трюкач номер один.

— Доктор Венделл, — ответил Эбботсфорд, уже слегка пьяный, — наговорит кучу чепухи про Эдипов комплекс, Желание Смерти и тому подобное. Он мне ничего не скажет.

— Я всего лишь ракетчик, — произнес Тиллот.

— Это вы — объект моего любопытства.

— Вам не кажется, что ваши изыскания довольно нахальны, доктор?

— Нет, я так не думаю. В конце концов мы будем заперты в этом тесном гробу в течение длительного времени. Мы должны знать кое-что друг о друге.

— И что вы хотите знать? — требовательно спросил Тиллот.

— А вот что. Предполагается, что космонавты должны быть искателями приключений. На службе Межпланетной Транспортной Комиссии находится две сотни пилотов. Но на дело, которое может стать первым межзвездным полетом, вызвался пойти лишь один доброволец. Вы.

Тиллот горько засмеялся:

— Если бы я не пошел добровольцем, меня попросили бы об этом. Это должен был быть я. Все очень просто.

— Но почему?

Космонавт вновь рассмеялся.

— Я расскажу тебе. Политика Комиссии всегда была такова — они брали на работу только женатых мужчин. Женатый мужчина не испытывает недостатка в храбрости или желании приключений. Но он не станет зря рисковать — ни кораблем, ни жизнью.

— Мне кажется, я начинаю понимать... И вы?

— В прошлом году я не пошел бы ни добровольцем, ни по приказу, — жестко закончил Тиллот.

— Пусть так, риск не является ни великим, ни неоправданным. Нейтрализованная гравитация и сила отталкивания света — их движущая сила менее рискованна, чем сила ваших ракетных моторов. Самая опасная часть полета — старт и приземление, где используют ракеты.

— Согласен, но...

— Что «но»?

— Теперь я хочу задать вам вопрос, доктор Эбботсфорд. Вы были когда-нибудь влюблены? У вас была когда-нибудь женщина?

— Женщины никогда меня сильно не занимали. У меня была работа и...

— Хорошо. Я объясню. Космонавт улетает — на Луну, Марс, Венеру — куда угодно. Если дела пойдут неудачно, он не вернется назад. Если все сложится хорошо, он вернется назад, потеряв, самое большее, месяцы. Я не физик. Для меня астронавтика — всего лишь баллистика, космический корабль — это лишь управляемый человеком снаряд, летящий по траектории, которую экипаж не может держать под контролем. Но полет к звездам со скоростью, близкой к скорости света, — совсем другое дело. Насколько я понимаю, Время, в котором будет жить экипаж корабля, будет отличаться от земного. Путешествие может продлиться всего лишь несколько месяцев, но по возвращении окажется, что Земля обернулась вокруг Солнца пятьдесят раз или больше...

— Это не совсем точно, но близко к истине, — ответил Эбботсфорд.

— Тогда спросите себя, что будет чувствовать женатый человек, думая о своем возвращении домой?

Корабль гордо высился на полосе бетона, сияя в ярком потоке света. Высоко в небе плыли Крест и Центавр, и было обидно, что его нос не был устремлен на Альфу Центавра — цель первого звездного полета. Даже Тиллот, подходя к судну, ощутил это, хотя и понимал абсурдность такого чувства. Так же как ждать, что нос «Лунар Ферри» перед взлетом был бы направлен точно на Луну, а острый корпус судна «Мартиана Мейла» смотрел точно в сторону сверкающей искры в небе, красной планеты. Подходящее время, чтобы вывести корабль на нужную траекторию, но было ли слово «траектория» достаточно точным для обозначения курса корабля, летящего в космос, — после того как он вышел на орбиту вокруг Земли.

Внезапно Тиллот обернулся, пожал руки тем, кто вместе с ним подошел к кораблю. Все желали ему удачи. Некоторые из них задумчиво строили догадки, какой мир он увидит по возвращении из полета. Он позволил себе порассуждать по этому поводу, а сам думал: «Возможно, сейчас живет себе какая-нибудь школьница, которая подрастет и станет почти такой же, как Валери. Может быть, я ее найду. И может быть, она будет ждать меня».

Космонавт взобрался по трапу вверх, вошел в небольшой отсек, нажал кнопку, убиравшую полосу металла, бывшую трапом, потом другую, которая герметично закрывала круглую наружную дверь. Он знал, что Эбботсфорд дожидается его в Рубке Управления. Эбботсфорд мог догадаться о значении огней, горевших на корпусе, а если и нет, это было неважно. Несмотря на свою ученость и высокую должность, он был плохим астронавтом.

Тиллот мог подняться вверх на лифте, но не захотел. Он не знал, сколько времени ему придется провести в состоянии невесомости, это был последний шанс размяться, напрячь мускулы. Он лез из отсека в отсек, вверх по лестнице, мимо тяжелого, почти безликого монстра, свай, мимо баков с топливом, через «ферму», где стояли гидропониические баки с водорослями, дрожжами и живой тканью, через отсеки, которые были когда-то грузовыми или пассажирскими, а теперь там стояли машины Эбботсфорда.

Тиллот пожалел, что не знает о них почти ничего. Моторы, которые выталкивали и расправляли большие паруса, — с ними все было ясно, но генераторы, уничтожающие гравитационные поля (изобретение Эбботсфорда), оставались тайной; там были еще сложные запутанные колеса, расположенные под разными углами, гироскопы, вставленные друг в друга, блестящий маятник, похожий на украшение, но определенно выполняющий какую-нибудь функцию.

Наконец он протиснулся сквозь узкий люк в нужную комнату. Как он и догадывался, Эбботсфорд был уже там, сидел в кресле, пристегнувшись ремнями.

— Вы готовы, Тиллот? — испытующе спросил он.

— Готов, — коротко ответил космонавт.

Он пристегнул себя к сиденью, произнес в микрофон:

— «Венерианка» вызывает Командный Пункт Космодрома. Прошу разрешения на взлет.

— Говорит Экспериментальная Станция Космодромного Командного Пункта. продолжайте по плану — и удачи вам.

— Спасибо. Начинаем.

Огромный огненный цветок расцвел под кормой «Венерианки», и она устремилась вверх, нежно покачиваясь на «стебле» добела раскаленных газов.

Тиллот, доверяя вспомогательным механизмам, глядел в иллюминаторы на удаляющуюся Землю — моря и континенты, плывущие облака, искры больших городов, — и взволнованно думал, увидит ли он вновь свою родную планету.

Он сказал себе, что ему наплевать, хотя сам знал, что это ложь.

После того как первое замешательство прошло, Эбботсфорд заявил, что он смотрит на произошедшую катастрофу скорее как на дар, а не несчастье, что она займет место в ряду случаев, которые привели к великим научным открытиям.

— Представь только! — в восторге кричал он.

— Представляю, — ворчал Тиллот, — твой полет провалился. Мы не знаем, где мы и куда летим. И что в этом хорошего?

— Ты не прав, мой полет вовсе не провалился, наоборот.

— Вы уверены, доктор, что удар по голове не был слишком сильным?

— Вполне уверен. Послушай, Тиллот. В течение долгих лет я работал над проблемой антигравитации и добился того, что уничтожил гравитацию, но не более того. Поэтому я состряпал эту смешную штуковину с перекладинами и парусами, времянку, которая больше никогда не будет использована. В сущности, слепой случай! Нарушение связи, случившееся по вине одной из ракет. Ось раздавлена под воздействием ускорения... Фантастика!

— Да, — урюмо согласился космонавт.

— Ты говоришь без особого энтузиазма.

— Честно говоря, я не в восторге. Может быть, я слишком консервативен, но я считаю, что основная функция корабля — доставить груз из пункта А в пункт В и вернуться в пункт А...

— Я думал, что вы особо не беспокоитесь об этом.

— Я тоже так думал. Но наступает момент, когда ты вспоминаешь

все вино, которое не выпил, всех девушек, которых не успел полюбить...

— Проблема вина меня нисколько не беспокоит, — признался ученый, — полагаю, что я достаточно хороший химик, чтобы состряпать что-то подобное из овощей и дрожжей, лежащих в наших цистернах.

— Ну, — потребовал Тиллот, — что мы будем делать?

— Я останавливаю гравитационные аннигиляторы. Потом настанет твой черед кое-что сделать. Ведь ты у нас навигатор.

— Межпланетный, а не звездный. Но я сделаю все, что в моих силах...

Тиллот пристегнул ремни, проследил взглядом, как Эбботсфорд протиснулся в люк и исчез в недрах корабля. Оставшись один, он сконцентрировал все свое внимание на таинственной тьме за иллюминаторами, на мерцающей пустоте. Скорость не ощущалась. Корабль свободно падал, и, кроме того, благодаря силе отталкивания он должен был ускоряться. Тиллот решил, что инерция каким-то образом исчезла. Если бы она была, его размазало бы по комнате, как земляничный джем.

Зазвонил внутренний телефон, послышался спокойный голос Эбботсфорда:

— Приготовься, Тиллот, я все закончил.

— Ол райт.

Слабый шум механизмов прервался, потом внезапно исчез. С поразительной, ужасающей быстротой космос за стеклом иллюминатора приобрел знакомую бархатную черноту, стали видны яркие маяки звезд. Но не звезды заставили Тиллота вскрикнуть. Планета, огромный сверкающий глобус, сияла впереди «Венерианки», пугающе увеличиваясь прямо на глазах.

— Эбботсфорд, — закричал пилот, — включи свои моторы! Впереди планета!

Он услышал, как ученый выругался, услышал, как тот проворчал:

— Проклятый дурак!

— Что-то не так?

— Все! Все разваливается на куски!

— Тогда держись, я воспользуюсь ракетами. Попытаюсь вывести нас на какую-нибудь орбиту.

Он привел в движение большой гироскоп, успокоился, когда услышал знакомое жужжание машины, когда увидел дрожащие звезды и этот раздутый и все увеличивающийся шар планеты. Видел, как странная планета исчезла, потом ее изображение появилось на экране перископа. Он остановил гироскоп, включил ракетные двигатели, взглянул на стрелку акселерометра. Одна атмосфера... две... три... четыре... Его тело глубоко вдавилось в кресло. Он подумал, как там Эбботсфорд, прижатый к жесткому столу в рубке. Но это был единст-

венный шанс спасти их обоих. Слишком плавное торможение уничтожало всякую надежду.

Тиллот увидел бахрому атмосферы, двигатели все еще ревели. Он облетел вокруг ночной стороны планеты, как метеор, корпус корабля накалился докрасна, потом вновь улетел в космос. Он совершил виток, потом еще один и с растущим ужасом смотрел на датчики ракетного топлива. Должно быть, течь, трещина в баках. Ясно, что достаточной массы для того, чтобы вывести корабль на какую-нибудь орбиту, не будет. Ее хватит, чтобы приземлиться, но и это сомнительно.

— Эбботсфорд, — заорал он, — мы снижаемся!

В ответ ему послышался стон, но он не был в этом уверен.

Корабль пролетел над солнечной стороной планеты, на этот раз уже в атмосфере. И краем глаза Тиллот увидел очертания мира, вокруг которого летел корабль.

— Нет, — пробормотал он, — нет.

Но это было так. Нигде во Вселенной контуры морей и континентов не могли быть воспроизведены с такой точностью. Нигде во Вселенной не было планеты, чей спутник был бы так велик, что мог быть сестрой-планетой.

А потом времени для наблюдения не осталось. Потом была «вечность» борьбы падающего корабля, который писал безумные огненные слова на ночном небе. Был последний безнадежный всхлип ракет, у которых кончилось топливо. Потом на Тиллота нашло озарение, и он поставил огромные паруса, предназначенные для ловли почти нематериальных фотонов, паруса, которые были слишком хрупкими, чтобы выдержать атаку молекул атмосферы. Но они помогли, хоть и ненадолго. Они выдержали и до того, как разорвались на лоскутки, замедлили падение «Венерианки», и она вошла в море почти мягко.

Почти.

Сила удара согнула обшивку корабля, сломала в нем все, за одним исключением, этим исключением были кости пилота. Тиллот спасся, даже не потерял сознания. Потом он расстегнул ремни, и шатаясь, так как от удара корабль накренился, полез в люк, спустился вниз по лестнице в инженерную рубку Эбботсфорда. Ученый лежал, неуклюже растянувшись, среди обломков своей машины. Он был мертв, в этом не было никаких сомнений. Ни один человек в мире, потеряв столько крови, не мог остаться в живых. Кровь струилась по обшивке.

Тиллот посмотрел на мертвеца и прислушался к журчанию воды в нижнем отсеке, увидел, как через открытый люк вода поднимается, разбавляя кровь Эбботсфорда. Он знал, что больше ничего не сможет сделать.

Он быстро полез вверх, в Рубку Управления, вытащил из шкафчика спасательный костюм, влез в него. Тиллот начал сбивать защел-

ки, чтобы открыть один из больших иллюминаторов. Вдруг он выглянул наружу, увидел корабль, длинный, низкий и какой-то зловещий, увидел людей, их лица казались ему бледными из-за тусклого света в рубке, они махали ему руками и жестикулировали.

Тиллот сбил последнюю защелку, стекло упало, вылез через иллюминатор, сильные руки подняли его на спасательное судно. Он услышал звук, похожий на глубокий вздох — последний воздух выходил из «Венерианки». Он не видел, как она утонула.

«Морские ужи» плавали недалеко от холмистого берега. У берега сияла длинная вереница огней — это сверкали пригороды — от Сиднея до Габо Айленда.

— Это, — произнес шкипер «Морских ужей», — последнее место, куда мы можем тебя доставить. В спасательном костюме ты доберешься до пляжа. Мы хорошенько смазали его средством, отпугивающим акул. Выбрось костюм, как только доберешься до пляжа, он в это время ночи пустой. И помни, никому не рассказывай о нас. Никому. Нам не нужна публичная огласка того, что мы подобрали потерпевшего крушение космонавта.

— Я понимаю, — ответил Тиллот.

Он, конечно, слышал о контрабандистах, совершавших рейсы между Астралией и Теократической Республикой Новой Зеландии, о торговле спиртным, табаком и другими предметами роскоши, запрещенными в Теократии. Также он знал, что австралийское правительство собиралось уничтожить этот промысел. Никогда раньше Тиллот не смог бы представить, что будет обязан жизнью контрабандистам. Но моральная сторона контрабанды волновала его меньше всего.

Попав на борт корабля, он начал задавать вопросы, но затем понял, что его спасателям кажется, будто он бредит. Тогда Тиллот погружился в молчание, пытаясь сам получить ответы на интересующие его вопросы.

Прежде всего он вновь был на Земле.

«Венерианка», конечно, могла лететь по кругу, большому или маленькому, но...

Но в каюте он увидел газету, почти свежую «Сидней Морнинг Геральд». На первый взгляд, она была годичной давности, но когда Тиллот сказал об этом одному из контрабандистов, тот взглянул на него так, словно пилот был немного не в себе.

Да, прежде всего он вновь был на Земле.

Во-вторых, он попал в Прошлое.

Но как?

Как?

Может быть, «Венерианка» достигла скорости, превышающей скорость света? И, следовательно, полетела назад, в Прошлое? Возможно ли другое объяснение? Могло ли быть, что благодаря слепому случаю она прилетела именно в точку, где Земля была год назад? Может ли

быть, что Время является функцией расширяющейся Вселенной или что расширение Вселенной какими-то путями связано со временем? Тиллот хотел бы знать ответ на эти вопросы, но при этом думал, что не имеет большого значения, знает он или нет. Значение имела лишь одна вещь, только одно было делом высшей важности. Может быть, ему будет дан еще один шанс.

Он попрощался с экипажем «Морских ужей», тихо скользнул за борт. Энергично заработал руками и ногами, костюм скорее помогал, чем мешал его движениям. К берегу подходило течение, и внезапно он осознал, что длинная вереница огней находится совсем близко. Он опустил ноги, почувствовал песок под лапами. Перешел через пляж.

Как и говорили контрабандисты, вокруг было пусто. Тиллот стянул костюм, остался в рубашке, шортах и сандалиях, которые ему дали на корабле. В кармане лежали деньги и ключ, он всегда носил его с собой. Наверное, ключ подходит к его дому. Должен. Ведь другого мира не существует — или он есть? Знать бы наверняка...

У самого моря стояло ночное кафе. Тиллот вошел, на больших настенных часах стрелки показывали чуть больше трех, первый выпуск утренних газет лежал на прилавке. Он купил одну, взял гамбургер и чашечку кофе у сонного хозяина. Кофе был вполне сносный. Сел за ближайший столик и стал читать газету, прихлебывая из чашечки.

Он вспомнил заголовки — таинственный метеорит, возможно, это корабль пришельцев из-за границ системы, волнения в Венербурге, открытие Атлантического туннеля. Он вспомнил заголовки — и вспомнил, что еще случилось в тот день. Тиллот был на Земле, отдыхал после обычного полета на Марс. Вместе с Валери они пошли на вечеринку. Он выпил слишком много, но настоял на том, чтобы поехать домой, хотя их семейным автомобилем управлял куда хуже, чем космическим кораблем. Он настоял, и на дороге ему попался другой водитель, возможно, такой же трезвый, как он сам. И...

И Валери погибла, а он выжил, и благожелательно настроенный следователь, зная, что публикация правды перечеркнет карьеру Тиллота, заявил, что катастрофа произошла из-за поломки в управлении машины.

Но это еще не произошло.

И никогда не произойдет.

Что он должен сделать? Пойти домой, встретить там себя и заявить: «Послушай, Тиллот, ты не пойдешь сегодня на вечеринку к Уэлдонам» или сказать: «Слушай, Тиллот, я старше тебя на целый год. Уходи, и я займу твоё место».

Но тот же ли самый это мир, во всех подробностях?

Был только один способ узнать, так ли это. Он не стал есть гамбургер, а пошел звонить. Бросил монету в автомат, набрал свой номер телефона. В последний момент вспомнил и включил сканер. Услы-

шал, как прозвенел звонок, экран засветился — он увидел собственное лицо, сонное и озадаченное, услышал странный голос (свой голос всегда кажется странным со стороны): «Тиллот слушает, что вы хотите?»

— Прости, — пробормотал он, — я неправильно набрал номер. — Медленно повесил трубку и вышел из кабинки.

Потом вспомнил, что в то утро его разбудил такой же странный звонок.

Итак...

Он вернулся к столу. Попытался вспомнить события того дня. Они с Валери постоянно были друг у друга на глазах, а встреча с самим собой на глазах у жены вела к самым запутанным неожиданностям. Но я должен увидеть ее. Я должен.

Он захотел оживить прошлое. Вместе с Валери рано вечером они поехали к Уэлдонам. Уэлдоны были состоятельными людьми, у них, у одних из немногих, был свой дом, своя земля — недалеко от Авалона. После обеда никто не захочет двигаться, Тиллот выйдет побродить по саду, насладиться пейзажем, поглазеть на завораживающий простор Тихого океана.

Это будет самый удобный момент.

Между тем день надо было чем-то заполнить. Он занялся этим. Ходил из киношки в киношку, ездил в общественном транспорте, все ближе и ближе продвигаясь к цели. Вечером он вышел из последнего автобуса, метро и небольшая пешая прогулка приведут его к месту назначения вовремя.

Так и случилось. Он открыл ворота усадьбы, чувствуя благодарность к Уэлдонам за то, что они не побеспокоились поставить сигнализацию. Он увидел освещенные окна первого этажа и пожалел, что не может остановиться и внимательно рассмотреть Валери — высокую, стройную, красивую, она стояла с бокалом, и разговаривала с хозяевами. Он обошел дом, вышел на край обрыва, увидел тень и горящий кончик сигареты.

— Тиллот, — окликнул он.

Его «другое я» повернулось к нему.

— Кто там?

— Ты. Или я.

— Что такое? Ты с ума сошел?

— Нет, Тиллот. Я пришел сказать тебе, что ты не должен сегодня везти машину.

Другой был пьян. Когда такое случалось, он быстро возбуждался. И сейчас он вспылал:

— Я не знаю, кто ты, но убирайся вон отсюда!

— У меня столько же прав, сколько у тебя. Возможно, больше.

— Вон! — зарычал Тиллот.

— Сам убирайся! — проскрежетал Тиллот, хватая другого за руки. Последовала краткая борьба, хотя противники были одинаково

сильны. Она была бы длиннее, если бы один из них не споткнулся о корень, не упал и не ударился головой о камень.

Он подумал:

— Мертв. Но он — ? — всерьез хотел покончить жизнь самоубийством после того, как Валери погибла. Так что же произошло? Я спас его — себя? — и я спас Валери...

Стараясь ни о чем больше не думать, он раздел труп — к счастью, на одежде не было крови — переоделся, одел на другого свою рубашку и шорты. «Как предусмотрительно поступил Джим Уэлдон, построив свой дом на краю утеса. Думаю, акулы сегодня голодны...»

— Милый, — спросила Валери, — ты думаешь, нам надо ехать?

— Он в порядке, — заверил Джим Уэлдон, — только помни, что твой драндулет — это не ракета!

— Как я могу забыть? — протянул Тиллот.

Он открыл дверцу Валери, обошел машину и сел сам. Включил зажигание, нажал сцепление и поехал. Это произошло на первом повороте петляющей дороги, катастрофы, возможно, могло не быть, если бы колесо не спустилось в критический момент.

В полубреду, в больнице, он смутно вспомнил о корабле «Венерианка» и об ученом по имени Эбботсфорд. Он говорил себе, что нужно только подождать, в следующий раз он сыграет более умело. Он говорил об этом сиделкам и всем, кто его слушал, но психиатр с помощью тщательного внушения избавил его от галлюцинаций, так что после того, как его выписали, он ничего не помнил, кроме аварии и своей непосильной утраты.

Когда стали набирать добровольцев для первого межзвездного полета, он пошел туда.

Это стало привычкой.

Клиффорд Д. Саймак

ГУЛЯЯ ПО УЛИЦАМ

Джо остановил машину.

— Ты знаешь, что должен делать, — сказал он.

— Я должен ходить по улицам, — сказал Эрни. — Ничего не делать и ходить до тех пор, пока мне не скажут, что хватит. Эти люди уже там?

— Да.

— Почему бы мне не пойти одному?

— Сбежишь, — сказал Джо. — Так однажды уже было.

— Теперь я не убежал бы.

— Это только слова!

— Не нравится мне эта работа, — сказал Эрни.

— Это очень хорошая работа. Тебе не нужно ничего делать, просто ходить по улице.

— Да, но это ты указываешь мне эти улицы. Я не могу сам выбирать.

— А какая тебе разница?

— Я не могу делать того, чего сам хочу. И в этом все дело. Я даже не могу ходить там, где хочу.

— А где бы ты хотел ходить?

— Не знаю, — сказал Эрни. — Где-нибудь. Там, где бы вы за мной не следили. Когда-то было иначе. Я делал то, что хотел.

— А теперь у тебя есть что жрать, — сказал Джо. — И что пить. Тебе есть где спать. У тебя есть деньги в кармане, есть деньги в банке.

— Что-то здесь не так, — сказал Эрни.

— Слушай, старик, что с тобой? Ты не хочешь помогать людям?

— Не скажу, что не хочу. Но откуда мне знать, что я им помогаю? У меня есть только твоё слово. Твое и того типа из Вашингтона.

— Он тебе это объяснял.

— Ну да, он много говорил, но я не все понял и не знаю, можно ли верить его словам.

— А ты думаешь, я понимаю? — сказал Джо. — Зато я видел цифры.

— Я не знаток цифр.

— Пойдешь ты наконец, или мне тебя подтолкнуть?

— Ну, хорошо, я иду. Когда нужно начинать?

— Мы тебе скажем.

— И будете за мной следить?

— Ну, ясно, — сказал Джо.

— Это какой-то нищий район. Почему я всегда должен ходить по улицам таких районов?

— Ты должен чувствовать себя здесь как дома. В подобном районе ты жил, когда мы тебя нашли. В ином ты не чувствовал бы себя счастливым.

— Но там, откуда вы меня забрали, у меня были друзья. Сюзи, Джек, Павиан и другие. Почему я не могу к ним вернуться?

— Ты бы начал говорить и выболтал все.

— Вы мне не верите?

— А можем ли мы тебе верить, Эрни?

— Пожалуй, нет, — сказал Эрни и вылез из машины. — Но я был счастлив, понимаешь?

— Да, да, — сказал Джо. — Знаю.

В баре за одним из столов сидел мужчина, двое других стояли у столика в глубине зала. Это заведение напомнило ему тот бар, где вместе с Сюзи, Павианом, а иногда с Джеком и Мари они проводили вечера за пивом. Он сел. Ему было удобно, и чувствовал он себя так, как в старые, добрые времена.

— Мне один крепкий, — сказал он бармену.

— А у тебя есть деньги, приятель?

— Конечно, есть.

Эрни положил на стойку доллар. Бармен вынул бутылку и налил. Эрни проглотил одним глотком.

— Еще раз то же самое, — сказал он. Бармен налил.

— Похоже, ты не здешний, — сказал он.

— Никогда раньше здесь не был.

Теперь он сидел спокойно, медленно потягивая из третьего стакана.

— Угадай, что я делаю? — спросил он бармена.

— Понятия не имею. Наверное, то же, что и все. То есть ничего...

— Я лечу людей.

— В самом деле?

— Я хожу и лечу людей.

— Вот хорошо, — сказал бармен. — У меня как раз насморк.

Вылечи меня.

— Ты уже вылечился, — сказал Эрни.

— Я чувствую себя так же, как и тогда, когда ты только вошел.

— Подожди до утра. Утром ты почувствуешь себя лучше. На это нужно время.

— Но я не собираюсь тебе за это платить!

— Это совсем не обязательно. Мне платят другие.

— Какие другие?

— Просто другие люди. Я не знаю, кто они.

— Наверное, чокнутые.

— Они не хотят пустить меня домой, — пожаловался Эрни.

— Ну, это не страшно.

— У меня были друзья — Сюзи, Павиан...

— У каждого есть друзья, — сказал бармен.

— А я излучаю. Так они думают.

— Что ты делаешь?

— Излучаю. Так они это называют.

— Никогда не слышал ни о чем подобном. Хочешь выпить?

— Ладно, налей еще одну, потом мне нужно будет идти.

Чарли стоял на тротуаре перед баром и смотрел на него. Эрни не хотелось, чтобы Чарли сейчас вошел и сказал, например: «Принимайся за работу». Ему было бы неудобно.

В окне наверху он увидел вывеску и избежал по лестнице. Джек стоял на другой стороне улицы, а Эл — через один дом от него. Они увидят его и прибегут, но, может, он успеет заскочить в контору, прежде чем его схватят.

На дверях надпись: «Лоусон и Крамер. Юристы».

Он ворвался внутрь.

— Я должен увидеться с юристом, — сказал он секретарше.

— Вы по договоренности?

— Нет, я не по договоренности, но мне необходим юрист. У меня есть деньги...

Он вынул комок смятых банкнот.

— Мистер Крамер занят.

— А тот, второй? Тоже занят?
— Нет никакого второго. Когда-то был...
— Послушайте, у меня нет времени на болтовню.
Двери кабинета открылись, и в них появился какой-то мужчина.

— Что здесь происходит?
— Этот господин...
— Никакой я не господин, — сказал Эрни. — Мне нужен юрист.
— Хорошо, — сказал мужчина. — Входите.
— Так это вы Крамер?
— Да, это я.
— Вы мне можете помочь?
— Попробую.

Крамер закрыл дверь и сел за стол.

— Садитесь, — сказал он. — Как вас зовут?

— Эрни Фосс.

Крамер записал это на листе желтого блокнота.

— Эрни. Это, наверное, от Эрнеста?

— Точно.

— Ваш адрес, мистер Фосс?

— У меня нет адреса. Я путешествую. Когда-то он у меня был. У меня были и друзья: Сюзи, Павиан и...

— А в чем, собственно, дело, мистер Фосс?

— Меня держат!

— Кто вас держит?

— Правительство. Они не пускают меня домой и все время за мной следят.

— А почему вы думаете, что за вами следят? Что вы им сделали?

— Ничего я не сделал. Видите ли, во мне есть ЧТО-ТО.

— Что в вас есть?

— Я лечу людей.

— На доктора вы не похожи.

— Я не доктор. Я только лечу людей. Хожу и лечу. Я излучаю.

— Что вы делаете?

— Излучаю.

— Не понимаю.

— Во мне что-то есть. Что-то, что я распространяю. Может, у вас есть насморк или что-нибудь подобное?

— Нет, у меня нет насморка.

— Если бы был, я бы вам его вылечил.

— У вас кое-что скажу, мистер Фосс. Выйдите в ту комнату и посидите. Я сейчас приду.

Выходя, Эрни увидел, как мужчина снимает трубку телефона. Ждать он не стал и молниеносно выскочил в холл. Джек и Эл уже были там.

— Ты сделал глупость, — сказал Джо.

— Он мне не поверил, — сказал Эрни, — хотел звонить и вызвать полицию.

— Может, и поверил. Мы боялись того, что мог бы поверить. Поэтому-то мы здесь.

— Он вел себя так, как будто считал меня ненормальным.

— Зачем ты это сделал?

— У меня же есть права. Права гражданина. Вы никогда о них не слышали?

— Конечно, слышали. У тебя есть права. Все тебе объяснено. Ты работаешь на правительство. Ты согласился на наши условия. Тебе платят. Все устроено легально.

— Но что-то мне здесь не нравится.

— Что тебе не нравится? Зарплата у тебя неплохая. Работа легкая. Ты просто прогуливаешься. Немного найдется людей, которым платят за хождение.

— Если мне так хорошо платят, то почему мы останавливаемся в таких убогих отелях?

— Ты не платишь ни за комнату, ни за еду, — сказал Джо. — Все это оплачивает государство. Мы делаем это за тебя. А не останавливаемся в лучших отелях потому, что неподходяще одеты. В отеле высшей категории мы выглядели бы смешно и обращали на себя общее внимание.

— Вы все одеваетесь так, как я, — сказал Эрни, — и говорите похоже. Почему?

— В этом и заключается наша работа.

— Знаю. Нищие кварталы. Что касается меня, то все в порядке. Я всю жизнь провел в таких кварталах, но с вами, парни, совсем другое дело. Вы привыкли к белым рубашкам, галстукам и костюмам. Вычищенным и выглаженным. И держу пари, что когда вы не со мной, то даже говорите иначе.

— Джек, — сказал Джо, — идите с Элом перекусите. Я и Чарли придем позднее.

— А кстати, — сказал Эрни. — Вы никогда не приходите и не уходите все вместе. Похоже, что вы не держитесь вместе. Это для того, чтобы вас не заметили?

— Ох, — вздохнул Джо, которому все это осточертело. — Какая разница?

Джек, Эл и Эрни вышли.

— Это становится невыносимым, — сказал Чарли.

— Видишь ли, — сказал Джо, — есть только один такой, как он, к тому же кретин или нечто подобное.

— До сих пор не известно о других?

Джо покачал головой.

— Нет. Наверняка нет до последнего моего разговора с Вашингто-

ном. То есть до вчерашнего дня. Разумеется, они делают все, что в их силах, но как взяться за такое дело? Единственный выход — это статистика. Обнаружение — если это когда-нибудь произойдет — районов, в которых нет болезней, а затем выявление того, кто является этому причиной.

— То есть другого такого, как Эрни?

— Да, другого такого, как Эрни. Но знаешь что? Пожалуй, другого такого нет. Это феномен.

— А почему бы не быть еще одному феномену?

— Очень мало шансов. Впрочем, даже если бы такой и был, то каковы, в свою очередь, шансы обнаружить его? Нам чертовски повезло, что мы добрались до Эрни.

— Мы плохо беремся за дело.

— Конечно, плохо. Правильный, научный подход заключается в изучении, почему он такой. Мы уже пробовали, помнишь? Почти год с этим возились. Десятки тестов, а он только злился и хотел вернуться домой к Сюзи и Павиану.

— А если мы перестали как раз тогда, когда были близки к решению загадки?

Джо покачал головой.

— Не думаю, Чарли. Я разговаривал с Розенмейром. Он утверждает, что это безнадежное дело. А если Роза признает, что что-то безнадежно, значит, это действительно должен быть твердый орешек. Его нельзя было держать в Вашингтоне и проводить дальнейшие исследования в то время, когда шанс узнать что-либо был так мал. Они держали его в руках, и его использование было следующим логическим шагом.

— Но наша страна огромна. У нас так много городов... Так много заштатных местечек. Столько нужды. Мы проходим с ним несколько миль улиц каждый день. Проводим его мимо больниц и домов престарелых...

— И не забывай, что с каждым его шагом обретают здоровье десятки больных, десятки других благодаря ему вообще не заболевают, что иначе было бы неизбежно.

— Не понимаю, как можно не сознавать этого. Мы говорили ему об этом десятки раз. Он должен быть доволен, что может послужить людям.

— Я же говорил тебе: этот человек кретин. Самовлюбленный кретин, — сказал Джо.

— По-моему, нужно взглянуть на это и с его точки зрения, — сказал Чарли. — Мы забрали его из дому.

— У него никогда не было дома. Он спал на улице или в дешевых отелях. Попрошайничал. Иногда крал, если представлялся случай. Иногда спал с Сюзи. Часто ел бесплатный суп и рылся на помойках.

— Может, именно это ему нравилось?

— Может. Полное отсутствие ответственности. Он жил одним днем. Как зверь. Теперь у него есть ответственность — может, так много, как ни у кого до него. У него такие возможности, как ни у кого другого. Он должен принять на себя ответственность.

— Может быть, в мире, в котором живем ты и я, но не в его мире.

— Чтoб мне провалиться, если я знаю, как обстоят дела, — сказал Джо. — Я уже совсем обалдел от него. Это одно большое притворство. Эта его говорильня о доме — сплошной вздор. Он жил там всего четыре или пять лет.

— А может, оставить его в одном месте и под разными предложениями приводить к нему людей? Сидел бы он никем не замеченный в кресле, а люди проходили бы мимо него. Можно еще забирать его на крупные собрания и съезды. Пусть немного придет в себя. Он бы привык.

— Дело получило бы огласку, — сказал Джо. — Нельзя, чтобы нас заметили. Мы не можем допустить огласки. Боже мой, да представляешь ли ты, что стало бы, перестань это быть тайной? Он, конечно, этим хвалится. В том притоне, куда он зашел после полудня, он им наверняка все рассказал. А они не обратили на него внимания. Юрист решил, что он сумасшедший. Эрни мог бы залезть на крышу и с высоты кричать это всему миру, и все равно ему бы не поверили. Но если бы информация шла из Вашингтона...

— Знаю, — сказал Чарли. — Знаю.

— Мы делаем это, — сказал Джо, — единственным возможным способом. Мы «обрекаем» людей на отсутствие болезней так же, как они на эти болезни обречены. И делаем это там, где это нужно больше всего.

— У меня какое-то странное чувство, Джо.

— Какое чувство?

— Может, мы все-таки совершаем ошибку? Иногда мне кажется, будто что-то здесь не так.

— Ты имеешь в виду это хождение наугад? Делание чего-то без знания, в чем оно заключается? Без понимания?

— Может, так оно и есть, не знаю. Я уже ничего не понимаю. Но мы все же помогаем людям.

— Себе тоже. Мы в таком тесном контакте с этим типом, что должны жить вечно.

— Ну да, — сказал Чарли.

Какое-то время они сидели молча. Наконец Чарли спросил:

— Ты случайно не знаешь, Джо, когда кончится вся эта затея? Эта последняя тянется уже месяц. Самая длинная из всех. Если я вскоре не вернусь домой, меня родные дети не узнают.

— Знаю, — сказал Джо. — Такому человеку, как ты, отцу семейства, наверняка тяжело. А мне все равно. Элу, наверное, тоже. Не

знаю, как с Джеком. Это человек, который никогда ничего не говорит. Во всяком случае о себе.

— Кажется, где-то у него есть семья. Я не знаю ничего, кроме того, что она где-то существует.

— Послушай, Джо, а не выпить ли нам чего-нибудь? В сумке у меня есть бутылка. Я могу за ней сходить.

— Выпить... — сказал Джо. — Это неплохая мысль.

Зазвонил телефон, и Чарли, уже направившийся к двери, остановился на полпути и вернулся.

— Это, может быть, меня, — сказал он. — Недавно я звонил домой и не застал Мирт, а потому попросил маленького Чарли передать ей, чтобы она позвонила. Наверное, это она.

Джо поднял трубку, послушал и покачал головой.

— Это не Мирт, это Рози.

Чарли направился к выходу.

— Минуточку, Чарли, — сказал Джо, не кладя трубки. — Рози, — сказал он своему собеседнику, — ты уверен?

Он слушал еще какое-то время, потом сказал:

— Спасибо, Рози. Большое спасибо. Ты дьявольски рисковал, звоня сюда.

Он положил трубку и сел, уставившись в стену.

— Что случилось, Джо? Чего хотел Рози?

— Он позвонил, чтобы нас предупредить. Где-то допущена ошибка. Не знаю, в чем она состоит и откуда взялась. Все оказалось колоссальной ошибкой.

— Что мы сделали неправильно?

— Это не мы. Это Вашингтон.

— Все дело в Эрни? В его правах или что-то вроде, да?

— Нет, дело не в его правах. Чарли, он не лечит людей. Он их убивает. Он разносчик.

— Но мы же об этом знаем. Другие люди разносят болезни, а он...

— Он тоже разносит болезнь. Только не известно какую.

— Но там, где он когда-то жил, все перестали болеть. Везде, где бы он ни появлялся, он излечивал людей. Благодаря этому его и нашли. Известно было, что это должно быть что-то или кто-то. Поиски велись до тех пор, пока...

— Чарли, да замолчи же ты, наконец! Сейчас я тебе расскажу. Там, где он когда-то жил, люди теперь мрут, как мухи. Это началось несколько дней назад, и люди все еще умирают. Совершенно здоровые люди. Ничего у них не болит, и все же они умирают. Все.

— О, боже, Джо, этого не может быть! Это какая-то ошибка!

— Нет никакой ошибки. Умирают теперь те самые люди, которых он когда-то вылечил.

— Но это же нонсенс.

— Роза предполагает, что это может быть какой-то новый вид вируса. Он убивает все остальные вирусы и бактерии, которые вызывают у людей болезни. Нет конкуренции, понимаешь? Это «что-то» уничтожает конкурентов, чтобы самому пировать на свободе. Потом оно укореняется и начинает развиваться. Все это время тело в полном порядке, ибо оно ему не очень вредит, но приходит такой момент...

— Это только домыслы Розы.

— Разумеется, это только домыслы. Но то, что он говорит, имеет смысл.

— Если это правда, — сказал Чарли, — то подумай о людях, о тех миллионах людей...

— Об этом я и думаю, — сказал Джо. — Роза очень рисковал, звоня нам. Ему будет очень плохо, если об этом звонке узнают.

— Узнают. Разговор записан.

— Может, они не определяют, что это был он. Он звонил из телефона-автомата, где-то на Мэриленде. Роза увяз в этом деле по шею, так же как и мы. Он провел с Эрни столько же времени, сколько и мы, и знает столько же, а может, и больше.

— Он думает, что, находясь столько времени с Эрни, мы тоже стали разносчиками?

— Нет, кажется, дело не в этом. Но мы много знаем. Мы могли бы начать говорить. А никому об этом знать нельзя. Представляешь, что бы началось, какая была бы общественная реакция...

— Джо, сколько, ты говоришь, времени Эрни жил там?

— Четыре или пять лет.

— Значит, это время, которое нам осталось. Мне, тебе и всем остальным. Может, четыре года, а может, и меньше.

— Верно. Но если нас схватят, то мы проведем эти годы в таком месте, где у нас не будет никаких шансов с кем-нибудь говорить. Кто-то уже наверняка едет за нами. У них же есть маршрут нашего путешествия.

— Значит, нужно что-то быстро решать, Джо. Я знаю одно такое место на севере. Заберу туда семью. Никому не придет в голову искать меня там.

— А если ты стал разносчиком?

— Если я разносчик, то моя семья уже заражена, а если нет, то я хочу провести эти годы...

— А другие люди?

— Там, куда я собираюсь, людей нет. Мы будем там одни.

— Держи, — сказал Джо. Он вынул из кармана ключи от машины и бросил их Чарли через комнату.

— А что будет с тобой, Джо?

— Я должен предупредить остальных. Да, Чарли...

— Ну?

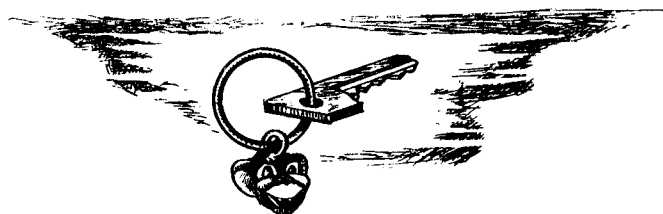
— До утра сделай что-нибудь с этой машиной. Тебя будут искать, и когда не найдут тебя здесь, то начнут наблюдать за домом и семьей. Будь осторожен.

— Хорошо. А ты, Джо?

— Обо мне не беспокойся. Я только предупрежу остальных.

— А Эрни? Мы не можем позволить ему...

— Об Эрни я тоже позабочусь, — сказал Джо.

Лестер Дель Рей

ПРЕДАННЫЙ, КАК СОБАКА

Сегодня в могущественнейшем городе умирает последний представитель рода людского. А мы, созданные Человеком, остаемся одни в зеленом и прекрасном мире, чтобы оплакивать и чтить память Людей — правда, которые умели властвовать всеми и всем, кроме самих себя.

Я уже стар для нашего вида, но в моих жилах течет молодая кровь и я могу прожить еще долгие годы, если то, что сказал последний из Людей — правда. И этим я тоже обязан Человеку, подобно тому, как мы и Человекоподобные Обезьяны обязаны ему последней ступенью нашего развития. Мы, Человекоподобные Собаки, народ уже старый и давно связаны с Человеком. И все же, если бы не Роджер Стерн, может, и сегодня были бы на Луну и вычесывали блох или лежали бы в руинах империи Человека, с тупым удивлением глядя на конец рода людского.

Есть древние свидетельства о собаках, которые могли нечетко произнести несколько слов, но лишь Хангор, любимец Роджера Стерна,

сделал овладение человеческой речью целью и делом своей жизни. Операция горла и морды, облегчившая ему эту задачу, была относительно проста. Труднее оказалось найти других «говорящих» собак.

Однако Роджер нашел кроме Хангора еще пятерых, и так все началось. Определенный отбор и скрещивание, операции и обучение, пересадки желез и радиационные мутации — эти методы обеспечили постоянный прогресс. Поначалу проблемой было отсутствие денег, но вскоре его подопечные привлекли всеобщее внимание и стали высоко цениться.

За свою жизнь он превратил начальную шестерку в тысячи особей и вывел двадцать поколений собак. Очередное поколение появлялось тогда каждые три года. Он видел, как его небольшая псарня во дворе разрастается в крупный институт с сотней учеников и последователей, и убедился, что мир с нетерпением ждет его успеха. И прежде всего за это короткое время он успел увидеть, как виляние хвостом сменяется речью.

Его деятельность продолжили другие. Через две тысячи лет мы заняли уже такое положение рядом с Человеком, что сам Роджер Стери не поверил бы этому. У нас были свои школы, дома, работа и собственное общество. И даже независимость, когда мы того хотели. Продолжительность нашей жизни выросла с четырнадцати до пятидесяти и более лет.

Человек тоже многого достиг. Он уже почти дотянулся до звезд. Пустынная Луна принадлежала ему уже много веков, его привлекали Марс и Венера, куда он добирался дважды, но пока не возвращался. Но и это было лишь вопросом времени. Можно сказать, что Человек почти овладел Вселенной.

Но не самим собой. Много раз в прошлом он сворачивал с пути прогресса на дорогу убийства своих братьев. И это повторилось — он вновь начал борьбу с самим собой. Города рассыпались в пыль, равнины на юге вновь превратились в пустыни. Чикаго накрыл саван зеленоватого тумана, который убивал медленно, так что Люди успели перед смертью бежать из города, предоставив его самому себе. Зеленоватый туман висел еще много дней, месяцев и лет — долго после того, как Человек исчез с поверхности Земли.

Я тоже участвовал в той войне, бомбардируя с самолета, построенного для нашей нации, города Империи Восходящего Солнца. Я сбрасывал маленькие атомные бомбы на дома, сельскохозяйственные хозяйства и все прочее, принадлежащее Человеку, сделавшему мою расу тем, чем она была. Но мои Люди велели мне сражаться.

Каким-то образом мне удалось уцелеть. Сразу после последней Великой Атаки, когда половина человечества была мертва, я собрал своих товарищей и мы отправились на север с горсткой наших Людей, искавших там укрытие от войны. Из сделанного руками Людей остались только три города — окутанные зеленым туманом и непригодные

для жизни. Люди собирались вокруг костров, прятались по лесам, охотились небольшими стаями. А ведь прошел всего год с начала войны.

Какое-то время Люди и мы жили в согласии, планируя отстроить то, что осталось, когда война кончится. Но потом пришла Болезнь. Полученная сыворотка оказалась непригодной, и Болезнь становилась все страшнее. Она разливалась по суше и морю, хватая своими когтями Человека, вызвавшего ее к жизни, и убивая его. Подобно большой дозе стрихнина она несла смерть в судорогах и рвоте.

Люди ненадолго объединились против эпидемии, но не смогли с нею справиться. Она все расширялась и добралась даже до нашего небольшого поселка на севере. С грустью смотрел я, как она атакует и сводит в могилу окружавших меня Людей. А потом мы, Человекоподобные Собаки, остались одни среди руин мира, из которого исчез Человек. Целыми неделями передавали мы сигналы по радио, которое научились обслуживать, но ответа не было, и мы поняли, что Люди вымерли.

Мы были бессильны. Как в былые времена, нам приходилось шарить повсюду в поисках пропитания; кроме того, мы возделывали поля, насколько позволяли наши слегка модифицированные передние лапы. Но бесплодная земля севера не подходила для нас.

Я собрал наши разрозненные племена, и начался долгий поход на юг. Мы шли от одного времени года до другого, останавливаясь весной, чтобы засеять поля, и охотясь осенью. Когда сани рассыпались от старости и починить их не удалось, мы стали двигаться вперед еще медленнее. Иногда мы натыкались на меньшие группы наших. Большинство вновь одичало, и этих мы присоединяли к себе силой. Шаг за шагом, становясь все сильнее, шли мы на юг. Мы искали Людей; пятьдесят тысяч лет собаки жили с Людьми и для Людей, и мы не знали другой жизни.

Посреди пустыни — когда-то там был штат Вашингтон — мы встретили группу наших братьев, которые не вернулись к закону клыков и когтей. У них были лошади и простая упряжь, и даже машины, приспособленные для собак. Мы остались с ними, выбрали правительство и построили временный город.

Из-за отсутствия рук нам приходилось пользоваться малопригодными для этого лапами и зубами, но мы создали себе подобие безопасного пристанища и даже достали немного книг, чтобы учить по ним молодежь.

Однако потом в долину прибыл еще один клан, направлявшийся на запад, и сообщил нам, что вроде бы одно из наших племен осело на востоке, в огромном городе, полном больших домов и лежащем над озером. Я догадался, что речь идет о Чикаго. О зеленом тумане они ничего не слышали, знали только, что жизнь там возможна.

В ту ночь, сидя вокруг костра, мы пришли к выводу, что если город годится для жизни, то там есть и запроектированные для нас дома и

машины. А может, даже Люди, что дало бы нам шанс воспитать наших детей так, как положено. Много недель готовились мы к долгому переходу до Чикаго, погрузили наши запасы на примитивные возы, запрягли в них наших животных и начали путешествие на восток.

Уже приближалась зима, когда мы стали лагерем под городом, по-прежнему могучим и величественным. Хотя он простоял покинутым шестьдесят лет, не видно было следов разрушений; фонтаны в западном районе продолжали действовать, питаемые автоматически насосами.

Мы подкрались к жившим там в темноте и тишине. Они жили на большой площади, покрытой нечистотами, и мы заметили, что от цивилизации у них не осталось даже огня. Схватка была кровавой, яростной и беспощадной. Впрочем, они уже обленились в безопасных стенах человеческого города, да и клан был не так велик, как нам сказали. К утру остались только убитые и захваченные в плен, которых мы собирались потом обучить. Древний город был наш, зеленый туман наконец-то ушел после стольких лет.

Теперь у нас было множество всякого добра, фабрики продуктов, которые я умел обслуживать, машины, которые Человек приспособил к нашим потребностям, дома, в которых мы могли жить, энергия из атомного ядра, которую можно было освободить щелчком выключателя. Даже без рук мы могли жить здесь с удобствами и в безопасности многие века. Может, наконец теперь сбудется моя мечта о приспособлении наших лап к инструментам и работе Человека, даже если нигде не удастся найти Людей.

Мы почистили город и поселились в южном районе, предназначенном для нашего общества. С помощью нескольких старших коллег, отцы которых воспитывались в духе, установленном Человеком, я ввел новые порядки и запустил большие машины, дающие воду и свет. Мы вернулись к спокойной жизни.

И вдруг через несколько месяцев один из моих заместителей привел ко мне Пауля Кеньона. Человека, настоящего Человека после столь долгого перерыва! Он улыбнулся, а я жестом удалил своих товарищей из комнаты.

— Я заметил свет, — объяснил он, — и сначала подумал, что вернулись какие-то люди, хоть это и невозможно. Однако у цивилизации еще есть продолжатели, поэтому я попросил одного из вас отвести меня к вождям. Приветствую от имени того, что осталось от человечества.

— Приветствую, — выдал я. Это было как возвращение богов. Мне не хватало дыхания, на меня сошел великий покой и умиротворение. — Приветствую, и пусть тебя благословит наш Бог. Я уже потерял надежду увидеть когда-нибудь Человека.

Он покачал головой.

— Я последний человек, оставшийся в живых. Пятьдесят лет ис-

кал я людей, но напрасно. Вижу, вы неплохо справляетесь. Я бы хотел остаться с вами и помочь вам в работе... насколько хватит моих сил. Мне удалось пережить Болезнь, но иногда случаются рецидивы — в последнее время все чаще, — и тогда я лежу слабый и безвольный. Потому я к вам и пришел... Странно, — сказал вдруг он, — мне кажется, я тебя знаю. Хангор Беовульф XIV? Я Пауль Кеньон, может, помнишь? Нет? Ну что ж, это было давно, и ты был очень молод. Может, мой запах изменился из-за болезни. Но у тебя по-прежнему эта белая полоса под глазом, и я тебя помню.

Чего еще нужно было мне для полного счастья?

Так у нас появились руки, и они нам очень пригодились. Но прежде всего Кеньон был представителем рода человеческого и придавал цель нашим усилиям. Однако у него часто бывали приступы болезни, и тогда он лежал в судорогах, отнимавших у него силы на много дней. Мы научились ухаживать за ним и приходить на помощь, а также составлять ему компанию. Однажды он обратился ко мне с предложением.

— Хангор, — сказал он, — если бы тебе пообещали выполнить одно желание, чего бы ты пожелал?

— Возвращения Людей и старых добрых времен, когда мы работали вместе. Ты сам знаешь, как нужен нам Человск.

Он невесело улыбнулся.

— Теперь скорес вы нужны человеку. А если бы это оказалось невозможно, чего бы ты пожелал во вторую очередь?

— Рук, — сказал я. — Я мечтаю о них днем и ночью, но, навсрное, напрасно.

— Может, и нет, Хангор. Тебя никогда не удивляло, что ты живешь в два раза дольше других и по-прежнему полон сил? Ты не задумывался, почему я пережил Болезнь, хотя до сих пор испытываю ее последствия, и почему выгляжу тридцатилетним, хотя с начала войны прошло уже почти семьдесят лет?

— Иногда, — ответил я. — У меня нет времени задумываться, да если бы и было, единственный ответ, который я знаю, звучит: Человек!

— Очень хороший ответ, — сказал он. — Да, Хангор, человек — это правильный ответ. Именно потому я тебя помню. За три года до войны, будучи на пороге созревания, ты пришел ко мне в лабораторию. Теперь ты вспомнил?

— Эксперимент, — сказал я. — Поэтому ты меня запомнил?

— Да, эксперимент. Я оперировал тебе железы и привил некоторые ткани, так же как и себе. Меня интересовала тайна бессмертия. Хотя тогда я не заметил никакой реакции, эксперимент удался, и я не знаю, сколько мы еще проживем... точнее, ты проживешь. Мне это помогло победить Болезнь, но не до конца.

Так вот каков был ответ. Он долго смотрел на меня.

— Сам того не зная, я спас тебя, чтобы ты вместо человека принял будущее в свои руки. Да, мы говорили о руках... Как ты знаешь, к востоку от Америки лежит большой континент, называемый Африкой. Но известно ли тебе, что мы работали там с обезьянами, как здесь с вами? Мы поздно начали там и не успели добиться таких успехов, как с вами, однако они научились говорить простым языком и делать несложную работу. Мы изменили их ладони так, чтобы большой палец противостоял остальным, как у нас. Там ты и найдешь свои руки, Хангор.

Мы начали разрабатывать детальный план. В ангарах города стояли самолеты, когда-то предназначавшиеся для нашего вида; до сих пор не было причин пользоваться ими. Оказалось, что они в хорошем состоянии, а когда я поднялся на одном из них в воздух, ко мне вернулись прежние навыки пилота. Топлива хватило бы на десятикратный облет Земли, в случае необходимости можно было использовать крупные запасные емкости в озере.

Мы вместе сняли с самолетов все военное оборудование, хотя Пауль Кеньон большую часть работы делал в перерывах между приступами Болезни. Из шестисот машин только две оказались непригодными, остальные без труда могли перевезти тысячи две пассажиров, не считая пилотов. На случай, если бы обезьяны успели снова одичать, мы захватили контейнеры с усыпляющим газом, чтобы обездвижить их и привязать к сиденьям на время полета. По соседству с собой мы приготовили жилища достаточно солидные, чтобы держать их там силой, но спроектированные с мыслью об удобствах жильцов, если они будут настроены миролюбиво.

Сначала я планировал сам возглавить экспедицию, но Пауль Кеньон убедил меня, что обезьяны приветливей встретят его, нежели меня. Он сказал:

— В конце концов люди заботились о них и они могут еще немного помнить нас. Зато вас они знают только как диких собак, своих врагов. Я пойду в джунгли, конечно, под защитой твоих товарищей, и попытаюсь установить контакт с их предводителями. Иначе может начаться битва.

Каждый день я брал в самолет несколько молодых коллег и учил их пользоваться навигационными приборами. Потом они в свою очередь инструктировали других. Эта задача отняла у нас много месяцев, но мои товарищи понимали необходимость рук не хуже меня. Каждая попытка, дававшая хотя бы тень надежды, заслуживала реализации.

Экспедиция отправилась поздней весной. Я следил за ее ходом с помощью телевидения, хотя с трудом мог настроить приемник. С той стороны передавал, конечно, Кеньон, когда чувствовал себя достаточно хорошо.

Над Атлантическим океаном они попали в шторм и потеряли три самолета, но остальные под руководством моего заместителя и Кеньо-

на вышли из него невредимыми. Приземлились они в районе руин Кейптауна, однако не нашли никаких следов Человекоподобных Обезьян. Потянулись недели поисков в джунглях и на равнине. Они видели обезьян, но, поймав, убеждались, что это примитивные создания со степенью развития, определенной им природой.

Наконец случай помог завершить миссию успехом. На ночь был разбит лагерь и разожжены костры для защиты от диких зверей, которых вокруг было множество. Кеньон наслаждался одной из немногих минут хорошего самочувствия; в палатке на краю лагеря он развернул телепередатчик и передавал отчет о событиях прошедшего дня. И тут над его головой появилось волосатое, с грубыми чертами лицо.

Он заметил тень, потому что сделал движение, словно хотел резко повернуться, но тут же опомнился и медленно оглянулся. Перед ним стояла обезьяна. Кеньон стоял спокойно и смотрел на нее, не зная — дикая она или нет и какие у нее намерения. Она тоже как будто колебалась, но потом шагнула к нему.

— Человек, Человек, — сказала она. — Вот вы и вернулись. Где вы были так долго? Я Толеми, увидел тебя и пришел.

— Толеми, — сказал с улыбкой Кеньон, — рад тебя видеть. Садись, поговорим. Толеми, ты уже не молод, может, твой отец и мать были воспитаны человеком?

— Мне лет восемьдесят, точно не знаю. Меня самого когда-то воспитывал Человек. А теперь я стар, и мои братья говорят, что скоро я буду слишком стар для вождя. Они не хотели меня сюда пускать, но я знаю Людей. Они были добры ко мне, давали мне кофе и сигареты.

— У меня тоже есть кофе и сигареты, Толеми. — Кеньон улыбнулся. — Сейчас я тебя угощу. А как твои братья? Не тяжело вам жить в джунглях? Не хотели бы вы поехать отсюда со мной?

— Да, нам тяжело. Я хотел бы поехать с тобой. Много вас?

— Нет, Толеми. — Кеньон поставил кофе перед обезьяной, которая с жадностью его выпила, после чего осторожно прикурила сигарету от огня. — Нет, но я взял сюда с собой друзей. Приводи своих братьев, и все мы познакомимся. Много вас осталось?

— Много. Десять раз по десять десятков... почти тысяча. Только мы уцелели после великой войны. Люди освободили нас, я вывел своих братьев из города, и мы пошли в джунгли. Сначала мы хотели жить небольшими племенами, но я не допустил этого, и теперь мы в опасности. Но с кормежкой плохо.

— В нашем городе много продуктов, Толеми, и есть друзья, которые помогут вам, если вы будете работать. Помнишь Человекоподобных Собак, правда? Хотели бы вы работать с ними, как прежде с людьми, при условии, что они будут к вам хорошо относиться, кормить и учить?

— Собаки? Я помню собак, похожих на Человска. Они были хорошие. Но здесь собаки плохие. Я даже почуял запах собак. Он был не

таким, который я знаю, и я не поверил своему носу. Я могу работать с этими собаками, но моим братьям потребуется время, чтобы привыкнуть.

Следующие телепередачи свидетельствовали о быстром прогрессе. Я видел, как обезьяны по двое, по трое приходят познакомиться с Паулем Кеньоном, который давал им еду и представлял им моих товарищей. Это шло медленно, но по мере того, как одни избавлялись от страха перед ними, других было легче убедить. Только несколько ушли и больше не вернулись.

Сигареты, которые Человек так любил и которых мы никогда не касались, оказали огромную помощь, ибо обезьяны учились курить с большим рвением.

Прошли месяцы, а когда экспедиция вернулась, она привезла более девятисот Человекообразных Обезьян, которых Пауль и Толеми сразу начали обучать. Прежде всего мы подвергли Толеми всестороннему врачебному осмотру и обнаружили, что он находится в добром здравии, а его жизненные силы чересчур велики для его возраста. Человек продлял жизнь его вида, так же как нашего, и явно добился полного успеха.

Теперь они с нами более трех лет и за это время научились пользоваться руками. Поверху вновь проносятся один за другим вагоны монорельса, фабрики снова нормально работают. Обезьяны быстро учатся, и они любопытны, что заставляет их стремиться к знаниям. Они хорошо чувствуют себя здесь и отлично размножаются, так что теперь мы можем не опасаться отсутствия рук. Может, в будущем с их помощью нам удастся еще более модифицировать передние лапы и ходить на двух ногах, как ходили Люди.

Я опять вернулся к ложу Пауля Кеньона. Теперь мы часто бываем вместе — тут нужно упомянуть и верного Толеми, — много разговариваем и очень подружились. Сегодня я представил ему один план: план физического и психического превращения обезьян в Людей. Природа когда-то уже сделала это с примитивным обезьяночеловеком, почему бы нам не повторить этого с Человекообразными Обезьянами? Земля снова заселится, наука вновь откроет звезды, а Человек получит приемного ребенка по своему образу и подобию.

Мы, собаки, сопровождали Человека пятьдесят тысяч лет. Это слишком много, чтобы что-то менять. Из всех земных созданий только собаки были ему так верны и преданны. Больше мы не можем руководить, ни одна собака не может стать до конца собой без Человека. Человекообразные Обезьяны заменят нам Людей.

Это приятная мечта, и ее наверняка можно реализовать.

Кеньон улыбался, когда я говорил ему об этом, и шутливо предостерегал меня, чтобы они не слишком уподоблялись Людям, иначе создадут для себя новую Болезнь. Что ж, от этого мы можем их обезопасить. Думаю, он тоже мечтал о возрождении Человека, потому что на глазах у него выступили слезы, а мои слова обрадовали его.

Его уже немного радует, он один среди нас, мучимый болью, ожидающий медленной смерти, которая, как он знает, должна прийти. Старые недуги терзают его все сильнее, Болезнь все туже затягивает петлю на шее.

Единственное, что можно для него сделать, это давать ему болеутоляющее, хотя Толеми и я сумели недавно выделить из его крови болезнетворные микробы. Они похожи на вибрионы холеры. Это открытие продвинуло нас немного вперед. Предыдущая сыворотка против Болезни тоже дала нам кое-какие указания. Но наши вакцины только смягчают приступы, не излечивая причины.

Шансы невелики. Я не говорил ему о наших экспериментах, ибо лишь при большом везении мы добьемся успеха, прежде чем он умрет.

Человек умирает. Здесь, в нашей лаборатории. Толеми что-то тихо бормочет себе под нос, вероятно, молитву. Может, Бог, которого он научился почитать у Человека, окажется милосердным и даст нам победу.

Пауль Кеньон — это все, что осталось от старого мира, который мы с Толеми любили. Он лежит в больничной палате, мучаясь в агонии, и умирает. Иногда смотрит в окно на птиц, летящих к югу, смотрит так, словно знает, что никогда уже их не увидит. Прав ли он? Однажды до меня донесся его шепот:

— Кто может это знать...

Джудит Меррил

ЕСЛИ БЫ МАТЬ ЗНАЛА...

Маргарет провела рукой по второй половине постели, где должен лежать Хэнк, похлопала ладонью по пустой подушке и, уже совсем проснувшись, задумалась, почему эта старая привычка осталась до сих пор. Чтобы сохранить свое собственное тело, она попыталась свернуться клубком, как кот, но не смогла этого сделать, поэтому выбралась из кровати с приятным чувством своей увеличивающейся массы.

Она действовала с привычным автоматизмом. Проходя через небольшую кухню, нажала кнопку, чтобы началось приготовление завтрака — врач советовал есть на завтрак сколько сможет, — и оторвала от копировалки газету. Старательно сложила длинную ленту бумаги так, чтобы оставить на самом верху «Новости страны», и поставила на полочку в ванной, чтобы проглядеть, пока чистит зубы.

Никаких несчастных случаев, никаких попаданий. Во всяком случае таких, о которых сообщают официально. Ну-ну, Мэгги, нечего

волноваться. Никаких несчастных случаев, никаких попаданий. Честное слово газеты.

Три чистых удара гонга из кухни сообщили, что завтрак готов. Безуспешно пытаясь разбудить плохой утренний аппетит, она накрыла стол яркой салфеткой и поставила веселую, разноцветную посуду. Потом, когда делать стало нечего, пошла за почтой — чтобы дополнить удовольствие, она растягивала ожидание, — поскольку сегодня н а в е р н я к а будет письмо.

Было, и не одно. Два счета и несколько слов от взволнованной матери: «Дорогая! Почему ты не написала этого раньше? Конечно, я очень рада; знаю, что ужасно напоминать о таких вещах, но ты уверена, что врач не ошибся? Все эти годы Хэнк возился с ураном, торием или как там это называется; я знаю, что, по твоим словам, он проектировщик, а не технический работник и не имеет дела с тем, что может оказаться опасным, но ведь он занимался этим прежде, в Оак Ридж. Тебе не кажется... Конечно, я старая и глупая женщина, но не хотела бы тебя волновать. Ты знаешь об этом гораздо больше меня, и я уверена, что твой врач не ошибается. Он НАВЕРНЯКА знает...»

Маргарет скривилась над превосходным кофе и поймала себя на том, что открывает газету на медицинских новостях.

Перестань, Мэгги! Рентгенолог сказал, что в своей работе Хэнк не подвергался облучению. А та разбомбленная территория, через которую мы проезжали... Нет, нет. Да перестань же! Почитай лучше светскую хронику или кулинарные рецепты.

Известный генетик писал в медицинском разделе, что на основании исследований пятимесячного плода можно с полной уверенностью сказать, будет ли ребенок нормальным, или хотя бы определить, вызовет ли мутация какие-то отклонения. Во всяком случае худшие случаи можно предупредить. Разумеется, меньшие мутационные изменения, вроде искажения лица или неправильного строения мозга, обнаружить невозможно. В последнее время отмечались случаи нормальных плодов с атрофией конечностей, которые не развивались дальше седьмого или восьмого месяца. В заключение врач еще раз повторял, что худшие случаи можно предсказать и предупредить.

«Предсказать и предупредить». Мы предсказывали это: Хэнк и все они. Однако не предупредили. Мы могли не допустить этого в сорок шестом и седьмом, а теперь...

Маргарет решила не завтракать. Уже десять лет ей хватало по утрам одного кофе, хватит и сегодня. Она расправила массу складочек на платье, которое, по уверениям продавщицы, было удобнейшей одеждой на эти несколько последних месяцев. С чувством полного удовлетворения, забыв о письме и газете, она поняла вдруг, что конец близок. Уже скоро.

Ранним утром город всегда приводил ее в какое-то особенное возбуждение. Ночью прошел дождь, и тротуары, обычно покрытые пылью, блестели от влаги. Для женщины, воспитанной в городе и привыкшей к едкому дыму заводов, воздух был особенно свеж.

Она прошла шесть кварталов, отделявших ее от места работы, глядя по пути на гаснущие огни в дешевых ночных барах, стеклянные стены которых уже отражали солнечные лучи, и по-прежнему горящие лампы в мрачных помещениях табачных магазинов и прачечных.

Контора располагалась в новом правительственном здании. Стоя в ползущем вверх лифте, Мэгги, как обычно, почувствовала себя булкой в старомодной машинке для тостов. На тринадцатом этаже она освободилась от воздушно-пенного амортизатора и уселась за последний из длинного ряда одинаковых столов.

Пачка ожидающих ее бумаг росла с каждым утром. То были решающие месяцы, и все об этом знали. Войну можно было выиграть или проиграть с помощью этих расчетов или других. Отдел кадров перебросил Мэгги сюда после того, как работа в экспедиции стала для нее слишком тяжелой. Обслуживать компьютер было просто, а занятие это не менее увлекательно, чем предыдущее. В эти дни работа не кончалась, и требовался каждый, кто что-либо умел.

К тому же — она вспомнила свой визит к психоаналитику — я психически неуравновешенна. Интересно, какой невроз я могла бы заработать, сидя дома и читая эту бульварную газету...

Отгнав эту мысль, она с головой погрузилась в работу.

18 февраля

Хэнк, дорогой!

Всего пару слов и представь себе — из больницы. На работе у меня закружилась голова, и врач за меня испугался. Бог знает, что бы со мной творилось, лежи я неделями дома. Д-р Бойер, однако, думает, что это не продлится долго.

Слишком уж много везде газет. Все новые и новые детоубийства, и непохоже, чтобы суд кого-то приговорил. Во всем виноваты отцы. Хорошо, что тебя здесь нет, на случай...

Увы, дорогой, не очень-то веселая шутка, правда? Пиши как можно чаще, хорошо? У меня слишком много времени на раздумья, но вообще-то ничего страшного не произошло и нет причин беспокоиться.

Пиши чаще и помни, что я тебя люблю.

Мэгги.

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЛУЖЕБНАЯ ТЕЛЕГРАММА

21 февраля 1953

22:04 ЛК37Г

Отправитель: Лейт. Техн. Х. Марвелл

X47-016 В.Г.Н.Дж.

Адресат: Миссис Х. Марвелл

Родильный дом

Нью-Йорк

ПОЛУЧИЛ ТЕЛЕГРАММУ ОТ ВРАЧА ТОЧКА ПРИЕЗЖАЮ
ЧЕТЫРЕ НОЛЬ ДЕСЯТЬ ТОЧКА КРАТКОСРОЧНЫЙ ОТПУСК
ТОЧКА ТЫ СУМЕЛА МЭГГИ ТОЧКА ЦЕЛУЮ ХЭНК

25 февраля

Хэнк, дорогой!

Значит, ты тоже не видел ребенка? Казалось бы, в таком месте инкубаторы должны иметь визиры, чтоб хотя бы отцы могли сквозь них посмотреть, даже если бедные и ничего не знающие мамочки не могут. Мне говорят, что я не увижу ее еще неделю или даже больше. Мать, конечно, предупреждала меня, что если я не сбавлю оборотов, то, вероятно, буду рожать своих детей слишком рано. Почему она ВСЕГДА права?

Ты встретился с сиделкой, которую нам выделили? Надеюсь, ее допускают только к людям, уже имеющим детей, и не позволяют приближаться к будущим матерям. Вообще такая женщина, как она, не должна входить в родильное отделение. Она одержима мутацией и, похоже, ни о чем другом говорить не может. НАШ, слава Богу, в порядке, даже если все и происходило в дьявольской спешке.

Я очень устала. Меня предупреждали не подниматься слишком рано, но должна же я была написать тебе. Обнимаю тебя, любимый.

Мэгги.

29 февраля

Любимый!

Наконец мне удалось ее увидеть! Все, что говорят о новорожденных, о личиках, которые могут любить только матери — правда, но все на месте, любимый, глаза, уши, носы — нет, нос только один! — все на месте. Какие мы счастливики, Хэнк!

Наверное, я невыносимая пациентка. Сколько мне пришлось говорить этой бабе с лицом ведьмы, этой маньячке мутации, что я хочу увидеть ребенка! Наконец пришел врач и начал мне все объяснять, причем молот полную чепуху. Уверена, что большую часть из этого не понял бы никто, и уж тем более я. Единственно до меня дошло, что

ребенку уже НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО находиться в инкубаторе, однако они считают, что так будет «разумнее».

У меня была небольшая истерика по этому поводу. Думаю, что была более взволнованна, чем готова признать. Все кончилось одним из тех таинственных врачебных совещаний за дверями, и наконец Женщина в Белом сказала: «Ну, вообще-то мы могли бы... Может, так будет лучше».

Я кое-что слышала о том, каким образом здешние врачи и сестры убеждают себя в собственной непогрешимости и величии. Поверь, матерям здесь слова не дают.

Я пока еще очень слаба. Скоро напишу еще. Обнимаю,

Мэгги.

8 марта

Мой дорогой Хэнк!

Все-таки сестра не права, впрочем, она все равно идиотка. Это девочка, что гораздо проще определить в случае детей, нежели кошек. Кроме того, Я ЗНАЮ. Как ты насчет Генриетты?

Я снова дома и на оборотах больших, чем бетатрон. В больнице все делали сами, и мне пришлось научиться ее купать и вообще справляться со всем. Она с каждым днем красивее. Когда ты сможешь получить отпуск — настоящий отпуск?

Целую,

Мэгги.

26 мая

Хэнк, любимый!

Ты должен ее увидеть — и конечно, увидишь. Посылаю тебе пленку цветного фильма. Моя мать прислала спальные мешочки с завязочками, я надела ей один, и теперь она похожа на белоснежный мешок из-под картофеля, на самом верху которого распустилась, как цветок, прелестная мордашка. Неужели это все пишу я? Неужели это я мать, не замечающая ничего, кроме своего ребенка? Но подожди, пока ее увидишь!

10 июля

...Можешь верить или нет, но твоя дочь может говорить, и это вовсе не детский лепет. Это заметила Элис, ну, ты помнишь, она работает в армии как медсестра-стоматолог. Услышав, как ребенок издает звуки, которые были для меня непонятным лепетом, она сказала, что малышка говорит целые предложения, только не может их четко произнести, поскольку еще не имеет зубов. Хочу сходить с ней к специалисту.

13 сентября

...У нас действительно чудесный ребенок! Сейчас, когда у нее есть все передние зубы, ее речь совершенно отчетлива, и она может петь! В смысле напеть мелодию. И это в семь месяцев! Любимый, мне не хватает только одного — чтобы ты приехал домой.

19 ноября

...наконец-то. Маленькая хулиганка все это время училась ползать. Врач говорит, что в подобных случаях развитие всегда неровное...

СПЕЦИАЛЬНАЯ СЛУЖЕБНАЯ ТЕЛЕГРАММА

1 декабря 1953

08:47 ЛК59Ф

Отправитель: Лейт. Техн. Х. Марвелл
Х47-016 В.Г.Н.Дж.

Адресат: Миссис Х. Марвелл
Апт К-17
504 Е. 19 Ст.
Н.Й.Н.Й.

НЕДЕЛЬНЫЙ ОТПУСК НАЧАЛО ЗАВТРА ТОЧКА ПРИЛЕТ
ДЕСЯТЬ НОЛЬ ПЯТЬ ТОЧКА ВСТРЕЧАТЬ НЕ НУЖНО ТОЧКА
ЦЕЛЮЮ ЦЕЛЮЮ ЦЕЛЮЮ ХЭНК

Маргарет дождалась, пока в ванне осталось всего несколько сантиметров воды, и только тогда перестала судорожно сжимать вывертывающегося ребенка.

— Я бы, пожалуй, предпочла, чтобы ты отставала в развитии, — сообщила она дочери. — Не можешь же ты ползать в ванне.

— А почему мне нельзя в большую ванну?

Маргарет уже привыкла к болтливости своего ребенка, но каждый раз это ее удивляло. Она завернула в полотенце розовое тельце и начала вытирать его.

— Потому что ты слишком маленькая и головка твоя слабая, а ванны очень твердые.

— Ага. А когда мне можно будет в ванну?

— Когда твоя головка снаружи разовьется так же хорошо, как и внутри, маленькая умница. — Она потянулась за чистым бельем. — Не могу понять, почему такой разумный ребенок, как ты, не может научиться лежать на пеленке, как другие дети. Их используют много лет, и, скажу тебе, они отлично сдают экзамен.

Девочка не ответила, она слышала это слишком часто. Она терпеливо ждала, пока ее уложат в детскую кроватку, чистую и сладко пахнущую. Потом одарила мать улыбкой, отчего та подумала о пер-

вом золотистом луче солнца, пронзающем рассветные сумерки. Она вспомнила реакцию Хэнка на цветные снимки их дочурки и вдруг поняла, что уже очень поздно.

— Спи, котик. Когда проснешься, твой папа будет здесь.

— А почему? — спросил четырехлетний разум, ведя заранее проигранное сражение, чтобы не дать заснуть десятимесячному телу.

Маргарет вошла в небольшую кухню и настроила таймер на жаркое. Окинула внимательным взглядом стол, потом вынула из шкафа одежду: новое платье, новые туфли, новую сорочку, все новое, купленное неделю назад и хранимое до дня прихода телеграммы от Хэнка. Вытащив газету из копировалки, она вошла в ванную и осторожно погрузилась в парящую воду, чтобы насладиться душистым купанием.

Довольно рассеянно она просматривала газету. По крайней мере сегодня не нужно читать сообщения по стране. Зато была статья, написанная генетиком, тем самым. Он утверждал, что мутации множатся несообразно вызывающим их событиям. Для вторичных мутаций было еще рано: даже первые мутанты, рожденные в 1946 и 1947 годах в районе Хиросимы и Нагасаки, были еще слишком молоды, чтобы размножаться. Но мой ребенок нормален. Разумеется, имелось некоторое слабое излучение от ядерных взрывов, вызывающее изменения, но мой ребенок нормален. Не по возрасту развит, но нормален. Если бы обратили больше внимания на первых японских мутантов, стало бы...

Весной 1947 года, когда Хэнк выезжал из Оак Ридж, была такая маленькая заметка в газете: «Всего два или три процента виновных в детоубийстве японцев арестованы и наказаны...» Но МОЙ РЕБЕНОК нормален.

Когда зазвонил звонок, она была одета и причесана, оставалось только осторожно провести по губам помадой. Она бегом бросилась к двери и, прежде чем звонок полностью умолк, впервые за восемнадцать месяцев услышала почти забытый звук открываемого замка.

— Хэнк!

— Мэгги!

А потом слова стали лишними. Столько дней и месяцев, в течение которых копились мелкие дела, столько всего, что она хотела ему рассказать. А теперь просто стояла, вглядываясь в мундир цвета хаки и бледное лицо вошедшего.

Постепенно, по памяти, воссоздавала она его черты. Тот же большой нос, широко расставленные глаза, великолепные кустистые брови, та же длинная челюсть, линия волос еще больше передвинулась со лба назад, те же губы.

А какой бледный... Впрочем, это понятно, ведь он все время был под землей. И какой-то странный из-за потери близости, более чужой, чем кто бы то ни было.

У нее было достаточно времени, чтобы подумать об этом, прежде чем он вытянул руку и коснулся ее, уничтожив пропасть восемнадцати месяцев. И вновь им нечего было себе сказать. Они были вместе, и пока этого хватало.

— Где ребенок?

— Спит, но скоро проснется.

Спешить было некуда. Их слова звучали банально, как в ежедневном разговоре, словно не было войны и разлуки. Маргарет подняла пальто, которое он бросил на стул у дверей, и старательно повесила в шкаф в прихожей. Затем пошла проверить жаркое, оставив мужа одного, чтобы походил по квартире, вспоминая. Когда вернулась, он стоял у детской кроватки.

Лица его она не видела, да это и не требовалось.

— Думаю, что один раз мы можем ее разбудить. — Маргарет убрала одеяло и подняла с постели белый сверток. Заспанные глаза с трудом открылись.

— Привет! — сказал на пробу Хэнк.

— Привет! — отозвался ребенок громко и уверенно.

Конечно, он уже знал об этом, но услышать самому совсем другое дело.

— Она правда умеет?.. — в восторге он повернулся к Маргарет.

— Конечно, любимый. Но самое важное, что она умеет делать разные милые вещи — порой даже глупые — совсем как другие дети. Смотри, как она ползает! — Маргарет положила ребенка на большую кровать.

Маленькая Генриетта лежала, подозрительно поглядывая на родителей.

— Ползать? — спросила она.

— Вот именно. Твой папочка только что приехал и хочет посмотреть, как ты справляешься.

— Тогда положи меня на животик.

— О, конечно же! — Маргарет послушно перевернула ребенка.

— Что такое? — Голос Хэнка по-прежнему звучал равнодушно, но какая-то нота в нем заставила атмосферу накалиться. — Я думал, что сначала учатся переворачиваться.

— ЭТОТ ребенок, — сказала Маргарет, не замечая напряженности, — этот ребенок делает что-то, если хочет этого.

Отец ЭТОГО ребенка с умилением следил, как головка двигалась вперед, а тело изгибалось дугой, совершая движения поперек кровати.

— Ну и ну, маленькая шельма! — засмеялся он, расслабившись. — Она похожа на тех, кто бежит в мешках. Уже вытащила ручки из рукавов. — Он взялся за узел внизу спального мешка.

— Я сама, дорогой. — Маргарет попыталась сделать это первой.

— Не глупи, Мэгги. Может, это ТВОЙ первый ребенок, но у меня было пять младших братьев. — Он улыбнулся ей и потянулся к вере-

вочке, которой был завязан рукав. Развязав узел, принялся на ощупь искать ручку.

— По способу ползать, — сурово сказал он ребенку, когда коснулся рукой подвижной выпуклости на плече, — можно подумать, что ты дождсвой червь, раз вместо рук и ног пользуешься животиком.

Маргарет стояла рядом, смотрела и улыбалась.

— Подожди, пока она начнет петь, дорогой!

Его правая ладонь перешла с плеча вниз, туда, где, он думал, должна быть ручка. Она передвигалась все дальше и дальше по сильным мышцам, которые сжимались, реагируя на прикосновение. Проведя пальцами обратно, он осторожно развязал узел внизу мешочка.

— Она умеет петь и... — говорила жена, стоя у кровати.

Он медленно вел левую ладонь по шерстяному спальному мешочку в направлении пеленки, плоско и ровно подложенной под попку ребенка. Никаких складок. Никаких выпуклостей. НИКАКИХ...

— Мэгги, — сказал он, пытаясь вытащить руки из складок чистой пеленки, освободиться от извивающегося тела. — Мэгги, — повторил он, чувствуя, что в горле пересохло. Слова давались ему с трудом, он говорил медленно, задумываясь над звучанием каждого. — Мэгги, почему ты... мне... ничего... не сказала?

— Не сказала? Чего, любимый? — Спокойствие Мэгги было проявлением извечной женской терпеливости в столкновении мужской и детской торопливостей. Ее смех прозвучал невероятно беззаботно и естественно. Теперь все выяснилось. — Она мокрая? Я и не знала.

Она не знала. Его ладони помимо воли бегали взад-вперед по мягкой коже ребенка, по извивающемуся телу без рук и ног. О, Боже... Он тряхнул головой, мышцы стиснул горький спазм истерии, пальцы сжали тельце ребенка. О, Боже, она не знала...

Брюс Лауэри

ОПУХОЛЬ

Отец был убит на канадско-американской войне, и я стал помогать матери, которая работала неполный день в городской публичной библиотеке. По вечерам, после работы, у нее была привычка часами болтать со мной. Обычно она сплетничала о людях, которых видела в библиотеке. Часто рассказывала о вновь приобретенном лекарстве и о том, как оно на нее действовало.

Все началось в том ужасном 2021 году. Более недели она была необычайно спокойна. Но лицо ее выдавало тревогу. Несколько раз она поднимала глаза от вязанья или чтения и долго сидела, странно уставившись куда-то перед собой. Я предполагал, что она, возможно, чувствует себя хуже обычного — ей ведь было почти шестьдесят. Но я знал, что она скажет мне обо всем, если в этом будет необходимость. Она любила уединение и придавала ему большое значение, и, несмотря на мое любопытство, я предпочитал с уважением относиться к ее молчанию.

И вот однажды вечером, долго и взволнованно глядя мне в глаза, она, наконец, заговорила:

— Мне бы хотелось знать твое мнение кое о чем... это беспокоит меня.

Сколько я помню, мама всегда заботилась о своем здоровье, хотя и старалась избегать докторов. Очень часто родственники, соседи и даже я подшучивали над ее многочисленными бутылочками, пилюлями, порошками и всякими антисептическими средствами. Она, бывало, всегда с упреком отвечала, что никто не подозревает, как ее мучают болезни. Все эти предосторожности были, по ее мнению, необходимы.

— Примерно неделю назад, — продолжала она, — я заметила небольшое уплотнение на коже.

Я попросил показать его, но, как я и предполагал, она отказалась. Рожденная в 1962 году, мама оставалась целомудренным человеком викторианской эпохи. В свои двадцать семь лет я никогда не видел ее даже частично раздетой. Она не могла поступиться своей скромностью даже при докторях, несмотря на постоянный страх перед недугами.

Она также отказалась подробно рассказать об этом уплотнении — о величине и тому подобном. Чуть больше горошины, на левой стороне, ниже ребер.

— С чего это?

— Я не знаю.

— Ты была у доктора?

— Нет, — произнесла она как-то с заминкой. — Я боюсь. Да к тому же, ты знаешь, я не доверяю докторам.

— Ну, будет тебе. Ты всегда о чем-то тревожишься. — Я улыбнулся, чтобы успокоить ее. Меня больше волновало ее душевное состояние, нежели опухоль, которая, как я думал, была не столь значительна. — И из-за этого ты переживала всю неделю? Не стоит об этом говорить, все пройдет.

Было совершенно очевидно, что с каждым днем мама все больше беспокоится.

— Что же делать? Она растет! За два дня она увеличилась до размеров большого шарика!

Я попросил показать ее мне, но она вновь отказалась.

— Мне больно, когда я прикасаюсь к ней, — призналась она, осторожно трогая это место кончиками пальцев. — Надо бы показать кому-то. Но мне так неловко...

— Чепуха. Пора сходить к доктору.

— А что если он сделает только хуже? — хныкала она. — Или неверно поставит диагноз?

Тогда у нас в городе было только три доктора. Я успокоил маму, сказав, что один из них, без сомнения, поможет ей. Однако ни один из них не оправдал наших надежд — и не по их вине, как я узнал позд-

нее. Каждый утверждал, что никогда не видел ничего подобного. Два доктора прописали болеутоляющую мазь. Третий совсем отказался лечить нарастающую опухоль и порекомендовал обратиться к специалисту по кожным заболеваниям в Чикаго.

Встревоженный, я решил, что эта поездка необходима. Мама стала возражать, сказав, что мы не в состоянии позволить такие расходы. Я ответил, что мои сбережения банковского служащего были отложены на случай крайней необходимости и ими можно воспользоваться.

Между тем мы потеряли много времени, почти две недели. Опухоль была уже более пяти дюймов в диаметре и выступала из-под блузки дюйма на три.

Объяснив в банке исключительность ситуации, я получил разрешение на отпуск. По просьбе мамы я не стал вдаваться в подробности.

Пока мы были на пути к Чикаго, мама все время жаловалась.

— Боль уже не отпускает. У меня неприятное ощущение тянущей, сосущей боли в боку.

Первую ночь в Чикаго мы провели в отеле. Я слышал, как она металась в постели. Дважды я просыпался от ее коротких вскриков и тяжелого дыхания.

— Я стараюсь не ложиться на этот бок, — объяснила она. — Но иногда во сне я случайно оказываюсь на нем. И тогда боли становятся мучительными — они идут от опухоли в различных направлениях.

Ее положили на обследование в одну из лучших частных клиник Чикаго. С самого начала лечение грозило стать длительным и дорогостоящим. К счастью, владелец клиники, образованный человек иностранного происхождения, предложил лечить на благотворительные средства. Я был им крайне удивлен. Но все разъяснилось, когда он сказал, что случай этот уникальный и представляет для него особый научный интерес.

Мне повезло, и я нашел комнату в пансионе, расположенном за углом клиники. По просьбе мамы мне вскоре разрешили навещать ее в любое время, когда захочется, даже ночью. Такая свобода действий насторожила меня как недобрый знак. Я приходил к ней как можно чаще.

Я не мог получить от докторов никакой информации. Казалось, они сердились и раздражались, когда слышали мои вопросы, и под разными предлогами от меня отделивались. Я часто наблюдал, как они входили в комнату и выходили с недоуменными и озадаченными лицами.

— Это очень серьезно, — уклончиво и торопливо отвечали они, — однако скоро мы удалим опухоль и ваша мать поправится.

— Но когда? — задавал я вопрос.

Они только отвечали, что еще не закончены необходимые обследования и анализы.

Были сделаны многочисленные рентгеновские снимки. Мне уда-

лось раздобыть кое-какие сведения относительно них, хотя мне никогда не давали возможности взглянуть самому. Кажется, в одной части опухоли был обнаружен ряд небольших каменистых образований, расположенных неравномерными группами. Рентгеновские снимки также показали развитие двух органов непонятного происхождения. Один из них судорожно подергивался, а затем утихал. Я и сам несколько раз обращал внимание, как опухоль начинала дергаться под покрывалом. Другой орган оставался неподвижным, но постоянно увеличивался, принимая форму груши. Вот и все, что я знал. И не у кого было уточнить подробности.

Для исследований необходимо было взять пробу опухоли. Мне, конечно, не позволили при этом присутствовать. Я ожидал в соседней комнате. На душе у меня было тревожно. Вдруг я вскочил на ноги от пронзительного крика, за которым последовали громкие рыдания. Местного обезболивания, как я узнал, оказалось недостаточно. И они были вынуждены прибегнуть к общему наркозу, чтобы взять пробу.

Опухоль достигла размеров большой дыни. Она спускалась с левой стороны груди к тазовой кости. Она росла столь быстро, что я был просто потрясен. Чем больше она становилась, тем скорее она росла.

Любопытство взяло верх, и я попросил маму показать все мне. Казалось, я глубоко обидел ее. Она не ожидала от меня такого. Пристыженный, я решил, что никогда, ни при каких обстоятельствах не буду с ней об этом говорить.

Дни летели один за другим.

— Когда же они собираются оперировать? Когда? — отчаянно плакала мама. Я пытался выяснить что-нибудь у докторов. Они отвечали, что скоро назначат операцию, но не называли точной даты. Я часто останавливался у дверей лаборатории в надежде услышать хотя бы обрывки разговоров. Но тщетно. В конце концов мне повезло — я увидел главного врача одного в коридоре. Видимо, он был или раздражен, или очень смущен. Он прямо заявил, что не может раскрывать врачебные тайны. Тогда я запротестовал.

— Запомните, — сказал он, — мы делаем все, что в наших силах. И хотя вы ее сын, — добавил он, — будет лучше и для нее, и для вас задавать как можно меньше вопросов.

Теперь я был не на шутку встревожен и начал делать разного рода предположения. Тем не менее при маме я всегда старался казаться бодрым. Самое невыносимое было видеть тот вечный вопрос в глазах, слышать, как он срывается с губ: «За что? За что?» Еще хуже было, когда она просила оставить ее одну.

— Мне надо поспать... Мне бы не хотелось, чтобы ты видел меня такой.

По-видимому, в действительности ей хотелось, чтобы я остался и утешил ее. Напрасно я прилагал усилия отвлечь ее мысли от болезни.

— Я больше ни о чем не могу думать — все время чувствую боль,

постоянно думаю об этом! — жаловалась она, не в состоянии отвести глаз от поднимающейся под покрывалом огромной шишки.

— Но ведь это тебе не поможет, мама. Постарайся думать о чем-нибудь другом, приятном. Попробуй вспоминать прошлое.

— Пршлое? Странно, — с трудом улыбулась она. — Не так уж долго я здесь нахожусь и все-таки я почти забыла, что значит чувствовать себя хорошо. Теперь мне кажется, что мне всегда было плохо, как сейчас.

Она выгнулась на постели дугой, лицо ее исказилось от частых спазмов.

— Боль пронизывает меня насквозь — до кончиков пальцев на ногах. И потом эта невыносимая тянущая боль. Когда ты появился на свет, я думала, нет ничего хуже схваток. Но это продолжалось только около получаса, как раз когда мы добирались до госпиталя. Это было одно удовольствие по сравнению с этим...

Я содрогнулся.

— Мама, лучше бы ты не делала таких сравнений.

Вскоре опухоль покрыла всю сторону полностью и брюшную полость. Конечно, я сужу об этом по тому, как увеличивается этот огромный нарост под одеялом. Я предполагаю, что он был больше, чем я мог видеть. Сверху он достиг ключицы, а снизу захватывал ткани верхней части ноги. Иногда я видел, как он сам по себе начинал подергиваться и дрожать. Маме так часто вводили морфий и другие обезболивающие препараты, что она с трудом меня узнавала. Когда однажды я зашел ночью, чтобы проведать ее, то услышал стоны и рыдания еще в коридоре. Я тихонько открыл дверь, шепотом поговорил с ночной няней, дежурившей около постели, подождал немного, потом, наконец, ушел.

Однажды, входя в комнату, я столкнулся с главным врачом, выходящим из нее.

— Я скоро поправлюсь! — иступленно воскликнула она. Впервые за все это время я увидел ее счастливой и улыбающейся, несмотря на незатишающие боли. — Меня скоро будут оперировать! Я поправлюсь!

И опять тянулись дни. И опять не было никаких определенных планов относительно операции. Я стал требовать, чтобы назвали точную дату, но мне опять ответили, что следует многое принять во внимание, особенно если учитывать общее состояние пациента. Сможет ли она перенести такую операцию? Кроме того, они заявили, что необходимы дальнейшие обследования и анализы опухоли.

День за днем я видел, как угасает мамина надежда. А опухоль продолжала расти.

Желание увидеть ее своими глазами все больше и больше овладевало мной. Я испытывал отвращение к себе за такое любопытство. Я старался, как мог, изо всех сил, но мне не удалось избавиться от этого

желания. Я продолжал удивляться, почему это доктора посоветовали не задавать им вопросы.

— Что же со мной будет? — громко стонала мама, и голова ее металась на подушке. — Ты действительно считаешь, что я когда-нибудь поправлюсь?

Она искала моего взгляда, искала сочувствия. Она знала меня лучше, чем кто-либо другой, и я понимал, что мне будет стоять больших трудов скрыть то, что я думал в действительности.

— Конечно, ты поправишься. Я подслушал, как об этом говорили между собой доктора, — добавил я в надежде, что эта дополнительная деталь усилит убедительность моих слов. — Ну-ка взбодрись. Через несколько недель мы поедем домой, дорогая мама.

— О, как я надеюсь на это, — едва заметно улыбнулась она.

Однажды ночью я сидел у ее постели рядом с няней. Я дремал на своем стуле, как вдруг проснулся, будто от толчка, от резкого крика. Потом я услышал ее тяжелое дыхание. Впечатление было такое, что ее кто-то душит.

— Она растет! — пронзительно кричала мама. — Она становится все больше и больше!

Хотя ее длинная ночная рубашка была ей когда-то просторна и удобна, сейчас она так туго обтянула ее, что надо было немедленно распороть ее по швам. Меня попросили выйти.

Мама продолжала стонать и тихонько плакать, вскидывая голову с подушки. И этот невыносимый вопрос в глазах! Этот вопрос был направлен к невидимым силам сущего, которые должны были восстановить справедливость.

— Почему? За что? Не помню, чтобы я сделала что-нибудь плохое в своей жизни. Я не сделала ничего, чтобы заслужить такое!

Случайно я заметил, как рука ее неудержимо потянулась к разрастающейся опухоли. Некоторое время ее пальцы как бы изучали эту выпуклость. Потом она неожиданно тяжело вздохнула и отбросила руку в сторону.

— Я все еще надеюсь, что это сон, — в отчаянии заплакала она. — Потом я прикасаюсь к ней рукой, чтобы удостовериться. Но она никуда не пропадает, она здесь и становится все больше.

Мама умоляла докторов оперировать немедленно. Они уклончиво объясняли, что надо подождать приезда специалиста — он единственный мог сделать это. Тем не менее они постоянно подбадривали ее и уговаривали не терять надежды.

Начали приезжать доктора из Нью-Йорка, Европы — отовсюду. Главный врач приглашал их в комнату, просил меня выйти и показывал им опухоль. Мама беспомощно жаловалась, что ее «выставляют на посмешище». Но когда ей говорили, что это нужно для ее же пользы, ничего не оставалось, как подчиниться.

В конце концов я понял тщетность своих усилий увидеть опухоль

или что-то узнать о ней. Мама ничего не знала. И никто не мог сказать мне об этом. Однако я все-таки добыл кое-какие сведения.

Опухоль не поддавалась никакому диагностированию даже самых лучших специалистов в мире. Они подолгу консультировались друг с другом. Тем не менее, когда они входили в комнату или проходили через холл, я без труда мог понять по их недоуменным взглядам, что они не пришли к единому заключению. Почти две недели они изучали историю болезни, рассматривая все до мельчайших подробностей.

Они сверялись даже по малоизвестным научным трудам о редких опухолях в человеческом организме. С такой опухолью — насколько им было известно — не встречался еще никто в истории медицины. И, естественно, они колебались относительно операции.

Мне стало стыдно за свое любопытство; я был очень рад, что мама не может читать мои мысли. Я знал, что доктора часто совещались в лаборатории. Однажды, увидев, что в холле никого нет, я остановился и осторожно повернул дверную ручку. Когда дверь приоткрылась примерно на два дюйма, послышались голоса. Несколько бородатых, иностранного вида мужчин в старомодных пиджаках и так называемых галстуках сидели, с головой зарывшись в медицинские книги, микроскопы, предметные стекла и сложные таблицы.

Так как они говорили по-английски, из их разговора я мог понять, что в таблицах были указаны цвет, форма, степень плотности ткани и общее развитие опухоли. Но они еще не определили природу двух органов или хотя бы одного из них — каменистых образований, видимых на рентгеновских снимках. В качестве возможных объяснений опухоли они упоминали новый вид рака, выпадение радиоактивных осадков, космическое излучение, лунный вирус, — но все эти предположения были отклонены. Из подслушанного почти невозможно было сделать какие-либо выводы, и моя проклятая любознательность скорее была только еще больше возбуждена, нежели утолена.

— ...корни распространились и вширь, и вглубь, — услышал я голос главного врача. — Операция, без малейшего сомнения, могла бы только ускорить смерть. И мы должны, конечно, в первую очередь подумать о пациенте. Кроме того, ценные научные данные могли бы быть искажены или вовсе потеряны, если вмешаться в естественный процесс...

Я осторожно закрыл дверь, думая о том, что слово «естественный» выбрано не очень удачно. Теперь я определенно знал, о чем лишь догадывался — у них не было намерения оперировать, и спасти маму уже нельзя. Я принял эту новость спокойно, в самом деле, я уже ждал того дня, когда смерть избавит маму от этих жестоких страданий.

Мама постоянно плакала, все спрашивала, когда ее освободят от этого чудовища, когда же утихнет боль. Боль, должно быть, становилась все сильнее, так как дозы морфия постоянно увеличивались. Мамин аппетит достиг фантастических размеров.

Я мог наблюдать, как изменялись формы этого нароста под покрывалом. Он увеличивался очень быстро. Было видно невооруженным глазом, как опухоль растет от утра до вечера, а потом до следующего утра, когда я возвращался, чтобы побыть с ней. Над животом она поднималась на высоту более полутора футов. Постепенно она сужалась к концу, начинаясь где-то около воротника ее ночной сорочки и кончаясь на ногах. Она расплзалась теперь по всем конечностям, особенно по левой руке и ноге. Я знал, что завтра она переползет на шею и я впервые увижу ее.

Мама это понимала. Но никто из нас об этом не говорил. На следующий день я обнаружил, что между ее постелью и моим стулом поставлена перегородка. Я, конечно, запротестовал, но мама объяснила это по-своему.

— Пусть меня в таком состоянии видят только доктора и няни, но только не ты, мой мальчик. Я выгляжу совсем плохо. Мне нестерпима сама мысль, что ты увидишь меня в таком виде. О, Боже, чем я заслужила это наказание!

Действительно, жизнь, которую прожила моя мама, была достойна подражания, и можно было подумать, что Всевышнему не нравятся добродетельные люди.

Хотя мне совсем не хотелось обижать ее, я тем не менее рискнул возразить против перегородки. Она согласилась, и ее убрали. Но когда бы я ни входил в комнату, она с головой укрывалась одеялом. С тех пор я не видел ничего, кроме огромного нароста под одеялом и ее правой руки. Я брал ее за руку, но разговаривали мы очень мало. Она почти перестала говорить из-за неослабевающей боли и переизбытка морфия. Кроме того, она всегда плотно укутывалась одеялом, прежде чем мне разрешили войти в комнату.

Однажды утром в комнате было необычно тихо. Без ее нескончаемых стонов тишина казалась невыносимой. Я знал, что она уже не может больше говорить. Она только время от времени в отчаянии сжимала мою руку. Она пыталась оставить мне записку. Я предполагал, что ей хочется, чтобы ее немедленно оперировали. Я умолял хирургов, но тщетно.

— Не беспокойся, мама. Тебе сделают операцию, — успокаивал я ее. — Обязательно. Скоро ты вернешься на свою работу в библиотеку. Скоро увидишь всех своих старых друзей.

Казалось, эти слова успокаивали ее, и она уже с меньшим напряжением сжимала мою руку.

Так как кормить ее стало уже невозможно, я знал, что все это дело времени. Я боялся, что доктора могут прибегнуть к внутривенному кормлению, тем самым растянув ее мучения. Но они не стали этого делать. Очевидно, они не желали ничего делать, чтобы не вмешиваться в то, что они называли «естественным» ходом болезни.

Даже при таких обстоятельствах время тянулось немилосердно

долго. На следующий день около мамы дежурило уже две няни. Я предположил, что, видимо, следует ожидать скорого конца. Няня все время что-то писала и делала пометки на таблицах. Мама все так же закрывалась одеялом, когда я входил. Я был поражен тому, что у нее еще есть силы. Я был глубоко тронут этим упрямым желанием пощадить меня. Теперь я мог бы без труда приподнять одеяло и удовлетворить свое любопытство. Но я удержался от соблазна, уважая ее желание.

Потом я увидел, как этот огромный нарост начал сам по себе таинственным образом корчиться и извиваться. Больше я уже не мог держать маму за руку. Окольными путями я узнал, что вдобавок к учащенному сердцебиению они обнаружили еще один пульсирующий шум. Один из двух необъяснимых органов внутри опухоли начал биться сам по себе.

Через семь или восемь часов дыхание резко изменилось. Оно стало все более и более учащенным. Потом неожиданно прекратилось. Я оплакивал ее с облегчением и печалью одновременно: слава Богу, смерть избавила маму от мучений.

После непродолжительного покоя опухоль начала быстро дергаться. Вбежали доктора и возбужденно зашептались. Главный врач стоял некоторое время, наблюдая за этой содрогающейся в конвульсиях массой. Затем вдруг заставил меня выйти из комнаты.

Прежде чем я вышел, тишину нарушил громкий, чавкающий звук, медленный и затрудненный. Я хотел было вернуться, но главный врач рассердился и потребовал, чтобы я выполнил его приказание. Как он сказал, для моей же пользы.

Позднее он мне все объяснил. Осторожно подбирая слова, он стал рассказывать, что грушевидной формы орган непонятного происхождения в конце концов оказался чем-то вроде легкого. Таким образом он спас себя от гибели, когда дыхание прекратилось. Но долго так продолжаться не могло, заявил он. Как только иссякнет источник питания, он должен будет умереть.

Когда наступила ночь, я вернулся в клинику. Несмотря на плотно обитую дверь в комнату, я совершенно отчетливо слышал громкое чавканье дышащей опухоли. Вдох был продолжительным и мучительным, в то время как выдох — значительно более кратким и почти без усилий. Очевидно, чавканье было вызвано чем-то вязким, липким, мешающим беспрепятственному току воздуха.

Рано утром я зашел в клинику, чтобы узнать, как идут дела. Я увидел, как двое мужчин под руки уводят ночную няню. Проходя мимо, в шапочке, сбитой набок, она уставилась на меня бессмысленным взглядом и как-то усмехнулась. Позже стало известно, что утренняя няня, придя на дежурство, обнаружила, что ее напарница приподняла покрывало, прикрывавшее опухоль, посмотрела на это вздымающееся чудовище и стала кивать в такт громкому чавканию.

Теперь все ждали — то была агония. В конце концов эти звуки утихли. Тут же прибыл главный врач клиники, чтобы произвести вскрытие и собрать, таким образом, необходимый материал для отчета. Я как раз собирался спросить его, могу ли я, наконец, войти в комнату и увидеть останки. Но, когда я посмотрел на его лицо, бледное и расстроенное после вскрытия, я понял, что в этом мне будет отказано «ради моей же пользы».

Так, чтобы никто не мог увидеть опухоль, пренебрегли привычными процедурами и даже гробовщику не разрешили сопровождать пустой гроб в клинику. Останки были помещены в гроб. Я позаботился о том, чтобы его отправили домой на следующий день вместе со мной. Вероятнее всего, подумал я, мне уже никогда не придется увидеть опухоль.

Следует признаться, что я даже точно не знал, когда же моя мама умерла. Однако нужна была правильная дата, чтобы заказать надгробную плиту. Пришлось посоветоваться с главным врачом.

Мы оба колебались между тем днем, когда перестала дышать опухоль, и тем, когда она полностью закрыла маме нос, вызвав тем самым ее смерть. В конце концов мы остановились на последнем.

Я должен был провести еще одну ночь в Чикаго. Я не мог не заметить, в какую комнату поместили гроб. Поздно ночью, лежа не смыкая глаз, я думал о том, что никогда не узнаю точно, что же стало истинной причиной смерти моей матери. Я решил, что имею право все увидеть своими глазами.

Взяв фонарик, я проскользнул в коридор. Ночной персонал был малочисленным, поэтому я без труда добрался до нужной комнаты, не привлекая к себе внимания.

В комнате было темно, и все-таки я не осмелился воспользоваться ничем, кроме фонарика. Когда я приоткрыл крышку, жуткий запах разложения, ударивший в нос, был каким-то нечеловеческим. Он скорее напоминал грибы. У меня тут же появились головная боль и позывы к рвоте. Когда я стал дышать ртом, запах ослаб, но только частично. Пришлось закрывать рот носовым платком.

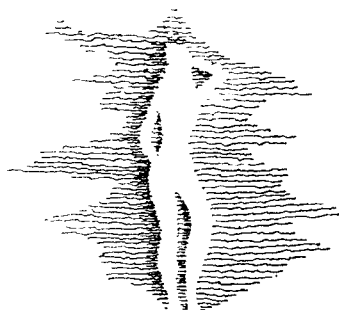
Непочтение, с которым я направил луч фонарика внутрь гроба, наполняет меня чувством отвращения к самому себе даже сегодня. Мне было стыдно, что я нарушаю последнюю мамину волю. Тем не менее даже это не остановило меня.

То, что я увидел внутри гроба, — это была большая бесформенная масса, завернутая в нечто напоминающее белый саван. Я начал удивляться, не ошибся ли я. Она, казалось, значительно сплюснулась по сравнению с тем, что я видел на постели под покрывалом. Я потянул за саван, но он прилип к чему-то вязкому, как к липкой ленте. Я

потянул сильнее, пока, наконец, мне не удалось отодрать его. Причем вся эта масса приподнялась слегка, а потом вновь опустилась, издав мягкий, тупой звук, будто упал кусок желатина.

Увидев все это, наконец, я понял, почему няня тронулась умом. Мне и самому пришлось отвернуться на некоторое время и направить взгляд на стену. Потом я снова посмотрел внутрь. Масса была абсолютно бесформенной.

Я удивлялся, куда же они положили маму. Я не мог найти никаких признаков головы, рук, ног или тела.

Лайонел Спрег де Камп

HYPERPILOSITIS

— Мы восхищаемся великими достижениями науки и искусства. Но если приглядеться к ним повнимательнее, окажется; что поражения могут быть гораздо интереснее.

Слова эти произнес Пэт Вейсс. Пиво у нас кончилось, и Карл Вандеркок вышел купить еще пару бутылок. Пэт, сгребя все жетоны, удобно откинулся на спинку стула, выпуская большие клубы дыма.

— Это значит, — предположил я, — что ты хочешь нам что-то рассказать. Хорошо, давай. Покер может подождать.

— Только не прерывайся на середине и не говори: «Это напомнило мне», и не начинай новой истории, которую снова прервешь для еще одной и так далее, — вставил Ганнибал Снайдер.

Пэт пронзил его взглядом.

— Слушай, ты, болван, последние три раза я не сделал ни одного отступления. Если ты думаешь, что можешь рассказывать лучше меня, пожалуйста. Вам что-нибудь говорит имя И. Роман Оливейра? —

спросил он, не давая Ганнибалу возможности принять вызов. — В последнее время Карл много рассказывал нам о своем изобретении, которое, несомненно, сделает его знаменитым, если он доведет его до конца. А Карл обычно заканчивает то, что начал. Мой друг Оливейра тоже закончил начатое и должен был заслужить славу, но не заслужил. С научной точки зрения он добился колоссального успеха и, конечно, заслужил признание, но по причине вполне человеческой успех обернулся поражением. Именно потому он руководит сейчас скромной школой в Техасе. Он продолжает заниматься наукой и публикует статьи в профессиональных журналах, но имелось все основания предполагать, что он поднимется гораздо выше. Совсем недавно я получил от него письмо — он стал счастливым дедом. Это напомнило мне, что мой дед...

— Эй! — громко запротестовал Ганнибал.

— Что? Ах, да! Прошу прощения. Больше не буду. С И. Романом Оливейрой, — продолжал он, — я познакомился еще будучи скромным студентом Медицинского центра, где он был профессором вирусологии. И. — это первая буква имени Хезус, которое пишется как Иисус и довольно обычно в Мексике. Но в Штатах все посмеивались над ним, поэтому он предпочитал пользоваться вторым именем — Роман. Вы, наверное, помните, что Великий Перелом — являющийся предметом этого рассказа — начался зимой 1971 года* с той страшной эпидемии гриппа. Оливейра им заболел. Я пошел к нему за темой для реферата; он сидел, опершись на груды подушек. На нем была самая отвратительная, какую только можно вообразить, розово-зеленая пижама. Жена читала ему по-испански.

— Слушай, Пэт, — приветствовал он меня, — я знаю, что ты хороший студент, но провались ты и вся группа на самое дно ада. Говори, чего тебе надо, а потом иди и дай мне спокойно умереть.

Он дал мне тему, и я собрался уходить, когда пришел его врач — старик Фогерти, читавший лекции по болезням пазух. Он уже давно бросил практику, но поскольку боялся лишиться хорошего вирусолога, решил заняться случаем Оливейры сам.

— Останься ненадолго, сынок, — задержал он меня, когда я шел к выходу следом за миссис Оливейра, — и попробуй чуток практической медицины. Я всегда считал, что мы должны вести занятия, на которых будущий врач может научиться поведению у постели больного. Смотри, как я это делаю. Я улыбаюсь Оливейре, но не строю из себя такого весельчака, что пациент предпочтет смерть моему обществу. Вот одна из ошибок, которые совершают некоторые молодые врачи. Заметь, я обращаюсь с ним довольно смело, а не так, словно жду, что пациент разлетится на кусочки от малейшего дуновения ветра... — ну, и тому подобное. Самое интересное началось, когда он приложил стетоскоп к груди Оливейры.

* Рассказ впервые опубликован в 1937 году. (Прим. пер.)

— Ничего не слышу, — фыркнул Фогерти. — Точнее, слышу шорох волос о мембрану. Пожалуй, придется их сбрить. Кстати, разве такой буйный волосяной покров не редкость для мексиканца?

— Вы совершенно правы, — подтвердил больной. — Как большинство жителей моей прекрасной страны, я индейского происхождения, а индейцы вышли из монголоидной расы, волосы у которой довольно редки. Все это выросло у меня на прошлой неделе.

— Очень странно, — сказал Фогерти.

— Еще как, доктор, — вставил я. — Я сам болел гриппом месяц назад, и со мной была та же история. Я всегда стыдился своего безволосого торса, а тут вдруг выросли такие заросли, что можно заплетать косички на груди. Тогда я не обратил на это особого внимания...

Не помню уже, о чем говорилось дальше, потому что все трое заговорили одновременно, но когда мы успокоились, то пришли к выводу, что нужно провести детальные исследования, и я обещал Фогерти явиться завтра к нему на детальный осмотр.

Сказано — сделано, но он не углядел во мне ничего особенного, за исключением буйного оволосения. И разумеется, взял пробы всего, чего только можно, для анализа. Я перестал носить белье, потому что оно меня щекотало, а кроме того, волосы так грели, что оно стало ненужно даже посреди нью-йоркской зимы.

Через неделю Оливейра вернулся на занятия и сказал мне, что Фогерти тоже подцепил грипп. Оливейра наблюдал за его грудной клеткой и заметил, что старичок тоже начал с небывалой быстротой обрастать волосами.

Вскоре после этого моя девушка — не нынешняя моя половина, мы тогда еще не были знакомы, — превозмогая стыд, спросила, отчего и она становится все более волосатой. Я знал, что бедняжку это здорово угнетает, ведь ее шансы на хорошего мужа уменьшались по мере того, как она обрастала шерстью подобно медведице или самке гориллы. Я не мог дать ей никакого объяснения, но утешил — если это можно назвать утешением, — сказав, что множество людей страдает от того же.

Потом мы узнали, что Фогерти умер. Милый был старичок, и мы его жалели, но он прожил интересную жизнь, и нельзя сказать, что ушел он в юном возрасте.

Оливейра вызвал меня в свой кабинет.

— Пэт, — сказал он, — прошлой осенью ты искал работу, верно? Мне нужен ассистент. Погляди, что такое с этими волосами. Тебя это интересует?

Интересовало.

Мы начали с просмотра клинических случаев. Все, кто недавно или сейчас болел гриппом, обросли буйной шерстью. А поскольку зима была суровой, похоже было, что рано или поздно заболеют все.

Именно тогда меня осенила великолепная мысль. Я разыскал все

косметические фирмы, производящие депиляторы, и вложил в них все свои сбережения. Со временем я пожалел об этом, но мы еще дойдем до этого.

Роман Оливейра был одержим работой, и во время бесконечных сессий, которые он мне навязывал, у меня не раз возникало желание взять ноги в руки. Но поскольку моя девушка так смущалась своего оволосения, что не хотела никуда выходить, времени у меня стало больше.

Мы без конца экспериментировали на морских свинках и крысах, но это ничего не давало. Оливейра достал несколько безволосых собак чихуахуа и опробовал на них разные мерзости, но безуспешно. Он даже выкопал откуда-то пару восточно-африканских песчаных крыс *Heterocephalus* — отвратительных лысых созданий, — но и это не помогло.

Наконец, делом занялись газеты. «Нью-Йорк таймс» поместила сначала небольшую заметку в середине номера. Спустя неделю она посвятила вопросу целую колонку на первой странице второй части, а потом сообщения начали появляться на первых страницах газет. Обычно было что-то вроде: «Доктор такой-то считает, что прокатившаяся по стране эпидемия *hyperpilositis*, или сверхволосатости (Красивое слово, верно? Жаль, что не помню фамилии врача, его придумавшего) вызвана тем, этим, пятым или десятым».

В феврале пришлось отменить наш ежегодный бал, поскольку почти никто из студентов не смог уговорить своих девушек прийти на него. По той же причине значительно снизилась посещаемость кино-театров. Всегда можно было получить хорошее место, даже около восьми. Однажды я прочел в газете забавное сообщение, что прекращены съемки фильма «Тарзан и люди-осьминоги», поскольку актеры действовали в нем в плавках и оказалось, что они вынуждены каждые несколько дней стричься и брить все тело, чтобы их не путали с гориллами.

Смешную картину представляли собой автобусы в часы пик. Большинство людей чесались где только можно, а те, что были для этого слишком хорошо воспитанны, беспокойно крутились с несчастными физиономиями.

Позднее я читал где-то, что количество желающих вступить в брак настолько уменьшилось, что три человека с успехом обслуживали весь Нью-Йорк вместе с Йонкерсом, который тогда присоединили к Бронксу.

С удовлетворением встретил я сообщение, что мои акции, размещенные в косметических фирмах, пошли вверх. Я пытался подбить на это моего соседа Берта Кафкета, но тот лишь загадочно улыбнулся и ответил, что у него другие планы. Берт был прирожденным пессимистом.

— Пэт, — сказал он, — может, вы с Оливейрой и разбогатеете на

этом, а может, и нет. Голову даю, что скорее второе. А если окажется, что я прав, то акции, которые я купил, будут идти вверх еще долго после того, как о ваших депиляторах и думать забудут.

Как вы знаете, людей очень волновала эпидемия. Но самое интересное началось, когда пришла жара. Прежде всего одна за другой разорились четыре крупные фирмы, производившие белье. Две были проданы, третья объявила себя банкротом, а четвертая удержалась на поверхности благодаря переходу на производство скатертей и американских флагов. На хлопковом рынке царил полный хаос, поскольку этот «грипп на рост волос» распространился уже по всему миру. Конгресс планировал пораньше закончить заседания, как обычно подстегиваемый консервативными газетами, но на этот раз в Вашингтон съехались хлопковые плантаторы, требующие от правительства «что-то предпринять», поэтому конгрессмены не осмелились разъехаться. Правительство охотно сделало бы это «что-то», но не знало, что.

Тем временем Оливейра при некотором моем участии день и ночь работал над поисками решения, но нам везло не больше, чем правительству.

В здании, где я жил, невозможно было слушать радио из-за помех, вызываемых электрическими машинками для стрижки, имевшимися во всех квартирах и то и дело пускавшимися в дело.

Но нет худа без добра: Берт Кафкет, к примеру, получил некоторую выгоду от развития ситуации. Его девушка, за которой он бегал несколько лет, хорошо получала как манекенщица в фешенебельном доме мод «Жозефина Лион» на Пятой авеню и водила Берта за нос. Но тут вдруг фирма «Лион» свернула все дела, поскольку никто не покупал никаких нарядов, и девушка мгновенно согласилась выйти за Берта замуж. К счастью, волосы не росли на лицах женщин, иначе Бог знает, что стало бы с человечеством. Мы сыграли с Бертом в орлянку, кто должен съехать, и я выиграл.

В конце концов Конгресс объявил награду в миллион долларов тому, кто найдет действенное лекарство против сверхволосатости, и на этом закончил работу, как обычно отложив ряд законов на потом.

В июне, когда стало действительно жарко, мужчины перестали носить рубашки — собственной шерсти хватало вполне. Полицейские так взбунтовались против мундиров, что им позволили ходить в голубых рубашках-поло и шортах. Но вскоре они стали подвертывать рубашки или вообще запихивать их в карманы, и все остальное мужское население Соединенных Штатов последовало их примеру. Заросшее волосами человечество не перестало потеть, и во время жаркого дня можно было упасть в обморок от жары, если на тебе была хотя бы самая легкая одежда. До сих пор помню, как я цеплялся за гидрант на углу Третьей авеню и Шестидесятой улицы, чтобы не потерять сознание, пот стекал у меня по ногам, вытекая через штанины, а здания

кружились перед глазами. Это меня научило уму-разуму, и я, как и все, начал ходить в шортах.

В июне Наташа, самка гориллы из зоопарка в Бронксе, сбежала из клетки и несколько часов разгуливала по парку, прежде чем на нее обратили внимание. Посетители зоопарка просто сочли ее невероятно уродливым представителем их собственного вида.

Если текстильный и одежный рынок здорово пошатнулись в результате эпидемии, производство шелка вообще перестало существовать. Чулки отошли в прошлое, как диковина, носимая предками, совсем как треуголки и парики. В результате экономика Японии, всегда несколько неуравновешенная, окончательно рухнула, что явилось причиной революции, отчего нынче Япония — советская социалистическая республика.

Ни у меня, ни у Оливейры не было в том году отпуска, поскольку мы, как безумные, работали над решением проблемы сверхволосатости. Роман обещал мне долю в премии, если он ее получит. Но в тот год мы ничего не добились. Когда начались занятия, пришлось снизить темп исследований, ведь я был на последнем курсе, а Оливейра читал лекции. Однако мы по-прежнему делали что могли.

В то время редакционные статьи в газетах давали немало поводов для смеха. «Чикаго трибюн» подозревала даже «красный заговор». Можете себе представить, что рисовали художники «Нью-Йоркера» и «Эсквайра».

Снижение цен на хлопок на этот раз действительно положило Юг на лопатки. Помню, как Конгресс обсуждал проект закона, обязывающего каждого гражданина старше пяти лет стричься по крайней мере раз в неделю. Разумеется, за этим стояла группа южан. Когда закон не прошел, в основном из-за аргумента, что он противоречит Конституции, эти крикуны выдвинули другой, навязывающий стрижку перед пересечением границы штата. Они утверждали, что человеческие волосы являются товаром, что иногда соответствует действительности, и переход из одного штата в другой в своих или чужих волосах является торговлей между штатами и подлежит контролю федерального правительства. Был момент, когда это почти прошло, но в конце концов южане удовлетворились другим законом, обязывающим стричься всех государственных служащих, а также курсантов военных и морских школ.

Обнищание Юга обострило извечные расовые противоречия и довело до восстания негров в Алабаме и Миссисипи, которое удалось подавить лишь после упорной борьбы. Согласно договору, которым закончилась эта малая гражданская война, негры получили Пэйл — что-то вроде резервации со значительной местной автономией. Они правят там хуже, чем уверяли, но лучше, чем предсказывали им белые южане. По-моему, этого и следовало ожидать. И не дай Бог бело-

му приезжему начать выкаблучиваться — получит за все! Они не дают ничего сказать.

Примерно в то же время — осенью 1971 года — текстильная и хлопковая промышленность развернули крупную рекламную кампанию, пропагандирующую стрижку. Распространились лозунги типа: «Не будь волосатой обезьяной!» и изображения двух пловцов, один из которых зарос, а другой нет, и красивая девушка с отвращением отворачивается от заросшего и бросается к стриженному.

Неизвестно, какие выгоды дала бы им эта кампания, если бы они не перегнули палку, рекламируя рубашки не только для вечера, но и для всего дня. Никогда не думал, что веками терпевшие люди наконец взбунтуются против тирании моды, но так оно и вышло. Настоящим переломным моментом оказалась присяга президента Пассаванта. Январь в том году был исключительно теплый, и президент, вице-президент, а также все члены Верховного суда появились голыми до пояса и весьма скупо одетыми ниже.

Мы стали народом ярых девяностопроцентных нудистов, впрочем, как и все остальные рано или поздно. От стопроцентного нудизма удерживало то, что в отличие от кенгуру у человека нет никаких естественных карманов. Так что мы пошли на компромисс между оволосением, потребностью в кармане для хранения ручек, денег и так далее и традиционно понимаемой скромностью, приспособив к нашим потребностям что-то вроде современной версии споррана — сумки, носимой шотландцами на юбке.

Зимой грипп вновь набрал силу, и все избежавшие его в прошлом году заболели теперь. Вскоре человек без волос стал такой редкостью, что вызывал подозрение, не болен ли бедняга чесоткой.

В мае 1972 года наконец наметился некоторый прогресс. Оливейра додумался — вообще-то должен был сделать это гораздо раньше — изучить детей из прорирки. До сих пор никто не обратил внимания, что они обрастают волосами позднее, чем дети, рожденные нормально. Если помните, эктогенез только начинал развиваться. Правда, производство детей в прорирках не получило особого размаха, но однажды дойдет и до этого.

Оливейра обнаружил, что если эктогеников подвергнуть жесткому карантину, у них вообще не вырастают волосы — во всяком случае не больше, чем в прежние времена. Под жестким карантинном я подразумеваю, что воздух, которым они дышат, подогревается до 800 градусов Цельсия, потом сжигается и пропускается через батарею аппаратов, где его дезинфицирует дюжина различных веществ. Продукты для них подвергаются подобной обработке. Не пойму, как бедные малютки могли вынести такую адскую дозу гигиены, но как-то переносили, и волосы у них не росли — пока они не сталкивались с другими людьми или получали сыворотку из крови волосатых детей.

Оливейра обнаружил, что причиной hyperpilositis была, как он

подозревал с самого начала, одна из тех чертовых саморазмножающихся молекул белка. Как известно, их нельзя ни увидеть, ни воздействовать на них химически, поскольку они перестают быть молекулами белка. Теперь мы неплохо знаем их строение, но то был долгий и кропотливый процесс, во время которого приходилось делать много выводов на основании недостаточных данных. Иногда эти выводы были правильны, иногда — нет.

Но для детального анализа молекул нужно их большое количество, а те, которые мы искали, не существовали даже в малом. И тогда Оливейра разработал метод их отбора. Признание, которое он ему принес, — единственный постоянный результат тогдашней его работы.

Когда мы применили эту методику, обнаружилось нечто странное — вирусогамма эктогенника, зараженного сверхволосатостью, была такой же, как у здорового. Это казалось невозможным. Мы знали, что ребенку ввели молекулы сверхволосатости и у него выросла прекрасная, густая шерсть.

И вот однажды я застал Оливейру за столом с выражением лица средневекового монаха, имевшего видение после сорока дней поста. (Кстати, попробуйте поститься так долго и тоже увидите, да не одно.) Он сказал:

— Пэт, не советую тебе покупать яхту за свою часть миллиона. Их содержание дорого стоит.

— В чем дело? — довольно интеллигентно спросил я.

— Смотри, — сказал он, подходя к таблице, покрытой диаграммами молекул протеина. — Имеются три вида белка: альфа, бета и гамма. Альфа не существует уже тысячи лет. Заметь, единственное различие между молекулами альфа и бета заключается в том, что атомы азота связаны с этой цепочкой, — он показал, — а не с той. Кроме того, как следует из энергетического баланса, если ввести одну молекулу бета в группу молекул альфа, все они превратятся в молекулу бета.

Мы уже знаем, что непрерывно производим различные виды молекул белка. Большинство из них непостоянны и вновь распадаются или же недееспособны и не могут воспроизводиться. Как бы то ни было, они ни на что не влияют. Но поскольку они такие большие и сложные, то могут принимать множество различных форм и порой может возникнуть новый вид белка, способный к воспроизводству: иными словами, вирус. Именно так появились все вирусные болезни, просто потому, что что-то встряхнуло самую обычную молекулу белка, когда та формировалась, и атомы азота сцепились не с теми цепочками.

Моя теория такова: белок альфа, который я реконструировал, исходя из знаний о его потомках, белках бета и гамма, существовал некогда в человеческом теле, как безобидная и безвредная молекула. Потом вдруг кто-то икнул, когда одна из них формировалась и — готово! Вот вам молекула бета. Однако бета не безвредна, быстро вос-

производится и тормозит рост волос. Вскоре все представители нашего вида — до того обросшие как обезьяны — цепляют этот вирус и теряют волосяной покров. Более того, это один из тех вирусов, которые проникают в плод, из-за чего у новорожденных тоже нет волос.

Наши предки поначалу немного подражали от холода, а потом научились прикрываться звериными шкурами и разводить огонь. Так и началось движение к цивилизации! Подумай только — если бы не эта маленькая молекула белка бета, все мы были бы сейчас чем-то вроде шимпанзе или горилл, во всяком случае человекоподобных обезьян.

А теперь, как мне кажется, произошла очередная перемена в строении молекулы, превратив ее из молекулы бета в молекулу гамма — безвредную и безобидную, как альфа. И мы вновь оказались в исходной точке.

Наша с тобой задача заключается в том, чтобы найти способ превращения молекул гамма, которые кишат в нас, обратно в молекулы бета. Другими словами, сейчас, когда мы неожиданно излечились от болезни, эндемичной для нашей расы много тысяч лет, мы снова хотим ею заболеть. И, кажется, я знаю, как этого достичь.

Больше я ничего от него не добился, и мы принялись за работу. Спустя несколько недель он заявил, что хочет провести на себе эксперимент: его методика заключалась в комбинации лекарств (насколько помню, одно было против сна) и лихорадки, вызванной электромагнитным действием токов высокой частоты.

Мне это не очень-то нравилось, ведь Оливейра был отличным человеком, а доза, которую он собирался принять, могла бы отправить на тот свет полк солдат. И все же он ее принял. Она, естественно, его едва не прикончила. Однако через три дня он кое-как вернулся в норму и обезумел от радости, когда оказалось, что волосы с его тела буквально осыпаются. Через две недели у него осталось волос не больше, чем должен иметь любой нормальный мексиканский профессор вирусологии. Вот тут-то нас и ждал сюрприз, и не очень приятный.

Мы ждали большой популярности и соответственно к ней пригодились. Помню, как я целую минуту разглядывал лицо Оливейры и наконец заверил, что усы его подстрижены идеально ровно, а потом попросил завязать мой новый галстук.

Наше эпохальное открытие вызвало два телефонных звонка от скучающих репортеров, несколько вопросов от издателей научных изданий и ни одного фотографа! Да, мы попали в научный отдел «Нью-Йорк таймс», но лишь в виде двенадцатистрочной заметки: «Профессор Оливейра и его ассистент — без фамилии — обнаружили причину сверхволосатости и действенное лекарство». И ни слова о возможных последствиях нашего открытия.

Контракт с Медицинским Центром запрещал нам использовать наше открытие в целях торговли, но мы ожидали, что это сделает

множество людей, как только методика будет опубликована. Ничего подобного не случилось. Честно говоря, мы вызвали не большую сенсацию, чем если бы обнаружили связь между температурой воды и тональностью кваканья жаб.

Неделей позже мы разговаривали об открытии с директором института. Оливейра хотел, чтобы он использовал свое влияние для создания клиники. Директор не проявил особого энтузиазма.

— Была пара звонков, — признал он, — но не стоящих внимания. Помните, что происходило, когда Циммерман изобрел лекарство от рака? На сей раз ничего похожего. Честно говоря, сомневаюсь, что я хотел бы подвергнуться вашему лечению, доктор Оливейра, будь оно даже стопроцентной гарантией. Я ни в коем случае не собираюсь уменьшать вашего удивительного достижения, но... — Он расчесал пальцами волосы на груди, длиной около шести дюймов, с прекрасным шелковистым оттенком, — понимаете, мне нравится моя шерсть и, думаю, я чувствовал бы себя неуверенно в голой коже. Кроме того, этот наряд гораздо более экономичен, чем костюм. И скажу без ложной скромности, довольно красив. Моя семья всегда ругала меня за небрежный внешний вид, а теперь — сами видите! Никто из них не может похвастать таким мехом, как у меня!

Мы вышли слегка удрученные и принялись письменно и устно расспрашивать своих знакомых, хотят ли они подвергнуться лечению Оливейры. Некоторые ответили, что могли бы попробовать, если найдется достаточно желающих, но большинство высказались примерно так же, как директор. Они привыкли к своим волосам и не видели причин возвращаться к прежней гладкой коже.

— Ну что же, Пэт, — сказал Оливейра, — похоже, наше открытие не принесет нам славы. Но мы еще можем заработать на нем. Помнишь ту миллионную премию! Я отправил нужные бумаги, как только выздоровел после лечения, и со дня на день должен прийти ответ от правительства.

И действительно пришел. Я как раз был в его квартире, и мы болтали о том о сем, когда ворвалась миссис Оливейра с письмом в руке, пища:

— Открой, Роман, открой!

Он неторопливо вскрыл письмо, разгладил листок и прочитал. Нахмурился и прочитал еще раз. Потом отложил письмо, очень осторожно вынул папиросу, закурил ее со стороны мундштука и очень мягко сказал:

— Снова осечка, Пэт. Никогда бы не подумал, что эта премия имеет временной лимит. Похоже, какой-то хитрый сукин сын в Конгрессе определил срок, который истек первого мая. Помнишь, я послал письмо девятнадцатого, а они получили его двадцать первого. На три недели позднее!

Я взглянул на Оливейру, он на меня, а потом на жену. Она отве-

тила ему взглядом, а затем молча сходила в кабинет и принесла две большие бутылки текилы и три рюмки. Оливейра подвинул к столу три стула и со вздохом опустился на один.

— Пэт, — сказал он, — наверное, у меня никогда не будет миллион долларов, но у меня есть нечто гораздо более ценное: женщина, которая знает, что нужно в такую минуту!

Вот вам история, лежавшая в основе Великого Перелома, по крайней мере один из ее аспектов. Вот почему, когда мы сегодня говорим о платиновой блондинке, звезде экрана, то имеем в виду не только прическу, но и всю серебристую шерсть, покрывающую ее с ног до головы.

И еще одно. Спустя несколько дней Берт Кафкет пригласил меня на ужин. Когда я рассказал ему и его жене о злоключениях, выпавших на нашу долю, он спросил, как дела с акциями фирм, производящих депиляторы.

— Я заметил, что эти акции упали до уровня перед Переломом, — добавил он.

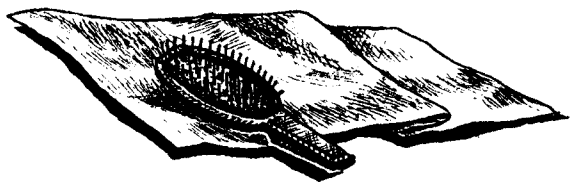
— Точно, — ответил я. — Когда они начали падать, я не обратил на это внимания, поскольку был слишком занят исследованиями. Спихнулся я в самое время, чтобы выйти из дела с жалкой несколько-коцентовой прибылью на акции. А как у тебя с теми таинственными фирмами, которым ты отдал свои деньги?

— Видел мою новую машину перед домом? — с улыбкой спросил Берт. — Ею я обязан им. Точнее, ей, поскольку то была одна фирма: Компания Джонс и Галлоуэй.

— А что производит Компания Джонс и Галлоуэй? Я никогда о такой не слышал.

— Они производят... — улыбка Берта стала такой широкой, словно хотела обогнуть голову и соединиться на затылке, — ... скребницы!

— Вот и все. О, вот и Карл с пивом. Тебе сдавать, Ганнибал...

Джоанна Расс

КОГДА ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

Кэти гнала машину, как сумасшедшая; должно быть, на поворотах скорость превышала сто двадцать километров в час. Хотя она молодчина, большая молодчина. Я видела, как она за день полностью перебиравала автомобиль.

В моем родном местечке на Вайлэвэй использовалась в основном сельскохозяйственная техника, и я не решалась управляться с пятиступенчатой коробкой передач на бешеных скоростях, просто не была к этому готова, но даже глухой ночью на поворотах деревенской дороги ее езда не пугала меня. Про мою жену можно рассказать кое-что интересное: она не пользуется ружьями. Она может уйти в лес выше сорок восьмой широты без ружья на несколько дней. Вот это меня пугает.

У Кэти и у меня трое детей: один ребенок мой и двое ее. Юрико, старшая, спала на заднем сиденье и видела сны двенадцатилетней девочки про любовь и войну: прогулки к морю, охота на Севере, сны о

необыкновенно красивых людях и необыкновенно красивых местах. Вся та неизбежная чепуха, о которой мечтаешь, когда тебе исполняется двенадцать и начинают расти железы.

Недалек тот день, когда, как и все они, она исчезнет на неделю, чтобы вернуться грязной, но гордой тем, что убила ножом пуму или застрелила своего первого медведя. Она притащит с собой отвратительного опасного мертвого зверя, которому я никогда не прощу того, что он мог бы сделать с моей дочерью. Юрико говорит, что езда Кэти усыпляет ее. Я же, хотя мне трижды доводилось сражаться на дуэли, боюсь, очень боюсь больших расстояний. Я старею и говорю об этом своей жене.

— Тебе тридцать четыре, — сказала она.

Точно, ничего не скажешь. Она переключила свет. Судя по указателю, осталось еще три километра, а дорога становилась все хуже и хуже. Глухая деревня. Ярко-зеленые деревья внезапно возникают в свете фар и обступают машину. Я дотягиваюсь до двери, куда мы привернули панель с зажимами, и беру в руки винтовку. Юрико зашевелилась на заднем сиденье. Моя голова на уровне глаз Кэти, ее лица. Мотор работает так тихо, что, по словам Кэти, можно слышать дыхание на заднем сиденье.

Юки была в машине одна, когда поступило сообщение, и тут же расшифровала эти точки и тире. (Глупо устанавливать широкополосный передатчик рядом с генератором переменного тока, но большая часть Вайлзвэй имеет паровое отопление.) Она выскочила из машины, крича во все горло, мое долговязое, некрасивое чадо, но, само собой, ничего страшного с ней не произошло. Мы были уже морально готовы к этому с той самой поры, когда колония была обнаружена и ее разорили.

Но это было совсем другое. Это был шок.

— Мужчины! — орала Юки, дергая дверцу машины. — Они вернулись! Настоящие земные мужчины!

Мы встретились с ними на кухне деревенского дома, недалеко от места их приземления. Окна были распахнуты, ночной воздух был мягок. Мы ехали на всех видах транспорта, прежде чем добрались до этого дома. Это были и паровые трактора, и грузовики, и безбортовая грузовая машина, даже велосипед. Лидия, районный биолог, уже сделала анализы крови и мочи и теперь, выйдя из состояния замкнутости, собственногоного северным народам, сидела в углу кухни, качая головой и удивляясь результатам.

Очень больная, очень добрая, краснеющая по каждому поводу, она заставила себя откопать учебники старого языка, хотя я могла говорить на старых языках даже во сне. И говорила. Лидия чувствует себя с нами неловко. Мы южане и выглядим чрезмерно яркими в сравнении с ней.

Я насчитала в кухне двадцать человек. Это были крупнейшие умы

северной части материка. Филли Спэт, я думаю, прилетела на моем планере. Юки была здесь единственным ребенком.

Потом я увидела четверых пришельцев.

Они были крупнее нас. Выше, шире в плечах. Двое были выше меня, а я очень высокая — метр восемьдесят без каблуков. Они явно принадлежали к человеческому роду, но были далеки, невероятно далеки от нас, до сих пор я не могу точно представить очертания их чуждых нам тел, а тогда не могла заставить себя прикоснуться к ним, хотя один из них, тот, который говорил по-русски, хотел пожать нам руки — обычай прошлого, как мне кажется. А какие голоса у них были! Единственно, что я могу сказать, что это были обезьяны с человеческими лицами. Кажется, тот, который хотел пожать руку, не имел в виду ничего плохого, но я дрожа отшатнулась, а потом стала со смехом извиняться и, чтобы показать пример (межзвездное содружество, подумала я), наконец все-таки пожала руку. Жесткая, твердая рука. Они тяжелые, как ломовые лошади. Неотчетливые, глубокие голоса. Юрико сновала среди взрослых, изумленно разглядывая мужчин.

Он повернул голову — уже шестьсот лет никто не говорил так — и на плохом русском спросил:

— Кто это?

— Моя дочь, — ответила я и, спасаясь вежливостью от подступающего безумия, добавила:

— Моя дочь, Юрико Джанетсон. У нас имена образуются от имени отца. Вы их образуете от имени матери.

Он невольно рассмеялся. Юки воскликнула:

— Я думала, что они симпатичные!

То, как ее восприняли, очень ее разочаровало.

Филли Хелгасон Спэт, которую я когда-нибудь убью, метнула в меня холодный, спокойный, ядовитый взгляд, словно хотела сказать:

— Следи за тем, что говоришь. Ты знаешь, что я могу сделать.

Это верно, что у меня нет официального статуса, но у Госпожи Президентши будут серьезные неприятности со мной, если она по-прежнему будет считать занятие промышленным шпионажем пустой безделицей.

Войны и подготовки к войнам, как говорится в одной из книг наших предков.

Я перевела слова Юки на собачий русский, который считался нашим универсальным языком, для того человека, и тот опять засмеялся.

— Где все ваши люди? — спросил он, пытаясь продолжить разговор.

Я снова перевела и посмотрела на лица вокруг. Лидия, как обычно, чувствовала себя неловко, Спэт прищурилась, обдумывая какую-то дьявольщину, Кэти сильно побледнела.

— Это Вайлэвэй, — ответила я.

Он продолжал непонимающе смотреть.

— Вайлэвэй, — сказала я. — Вы помните? У вас есть сведения? На Вайлэвэй была чума. — Он, кажется, немного заинтересовался. Головы в глубине комнаты повернулись в нашу сторону, и я узнала делегата местного профессионального парламента. К утру будут заседать все городские советы, все районные партийные собрания.

— Чума? — спросил он. — Самое большое несчастье.

— Да, — ответила я. — Самое большое несчастье. Мы потеряли половину населения в одном поколении.

Казалось, это произвело на него сильное впечатление.

— Вайлэвэю повезло, — сказала я. — У нас оказался большой резерв первоначальных генов, нас избрали в качестве высшей интеллигенции. У нас осталась высокоразвитая техника. Среди выживших большая часть взрослых владела двумя-тремя специальностями. Плодородная почва, благоприятный климат. Теперь нас тридцать миллионов человек. Промышленность растет, как снежный ком, — вы понимаете? Дайте нам семьдесят лет, и у нас будут настоящие города, индустриальные центры, профессии, рассчитанные на полный рабочий день, радиооператоры, машинисты. Дайте нам семьдесят лет, и никому из нас не придется проводить три четверти жизни на ферме.

Я объяснила, как трудно, когда творческие люди только под старость получают возможность работать с полной отдачей. До этого мало кто из них располагает такой свободой, как я и Кэти. В общих чертах я попыталась описать нашу систему правления. Две палаты — одна построена по профессиональному принципу, другая — по территориальному. Я объяснила, что районные партийные собрания рассматривают и решают вопросы, слишком серьезные для отдельных городов. И что власть не имеет пока еще политического характера, хотя, дайте время, и это будет. Вопрос времени всегда был довольно деликатным моментом нашей истории. Дайте нам время. Не было особой необходимости жертвовать уровнем жизни в угоду стремительным темпам индустриализации. Пусть все идет своим чередом. Дайте только время.

— А где все люди? — спросил этот маньяк.

И тогда мне стало понятно, что он имел в виду не людей вообще, он имел в виду мужчин, а в слово «люди» вкладывал тот смысл, какого это слово не имело на Вайлэвэй уже шестьсот лет.

— Они умерли, — сказала я, — тридцать поколений назад.

Казалось, его ударили ножом. Он захлебнулся воздухом. Он было попытался встать со стула, но только приложил руку к груди и обвел нас взглядом, в котором странно смешались ужас и сентиментальная нежность. Потом он с откровенной горечью и очень серьезно произнес:

— Непоправимая трагедия.

Я промолчала, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— Да, — сказал он на выдохе и улыбнулся той странной, полувзрослой-полудетской улыбкой, которая что-то скрывает и вот-вот прорвется возгласами одобрения или радости. — Большая трагедия, но это прошлое.

И опять он оглядел нас всех с каким-то странным сочувствием, как будто мы были инвалидами.

— Вы поразительно приспособились, — сказал он.

— К чему? — спросила я.

Он казался озадаченным. На лице его была растерянность. Он выглядел глупо. Наконец он произнес:

— Там, откуда я пришел, женщины не одеваются так просто.

— Они одеваются, как вы? — спросила я. — Как невеста?

Мужчины были одеты в серебро с ног до головы. Я никогда не видела подобной безвкусицы. Казалось, он хотел что-то ответить, но потом передумал и промолчал, только засмеялся, как будто мы были детьми или чем-то его позабавили. Он словно оказывал нам огромное одолжение. Потом судорожно вздохнул:

— Ну, вот мы и здесь.

Я посмотрела на Спэт, Спэт посмотрела на Лидию, Лидия — на Амалию, главу местного городского совета, Амалия посмотрела в пространство. В горле у меня першило. Никогда терпеть не могла домашнего пива, которое фермеры лакали, как будто их желудки имели иридиевое покрытие, но все же взяла у Амалии (это она приехала на велосипеде) кружку и выпила до дна.

Похоже, что все это слишком затягивалось.

Я сказала:

— Да, вот вы и здесь, — и, чувствуя себя совершеннейшей душой, улыбнулась, одновременно серьезно подумав, что неужели мозги мужской половины населения Земли так сильно отличаются от мозгов его женской половины. Этого не могло быть, иначе раса вымерла бы давным-давно.

Радио разнесло новость по всей планете, и у нас появился еще один человек, владеющий русским. Она прибыла из Варны. Я решила выключить радио, когда мужчина стал описывать свою жену. Судя по его словам, она была похожа на жрицу какой-то тайной религиозной секты. Он хотел было поговорить с Юки, поэтому я вытолкала ее в заднюю комнату, несмотря на возмущение и протесты, а сама вышла на парадное крыльцо. Когда я выходила, Лидия объясняла разницу между всем доступным и понятным партеногенезом и тем, что делаем мы — так называемым слиянием яйцеклеток. Именно благодаря ему ребенок Кэти похож на меня. Лидия перешла к Анскому процессу и к Кэти Анской, нашему единственному, абсолютному гению полиматематики, великой, великой, я даже не знаю, сколько раз великой, бабке моей Катарины.

Передатчик Морзе, установленный в одной из дворовых построек,

тихо бормотал что-то сам себе, операторы радиолинии флиртовали и подшучивали друг над другом.

На крыльце стоял мужчина. Незнакомый мужчина высокого роста. Несколько минут я наблюдала за ним незамеченная — при желании я могу двигаться очень тихо. Когда я позволила ему увидеть себя, он перестал говорить в какую-то небольшую шутовину, висевшую у него на шее.

Затем он тихо спросил на отличном русском:

— Ты знала, что на Земле вновь установлено равенство полов?

— Ты настоящий, не так ли? — в свою очередь спросила я. — А тот другой — напоказ.

Дело немного прояснилось, и я почувствовала облегчение. Он приветливо кивнул.

— Честно говоря, мы не так уж умны, — сказал он. — За последние несколько веков произошли серьезные нарушения генетического кода. Радиация. Лекарства. Нам нужны гены Вайлзвэй, Джанет.

Незнакомцы не называют друг друга по имени.

— Вы можете получить столько клеток, что хоть утонете в них, — сказала я. — Выращивайте свое собственное потомство.

Он улыбнулся:

— Нам хотелось бы сделать это по-другому.

За его спиной я увидела Кэти, стоящую в квадрате света, падающего из двери.

Он продолжал вежливо говорить низким голосом, в котором, как мне казалось, не было насмешки, а только самоуверенность человека, у которого всегда были деньги и власть, человека, не понимающего, что такое быть существом второго сорта или жить в провинции. Самое странное, что минуту назад мне казалось, что он — это вылитая я.

— Я говорю с тобой, Джанет, — продолжал он, — потому что мне кажется, что ты пользуешься здесь большей популярностью, чем кто бы то ни было. Ты так же хорошо, как и я, знаешь, что культура, выращенная партеногенетическим способом, несет в себе всевозможные врожденные дефекты. Желательно выбрать другой путь, и здесь мы хотим использовать вас, если, конечно, что-нибудь получится. Извини, я не должен был говорить «использовать». Но ты же понимаешь, что такой тип общества, как ваш, — противоестествен.

— Наоборот, ваше человечество противоестественно, — произнесла Кэти. В левой руке из-под мышки у нее торчала моя винтовка. Ее шелковистая головка едва достигала моей ключицы, но я-то знала, что она вынослива, как сталь. Он сделал шаг в сторону, как-то странно и приветливо улыбаясь. В отличие от своего напарника он не проявлял до сих пор ко мне ни малейшего уважения. Кэти вскинула ружье, будто всю жизнь только этим и занималась.

— Согласен, — произнес мужчина. — Человечество противоестественно. У меня в зубах металл, и вот здесь, — он ткнул себя в плечо,

— металлические болты. — Тюлени живут гаремами, — добавил он. — Самцы обезьян живут случайными связями, и мужчины тоже, голуби моногамны, и мужчины есть такие. Есть даже холостяки и гомосексуалисты. Кажется, встречаются даже гомосексуальные коровы. И все-таки в Вайлэвэй чего-то не хватает.

Он сухо рассмеялся. Надо отдать ему должное, на нервы его слова подействовали.

— Мне всего хватает, — сказала Кэти, — за исключением того, что жизнь не бесконечна.

— А вы?.. — спросил мужчина, кивая то на меня, то на Кэти.

— Жены, — ответила Кэти. — Мы женаты.

И опять он издал сухой сдвленный смешок.

— В экономическом смысле это хороший союз. Он годится для работы и ухода за детьми, он удобен, как и любой другой, если речь идет о случайной наследственности и воспроизведении себе подобных. Но подумайте, Катарина Микельсон, неужели не существует ничего лучшего, чем есть у вас самих, что вы хотели бы передать по наследству своим дочерям? Я верю в инстинкты, верю в мужчин, мне странно, что одна из вас — механик, а другая, — он посмотрел на меня, — как я догадываюсь, работает кем-нибудь в управлении полиции. И обе даже не чувствуете своей ущербности. Конечно, абстрактно вы об этом догадываетесь. У вас здесь существует только одна половина рода. Мужчины должны вернуться в Вайлэвэй.

Кэти ничего не сказала.

— На мой взгляд, Катарина Микельсон, — мягко продолжал мужчина, — вы из всех живущих здесь выиграете больше всего.

Он прошел мимо дула винтовки Кэти и вступил в квадрат света, падающего из двери. Я думаю, что именно тогда он заметил мой шрам, которого действительно не было видно до тех пор, пока свет падал сбоку. Четкая линия, идущая от виска к подбородку. Большинство людей даже не знали о нем.

— Откуда это у вас? — спросил он.

Я ответила с невольной улыбкой:

— Это память о моей последней дуэли.

Мы стояли так несколько секунд, свирепо глядя друг на друга. Это не было нелепо, пока он не скрылся в доме и не закрыл за собой дверь. Кэти прерывающимся голосом спросила:

— Идиот, неужели ты не видишь, что он нас оскорбил? — Она вскинула винтовку, чтобы выстрелить в него прямо сквозь дверь. Я подскочила к ней и, прежде чем она спустила курок, выбила винтовку у нее из рук. Выстрел пробил пол на крыльце. Кэти дрожала. Она повторяла и повторяла шепотом слова:

— Вот почему я к ней не прикасалась, я знала, что кого-нибудь обязательно убью, знала, что убью кого-нибудь.

Тот, с кем я разговаривала сначала, все еще был в доме. Он гово-

рил что-то о могучем движении по повторной колонизации Земли и открытии того, что было утеряно. Он подчеркнул выгоды, которые это принесет Вайлэвэй — торговля, обмен идеями, образование. Он тоже отметил, что равенство полов вновь узаконено на Земле. Конечно, Кэти была права: мы должны были перестрелять их на месте. Мужчины надвигаются на Вайлэвэй, но когда в распоряжении одних есть ружья, а у других ничего такого нет, можно предсказать результаты.

Вероятно, мужчины придут сюда в конце концов. И мне приятно думать, что лет через сто мои великие внуки отобьют их наступление и силой заставят остановиться, но это не так уж важно. Всю оставшуюся жизнь я буду помнить тех четверых, которых встретила впервые. Они были мускулисты, как быки, и заставили меня, пусть на мгновение, почувствовать себя маленькой и слабой.

Кэти считает, что это нервная реакция. Я помню все, что произошло той ночью. Помню, как была взвинчена Юки, когда мы ехали обратно. Помню, как плакала Кэти, когда мы вернулись домой, сердце ее, казалось, вот-вот выскочит из груди. Помню, как Кэти любила меня в ту ночь, немного властно, как всегда, но удивительно успокаивающе. Помню, как я бесцельно слонялась по дому, когда Кэти уснула.

Свет, падающий из зала, обрисовывал ее голую руку. Мышцы предплечий благодаря возне с машиной выделялись под кожей как металлические бруски. Иногда я думала о ее руках. Я помню, как входила в детскую, брала ребенка моей жены на руки и какое-то время держала его, дремлющего, чувствуя удивительную волнующую теплоту его маленького тельца. Наконец я возвратилась на кухню, где Юрико готовила поздний ужин. Моя дочь ест как огромный датский дог.

— Юки, — спросила я, — могла бы ты влюбиться в мужчину?

Она поперхнулась от смеха.

— Уж скорее в десятифутового удава, — ответствовало мое тактичное чадо.

Но мужчины прилетят в Вайлэвэй. Уже позже я засиживалась допоздна, думая о тех мужчинах, которые прилетят на нашу планету, о своих дочерях и Бэтти Катаринсон, о том, что будет с Кэти и со мной, с моей жизнью.

Дневники наших предков — это один долгий вопль страдания, и мне кажется, что сейчас я должна бы быть довольна, но нельзя зачеркнуть шесть столетий или даже (как я позднее поняла) тридцать четыре года. Иногда вопросы, вертевшиеся весь вечер на языке у тех четверых мужчин, вопросы, которые они так и не посмели задать, глядя на нас всех, деревенщину в спецодежде, фермеров в полотняных штанах и простых рубашках, кажутся мне смешными.

— Кто из вас выполняет роль мужчины?

Как будто мы должны были скопировать с точностью до деталей все их ошибки!

Я сильно сомневаюсь, что на Земле действительно было вновь установлено равенство полов. Мне противно даже думать, что надо мной смеются, что Юки заставляют чувствовать себя никчемной и глупой, что моих детей обманывают, считая их неполноценными, и превращают в изгоев.

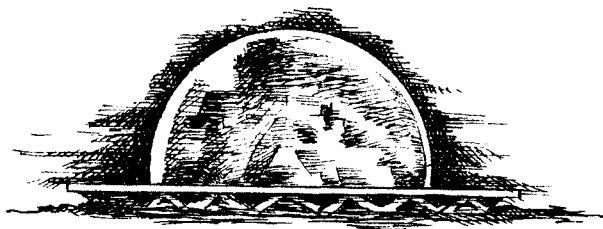
Боюсь, что и мои личные достижения станут не такими значительными, какими они были или какими я их себе представляла, и превратятся в малопримечательные курьезы человеческой расы, в те курьезы, о которых пишут в книгах, в те вещи, над которыми иногда смеются, потому, что они экзотичны, странны, но не существенны. Они завораживают, но никак не являются полезными. Это так больно, что трудно выразить словами. Согласитесь, что женщине, которая участвовала в двух дуэлях и все выиграла, так бояться попросту смешно. Но не за горами такая жестокая дуэль, что, я думаю, у меня не хватит на нее сил. Говоря словами Фауста: «Оставьте все как есть. Не надо перемен».

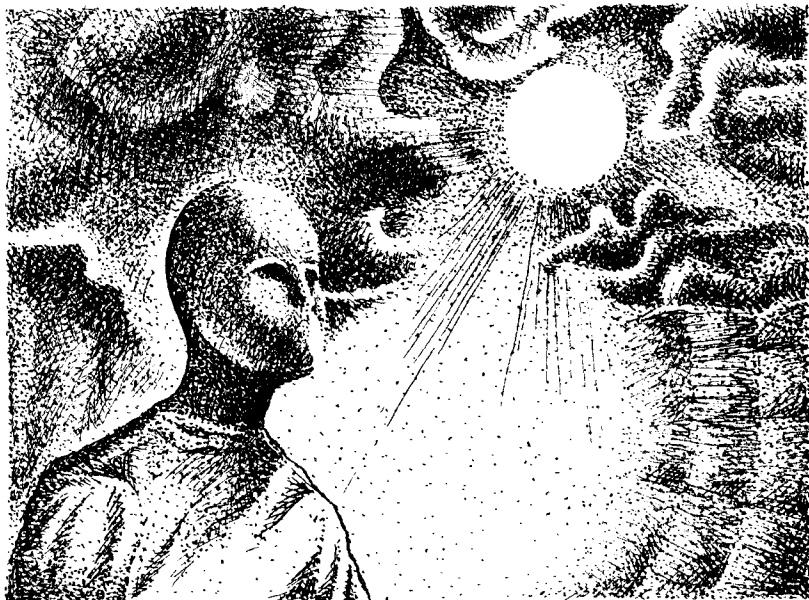
Иногда по ночам я вспоминаю первоначальное название этой планеты, измененное первым поколением наших предков, теми странными женщинами, для которых истинное название было слишком болезненным воспоминанием после того, как умерли мужчины.

Мне кажется удивительным, пожалуй, даже жестоким, что все это полностью возвращается. Но и это пройдет.

Всему хорошему должен прийти конец.

Возьмите мою жизнь, но оставьте мне ее смысл. Хотя бы на какое-то время.

Даймон Найт

МАСКИ

Восемь рейсфедеров танцевали по движущейся бумажной ленте, словно клешни потревоженного механического омара. Робертс, обслуживающий техник, морща лоб, вглядывался в график под пристальным наблюдением двух остальных мужчин.

— Вот здесь переход от сна к яви, — сказал он, вытянув костлявый палец. — А здесь, как видите, спустя семнадцать секунд он снова видит сны.

— Запоздалая реакция, — сказал Бэбкок, руководитель эксперимента. Лицо его было красно, лоб покрывал пот. — Не вижу причин для беспокойства.

— Может и так, но взгляните на различия в записи. Он видит сны после импульса пробуждения, но это другой вид сна. Большее напряжение, больше моторных импульсов.

— А зачем он вообще спит? — спросил Синеску, человек из Вашингтона, со смуглым вытянутым лицом. — Ведь продукты усталости

вы удаляете химическим путем. Может, какие-то психологические причины?

— Ему нужны сонные видения, — объяснил Бэбкок. — Он действительно не испытывает биологической потребности в сне, но сны ему необходимы. В противном случае есть опасность галлюцинаций, которые могут развиться в психоз.

— Вот именно, — сказал Синеску. — Это серьезная проблема, правда? И давно он это делает?

— Примерно шесть месяцев.

— То есть со времени, когда получил новое тело... и стал носить маску?

— Примерно. Я хотел бы подчеркнуть одно: его разум в идеальном порядке. Все тесты...

— Хорошо, хорошо. Я знаю результаты тестов. Значит, сейчас он не спит?

— Не спит. У него Сэм и Ирма, — сказал техник, взглянув на контрольный пульт, и вновь склонился над записью энцефалограммы.

— Не понимаю, почему это должно меня волновать. Это же логично: если ему нужны сонные видения, которых наша программа не предвидит, то в эту минуту он их получает. Хотя не знаю... Эти пики меня беспокоят, — сказал он, нахмурясь.

Синеску удивленно поднял брови.

— Вы программируете его сны?

— Это не программирование, — нетерпеливо сказал Бэбкок. — Мы предлагаем только темы. Ничего психического: секс, прогулки на свежем воздухе, спорт.

— Чья это была идея?

— Секции психологии. В нейрологическом смысле все было в порядке, но он проявлял тенденцию к замыканию в себе. Психологи сочли, что ему нужна соматическая информация в какой-либо форме. Он живет, действует, все в порядке. Но нужно помнить, что сорок три года он провел в нормальном человеческом теле.

В лифте Синеску сказал что-то, из чего Бэбкок понял только одно слово «Вашингтон».

— Простите, не расслышал, — сказал он.

— Вы кажетесь уставшим. Плохо спите по ночам?

— В последнее время я действительно мало сплю. А что вы сказали до этого?

— Что в Вашингтоне не очень довольны вашими отчетами.

— Черт возьми, я знаю об этом.

Дверь лифта бесшумно раздвинулась. Небольшой холл, зеленые ковры, серые стены. И три двери: одна железная и две из толстого стекла. Холодный, затхлый воздух.

— Сюда.

Синеску остановился перед стеклянными дверями и заглянул внутрь: пустой салон, застеленный серым ковром.

— Я его не вижу.

— Комната имеет форму буквы L. Он в другой части. Сейчас как раз утренний осмотр.

Дверь открылась от легкого прикосновения. Когда они переступили порог, под потолок вспыхнули лампы.

— Не смотрите вверх, — сказал Бэбкок, — кварцевые лампы.

Тихий свист утих, когда дверь закрылась за ними.

— Я вижу, у вас тут избыточное давление. Для защиты от бактерий снаружи? Чья это была идея?

— Его собственная.

Бэбкок открыл металлический шкафчик в стене и вынул из него две марлевые маски.

— Наденьте, пожалуйста.

Из-за угла доносились приглушенные голоса. Синеску недовольно посмотрел на маску и медленно надел ее.

Они переглянулись.

— Имеет ли какой-то смысл эта боязнь бактерий? — спросил Синеску.

— Разумеется, грипп или что-то подобное ему не грозит, но задумайтесь на минуту. Есть только две возможности убить его. Первая — это авария одной из систем, и за этим мы следим внимательно; у нас работает пятьсот людей, и мы проверяем его, как самолет перед стартом. Остается только мозговая инфекция. Так что принимайте это без предубеждения.

Комната была большой и соединяла в себе функции гостиной, библиотеки и мастерской. В одном углу комплект современных шведских кресел, диван и низенький столик; в другом — стол с токарным станком, электрическая печь, свердильный станок, доска с инструментами, дальше чертежная доска и перегородка из полок с книгами, по которым Синеску с интересом пробежал взглядом. Там были переплетенные тома отчетов о ходе экспериментов, технические журналы, справочники; никакой беллетристики, за исключением «Огненной бури» Стюарта и «Волшебника из страны Оз» в потертой голубой обложке. За полками они увидели стеклянную дверь, ведущую в другую, иначе обставленную комнату: мягкие стулья, раскидистый филодендрон в кадке.

— Это комната Сэма, — объяснил Бэбкок.

В комнате находился какой-то мужчина. Заметив их, он окликнул кого-то, кого они не видели, после чего с улыбкой подошел. Мужчина был лыс, коренаст и сильно загорел. За его спиной появилась невысокая красивая женщина. Она вошла за мужем, оставив дверь открытой. Оба они не носили масок.

— Сэм и Ирма занимают соседнюю квартиру, — объяснил Бэбкок. — Они составляют ему компанию; должен же кто-то быть рядом с ним. Сэм — его бывший коллега по полетам, а кроме того, у него механическая рука.

Коренастый мужчина пожал руку Синеску, ладонь его была сильной и теплой.

— Хотите угадать, которая? — спросил он. Обе руки были коричневые, мускулистые и поросшие волосами, но, присмотревшись, Синеску заметил, что у правой несколько другой, не совсем естественный оттенок.

— Наверное, левая, — сказал он, чувствуя себя неловко.

— Не угадали, — улыбнулся искренне этим обрадованный Сэм и поддернул правый рукав, чтобы продемонстрировать ремни, поддерживающие протез.

— Один из побочных продуктов нашего эксперимента, — объяснил Бэбкок. — Управляется биотоками, весит столько же, сколько нормальная. Сэм, они уже кончают?

— Наверное. Мы можем заглянуть. Дорогая, ты не угостишь нас кофе?

— Ну конечно же.

Ирма исчезла за дверью своей квартиры.

Одна стена комнаты была полностью из стекла и закрывалась белой прозрачной занавеской. Они повернули за угол. Эту часть комнаты заполняло медицинское электронное оборудование, частично встроенное в стены, частично в высоких черных ящиках на колесах. Четверо людей в белых халатах склонялись над чем-то похожим на кресло космонавта. В кресле кто-то лежал: Синеску видел ступни в мексиканских мокасинах, темные носки и серые брюки.

— Еще не кончили, — сказал Бэбкок. — Видимо, нашли что-то неладное. Выйдем на террасу.

— Я думал, что осмотр проходит ночью, когда ему меняют кровь и тому подобное.

— Утром тоже, — ответил Бэбкок.

Он повернулся и толкнул тяжелые стеклянные двери. Терраса была выложена каменными плитами и закрыта стенами из затемненного стекла и зеленой пластиковой крышей. В нескольких местах стояли пустые бетонные корыта.

— Здесь планировался садик, но он не захотел. Пришлось убрать растения и застеклить всю террасу.

Сэм расставил вокруг белого стола металлические стулья, и они сели.

— Как он себя чувствует, Сэм? — спросил Бэбкок.

Сэм улыбнулся и опустил голову.

— Утром он в хорошем настроении.

— Говорит с тобой? Вы играете в шахматы?

— Редко. Обычно он работает. Немного читает, иногда смотрит телевизор.

Улыбка Сэма была искусственной. Он сцепил пальцы, и Синеску заметил, что костяшки на одной ладони побелели, а на другой — нет. Он отвернулся.

— Вы из Вашингтона, правда? — вежливо спросил Сэм. — Первый раз здесь? Простите... — Он встал со стула, заметив за стеклянными дверями какое-то движение. — Похоже, кончили. Подождите немного здесь, я посмотрю.

Сэм вышел. Двое мужчин сидели молча. Бэбкок сдвинул маску, Синеску, видя это, последовал его примеру.

— Нас беспокоит жена Сэма, — сказал Бэбкок, наклоняясь ближе. — Сначала это казалось хорошей идеей, но она чувствует себя здесь очень одиноко, ей у нас не нравится, здесь нет движения, детей...

Дверь снова открылась, и появился Сэм. Он был в маске, но тоже сдвинул ее вниз.

— Прошу вас.

В комнате жена Сэма, тоже с масочкой на шее, наливала кофе из фаянсового кувшинчика в цветок. Она лучезарно улыбалась, но вовсе не казалась счастливой. Напротив нее сидел некто высокий в серой рубашке и брюках, откинувшийся назад, вытянув ноги и положив руки на подлокотники. Он не шевелился. С лицом его было что-то не в порядке.

— Вот и мы, — сказал Сэм, потирая руки. Жена взглянула на него с вымученной улыбкой.

Высокая фигура повернула голову, и Синеску испытал потрясение, поскольку лицо было из серебра: металлическая маска с удлиненными вырезами для глаз, без носа, без губ, на их месте были просто изогнутые поверхности.

— ...Эксперимент? — произнес механический голос.

Синеску вдруг сообразил, что замер над стулом, и сел. Все смотрели на него. Голос повторил свой вопрос:

— Я спрашивал, вы приехали, чтобы прервать эксперимент?

Сказано это было равнодушно, без акцента.

— Может, немного кофе? — Ирма подвинула ему чашку.

Синеску вытянул руку, но она дрожала, и он торопливо отдернул ее.

— Я приехал только для того, чтобы установить факты, — ответил он.

— Вранье. Кто вас прислал? Сенатор Хинкель?

— Да.

— Вранье. Он был здесь лично. Зачем ему посылать вас? Если хотите прервать эксперимент, можете мне об этом сказать.

Лицо под маской не двигалось, когда он говорил, и голос шел как будто не из-под нее.

— Он хочет только сориентироваться в ситуации, Джим, — сказал Бэбкок.

— Двести миллионов в год, — снова сказал голос, — чтобы продлить жизнь одному человеку. Согласимся, что это не имеет смысла. Да вы пейте, а то кофе остынет.

Синеску заметил, что Сэм и его жена уже выпили и натянули масочки. Он торопливо взял свою чашку.

— Стопроцентная неспособность к труду при моей должности дает пенсию в размере тридцати тысяч в год. Я мог бы превосходно жить на эту сумму. Неполные полтора часа.

— Никто не говорит о прекращении эксперимента, — вставил Синеску.

— Ну тогда скажем об ограничении фондов. Это определение вам больше нравится?

— Возьми себя в руки, Джим, — сказал Бэбкок.

— Ты прав. С вежливостью мы не в ладах. Так что же вас интересует?

Синеску глотнул кофе. Руки у него все еще дрожали.

— Почему вы носите маску?... — начал он.

— Никакой дискуссии на эту тему. Не хочу быть невежливым, но это чисто личное дело. Спросите лучше... — Без всякого перехода он вдруг вскопился с криком: — Черт побери, заберите это!

Чашка Ирмы разбилась, кофе черным пятном растекся по столу. Посреди ковра сидел, склонив голову, коричневый щенок с высунутым языком и глазами как бусинки.

Столик опасно наклонился, жена Сэма вскопчила, слезы выступили у нее на глазах. Схватив щенка, она выбежала из комнаты.

— Я пойду к ней, — сказал Сэм, вставая.

— Иди, Сэм, и устройте себе выходной. Отвези ее в город, сходите в кино.

— Пожалуй, я так и сделаю, — сказал Сэм и вышел.

Высокая фигура села снова, двигаясь при этом, как человек; откинулась на спинку, как и прежде, с руками на подлокотниках, и замерла. Ладони были идеальны по форме, но какие-то странные: что-то неестественное было в ногтях. Каштановые, гладко зачесанные волосы над маской — это парик; уши были из пластика. Синеску нервным движением натянул свою марлевую маску на рот и нос.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он, вставая.

— Хорошо. Я хочу еще показать вам машинный зал и секцию научных исследований, — согласился Бэбкок. — Джим, я скоро вернусь. Нам нужно поговорить.

— Пожалуйста, — ответила неподвижная фигура.

Бэбкок принял душ, но рубашка у него вновь была мокрой под мышками. Тихоходный лифт, зеленый ковер. Холодный, затхлый воздух. Семь лет работы, кровь и деньги, пятьсот лучших специалистов. Секции психологическая, косметическая, медицинская, имму-

нологическая, серологическая, научная, машинный зал, снабжение, администрация. Стеклопанные двери. Квартира Сама пуста: он с женой поехал в город. Ох уж эти психологи. Хорошие, но лучшие ли? Трое первых отказались сотрудничать. «Это не обычная ампутация, этому человеку ампутировали все».

Высокая фигура даже не дрогнула. Бэбкок сел напротив серебряной маски.

— Джим, поговорим серьезно.

— Плохие новости, а?

— Конечно, плохие. Я оставил его наедине с бутылкой виски. Поговорю с ним перед отъездом, но Бог знает, что он там наговорит в Вашингтоне. Слушай, сделай это для меня и сними маску.

— Пожалуйста. — Рука поднялась, взялась за край маски и стянула ее. Под маской скрывалось загорелое лицо с точеными носом и губами, может, не красивое, но нормальное. Довольно приятное лицо. Только зрачки были слишком велики и губы не шевелились, когда он говорил. — Могу снять все по очереди. Это что-то изменит?

— Джим, косметическая секция билась над твоим лицом восемь с половиной месяцев, а ты заменяешь его маской. Мы спрашивали, что тебе не нравится, и были готовы изменить все, что ты захочешь.

— Я не хочу разговаривать на эту тему.

— Ты говорил что-то об ограничении фондов. Это была шутка?

Минута молчания.

— Я не шутил.

— В таком случае, Джим, скажи мне, в чем дело. Я должен знать. Эксперимент не будет прерван, тебя будут удерживать при жизни, но это и все. В списке уже семьсот желающих, из них два сенатора. Допустим, кого-нибудь из них завтра вынут из разбитой машины. Тогда будет поздно для дискуссии; мы должны знать уже сейчас, позволить ли им умереть или дать тело, подобное твоему. Поэтому мы должны поговорить.

— А если я не скажу правды?

— Зачем тебе лгать?

— А зачем обманывают больных раком?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, Джим.

— Попробуем по-другому. Я выгляжу как человек?

— Конечно.

— Вранье. Приглядишься к этому лицу. (Холодное и невозмутимое. За искусственными зрачками блеск металла.) Предположим, что мы разрешили все прочие проблемы и я мог бы завтра поехать в город. Ты можешь представить меня гуляющим по улицам, входящим в бар, едущим в такси?

— И это все? — Бэбкок глубоко вздохнул. — Конечно, Джим, разница есть, но боже ты мой, так бывает со всеми протезированны-

ми; людям нужно привыкнуть. Возьми, к примеру, эту руку Сэма. Через какое-то время забываешь о ней, перестаешь ее замечать.

— Вранье. Они делают вид, что не замечают, чтобы не обижать калеку.

Бэбкок опустил взгляд на свои сплетенные ладони.

— Жалеешь себя? — спросил он.

— Не говори ерунды, — загремел голос. Высокая фигура распрямилась, руки со стиснутыми кулаками медленно поднялись вверх.

— Я заперт в этом. Сижу в нем уже два года, нахожусь в нем, когда засыпаю и когда просыпаюсь.

Бэбкок смотрел на него снизу.

— А чего бы ты хотел? Подвижного лица? Дай нам двадцать лет, может, даже десять, и мы решим эту проблему.

— Не в том дело.

— А в чем?

— Я хочу, чтобы вы ликвидировали косметический отдел.

— Но ведь это...

— Выслушай меня. Первая модель выглядела как портновский манекен, и вы работали восемь месяцев, чтобы построить новую. Эта похожа на свежего покойника. Ваша цель — как можно более уподобить меня человеку. Постепенно совершенствуя очередные модели, вы дошли бы до такой, которая могла бы курить сигары, развлекать дам, играть в кегли, и люди ничего бы не подозревали. Это вам никогда не удастся, а если даже удастся, то зачем?

— Позволь подумать... Что ты имеешь в виду? Металл?

— Конечно, и металл, но не в нем дело. Я имею в виду форму, функциональность. Подожди минутку.

Высокая фигура прошла через комнату, открыла шкаф и вернулась с рулоном бумаги.

— Взгляни на это.

Рисунок изображал вытянутую металлическую коробку на четырех суставчатых ногах. На одном конце коробки размещалась небольшая головка в виде грибка на гибком пруте и пучок рук, заканчивающихся зондами, буравами, держателями.

— Для работы на Луне.

— Слишком много рук, — сказал Бэбкок. — Как ты будешь...

— Нервами лицевых мышц. Их много. Или вот это. (Другой рисунок.) Контейнер, подключенный к пульту управления космического корабля. Космос — идеальное место для меня. Стерильная атмосфера, малая гравитация, я могу добраться туда, куда человек не доберется, и сделать то, чего человек не сможет никогда. Там я могу быть полезен, а сидя здесь — я миллиардная дыра в бюджете.

Бэбкок потер глаза.

— Почему ты ничего не говорил раньше?

— Да вы все помешались на протезировании. Сказали бы мне, чтобы я не вмешивался.

Бэбкок дрожащими руками скрутил рисунки.

— Честное слово, это может решить вопрос, — сказал он. — Вполне возможно.

Он встал и направился к двери.

— Держись, Джим.

Оставшись один, он вновь надел маску и постоял немного не двигаясь, вслушиваясь в легкий, ритмичный шум помп, щелчки переключателей и клапанов; он чувствовал, что там, внутри у него, холодно и чисто. Нужно признать, что это ему обеспечили: освободили от всех потрохов, заменив их механизмами, которые не кровоточат, не текут и гноятся. Он подумал о том, как обманул Бэбкока. «А почему обманывают больного раком?» Они все равно не смогут этого понять.

Он сел за чертежную доску, прикрепил чистый лист бумаги и начал рисовать карандашом машину для исследования Луны. Закончив машину, начал набрасывать кратеры и фон. Карандаш двигался все медленнее, наконец он с треском отложил его.

Нет желез, выделяющих в кровь адреналин, значит, он не испытывает ни страха, ни ярости. Его освободили от всего этого — от любви, от ненависти, — но забыли об одном чувстве, на которое он еще способен.

Синеску с черной щетиной бороды, пробивающейся сквозь толстую кожу. Созревший угорь возле носа.

Чистый и холодный лунный пейзаж... Он снова взял карандаш.

Бэбкок со своим приплюснутым, красным носом, с гноем в уголках глаз и остатками пищи между зубами.

Жена Сэма с малиновой кашицей на губах. Лицо в слезах, капелька под носом. И этот проклятый пес с блестящим носом и мокрыми глазами...

Он повернулся. Пес был здесь, сидел на ковре, с висящего розового языка капала слюна. (Снова оставили двери открытыми!) Схватив металлическую рейшину, он взмахнул ею как топором. Пес коротко взвизгнул, когда металл раздробил его кости. Один глаз заполнился кровью, пес дергался в конвульсиях, оставляя на ковре темные пятна, а он ударил еще и еще раз.

Маленькое тельце скорчившись лежало на ковре, окровавленное, с ощеренными зубами. Он вытер рейшину бумажным полотенцем, вымыл ее в раковине водой с мылом, вновь вытер и положил на место. Потом взял лист ватмана, развернул на полу и подsunул под тело собаки, стараясь как можно меньше пачкать ковер. Подняв труп щенка, он вышел с ним на террасу, открыв дверь плечом. Выглянул через перила. Двумя этажами ниже бетонная крыша с трубами. Никто не смотрит. Он сбросил собаку с бумаги, и та полетела вниз ударились о

трубу, оставив на ней красную полосу. Вернувшись в комнату, он выбросил бумагу в мусоропровод.

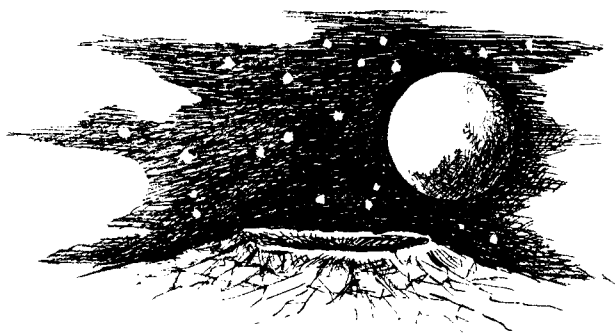
Пятна крови были на ковре, на ножках столика и на его брюках. Он вытер их водой и бумажными полотенцами, потом снял одежду, внимательно осмотрел и бросил в прачечную. Вымыл раковину, вымылся сам дезинфицирующим средством и надел чистую одежду. Войдя в пустую квартиру Сэма, оставил дверь на террасу открытой и вернулся к себе.

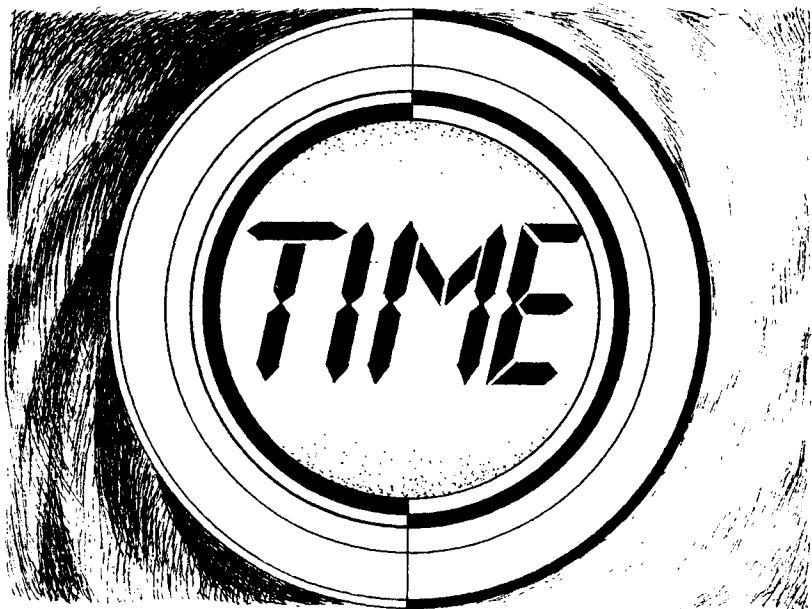
Чистый и холодный, снова сел за чертежную доску. Ему вдруг вспомнился сон, который он видел сегодня утром: скользкие почки лопаются серые легкие кровь и волосы шнуры кишок покрытые желтым жиром и этот смрад как из уборной а он переправляется через какой-то вонючий желтый поток и...

Он начал рисовать тушью, сначала тонким стальным пером, потом нейлоновой кисточкой.

...поскользнулся и падал не в силах остановиться погружался в вязкое месиво все глубже не в силах шевельнуть ни рукой ни ногой как парализованный и напрасно хотел закричать хотел закричать хотел закричать...

Машина карабкалась по склону кратера, руки ее были вытянуты, голова откинута назад. Вдали виднелась скальная стена, горизонт, черное небо и звезды, как булавочные головки. Это был он там, на Луне, но еще слишком близко, ведь над головой, как гнилой плод, нависала Земля — голубая от плесени, сморщенная, струящаяся, кишущая жизнью.

Рафаэл Лафферти

МЕДЛЕННАЯ НОЧЬ СО ВТОРНИКА НА СРЕДУ

Нищий преградил путь молодой паре, медленно идущей вниз по ночной улице.

— Сохрани нас этой ночью, — сказал он, взмахнув перед ними шляпой. — Добрые люди, не могли бы вы дать мне в долг тысячу долларов? Я хочу восполнить потерю своих капиталов.

— Я давал тебе тысячу в прошлую пятницу, — напомнил молодой человек.

— Действительно, давал, — согласился нищий. — А я около полуночи вернул тебе через посланца в десять раз больше.

— Правда, Джордж, так оно и было, — сказала молодая женщина. — Дай ему их, дорогой. По-моему, это порядочный человек.

Вот так молодой человек дал нищему тысячу долларов, а тот махнул перед ними шляпой и отправился дальше, чтобы восполнить потерю своих капиталов.

Входя на биржу, он миновал Ильдефонсу Импала, прекраснейшую женщину мира.

— Выйдешь за меня сегодня ночью, Илдо? — радостно спросил он.

— Не думаю, Бэзил, — ответила она. — Я столько раз выходила за тебя, но на эту ночь у меня нет никаких планов. Впрочем, ты можешь сделать мне подарок в случае своего первого или второго состояния, мне это всегда нравится.

Однако едва они расстались, она задала себе вопрос: а за кого я выйду этой ночью?

Нищим был Бэзил Бегельбекер, который через полтора часа станет богатейшим человеком мира. В течение восьми часов он сколотит и потеряет четыре состояния: то будут действительно огромные деньги, а не мизерные капиталы, которые добывают середнячки.

Когда из мозгов убрали блокаду Абебаоса, люди стали принимать решения быстрее и более удачные. Блокада заставляла мозг заикаться. Когда поняли, в чем она заключается и то, что не выполняет никаких положительных функций, ее стали убирать в детстве с помощью простой нейрохирургической операции.

С того времени продукция и перевозка стали практически вопросом времени. Дела, которые отнимали до этого месяцы и годы, решались теперь в течение минут и часов. В течение восьми часов можно было сделать одну или несколько изрядно закрученных карьер.

Фредди Фиксико как раз изобрел ручной модуль. Фредди был никталопом, и любовь к модулям характеризовала ему подобных. Вообще в зависимости от своей природы и увлечений люди разделились на аврориков, хемеробиков и никталопов, или, другими словами, на зорян, которые жили в полную силу от четырех утра до полудня, дневных мух, время которых приходилось на часы с полудня до восьми вечера, и цивилизацию ночников, которая цвела между восемью вечера и четырьмя утра. Культура, изобретательность, торговля и деятельность трех этих племен несколько отличались друг от друга. Как никталоп Фредди начал свой рабочий день в восемь вечера медленной ночью со вторника на среду.

Фредди снял контору и поручил ее обставить. Это заняло одну минуту: переговоры, выбор и оборудование прошли почти одновременно. Потом он изобрел ручной модуль, что заняло следующую минуту, и начал, его производство и продажу. В течение трех минут модуль оказался у ведущих потребителей.

Понравилось — это был весьма привлекательный модуль. Через тридцать секунд начал поступать поток заказов. В 8.10 все известные личности получили один из новых экземпляров, и спрос стабилизировался. Продажа модулей составила миллионы штук, это был один из самых интересных шлягеров той ночи, по крайней мере ее ранних часов.

Ручные модули не имели никакого практического применения,

так же как стихи Сэмеки. Они были привлекательны, имели удовлетворительные с психологической точки зрения размер и форму, их можно было держать в руках или поставить в нишу для модулей в любой стене.

Разумеется, Фредди стал очень богат. Ильдифонса Импала, прекраснейшая женщина мира, всегда интересовалась недавно разбогатевшими и пришла встретиться с Фредди около 8.30. Решения принимались быстро, и решение Ильдифонсы последовало в ту же секунду, как женщина остановилась в дверях. Фредди тоже решил быстро и развелся с Джуди Фиксико в Суде по Мелким Дела. Фредди и Ильдифонса поехали на медовый месяц на курорт Параис Дорадо.

Это было чудесно. Все замужества Иллы были чудесны, и чудесен был иллюминированный пейзаж. Вода, питающая знаменитые водопады, сверкала золотом; ближайшие скалы сделал Рэмблес, а контур гор был творением Спэлла. Пляж был идеальной копией Меривеля, а в первые часы ночи общество пило голубой абсент.

Но пейзаж — увиденный впервые или после перерыва — поражает только на первый взгляд, не привлекая больше внимания. Приготовленное за мгновение блюдо поедается еще быстрее, а вкус голубого абсента держится не дольше, чем впечатление, будто он является новостью. Страсть Ильдифонсы и ее любовников была быстра и горяча; повторение не имело для нее смысла. К тому же Ильдифонса и Фредди заказали только одночасовой медовый месяц.

Фредди хотел продолжать эту связь, но Ильдифонса взглянула на указатель спроса. Ручные модули сохраняют популярность только треть ночи, дальновидные люди уже сейчас избавляются от них. А Фредди не был человеком, переживающим один взлет за другим. Настоящая карьера бывала у него только раз в неделю.

Они вернулись в город и в 9.35 развелись в Суде по Мелким Дела. Запас ручных модулей пошел на распродажу, а остатки его получают торговцы старьем из зорян, которые скупают все, что попадется.

— За кого выйти в следующий раз? — задала себе вопрос Ильдифонса. — Как медленно тянется ночь...

— Бегельбекер покупает, — зашептались на Бирже, но Бегельбекер уже продавал обратно, прежде чем сплетня успела описать полный круг. Бэзил Бегельбекер любил делать деньги, и приятно было следить за ним во время работы, как он возвышался над всеми в зале Биржи и уголком губ бросал распоряжения посыльным и подчиненным. Помощники сносили с него вешенские лохмотья и закутали в тогу финансового воротилы. Он послал одного из курьеров передать двадцать тысяч долларов молодой ларе, которая одолжила ему тысячу. Другого послал с еще более ценным подарком для Ильдифонсы Импала, поскольку ему была приятна их связь. Он получил доступ ко Всеобщему Указателю Спроса и увел в него некоторые фальшивые данные, вызвав падение пары промышленных империй, выросших за

последние несколько часов, и провернул неплохое дельце, объединив то, что от них осталось. Несколько минут он был богатейшим человеком в мире. Но состояние тяготило его, не позволяя маневрировать с ловкостью, которую он проявлял час назад. Он походил на большого, упитанного оленя, а стая волков кружила вокруг него, чтобы повалить на землю.

Скоро он лишится своего первого состояния этой ночи. Тайна Бэзиля Бегельбекера заключалась в том, что эффективная потеря денег доставляла ему удовольствие, когда он был набит ими по самое горло.

Человек по имени Максвелл Маузер создал труд по актинической философии, написание которого заняло семь минут. Для создания философских трудов пользовались общей схемой и индексом понятий, устанавливая активатор на подходящую терминологию в каждом подразделе, а более умелые пользовались усилителем парадоксов и смесителем поразительных аналогий; кроме того, градуировали особую точку зрения и личностную интонацию. Из всего этого выходил хороший труд, поскольку при такого рода продукции совершенство стало автоматическим минимумом.

— А теперь немного бакалеи для украшения торта, — сказал Максвелл и нажал рычаг. По всему труду горстями посыпались слова вроде «хтонический», «эвристический» и «прозимейды», чтобы никто не сомневался, что это философский труд.

Максвелл Маузер принялся посылать свою работу издателям и каждый раз в течение трех минут получал ее обратно. Анализ труда и причины отказа каждый раз сообщались — как правило, утверждали, что это уже делали раньше и лучше. В течение тридцати минут ее вернули Максвеллу десять раз, и ему стало надоедать. Вот тут и наступил перелом.

За последние десять минут гвоздем стала работа Ладиона, и теперь сочли, что монография Максвелла ее дополняет и одновременно дает на нее ответ. Ее приняли для публикации и издали меньше чем за минуту. В течение первых пяти минут рецензии были осторожны по тону, а потом начался настоящий энтузиазм. Это был один из величайших философских трудов, появившихся в ранние и средние ночные часы. Нашлись и такие, что утверждали, будто успех может стать постоянным и даже будто книга привлечет внимание зорян на следующее утро.

Разумеется, Максвелл стал очень богат и разумеется, Ильдефонса пришла увидеться с ним около полуночи. Как философ-революционер Максвелл считал, что они могут жить без формальных процедур, но Ильдефонса настаивала на браке. Тогда Максвелл развелся с Джуди Маузер в Суде по Мелким Делах и вышел оттуда с Ильдефонсой.

Эта Джуди, хоть и не такая красивая, как Ильдефонса, собирала больше всех мужчин в городе. Она хотела человека минуты только на минуту, и всегда оказывалась там, где нужно, даже перед Ильдефон-

сой. Ильдефонса верила, что отбирает мужчин у Джуди, а Джуди твердила, что Ильдефонса получает оставшееся после нее и ничего больше.

— Я была с ним первой, — смеялась Джуди, проносясь по Суду по Мелким Дела.

— О, эта проклятая шлюха, — стонала Ильдефонса. — Она носит мои трусы, прежде чем я успею их надеть.

Максвелл Маузер и Ильдефонса Импала поехали на медовый месяц на курорт Мьюзикбокс Маунтин. Было чудесно. Данбар и Фиттл сделали вершины гор из зеленого снега (а на Бирже Бэзил Бегельбекер копил свое третье за ночь и самое крупное состояние, которое могло превзойти даже четвертое с прошлого четверга). Шалаши были более швейцарскими, чем в самой Швейцарии, в каждой комнате имелась живая коза (а Стенли Скулдаггер вспыхнул на небосклоне как ведущий актер центральных ночных часов). Популярнейшим напитком в это время стал «Глотзенбургер»: «Ив Чизе», смешанный с рейнским вином на кубиках розового льда (а в городе самые главные никталопы отправились в Клуб для Важных Особ на полуночный отдых).

Разумеется, было чудесно, как всегда с Ильдефонсой, но она никогда не изучала философии, поэтому запланировала только тридцатипятиминутный медовый месяц. Чтобы убедиться, она взглянула на указатель спроса и увидела, что ее нынешний муж выходит в тираж, а его труд цитируют насмешливо, как «Макси-Маузер». Они вернулись в город и развелись в Суде по Мелким Дела.

Состав Клуба для Важных Особ постоянно менялся: успех был входным билетом. Бэзил Бегельбекер мог быть принят, выбран на пост председателя и вышвырнут из клуба как грязный нищий от трех до шести раз за ночь. В Клубе могли состоять только важные личности либо те, кто стал важным ненадолго.

— Думаю, что засну завтра, во время зорян, — сказал Оверкалл. — Пожалуй, съезжу на часок в этот новый город Космополис. Говорят, там неплохо. А ты где переночуешь, Бэзил?

— В ночлежке.

— Я полагаю, что через час буду спать по методу Мидиана, — сказал Бурнбаннер. — У них отличная новая клиника. Часок просплю методом Прасенки, а час — Дормидио.

— А Шекль спит час естественным способом, — сказал Оверкалл.

— Недавно я делал это в течение получаса, — добавил Бурнбаннер. — Думаю, час — это слишком долго. Ты пробовал естественный способ, Бэзил?

— Только им и пользуюсь. Естественный способ и бутылка спиртного.

Стенли Скулдаггер стал самой яркой звездой недели. Разумеется, он получил огромное состояние, и Ильдефонса Импала пришла увидеться с ним в три часа утра.

— Я была с ним первой, — звучал насмешливый голос Джуди Скулдаггер, когда она разводилась с ним в Суде по Мелким Дела. Илдефонса и Стенли отправились на медовый месяц. Приятно было закончить ночь с актером; это самые страстные экземпляры, к тому же в них есть что-то юношеское и простецкое.

Кроме того, это означало рекламу, что нравилось Илдефонсе. Пошли в ход языки. Продлится ли это десять минут? Тридцать? Час? Может, то будет один из тех редких у никталопов браков, которые тянутся до дневных часов? А может, даже до следующей ночи?

В действительности он длился около сорока минут, почти до конца периода.

Медленно тянулась ночь со вторника на среду. На рынок выбросили несколько сотен новых продуктов. Появились штук двадцать театральных пьес: трех- и пятиминутные драмы в капсулах и шестиминутные долгоиграющие представления. «Ночная Улица, 9» — действительно свинский опус — выделялась среди прочих пьес, и так будет до тех пор, пока она не станет прошлым.

Вздыхались стоэтажные дома, их занимали, покидали и снова разбирали, чтобы освободить место для более современной конструкции. Только посредственность воспользовалась бы зданием, оставленным дневными мухами, зорьянами или даже ночниками с предыдущей ночи. Город был целиком перестроен не менее трех раз в течение одного восьмичасового цикла.

Время шло к концу. Бэзил Бегельбекер, богатейший человек мира, председатель Клуба для Важных Особ, развлекался в обществе друзей. Его четвертое этой ночью состояние напоминало бумажную пирамиду, выросшую до невероятных размеров. Бэзил смеялся в душе, вспоминая штуки, на которых она базировалась.

Твердым шагом вошли трое привратников.

— Убирайся отсюда, ты, грязный бродяга, — яростно сказали они Бэзилу, сорвали с него тогу воротилы и швырнули взамен потертые лохмотья нищего.

— Все пропало? — спросил Бэзил. — Я думал, это продлится еще минут пять.

— Все пропало, — подтвердил посланец с Биржи. — Девять миллиардов за пять минут. И потянуло за собой еще несколько других.

— Выбросить отсюда этого банкрота, — завывли Оверкалл, Бурнбаннер и их приятели. — Подожди, Бэзил, — сказал Оверкалл. — Верни Посох Президента, прежде чем мы погоним тебя пинками по лестнице. Следующей ночью эн пару раз будет твой.

Время кончилось. Никталопы тянулись к сонным клиникам и убежищам в домах отдыха, чтобы провести там время упадка сил. Зоряне принимали у них эстафету.

Теперь вы увидите, как нужно жить! Эти зоряне действительно

быстро принимают решения. И не думайте, чтобы они тратили целую минуту на какой-то вопрос.

Сонный нищий наткнулся на Ильдефонсу Импала.

— Сохрани нас этим утром, Илдо, — сказал он. — Выйдешь за меня будущей ночью?

— Пожалуй, да, Бэзил, — ответила она. — Ты женился этой ночью на Джуди?

— Не уверен. Ты можешь дать мне два доллара?

— О чем разговор. Джуди Бегельбекер стала одной из десяти самых элегантных женщин во время сезона моды фру-фру около двух. Зачем тебе два доллара?

— Один на постель, другой на выпивку. Ведь я послал тебе два миллиона со своего второго состояния.

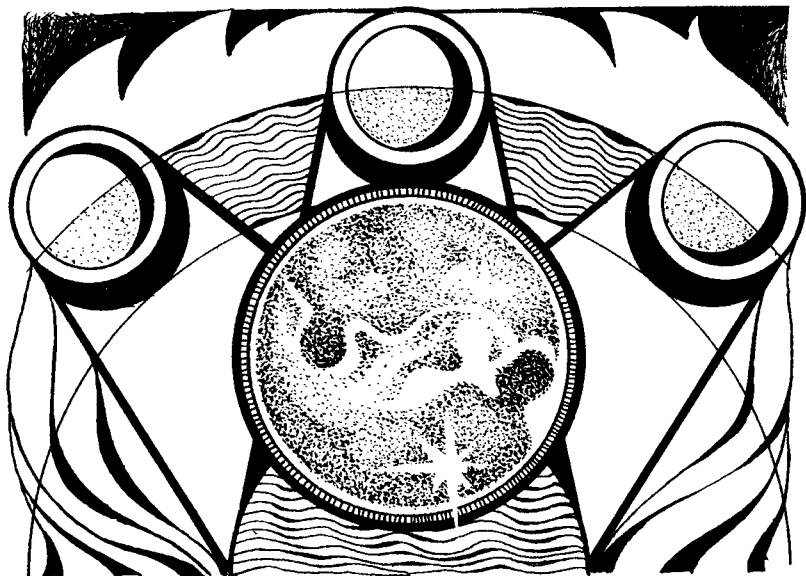
— Я веду эти два счета отдельно. Вот тебе доллар, Бэзил. А сейчас — убирайся! Незачем другим видеть, как я разговариваю с грязным нищим.

— Спасибо, Илдо. Пойду куплю выпить и пересплю на лавке. Сохрани нас этим утром.

И Бегельбекер ушел, шаркая ногами и насвистывая «Медленную ночь со вторника на среду».

А зоряне уже начинали утро среды.

Фредерик Пол

МИЛЛИОННЫЙ ДЕНЬ

В день, о котором я хочу вам рассказать и который наступит всего через тысячу лет, жили себе парень, девушка и любовь.

И хотя до сих пор я сказал совсем мало, ничто из этого не является правдой. Этот парень совсем не то, что мы имеем в виду, гозоря: «парень», поскольку было ему сто восемьдесят лет. И девушка не была девушкой, правда, уже по другой причине, а любовь — это не сублимация стремления к насилию с одновременным подавлением желания отдаться — как понимают этот вопрос сегодня.

Моя история вам не очень-то понравится, если вы с самого начала не примете во внимание этих фактов. Однако если постараетесь, то, вероятно, найдете здесь массу смеха, слез и волнения, а все это может стоить или не стоить ваших трудов. Что касается девушки, то не была она девушкой потому, что была парнем.

Я почти вижу как вас буквально отшвыривает от этой книги! «Черт возьми, — говорите вы, — кому захочется читать о паре педи-

ков?» Успокойтесь. Вы не найдете здесь тайн похоти и извращений для публики определенного сорта. Если бы вы увидели эту девушку, ни за что не догадались бы, что она в некотором смысле парень. Судите сами, груди — две, влагалище — одно, бедра — как у Венеры, лицо — без волос, надбровных дуг — нет. Вы сразу назвали бы ее существом женского пола, хотя, конечно, вас могли дезориентировать хвост, шелковистая кожа и жаберные щели за каждым ухом.

И снова тебя отбрасывает. О Боже, приятель, вот тебе мое честное слово. Это прелестное создание, и тебе, нормальному парню, достаточно провести с ней час, чтобы ты перевернул небо и землю, пытаясь ее затянуть в постель. Дора (мы будем называть ее так, хотя полное имя звучит: Омикрон-Дибез с Дорадус 5314 — последний член означает цвет, оттенок зеленого — итак, Дора выглядела, как девушка, была прелестна и мила. Но, признаться, ее голос не подходил ко всему этому. Она была, можно сказать, танцовщицей. Это искусство требовало интеллекта и больших знаний, огромных врожденных способностей и непрерывных тренировок. Танец совершался в невесомости и лучше всего его описать так: немного цирковой номер «женщина-без-костей», а немного классический балет, скажем, умирающий лебедь в исполнении Даниловой. И в то же время это было чертовски сексуально. Разумеется, в символическом смысле, но будем говорить откровенно: большая часть из того, что мы считаем «сексуальным», символично, за исключением, может, расстегнутой ширинки эксгибициониста. Когда Дора танцевала в Миллионный День, люди задыхались от желания — и ты бы задыхался, если бы ее увидел.

А теперь о том, что она была парнем. Для ее зрителей не имело значения, что генетически она самец. Для тебя тоже бы не имело, если бы ты сидел среди них, поскольку ничего бы не знал — разве что взял бы кусочек ее плоти и поместил под электронный микроскоп, чтобы найти хромосому XY. Для зрителей это не имело значения, им было все равно. Благодаря методам, которые не только сложны, но в наше время и неизвестны, у них можно многое узнать о способностях и склонностях ребенка задолго до его рождения — примерно на второй стадии клеточного деления, точнее говоря, когда делящаяся яйцеклетка становится свободным бластоцидом. И тогда они, конечно, развивают в нем эти склонности. И мы что — не стали бы? Если мы замечаем, что какой-то ребенок проявляет способности в музыке, мы даем ему стипендию Джиллиарда. Если они замечают, что у ребенка есть женские склонности, то делают из него женщину. А поскольку пол давно уже не имел ничего общего с размножением, такие действия были достаточно легки, не вызывали никаких осложнений и совсем мало комментариев.

Но что значит «совсем мало»? О, примерно столько же, сколько вызывает наше противодействие Божьей Воле, когда мы пломбируем себе зуб. Даже меньше, чем вызвало бы использование слухового ап-

парата. Что, все еще страшно? Ну, присмотрись тогда к первой встреченной грудастой бабе и подумай, что она могла бы быть Дорой, поскольку даже в наше время встречаются экземпляры, которые являются самцами генетически, но самками соматически. Случайный комплекс условий в лоне матери оказывается важнее, чем шаблоны наследственности. Разница заключается в том, что у нас это происходит случайно и мы об этом не знаем, разве что после детальных исследований, да и то редко. А вот люди из Миллионного Дня делали это часто, поскольку хотели.

Пожалуй, хватит о Доре. Зачем сбивать вас с панталыку, добавляя, что ростом она была два метра десять сантиметров и пахла арахисовым маслом? Итак, начнем наш рассказ.

В Миллионный День Дора выплыла из своего дома, вошла в транспортную трубу, откуда поток воды молниеносно вынес ее на поверхность и выбросил в фонтане брызг прямо перед ее... назовем это залом проб.

— Проклятье! — воскликнула Дора, поскольку, пытаясь удержать равновесие, налетела на какого-то совершенно незнакомого типа, которого мы будем дальше называть Доном.

Неплохая встреча. Дон как раз отправлялся туда, где ему должны были отремонтировать ноги, и ему было не до амуров. Но когда он в задумчивости сокращал себе путь, идя через регистрационную платформу для подводников, то заметил вдруг, что промок, а в объятиях держит чудеснейшую девушку под солнцем. Тут уж он сразу понял, что они созданы друг для друга.

— Выйдешь за меня? — спросил он.

— В среду, — мягко ответила она.

И обещание это было как ласка.

Дон был высокий, мускулистый, коричневый и чарующий, хотя и звали его не «Дон», подобно тому как Дору звали не «Дора». Личная часть его имени звучала «Адонис», и мы будем сокращенно звать его «Дон». Его личный цветовой код в ангстремах составлял 5290, то есть чуть более голубой, чем 5314 Доры, то была мера того, что оба обнаружили с первого взгляда — а именно, что у них близкие вкусы и интересы.

Мне довольно трудно объяснить вам, чем, собственно, занимался Дон — я имею в виду не заработок, а то, чем он придавал смысл и значение своей жизни, и что делал, чтобы не свихнуться от скуки. Могу лишь сказать, что с этим были связаны многочисленные путешествия. Он путешествовал на космических кораблях. Чтобы такой корабль двигался действительно быстро, тридцать одна мужская особь и семь генетически женских должны кое-что делать. Дон был среди этих тридцати одной, и его задачей было обдумывание возможностей.

При этом он подвергался изрядному облучению, не столько потому, что сидел в двигательном отсеке, сколько из-за утечек со следующего уровня, где генетическая женщина собирала коллекции, а элементарные частицы, составляющие эти коллекции, разбивались в брызгах квантов. Вам это, конечно, до лампочки, но для Дона означало, что он должен все время сидеть в оболочке из легкого, эластичного, исключительно прочного металла цвета меди. Я уже упоминал об этом, но тогда вы, наверно, подумали, что речь идет о загаре.

Более того, он был киборгом. Уже давно вместо некоторых частей тела ему вставили механизмы, гораздо более устойчивые и производительные. Кадмиевый насос, а не сердце, перекачивал ему кровь. Его легкие двигались, только если он хотел что-то громко сказать, поскольку это был комплекс осмотических фильтров и Дон получал кислород из его выделений. Людям двадцатого века он показался бы довольно необычным со сверкающими глазами и семипальными ладонями, но для себя и, конечно, Доры выглядел великолепно. Во время своих путешествий Дон посетил Проксиму Центавра, Прорцион и загадочные Миры Сети, завез экземпляры культурных растений на планеты Канопуса, а с бледного спутника Альдебарана доставил милых и веселых зверюшек. Он видел тысячи раскаленных голубых гигантов и холодных красных карликов и десять тысяч их планет, бродил по космическим дорогам уже почти двести знойных лет, проводя на Земле лишь короткие отпуска. Но и это неважно. Это люди создают истории, а не обстоятельства, в которых они оказываются, а вы хотите что-то узнать об этих двоих. В общем, они сделали, что должны были сделать. Великолепное чувство, которое они испытывали друг к другу, росло и расцветало, а в среду, как и обещала Дора, дало плоды. Они встретились в Бюро Кодирования, и каждый привел с собой несколько лучших друзей для поднятия своего духа. И пока их личности кодировались и записывались, они улыбались и перешептывались, терпеливо снося шуточки друзей. Потом они обменялись математическими аналогами и разошлись: Дора в свою квартиру под поверхностью моря, Дон на свой корабль.

Право слово, это была идиллия. С тех пор они жили долго и счастливо — по крайней мере до той минуты, когда решили больше не морочить себе головы и умерли.

Разумеется, никогда больше они уже не встречались.

О, я вижу вас, пожиратели прожаренных бифштексов: одной рукой вы потираете свои мозоли, а в другой держите эту книгу, пока на вашем граммофоне стоит Инди или Монк. Не верите ни одному слову? Ни секунды? Люди не могли бы так жить, раздраженно скажете вы, отправляясь за свежим льдом для своего выдохшегося напитка.

А ведь Дора спешит в потоке транспортного туннеля в свой под-

водный домик (она любит там находиться и дала переделать себя соматически, чтобы дышать в этой среде). Если бы я сказал вам, с каким роскошным чувством исполнения ставит она записанный аналог Дона в манипулятор символов, подключается к нему и настраивается... Если бы попытался рассказать вам что-нибудь подобное, вы онемели бы. Или смотрели бы с яростью и ворчали: — Что за чертов способ любить? — И все же заверяю тебя, мой дорогой, искренне заверяю, что Дора испытывает наслаждение в не меньшей мере, чем любая из партнерш Джеймса Бонда, и даже гораздо полнее, чем то, что может ждать тебя в так называемой «настоящей жизни». Что ж, давай, злись и брызжи, Доре это все равно. Если она вообще думает о тебе, своем тридцатикратном прапрадеде; ты для нее просто примитивное животное. Да, да, животное. Дора ушла от тебя дальше, чем ты от какого-нибудь австралопитека.

Ты ни секунды не удержался бы на поверхности ее быстрой жизни. Надеюсь, ты не считаешь, что прогресс идет по прямой линии? Знаешь ли ты, что прогресс — это быстро идущая вверх, ускользящая кривая, может, даже экспонента? Поначалу она плетется еле-еле, но уж если разгонится — летит, как ракета. А тебе, откинувшись в кресле пожирателю бифштексов, только-только удалось поджечь запал.

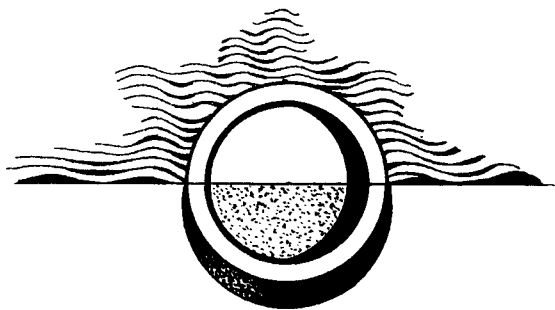
Что такое твои шестьсот или семьсот тысяч дней после рождения Христова? Дора живет в Миллионном Дне. Тысяча лет, считая от сегодня. Жиры в ее организме ненасыщены — как в сале Криско. Ее выделения извлекаются непосредственно из крови во время сна, так что ей не нужно ходить в ванную. Если она захочет развлечься, к ее услугам больше энергии, чем потребляет сегодня вся Португалия, и эту энергию можно использовать, к примеру, чтобы вывести на орбиту уикэндный спутник или разрыть какой-нибудь кратер на Луне. Она очень любит Дона. Ее жесты, манеры, утонченность, прикосновения рук, страстность поцелуев, возбуждение во время акта — все это хранится в символически-математической форме. И когда она его хочет, достаточно просто включить устройство — и вот он.

А у Дона, конечно, есть Дора. Дрейфуя в орбитальном городе в тысяче километров над ее головой или огибая Арктур, удаленный на пятьдесят световых лет, Дону достаточно включить свой собственный манипулятор символов, чтобы вызвать к жизни Дору. И вот она здесь, и они неумоимо трудятся всю ночь. Разумеется, не в телесном смысле, что ему с этого, ведь большая часть его органов заменена. Ему ни к чему тело, чтобы испытывать удовольствие. Гениталии ничего не чувствуют, так же как руки, груди, губы, они просто рецепторы, принимающие и передающие импульсы. Это мозг чувствует все, а интерпретация импульсов дает страдания или оргазм.

Манипулятор символов Дона передает ему аналог ласки, аналог

поцелуев, аналог самых безумных и пылких минут с вечным и всегда свежим аналогом Доры. Или Дианы. Или роскошной Розы, или смеющейся Элис, поскольку все они наверняка уже обменялись своими аналогами и будут вновь ими меняться.

Вранье, скажешь ты, это какой-то сумасшедший дом. А ты со своим лосьоном после бритья и красной машиной, ты, который, целыми днями перекладываешь бумаги с одного места на другое, ночью выбиваешься из сил в постели, скажи мне, черт возьми, как бы на тебя смотрел, скажем, Аттила, вождь гуннов?

Фриц Лейбер

ГРЯДЕТ ПОРА РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Кабриолет с приваренными к бамперу рыболовными крючками влетел на тротуар, словно нос какого-то кошмарного существа. Оказавшаяся на его пути девушка стояла как парализованная, лицо ее, закрытое маской, вероятно, исказил страх.

Хоть раз рефлексy меня не подвели. Я быстро сделал шаг к ней, схватил за локоть и рванул назад, так что затрепетало ее черное платье.

Кабриолет промчался рядом, гремя двигателем, и что-то треснуло. За стеклом я заметил три лица. Когда машина вновь выехала на мостовую, я почувствовал горячее дуновение из выхлопной трубы. Густая туча дыма, подобно черному цветку, распустилась за поблескивающим задом автомобиля. На крюках висел кусок черной ткани.

— Вас не задело? — спросил я девушку.

Она повернулась, чтобы взглянуть на разорванное платье. Под ним были нейлоновые панталоны.

— Крючки меня не коснулись, — ответила она звучным голосом.
— Кажется, мне повезло.

Вокруг зазвучали голоса:

— Эти молокососы! Что они еще придумают?

— Они угрожают безопасности, их нужно арестовать!

Взревели сирены, и вслед за кабриолетом на полной мощности вспомогательных ракетных двигателей промчались два полицейских мотоцикла. Однако черный цветок превратился в чернильный туман, заполнивший всю улицу. Полицейские выключили двигатели и повернули, затормозив возле облака дыма.

— Вы англичанин? — спросила девушка. — У вас английский акцент.

Ее дрожащий голос доносился из-под черной атласной маски, и я подумал, что, наверно, она стучит зубами. Голубые глаза смотрели на мое лицо из-за черного муслина, прикрывающего вырезанные в маске отверстия. Я ответил, что она угадала.

— Вы придете ко мне сегодня вечером? — спросила вдруг женщина. — Я не могу отблагодарить вас сейчас, а кроме того, вы сможете помочь мне кое в чем другом.

Я все еще обнимал ее за талию, чувствуя, как дрожит ее тело, и ответил на эту немую просьбу, как и на выраженную словами, сказав:

— Конечно.

Она назвала мне адрес — номер апартаментов где-то к югу от Ада — и время. Потом спросила, как меня зовут, и я представился.

— Эй, вы!

Я послушно обернулся на окрик полицейского, который распахивал небольшую толпу женщин в масках и гололицых мужчин. Кашляя от дыма, оставленного кабриолетом, полицейский попросил у меня документы. Я дал ему самые главные. Он взглянул на них, потом на меня.

— Английский торговец? Долго вы собираетесь пробыть в Нью-Йорке?

Сдерживаясь, чтобы не сказать «как можно меньше», я ответил, что буду здесь около недели.

— Вы можете потребоваться как свидетель, — объяснил он. — Эти мальчишки не имеют права использовать против нас газы, и если сделали это, их следует арестовать.

Казалось, он считает, что самое главное в происшествии — дым.

— Они пытались убить эту женщину, — подчеркнул я.

Полицейский с умным видом покачал головой.

— Всегда делают вид, что хотят это сделать, но на деле хотят только сорвать платье. Я уже задерживал потрошителей, в квартирах которых было более пятидесяти различных платьев. Конечно, случается, что они подъезжают слишком близко.

Я объяснил ему, что, не дерни женщину в сторону, ее ударило бы кое-что посерьезнее рыболовных крючков, однако он прервал меня:

— Если бы она считала, что ее действительно хотели убить, то осталась бы здесь.

Я оглянулся. Он был прав: женщина исчезла.

— Она была очень испугана, — сообщил я.

— А кто бы не испугался? Эти мальчишки испугали бы самого старика Гитлера.

— Я имел в виду страх перед чем-то большим, чем «дети». Они вовсе не походили на «детей».

— А на кого они походили?

Без особого успеха я попытался описать те три лица. У меня осталось только смутное впечатление жестокости и изнеженности — не слишком.

— Ну что ж, я могу ошибаться, — сказал он наконец. — Вы знаете эту девушку? Знаете, где она живет?

— Нет, — наполовину солгал я.

Второй полицейский спрятал радиотелефон и направился к нам, пиная ленты расплывающегося дыма. Черное облако уже не скрывало мрачных фасадов зданий со следами атомного огня пятилетней давности. Вдали уже просматривались развалины Эмпайр Стейт Билдинг, торчащие из Ада, подобно искалеченному пальцу.

— Их еще не поймали, — пробормотал подошедший полицейский. — Руан говорит, они оставили за собой облако дыма на пять кварталов.

Первый покачал головой.

— Это плохо, — мрачно заметил он.

Я чувствовал себя слегка неуверенно и пристыженно. Англичанин не должен лгать, во всяком случае машинально.

— Похоже, дело будет нелегким, — продолжал первый полицейский тем же мрачным голосом. — Потребуются свидетели. Боюсь, вам придется остаться в Нью-Йорке дольше, чем вы собирались.

Я понял, что он имеет в виду, и ответил:

— Я забыл показать вам все свои документы. — И протянул ему еще несколько бумаг, убедившись, что между ними лежит банкнот в пять долларов. Когда он вернул мне документы, голос его уже не был таким зловещим. Мое чувство вины прошло, и чтобы укрепить наше соглашение, я еще поболтал с ним об их работе.

— Я думаю, маски затрудняют вашу работу, — заметил я. — В Англии я читал о группе замаскированных бандитов-женщин.

— Пресса раздула дело, — заверил меня первый полицейский. — На самом деле хлопот больше с мужчинами, переодетыми женщинами. Поймав такого, мы бьем его ногами.

— Кстати, женщин можно узнать и в масках, как если бы их не

было, — сказал второй полицейский. — Ну, вы понимаете: руки и все остальное.

— Главное, все остальное, — со смехом согласился первый. — Скажите, это правда, что в Англии девушки часто не носят масок?

— Да, некоторые переняли эту моду. Однако их не очень много. Это те, что подхватят любой новейший стиль, как бы он ни был экстравагантен.

— Телевидение показывает англичанок только в масках.

— Пожалуй, только из уважения к морали американцев, — признал я. — Честно говоря, мало кто из девушек носит маску.

Второй полицейский задумался над моими словами.

— Девушки, ходящие по улицам с обнаженными лицами... — трудно было понять, относится он к этому одобрительно или наоборот. Вероятно, и то и другое.

— Кое-кто из послов пытается протащить закон, вообще запрещающий маски, — продолжал я.

Второй полицейский покачал головой.

— Что за идея! Понимаешь, приятель, маски — это очень хорошая штука. Еще пару лет, и я заставлю свою жену носить ее даже дома.

Первый пожал плечами.

— Если бы женщины перестали носить маски, через шесть недель ты бы уже не замечал разницы. Привыкнуть можно ко всему, в зависимости от того, сколько людей это делает или не делает.

Я согласился с этим и покинул их, направившись на север от Бродвея (думаю, прежде это была Десятая авеню), и быстро шел, пока не миновал Ада. Проход по зоне радиоактивности всегда расстраивает человека. Слава Богу, что пока в Англии таких мест нет.

Улица была почти пуста, хотя со мной заговаривали несколько нищих с лицами, изборожденными шрамами вроде тех, что оставляет взрыв водородной бомбы. Я не мог определить — настоящие это шрамы или же просто грим. Толстая женщина протянула в мою сторону ребенка со сросшимися пальцами рук и ног. Я подумал, что он родился бы деформированным, невзирая на обстоятельства, а женщина лишь пользуется страхом людей перед мутациями, вызванными бомбами, однако дал ей семь с половиной центов. Из-за маски я чувствовал себя так, словно приношу жертву какому-то африканскому идолу.

— Да будут ваши дети благословлены одной головой и одной парой глаз.

— Спасибо, — ответил я, содрогнувшись, и торопливо отошел.

— «...Под маской же только гной, так голову в сторону, вот принцип твой: прочь, прочь от девиц!» — То были последние строки антисексуальной песни, которую пели какие-то религиозные фанатики в половине квартала от увенчанной знаком круга и креста святыни феминистов. Это несколько напомнило мне наших британских монахов. Наверху был полный хаос объявлений, рекламирующих заранее пере-

варенные продукты, обучение борьбе, радиоосязатели и тому подобное.

Я разглядывал эти истерические призывы с каким-то неприятным очарованием. Поскольку в американской рекламе нельзя использовать женское лицо или тело, сами буквы объявлений были полны эротики. Например, толстобрюхая и грудастая большая В или сладострастное двойное О. Однако лучше всего секс в Америке представляет маска.

Британский антрополог писал, что хотя перенос сексуальных интересов с бедер на груди потребовал у эволюции пяти тысяч лет, время лица пришло спустя всего пятьдесят лет. Сравнение американского стиля с мусульманскими традициями неуместно; мусульманки носят маски, поскольку являются собственностью мужа, и это должно сделать собственность еще более личной. Зато американки подчиняются только моде и пользуются масками, чтобы создать вокруг себя атмосферу таинственности.

Однако, отодвинув в сторону теорию, настоящую причину этой моды можно найти в антирадиационных комбинезонах времен III мировой войны, породивших борьбу в масках, популярнейший сегодня вид спорта, а затем — современную женскую моду. Сначала просто проявление экстравагантности, однако вскоре маски стали так же необходимы, как некогда бюстгалтеры и губная помада.

В конце концов до меня дошло, что я думаю не о масках вообще, а над тем, что скрывается за одной из них. В этом кроется все двуличие этой вещи: никогда не знаешь, то ли девушка прячет свою красоту, то ли уродство. Я представил себе холодное, милое лицо, на котором страх был виден лишь в расширенных зрачках. Вспомнил ее густые светлые волосы, контрастирующие с черной атласной маской. Она пригласила меня в 22.00.

Я поднялся по лестнице в свой апартамент, находящийся недалеко от британского консульства. Лифт не работал после какого-то давнего взрыва — большое неудобство в высотных нью-йоркских зданиях. Прежде чем сообразил, что сегодня выйду еще раз, я оторвал из-под куртки кусок фотопленки и проявил ее. Она показывала, что количество радиоактивности, которое я получил за день, по-прежнему находится в пределах нормы. Я не чувствовал, подобно другим, никаких фобий, связанных с радиоактивностью, но все-таки считал, что нет смысла рисковать.

Опустившись на кровать, я взглянул на тихий динамик и экран видео в углу комнаты. Как обычно, это зрелище принесло с собой горькие мысли о двух великих народах мира. Одинаково изувеченные, но все еще сильные — гиганты-калеки, продолжающие отравлять планету своими мечтами о невозможном равновесии и не менее невозможной победе одного над другим.

Я с раздражением включил динамик. К счастью, комментатор воз-

бужденно говорил о перспективах рекордных урожаев с полей, засеянных с самолетов. Внимательно выслушал я все до конца, но не было ни одного интересующего меня сообщения. И разумеется, никакого упоминания о Луне, хотя каждый знал, что американцы и русские соревнуются в стремлении превратить свои базы на Луне в крепости, способные посылать на Землю ракеты, начинающиеся на самые разные буквы алфавита. Я сам отлично знал, что британское электронное оборудование, обмениваемое при моем посредничестве на американскую пшеницу, будет использовано в космических кораблях.

Я выключил аппарат. Начиная темнеть, и я вновь представил себе нежное, испуганное лицо под маской.

С самого отъезда из Англии я ни разу не встречался с женщиной. В Америке очень трудно познакомиться с девушкой; здесь даже такая мелочь, как улыбка, может вызвать крик о помощи, не говоря уже о постоянно растущем пуританстве и гангстерах, отучающих женщин выходить из дома по вечерам. Ну и, конечно, маски, которые наверняка не последний вымысел капиталистической дегенерации, а признак психической неуверенности. Русские могут не носить масок, но у них есть свои собственные символы стресса.

Подойдя к окну, я нетерпеливо вглядывался в темнеющее небо. Вскоре на южном горизонте появилась жуткая фиолетовая туча. Волосы зашевелились у меня на голове, однако я тут же рассмеялся. Я испугался, что это радиоактивное облако из воронки от Адской Бомбы, хотя должен был сразу понять, что это всего лишь вызванное излучением зарево на небе над центром развлечений и жилым районом к югу от Ада.

Ровно в 22.00 я стоял у дверей квартиры моей незнакомой подружки. Электронное устройство спросило мою фамилию. Я четко ответил: — Вистен Тюрнер, — гадая, закодировала ли она мое имя в механизме. Вероятно, да, потому что дверь открылась. С бьющимся сердцем я вошел в небольшую пустую гостиную.

Комната была меблирована дорогими современными пневматическими подножками и лежанками. На столе я заметил несколько книг, и та, которую поднял, оказалась типичным криминалом о двух женщинах-убийцах, пытающихся уничтожить друг друга.

Телевизор был включен, на экране одетая в зеленое девушка в маске плаксиво пела о любви. В правой руке она что-то держала — я не разобрал, что именно. Заметив, что телевизор снабжен осязателем, которых в Англии еще не было, я с интересом сунул руку в отверстие возле экрана. Вопреки ожиданиям все было не так, словно я сунул руку в пульсирующую резиновую перчатку, а скорее так, как если бы девушка с экрана действительно держала меня за руку.

За моей спиной открылась дверь, и я поспешно вырвал руку из осязателя; можно было подумать, что меня поймали на подглядывании в замочную скважину.

Девушка стояла в дверях спальни и, казалось, дрожала. На ней была серая шуба с белыми пятнами и серая бархатная вечерняя маска с серыми кружевами вокруг глаз и губ. Ногти ее покрывал серебряный лак. Мне даже в голову не приходило, что мы куда-то пойдем.

— Нужно было сказать вам, — тихо произнесла она. Взгляд ее из-под маски нервно бегал от книг к телевизору или устремлялся в темные углы комнаты. — Но здесь говорить нельзя.

— Есть одно место рядом с консульством... — с сомнением сказал я.

— Я знаю, где мы можем быть вместе и поговорить, — быстро сказала она. — Если вы не имеете ничего против.

Когда мы вошли в лифт, я заметил:

— К сожалению, я отпустил такси.

Оказалось, однако, что машина еще на месте по причинам, известным только водителю. Выскочив, он, улыбаясь, открыл перед нами переднюю дверь. Я сказал, что мы предпочитаем сидеть сзади, и он неохотно открыл заднюю дверь, захлопнул ее за нами и сам уселся впереди.

Моя спутница наклонилась вперед.

— Рай, — сказала она. Водитель включил двигатель и телевизор.

— Почему вы хотели знать, британец ли я? — спросил я, чтобы начать разговор.

Она отодвинулась от меня, прижав маску к стеклу.

— Посмотри на Луну, — сказала она быстро.

— Ну скажи, почему? — настаивал я, понимая, что раздражен и не она тому причиной.

— Она медленно движется вверх по пурпурному небу.

— А как тебя зовут?

— Из-за этого пурпура она кажется еще более желтой.

И тут я вдруг понял причину своего раздражения. Это был квадрат мерцающего света возле водителя.

Я ничего не имею против обычной борьбы, хотя смотреть ее мне скучно, но совершенно не выношу схваток женщин с мужчинами. То, что силы в основном «равны» — мужчины слабые и с короткими руками, а женщины в масках молодые и ловкие, — делало для меня эти схватки еще более отвратительными.

— Пожалуйста, выключите экран, — попросил я.

Водитель не оглядываясь покачал головой.

— И говорить не о чем, дорогуша, — сказал он. — Эту девушку готовили для схватки с Малым Зирком добрых несколько недель.

Я с яростью вытянул руку вперед, но девушка удержала меня.

— Пожалуйста, — испуганно прошептала она, качая головой.

Разочарованный, я вновь опустился на сиденье. Теперь девушка сидела ближе, но молчала. Несколько минут я следил за борьбой крепко сложенной девушки в маске с жилистым и тоже замаскирован-

ным противником. Его попытки атаковать напоминали движения паука-самца.

Я повернулся, глядя на свою спутницу.

— Почему эти трое хотели вас убить? — резко спросил я.

Отверстия ее маски были устремлены на экран.

— Потому что ревнуют, — прошептала она.

— А почему они ревнуют?

Она по-прежнему не смотрела на меня.

— Из-за него.

— Кого?

Молчание.

— В чем вообще дело? — спросил я.

Она все так же не смотрела в мою сторону.

— Послушай, — весело сказал я, меняя тактику. — Ты должна мне что-нибудь рассказать о себе. Я даже не знаю, как ты выглядишь. — Полушутя я поднес руку к ее шее, и тут же последовал быстрый удар. Я отдернул руку, чувствуя резкую боль: на тыльной стороне ладони виднелись четыре маленькие точки, из одной уже сочилась тонкая струйка крови. Я взглянул на ее ногти и заметил, что на них надеты остроконечные серебристые наперстки, которые я принял за лак.

— Мне очень жаль, — услышал я ее голос. — Ты меня так испугал. На мгновение мне показалось, что...

Она наконец повернулась в мою сторону, шуба ее распахнулась: под нею было вечернее платье в стиле критского Возрождения — кружева, поддерживающие груди, но не закрывающие их.

— Не злись, — сказала она, обнимая меня за шею. — Сегодня ты был великолепен.

Мягкий серый бархат ее маски касался моего лица. Сквозь кружева высунулся влажный теплый кончик языка и прильнул к моему подбородку.

— Я не злюсь, — ответил я. — Просто удивлен и хочу тебе помочь.

Такси остановилось. По обе стороны улицы виднелись черные отверстия окон с торчащими в них осколками стекла. В туманном пурпурном свете я заметил несколько оборванных фигур, движущихся к нам.

— Это движок, — пробормотал водитель. — Приехали. — Он сидел скорбившись, неподвижно. — Плохо, что это случилось именно здесь.

— Обычно хватает пяти долларов, — прошептала моя спутница. Она с таким страхом смотрела на собирающиеся фигуры, что я поборол возмущение и сделал, как она советовала. Водитель взял банкнот без единого слова. Вновь запуская двигатель, он высунул руку в окно, и я услышал, как о мостовую звякнули несколько монет.

Моя соседка вновь прижалась ко мне, но смотрела на экран теле-

визора, где крепко сложенная девица как раз укладывала на лопатки конвульсивно дергающегося Малого Зирка.

— Я так боюсь, — прошептала она.

«Рай» оказался таким же разрушенным районом, но там был клуб с занавесками на окнах, в дверях которого стоял грузный швейцар, одетый в космический скафандр. Меня это слегка ошеломило, но, пожалуй, понравилось.

Мы вышли из такси в момент, когда на тротуар упала пьяная старуха, сорвав при этом маску. Какая-то шедшая перед нами пара отвернула головы от полуоткрытого лица, словно смотрели на отвратительное тело на пляже. Когда мы входили за ними в клуб, я услышал голос швейцара:

— Быстрее, бабуля; иди и закройся.

Внутри царил голубой полумрак. Девушка утверждала, что здесь мы сможем поговорить, но мне это показалось невозможным. Кроме хорового сморкания и покашливания (говорят, что половина американцев аллергики) здесь был еще ансамбль, игравший исключительно громко в новейшем стиле, согласно которому электронная komponующая машина выбирала случайные группы звуков, а музыканты добавляли к этому свои мизерные индивидуальности.

Большинство клиентов сидели в отдельных боксах. Ансамбль играл за баром, а на эстраде танцевала девушка, совершенно голая, если не считать маски. Небольшая группка мужчин в конце бара не обращала на нее внимания.

Мы изучили меню, написанное золотыми буквами на стене, и нажали кнопки, заказывая цыпленка, жареные креветки и два шотландских. Минуту спустя раздался звонок, я поднял сверкающую крышку и взял наши бокалы.

Группа мужчин из конца бара направилась к дверям, но, прежде чем выйти, оглядели зал. Моя спутница как раз сняла шубку. Взгляды мужчин остановились на нашем боксе. Я отметил, что их было трое.

Музыканты ансамбля прогнали танцовщицу со сцены. Я подал женщине соломинку, и мы стали пить.

— Ты хотела, чтобы я тебе чем-то помог, — сказал я. — Кстати, должен сказать, что ты прелестна.

Она кивнула, что могло означать благодарность, осмотрелась и наклонилась ко мне.

— Мне трудно было бы попасть в Англию?

— Нет, — ответил я, несколько удивленный. — Конечно, при условии, что у тебя есть заграничный паспорт.

— А его трудно достать?

— Пожалуй, да, — сказал я, удивленный ее невежеством. — Твоя

страна не любит, когда ее граждане путешествуют, хотя и не так строга в этом отношении, как другие.

— А британское консульство может помочь мне получить паспорт?

— Трудно сказать, чтобы то была их...

— А ты мог бы?

Я заметил, что за нами следят. Рядом с нашим столом прошел мужчина в обществе двух девушек. Девушки были высокие, с волчьими движениями, их маски сверкали драгоценностями. Мужчина шел между ними крадущимся шагом, словно лис на задних лапах.

Моя спутница даже не взглянула на них, однако постаралась вжаться поглубже в кресло. Я заметил у одной из девушек большой желтеющий синяк на левой руке. Через минуту все трое скрылись в глубокой тени одного из боксов.

— Ты их знаешь? — спросил я. Она не ответила. — Не уверен, что Англия тебе понравится. Наша суровая жизнь отличается от вашего американского стиля.

Она снова наклонилась вперед.

— Но я должна бежать отсюда.

— Почему? — мне это уже начало надоедать.

— Потому что боюсь.

Опять зазвенело. Я поднял крышку и подал ей жареных креветок. Соус, которым полили грудку цыпленка, был великолепной комбинацией из миндаля, сои и имбиря. Однако что-то было не в порядке с микроволновой печью, которая размораживала и разогревала мою порцию, потому что уже в первом куске я разгрыз оказавшийся в мясе кусок льда. Эти тонкие механизмы требовали постоянного контроля, а механиков не хватало.

Я отложил вилку.

— Чего ты, собственно, боишься?

Впервые ее маска не отвернулась от моего лица. Ожидая ответа, я чувствовал усиливающиеся в ней страхи, хотя она их еще не назвала, — маленькие, темные фигурки, роящиеся в ночи снаружи, собирающиеся в радиоактивной свалке Нью-Йорка, ныряющие в пурпур. Мне вдруг стало жаль девушку, захотелось помочь ей. Это теплое чувство соединилось со страстью, родившейся во мне в такси.

— Всего, — сказала она наконец.

Я кивнул и коснулся ее руки.

— Я боюсь Луны, — начала она тем же мечтательным голосом, что и в такси. — На нее нельзя смотреть и не думать об управляемых ракетах.

— Та же самая Луна светит и над Англией, — напомнил я.

— Но то уже не английская Луна, она наша и русских. Вы не виноваты. А кроме того, я боюсь автомобилей, банд, одиночества и

Ада. Боюсь вожделения, срывающего маску с лица. А еще... — голос ее стал тише, — боюсь борцов.

— Вот как? — спросил я.

Ее маска приблизилась ко мне.

— Ты слышал о борцах? — быстро спросила она. — О тех, что борются с женщинами? Они часто проигрывают, ты это знаешь, и тогда им нужна девушка, чтобы излить свою неудовлетворенность. Мягкая, слабая и испуганная девушка. Им это нужно, чтобы почувствовать себя мужчинами. Другие мужчины не хотят, чтобы у борцов были девушки, хотят лишь чтобы они боролись с женщинами и были героями. Однако им нужна девушка, и для нее это ужасно.

Я крепко сжал ее пальцы, словно мог таким образом передать ей свой оптимизм. При условии, что сам его имел.

— Думаю, что смогу забрать тебя в Англию, — сказал я.

Тени вползли на наш стол и остановились. Я посмотрел вверх, на троих мужчин, которых я видел в кабриолете. На них были черные свитеры и обтягивающие черные брюки, лица их ничего не выражали, как у наркоманов. Двое встали рядом со мной, третий склонился над девушкой.

— Исчезни, приятель, — это ко мне. Третий тем временем говорил с девушкой.

— Поборемся, сестра? Что выберешь: дзюдо, бокс или «до первой смерти»?

Я встал. Бывают минуты, когда англичанин просто обязан дать себя избить. Однако именно в этот момент плавным шагом, словно звезда балета, подошел человек-лис. Реакция троих мужчин удивила меня — они явно смутились.

Пришелец улыбнулся.

— Такими штучками вы моей благодарности не добьетесь, — сказал он.

— Не пойми нас неверно, Зирк, — умоляюще сказал один.

— Я сделаю это, если будет нужно, — ответил он. — Она рассказала мне, что вы хотели сделать сегодня. Это тоже не вызывает у меня симпатии к вам. Убирайтесь.

Они неохотно отступили.

— Пошли, — громко сказал один, когда они отвернулись. — Я знаю место, где голые борцы дерутся на ножах.

Малый Зирк мелодично рассмеялся и скользнул на место возле моей партнерши. Она отодвинулась, но совсем немного. Я наклонился вперед.

— Кто твой приятель, детка? — спросил он, не глядя на нее.

Она жестом адресовала вопрос мне. Я ответил.

— Англичанин, — заметил он. — Просила помочь бежать из страны? — Он мило улыбнулся. — Она любит планировать бегство, правда, детка?

Его маленькая рука гладила ее запястье, пальцы слегка изогнулись, жилы набрякли, словно он собирался схватить ее руку сильнее и выкрутить ее.

— Слушайте, вы, — резко сказал я. — Спасибо, что избавили от этих мерзавцев, но...

— Это мелочи, — ответил он. — Они опасны только за рулем автомобиля. Хорошо тренированная девчонка могла бы искалечить любого из них. Да, даже сидящая здесь Теда, если бы ей нравились такие вещи... — Он повернулся к ней, перенес ладонь с запястья на волосы. Он ласкал их, и локоны медленно скользили между пальцами. — Ты знаешь, что я проиграл сегодня вечером, правда, детка? — мягко спросил он.

Я встал и сказал:

— Идем отсюда.

Она продолжала сидеть и уже не тряслась. Я попытался прочесть ответ в ее глазах.

— Я возьму тебя с собой, — заявил я. — Это можно сделать.

Он улыбнулся мне.

— Она хотела бы пойти с вами. Правда, детка?

— Идешь или нет? — спросил я.

Она сидела не двигаясь. Мужчина медленно стискивал пальцы на ее волосах.

— Слушай, ты, жалкий червяк, — рявкнул я. — Убери свои лапы!

Он вскочил со стула как змея. Я не силен в борьбе, знаю только, что чем больше испуган, тем точнее и сильнее бью. На сей раз мне повезло. Однако, когда мой противник упал, я почувствовал удар — четыре полосы боли на моей щеке — и коснулся ее пальцами. Из четырех ран, оставленных ее острыми наперстками, сочилась кровь.

Она не смотрела на меня. Склонившись на Малым Зирком и прижавшись маской к его щеке, она шептала:

— Все хорошо. Не беспокойся. Потом ты сможешь меня избить.

Вокруг раздавались разные звуки. Я наклонился и сорвал с нее маску.

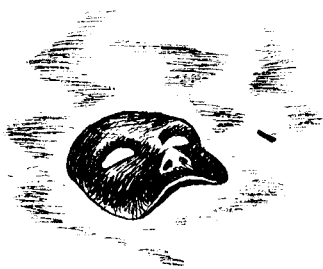
Не знаю, почему мне казалось, что ее лицо будет другим? Конечно, оно было очень бледно, без всякой косметики. Пожалуй, косметика не имеет смысла, когда носишь маску. Брови у нее были запущены, губы потрескались. Если же говорить об общем впечатлении, о чувствах, отражавшихся на ее лице...

Вы когда-нибудь поднимали камень с сырой земли? Видели когда-нибудь мерзких белых личинок?

Я взглянул на нее вниз, а она подняла голову, глядя на меня.

— Да, ты очень испугана, правда? — с иронией сказал я. — Боишься этой маленькой ночной драмы, да? Просто смертельно испугана.

И я вышел прямо в пурпурную ночь, продолжая прижимать ладонь к щеке. Никто меня не остановил, даже борцы, дерущиеся с девушками. Мне очень хотелось сорвать из-под рубашки пленку, проверить ее и убедиться, что я получил слишком большую дозу облучения и тем самым заслужил право переезда на другой берег Гудзона; отправиться в Нью-Джерси, мимо радиоактивных остатков, а потом в Сэнди-Хук, чтобы ждать там ржавый корабль, который отвезет меня через море обратно в Англию.

Хол Клемент

КРИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Впервые в жизни взволнованный Пентонг мчался прямо на север. Ему не приходилось отыскивать дорогу наугад — в такой близости от зоны сильных землетрясений всегда бывали различные колебания, которые после отражения от непроницаемого базальта внизу или пустоты сверху почти непрерывно поступали в его мозг. Предательские нагромождения песчаников, манившие ленивого путешественника легкостью пути по ним, а потом ведущие его к верной гибели, обнаруживались легко; впрочем, Пентонг пользовался даже ими, поскольку видимость была настолько хорошей, что их можно было покинуть задолго до того, как они начнут опасно проседать.

Худшая часть пути осталась уже позади. Узкий язык животворной скалы, ведущий к таинственной земле, которую ему удалось открыть, он преодолел без осложнений, несмотря на вводящие в заблуждение искажения, которым подвергались колебания, доходящие из зоны землетрясений, лежащей далеко южнее, усиленные и многократно

отраженные от сходящихся здесь стен. Сейчас он видел все вокруг себя на несколько дней пути и не замечал ничего, что могло вызвать беспокойство.

Однако это было не то же самое, что на новооткрытой земле. Сейчас он находился в местах, знакомых ему всю жизнь; кормежка требовала здесь ровно таких усилий, чтобы жизнь не стала скучной; именно сюда уже много веков пытались прорваться другие, менее счастливые расы с севера, мечтавшие завладеть сосредоточенными тут богатствами; здесь скопления магмы перемещались достаточно быстро, чтобы устраивать неосторожным смертельные ловушки. Именно здесь, если предположения Пентонга относительно его открытия подтвердятся, земли, находящиеся ныне слишком близко к зоне смерти, могут стать доступными и обеспечить пропитание и жизненное пространство неисчислимым будущим поколениям.

Продвигаясь все дальше и дальше, он не переставал размышлять над этой возможностью. В породах за его спиной после его прохода не оставалось ни следа, поскольку они не были съедобны, да он и не обращал на это внимания. Важнее всего была скорость, и, чтобы ее увеличить, он очень близко подошел к верхним слоям.

Пентонг знал, что ближайшее поселение находится почти в десяти тысячах километров к северу. В памяти его отчетливо запечатлелась извилистая дорога, проделанная в ту сторону, и сейчас он возвращался точно по той же трассе. Она увела его сначала далеко на восток, где колебания стали совсем слабыми, а видимость отвратительна; потом снова, уже гораздо глубже, на северо-запад, где главным препятствием была большая, чем где-либо, плотность пород. В восьмистах километрах от цели пришлось задержаться, чтобы внимательно изучить район скоплений магмы, через который он проходил во время пути на юг. Сейчас он не мог воспользоваться точно той же трассой, поскольку во многих местах ее заблокировали жидкие породы, вторгшиеся между отдельными слоями и разогревшие обычно не создающие никаких сложностей камни до очень высокой температуры. Можно было, однако, выбрать другую дорогу; медленно и осторожно Пентонг протискивался между языками магмы, то и дело отступая в направлении, противоположном цели его путешествия. Однако постепенно он двигался вниз и на север, оставляя позади опасный район жидких пород. Позднее он снова ускорил свой бег, чтобы добраться наконец до залежи каменного угля толщиной в милю и площадью в пятьдесят тысяч квадратных километров, сотни миллионов лет назад находившейся на дне моря, а сейчас окруженной со всех сторон твердыми породами, защищающими ее жителей от доходящего даже на такую глубину кислорода. Это был город — правда, не тот, в котором родился Пентонг, но расположенный дальше всего к югу из всех поселений его народа и притягивающий к себе самых беспокойных, жаждущих приключений его представителей. В городах на северо-востоке и западе

под Исландским и Беринговым перешейками таилось, конечно же, множество опасностей, ибо на них ложилась основная тяжесть борьбы с дикими племенами из-за перешейков. Связанная с этим опасность была, однако, давно известна и постепенно становилась чем-то естественным, поэтому настоящих приключений следовало искать в новых, неизвестных частях мира. Пентонг не сомневался в том, что именно он оказался самым неутюжим искателем приключений, как и в том, что при случае сумел достичь многого.

— Стой! — окликнули его спустя мгновение после того, как текущее тело Пентонга вошло в залежь известняка. Ни один город, даже расположенный так далеко от границы, не мог позволить себе обходиться без охраны. — Кто ты?

— Я Пентонг, возвращаюсь с юга, из исследовательской экспедиции. Вот пароль. — Он издал кодированную серию микроколебаний, которую Правители Города сообщили ему для цели опознаний, когда и если он вернется.

— Подожди.

Странник знал, что тело стражника уходит далеко в глубь города и что теперь он другим своим концом связывается с Правителями. Ожидание длилось недолго.

— Проходи. Можешь поесть, если голоден, но сразу затем явись к Правителям.

— Я голоден, но должен увидеться с ними немедленно. Я нашел нечто очень важное, и они должны поскорее узнать об этом.

Видно было, что стражника интересуют новости, но он воздержался от вопросов. Если незнакомец не хочет терять время даже на еду, наверняка он не может позволить себе и разговора.

— Входи в Марганцевый Пласт, получишь в нем первенство движения, — сказал охранник. Пентонг оценил этот жест: передвижение в городе, насчитывающем шестьдесят миллиардов жителей, выдвигало немало проблем, тем более что каждая особь имела в среднем объем десять кубометров и могла принимать любую форму. Марганцевый Пласт представлял собой полуметровой толщины прослойку окиси этого элемента, легко обнаруживаемую для чувств Пентонга. Она кончалась у резкого сброса, пересекающего центр города с северо-востока на юго-запад, вблизи которого находилось обширное пространство, куда, вероятно, какая-то древняя река натащила глыбы кварца, погруженные сейчас в известковое основание. Именно здесь можно было найти Правителей, если не всех, то достаточно, чтобы решить любой вопрос. Пентонг поздоровался, получил ответ и без долгих предисловий начал свой доклад.

— В десяти тысячах километров к югу, — сказал он, — массив континента, в котором расположен этот город, сужается и кончается чем-то вроде мыса. Зона землетрясений еще доходит туда, так что видимость хорошая, хотя в некоторых местах это плохо разборчиво,

поэтому районы те я изучил лишь с помощью осязания. В одном из них я наткнулся на длинный язык песчаника, уходящий еще дальше к югу, и задумался, не вернуться ли мне, сообщить об этом открытии, однако пришел к выводу, что лучше бы иметь более конкретные сведения. Создавалось впечатление, что движешься по пласту, ограниченному параллельными непроницаемыми барьерами, с той разницей, что там эти барьеры были просто пустотой. Однако то не была зона смерти; полагаю, что этот узкий скальный перешеек окружен тем, что Деррелл Мыслитель называет «океаном» и что защищает верхний слой части континентов. Ниже, разумеется, находился базальт.

Казалось, этот скальный пояс вообще не имеет конца. Он то расширялся, то снова сужался до такой степени, что, казалось, вот-вот кончится, однако вел все дальше. Тем, кто утверждает, что континенты постоянно движутся, придется объяснить, как такой узкий пояс скалы остался целым.

Однако, наконец, он расширился значительно больше, чтобы сократить рассказ о том, что пришлось довольно долго устанавливать, скажу лишь, что на другом его конце находится континент. Единственные следы, которые я там нашел, принадлежат низшим животным. Однако не это самое поразительное; главным мне кажется то, что там вообще нет Зоны Смерти! Весь континент покрыт какой-то субстанцией, которая, судя по прохождению в ней звука, должна иметь кристаллическую структуру, но непроницаема для живого организма. Сам континент пригоден для жизни сверху до самого низу.

— А как со съедобными скалами?

— То же, что здесь, а может, и больше.

Правители живо отреагировали на эту новость, и прошло какое-то время, прежде чем вновь прозвучали слова, обращенные к первооткрывателю. Как он и ожидал, то были слова похвалы.

— Пентонг, ты заслужил благодарность каждого жителя нашего континента. Если точность твоего доклада соответствует его объективности, на много поколений исчезнет проблема питания. Мы передадим это сообщение другим городам и как можно быстрее начнем разработку планов колонизации. Твое имя станет известно до Северной Границы.

Какое-то время первооткрыватель упивался признанием, выпавшим на его долю; именно это его раса ценила больше всего. Потом с дрожью радостного ожидания заговорил снова:

— Если Правители позволяют, я хотел бы сказать о чем-то еще более важном.

Среди глыб кварца раздался треск удивления, и даже находившиеся поблизости простые граждане застыли неподвижно, ожидая необычайных сообщений.

— Говори.

— Меня заинтересовала природа того материала, который казался таким же непроницаемым, как базальт, и я решил узнать о нем побольше. Довольно долго мне не удавалось ничего добиться, но наконец я добрался до зоны землетрясений, где магма находилась вблизи верхних слоев. В этом месте странная субстанция была гораздо тоньше, чем в других, и, пока я занимался исследованиями, часть магмы проникла во Внешнюю Пустоту. Я знаю об этом частично потому, что видимость была очень хорошей, а частично потому, что почувствовал тепло, проходящее сквозь верхние, тонкие слои.

— Это случилось уже не раз, — заметил один из Правителей. — В этом было что-то новое?

— Там, куда попала магма, таинственная субстанция исчезла, уподобившись океану! — Пентонг вновь замолчал, на этот раз по всем правилам красноречия. Он знал, что теперь никто его не прервет.

— Как вы все помните, Деррелл Мыслитель доказал, что этот «океан» является субстанцией жидкой, подобной магме. Он изучил его способность проводить звуки и детально описал ее. Я слушал его лекции на эту тему, да и сам не раз изучал явление. Кристаллическая оболочка Южного континента является уплотненным океаном; она расплавилась так же, как при соприкосновении с магмой плавится любая порода.

Он замолчал в третий раз. Теперь Правители использовали паузу для краткого совещания.

— Твое наблюдение несомненно имеет большую научную ценность, — сказал наконец один из них, — но, признаться, пока мы не видим возможности его практического использования. Мы предполагаем, что ты такую возможность знаешь, и если продолжишь... — он не закончил фразу.

— Это очень просто. Океан защищает породы от кислорода, который попадает в них из Пустоты, убивая по пути все живое, а иногда даже отравляя съедобные породы. Значительная часть нашего континента находится под защитой океана, но многие районы этой защиты лишены, и потому их верхние слои для нас вообще недоступны. Застывший океан, как я мог убедиться на Южном Континенте, плавится очень легко, а его средняя глубина составляет почти два километра. Мой проект может показаться очень смелым, но если бы удалось подогреть этот континент до температуры, которая обеспечит плавление океанской оболочки, то разве благодаря этому не увеличится площадь океана, который уже теперь покрывает часть мира, и тем самым закроются новые районы нашего континента?

Долгое время царило полное молчание. Пентонг не мог понять, то ли Правители обсуждают проблему, вставшую перед ними, то ли это их непроизвольная реакция на несомненно чрезвычайно смелое предложение. Ответ, который он наконец получил, был сформулирован как вопрос.

— А с чего бы этой субстанции распространяться во все стороны, а не остаться там, где она находится? Похоже, некоторые из твоих предположений ты принимаешь как истину.

— Я знаю, что поведение жидких тел, подобных магме и океану, в условиях, царящих в Пустоте, точно не известно, — ответил Пентонг. — Однако многочисленные наблюдения указывают на то, что по крайней мере магма, оказавшись в Пустоте, проявляет тенденцию к распространению по поверхности Земли. Признаться, нужны еще многочисленные наблюдения, чтобы доказать, что океан ведет себя так же, но разве это не очевидно само по себе? Думаю, можно предположить, что жидкий океан тянется насколько позволяет его объем, а если его увеличить, протянется еще дальше. Я предполагаю проверить эту гипотезу. Небольшая группа может отправиться на Южный Континент и провести необходимые эксперименты.

Прошло какое-то время, прежде чем весть о проекте Пентонга дошла до Деррелла Мыслителя. Тому было несколько причин: во-первых, он находился в тысячах километров от лежащего под Мексиканским заливом города, в котором Пентонг объявил о своем открытии, а во-вторых, Деррелл пребывал на поле боя. Этот последний факт был замечен не сразу, поскольку единственные изображения и звуки, которые можно было принимать, доходили от находящихся на севере и юге зон землетрясений. Внимание самого Деррелла сосредоточилось на предмете, совершенно не связанном с военными действиями, но по крайней мере половина его группы образовала из своих жидких тел сеть, окружающую район экспериментов. Ни один из азиатских дикарей не должен был проникнуть через нее незамеченным.

Внимание Деррелла целиком поглощала пещера, явление почти совершенно не известное на глубинах, где жили его соплеменники. Все пустые места, которые жители глубин считали продолжением Внешней Пустоты, находились в верхних слоях, а кроме того, почти все были заполнены кислородом, отравлявшим окружающие породы. Разумеется, в вулканических породах попадались время от времени «пузыри», заполненные газами из самих скал, но, как правило, добраться до них было невозможно, поскольку никто не мог преодолеть необычайно плотные породы, в которых они образовались: представители расы Деррелла перемещались с места на место по принципу просачивания сквозь промокашку чернил.

Эта пещера являлась одним из немногих исключений из этого правила. Сама скала не была достаточно пористой, чтобы обеспечить свободное передвижение, но в результате сейсмических напряжений и подвижек в ней образовалась сеть микротрещин, благодаря которым при достаточном упорстве можно было медленно двигаться вперед.

Деррелл уже не раз видел пещеры издали, но явление, свиде-

лем которого он сейчас был, не походило ни на что запечатленное в его памяти. Свод пещеры доходил до самой границы вулканических пород, в которых она образовалась, выше начинались осадочные породы. Между этими двумя слоями вторгся узкий язык магмы, связанной с большим ее скоплением в нескольких километрах отсюда и питаемой энергией из источников настолько удаленных, что даже сам Деррелл ничего о них не знал. Принимая во внимание вид породы, из которой слегался верхний слой, было более чем вероятно, что со временем этот узкий язычок сумеет образовать крупных размеров лакколлит, но в данный момент это мало интересовало Деррелла. Магма все ближе подходила к пещере, и ученого интересовал результат встречи запертых в «пустом» пространстве сжатых газов с расплавленной породой. Удачно сложилось, что произойти это должно было именно здесь, где непрерывно идущие с юго-запада микроколебания обеспечивали идеальную видимость. Перед лицом угрозы со стороны варваров Азии, пытающихся прорваться через соседние слои, было бы очень опасно для улучшения условий наблюдения издавать дополнительные звуки.

Деррелл догадывался, что произойдет, когда жидкая порода ворвется в пещеру, но, как каждый хороший ученый, не мог позволить домыслам повлиять на результаты наблюдений. Он хотел видеть все, что произойдет; его внимание настолько сосредоточилось именно на этом фрагменте, что он не заметил возвращения одного из своих ассистентов, прибывшего после короткого пребывания в одном из пограничных городов. Ассистент в свою очередь не стремился обращать на себя внимание, хотя знал, что принес весьма интересные новости: магма была уже весьма близко от пещеры. Подобно Главному Ученому, новоприбывший считал, что горячая, густая жидкость дойдет до пустого пространства, растечется по его стенам, а потом постепенно заполнит все, равномерно двигаясь со всех сторон к центру. И он, и Деррелл слишком мало знали о свойствах газов, чтобы знать, что прежде всего они должны раствориться в проникающей в камеру магме и только потом может произойти то, о чем они думали. Никто из них не предполагал, что здесь может действовать еще одна, совершенно неизвестная им сила. Им был абсолютно чужд вид жидкости, которая находилась бы в строго определенном пространстве и тем самым — вид неподвижной поверхности жидкой субстанции. Теперь им предстояло впервые столкнуться с этим.

Пожалуй, было бы трудно определить, кого из наблюдателей больше удивило происшедшее, но в том, кто первый пришел в себя от удивления, нет никаких сомнений. Когда первые капли жидкости проникли в пещеру — и помчались прямо к ее противоположной стороне! — Деррелл на секунду замер, как парализованный, но продолжал внимательно следить за развитием событий. Капли соединились в поток, и вскоре на стене пещеры, расположенной напротив того мес-

та, через которое магма начала проникать вовнутрь, образовалась солидная лужа. Та ее часть, что не соприкасалась непосредственно со стенами камеры, проявляла тенденцию к образованию совершенно плоской поверхности, но быстрый поток не допускал этого: от места, куда он ударял, во все стороны расходились попеременно углубления и выпуклости, такие волны, каких никто из жителей глубин никогда не видел и даже не догадывался об их существовании. Необычное явление привлекло внимание даже охранников, что могло иметь нежелательные последствия. Пока пещера не заполнилась полностью жидкой породой, никто не мог ни шевельнуться, ни заговорить, ни даже подумать о чем-то другом. Да и после этого вся группа ждала, что скажет Деррелл. Он же, считая своих ассистентов скорее учениками, которых следует умелыми намеками наводить на путь разгадки, нежели невеждами, которых можно потрясти молниеносными выводами, задал всем вопрос:

— Может ли причиной такого поведения магмы быть давление?

— И не только оно, — тут же ответил один из членов группы.

— А почему? Давление втискивает жидкости между слоями пород и даже в микроскопические отверстия в самих породах. Почему оно не может направить жидкость туда, где та не встретит никакого сопротивления?

— Может, конечно, но как в таком случае объяснить факт, что с одной стороны жидкость имеет плоскую поверхность, хотя не подвергается давлению пород? Может, существует какая-то таинственная субстанция, напиральная на эту поверхность? Субстанция не только невидимая, но и позволяющая потоку магмы попасть в лужу, но не покинуть ее! Мне трудно представить такого рода субстанцию.

— Мне тоже. Твое замечание о давлении пород кажется верным. Впрочем, может, кто-нибудь хочет что-то добавить?

Он немного подождал, но даже если у кого-то и возникла идея, она не была настолько четко сформулирована, чтобы делиться ею с остальными.

— Все указывает на то, что мы имеем дело с какой-то неизвестной нам силой. Это значит, что любое, казалось бы несущественное, наблюдение может оказаться важным. Карпор, что из увиденного тобой может помочь нам в решении вопроса?

— Вулканическая порода состоит в основном из силикатов магния, — не колеблясь ответил названный студент, — тогда как следующий слой — из карбонатов кальция. «Пузырь» имеет около пяти метров в диаметре, и одна его стена находится точно на границе между двумя слоями. Граница эта в свою очередь параллельна Пустоте, находящейся в двух с половиной километрах вверх. Язык магмы двигался вперед со скоростью около двадцати сантиметров в час, имея мощность около...

— Хорошо. Что еще, Талесс?

Эстафету принял следующий студент. Началась дискуссия, во время которой недавно прибывший из города ассистент забыл о новостях, которые принес. Прежде чем он о них вспомнил, была сформулирована гипотеза.

— Представляется возможным, — сказал Деррелл, — что существует неизвестная нам до сего времени сила, отталкивающая все жидкости (ибо пока мы можем говорить лишь о жидкостях) так далеко от Пустоты, как это только возможно. По крайней мере на это указывает все, что мы наблюдали во время этого единичного эксперимента. Хорошо бы найти другие, более доступные камеры в более глубоких слоях, чтобы иметь возможность проверить, как далеко от границы Пустоты простирается эта сила, а также подвержены ли ее действию иные субстанции.

— Интересно, как наше открытие — если его удастся подтвердить — повлияет на реализацию проекта Пентонга, — заметил прибывший, вспомнив вдруг сообщение, которым должен со всеми поделиться.

— А что это такое? Новый план обороны?

— Не совсем. — Ассистент рассказал об открытии Пентонгом Антарктиды и о его сообщении о покрывающем ее плотном океане. — Его план, предусматривающий расплавление этой субстанции и благодаря этому защите большей поверхности континентов от кислорода из Внешней Пустоты, поддержан более чем половиной Правителей городов Континента. Уже отправлены экспедиции для детального изучения новой земли, — закончил он.

— Но если эта таинственная сила существует, — вставил один из студентов, — и океан ей подчиняется, разве новый океан не расплывется там, где находится, не увеличив ни на дюйм защищенных районов?

— Вполне возможно, — ответил Деррелл. — Поскольку реализация этого проекта потребует массы усилий и не исключено, что отрицательно подействует на нашу способность защищаться, необходимо как можно быстрее изучить свойства этой новой силы.

— Однако если нынешняя поверхность океана не очень велика, — заметил кто-то, — то даже распределение по ней тонкого слоя нового океана могло бы значительно увеличить защищенные районы.

— Может, и так, но пока мы не определим истинных размеров мира, подверженного воздействию Пустоты, и не узнаем, какая его часть покрыта океаном, мы не можем позволить себе такой риск. Этот карбонатный слой, как мне кажется, соприкасается с вулканическими породами на большой площади. Мы должны найти больше таких пещер. Разделитесь на тройки и начинайте поиски. При встрече с дикарями немедленно сообщайте — недалеко от нас лагерь военных отрядов. Помните, это очень важное задание! — Он повернулся к ассистенту, который принес новое известие. — Я полагаю, планируется достигнуть цели, направив потоки магмы в сторону границы Пусто-

ты, чтобы они столкнулись непосредственно с этим отъердевшим океаном.

— В общих чертах именно так, хотя они не хотят ограничиться только Южным континентом; вроде бы и на нашем должно находиться множество этого твердого океана, а мы не можем этого заметить, поскольку не можем приближаться к границе Пустоты. Все потоки и скопления магмы, которые удастся обнаружить, должны быть использованы. Правда, боюсь, ничего не удастся сделать с районами, на которых легкие породы уходят в глубь Пустоты, но те, кто детально анализировал все доступные исходные данные, утверждают, что подавляющее большинство поверхности нашего континента — более трех четвертей — можно легко покрыть слоем кипящей магмы, при условии, конечно, что она будет хорошо прилегать к основанию.

— Пожалуй, будет, — ответил Деррелл, оглядываясь на уже заполненную магмой пещеру, — если эта сила действует в Пустоте так же, как в породах. Но это означает еще большие усилия, чем я предполагал, и ослабит линию защиты до такой степени, что дикари из Азии скоро будут на наших трупах драться с дикарями Европы. Непременно нужно найти еще несколько таких пещер.

Он подключился к поискам, больше беспокоясь о возможной потере времени и сил на реализацию, возможно, безнадежного предприятия, чем о результатах покрытия кипящей магмой поверхности обеих Америк. И этому трудно удивляться, ведь он никогда не слышал о существовании расы людей и, пожалуй, никогда о ней не услышит.

Вероятно, то было единственное место в Северной Америке, где удалось так быстро найти искомое. Если даже существовали где-то иные территории, на которых текущая широким потоком лава дошла до мелкого моря, затвердела, после чего была перекрыта карбонатными отложениями, а затем в результате горообразования переместилась вниз, где эти отложения превратились в обычный известняк, то либо в поздние времена они оказались очень высоко, на самой границе с Пустотой, либо, наоборот, переместились так глубоко, что огромное давление изменило их до неузнаваемости. Однако здесь пещер было полно. Правда, в некоторых находились карбонатные осадки, превратившиеся затем в твердую породу, а другие находились слишком глубоко в слое магмы, чтобы до них можно было добраться. Впрочем, немало было пустых и легкодоступных. Вода, которая некогда их заполняла, давно была связана в различных гидратах, а ее место заняли газы вулканического происхождения — в основном окись углерода, а иногда даже соединения серы. Они не являлись преградой, поэтому вскоре один из отрядов сообщил о находке места, идеально подходящего для проведения эксперимента. Все собрались там так быстро, как только смогли, и занялись планированием шествий.

Вблизи не было ни одного скопления магмы, которое в нужный момент можно было использовать, однако Деррелла это не волновало;

он уже знал, как в такой ситуации ведет себя расплавленная порода. Он быстро отдал распоряжения, и вскоре часть группы собралась в слое известняка прямо над пещерой и... принялась есть. Однако ели они осторожно и обдуманно, постепенно отделяя от основного слоя значительных размеров валун. Прошло немного времени, и от камеры его отделял лишь образующий ее свод тонкий силикатный слой. В нем было множество трещин, правда, микроскопических размеров, но именно такие требовались ученым; их жидкие тела проникали в небольшие отверстия, постепенно увеличивая их и ослабляя крепость свода. Сила, которой обладал каждый из них, была минимальна — ни один не сумел бы поднять в одиночку даже песчинки, однако лава постепенно передвигалась, используя места, в которых крепость пород уменьшилась под давним воздействием морской воды. Потом все отступили на безопасное расстояние, и дело закончили двое ассистентов. Свод пещеры наконец провалился, и валун рухнул вниз.

Никого особо не удивило то, что произошло. Валун вел себя так же, как магма, выбрав направление к стене, наиболее удаленной от границы с Пустотой, правда, на сей раз несколько каменных обломков отскочили под разными углами, но и они через мгновение оказались там, где и весь валун. Таинственная сила явно существовала и действовала не только на жидкости, но и на твердые тела. Следом за глыбой известняка посыпались куски вулканического свода; все, что могло, бежало как можно дальше от Пустоты.

Не говоря ни слова, Деррелл проплыл через известняк, задержавшись у самого входа в пещеру, после чего, сжавшись до минимального объема, принялся поглощать окружающую его породу. Когда недавно он хотел попасть в место, где находился раздробленный скальный материал, это оказалось невозможным, поскольку трещины уходили в глубь слоя лавы лишь на несколько десятков сантиметров. Однако сейчас он мог туда пробраться и при случае проверить, как действует новооткрытая сила на живые организмы. Он накапливал знания!

Порода, в которой он находился, оторвалась, как недавно валун, и Деррелл первым из своего вида испытал на себе действие силы тяжести и первым же убедился, что можно не заметить, что падаешь, но нельзя не заметить собственно удара. Сотрясение не причинило ему никакого вреда — в конце концов он привык к путешествиям в районах сейсмической активности, а видел именно благодаря доходящим до него сотрясениям, — но все это было весьма удивительно. Во-первых, кусок породы перевернулся в падении, а никто из представителей его расы еще не испытывал резкой смены положения. Лишь через какое-то время Деррелл понял, что это он вдруг изменил свое положение, а не окружающие его породы.

Убедившись в этом, он начал выбираться из куска известняка, в котором проделал свое необычное путешествие. Именно тогда он и получил самый неприятный урок явления гравитации.

Тело Деррелла состояло исключительно из жидкости; в его состав входили в основном углеводороды, отчего оно было легче и по крайней мере так же проницаемо, как вода. Его «скелет» образовывала порода, в которой он в данный момент находился. Деррелл двигался, контролируя свое поверхностное натяжение — как это делает амеба или человек,двигающий каким-то мускулом. Вне поддерживающих его пород Деррелл мог быть лишь лужей жидкости, а когда начал вытекать наружу, уже не мог остановить этого процесса. Его кусок известняка лежал не на самом дне пещеры, поэтому Деррелл стекал все ниже, оказавшись перед выбором: или сдаться тянущей его туда силе, или быть разорванным на части. Вторая возможность была для него не более привлекательна, чем для любого более прочного организма. Спустя пять секунд он был уже совершенно бессильной лужей живой жидкости, собранной в углублении стеклянистой, непроницаемой лавы, и не мог вызвать даже самого слабого волнения на своей поверхности.

Однако он мог общаться, поскольку лава отлично проводила любые звуки. Впрочем, использовал он эту возможность не лучшим образом — все, что слышали его студенты, было повторяемым раз за разом предупреждением держаться подальше от всех пустых мест, оставить в покое страшную Силу, уйти и позволить ему спокойно умереть, но не забыть предупредить остальной мир; короче говоря, у Деррелла началась истерика. Не впади он в такое отчаяние, скоро заметил бы возможность спасения, но трудно винить его за потерю душевного равновесия. Человек, внезапно оказавшийся в глыбе цемента, но продолжающий жить, мог бы представить себе состояние ученого. Однако у человека было то преимущество, что он мог хотя бы представить себе такую ситуацию, а никто из соплеменников Деррелла не мог предвидеть того, что с ним произошло.

К счастью, почти все студенты сохранили спокойствие, а один из них предложил способ спасения своего учителя. Когда мелкие камешки начали падать рядом, а некоторые прямо в него, Деррелл в некоторой степени обрел утраченное было душевное спокойствие. Длилось это довольно долго, но наконец жителям глубин удалось достичь того, что не удалось много миллионов лет назад морю, — до самого верха заполнить пещеру раздробленным скальным материалом. Правда, даже теперь передвижение не стало легким делом, поскольку расстояния между отдельными обломками были довольно велики, а Деррелл испытывал острую неприязнь к любым открытым пространствам. Однако в конце концов он снова оказался в нормальной, удобной, пригодной для жизни породе, за пределами страшной пещеры. Долгое время он отдыхал, а когда наконец заговорил, слова его были полны глубокой убежденности.

— Что бы мы ни узнали в будущем об этой силе, ясно одно — никто не может теперь сомневаться в ее существовании. Надеюсь, никто из вас никогда не испытает на себе ее воздействие. Те, что

спасли меня, обрушивая обломки пород, рисковали более, чем солдаты или участники самых безумных авантюр. Я затрудняюсь даже сказать, как сильно им благодарен.

Кроме подтверждения существования силы мы установили еще одно: не всегда направление ее действия перпендикулярно границе Пустоты.

— Слушатели удивленно зашептались, но вскоре смолкли, понимая, что ученый прав: в этом месте граница была невероятно извилиста, а в некоторых местах скалы уходили в Пустоту более чем на милю. Невозможно было установить направление, перпендикулярное к ней.

— Итак, остались лишь две возможности: во-первых, что сила эта действует во всех направлениях, и благодаря этому именно в этих, а не иных местах, собрался океан. Если так оно и есть, проект Пентонга совершенно бесполезен; новый океан просто соединится со старым, и мы ничего не добьемся. Вторая возможность такова, что в Пустоте сила эта не существует. В этом случае мы вообще не знаем, что может случиться, за исключением того, что магма, как всегда, разольется по внешней поверхности границы. Как поведет себя растопленный океан, мы не можем даже предполагать. Мне кажется весьма неудачной мысль ослабить нашу оборону в той степени, в которой требует этого реализация плана Пентонга, поскольку нет места даже для умеренного оптимизма относительно его результатов. Я отправляюсь в ближайший город, чтобы высказать там свое мнение; слишком велика угроза со стороны племен Азии, чтобы мы могли позволить себе рисковать. Может, у кого-то есть другое мнение или иной план действий?

— Хорошо бы сначала кое-что сделать, — отозвался Талесс, самый уверенный в себе из членов группы. — Думаю, одинаково плохо из-за нашего невежества отказаться от реализации проекта, как и, взявшись за него, растратить значительные силы и средства. По-моему, прежде чем решиться представить наше мнение Правителям, нужно собрать максимум информации о действии силы по ту сторону границы. Если же обязательно нужно что-то делать уже сейчас, то лучше предложить отсрочку, а не отказ от реализации проекта.

— Каким образом ты собираешься собирать информацию?

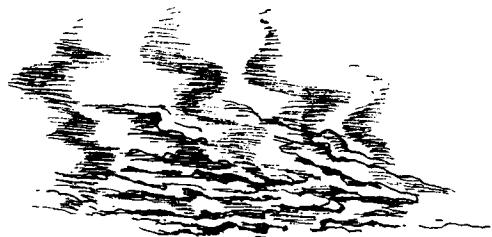
— Не знаю, но мне кажется, что мы образуем группу достаточно компетентных ученых. Я не стал бы предсказывать заранее неудачи, сначала нужно хотя бы попробовать.

— Полученные данные должны быть необычайно точны и настолько обильны, чтобы не оставалось даже тени сомнений. Это жизненно важно для всего нашего вида.

— Я знаю. Но разве требования к точности для нас новость?

Деррелл задумался.

— Разумеется, ты прав, — сказал он наконец. — Мы предложим о т с р о ч к у реализации плана Пентонга. Пусть двое из вас отнесут это сообщение в город, а остальные займутся поисками способов установления, распространится ли растопленный океан по всей поверхности Земли или нет. Если ответ будет «да», мы покроем обе Америки слоем лавы, если же «нет», скопления магмы останутся на прежних местах. Я жду детальных предложений о способе проведения необходимых экспериментов.

Теодор Старджон

ГРОМЫ И РОЗЫ

Когда Пит Маузер прочел в Главном Штабе сообщение о концерте, он отвернулся от доски объявлений, коснулся своей жесткой бороды и, хотя это должно было быть шоу-видео, показываемое в казармах, решил побриться. Еще полтора часа. Хорошо снова иметь какую-то цель, хотя бы такую небольшую — успеть побриться до восьми. Вторник, восемь часов, совсем как когда-то. В среду утром все обычно спрашивали: «Как пела Стар вчера вечером?»

Это было в прошлом, до нападения, прежде чем все эти люди умерли, прежде чем умерла эта страна. Стар Антим — символ, вроде Кросби, Дюза, Дженни Линд или статуи Свободы. (В Свободу попали в самом начале; ее бронзовая красота исчезла в радио-активной пыли, и еще сегодня ее носили блуждающие ветры, стлавшиеся над землей.)

Пит Маузер кашлянул и отогнал мысли о дрейфующих по ветру, отравленных частицах уничтоженной Свободы. Сначала была нена-

висть, вездесущая, как усиливающееся ночью голубое зарево, как напряжение, повисшее над Базой.

Изредка доносившиеся откуда-то издалека выстрелы приблизились. Пит вышел на улицу и направился в сторону стоящего грузовика. На узкой подножке сидела девушка из Женского Корпуса.

Какая-то крепкая фигура выскочила на перекресток. Мужчина держал автомат и шел, направляясь к ним, пошатываясь и водя стволом. Из здания выстрелили. Мужчина повернулся на звук и грязно выругался.

— Он слеп, — сказал Пит Маузер. — Должен быть слеп, — добавил он, глядя на изуродованное шрамами лицо.

Завыла сирена, из-за угла вывернул вооруженный джип. Грохот двух автоматов калибра 50 поставил в происшествии быструю и страшную точку.

— Бедный, глупый мальчишка, — тихо сказал Пит. — Это уже четвертый, которого я сегодня видел. — Он посмотрел на девушку из Женского Корпуса, и она улыбнулась. — Эй! — окликнул он.

— Привет, сержант. — Видимо, она заметила его еще раньше, потому что теперь не отреагировала ни взглядом, ни голосом. — Что там случилось?

— Ты и сама знаешь. Какого-то парня мучило, что не за что больше драться и некуда бежать. Что с тобой происходит?

— Да нет, я не о том. — Она наконец взглянула на него. — Я имею в виду все это... Никак не могу вспомнить.

— Понимаешь... этого так просто не забыть. В нас попали, попали с первого же раза. Все крупные города пошли к дьяволу. Мы получили с обеих сторон, и получили слишком много. Воздух становится радиоактивным. Все... — он остановился. Она не знает, забыла. Бежать некуда, вот она и спряталась у себя внутри. Зачем он будет ей это говорить? Зачем говорить, что все поумирают? Зачем сообщать ей позорную правду, что мы не нанесли ответного удара?

Однако она не слушала, по-прежнему разглядывая его. Глаза ее косили: один смотрел прямо ему в глаза, другой куда-то в висок. Она снова улыбалась, а когда он замолчал, не стала уговаривать продолжать. Мужчина медленно удалился, а она не повернула головы, глядя в то же место, где он стоял, и улыбалась. Он ушел быстро, словно убегая.

Сколько может выдержать человек? Когда ты служишь в армии, тебя пытаются заставить стать как все. Что ты будешь делать, когда другие сходят с ума?

Он стер из памяти образ самого себя как единственного нормального человека. Впрочем, он думал об этом и раньше, что каждый раз приводило к одному и тому же выводу: лучше было бы оказаться среди тех, кто спятил. Но он еще не был готов. Спустя минуту и этот образ исчез из его памяти. Всегда, когда он говорил себе, что еще не готов,

что-то задавало ему вопрос: «почему?» А у него никогда не было готового ответа.

Так сколько же может выдержать человек?

Он поднялся по ступеням в Интендантство. У телефонного коммутатора никого не было, впрочем, это не имело значения, информацию доставляли с помощью джипов или мотоциклов. Командование Базы не требовало, чтобы в эти дни кто-то занимался сидячей работой, но каждый из десяти работающих за столом спятил бы на месте человека из джипа или пехоты. Пит решил завтра устроить пехоте какую-нибудь пакость — это пойдет ей только на пользу. Надеюсь, подумал он, на этот раз адъютант не разрыдается посреди строевого плаца.

В коридоре казармы он наткнулся на Сонни Вейсенфейда. Круглое мальчишеское лицо техника было как всегда веселым. Он стоял голый с переброшенным через плечо полотенцем.

— Эй, Сонни, горячей воды много?

— А почему ее не должно быть? — лучисто улыбнулся Сонни. Пит ответил ему улыбкой, гадая, можно ли вообще о чем-то сказать, избегая воспоминаний. Разумеется, горячая вода была. Казармы Интендантства обеспечивали ее на триста человек, а их осталось несколько десятков. Часть людей погибла, часть разбежалась, а остальных заперли, чтобы...

— Стар Антим дает концерт сегодня вечером.

— Как всегда во вторник? Глупая шутка, Пит. Ты забыл, что сейчас война?..

— Это вовсе не шутка, — быстро ответил Пит. — Она здесь, именно здесь, на Базе.

Лицо Сонни посветлело.

— О, Боже! — удивленно сказал он. Потом снял полотенце с плеча и обмотал вокруг бедер. — Стар Антим здесь! Где они собираются устроить выступление?

— Думаю, в Главном Штабе. И только видео. Знаешь ведь, как бывает с толпой.

— Угу, знаю. Наверняка кто-нибудь не выдержит, — сказал Сонни. — Я бы не хотел, чтобы она видела такое. Пит, как она сюда попала?

— Ее занесло сюда последнее дыхание падающего вертолета военного флота.

— Ну ладно, а зачем?

— Хоть убей, не знаю. Дареному коню в зубы не смотрят.

Пит вошел в умывалку улыбаясь, довольный, что еще может смеяться. Раздевшись, он уложил старательно свернутую одежду на лавку. У стены лежала упаковка от мыла и пустой тюбик зубной пасты. Он поднял их и бросил в контейнер, потом взял стоявшую у стены оружейную щетку на палке и вытер пол в том месте, где Сонни наляпал при бритье. Кто-то должен поддерживать порядок. Он бы забеспо-

...лся, насвинячь так кто-то кроме Сонни. Но этот не сходил с ума, он всегда был такой. Вот пожалуйста опять оставил открытую бритву.

Пит тщательно регулировал краны душа, пока его полностью удовлетворили давление и температура воды. В последнее время он все делал старательно, именно теперь так много хотелось почувствовать, узнать, увидеть. Удары воды по коже, запах мыла, чувство света и тепла, ощущение давления на всю подошву... Интересно, как подействовал бы на него постепенный рост радиоактивности в воздухе, если бы в остальном он сохранял идеальное здоровье?

Что происходит сначала? Потеря зрения? Головные боли? А может, отсутствие аппетита и постепенное истощение?

Почему бы этого не проверить?

С другой стороны, зачем забивать голову? Только немногие люди умрут от радиоактивного отравления. Существует множество других способов умерщвления — быстрее и без особых страданий. Например, эта бритва. Сейчас она лежала, сверкая на солнце, кривая и гладкая. Ею пользовались отец и дед Сонни, по крайней мере так утверждал он. Она была его радостью и гордостью.

Пит повернулся к ней спиной, намылил под мышками, поглощенный нежными прикосновениями лопающихся пузырьков пены. Когда он вновь испытал отвращение к самому себе из-за частых раздумий о смерти, его вдруг осенило. Его болезненный разум не подсовывал ему этих мыслей, мысли о смерти несло с собой знание положения дел. Или: «я никогда больше этого не сделаю», или: «я делаю это в последний раз». Может, начать делать все наоборот? — горячно подумал он. Скажем, ползать по полу или ходить на руках, отказаться от сегодняшнего обеда, а вместо него перекусить часа в два ночи, а на завтрак съесть немного травы.

Однако дышать все равно нужно, и сердце твое должно биться. Ты будешь потеть и дрожать как обычно. Этого не избежать. Когда это произойдет, ты вспомнишь. Твое сердце уже никогда не выбьет свою дробь, оно будет биться все слабее и слабее, пока ты не остановишь его.

Ну и блесит эта бритва...

Твое дыхание будет таким же, как прежде. Ты можешь тайком выскользнуть через одну дверь, вернуться через другую и придумать совершенно новый способ преодоления третьей, но воздух твоего дыхания будет скользить назад и вперед через твои ноздри, как бритва по щекам, издавая звук, похожий на свист бритвы, которую правят на ремне.

Вошел Сонни. Пит намылил волосы. Техник поднял бритву и замер, вглядываясь в нее. Пит наблюдал за ним. Мыло попало ему в глаза, и он выругался. Сонни отскочил.

— Чего ты устался, Сонни? Никогда прежде ее не видел?

— Конечно, видел. Только я... — он закрыл бритву, снова открыл

— сверкнуло лезвие. — С меня довольно, Пит. Я хочу от нее избавиться. Нужно тебе?

Нужно ли ему? Может, еще сунуть ее в солдатский сундучок? Под подушку?

— Нет, Сонни, спасибо. Я не умею ею пользоваться.

— А мне больше нравятся электрические бритвы, — пробормотал Сонни. — Так что с ней сделать?

— Выбрось ее... нет. — Пит взмахнул в воздухе полуоткрытой бритвой, сверкнувшей над контейнером с мусором. — Выбрось ее через... — Нет. Падающая по дуге в высокую траву. Он может захотеть ее найти. Будет ползать вокруг, ища ее в свете луны, и может найти.

— А может, разломать ее на кусочки?

— Нет, — возразил Пит. — Кусочки... — Маленькие острые кусочки, воткнутые в землю. — Я что-нибудь придумаю. Подожди, сейчас оденусь.

Он быстро мылся и вытирался, а Сонни стоял, вглядываясь в бритву. Она была острой, и даже если ее сломать, останутся сверкающие обломки, по-прежнему острые как бритва. Если бы острие затупить на шлифовальном круге, кто-то может найти бритву и заточить ее снова, поскольку она несомненно останется бритвой — отличной стальной бритвой, которой можно...

— Есть! Лаборатория. Мы от нее избавимся, — уверенно заявил Пит.

Он натянул одежду, и оба пошли в лабораторное крыло. Там было тихо, и голоса их эхом отражались от стен.

— В какую-нибудь печь, — сказал Пит, протягивая руку за бритвой.

— В пекарную? С ума сошел!

— Ты никогда не бывал здесь, правда? — захохотал Пит. — Как и всюду на Базе, здесь происходило гораздо больше, чем думали многие. Это место называли пекарней, и официально здесь велись исследования по получению новых разновидностей высококалорийной муки. Но тут есть и множество других вещей. Здесь велись разные работы, опробовались инструменты, проектировались устройства для чистки овощей. Здесь находится электрическая печь, которая... — он толчком открыл дверь.

Они прошли через длинное, захлащенное помещение.

— Здесь можно делать все, начиная с отжига стекла и покрытия керамики глазурью, до определения температуры плавления сковороды. — Пит для пробы нажал выключатель, вспыхнул контрольный огонек. Он открыл настежь небольшую тяжелую дверцу и поместил вовнутрь бритву. — Можешь попрощаться, через двадцать минут от нее останется мокрое место.

— Я хочу это увидеть, — сказал Сонни. — Можно посмотреть, как она поджарится?

— Почему бы и нет?

Они прошли по великолепно оборудованным, но удивительно тихим лабораториям. Какой-то майор склонялся над сложным электронным устройством, размещенным на одном из стендов. Он следил за мерцанием маленького янтарного огонька и не ответил на приветствие. Они прошли мимо него на цыпочках, удивляясь его увлеченности и завидуя ей. Вокруг стояли модели автоматических блюмингов, витаминизаторов, дистанционной сигнализации термостатов, секундомеров, управляющих устройств.

— А что там?

— Не знаю. Я уже вышел из своего района. Не думаю, чтобы там кто-то остался, это были в основном теоретики — механики и электронщики. Эге!

— Что такое? — Сонни проследил взглядом за вытянутой рукой.

— Этот кусок стены... Смотри, он качается. — Пит толкнул выступающий фрагмент, за ним оказалось пустое пространство.

— Что там такое?

— Ничего или какой-нибудь полулегальный, темный промысел. Этим типам все сходило с рук.

— Может, это работа теоретиков Армии? — спросил Сонни с необычным у него проблеском иронии.

Они осторожно заглянули туда, потом вошли.

— Вот это да! Дверь!

Она быстро открылась и тихо захлопнулась. Мягко щелкнул засов, вспыхнул свет.

Помещение было невелико и лишено окон, в нем размещалось машинное отделение — устройство для медленной зарядки аккумуляторов, батарея, электрический генератор, две небольшие установки для освещения и дизель с цилиндрами под сжатый воздух. В углу находился пульт с переключателями, запаянный наглухо. Из него торчал рычаг с красной рукоятью.

Какое-то время они, оцепенев, разглядывали аппаратуру.

— Кто-то хотел иметь полную уверенность, что обладает достаточной энергией, — сказал Сонни.

— Интересно, что... — Пит подошел к пульта, глядя на рычаг, но не трогая его. Он крепился на месте проволокой, на которой висела свернутая бумажка. Пит осторожно развернул ее и прочел вслух: — «Использовать только по личному приказу главнокомандующего».

— Дерни и посмотришь, что произойдет.

Позади что-то щелкнуло, и они повернулись.

— Что это было?

— Кажется, вон то устройство на двери.

Они осторожно подошли. Это был соленоид, прикрепленный натянутой пружиной к пруту, висевшему на петлях таким образом, чтобы

опускался прямо вовнутрь таинственной двери, где входил в стальные цапфы распределительного щита. Щелкнуло еще раз.

— Счетчик Гейгера, — с отвращением констатировал Пит.

— Зачем проектировать дверь, — думал вслух Сонни, — которая остается запертой, пока общая радиоактивность не превысит определенного уровня? Видишь реле? И предохранитель вон там. А это?

— Есть также и ручной запор, — заметил Пит. Счетчик снова щелкнул. — Пошли отсюда. В последнее время мысли у меня...

Дверь открылась с легкостью, и они вышли, прикрыв ее за собой. Замочная скважина была хитро спрятана в щели между досками.

На обратном пути к лабораториям они молчали, беспокойство пропало.

Вновь оказавшись у печи, Пит взглянул на указатель температуры и пинком привел в действие механизм запора. Контрольный огонек погас, и дверь открылась настежь. Прищурившись, они отступили назад, потом пригнулись и заглянули вовнутрь. Бритва исчезла, а на дне камеры сверкала лужица.

— Немного осталось, — буркнул Пит. — Большая часть испарилась.

Так они стояли какое-то время, и на лицах их плясал свет уничтожения. Потом, когда возвращались в казарму, Сонни вздохнул, прервав долгое молчание.

— Я рад, что мы это сделали, Пит. Чертовски рад.

Без пятнадцати восемь они уже ждали в казарме перед экраном. Все, за исключением Пита, Сонни и приземистого капрала с жесткими как проволока волосами, которого звали Бонза, решили посмотреть выступление на большом экране в казино. Прием там действительно был лучше, но зато, как сказал Бонза, «в таком большом помещении трудно сосредоточиться на том, что видишь».

— Надеюсь, она по-прежнему такая же, — сказал Сонни.

«Почему она должна оставаться прежней?» — подумал Пит, с тоской включая приемник и глядя, как начинает светиться экран. За прошедшие две недели все больше золотистых пятен мешали приему... Почему все должно оставаться таким, как прежде?

Он поборол внезапное искушение пинком разбить приемник на куски. И это устройство, и Стар Антим принадлежали тому, что уже умерло. Вся страна умерла, а ведь некогда была богата, цвуща, сильна, расширялась и изменялась, в принципе здоровая и только местами тронутая проказой нищеты и несправедливости, но достаточно сильная, чтобы справиться с любой болезнью. Интересно, как бы это понравилось убийцам? Теперь им нечему завидовать, некуда идти и не с кем сражаться. Это стало правдой для каждого живого существа на Земле.

— Ты заблуждаешься, что она осталась прежней, — пробормотал он.

— Я имел в виду выступление, — мягко сказал Сонни. — Мне хотелось бы сидеть здесь, и чтобы было как... как...

Ах вот в чем дело, туманно подумал Пит. Чтобы было куда пойти, хотя бы на несколько минут...

— Я знаю, — сказал он наконец, и из голоса его исчезла жесткость.

Когда включили передатчик, звуковые помехи прекратились. Свет вихрем закружился по экрану и образовал алмазный узор. Пит настроил резкость, цвет и контрастность.

— Погаси свет, Бонза. Я хочу видеть только Стар Антим, — сказал он.

Сначала было как обычно. Стар Антим никогда не пользовалась фанфарами, проникновением образов, разнообразием цветов и шумов, которые применяли ее современники. Черный экран, а потом — щелк! — и блеск золота. Он был везде, резкий и чертовски интенсивный. Это не изменилось. Изменились, пожалуй, глаза, которые на это смотрели. После появления на экране она всегда несколько секунд стояла неподвижно, была как на портрете, со своей белой шеей и спокойным лицом. Глаза у нее были открытыми и сонными, лицо живым, но неподвижным.

Потом в ее глазах, которые казались зелеными, а были голубыми с золотыми крапинками, стало возникать сознание, и вот она проснулась. После этого стали заметны ее приоткрытые губы. Это что-то в глазах сделало их заметными, хотя ничто еще не шевельнулось. Только через некоторое время она медленно наклонила голову, так что часть золотых крапинок словно подхватили золотые брови. Глаза еще не смотрели на зрителей, они смотрели на меня, только на меня и на МЕНЯ.

— Привет, — начала она, словно сонное видение. У нее были слегка неровные зубы маленькой девочки.

Бонза задрожал, раскладушка, на которой он лежал, закрипела. Сонни раздраженно шевельнулся, Пит вытянул руку в темноту и ухватился за ножку кровати. Скрип прекратился.

— Можно петь? — спросила Стар. Стала слышна музыка, правда, очень далеко. — Это старая песня, одна из лучших. Простая, но глубокая, идущая от мужчин и женщин, составляющих часть человечества, ту часть, которая не знает алчности, ненависти, страха. Это песня о радости и силе. Моя любимая. А для вас?

Музыка усилилась, Пит узнал две первые ноты вступления и тихо выругался. Все не так. Эта песня не подходила для... она была частью...

Сонни сидел зачарованный, Бонза спокойно лежал.

Стар Антим начала петь. Голос у нее был низкий и сильный и в то же время мягкий, с легкой вибрацией в конце фразы. Звуки без видимого усилия плыли с ее лица, с ее длинных волос, с ее широко расставленных глаз. Ее голос, как и лицо, был тонирован и чист, он был голубым и зеленым и прежде всего золотым.

Когда ты дал мне свое сердце,
Ты дал мне весь мир,
Дал мне ночи и дни,
И громы, и розы, и зелень трав,
И море, и мягкую, влажную землю.

Я выпила рассвет из золотой чары,
Из серебряной — сумерки,
Мой резвый скакун был диким западным ветром,
Моя песня — ручьем и жаворонком.

Музыка закружилась, перешла в грустный, сдавленный плач. Она росла и росла и наконец загремела, чтобы потом оборваться, оставив одинокий, заполняющий пространство голос:

Мой гром поразил зло этого мира,
Мои розы дали победу добру,
Я омылась в море и вышла из земли,
И мир стал очагом света.

Последняя нота вернула лицу полное спокойствие и неподвижность. Лицо казалось сонным, но живым, а музыка ушла туда, где отдыхает, когда ее никто не слышит.

Стар улыбнулась.

— Это так легко, — сказала она. — Так просто. Все свежее, чистое и сильное в человеке содержится в этой песне, и, думаю, это все, что должно быть важно для человека. — Она наклонилась вперед. — Понимаете?

Улыбка погасла, сменившись легким удивлением. Между бровями появилась небольшая складка. Стар отступила на шаг.

— Пожалуй, я не смогу сегодня говорить с вами, — сказала она тихим голосом. — В вас живет ненависть.

Ненависть принимала форму чудовищного гриба, ненависть покрывала крапинками экран видео.

— То, что случилось с нами, — сказала Стар жестко и безлично, — тоже просто. Неважно, кто это сделал, понимаете? Это не имеет значения. Нас атаквали, ударили с востока и с запада. Большую часть составляли атомные бомбы — фугасные и пылевые. В нас попало примерно пятьсот тридцать бомб одновременно, и это нас убило.

Она замолчала.

Сонни стукнул кулаком по ладони. Бонза лежал с открытыми глазами, открытыми и спокойными. Пит до боли стиснул зубы.

— У нас больше бомб, чем у них всех. Они есть, но мы не воспользуемся ими. Минуточку! — Она вдруг подняла руки и посмотрела так, словно хотела заглянуть каждому в глаза, и они откинулись назад.

— Воздух настолько насыщен C14, что все люди на этом полушарии вымрут. Не бойтесь сказать это. Это правда, которой нужно смотреть в глаза. Поскольку явление трансмутации распространяется из руин наших городов, радиоактивность воздуха усиливается, из-за че-

го нам придется умереть. Через несколько месяцев или через год результаты скажутся и за океаном. И там большинство людей умрет. Никто не выйдет из этого без потерь. Однако их ждет нечто худшее, чем уготованное нам, их захлестнет волна страха и ужаса, что для нас уже невозможно. Мы попросту умрем, а они будут жить, облученные, больные, а дети, которые у них родятся... — Она покачала головой и с видимым усилием взяла себя в руки.

— Пятсот тридцать бомб... Не думаю, чтобы кто-либо из атакующих знал, насколько силен его противник. Это держали в такой тайне, — ее голос стал печальным, она легонько пожала плечами. — Убивая нас, они уничтожили самих себя. Что касается нас, то мы тоже не без вины. И мы не настолько бессильны, чтобы не иметь возможности кое-что сделать, по крайней мере сейчас. Однако то, что мы должны сделать, безжалостно для нас. Мы должны умереть, отказавшись от ответного удара.

Она быстро взглянула на каждого в отдельности.

— Мы не должны наносить ответный удар, хотя можем ответить и ударить сотнями бомб, которые имеем. Удар опустошит планету до такой степени, что не уцелеют даже бактерии, не останется даже травинки и ничто новое уже не сможет вырасти. Мы превратим Землю в мертвый предмет, мертвый навсегда.

Нет, это просто не имеет смысла. Мы не можем этого сделать.

Вы помните песню? Вот это и есть гуманизм. Мы находим его во всех людях. Какая-то болезнь на время превратила других людей в наших врагов, однако, когда сменятся поколения, враги станут друзьями, а друзья врагами. В громаде истории враждебность тех, кто убил нас, ничтожно мала!

Она понизила голос.

— Мы умираем с сознанием, что совершили единственный благородный поступок, который еще можем совершить. Искра жизни по-прежнему сможет тлеть и расти на этой планете. Она будет почти задута и залита, она едва не погаснет, однако уцелеет, если песня говорит правду. Она уцелеет, если мы настолько человечны, чтобы не обращать внимания на то, что искра эта под контролем нашего временного врага. Некоторые... кто-то из его детей выживет, чтобы объединиться с новой расой людей, постепенно выходящей из джунглей и лесов. Может, их ждут десять тысяч лет одичания, а может, человек возродится, пока еще стоят руины.

Она подняла голову, голос ее звенел как колокол.

— Даже если это конец рода людского, — говорила она, — мы не должны лишать шанса другие формы жизни, которые могут возникнуть на нашей планете. Если мы отомстим, не останется ни собаки, ни оленя, ни обезьяны, ни птицы, ни рыбы, ни ящерицы, чтобы нести дальше светильник эволюции. Во имя справедливости: если мы должны уничтожить себя, то пусть выживут формы жизни, существующие

вместе с нами. На человечестве и так уже достаточно грехов. Если нам обязательно нужно кого-то уничтожить, ограничимся уничтожением самих себя!

Послышались дрожащие звуки, казалось, играющие ее волосами, как слабый ветерок. Женщина улыбнулась.

— Вот и все, — прошептала она, пожелав каждому слушателю «спокойной ночи».

Экран потемнел, когда без всякого предупреждения передачу прервали, вездесущие крапинки вновь побежали по всему экрану.

Пит встал и зажег свет. Бонза и Сонни молчали. Прошло какое-то время, прежде чем Сонни сел прямо, дрожа как новорожденный щенок. Казалось, что-то мешает двигаться.

— Вам нельзя ни с кем сражаться, нельзя убегать и жить. А теперь вы не можете даже ненавидеть, потому что Стар не разрешает, — тихо сказал Сонни.

В голосе его звучала горечь, а в воздухе плавал горький запах.

Пит Маузер потянул носом, впрочем, без всякой связи с запахом. Потом сделал это снова.

— Чем это пахнет, Сон? — спросил он.

Сонни втянул воздух.

— Не знаю, — сказал он. — Что-то знакомое. Может, ваниль? Нет... нет.

— Миндаль. Горький... Бонза!

Бонза лежал неподвижно с открытыми глазами и гримасой улыбки на лице. Мышцы щек у него напряглись, так что видны были почти все зубы. Лицо его покрывал пот.

— Бонза!

— Это случилось именно тогда, когда она появилась и сказала «привет», помнишь? — прошептал Пит. — Бедный парень. Вот почему он хотел смотреть представление здесь, а не в кantine.

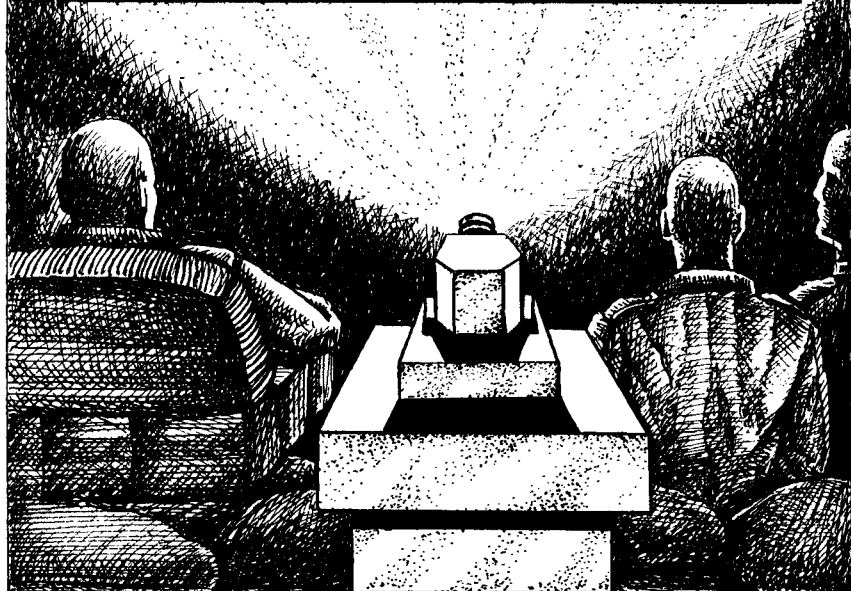
— Он ушел, глядя на нее, — сказал Сонни синими губами. — Не скажу, чтобы осуждал его. Интересно, где он взял эту штуку?

— Неважно! — резко заметил Пит. — Пошли отсюда.

Они отправились вызывать «скорую». Бонза лежал, глядя мертвыми глазами на экран, а в воздухе плавал запах горького миндаля.

Пит не отдавал себе отчета, куда и зачем идет, пока не оказался на темной улице возле Главного Штаба и барака связи. Он подумал, что было приятно слышать Стар, а также видеть ее всегда, когда захочется. Может, и не было никаких записей, однако музыкальное сопровождение шло с магнитофона, а отдел связи мог записать и целый концерт.

Он нерешительно стоял у здания Главного Штаба. Перед входом

собралась группа людей. Пит улыбнулся: ни дождь, ни снег, ни град или мрак ночи не прогнали бы охраняющего вход часового.

Пит пошел вниз по боковой улочке, потом вверх, к платформе на задах, куда доставляли почту. Там находились двери — выход из Сектора Связи.

В бараке связи горел свет. Пит как раз протянул руку к двери с проволоочной сеткой, когда заметил кого-то, стоящего рядом в тени. Свет мягко поблескивал на золотистых контурах головы и лица.

Пит остановился.

— С... Стар Антим! — воскликнул он.

— Привет, солдат... Сержант.

— Я... — он покраснел, как мальчишка, и онемел. Проглотив слюну, поднял руку, чтобы сорвать фуражку, но ее не было. — Я смотрел выступление, — наконец выдавил он, чувствуя себя неловко. Было темно, но он хорошо видел, что ботинки почищены плохо.

Она передвинулась к свету и была так прекрасна, что он на мгновение закрыл глаза.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Маузер. Пит Маузер, — ответил он.

— Понравился концерт?

— Нет, — с нажимом сказал он, не глядя на нее.

— Вот как?

— То есть... мне понравились некоторые моменты. Песня.

— Понимаю.

— Можно мне получить запись?

— Наверное, — ответила она. — Какой у вас аппарат?

— Аудиовид.

— Значит, диск. Мы записали несколько. Подождите, я принесу вам один.

Она медленно вошла внутрь; Пит заворуженно следил за ней. Она была коронованной особой, окруженной нимбом, а также оправленной в раму картиной — живой и золотистой. Он ждал, жадно следя за ней. Она возвращалась с большим конвертом, сказала «спокойной ночи» кому-то внутри и вышла на платформу.

— Пожалуйста, Пит Маузер.

— Большое спасибо, — выдавил он и облизал губы. — Это очень мило с вашей стороны.

— Не совсем. Чем больше их будет в обороте, тем лучше, — она вдруг засмеялась. — Не нужно понимать это буквально. В последнее время меня не волнует слава.

— Не знаю, была бы она у вас, пройди это выступление в прежние времена.

— Гм-м, — она улыбнулась, подняв брови, — кажется, я произвела небывалое впечатление.

— Простите, — сказал он. — Я не должен был так вести себя. Все, о чем я сейчас думаю и что говорю, слишком преувеличено.

— Я знаю, что вы хотите сказать. — Она огляделась. — Как здесь живет?

— Неплохо. Обычно меня раздражала необходимость соблюдения тайны и эта удаленность от цивилизации. — Он с горечью засмеялся. — Однако оказалось, что я сделал удачный выбор.

— Это звучит как первая глава книги «Мир единый или никакой».

— Какого списка чтения вы придерживаетесь? Официального? — Он внимательно смотрел на нее.

— Ничего подобного. — Она рассмеялась. — Все не так плохо. Эта книга никогда не была в списке. Она просто...

— Немодна, — закончил он.

— Верно, — согласилась девушка. — Если бы люди обратили на нее внимание в сороковых годах, возможно, не случилось бы того, что произошло.

Он проследил ее взгляд до слабо дрожащего неба.

— Надолго вы сюда?

— Пока... Я не собираюсь уезжать.

— Что?!

— Моя дорога подошла к концу, — просто сказала она. — Я была везде, где можно, во всех местах, о которых мы знаем.

— С этой программой?

Она утвердительно кивнула, потом добавила:

— С этой особой миссией.

Он задумчиво молчал. Женщина повернулась к двери, а он вытянул руку, но не коснулся ее.

— Пожалуйста... — начал он.

— Что именно?

— Я бы хотел... Если вы, конечно, не против... не часто удастся поговорить с... вы не против прогуляться перед сном?

— Нет, сержант, спасибо. Я устала. Мы еще встретимся.

Он удивленно взглянул на нее, и вдруг в его мозгу словно вспыхнул свет.

— Я знаю, где это находится. Это рычаг с красной ручкой и надписью на бумажке «по приказу главнокомандующего». Все тщательно замаскировано.

Она молчала так долго, что он решил, что она не слушала его.

— Я согласна на прогулку, — сказала она наконец.

Они прошли вдвоем вдоль платформы, потом свернули к темному строеному плацу.

— Откуда вы знаете? — тихо спросила она.

— Это нетрудно. Вся эта ваша миссия... факт, что вы ездили по всей стране. И прежде всего что кто-то считает необходимым убедить

нас не наносить ответного удара. На кого ты работаешь? — прямо спросил он.

Она рассмеялась, и это его удивило.

— Для чего все это? — уточнил он.

— Минуту назад ты краснел и у тебя заплетался язык.

— Тогда я говорил не с человеком, — оправдывался он. — Я говорил с тысячей песен, которые прослушал, и со ста тысячами золотоволосых изображений. Лучше скажи, что все это значит.

— Поднимемся наверх и поговорим с полковником. — Она остановилась.

— Нет, — ответил он, беря ее под руку. — Я обычный сержант, а он высший офицер. Впрочем, теперь это не имеет никакого значения. Ты человек, я — тоже и должен уважать твои права. Но я не сделаю этого. Лучше расскажи об этом мне.

— Ну хорошо, — она согласилась с усталостью, вызвавшей в нем внутренний страх. — Кажется, ты действительно нашел. В районах стартовых площадок есть главные кнопки для запуска. Мы обнаружили и демонтировали все, кроме двух. Очень вероятно, что одна испарилась во время взрыва. Вторая — исчезла.

— Исчезла?

— Не мне говорить тебе о сохранении строгой тайны. Ты знаешь, как это развивалось между отдельными странами. Точно так же было между штатами и федеральными властями, между министерствами и организациями. Только три или четыре человека знали, где размещены все кнопки. Трое из этих людей находились в Пентагоне, когда его взорвали. Третий взрыв, если помнишь. Если имелся еще четвертый человек, им мог быть только сенатор Ванеркук, а он умер три недели назад, не сказав ни слова.

— Наверное, автоматический радиоключ?

— Верно. Сержант, нам обязательно все время ходить? Я так устала...

— Прошу прощения, — машинально сказал он. Они перешли на другую сторону, на место, с которого проходил смотр войск, и сели на пустых скамьях. — Повсюду стартовые площадки, замаскированные и заряженные?

— Заряжена большая их часть. Внутри находится устройство для измерения времени, которое разрядит их примерно через год, но до тех пор они остаются заряженными и нацеленными.

— Нацеленными на что?

— Неважно.

— Понимаю. Сколько их примерно?

— Около шестисот сорока. До сих пор выпущено по крайней мере пятьсот тридцать ракет. Точно мы не знаем.

— Кто это мы? — с яростью спросил он.

— Кто? — Она засмеялась. — Можно сказать, правительство. Ес-

ли умирает президент, власть переходит к вице-президенту, потом к государственному секретарю и так далее. Насколько далеко можно в этом зайти? Пит Маузер, неужели ты еще не понял, что произошло?

— Не понимаю, о чем ты.

— Как по-твоему, сколько людей осталось в живых в этой стране?

— Не знаю. Полагаю, несколько миллионов.

— А сколько их здесь?

— Около девятисот.

— Насколько я знаю, это крупнейший из еще существующих городов.

Он вскочил на ноги.

— Нет! — выкрикнул он, и слово это пронзило насквозь темноту, заплутало между покинутыми домами и вернулось к нему серией низких звуков, отражающихся эхом: нет... нет... нет...

— Они рассеяны по полям и дорогам, — Стар заговорила быстро и тихо. — Сидят под солнцем и умирают. Бегают группами, раздирая друг друга на куски, молятся и голодают, убивают друг друга и умирают в пламени. Огонь — повсюду огонь, горит все, что еще уцелело. Сейчас лето... В Беркшире уже опали листья, а трава выгорела до коричневого цвета. Видна трава, умирающая от воздуха, и ширящаяся смерть выходит из мертвого пейзажа. Громы и розы... Я видела розы, те, новые, растущие из разбитых горшков в теплицах. Их лепестки живы, но больны, шипы закручиваются, вырастают в стебли и убивают цветок. Фельдман умер сегодня ночью.

Он позволил ей помолчать, потом спросил:

— Кто такой Фельдман?

— Мой пилот, — говорила она в сложенные ладони. — Он умирал много недель, не думаю, чтобы у него осталась хоть капля крови. Он пролетел над самым Главным Штабом и направился на посадочную полосу. Садился с мертвым двигателем, умолкшими турбинами и без гироскопа. Разбил шасси и сам тоже был уже мертв. В Чикаго он убил человека, чтобы украсть топливо. Того оно вовсе не интересовало, просто у насоса лежала мертвая девушка, и он не хотел, чтобы мы приближались к ней. Я никуда отсюда не уйду, останусь здесь. Я устала...

Она наконец расплакалась.

Пит оставил ее одну и вышел на центр смотрового плаца, оглядываясь на слабый огонек, мерцающий на деревянных скамьях. Мысли его на мгновение вернулись к вечернему концерту, к тому, как она пела перед безжалостным передатчиком. «Привет!» «Если нам нужно кого-то уничтожить, ограничимся уничтожением самих себя!»

Слабая искра человеческой жизни... что это могло значить для нее? Почему это значило так много?

«Громы и розы». Искривленные, больные, неспособные жить розы, убивающие сами себя своими шипами.

«И мир стал очагом света!» Голубой свет, мерцающий в зараженном воздухе.

Враг. Рычаг с красной рукоятью. Бонза. «Молятся и голодают, убивают друг друга и умирают в пламени».

Что же это за существа, эти продажные, неудержимые хищники в человеческом облике? Есть ли у них право на еще один шанс? Есть ли в них хоть что-то хорошее?

Стар была хорошей. Стар плакала. Только человек может так плакать, значит, Стар — человек.

Есть ли у человечества что-то от Стар Антим?

Он пытался найти в темноте свои руки. Никакая планета, никакая вселенная не могут быть для человека важнее его собственного «я». Эти руки решали судьбу будущего. Подобно рукам всех людей, они могли обычными действиями творить человеческую историю или положить ей конец. Заключена ли эта сила рук в миллиарде ладоней или всего в двух, стало вдруг неважно перед лицом вечности.

Он сунул эти человеческие руки глубоко в карманы и медленно вернулся к деревянным скамьям.

— Стар, — позвал он.

Она ответила всхлипыванием, совершенно детским и сонным.

— Они получают этот шанс, Стар. Я не коснусь ключа.

Она села прямо, потом встала и подошла к нему, улыбаясь. Он видел эту улыбку, поскольку в воздухе зубы ее слабо фосфоресцировали. Женщина положила ладони ему на плечи.

— Пит, — сказала она.

Мгновение он держал ее в объятиях, а потом ноги ее подкосились, и ему пришлось ее нести.

В Офицерском клубе, куда было ближе всего, он не застал никого. Он вошел, спотыкаясь и ощупывая стену, пока не нашарил выключатель. Свет ослепил его до боли. Он поднес женщину к дивану и осторожно уложил. Она не шевелилась. С одной стороны лицо ее стало белым как молоко.

Пит тупо смотрел на это место, потом коснулся его. На рубашке девушки виднелась кровь.

Врача... но ведь его нет с тех пор, как Андерс повесился.

— Вызови кого-нибудь, — бормотал он. — Сделай что-нибудь.

Упав на колени, он осторожно расстегнул ее рубашку. Между жестким, казенным лифчиком и верхом брюк на боку была кровь. Молниеносно вытащив платок, он принялся вытирать ее. Никакой раны не было видно, кровь появилась снова. Он осторожно вытер это место. И снова кровь.

Это было так, словно он пытался высушить полотенцем кусок льда.

Он подбежал к охладителю воды, выжал окровавленный платок и бегом вернулся к Стар. Осторожно смочил ее лицо — бледную правую

сторону и розовую левую. Платок вновь покраснел, на этот раз от косметики, после чего все лицо стало бледным, а под глазами появились огромные синяки. Он смотрел на девушку — на левой щеке выступила кровь.

— Должен же кто-то быть... — он бросился к двери.

— Пит! — позвала она.

Он повернулся на звук ее голоса, ударился о притолоку, с трудом восстановил равновесие и снова метнулся к ней.

— Стар! — крикнул он. — Держись! Я приведу врача так быстро, как только смогу...

Ее ладонь провела по левой щеке.

— Узнал, — сказала она. — Этого не знал никто, кроме Фельдмана. Тяжело было скрыть... — Ладонь прошла по волосам.

— Стар, я приведу...

— Пит, дорогой, ты можешь мне кое-что пообещать?

— Ну конечно.

— Не трогай моих волос. Понимаешь, они не все... не все мои собственные, — сказала она голосом семилетней девочки, играющей во что-то. — С этой стороны все выпали. Я не хочу, чтобы ты видел меня такой.

Он вновь опустился рядом с ней.

— Что это? — спросил хриплым голосом. — Что с тобой случилось?

— Филадельфия, — пробормотала она. — В самом начале. Гриб поднялся в полумиле, и студия рухнула. На следующий день я пришла в себя. Тогда я еще не знала, что облучилась, это было не заметно. Моя левая сторона... Нет, неважно, Пит. Сейчас уже не болит.

— Я иду за врачом. — Он поднялся.

— Не уходи. Прошу, не уходи и не оставляй меня! Пожалуйста... — В глазах ее стояли слезы. — Подожди еще, Пит, уже скоро.

Он снова упал на колени. Она взяла его руки и крепко сжала их.

— Ты хороший, Пит. Ты такой хороший... — она счастливо улыбнулась.

(Она не могла слышать, что кровь шумит у него в ушах, не видела рычащего вихря ненависти, страха и муки, клубившегося в нем.)

Она говорила с ним тихим голосом, потом шепотом. Временами он ненавидел себя за то, что не может понять все. Рассказывала о школе и о первой пробе.

— Я так боялась, что мой голос завибрировал, — говорила она. — Никогда прежде такого не бывало. Сейчас, всегда, когда пою, я впускаю в себя немного страха — это легко.

Рассказала она и о цветочном ящике на окне, когда ей было четыре года.

— Два настоящих живых тюльпана и кувшинка. Мне всегда было жалко их.

Потом воцарилось долгое молчание. Его мышцы дрожали от судорог и постепенно деревенели. Кажется, он задремал и проснулся, почувствовав ее пальцы на своей щеке. Она приподнялась на локте.

— Я хотела только сказать тебе, любимый... Позволь мне уйти первой и приготовить все для тебя. Будет чудесно. Я сделаю тебе специально заправленный салат, приготовлю на пару шоколадный пудинг и подам еще горячим.

Все это было слишком сложно, чтобы он мог понять ее. Улыбнувшись, он снова лег на скамью, а девушка взяла его за руку.

Когда он проснулся второй раз, был уже день, а она умерла.

Вернувшись в казарму, он застал Сонни Вейсенфрейда, сидящего на раскладушке. Пит подал ему диск, который поднял с земли на обратном пути через строевой плац.

— Он мокрый от росы. Высуши его, хорошо? — прохрипел он и упал лицом вниз на кровать, которой пользовался Бонза.

— Пит! Где ты был? Что случилось? С тобой все в порядке? — спрашивал Сонни, глядя на него.

Пит слегка шевельнулся и что-то промычал. Сонни пожал плечами и вынул диск из мокрого конверта. Влага особо не повредила его, хотя мокрый слушать было невозможно. Сонни начал старательно вытирать диск.

Пит с трудом выбрался из обширного, освещенного зеленым светом помещения, полного мерцающих холодных огней. Стар звала его, а кто-то расталкивал. Он сопротивлялся этому, стараясь расслышать, что говорит Стар, однако кто-то тараторил слишком громко и мешал.

Он открыл глаза. Его тряс Сонни, круглое лицо которого порозовело от эмоций. Аудиовид был включен, и Стар говорила. Сонни раздраженно встал и убрал звук.

— Пит! Пит! — воскликнул он. — Проснись же! Я должен тебе что-то сказать. Послушай! Да проснись, наконец!

— Ну?

— Вот так лучше. Я как раз слушал Стар Антим...

— Она умерла, — сказал Пит.

Сонни не обратил на это внимания.

— Я все понял, — возбужденно говорил он. — Стар ездила повсюду, чтобы умять не использовать наши атомные бомбы. Будь правительство уверено, что ответный удар невозможен, оно не стало бы так стараться. Должен, Пит, должен существовать какой-то способ направить ракеты на эту банду убийц. И я даже знаю, как это сделать.

Пит ошеломленно вытянулся в направлении, с которого доносился голос Стар. Сонни не умолкал.

— Предположим, что существует какой-нибудь главный радиоключ, автоматическое шифровое устройство, что-то вроде сигнала

тревоги на кораблях. Когда радиотелеграфист передает четыре тире, сигнал включает звонок на всех кораблях, находящихся в пределах радиосвязи. Допустим, существуют автоматическое устройство для запуска ракет и его аналоги, укрытые на территории всей страны. Как бы это могло выглядеть? Достаточно потянуть небольшой рычаг — и все. Как бы укрыли это устройство? Среди множества другого оборудования, именно там, где можно ожидать увидеть странно выглядящие таинственные приборы. Скажем, в исследовательской лаборатории — как у нас здесь. Понимаешь?

— Заткнись, я не слышу ее.

— К черту ее! Можешь послушать в другой раз. Ты не понял ни слова из того, что я говорил!

— Она умерла!

— Да?.. Ну что ж, думаю, что потяну за этот рычаг. Что мне терять? По крайней мере эти убийцы... ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— Она умерла.

— Умерла? Стар Антим? — юношеское лицо Сонни скривилось. — Похоже, ты еще не проснулся. Не знаешь, что говоришь, — добавил он и бросился на кровать.

— Она умерла, — хрипло повторил Пит. — Облучилась от одной из первых бомб. Я был с нею, когда... когда... А теперь заткнись и убирайся, дай мне послушать! — хрипло заорал он.

Сонни медленно встал.

— И ее тоже убили, — сказал он. — Убили Стар Антим. Это была последняя капля. Это уже слишком. — Лицо его побледнело, и он вышел.

Пит поднялся. Ноги отказывались держать его, и он едва не упал. Удержавшись, он с треском ударил по экрану, зацепив рукой адаптер, проехавший поперек диска. Он снова установил его на начало, прибавил звук и лег, чтобы слушать.

В голове у него гудело. Сонни говорил слишком много: ракеты, автоматические шифровые устройства...

«Ты дал мне свое сердце, — пела Стар. — Ты дал мне свое сердце. Ты дал мне свое сердце. Ты дал...»

Пит снова поднялся и передвинул адаптер. В нем нарастала злость не на себя, а на Сонни, из-за которого диск заел именно в этом месте.

Стар продолжала говорить, на лице ее снова и снова появлялось то же выражение.

«Ударил с востока и с ударили с востока и с...»

Встав, он снова толкнул рычаг.

«Ты дал мне свое сердце ты дал мне...»

Пит издал вопль отчаяния без слов, наклонился, встал и одним ударом разбил экран.

— И я тоже, — сказал он в грохочущей тишине. — Сонни, — позвал он и стал ждать.

— Сонни! — заорал он через минуту.

Широко открыв глаза, он выругался и выскочил в коридор.

Когда он добрался до входа, тот был закрыт, и Пит ногой открыл его, оказавшись в темноте.

— Эй! — рявкнул Сонни. — Закрой! Ты выключил свет!

Пит закрыл дверь, и свет вспыхнул снова.

— Пит, что случилось?

— Ничего не случилось, Сон, — прохрипел Пит.

— Куда ты смотришь? — с беспокойством спросил Сонни.

— Извини, — сказал Пит так мягко, как только мог. — Я только хотел кое в чем убедиться, вот и все! Ты говорил кому-нибудь об этом? — он указал на рычаг.

— Зачем мне было говорить? Нет. Я понял это, когда ты спал, только что.

Пит внимательно осмотрелся по сторонам, пока Сонни переминался с ноги на ногу. Затем подошел к стойке с инструментами.

— Ты кое-чего не заметил, Сонни, — спокойно сказал он. — Там, вверху. — Он показал. — На стене за твоей спиной. Видишь?

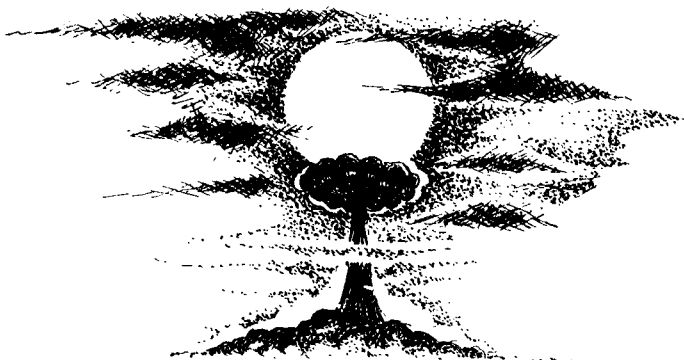
Сонни повернулся, Пит одним движением снял четырнадцатидюймовый гаечный ключ и изо всех сил ударил им юношу.

Потом начал старательно разбирать оборудование. Вытащил стержни газовых двигателей и молотком разбил цилиндры. Отключил систему зажигания дизеля — при этом опустели баллоны со сжатым газом — и кусачками перерезал остальные провода. Потом разбил стояк переключателя вместе с рычагом. Закончив, положил инструменты, наклонился и погладил взъерошенные волосы Сонни.

Потом вышел, старательно закрыв дверь. Несомненно, то была отличная работа. Пит тяжело уселся на ближайший лабораторный стол.

— Теперь у вас есть шанс, — бросил он в далекое будущее. — И ради Бога, используйте его как надо.

После этого он просто ждал.

Мак Рейнольдс

ОРДЕН СЛАВЫ

Дон Мазерс вытянулся по стойке «смирно», бодро отсалютовал и отпартовал:

— Младший лейтенант Донал Мазерс докладывает, сэр.

Коммодор смерил его взглядом, козырнул и взглянул на лежащий на столе рапорт.

— Мазерс, Одиночная Разведка, У-102. Сектор А22-К223, — пробормотал он.

— Да, сэр.

Коммодор вновь взглянул на него.

— Вы были на посту всего пять дней, лейтенант.

— Да, сэр, на третий день мне показалось, что испортилась форсунка. Пару дней я терпел, но затем решил, что лучше мне вернуться и проверить, в чем дело. — Затем добавил: — Согласно инструкции, сэр.

— М-да, конечно. Разведчик вряд ли сможет ремонтироваться в

космосе. Если возникают какие-то сомнения, инструкции предписывают вернуться на базу. Рано или поздно это случается с каждым.

— Да, сэр.

— Однако, лейтенант, с вами это было четыре раза из шести.

Дон Мазерс ничего не ответил. Он казался невозмутимым.

— Механики доложили, что с вашим двигателем все в порядке.

— Иногда, сэр, следов не остается. Может, это была порция плохого топлива. Она сгорела в конце концов, и все стало на свои места. Но в этом случае тоже следует вернуться на базу.

Коммодор нетерпеливо прервал его:

— Лейтенант, не надо объяснять мне недостатки Одиночной Разведки. Около пяти лет я сам был пилотом. Мне известны недостатки — и машин, и пилотов.

— Сэр, я не понимаю.

Коммодор посмотрел на кончик своего большого пальца.

— От двух недель до месяца вы проводите в открытом космосе. Совсем один. Высматривая корабли крейдеров, которые практически никогда не появляются. В истории войн я могу припомнить лишь одну подобную ситуацию. Во время Первой мировой войны летчики также летали в одиночку. Но они летали всего лишь пару часов или около того.

— Да, сэр, — бессмысленно повторил Дон.

Коммодор продолжал:

— Здесь, в штабе, мы понимаем, что в открытом космосе можно поддаться внезапному страху и, вообразив, что с кораблем не все в порядке, вернуться на базу, но, — Коммодор откашлялся, — четыре раза из шести? Лейтенант, вы не думаете, что вам надо сходить к психиатру?

Дон Мазерс вспыхнул:

— Нет, сэр, я так не думаю.

Коммодор по-военному сухо ответил:

— Очень хорошо, лейтенант. У вас будет обычный трехнедельный отпуск. Вы свободны.

Дон энергично козырнул, повернулся и вышел из кабинета.

В коридоре он тихонько выругался. Что знают эти медноголовые бюрократы о космическом страхе? О бездонной черноте, о гнусной невесомости, о волнах первобытного ужаса, что охватывает тебя, когда мысль о том, что ты оторван, оторван, оторван от Земли, вдруг пронзает до самого нутра. Что ты один, один, один. В миллионе, миллионе миллионов миль от своего ближайшего сородича. Летать в корабле, который чуть больше нормального шкафа! Что знает об этом Коммодор?

Дон Мазерс весьма подходяще забыл, кто прослужил в разведке пять лет.

Из Штаб-квартиры Космического Командования он направился к Гарри, в «Нуово-Мексико бар». В это время дня там было пусто.

— Привет, лейтенант, — поздоровался Гарри, — а я думал, ты патрулируешь. Как это ты так скоро вернулся?

Дон холодно ответил:

— Суешь свой нос в дела безопасности, Гарри?

— Ну вот! Нет, лейтенант. Ты же меня знаешь. Я знаю всех парней. Я просто так болтал.

— Слушай, как насчет кредита, Гарри? На этой неделе у меня нет денег.

— Нет проблем. Мой мальчик служит на легком крейсере «Нью-Даос». Я открываю кредит для любого космонавта. Что закажешь?

— Текилу.

Текила была единственной уступкой, которую «Нуово-Мексико бар» сделал своему названию. В остальном он выглядел так, как выглядит любой бар в любом месте и в любую эру. Гарри налил, добавил лимон и соль.

— Слышал сегодняшние утренние новости? — спросил он.

— Нет, я только что вернулся.

— Колин Кэзи умер. — Гарри покачал головой. — Единственный человек, награжденный Галактическим орденом Славы. Согласно Президентскому обращению, в память о нем каждый в системе должен помолчать пять минут в два часа по Солнечному времени. Знаешь, сколько раз вручался этот орден, лейтенант? — И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Всего тридцать шесть раз.

Дон сухо добавил:

— Двадцать восемь из них — посмертно.

— Да-а, — Гарри, наклонившись к своему единственному клиенту, вдруг изумленно проговорил, — Галактический орден Славы, награжденный которым не может сделать ничего дурного. Вообрази. Приезжаешь в какой-нибудь городишко, идешь в самый большой ювелирный магазин, берешь бриллиантовый браслет и выходишь. И что тогда?

Дон фыркнул:

— Хозяину магазина возместят убытки с помощью пожертвований от граждан. И, может быть, мэр напишет тебе благодарственное письмо за то, что ты прославил их городишко, соблаговолив заметить один из увиденных в магазине товаров.

— Да-а. — Гарри благоговейно покачал головой, — а представь, если ты убьешь того, кто тебе не нравится, то и ночи не просидишь в тюрьме.

Дон возразил:

— Если бы у тебя был Галактический орден Славы, ты не должен был никого убивать. Слушай, Гарри, ты не возражаешь, если я позвоню?

— Телефон прямо впереди, лейтенант.

На экране телефона появилась Диана Фуллер; очевидно, она собирала чемоданы. Она обернулась и удивленно произнесла:

— Ой, Дон, я думала, что ты на дежурстве.

— Я там и был. Но случилась поломка.

— Опять? — спросила она, слегка нахмурив брови.

Он нетерпеливо перебил:

— Слушай, я хочу встретиться с тобой. Завтра ты улетаешь в Каллисто. Это наш последний шанс. Я хотел поговорить с тобой о чем-то очень важном.

Она ответила слегка раздраженно:

— Я собираю вещи, Дон. Для встречи с тобой у меня просто нет времени. Мне кажется, мы уже попрощались пять дней назад.

— Это очень важно, Ди.

Она бросила два свитера на кресло или во что-то не видимое на экране и, уперев руки в бока, взглянула ему прямо в лицо.

— Нет, Дон, не для меня. Это все уже было. Зачем мучить себя? Ты не готов к женитьбе, Дон. Мне не хочется обижать тебя, но ты просто не можешь жениться. Увидимся через несколько лет, Дон.

— Ди, всего лишь пару часов, сегодня днем.

Диана повернулась к нему и произнесла:

— Колин Кэзи умер от ран сегодня утром. Президент просил почтить его память пятью минутами молчания. Дон, я собиралась провести это время одна, немного всплакнула бы, вспомнив человека, который умер из-за меня и за всех нас. Того, который был так отважен, что удостоился высшей чести, какой когда-либо удостоивался человек. И я не хочу, чтобы в это время рядом со мной был солдат, покинувший свой пост.

После того как экран погас, Дон Мазерс вернулся и на негнущихся ногах подошел к стойке. Он рухнул в кресло и решительно приказал:

— Еще текилу, Гарри. Двойную. Без лимона и соли.

Час спустя или около того чей-то голос произнес:

— Вы — младший лейтенант Донал Мазерс?

Дон поднял глаза и прорычал:

— Ну и что? Пошли вон.

Их было двое. Близнецы или очень похожи. Без выражения на лицах, крепко сложенные. Такие обречены охранять удовольствия людей богатых или умных, но сами не способны стать ни тем, ни другим. Один из них повторил:

— Босс хочет тебя видеть.

— А кто ваш босс, черт побери?

— Может, он скажет, когда тебя увидит, — рассудительно и терпеливо сказал другой.

— Ну, можете передать своему боссу, чтобы он отправлялся к...

Второй из вошедших стоял спокойно, засунув руки в карманы

пальто. Потом он вытащил левую руку и положил перед Доном Мазерсом чек.

— Босс велел передать это вам.

Тысячи юнит-нотов. Дон никогда не видел чека на такую сумму, даже и на половину такой суммы.

Он закусил губу, взял чек и хорошенько его рассмотрел. Подделка была искусством давно забытым. Ему даже и в голову не пришло, что он может быть фальшивым.

— Хорошо, — промолвил Дон, вскакивая на ноги, — давайте поедем к боссу, мне сейчас нечего делать, а его визитная карточка заинтриговала меня.

На улице один из них вызвал такси, нажав кнопку на своем запястье, и они втроем уселись. Тот, который дал Дону чек, набрал на циферблате адрес, и они поехали.

— Ну, так чего босс хочет от меня? — поинтересовался Дон.

Они не удостоили его ответа.

Местом их назначения оказалось здание Межпланетных Линий. Машина подняла их вверх, на пентхауз, увенчивающий здание, и они приземлились на террасе.

На пляжных стульях, между которыми располагался автобар, сидели двое мужчин. Оба средних лет. Один из них, невероятно тучный, был смутно знаком Дону Мазерсу. Из передачи последних известий? Из статьи в журнале? Другой был типичный злодей, такой, каких обычно изображают в видеофильмах. Мало кто из людей в реальной жизни выглядит, как законченный злодей. Дон решил, что этот — исключение.

Он хмуро посмотрел на них.

— Я полагаю, один из вас — босс.

— Правильно, — прохрюкал толстяк. Он посмотрел на провожатых Дона. — Вы, Скотти и Роджер, идите.

Они сели в машину и уехали.

Тип с лицом злодея произнес:

— Это мистер Лоуренс Демминг. Я его секретарь.

Демминг пропыхтел:

— Садитесь, лейтенант. Что будете пить? Моего секретаря зовут Ростофф. Макс Ростофф. Вот мы и познакомились. Полагаю, вы — младший лейтенант Донал Мазерс.

— Текилу, — выговорил Дон.

Макс Ростофф заказал выпивку для него и, не спросив, еще одну, для шефа.

Теперь Дон вспомнил, кто такой Демминг. Лоуренс Демминг, миллиардер. Грабитель-магнат, так называли бы его раньше. Транспортный воротила Солнечной системы. Будь он свиньей, его давно бы зарезали. Тучность его была болезненной.

Ростофф спросил:

— У вас есть удостоверение личности?

Дон Мазерс раскрыл бумажник, вытащил удостоверение. Ростофф передал ему текилу, взял карточку и осмотрел ее со всех сторон.

Демминг раздраженно поинтересовался:

— У вас на воротнике эмблема пилотов Разведки. Какой сектор вы патрулируете, лейтенант?

Дон отхлебнул глоток огненного мексиканского напитка, взглянул на Демминга поверх стакана:

— Это военная тайна.

Демминг шевельнул пухлыми губами:

— Разве Скотти не дал вам тысячу юнит-нотов? — И, не дожидаясь ответа. — Вы взяли чек. Верните его или скажите номер вашего сектора, лейтенант.

Дон Мазерс понимал, что такой человек, как Демминг, может получить подобную информацию, не прилагая особых усилий. Да и секрет был не ахти какой.

Он пожал плечами:

— A22-K223. Я летал на У-102.

Макс Ростофф вернул удостоверение Дону, взял со столика карту Солнечной системы и что-то там проверил.

— Ваша информация верна, мистер Демминг. Это именно тот человек.

Демминг поудобнее устроил свою тушу в кресле, отхлебнул глоток и сказал:

— Очень хорошо. Не желаете ли получить Галактический орден Славы, лейтенант?

Дон Мазерс рассмеялся:

— А вы?

Демминг нахмурился:

— Я не шучу, лейтенант Мазерс. Я не служу в Вооруженных Силах и не могу получить такую награду. Но вы, вы — пилот Разведки.

— И у меня столько же шансов получить орден Славы, сколько родить тройню.

Транспортный магнат покачал отвратительно толстым пальцем:

— Я отвечаю за свои слова.

Дон Мазерс загоготал и выпалил:

— Черта с два! В нашей системе ни у кого нет столько денег, чтобы купить орден Славы. Это грань, где даже ваши деньги, Демминг, не помогут.

Демминг поудобнее уселся в кресле, закрыл глаза и проворчал:

— Скажи ему.

В разговор вступил Макс Ростофф:

— Несколько дней назад мы с мистером Деммингом возвращались с Ио на одном из грузовых судов Планетных Линий. Эти корабли

полностью автоматизированы, вы, вероятно, знаете об этом. Итак, мы были совсем одни.

— Ну? — Дон, ни у кого не спрашивая, налил себе еще текилы. Двойной. Внутри него росло возбуждение, и выпитое ранее вино тоже давало о себе знать. Происходило что-то важное, очень-очень важное. Но он не имел ни малейшего понятия, что именно.

— Лейтенант, как вам это понравится — захватить в плен легкий крейсер крейденов? Если не ошибаюсь, вероятно, Миров-класса.

Дон нервно рассмеялся, не зная, что там будет дальше, но чувствуя нарастающее волнение. Он произнес:

— Во всей истории войн между нашими расами неповрежденный корабль крейденов никогда не был захвачен. Было бы здорово, если бы это случилось.

— Ну, этот не совсем целый, но почти.

Дон смотрел то на Ростоффа, то на Демминга:

— О чем, черт побери, вы говорите?

— В вашем секторе, — ответил Ростофф, — мы обнаружили брошенный крейсер Миров-класса. Экипаж — мерзкие твари — погиб. Их около тридцати. Мистер Демминг и я предполагаем, что судно было уничтожено во время одной из стычек между нашим флотом и их и что каким-то образом все сражающиеся погибли. Так или иначе, сегодня корабль плавает, брошенный всеми, в вашем секторе.

Ростофф мягко добавил:

— Чтобы увидеть следы битвы, нужно подобраться к нему совсем близко. А так он выглядит совсем целым.

Демминг вновь открыл глаза и выговорил:

И вы возьмете его в плен.

Дон Мазерс глотнул текилу, облизнул губы.

— И почему вы считаете, что это поможет завоевать самую высокую награду, которая когда-либо была установлена?

— Потому что, — насмешливо проговорил Ростофф, — вы доложите, что перед вами крейсер крейденов, Миров-класса. Мы полагаем, что ваше начальство прикажет вам держаться на расстоянии, дожидаясь подмоги. Ведь крошечный разведчик ничего не может сделать, кроме как держать врага под наблюдением, пока не прибьет эскадрон. Потом вы передадите по радио, что корабль удалется и вы собираетесь его атаковать. Когда появится подкрепление, окажется, что вы захватили крейденов в одиночку, хотя противник был в пятьдесят раз сильнее.

В горле у Дона першило, ладони взмокли.

— Один Разведчик против крейсера Миров-класса? По меньшей мере в пятьдесят раз больше, мистер Ростофф, по меньшей мере.

— Вас обязательно наградят орденом Славы, — промычал Демминг, — особенно сейчас, когда Колин Кэзи умер и никто из живущих ныне не имеет этой награды. Макс, налейте еще лейтенанту.

Дон спросил:

— Слушайте! Почему? Я думаю, может, вы и правы насчет получения награды. Но почему, почему я и какова ваша доля?

Демминг пробормотал:

— Ну вот, мы и добрались до главного.

Он опять поерзал в кресле и закрыл глаза, а его секретарь тем временем вступил в разговор.

Макс Ростофф наклонился вперед, его волчье лицо внезапно стало очень серьезным.

— Лейтенант, мы только начинаем разрабатывать месторождения на спутниках Юпитера. Есть все основания полагать, что источники урановых руд на Каллисто — единственное, что поможет нам победить крейденгов. Так или иначе, тот, кто этим займется, сумеет заработать буквально миллиарды.

— Я все же не понимаю...

— Лейтенант Мазерс, — терпеливо продолжал Ростофф, — награжденный орденом Славы стоит выше закона. Его престиж невероятно высок, нет такой величины... Ну, давайте я объясню на примере. Предположим, обладатель ордена Славы создает акционерное предприятие для разработки уранита на Каллисто. Трудно ли ему будет избавиться от акций?

Демминг проворчал:

— А представьте, что было всего несколько темных манипуляций в делах корпорации? — Он глубоко вздохнул: — Поверьте, лейтенант Мазерс, за столетия скопилось потрясающее количество законов, которые мешают бизнесу. Идет долгая война за возможность продолжать свое дело. Вести бизнес, не совершая никаких погрешностей против закона, — для развития новой отрасли это было бы бесценно. — Он вновь вздохнул так, что его туша заколыхалась. — Бесценно.

Ростофф, хитро глядя, произнес:

— Мы предлагаем вам трехстороннее сотрудничество, Мазерс. Вы с вашим орденом Славы будете нашей вывеской. Мистер Демминг даст первоначальный капитал для разработок. А я... — он усмехнулся со злобным удовлетворением, — я видел корабль крейденгов и я тоже вхожу в долю. Я обеспечиваю мозги.

Демминг недовольно хмыкнул, но ничего не сказал.

Дон тихо сказал, глядя на пустой стакан и вертя его в руках:

— Слушайте, мы по уши завязли в войне с крейденгами, войне не на жизнь, а на смерть. Победим или мы, или они. В такое время вы предлагаете проверить фальшивку, которая сделает возможным разработку новых спутников на миллиардные суммы.

Демминг бессмысленно промычал что-то.

Дон продолжал:

— Теоретически мы все должны сплотить наши усилия. Ваш проект, как мне представляется, вставляет палки в колеса общего дела.

Демминг закрыл глаза.

Ростофф возразил:

— Лейтенант, мы живем в жестоком мире. Если мы в конце концов уничтожим крейдеров, одной из причин этого будет жестокость нашего общества. Всяк за себя, и к черту отстающих. Апологеты этого общества выдумывают красивую чепуху, такую, например, как свободное предпринимательство, но на самом деле это мир, где все пожирают друг друга. Удивительно, что общество это живет или по крайней мере до сих пор жило. Сейчас человечество нуждается в урановом топливе спутников Юпитера. Добывая его, можно сколотить огромное состояние. Почему бы нам этого не сделать?

Казалось, Демминг сейчас захрюкает.

Ростофф угрюмо продолжал:

— Не будьте наивным, лейтенант. Тому, кто это делает, честность не понадобится. В нечестной игре нельзя выиграть, играя честно. Выигрывает самый большой жулик. Мы нашли джокера, обреченный кем-то на пол, и мы будем простаками, если не воспользуемся им.

Демминг открыл пороссячи глазки.

— Все это чисто теоретическая сторона дела. Мы основательно изучили ваше прошлое перед тем, как пригласить вас, Мазерс. Мы знаем вашу биографию и до того момента, когда вы вступили на Космическую Службу. Между нами говоря, разве вы не хотите оставить армию? Целый миллиард мужчин и женщин в наших Вооруженных Силах может заменить вас. Скажем, что вы уже выполнили свой долг. Разве вы не понимаете, какие возможности откроются перед вами, когда у вас в кармане будет орден Славы?

Корабль был на месте, он медленно плавал. Если бы в прошлый патруль он был более внимателен, он сам натолкнулся бы на него. И если бы он нашел его, он, конечно, доложил бы, что перед ним действующий вражеский крейсер. Демминг и Ростофф оказались правы. Следов сражения не было видно.

Это если приближаться с правого борта, немного позади траверза. С этой стороны в особенности он выглядел абсолютно нетронутым.

К этому заключению он пришел, сделав несколько витков вокруг корабля. Дон Мазерс играл весьма осторожно. Все было вовсе не так просто, как можно было подумать. Он не хотел совершать никаких ошибок. Его руки потянулись к продуктовому отсеку, вытащили оттуда космический термос, в котором должен храниться фруктовый сок, но в котором на этот раз было совсем не то. Он сделал большой глоток.

В конце концов он вернулся на выбранное им место и щелкнул включателем экрана. На нем появилось лицо лейтенанта с базы. Тот вопросительно поглядел на Дона Мазерса.

Дон доложил, стараясь говорить взволнованно:

— Мазерс, Разведчик У-102, сектор А22-К223.

— Да-да, — позевывая прервал его тот.

— Я обнаружил крейденовский крейсер, думаю, Миро—класса.

Лейтенант дернулся. Он нажал какую-то кнопку, экран замерцал, потом засветился вновь.

Седовласый адмирал Флота оторвал взгляд от бумаг, лежащих перед ним на столе.

— Да?

Дон Мазерс отрапортовал:

— Обнаружен крейсер Миро-класса в секторе А22-К223, сэр. Я нахожусь в пятидесяти милях от него. Думаю, пока меня не обнаружили. По крайней мере он в меня не стреляет.

Адмирал подавал кому-то знаки. Двое младших офицеров подошли к экрану, получили набросанные на бумаге приказания. Адмирал быстро зажег приказы на двух других экранах. Через секунду он вновь взглянул на Дона Мазерса.

— Держитесь, лейтенант. Наблюдайте за ним столько времени, сколько сможете. Ваши точные координаты?

Дон дал координаты и продолжал ждать.

Через несколько минут адмирал вновь повернулся к нему.

— Дайте взглянуть, лейтенант.

Дон Мазерс установил экран так, чтобы видно было крейденовский крейсер. Ладони у него взмокли, но пока все шло по плану. Он жалел, что не может хлебнуть еще немного.

Адмирал произнес:

— Миро-класс, все правильно. Не приближайтесь к нему, лейтенант. Они подожгут вас к чертям и уплывут. У нас есть оперативная группа в часе полета от вас. Положитесь на них.

— Да, сэр. — Час. Он был рад узнать это. Времени оставалось немного.

Он подождал еще пять минут и затем доложил:

— Сэр, они набирают скорость.

— О, черт, — выругался адмирал, затем быстро включил еще экраны, рывкая одну команду за другой.

Дон решительно заявил:

— Я иду следом за ними, сэр. Они увеличивают скорость. Через пять минут они будут так далеко, что я не смогу достать их. Это совершенно точно.

Адмирал испуганно взглянул на него.

— Не будьте ослом.

— Они уйдут, сэр.

Зная, что каждое его движение видно на экране, Дон Мазерс пятой правой ногой нажал на поднимающий рычаг своей пушки.

Адмирал резко перебил его:

— Пусть уходит, дурак. ты не протянешь ни секунды. — Затем, повышая голос: — Это приказ, лейтенант!

Док выключил экран. С кислой миной на лице он приблизился к крейденовскому кораблю, выстрелил. Он собрался истратить каждый эрг энергии своего Разведчика и сжечь судно до такой степени, чтобы его атака выглядела настоящей и следы предыдущего боя были уничтожены.

Награждение Галактическим орденом Славы, как обычно, было обставлено с минимумом церемоний.

Только Президент и капитан Донал Мазерс собственной персоной находились в кабинете Президентского дворца.

Однако оба они знали, что каждый экран Солнечной системы настроен на них.

Дон Мазерс отдал салют и вытянулся по стойке «смирно».

Президент зачитал приказ, короткий, как и все приказы о награждении орденом Славы.

«...за выдающуюся храбрость, превышающую голос долга, за то, что в одиночку, при невероятной разнице в силах, атаковал и победил вражеский крейсер, в разведке, вооруженный только коротковолновой пушкой...»

Он приколот к мундиру Дона Мазерса маленький кусочек металла на орденской ленточке. Это был непритязательный, необычайно обычный орден, Галактический орден Славы.

Дон хрипло поблагодарил:

— Спасибо, сэр.

Президент пожал ему руку и ответил:

— Я — Президент Объединенной Солнечной Системы, капитан Мазерс, а это, вероятно, самый высокий пост, которого может достичь человек. — И добавил просто: — Хотел бы я быть на вашем месте.

Впоследствии, в Нью-Вашингтоне, мечтая об одиночестве и будучи одинок, он бродил по улицам, изредка волнуясь, когда кто-нибудь узнавал его и люди останавливались и аплодировали.

Про себя он усмехался.

Дон уже подозревал, что через некоторое время он привыкнет и ему это смертельно надоест, но в данный момент все было ново и удивительно. Кто был тот летчик, который давным-давно первым перелетел через Атлантику? Его популярность, должно быть, была примерно такой же.

Обедать Мазерс пошел в «О'Доннелс», и как только он вошел, оркестр, игравший популярную мелодию, замолчал и грянул Межпланетный гимн. Хозяин ресторана сам проводил его к столику и посоветовал, что заказать и какое вино выбрать.

Лишь только он сел, остальные посетители ресторана — и мужчи-

ны, и женщины — встали, повернулись к нему и захлопали. Дон вспыхнул. Это начинало надоедать. После еды, совершенно фантастической, Дон выкурил сигару и попросил метрдотеля принести счет.

Метрдотель улыбнулся:

— Капитан, боюсь, в «О'Доннелсе» с вас не возьмут денег ни за этот обед, ни за любой другой. — Он помолчал и добавил: — Знаете, капитан, я сомневаюсь, есть ли в Солнечной системе ресторан, где с вас взяли бы деньги. И будет ли такой когда-нибудь.

Дон Мазерс был ошеломлен. Только сейчас он начал понимать, как много ему дает орден Славы.

В Штаб-квартире Космического командования, в третьем отделении, Дон вытянулся по стойке «смирно» перед столом Коммодора и отсалютовал.

В ответ Коммодор энергично откозырял и вновь уселся в кресло.

— Садитесь, капитан. Рад вновь видеть вас. — Добавил любезно: — Где вы были?

Дон Мазерс плюхнулся в кресло, устало ответил:

— В запое. В таком, что всем запоям запой.

Коммодор рассмеялся:

— Не возводите на себя напраслину.

— Это был совершенный запой.

— Ну, — вновь засмеялся Коммодор, — не думаю, что мы можем засадить вас на гауптвахту за самовольную отлучку. В свете вашего недавнего награждения.

На это ничего нельзя было возразить.

— Кстати, — продолжал Коммодор, — я не имел возможности поздравить вас. Это был настоящий подвиг, капитан.

— Спасибо, сэр, — скромно ответил Дон, — полагаю, это было довольно глупо с моей стороны.

— Да, очень. На такой вот «глупости» и основаны героические деяния. — Коммодор вопросительно взглянул на него: — Вам, должно быть, невероятно повезло. Единственно, мы можем предположить, что его детекторы были не в порядке. Иначе у вас бы ничего не получилось.

— Да, сэр, — быстро кивнул Дон, — так все и было. А мой первый снаряд наверняка разрушил его пульт управления или что-то в этом роде.

— Он что, не дал ни одного ответного залпа?

— Несклько. Но к этому времени я был слишком близок к нему и слишком быстро двигался. Собственно говоря, я не думал, что они оправились от моего первого удара.

— Нет, думаю, что нет, — задумчиво ответил Коммодор, — такая досада, что вы совершенно сожгли его. У нас никогда не было крейде-новского корабля в настолько хорошем состоянии, чтобы наши ученые могли его изучить. Это могло бы существенно изменить ход войны,

особенно если бы на борту мы обнаружили знаки, указывавшие нам, откуда приходят крейдены. Целое столетие мы ведем эту войну на наших границах. Было бы лучше, если бы мы достигли их границ. Неизвестно, сколько мы еще сможем сдерживать их натиск при таких обстоятельствах.

Дон Мазерс недовольно возразил:

— Что ж, все не так плохо, как вы говорите, сэр. Мы держим их на достаточном расстоянии.

Его начальник вздохнул:

— Это происходит благодаря тому, что мы можем содержать достаточное количество патрульных судов, которые предупреждают нас, когда их корабли приближаются. Знаете ли вы, сколько топлива уходит на это?

— Ну, я знаю, что много.

— Так много, что промышленность Земли вернулась к бензину и углю. Каждая унция радиоактивного топлива идет на нужды Флота, но даже и в этом случае топливо все равно кончится — это лишь вопрос времени.

Дон Мазерс закусил губу.

— Я не знал, что все так плохо.

Коммодор кисло улыбнулся:

— Боюсь, я охладил ваш пыл, капитан. Расскажите, что чувствует обладатель самой высшей награды Системы?

Дон восхищенно покачал головой:

— Это чудесно, сэр! Конечно, как любой солдат, я всегда знал об ордене Славы, но... Но никто никогда не надеется получить его. — Криво усмехнувшись, он добавил: — Во всяком случае пока он жив и здоров. Но, сэр, вы понимаете, что я не смог потратить с того момента ни юниты денег?

В его голосе слышался благоговейный страх.

— Сэр, понимаете ли вы, что даже нищий не возьмет у меня денег?

Коммодор сочувственно кивнул:

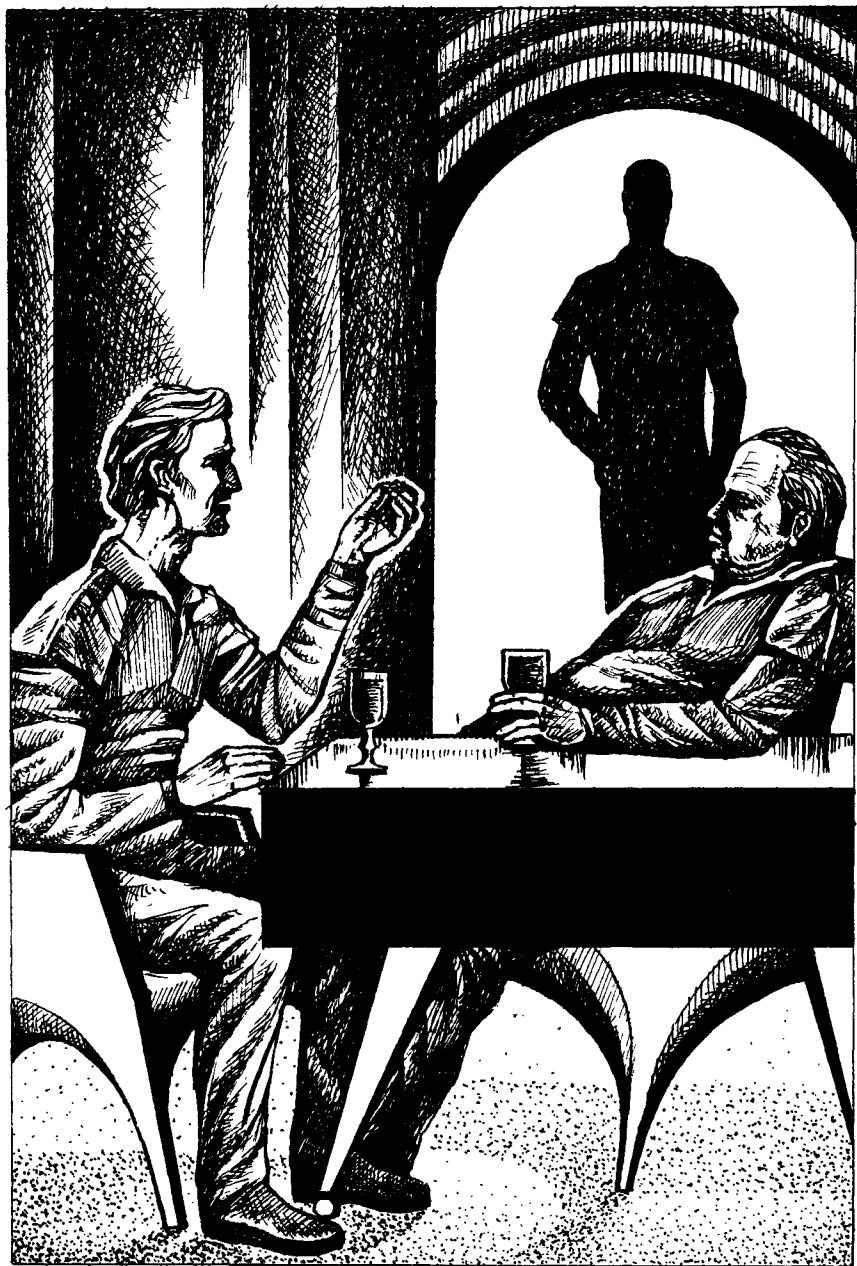
— Вы должны понять, кем вы стали для людей, капитан. Ваш подвиг вдохновляет, но это не все. Вы соединяете в себе черты народного героя и Неизвестного Солдата. После получения награды вы стали символом — символом миллионов невоспетых героев и героинь, которые умерли, сражаясь за род человеческий. На ваших плечах не легкая ноша, капитан Мазерс: ваша слава ко многому обязывает.

— Да, сэр.

Другим тоном Коммодор произнес:

— Это возвращает нас в настоящее, к вашему будущему заданию. Очевидно, вы больше не будете служить в Разведке. Большое начальство, кажется, выступает за то, чтобы вы поднимали боевой дух и...

Дон Мазерс откашлялся и прервал его:

— Сэр, я решил уйти из Космической службы.

— Уйти! — он непонимающе уставился на Мазерса. — Идет война, капитан!

Дон вызывающе кивнул:

— Да, сэр. И все, что вы только что сказали. Я не могу больше быть разведчиком. Я ушел бы и этим дал пищу для разговоров старым леди в клубах.

— Вряд ли, капитан.

— Нет, сэр, я думаю, что принес бы больше пользы вне армии. Я подаю в отставку и начинаю разработку рудников на Каллисто и других спутниках Юпитера.

Коммодор ничего не ответил. Губы у него побелели.

Дон Мазерс настойчиво продолжал:

— Возможно, мой престиж поможет набрать добровольцев для работы на новых шахтах. Если они увидят, как я жертвую, борюсь с трудностями...

Коммодор спокойно прервал его:

— Мистер Мазерс, я сомневаюсь, что вы когда-нибудь столкнетесь с трудностями, и не имеет значения, где вы будете жить. Как бы то ни было, удачи вам. Вы ее заслуживаете.

Выйдя из штаб-квартиры, Дон Мазерс вызвал такси и поехал в отель. Он поздравил себя с удачей. Все произошло легче, чем он ожидал. Хотя, если подумать, нет такой гадости, которую не могло бы выкинуть начальство.

Он посмеялся над собой.

Подумать только, если бы он пришел к Коммодору месяц назад и заявил бы, что собирается уйти из Космической Службы. Совершенно верно, его бы вышвырнули. Вышвырнули прямо в лапы эскадрона экспертов-психиатров.

В отеле он сбросил мундир, что доставило ему огромное удовольствие, и оделся в один из множества цивильных костюмов, которыми был набит шкаф. Ему нравилось прикидывать, сколько бы стоила эта одежда с точки зрения младшего лейтенанта или даже капитана. Да, мой мальчик, да.

Он с удовлетворением взглянул на свое отражение в гардеробном зеркале, затем повернулся к автобару и налил выдержанной метаксы. За последние несколько дней он потерял вкус к плебейской текиле. Он посмотрел бутылку старого греческого бренди на свет и был приятно удивлен тем, сколько стоит маленький стаканчик этой жидкости. К счастью, ему никогда не придется узнать это. Дон выпил и, насвистывая, спустился на своем личном лифте в гараж, на второй уровень цокольного этажа отеля. Он выбрал лимузин и набрал здание Межпланетных Линий.

Донал поставил машину на обочину перед главным входом, проигнорировав все правила дорожного движения, и вошел в здание, ти-

хонько посвистывая. Все складывалось удачно. Он улыбнулся, увидев небольшую толпу, собравшуюся снаружи, ему аплодировали. Он улыбнулся и помахал им.

К нему подбежала секретарша, и Дон сказал, что хотел бы увидеть мистера Демминга или мистера Ростоффа. А потом, когда она предложила проводить его, он заметил, что она похожа на фею, и спросил:

— Что вы делаете сегодня вечером, мисс?

Ее лицо побледнело.

— О, ничего, сэр, — ответила она слабым голосом.

Он улыбнулся ей.

— Может быть, я заеду за тобой, если не буду слишком занят.

Дон никогда не видел, чтобы кто-нибудь был так ошеломлен. Девушка пробормотала:

— Меня зовут Тони. Тони Фицджеральд. Вы можете позвонить сюда и вызвать меня. В любое время.

— Может быть, я так и сделаю, — улыбнулся Донал, — а сейчас давай поведем старину Демминга.

Это ошеломило ее еще больше. Мало того, что ее пригласил на свидание величайший герой Системы, впервые в жизни она услышала, как межпланетного магната называли «старинной Деммингом». Тони выдохнула:

— О, вам прямо, капитан Мазерс.

Дон возразил:

— Боюсь, уже мистер Мазерс. У меня новые обязанности.

Она взглянула на него:

— Для меня, сэр, вы всегда будете капитаном Мазерсом. — И нестати добавила: — Двое моих братьев пропали на «Минерве» во время боев в районе Плутона в прошлом году. — Она глубоко вздохнула, что лишь подчеркнуло ее фигурку. — Я шесть раз обращалась в Космическую Службу, но они не берут меня.

Они ехали в лифте. Дон сочувственно сказал:

— Это ужасно, Тони. Но Космическая Служба — это вовсе не так романтично, как ты думаешь.

— Да, сэр, — проникновенно ответила Тони Фицджеральд. — Вы должны знать, сэр.

Дон был несколько раздосадован. Больше он ничего не сказал до самого момента, когда они доехали до верхних этажей гигантского офиса. Он поблагодарил ее, и она передала его другому секретарю. К тому времени, когда он подошел к двери кабинета Макса Ростоффа, Дон несколько воспрянул духом.

Макс Ростофф взглянул на него из-за стола. Как всегда его взгляд был по-волчьи агрессивен. Он радушно произнес:

— О, капитан, как приятно вновь увидеть вас. Проходите. Марта, вы можете идти.

Марта подарила межпланетному герою еще один долгий взгляд, потом повернулась и вышла.

Как только дверь за нею закрылась, Макс Ростофф прорычал:

— Где ты был, ты, пьяница?

Если бы у Ростоффа вдруг вырос рог, как у единорога, это не поразило бы Дона сильнее, чем его слова.

— Мы ждали тебя неделю, — фыркнул Ростофф. — Из одного бара в другой, наши люди не могли тебя догнать. Проклятье! Ты что, не понимаешь, мы должны улетать? У нас накопилась дюжина документов, которые ты должен подписать. Мы должны сделать дела побыстрее, пока кто-нибудь не опередил нас.

У Дона вырвалось:

— Вы не можете так со мной разговаривать.

Поворот и пристальный взгляд. Макс Ростофф проговорил негромко и угрожающе:

— Не могу? Почему это я не могу?

Дон свирепо поглядел на него.

Макс Ростофф повторил негромко и угрожающе:

— Давай разберемся, Мазерс. Для всех, кроме Демминга и меня, ты можешь быть величайшим героем Солнечной Системы. Но ты знаешь, кто ты для нас?

Дон почувствовал, что кипит он возмущения.

— Для нас, — жестко сказал Ростофф, — ты просто тупица, не имеющий понятия о делах. — И угрожающе добавил: — И не делай ошибок, Мазерс. У тебя будут все блага столько времени, сколько ты будешь нам нужен.

Голос позади них произнес:

— Позволь мне добавить к этому: точка, конец абзаца.

Это сказал Лоуренс Демминг, вышедший из внутреннего кабинета.

Он сказал, и даже его голос казался жирным:

— А сейчас, когда все определилось, я позову юристов, и пока они будут здесь, мы будем вести себя, как три равных партнера. Мы и будем ими — на бумаге.

— Подождите минутку, — пробормотал Дон, — вам не кажется, что вы передергиваете? Мы договорились, что поделим все на три части.

Демминг кивнул так, что щеки у него затряслись:

— Все правильно. И твоя часть добычи — орден Славы. Он и сомнительная честь — все будет записано на твое имя. У тебя будет орден, а у нас будет все остальное.

И громко прорычал:

— Ты ведь не думаешь, что тебе не повезло?

Макс Ростофф прибавил:

— Давайте закончим с этим и пригласим законников. У нас достаточно бумаг, чтобы быть занятыми до конца недели. — Он вновь усел-

ся за стол и поглядел на Дона. — Потом мы втроем улетим на Каллисто, займемся там делами. Капелька удачи, и через шесть месяцев каждая унция уранита в Системе будет у нас под контролем.

На космодроме Каллисто их корабль встречала толпа. По земным масштабам весьма скромная, но там была представлена весьма значительная часть маленького населения луны Юпитера.

По пути сюда с Доном Мазерсом работал целый штаб лучших составителей речей и два профессиональных актера высокого уровня. На космодроме Дон произнес короткую предварительную речь, а затем была еще одна, очень важная, ее транслировали на всю Систему из его номера в отеле. Его очень хорошо натаскали и не давали прикладываться к бутылке, он сделал лишь несколько глотков перед началом.

— У нас в руках проект по использованию недавно открытых залежей уранита на спутниках Юпитера.

Он выдержал паузу и затем продолжил:

— Это работа, которая не может быть сделана небрежно или случайно. Ядерное топливо для Системы — дело первостепенной важности.

Коротко говоря, друзья, мы должны объединить усилия, чтобы сделать эту работу быстро и эффективно. Мои коллеги и я организовали корпорацию, чтобы поправить существующее положение дел. Мы призываем всех покупать наши акции и тем внести свой вклад в общее дело. Я не хочу говорить о выгоде, друзья, потому что в нынешнем критическом положении мы презираем ее. Однако, как я уже сказал, я приглашаю вас стать нашими акционерами.

Некоторые прииски сейчас находятся в руках частных лиц или маленьких корпораций. Необходимо, чтобы они передали их нашей единой корпорации по соображениям эффективности. Наши эксперты оценят участки и выплатят хозяевам компенсацию.

Дон Мазерс вновь сделал паузу, чтобы лучше выделить свою мысль.

— Сейчас не время увиливать. Все мы должны сплотиться. Если кто-то поставит личный интерес над нуждами системы, власти должны будут применить против него определенные меры.

Нам нужны тысячи, десятки тысяч обученных рабочих для работы на рудниках и заводах. Раньше квалифицированная работа оплачивалась здесь вдвое или даже втрое выше по сравнению с Землей. Я могу лишь повторить, что сейчас не время для личного обогащения и выгоды. Корпорация открыто заявляет, что будет платить столько, сколько в среднем платят на Земле. Мы не оскорбим наших рабочих, «заставляя» их быть патриотами из-за денег.

И так далее, в том же духе.

Восприняли эту речь очень хорошо. Даже с энтузиазмом.

На третий день на совещании в офисе Дон дождался удобного момента и заявил:

— Послушайте, где-то здесь, на Каллисто, живет молодая женщина по имени Диана Фуллер. Я хочу, чтобы она была моей секретаршей.

Демминг оторвался от бумаг.

— Скажи ему, — прохрюкал он Ростоффу и вновь углубился в чтение.

Макс Ростофф поудобнее расположился в кресле.

— Скотти, Роджер, — приказал он двум телохранителям, — идите и распорядитесь, чтобы привели этого чертового изыскателя.

Когда они вышли, он повернулся к Дону:

— Тебе не нужен кабинет. Тебе нужно лишь вернуться к своим бутылкам. Не беспокойся так сильно от того, что не можешь подписывать бумаги в любое время, когда нам нужна твоя подпись.

Дон Мазерс сердито вспыхнул:

— Слушайте, не раздражайте меня, вы, оба. Я вам нужен. Очень. Фактически, я вижу, корпорация нуждается во мне больше, чем в вас. — Он насмешливо взглянул на Демминга: — Собственно, идея была такова, что вы вкладываете деньги. Какие деньги? Пятьдесят один процент акций записан на мое имя, а все необходимые кредиты мы получаем за счет продажи акций. — Он повернулся к Ростоффу. — Предполагалось, что вы обеспечите нас мозгами. Какими мозгами? Мы наняли лучших горных инженеров, лучших техников, лучших администраторов. Вы совершенно не нужны.

Демминг весело похрюкал в ответ на эту коротенькую речь, но не соизволил оторваться от чтения.

Лицо у Ростоффа вытянулось, стало злобным, как у волка. Он усмехнулся:

— Слушай, алкоголик, ты — наше единственное уязвимое место. Для Демминга и меня на свете нет такой вещи, с которой мы должны считаться. По этой причине ты не должен жаловаться. Ты получил все, что хотел. У тебя лучший номер в лучшем отеле на Каллисто. Ты ешь лучшую еду Солнечной Системы. И, что самое главное для пьяницы, ты пьешь лучшее спиртное и столько, сколько пожелаешь. Более того, никто никогда не узнает правды о тебе, если только Демминг или я не побеспокоимся. Так и будешь жить жизнью величайшего героя Системы.

Теперь Дон Мазерс презрительно усмехнулся:

— Что вы имеете в виду, когда говорите, что я — ваше единственное уязвимое звено? Против меня ничего нет, мистер Ростофф, и вы это знаете. Кто вам поверит, если вы что-нибудь скажете? Я сжег крейсер дотла, невозможно найти на нем следов предыдущего боя и нельзя доказать, что он был уничтожен до того, как я с ним столкнулся.

Демминг вновь весело фыркнул.

Макс Ростофф издевательски рассмеялся:

— Не будь ослом, Мазерс. Когда мы натолкнулись на корабль, мы

его сфотографировали. Мы можем не только доказать, что не ты победил его, мы покажем, что крейсер был в отличном состоянии, пока ты не сжег его. Воображаю, как хотелось бы нашим техникам увидеть внутренности крейденовского корабля.

Демминг довольно засмеялся:

— Интересно, какой приговор вынесет военный трибунал герою, который оказался диверсантом?

Он встретился с ней, после того, как пробыл на Каллисто почти восемь месяцев. Он не помнил, при каких обстоятельствах это произошло. Дон был очень пьян и очень удивлен, туман рассеялся, она сидела за столом напротив него.

Он покачал головой и оглядел комнату. Они были в каком-то ночном клубе. Непонятно, в каком именно.

Дон Мазерс облизнул губы, нахмурился, почувствовав неприятный привкус.

Произнес невнятно:

— Привет, Ди.

Диана Фуллер ответила:

— Привет, Дон.

— Я, должно быть, отключился. Наверное, напился слишком сильно.

Она рассмеялась:

— Ты имешь в виду, что не помнишь, о чем говорил мне в течение последних двух часов?

Он пристально посмотрел на нее:

— И что я рассказал тебе за эти два часа?

— Ты рассказал о своем детстве, Дон. О рыбалке и первой винтовке. И как ты убил белку и чувствовал себя таким виноватым.

— О, — вздохнул Дон и провел рукой по губам.

Позади него стояло ведро с шампанским, но бутылка была пуста. Он поискал глазами официанта.

Диана мягко спросила:

— Ты думаешь, тебе надо выпить еще, Дон?

Он взглянул на нее. Она была такая же красивая. Нет, неправда. Она была хорошенькая, но не красивая. Просто чертовски хорошенькая девочка, но не из тех, чьи чары неотразимы.

— Слушай, — произнес Дон, — я не помню. Мы что, поженились?

Она звонко рассмеялась:

— Поженились? Да я встретила тебя два или три часа назад. — Она поколебалась, потом продолжила: — Я думала, ты нарочно избегаешь меня. Каллисто ведь очень маленькая.

Дон Мазерс медленно ответил:

— Ну что ж, если мы неженаты, позволь мне самому решить, хочу ли я еще шампанского или нет, хорошо?

Диана смутилась:

— Хорошо, Дон.

Появился метрдотель, держа в руках большую бутылку марочного вина.

— Вам здесь нравится, сэр?

— О'кей, — коротко ответил Дон. Когда тот отошел, Дон сразу же налил стакан, вдохнул запах хорошего вина.

— Я не избегал тебя, Ди. Мы просто не встречались. Насколько мне помнится, в последний раз, когда мы виделись на Земле, ты, можно сказать, отвесила мне пощечину. По-моему, ты считала, что для тебя я недостаточно храбр. — Он налил еще шампанского.

Лицо у Дианы пылало, она тихонько произнесла:

— Я не понимала тебя, Дон. Даже после твоего великолепного подвига, признаюсь, я не понимала тебя. Я сказала себе, что на твоём месте мог оказаться любой пилот Разведки, что это была просто очень редкая удача. Так случилось, что им оказался ты, ты предпринял эту смертельно опасную атаку, и она завершилась успешно. Тысяча других пилотов, поступили бы совершенно так же, выбрав этот самоубийственный шанс, но не позволив крейсеру уйти.

— Да-а, — ответил Дон. Несмотря на то что он был пьян, он удивился ее словам. Он произнес грубо: — Конечно, любой сделал бы именно так. Чистая случайность. Но тогда почему ты изменила свое мнение обо мне?

— Из-за того, что ты сделал после этого, милый.

Он закрыл один глаз, чтобы лучше сфокусировать взгляд.

— С тех пор как?..

Он узнал выражение ее лица. Отблеск звездного луча. Та маленькая девушка, далеко, на Земле, секретарша в здании Межпланетных Линий, у нее был такой же взгляд. По правде говоря, за последние несколько месяцев Дон видел его у многих женщин. И все это из-за него.

Диана продолжала:

— Вместо того чтобы делать деньги на своей популярности, ты посвятил себя делу, которое важнее, чем разрушение вражеских кораблей.

Дон вглядывался в ее лицо. Его левая бровь начала подергиваться от нервного тика. Наконец, он снова дотянулся до бутылки и налил себе. Он спросил:

— Ты вправду поверила в эту героическую чепуху?

Она ничего не ответила, ее глаза по-прежнему восхищенно сияли.

Он вновь сказал кислым голосом:

— Слушай, предположим, я попрошу тебя сегодня ночью пойти ко мне домой.

— Да, — нежно ответила она.

— И захватить с собой маленький чемоданчик, — грубо продолжал он.

Диана посмотрела ему прямо в глаза.

— Зачем ты мучаешь себя, свое внутреннее Я, Дон? Конечно, я пришла бы, стоит лишь тебе захотеть.

— А потом, — упрямо твердил он, — представь, что утром я вышвырну тебя.

Диана вздрогнула, в глазах у нее блеснули слезы.

— Ты забыл, — прошептала она, — ты награжден Галактическим орденом Славы, и ты не можешь сделать ничего дурного.

— О, Боже, — пробормотал Дон. Он вновь наполнил стакан и обратился к ближайшему официанту.

— Да, сэр?

— Слушайте, через пять минут я отключусь, проследите, чтобы я добрался до отеля. И отправьте домой эту юную леди. И пошлите мой счет в отель.

Официант вежливо поклонился:

— Хозяин сказал, что капитан Мазерс никогда не увидит счета.

Диана воскликнула:

— Дон!

Он даже не взглянул на нее. Поднес стакан к губам, и вскоре туман вновь окутал его.

Когда он очнулся вновь, то почувствовал во рту непривычный вкус черного кофе. Дон потряхнул головой, пытаясь прийти в себя. Кажется, он сидел в каком-то дешевом ресторанчике. Напротив него сидел розовощекий младший лейтенант — Дон бегло глянул на нашивки на воротнике — да, младший лейтенант Космической Службы. Разведчик.

Мазерс, запинаясь спросил:

— Что... происходит?

Пилот ответил, словно извиняясь:

— Младший лейтенант Пьерпонт, сэр. Мне показалось, что вам плохо, я решил вмешаться.

— Так это вы сделали, да?

— Ну да, сэр. Вы почти свалились в канаву, сэр. Но, несмотря на это, я узнал вас, сэр.

— О, — в желудке у Дона заурчало.

Лейтенант спросил:

— Хотите выпить еще кофе, сэр? Или суп, или сандвич?

Дон застонал:

— Нет, нет, спасибо. Боюсь, мой желудок не выдержит.

— Отбросьте предрассудки, сэр.

— Постараюсь. Сколько сейчас времени? Хотя это неважно. Какое сегодня число?

Пьерпонт ответил.

Трудно было поверить в это. Последнее, что он помнил, была его

встреча с Ди. В каком—то ночном клубе. Он удивился, как давно это было.

Дон порывлся в карманах в поисках сигареты, но ничего не нашел. Впрочем, курить ему не хотелось.

Он поинтересовался у лейтенанта:

— Как идут дела в Одиночной Разведке?

Пьерпонт улыбнулся:

— Рады, что ушли оттуда, сэр?

— Естественно.

Пьерпонт посмотрел на него со странным выражением лица:

— Я не обвиняю вас, сэр. Но сейчас там не так плохо, как раньше, в дни вашей службы.

Дон фыркнул:

— А что изменилось? Две недели в месяц совсем один в корабле. Потом три недели отпуска, чтобы напиться вдоволь, и вновь космическая тюрьма.

Пилот протестующе прервал его:

— Так было. — Он крутил в руках кофейную ложечку. — И так должно быть, конечно. Но сейчас все по-другому. Я патрулирую раз в пять недель в течение одной недели, а потом четыре недели отдыхаю.

Мазерс слушал его невнимательно, но внезапно встрепнулся:

— Что ты имеешь в виду?

Пьерпонт ответил:

— Понимаете, сэр, я хочу сказать, что это не ахти какой секрет, топлива осталось так мало, что его не хватает даже для патрулирования.

Внутри у Дона Мазерса все похолодело.

— Слушайте, лейтенант, я еще не протрезвел, повторите еще раз, лейтенант.

Тот вновь объяснил.

Дон провел по губам тыльной стороной ладони и попытался сосредоточиться.

Наконец он произнес:

— Слушай, лейтенант. Дай мне еще чашечку кофе и, может быть, сэндвич. И не поможешь ли ты мне вернуться в отель?

На четвертый день руки у него перестали дрожать. Он хорошенько позавтракал, тщательно оделся, взял лимузин и поехал в офис «Мазерс, Демминг и Ростофф корпорейшн».

У входа в святую святых стоял Скотти.

— Босс искал вас, мистер Мазерс, но на сегодня у вас не назначена встреча, не так ли? Он и мистер Ростофф сейчас на важном совещании, мне велено никого не пускать.

— Ко мне это не относится, Скотти, — прервал его Мазерс, — отойди с дороги.

Видно было, что Скотти предпочел бы уйти, но тем не менее он не уходил.

— Он сказал, что это относится ко всем, мистер Мазерс.

Дон врезал охраннику прямо под дых, вложив в удар весь свой вес. Скотти согнулся, глаза у него вылезли из орбит. Мазерс сложил обе руки в один кулак и залепил ему зверский апперкот. Скотти покачнулся и грохнулся на пол.

Дон подождал еще немного, но тот даже не пошевелился. Он оказался не таким стойким, как можно было подумать.

Дон Мазерс опустился на одно колено и выудил из-под левой руки охранника короткоствольный пистолет. Спрятал его под пиджак, за пояс, потом встал, открыл дверь и вошел в псевдозакрытый офис.

Демминг и Ростофф оторвались от своих бумаг, оба нахмурились.

Ростофф открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дон прервал его:

— Заткнись!

Ростофф прищурился. Демминг откинулся в своем вращающемся кресле.

— Ты протрезвел для разнообразия, — голос его звучал почти обвиняюще.

Дон Мазерс положил руки на спинку стула. Он холодно ответил:

— Наступает момент, когда преобразается даже тишайший червь. Я кое-что проверил.

Демминг весело фыркнул.

Дон продолжал:

— Топливо для Космических Патрулей урезано до опасного уровня.

Ростофф усмехнулся:

— Думаешь, нас это интересует? Это проблема военных и правительства.

— О, нет, это нас интересует, — прорычал Дон, — сейчас Мазерс, Демминг и Ростофф контролируют, вероятно, три четверти радиоактивного топлива Системы.

Демминг удовлетворенно возразил:

— Скорее четыре пятых.

— Почему, — резко спросил Дон Мазерс, — почему мы делаем то, что мы делаем?

Оба босса нахмурились, но в выражении их лица было что-то еще. Они считали вопрос неуместным.

Демминг закрыл пороссячи глазки и хрюкнул:

— Скажи ему.

Ростофф начал:

— Слушай, Мазерс, не будь дураком. Помнишь, во время нашей первой встречи мы сказали, что используем твоё имя для корпорации, потому что нам нужен человек, который стоит выше закона? Что лабиринт смехотворно запутанных законов столетиями мешает бизнесу?

— Я помню, — жестко ответил Дон.

— Все именно так и происходит. Правительство сегодня настолько связано, что даже в чрезвычайных обстоятельствах не может влиять на ход дел. Можно сказать, что законы уравнивают друг друга. Вся наша Система основана на этом. Сейчас правительство у нас там, где нам и нужно. Свободное предпринимательство, Мазерс, вершина его. Ты слышал когда-нибудь о Джиме Фиске, о попытке скупить золото в 1869 году, так называемое дело Черной Пятницы? Что ж, Джим Фиск по сравнению с нами — мелкий мошенник.

— Но какое отношение это имеет к Флоту... — Дон Мазерс замолчал от внезапно постигшей его догадки. — Вы не выбрасываете на рынок радиоактивное топливо, вынуждая правительство поднимать цены до такого уровня, которого оно не может себе позволить.

Демминг открыл глаза и произнес жирным голосом:

— Утроив цену, Мазерс, мы прикарманим половину богатства Системы.

Дон закричал:

— Но человечество ведет войну!

Ростофф презрительно усмехнулся:

— Ты что-то поздно вспомнил о благородстве, Мазерс. Бизнес есть бизнес.

Дон Мазерс покачал головой:

— Мы немедленно начнем продавать топливо по его настоящей цене. Я мог бы напомнить вам, джентльмены, что хотя формально все мы — равные партнеры, в действительности все записано на мое имя. Вы думали, что я у вас под ногтем и так надежно, что вы в безопасности, и, возможно, вы не доверяли друг другу. Теперь я вступаю в игру.

С удивительной для такого толстяка быстротой рука Лоуренса Демминга скользнула в ящик стола и появилась оттуда с такой точно пушкой, какая была заткнута за пояс Дона.

Дон Мазерс улыбнулся, распахнул пиджак и показал свое оружие. Но он не стал его вытаскивать и мягко сказал:

— Убей меня, Демминг, и ты убьешь самого известного человека Солнечной системы. Тебе не избежать газовой камеры, и твои деньги тут не помогут. С другой стороны, если я тебя застрелю...

Он вытащил из кармана маленький, необычайно обычный кусочек металла на орденской ленточке. Положил его на ладонь. Лицо толстяка побелело, пальцы его разжались, и пистолет свалился на стол.

— Слушай, Дон, — начал он, — мы недооценили тебя. Мы изменим свою политику и поделим, честно поделим все на три части.

Дон рассмеялся:

— Хотите подкупить меня, Демминг? Как это вы не понимаете, что я — единственный в мире человек, которому не нужны деньги, который не может их тратить. Что мои соплеменники — те, которых я

так блистательно предал, — возвели меня на такую вершину славы, где деньги теряют ценность.

Ростофф схватил со стола упавший пистолет и прорычал:

— Ты блефуешь, бесхарактерный пьянчуга!

Дон Мазерс ответил:

— О'кей, Ростофф. Но сначала я скажу еще две вещи. Во-первых, мне наплевать, умру я или нет. Во-вторых, ты находишься в двадцати шагах от меня, но знаешь что? Я думаю, ты отвратительный стрелок. Полагаю, у тебя не было практики. Я смогу вытащить свой пистолет и застрелить тебя раньше, чем ты прикончишь меня. — Он слегка улыбнулся: — Хочешь попробовать?

Макс Ростофф выругался, его пальцы на спусковом крючке побелели.

Дон Мазерс рванулся в сторону, вытащил пистолет. Он не думал, его тело само вспомнило долгие часы тренировок по рукопашному бою, по дзюдо. Действовал он с холодной уверенностью.

На космодроме Дон взял такси до Президентского дворца. Это было, конечно, такси-автомат, и около дворца обнаружилось, что у него нет денег. Он устало хмыкнул. Первый раз за этот год нужно было платить за что-то.

Четыре человека стояли на карауле перед входом. Дон спросил:

— Не мог бы кто-нибудь дать мне денег, а то у меня ничего нет.

Сержант улыбнулся, подошел к машине и сделал все, что надо.

Дон Мазерс со вздохом сказал:

— Не знаю, что вам делать со мной. У меня нет приглашения, но я хочу видеть Президента.

— Мы передадим вас одному из секретарей, — ответил сержант, — дальше входа мы идти не можем. Не разрешите ли вы взять у вас автограф, сэр? У меня есть ребенок...

Все оказалось проще, чем он думал. Через полчаса Дон сидел в том же кабинете, где он получал награду. Это было меньше года назад.

Он коротко рассказал всю историю, не делая попыток обелить себя. Затем он встал, положил бумагу перед Президентом, потом вновь сел.

— Я передаю всю корпорацию правительству.

Президент отвстал:

— Подождите минутку. Мы выступаем против государственной собственности в промышленности.

— Я знаю. Когда государство контролирует индустрию, возникает вопрос, кто контролирует государство. Однако я не хочу спорить с вами на темы политической экономии. Вы не дали мне закончить. Я хотел сказать, что возвращаю ее государству. Чтобы разобраться в положении дел, составить опись имеющегося радиоактивного топлива. Надо вернуть старателям и маленьким компаниям их владения,

которые забрала наша суперфирма. Поднять шахтерам и другим рабочим заработную плату, которую урезали по соображениям «патриотизма». — И коротко подытожил: — Беспорядка очень много.

— Да, — ответил Президент. — Вы говорите, Макс РостOFF мертв?

— Да, это так. А Демминг сошел с ума. Думаю, он всегда был очень неуравновешенным, а перспектива потерять столько денег, самую большую удачу своей жизни, решила исход дела.

— А что касается вас, Донал Мазерс?

Дон глубоко вздохнул:

— Честно говоря, я хотел бы вернуться в Космическую Службу. Вернуться туда, где я был, пока все это не началось. Я думаю, после военного трибунала не будет...

Президент мягко прервал его:

— Вы, кажется, забыли, капитан Мазерс. Вы награждены Галактическим орденом Славы, и вы не можете сделать ничего дурного.

Дон Мазерс уставился на него.

Президент улыбался ему, хотя улыбка была немного холодной.

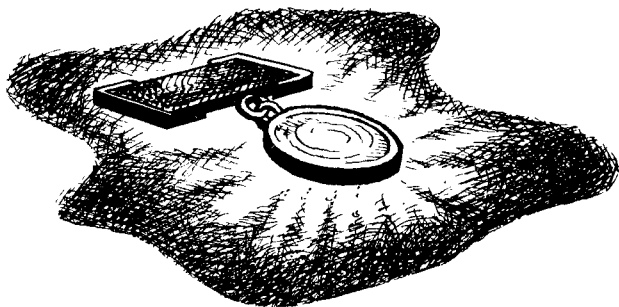
— С этической точки зрения вряд ли будет полезно обнаружить, что высший символ героизма оказался фальшивкой, капитан. Никакого суда не будет, и награда останется у вас.

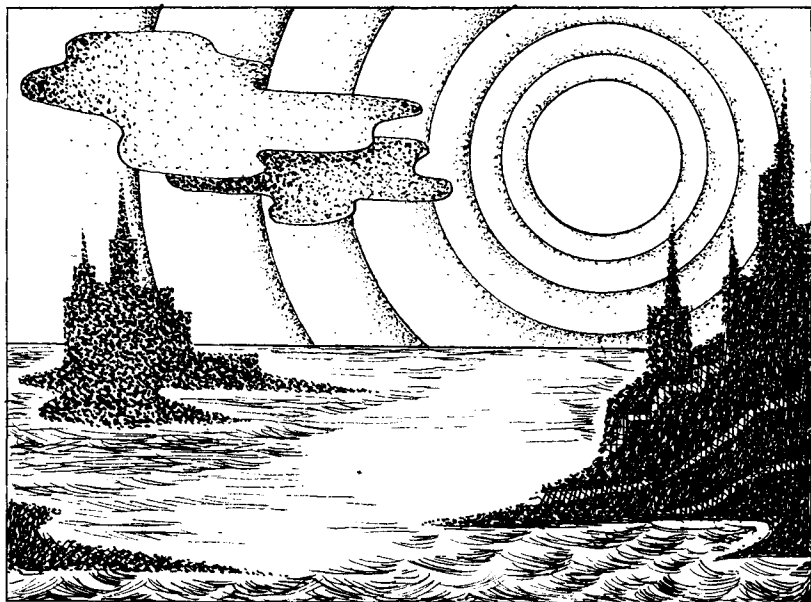
— Но я не хочу!

— Боюсь, этот крест вы должны будете нести до конца своей жизни, капитан Мазерс. И я думаю, что это будет тяжелый крест.

Он смотрел в дальний угол комнаты невидящим взглядом. Потом произнес после долгой паузы:

— Однако я совсем не уверен, что вы не заслуживаете вашей награды.

Джек Вэнс

ЛУННАЯ МОЛЬ

Джонку строили по самым строгим канонам сиренского мастерства, то есть настолько близко к абсолютному совершенству, насколько это может заметить человеческий глаз. Доски цвета темного воска соединялись пластиковыми заклепками, заделанными вровень с поверхностью и гладко отполированными. Что же касается стиля, то джонка была массивной, собранной из больших бревен и устойчивой как континент, однако силуэт ее нельзя было назвать тяжеловесным или бесформенным. Нос выгибался как лебединая грудь, форштевень высоко поднимался, изгибаясь затем вперед и поддерживая железный фонарь. Двери сделали из кусков темно-зеленого с прожилками дерева, окна состояли из множества сегментов: в переплет вставляли квадратные пластины слюды, окрашенные в розовый, голубой, бледно-зеленый и фиолетовый цвета. На носу размещались прислуга и невольники, а посредине — две спальные каюты, столовая и салон с выходом на кормовой наблюдательный мостик.

Так выглядела джонка Эдвера Тиссела, но факт обладания ею не вызывал у него ни удовлетворения, ни гордости. Прекрасный некогда корабль находился теперь в плачевном состоянии. Ковры вытерлись, резные ширмы выщербилились, а железный фонарь на носу проржавел и перекосялся. Семьдесят лет назад первый хозяин, принимая только что построенную джонку, выразил мастеру свое восхищение и сам получил от этого немалые выгоды, поскольку сделка (сам процесс был больше, чем просто сдача-приемка объекта) увеличивала престиж и того и другого. Однако те времена давно миновали, и теперь джонка не повышала ничего престижа. Эдвер Тиссел, находившийся на Сирене всего три месяца, прекрасно видел этот недостаток, но ничего не мог сделать: другой джонки ему достать не удалось. Сейчас он сидел на кормовой палубе, практикуясь в игре на ганге, инструменте, напоминавшем цитру, размером чуть больше его руки. Метрах в ста от него волны омывали полосу белого пляжа, за которым росли джунгли, а на фоне неба рисовался контур изрезанных черных гор. Белый, приглушенный свет Мирэйл проривался сквозь завесу из паутины, а поверхность океана колыхалась и сверкала оттенками перламутра. Зрелище это было для Тиссела таким же знакомым, хоть и не таким скучным, как ганга, на которой он играл по два часа ежедневно, бренча сиренские гаммы и аккорды и проигрывая простые фразы. Он отложил гангу и взял зашинку, небольшой резонансный ящик с клавишами, которые нажимали правой рукой. Нажатие на клавиши проталкивало воздух через находящиеся внутри свистульки, извлекая звуки как при игре на гармонике. Тиссел пробежал с дюжину быстрых гамм, сделав при этом не слишком много ошибок. Из шести инструментов, которыми он решил овладеть, зашинка оказался самым послушным (разумеется, за исключением химеркина — клеко-чущей и стучащей конструкции из дерева и камня, используемой только для общения с невольниками).

Тиссел тренировался еще минут десять, после чего отложил зашинку и стиснул ноющие пальцы. Со времени прибытия на Сирену каждую свободную минуту он посвящал игре на местных музыкальных инструментах: химеркине, ганге, зашинке, киве, страпане и гомапарде. Он разучивал гаммы в девятнадцати тональностях и четырех диапазонах; неисчислимые аккорды и интервалы, никогда не существовавшие на Объединенных Планетах. Он тренировался с мрачной решимостью, в которой давно растворился его прежний взгляд на музыку как на источник удовольствия. Глядя сейчас на инструменты, Тиссел боролся с искушением выбросить все шесть в воды Титаника.

Он встал, прошел через салон и столовую, потом по коридору мимо кухни и вышел на носовую палубу. Перегнувшись через поручень, заглянул в подводную загородку, где двое невольников, Тоби и Рекс, надевали упряжь тягловым рыбам, готовясь к еженедельной поездке в

Фан, город в двенадцати километрах к северу. Самая молодая рыба, веселая или злобная, то и дело ныряла, пытаясь увернуться. Она высунула обтекаемую голову на поверхность океана, и Тиссел, глядя на ее морду, почувствовал странное беспокойство: на рыбе не было маски!

Он сконфуженно рассмеялся, коснувшись пальцами своей собственной маски — Лунной Моли. Что и говорить, он уже акклиматизируется на Сирене! Пройден важный этап, если его шокировала голая морда рыбы!

Наконец упряжка была сформирована. Тоби и Рекс вскарабкались на палубу; их красноватые тела сверкали от воды, а черные полотняные маски липли к лицам. Не обращая внимания на Тиссела, невольники открыли загородку и подняли якорь. Рыбы напряглись, упряжь натянулась, и джонка двинулась на север.

Вернувшись на кормовую палубу, Тиссел взял страпан — круглую резонансную коробку диаметром двадцать сантиметров. От центральной ступицы к периметру коробки были натянуты сорок шесть струн, соединявшихся с колокольчиками или молоточками. Когда струны дергали, колокольчики звонили, а молоточки ударяли по железным палочкам, а когда по ним били, страпан издавал резкие, звякающие звуки. Когда на инструменте играл виртуоз, приятные диссонансы создавали эффект, полный экспрессии, а под неопытной рукой результат бывал менее удачен и мог даже напоминать случайные звуки. Тиссел играл хуже всего именно на страпане, поэтому тренировался все время поездки на север.

Через некоторое время джонка приблизилась к плавучему городу. Рыб привязали, а джонку пришвартовали в надлежащем месте. Зеваки, стоявшие вдоль пристани, согласно сиренскому обычаю оценили все аспекты джонки, невольников и самого Тиссела. Он не привык еще к такому внимательному осмотру, и взгляды их весьма его беспокоили, особенно из-за неподвижных масок. Машинально поправляя свою Лунную Моль, он перешел по трапу на пристань.

Какой-то невольник, сидевший до сих пор на корточках, выпрямился, коснулся пальцами черной повязки на лбу и пропел вопросительную фразу из трех тонов:

— Скрывается ли под маской Лунной Моли обличье сэра Эдвера Тиссела?

Тиссел ударил по химеркину, висящему у пояса, и спел:

— Я сэр Тиссел.

— Мне оказали честь, доверив мне задачу, — пел дальше невольник. — Три дня от рассвета до заката я ждал на небрежной, три дня от рассвета до заката жался я на плоту ниже пристани, вслушиваясь в шаги Людей Ночи. И наконец глаза мои узрели маску сэра Тиссела.

Тиссел извлек из химеркина нетерпеливый клекот:

— В чем суть твоего задания?

— Я принес послание, сэр Тиссел. Оно адресовано тебе.

Тиссел вытянул левую руку, одновременно играя правой на химеркине.

— Дай мне это послание.

— Уже даю, сэр Тиссел.

На конверте виднелась крупная надпись:

ЭКСПРЕСС-СООБЩЕНИЕ! СРОЧНО!

Тиссел надорвал конверт. Деша была надписана Кастилом Кромартином, Главным Директором Межпланетного Политического Совета, и после официального приветствия содержала следующий текст:

«**АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМО** выполнить нижеследующее! На борту «Карины Круэйро», порт назначения Фан, дата прибытия 10 января УВ, находится закоренелый убийца Хаксо Ангмарк. Будь при посадке с представителем власти, арестуй этого человека и отправь в тюрьму. Это распоряжение должно быть выполнено, провал акции недопустим.

ВНИМАНИЕ! Хаксо Ангмарк исключительно опасен. Убей его без колебаний при малейшей попытке сопротивления».

Тиссел в ужасе задумался над содержимым дещи. Прибывая в Фан в качестве консула, он не ожидал ничего подобного и до сих пор не имел возможности набраться опыта в обращении с опасными преступниками. Задумчиво потер он пушистую серую щеку своей маски. Ситуация, впрочем, не такая уж и опасная: Эстебан Ролвер, директор космопорта, несомненно, окажет ему помощь, а может, даже выделит взвод невольников.

С растущей надеждой Тиссел еще раз прочел сообщение. 10 января универсального времени. Он заглянул в сравнительный календарь. Сегодня сороковой день Времени Горького Нектара... Тиссел провел пальцем вдоль колонки, задержался на 10 января. Сегодня.

Внимание его привлек далекий грохот. Из тумана вынырнул обтекаемый силуэт: планетолет, возвращающийся со встречи с «Кариной Круэйро».

Он еще раз прочел дешу, поднял голову и внимательно посмотрел на садящийся планетолет. На его борту находится Хаксо Ангмарк, через пять минут он ступит на поверхность Сирены. Формальности при посадке задержат его минут на двадцать. Порт находился в двух километрах от города, с Фаном его соединяла дорога, извивавшаяся среди холмов.

— Когда пришло это сообщение? — спросил Тиссел невольника.

Невольник наклонился к нему, ничего не понимая, и Тиссел повторил вопрос, спев под клевет химеркина: — Это сообщение, сколько времени ты хранил его?

— Много долгих дней ждал я на набережной, — пропел невольник в ответ, — возвращаясь на плот только в темноте. Моя терпеливость вознаграждена: я собственными глазами вижу сэра Тиссела.

Разъяренный Тиссел отвернулся и пошел по набережной. Бездар-

ные, беспомощные сиренцы! Почему они не доставили известие на его джонку? Двадцать пять минут... нет, уже всего двадцать две...

На эспланаде Тиссел остановился, посмотрел направо, потом налево, надеясь, что произойдет чудо: появится воздушный экипаж и молниеносно доставит его в космопорт, где с помощью Ролвера он еще успеет арестовать Хаксо Ангмарка. Или, еще лучше, вторая депеша аннулирует первую. Ну хоть что-нибудь... Но на Сирене нет воздушного транспорта, а вторая депеша так и не пришла.

По другую сторону эспланады возвышался небольшой ряд строений из камня и железа, защищенных от атаки Людей Ночи. В одном из них жил конюший, и, разглядывая здания, Тиссел заметил мужчину в великолепной маске из жемчуга и серебра, выезжавшего на ящерице подобном сиренском верховом животном.

Тиссел метнулся вперед. Время еще было, и при капельке везения ему, может, удастся перехватить Хаксо Ангмарка. Он поспешил на другую сторону эспланады.

Конюший стоял перед рядом боксов, внимательно разглядывая свой инвентарь. Перед ним стояли пять верховых животных, с массивными ногами, плотным туловищем и тяжелой треугольной головой; каждое из них доставало до плеча рослому мужчине. С искусственно удлиненных передних клыков свешивались золотые кольца, а чешую покрывали цветные узоры: пурпурные и зеленые, оранжевые и черные, красные и голубые, коричневые и розовые, желтые и серебряные.

Запыхавшийся Тиссел остановился перед конюшим, потянулся за своим кивом*, но потом заколебался. Можно ли назвать это случайной встречей? Может, лучше воспользоваться зашинок? Нет, пожалуй, его просьба не требует официального приветствия. Лучше все-таки кив. Тиссел потянулся к поясу, тронул струну, но тут же сообразил, что ошибся, и заиграл на ганге. Он, извиняясь, улыбнулся под маской: с этим человеком его ничто не связывало. Оставалось надеяться, что он по своей природе сангвиник; во всяком случае топорливость не позволяла выбрать нужный инструмент. Взяв второй аккорд, он заиграл, насколько позволяло его небольшое умение, и пропел просьбу:

— Сэр, мне срочно нужно быстрое животное. Позволь выбрать его из твоего стада.

Конюший носил очень сложную маску, которой Тиссел не сумел опознать: то была конструкция из коричневой лакированной ткани, плетеной серой кожи, а высоко на лбу находились два больших зеленовато-пурпурных шара, поделенных на небольшие сегменты, как глаза насекомого. Туземец долго разглядывал нахала, потом демонст-

* Кив — инструмент, состоящий из пяти рядов эластичных металлических полос по четырнадцать в каждом ряду. Игра заключается в прикосновении к ним и рывках.

ративно выбрав стимик*, исполнил на нем несколько великолепных трелей и канонов, содержания которых Тиссел не понял. Потом запел:

— Сэр, боюсь, мои животные не подходят для такого знатного господина.

Тиссел живо забренчал на струнах ганги:

— Да нет же, все они мне подходят. Я очень спешу и с радостью приму любого скакуна из твоего стада.

Теперь туземец заиграл крещендо:

— О нет, сэр, — пел он, — мои скакуны больные и грязные. Приятно, что ты считаешь их подходящими для себя, но я не заслужил такой чести. — Здесь он сменил инструмент и извлек холодный звук из своего кродача**. — И я никак не могу признать в тебе веселого собутыльника, который так фамильярно обращается ко мне своей гангой.

Смысл был ясен, Тиссел не получит животного. Повернувшись, он побежал в сторону космопорта, а ему вслед неся клекот химеркина, но Тиссел не остановился, чтобы послушать, адресована музыка ко-нющего невольнику или же ему самому.

Предыдущий консул Объединенных Планет на Сирене был убит в Зандаре. Нося маску Трактирного Головореза, он пристал к девушке, носившей ленту избранницы на Празднике Равноденствия. За такую бестактность он был тут же зарублен Красным Демиургом, Солнечным Эльфом и Волшебным Шершнем. Эдвер Тиссел, свежее испеченный выпускник Дипломатического Института, был провозглашен его преемником и получил три дня на подготовку к новой роли. Будучи человеком спокойным, иногда даже чрезмерно осторожным, он воспринял это назначение как вызов. С помощью субцеребрального метода он овладел сиренским языком, найдя его не слишком сложным, а потом в Журнале Всеобщей Антропологии прочел следующее:

«Жителей побережья Титаника характеризует крайний индивидуализм, что, возможно, является следствием воздействия окружения, не побуждающего к групповой деятельности. Язык, отражая этот факт, выражает настроение единицы, ее эмоциональное отношение к создавшейся ситуации, в то время как фактическая информация имеет в нем подчиненное, второстепенное значение. К тому же на этом языке поют всегда под аккомпанемент небольшого музыкального инструмента. В результате необычайно трудно получить какую-либо информацию от жителя Фана и запрещенного города Зундара. Они уго-

* Стимик — три похожие на флейту пищалки с вентилями. Играющий большим и указательным пальцами нажимает мешок, проталкивая воздух через мундштуки; а остальными манипулирует движком. Инструмент, хорошо подходящий для выражения холодной сдержанности или даже неодобрения.

** Кродач — небольшая квадратная резонансная коробка со струнами из кишок животных, смазанных смолой. Играющий дергает струны ногтем или ударяет по ним подушечками пальцев, извлекая широкую гамму спокойных торжественных звуков. Используется также для выражения презрения.

стоят пришельца элегантными ариями и продемонстрируют удивительно виртуозную игру на одном из многочисленных музыкальных инструментов. В этом удивительном мире чужак, если не хочет, чтобы к нему относились с презрением, должен научиться изъясняться согласно местным обычаям.

Тиссел записал в блокноте: «ДОСТАТЬ НЕБОЛЬШОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВМЕСТЕ С ИНСТРУКЦИЯМИ, КАК ИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ». Потом продолжил чтение.

«На Сирене везде и в любое время года существует изобилие, если не избыток, продуктов, а климат мягок. Располагая запасами энергии, свойственной расе, и большим количеством свободного времени, жители планеты занимаются усложнением собственной жизни. Усложняется все: специализированное ремесло, примером которого является резная облицовка, украшающая джонки; запутанная символика, наиболее полно выраженная в масках, которые носят все сиренцы; необычайно трудный, наполовину музыкальный язык, удивительным образом передающий тонкие оттенки настроений и чувств; и прежде всего фантастическая сложность межчеловеческих отношений. Престиж, лицо, репутация, слава — все это содержится в сиренском слове «стракх». Каждый человек имеет свой определенный «стракх», решающий, сможет ли он, когда ему понадобится джонка, приобрести плавающий дворец, украшенный драгоценными камнями, алебастровыми фонарями, голубым фаянсом и резьбой по дереву, или же получит просто шалаш на плоту. На Сирене нет всеобщего обменного средства; единственная валюта — это «стракх»...

Тиссел потер подбородок и читал дальше.

«Маски носят постоянно, в соответствии с местной философией, утверждающей, что человек не должен пользоваться физиономией, навязанной ему факторами, находящимися вне его контроля, а должен иметь свободу выбора портрета, наиболее гармонирующего с его «стракхом». В цивилизованных районах Сирены — то есть на побережье Титаника — человек никогда не показывает лица, это его величайшая тайна.

Ничего удивительного, что в этой ситуации на Сирене неизвестен азарт, поскольку получение превосходства с помощью чего-то, кроме «стракха», было бы смертельным ударом, нанесенным самолюбию сиренца. В языке Сирены нет эквивалента слову «несчастье».

Тиссел записал еще: «ДОСТАТЬ МАСКУ. МУЗЕЙ? СОЮЗ АКТЕРОВ?»

Он дочитал статью до конца, поспешил закончить приготовления и на следующий день сел на борт «Роберта Астрогварда», чтобы проделать первый этап путешествия на Сирену.

Планетолет приземлился в сиренском космопорте — одинокий топазовый диск на фоне черно-зелено-пурпурных склонов холмов. Ко-

рабль коснулся земли, и Эдвер Тиссел вышел. Навстречу ему вышел Эстебан Ролвер, здешний агент Галактических Линий. Ролвер поднял руку и отступил на шаг.

— Твоя маска! — хрипло воскликнул он. — Где твоя маска?

Тиссел несмело поднял ее.

— Я не уверен...

— Надень ее, — ответил Ролвер, поворачиваясь к нему спиной. Сам он носил конструкцию из матовых зеленых чешуек и покрытого голубым лаком дерева. На щеках оттопыривались черные жабры, а под подбородком висела миниатюрная копия скорострельного орудия, покрашенная в черно-белую клетку. Все в целом производило впечатление личности ироничной и изворотливой.

Тиссел поправил маску на лице, не зная, то ли состричь по поводу возникшей ситуации, то ли хранить сдержанность, приличествующую его должности.

— Ты уже в маске? — спросил через плечо Ролвер.

Тиссел ответил утвердительно, и Ролвер повернулся. Маска скрывала выражение его лица, но рука невольно пробежала по клавиатуре, привязанной к бедру. Мелодия выражала шок и замешательство.

— Ты не можешь носить эту маску! — пропел Ролвер. — И кстати, откуда... где ты ее взял?

— Это копия с маски, принадлежащей Полиполитанскому Музею, — сдержанно ответил Тиссел. — Уверен, что она подлинная.

Ролвер кивнул, из-за чего выражение его маски стало еще более ироничным.

— Она слишком подлинная. Это вариант типа, известного как Укротитель Морского Дракона, который носят по случаю важных церемоний особы, пользующиеся исключительным уважением; князья — герои, мастера-ремесленники, великие музыканты.

— Я просто не знал...

Ролвер махнул рукой, дескать, понимаю.

— Ты научишься этому в свое время. Обрати внимание на мою маску. Сегодня я ношу Свободную Птицу. Особы не слишком уважаемые — вроде тебя, меня или любого другого пришельца с чужой планеты — носят подобные маски.

— Странно, — заметил Тиссел, когда они шли через посадочное поле к бетонному блокаузу. — Я думал, что человек может носить такую маску, которая ему нравится.

— Разумеется, — ответил Ролвер. — Носи любую маску, какую хочешь — если можешь это обосновать. Возьмем, к примеру, Свободную Птицу. Я ношу ее, чтобы показать, что не позволяю себе слишком многого. У меня нет претензий на мудрость, воинственность, непостоянство, музыкальный талант, мужество или любое из прочих сиренских достоинств.

— Однако предположим, — продолжал спрашивать Тиссел, — что я вышел бы на улицу Зундара в этой маске. Что бы тогда произошло?

В ответ он услышал приглушенный маской смех Ролвера.

— Если бы ты вышел на берега Зундара — там нет улиц — в какой-либо маске, то был бы убит в течение часа. Именно это случилось с Бенком, твоим предшественником. Он не знал, как следует себя вести. Никто из нас — пришельцев с других планет — этого не знает. В Фане нас терпят до тех пор, пока мы помним свое место. Но в маске, которая на тебе сейчас, ты не смог бы пройти даже по Фану. Кто-нибудь, носящий Огненного Змея или Громового Гоблина — маску, разумеется, — подошел бы к тебе. Он заиграл бы на своем кродаче, и если бы ты не ответил на его вызов острой репликой на скараные*, он оскорбил бы тебя игрой на химеркине, инструменте для общения с невольниками. Это самый оскорбительный способ выказать свое презрение. Или он мог бы ударить в свой поединочный гонг и атаковать тебя немедленно.

— Я не знал, что люди здесь такие обидчивые, — тихо ответил Тиссел.

Ролвер пожал плечами и открыл массивную стальную дверь, ведущую в его кабинет.

— На Спуске в Полиполис тоже нельзя совершать некоторых поступков без риска нарваться на критику.

— Это правда, — согласился Тиссел, осматривая кабинет. — Зачем такая страховка? Эти бетон, сталь...

— Для защиты от дикарей, — объяснил агент. — По ночам они спускаются с гор, крадут, что попадется, и убивают каждого встреченного на берегу. — Он подошел к шкафу и вынул из него какую-то маску. — Возьми ее. Это Лунная Моль, с ней у тебя не будет неприятностей.

Тиссел без энтузиазма осмотрел маску. Ее покрывал серый мышинный мех, по обе стороны рта торчали пучки перьев, а на лбу — пара перистых антенн. На висках болтались белые кружевные отвороты, а под глазами висели ряды красных складочек. Зрелище было мрачное и в то же время комичное.

— Эта маска выражает какую-то степень престижа? — спросил он.

— Небольшую.

— Я все-таки консул, — мрачно сказал Тиссел, — и представляю здесь Объединенные Планеты, сто миллиардов людей...

— Если Объединенные Планеты хотят, чтобы их представитель носил маску Укротителя Морского Дракона, пусть пришлют сюда подходящего человека.

— Понимаю, — тихо ответил Тиссел. — Ну что ж, если надо...

* Скараный — миниатюрная волюнка. Мешочек зажимается в ладони и придерживается большим пальцем, а остальные закрывают отверстия в четырех трубках.

Ролвер вежливо отвернулся, когда Тиссел снимал Укротителя Морского Дракона и надевал более скромную Лунную Моль.

— Полагаю, что смогу найти что-нибудь более подходящее в городском магазине. Говорят, достаточно войти и взять нужный предмет. Это верно?

Ролвер критически оглядел Тиссела.

— Эта маска идеально подходит тебе — по крайней мере пока. И помни, что нельзя ничего брать из магазина, пока не узнаешь стоимости нужного товара относительно «стракха». Владелец потеряет лицо, если особа с низким «стракхом» без ограничений пользуется его лучшими товарами.

Тиссел раздраженно покачал головой.

— Ни о чем подобном мне не говорили! Конечно, я знал о масках, трудолюбии и добросовестности мастеров, но этот упор на престиж — стракх или как там его называют...

— Это неважно, — ответил Ролвер. — Через год-два и ты будешь знать, как следует себя вести. Полагаю, ты говоришь на их языке?

— Да, конечно.

— А на каких инструментах играешь?

— Мне дали понять, что хватит какого-нибудь небольшого музыкального инструмента или что я просто могу петь.

— Тебя неверно информировали. Только невольники поют без аккомпанемента. Советую как можно быстрее научиться играть на следующих инструментах: химеркине для общения с невольниками; ганге для разговоров с близкими знакомыми или особами чуть ниже рангом по стракху; киве для вежливого, поверхностного обмена мнениями; зашинко для более официальных контактов; страпане или кродаче для разговоров с особами ниже тебя — в твоем случае, если захочешь кого-то оскорбить; и наконец на гомапарде* или двойном камантиле** — для торжественных церемоний. — Он на секунду задумался. — Кроме того, необходимы кребарин, водяная лютня и слобо — но сначала научись играть на тех инструментах. Они дадут тебе хотя бы ограниченные возможности общения.

— А ты не преувеличиваешь? — спросил Тиссел. — Может, тебе просто захотелось пошутить?

Ролвер мрачно рассмеялся.

— Ничуть. Но прежде всего тебе будет нужна джонка, а потом невольники.

Ролвер проводил Тиссела из космопорта на берег Фана, где они совершили приятную полуторачасовую прогулку по тропе под огром-

* Гомапард — один из немногочисленных электроинструментов, используемых на Сирене. Осциллятор производит звуки, напоминающие музыку гобоя, модулирует их, усиливает или ослабляет в четырех тональностях.

** Двойной камантил — инструмент, напоминающий гангу, но звуки извлекают, дергая или глядя струны кожаным диском, покрытым смолой.

ными деревьями, сгибающимися от плодов, хлебных стручков и пузырей, заполненных сладким соком.

— В данный момент, — сказал Ролвер, — в Фане всего четыре пришельца с других планет, включая и тебя. Я отведу тебя к Велибусу, нашему торговому посреднику. Думаю, у него есть старая джонка, которую он сможет тебе одолжить.

Корнелий Велибус провел в Фане пятнадцать лет и обзавелся достаточным страхом, чтобы позволить себе маску Южного Ветра. Это был голубой диск, выложенный кабашонами лазурита и окруженный ореолом блестящей змеиной кожи. Велибус, более сердечный, чем Ролвер, снабдил Тиссела не только джонкой, но и двадцатью различными музыкальными инструментами и двумя невольниками.

Смущенный его щедростью, Тиссел пробормотал что-то о плате, но посредник отбросил его сомнения размашистым жестом.

— Мой дорогой, ты на Сирене. Такие мелочи ничего здесь не стоят. — Но джонка...

Велибус сыграл короткую учтивую музыкальную фразу на своем киве.

— Буду с тобой честен, сэр Тиссел. Лодка уже старая и потрепанная. Я не могу ею пользоваться, чтобы не уронить своего престижа. — Слова его сопровождалась прелестной мелодией. — Тебе же пока нечего ломать голову над своим общественным положением. Тебе просто нужна крыша над головой, удобство и защита от нападений Людей Ночи.

— Людей Ночи?

— Каннибалов, которые свирепствуют на берегу после наступления темноты.

— Ах, вот как. Сэр Ролвер упоминал о них.

— Это страшные чудовища. Не будем о них говорить. — Его кив издал короткую трель, полную страха. — А сейчас займемся невольниками. — Велибус задумчиво постучал указательным пальцем по голубому диску маски. — Рекс и Тоби должны хорошо служить тебе. — Он повысил голос и заклекотал на химеркине: — Аван эскс тробу!

Появилась невольница, одетая в дюжину узких полос розового материала и элегантную черную маску, искрящуюся цехинами из перламутра.

— Фаску этц Рекс э Тоби.

Вскоре явились вызванные невольники в свободных масках из черной ткани и коричневых кафтанах. Велибус обратился к ним под громкий стук химеркина, приказав служить новому господину под страхом возвращения на родные острова. Рекс и Тоби упали лицом вниз и тихим пением поклялись верно служить Тисселу. Консул Объединенных Планет нервно рассмеялся и попробовал свои силы в сиренском языке:

— Отправляйтесь на джонку, хорошенько приберите ее и доставьте на борт продукты.

Тоби и Рекс равнодушно смотрели на него сквозь отверстия в масках. Велибус повторил приказы под аккомпанемент химеркина, невольники поклонились и вышли.

Тиссел растерянно разглядывал инструменты.

— Не имею ни малейшего понятия, как научиться на них играть.

Велибус обратился к Ролверу.

— Как там Кершауль? Может, сумеем уговорить его дать сэру Тисселу необходимые указания?

Ролвер кивнул.

— Кершауль мог бы взяться за это дело.

— Кто он такой? — спросил Тиссел.

— Третий из нашей небольшой группы изгнанников, — объяснил Велибус. — Антрополог. Читал «Зундар, называемый Великолепным»? «Обряды Сирены»? «Люди без лиц»? Нет? Очень жаль, отличные работы. Престиж Кершауля весьма высок, и, думаю, он время от времени посещает Зундар. Он носит Пещерную Сову, иногда Звездного Странника или даже Мудрого Арбитра.

— В последнее время облюбовал Экваториального Змея, — вставил Ролвер. — Вариант с позолоченными клыками.

— Правда? — удивился Велибус. — Должен сказать, он это заслужил. Отличный человек. — И он задумчиво тронул струны зашинко.

Прошло три месяца. Под опекой Мэтью Кершауля Тиссел учился играть на химеркине, ганге, страпане, киве, гомопарде и зашинко. Кершауль сказал, что двойной камантил, кродач, слобо, водяная лютня и прочие могут подождать, пока Тиссел овладеет шестью основными инструментами. Он одолжил ему записи разговоров выдающихся сиренцев в разных настроениях и под разный аккомпанемент, чтобы юноша познакомился с правилами хорошего тона и совершенствовался в тонкостях интонаций и всяческих ритмах — перекрещивающихся, сложных, подразумевающихся и скрытых. Кершауль утверждал, что его чарует изучение сиренской музыки, и Тиссел был вынужден признать, что эта тема исчерпается не скоро. Четырехтонная настройка инструментов делала возможным использование двадцати четырех тональностей, которые, помноженные на повсеместно используемые пять диапазонов давали, в результате сто двадцать различных гамм. Впрочем, Кершауль посоветовал Тисселу сосредоточиться прежде всего на основной тональности каждого инструмента, пользуясь только двумя гаммами.

Не имея других занятий, кроме еженедельных визитов к Мэтью Кершаулю, Тиссел проплыл на джонке двенадцать километров к югу и пришвартовал ее с подветренной стороны скального мыса. Если бы

не постоянные тренировки, жизнь его была бы райской. Море было спокойно и прозрачно, как кристалл, а до окруженного черно-зелено-пурпурным лесом пляжа было рукой подать, если бы Тисселу вдруг захотелось размять ноги.

Тоби и Рекс занимали две клетушки на носу, а остальные каюты оставались в распоряжении Тиссела. Время от времени он подумывал о третьем невольнике, возможно, молодой женщине, которая внесла бы немного веселья в его хозяйство, но Кершауль отсоветовал ему, боясь, что это излишне рассеет его внимание. Тиссел согласился с доводами и посвятил себя исключительно искусству игры на шести инструментах.

Дни проходили быстро. Созерцание великолепных оттенков расцвета и заката не приедалось Тисселу: белые облака и голубое небо в полдень, ночное небо, освещенное двадцатью девятью звездами Группы SI 1-715. Разнообразие вносила и еженедельная поездка в Фан. Тоби и Рекс отправлялись за провиантом, а Тиссел навещал роскошную джонку Мэтью Кершауля в поисках знаний и советов. Но спустя три месяца после прибытия Тиссела пришло сообщение, совершенно разрушившее установившийся ритм жизни: на Сирену прилетел Хаксо Ангмарк, убийца, провокатор, хитрый и беспощадный преступник. «Арестуй этого человека и посади его в тюрьму!» — гласил приказ. «Внимание! Хаксо Ангмарк исключительно опасен. Убей его без колебания!»

Тиссел был не в лучшей форме, поэтому метров через пятьдесят у него перехватило дыхание, и дальше он пошел размеренным шагом мимо низких холмов, поросших белым бамбуком и черными древесными папоротниками, через желтые от трав-орехов луга, через сады и одичавшие виноградники. Прошло двадцать минут, потом двадцать пять. У Тиссела засосало под ложечкой, когда он понял, что уже слишком поздно: Хаксо Ангмарк приземлился и мог идти в Фан по той же дороге. Правда, до сих пор Тиссел встретил всего четверых: мальчика в маске Островитянина из Алка, двух молодых женщин, замаскированных как Красная и Зеленая Птицы, и мужчину в маске Лесного Гнома. Сблизившись с незнакомцем, Тиссел резко остановился: может ли это быть Ангмарк?

Он решил попробовать хитрость. Смело подойдя к мужчине, Тиссел уставился на отвратительную маску.

— Ангмарк! — воскликнул он на языке Объединенных Планет. — Ты арестован!

Лесной Гном равнодушно взглянул на него, затем пошел по тропе дальше.

Тиссел преградил ему путь. Он взялся было за гангу, но, вспомнив реакцию конюшего, извлек звук из зашинко.

— Ты идешь по тропе от космодрома,— запел он. — Что ты там видел?

Лесной Гном схватил рог, инструмент, используемый для насмешек над противником на поле боя, для подзыва животных, а иногда для демонстрации воинственности хозяина.

— Где я хожу и что вижу — дело только мое. Отойди, или я пройду по твоей голове! — Он сделал шаг вперед и, не отскочи Тиссел в сторону, наверняка исполнил бы свою угрозу.

Тиссел стоял, вглядываясь в удаляющуюся фигуру незнакомца. Ангмарк? Вряд ли, он не играл бы так хорошо на роге. Поколебавшись, он повернулся и пошел по тропе дальше.

В космопорте он направился в контору директора. Тяжелая дверь была открыта, и, подойдя ближе, Тиссел видел внутри фигуру мужчины. Он носил маску из матовых зеленых чешуек, кусочков слюды, крашенного в голубой цвет дерева и с черными жабрами — Свободная Птица.

— Сэр Ролвер, — обеспокоенно окликнул Тиссел, — кто прибыл на «Карине Крузейро»?

Ролвер долгое время смотрел на консула.

— Почему ты спрашиваешь?

— Почему спрашиваю? — повторил Тиссел. — Ты же должен был видеть сообщение, которое я получил от Кастела Кромартина!

— Ах, да! — ответил Ролвер. — Конечно.

— Я получил его всего полчаса назад, — горько сказал Тиссел. — Спешил, как только мог. Где Ангмарк?

— Полагаю, в Фане, — ответил Ролвер.

Тиссел тихо выругался.

— Почему ты его не арестовал или хотя бы не постарался задержать?

Ролвер пожал плечами.

— У меня не было ни права, ни желания, ни возможности задержать его.

Тиссел, подавив нетерпеливый жест, спросил с деланным спокойствием:

— По дороге я встретил мужчину в ужасной маске — глаза — блюдца, красные усы...

— Это Лесной Гном. Ангмарк привез эту маску с собой.

— Но он играл на роге, — запротестовал Тиссел. — Как мог Ангмарк...

— Он хорошо знает Сирену, пять лет провел здесь, в Фане.

Тиссел раздраженно буркнул:

— Кромартин об этом не упомянул.

— Все это знают, — ответил директор, пожав плечами. — Он был торговым посредником, пока не прибыл Велибус.

— Они знакомы?

Ролвер рассмеялся.

— Разумеется. Но не подозревай бедного Велибуса в чем-то большем, чем махинации со счетами. Уверяю тебя, он не сообщник убийцы.

— Кстати, об убийцах, — вставил Тиссел, — у тебя есть какое-нибудь оружие, которое ты можешь мне одолжить?

Ролвер удивленно уставился на него.

— Ты пришел, чтобы схватить Ангмарка голыми руками?

— У меня не было выбора. когда Кромартин отдает приказ, он ждет быстрых результатов. Во всяком случае здесь был ты со своими невольниками.

— На мою помощь не рассчитывай, — гневно заявил Ролвер. — Я ношу Свободную Птицу и не претендую на храбрость и отвагу. Но я могу одолжить тебе излучатель. Последнее время я им не пользовался и не поручусь, что он заряжен.

— Лучше что-то, чем ничего, — ответил Тиссел.

Ролвер вошел в кабинет и вскоре вернулся с излучателем.

— Что будешь делать? — спросил он.

Тиссел покачал головой.

— Попытаюсь найти Ангмарка в Фане. А может, он отправится в Зундар?

Ролвер задумался.

— Ангмарк мог бы выжить в Зундаре. Но сначала он захочет освежить свое умение играть. Думаю, несколько дней он проведет в Фане.

— Но как мне его найти? Где нужно искать?

— Этого я не скажу, — ответил директора космопорта. — Возможно, тебе же будет лучше, если ты его не найдешь. Ангмарк — очень опасный тип.

Тиссел вернулся в Фан той же дорогой, которой пришел.

Там, где тропа спускалась с холма и соединялась с эспланадой, стояло низкое здание из прессованной глины с толстыми стенами. Дверь его была из массивных черных досок, окна защищали украшенные листьями железные прутья. Это была контора Корнелия Велибуса, торгового посредника, импортера и экспортера. Тиссел застал Велибуса на веранде; посредник носил скромную версию маски Вальдсмара. Казалось, он глубоко задумался и не узнал Лунную Моль Тиссела — во всяком случае не сделал приветственного жеста.

Тиссел подошел к веранде.

— Добрый день, сэр Велибус.

Посредник рассеянно кивнул и монотонно произнес, аккомпанируя на кродаче:

— Добрый день.

Тиссел удивился. Не так встречают друга и земляка, даже если он носит Лунную Моль.

Он холодно спросил:

— Можно узнать, давно ли ты здесь сидишь?

Велибус ненадолго задумался, а когда ответил, воспользовался наиболее дружественным кребарином. Однако память о холодных тонах кродача наполняла горечью сердце Тиссела.

— Я здесь пятнадцать-двадцать минут. А почему ты спрашиваешь?

— Я хотел узнать, заметил ли ты проходившего здесь Лесного Гнома?

Посредник кивнул.

— Он пошел дальше по эспланаде. Кажется, вошел в первый магазин с масками.

Тиссел зашипел сквозь зубы. Разумеется, именно так поступил бы Ангмарк.

— Я никогда его не найду, если он сменит маску, — буркнул он.

— А кто такой этот Лесной Гном? — спросил Велибус, не выказывая, впрочем, особого интереса.

Молодой человек не видел причин скрывать имя разыскиваемого.

— Это известный преступник Хаксо Ангмарк.

— Хаксо Ангмарк! — воскликнул Велибус, откинувшись на стуле.

— Он точно здесь?

— Да.

Посредник потер дрожащие ладони.

— Плохая новость, действительно плохая! Ангмарк — это мерзавец без стыда и совести.

— Ты хорошо его знал?

— Как и другие. — Теперь Велибус играл на киве. — Он занимал должность, принадлежавшую ныне мне. Я прибыл сюда как инспектор и обнаружил, что он присваивал четыре тысячи каждый месяц. Уверен, что он не питает ко мне признательности за это. — Он нервно взглянул в сторону эспланады. — Надеюсь, ты его схватишь.

— Делаю, что могу. Так говоришь, он вошел в магазин с масками?

— Наверняка.

Тиссел повернулся. Уже идя по дороге, он услышал, как захлопнулась черная дверь.

Дойдя эспланадой до магазина изготовителя масок, он остановился снаружи, словно разглядывая витрину: около сотни миниатюрных масок, вырезанных из редких сортов дерева и минералов, украшенных изумрудами, тонким, как паутина, шелком, крыльями ос, окаменевшими рыбьими чешуйками и тому подобным. В магазине был только сам мастер — сгорбленный старик в желтом одеянии, носящий внешне простую маску Всезнающего, сделанную более чем из двух тысяч кусочков дерева.

Тиссел задумался, что следует сказать и на чем себе аккомпаниро-

вать, затем вошел. Изготовитель масок, заметив Лунную Моль и робкое поведение вошедшего, не прекращал работы.

Выбрав инструмент, на котором играл лучше всего, Тиссел ударил по страпану. Возможно, то был не лучший выбор, поскольку он в некоторой степени унижал играющего. Тиссел попытался нейтрализовать это невыгодное впечатление, запев теплым тоном, и встряхнул страпан, когда извлек из него фальшивую ноту.

— Чужеземец — человек интересный, возбуждающий любопытство, поскольку обычаи его непривычны. Меньше двадцати минут назад в этот великолепный магазин вошел чужеземец, чтобы обменять свою жалкую маску Лесного Гнома на одно из собранных здесь необыкновенных и смелых творений.

Изготовитель масок искоса взглянул на Тиссела и молча сыграл несколько аккордов на инструменте, какого тот никогда прежде не видел: это был расположенный внутри ладони эластичный мешочек, от которого тянулись три короткие трубки, выступая между пальцами. При нажатии мешочка воздух проходил через трубки, издавая звуки, похожие на голос гобоя. Неопытному Тисселу инструмент показался очень сложным в обращении, мастер — виртуозом, а сама музыка выражала полное отсутствие интереса.

Тиссел попробовал еще раз. Старательно манипулируя страпаном, он пропел:

— Для чужеземца, находящегося в чужом мире, голос земляка — словно вода для увядающего цветка. Человек, помогший встретиться двум таким несчастным, получит истинное удовлетворение своим милосердным поступком.

Изготовитель масок небрежно коснулся страпана и извлек из него серию гамм; его пальцы двигались быстрее, чем мог проследить человеческий глаз. Официальным тоном он пропел:

— Художник высоко ценит минуты сосредоточенности, поэтому не хочет терять время, выслушивая банальности от особ с низким престижем.

Тиссел попытался противопоставить ему собственную мелодию, но хозяин магазина извлек из страпана новую серию сложных аккордов, значения которых Тиссел не понял, и пел дальше:

— В магазин заходит некто, явно впервые в жизни взявший в руку невероятно сложный инструмент, поскольку игра его не выдерживает критики. Он поет о тоске по дому и желании увидеть подобных себе. Он прячет свой огромный страх за Лунной Молью, поскольку играет на страпане для Мастера и поет глумливым голосом. Однако уважаемый и созидательный художник готов не заметить эту провокацию, поэтому играет на инструменте вежливости и отвечает сдержанно, надеясь, что чужеземцу надоест эта забава и он пойдет своей дорогой.

Тиссел поднял кив.

— Благородный изготовитель масок неправильно меня понял...

Его прервало громкое стаккато страпана владельца магазина:

— Теперь чужеземец старается высмеять понимание художника.

Тиссел яростно заиграл на страпане.

— Я хочу спастись от жары, поэтому вхожу в небольшой скромный магазин. Его владелец, питая большие надежды на будущее, упорно трудится над совершенствованием своего стиля. Он настолько захвачен этим, что не хочет говорить с чужеземцами, независимо от их надобностей.

Изготовитель масок осторожно отложил долото, встал, зашел за ширму и вскоре вернулся в маске из золота и железа, изображающей рвущееся вверх пламя. В одной руке он держал скаранный, в другой меч. Исторгнув из скаранья великолепную серию диких тонов, он запел:

— Даже самый талантливый художник может повесить свой страх, убивая морских чудовищ, Людей Ночи и назойливых зевак. Такой случай как раз представился. Однако художник откладывает удар на десять секунд, поскольку на лице у нахала Лунная Моль. — Он взмахнул мечом и занес его над головой.

Тиссел отчаянно ударил по страпану.

— Входил ли в этот магазин Лесной Гном? Он ушел отсюда в новой маске?

— Прошло пять секунд, — пропел изготовитель масок в размеренном зловещем ритме.

Разозленный Тиссел выскочил наружу. Перейдя на другую сторону, он остановился, оглядывая эспланаду. Сотни мужчин и женщин прохаживались вдоль доков или стояли на палубах своих джонок, и все носили маски, выражавшие настроение, престиж и особые качества владельца. Повсюду раздавался гомон музыкальных инструментов.

Тиссел не знал, что делать. Лесной Гном исчез. Хаксо Ангмарк свободно ходил по Фану, а он, Тиссел, не выполнил важных инструкций Кастела Кромартина.

Сзади прозвучали небрежные тона кива:

— Сэр Тиссел, ты стоишь, глубоко задумавшись.

Тиссел повернулся и увидел рядом с собой Пещерную Сову в скромном черно-сером плаще. Он узнал маску, символизирующую отсутствие хороших манер и терпеливость в раскрытии абстрактных идей. Мэтью Кершауль носил эту маску, когда его видели неделю назад.

— Добрый день, сэр Кершауль, — пробормотал он.

— Как твои успехи в учебе? Овладел уже гаммой Циспью на гомпарде? Насколько я помню, тебя весьма удивляли обратные интервалы.

— Я работал над ними, — мрачно ответил Тиссел. — Вероятно, скоро меня отзовут на Полиполис, так что я напрасно терял время.

— Что это значит?

Тиссел объяснил ему ситуацию с Хаксо Ангмарком. Кершауль серьезно кивнул.

— Я помню Ангмарка. Не очень симпатичная фигура, но великолепный музыкант с ловкими пальцами и настоящим талантом к новым инструментам. — Он задумчиво крутил маленькую бородку, принадлежащую маске Пещерной Совы. — Какие у тебя планы?

— Никаких, — ответил Тиссел, играя жалостную фразу на киве. — Понятия не имею, какие маски может носить Ангмарк, а если не знаю, как он выглядит, то как смогу его найти?

Кершауль вновь дернул бородку.

— Когда-то он любил Экзокамбийский Цикл и использовал целый комплект масок Жителей Ада. Но, конечно, теперь его вкус мог измениться.

— Вот именно, — пожаловался Тиссел. — Ангмарк может находиться в шести метрах от меня, а я никогда этого не узнаю. — Он с горечью посмотрел в сторону магазина масок. — Никто не хочет мне ничего говорить. Думаю, их не волнует, что рядом ходит убийца.

— Ты абсолютно прав. Сиренские понятия добра и зла отличаются от наших.

— У них нет чувства ответственности. Сомневаюсь, бросили бы они веревку тонущему.

— Действительно, сиренцы не любят вмешиваться в чужие дела, — согласился Кершауль. — Для них важна личная ответственность и экономическая независимость.

— Все это интересно, но я по-прежнему ничего не знаю об Ангмарке, — сказал Тиссел.

Антрополог внимательно посмотрел на него.

— А что бы ты сделал, найдя Ангмарка?

— Выполнил бы приказ своего начальника, — упрямо ответил Тиссел.

— Ангмарк — опасный человек. У него значительное превосходство над тобой.

— Это в расчет не идет. Мой долг — отправить его на Полиполис. Но, вероятно, ему ничего не грозит, поскольку я понятия не имею, как его найти.

Кершауль задумался.

— Чужеземец не может скрыться под маской, по крайней мере от сиренцев. В Фане нас четверо — Ролвер, Велибус, ты и я. Если какой-то пришелец решит здесь осесть, весть об этом разойдется быстро.

— А если он отправится в Зундар?

Кершауль пожал плечами.

— Сомневаюсь, что он решится на такое. Однако с другой стороны... — Он замолчал, заметив внезапное отсутствие интереса у своего слушателя, и повернулся посмотреть, что случилось.

По эспланаде к ним шел мужчина в маске Лесного Гнома. Антро-

полог положил руку на плечо консула, желая его остановить, но тот уже преградил дорогу Лесному Гному, держа наготове одолженный излучатель.

— Хаксо Ангмарк, — воскликнул он, — ни шагу больше! Ты арестован.

— Ты уверен, что это Ангмарк? — спросил обеспокоенный Кершауль.

— Сейчас проверим. Повернись, Ангмарк, и подними руки вверх.

Удивленный Лесной Гном остановился как вкопанный. Взяв в руку зашинок, он сыграл вопросительное арпеджио и запел:

— Почему ты пристаешь ко мне, Лунная Моль?

Кершауль сделал шаг вперед и проиграл на слобе примирительную фразу.

— Боюсь, что произошла ошибка, сэр Лесной Гном. Сэр Лунная Моль ищет чужеземца в маске Лесного Гнома.

В музыке Лесного Гнома зазвучало раздражение, и внезапно играющий переключился на стимик.

— Он утверждает, что я чужеземец? Пусть докажет это или выходит навстречу моей мести.

Кершауль беспокойно окинул взглядом окружившую их толпу и еще раз начал успокаивающую мелодию.

— Я уверен, что сэр Лунная Моль...

Однако Лесной Гном прервал его громкими звуками скаранья:

— Пусть этот наглец докажет истинность обвинения или готовится пролить кровь.

— Хорошо, я докажу это! — заявил Тиссел. Он сделал шаг вперед и ухватился за маску Лесного Гнома. — Твое лицо говорит о твоей личности!

Удивленный Лесной Гном отскочил. Толпа потрясенно охнула, а потом начала зловеще брэнчать на различных инструментах.

Лесной Гном, заведя руку назад, рванул шнур дуэльного гонга, а другой выхватил меч.

Кершауль выступил вперед, беспокойно играя на слобе, а смущенный Тиссел отошел в сторону, слыша грозный ропот толпы.

Антрополог запел объяснения и извинения, Лесной Гном отвечал. Выбрав момент, Кершауль бросил через плечо Тисселу:

— Беги или погибнешь! Торопись!

Тиссел заколебался. Лесной Гном отпихнул антрополога, но тот успел крикнуть:

— Беги! Закройся в конторе Велибуса!

Тиссел бросился прочь. Лесной Гном гнался за ним метров пятнадцать, потом топнул ногой и послал вслед бегущему серию язвительных звуков, а толпа добавила презрительный контрапункт из клекота химеркинов.

Больше погони не было. Вместо того чтобы спрятаться к экспортно-импортной конторе, Тиссел свернул в сторону и после осторожного

осмотра отправился на набережную, где была пришвартована его джонка.

Уже темнело, когда он вернулся на борт. Тоби и Рекс сидели на корточках на носу, в окружении принесенных запасов провианта: тростниковых корзин с овощами и хлебом, голубых стеклянных кувшинов с вином, маслом и соком и трех поросят в плетеной клетке. Невольники грызли орехи, выплевывая скорлупу. Они посмотрели на Тиссела и встали, но в движениях их чувствовалось какое-то новое пренебрежение. Тоби что-то буркнул себе под нос, Рекс подавил смех.

Тиссел гневно застучал по химеркину и спел:

— Выводите джонку в море. Сегодня ночью мы останемся в Фане.

В тишине каюты он снял маску и взглянул в зеркало на почти чужое лицо. Потом поднял Лунную Моль, изучая ненавистные детали: косматую серую шкуру, голубые антенны, смешные кружевные складки. Наверняка эта маска была недостойна консула Объединенных Планет. Если, конечно, он сохранит эту должность, когда Кромартин узнает о бегстве Ангмарка!

Тиссел опустил на стул, мрачно глядя вдаль. Сегодня он пережил цепь неудач, но не был еще побежден. Завтра он навестит Ангмарка. Как верно заметил антрополог, нельзя долго скрывать присутствие еще одного чужеземца, и, значит, Хаксо Ангмарк будет обнаружен. Кроме того, ему самому нужна новая маска. Ничего экстравагантного или хвастливого, а просто маска, выражающая достаточное количество достоинства и самолюбия.

В эту минуту один из невольников постучал в дверь, и Тиссел снова надел ненавистную Лунную Моль.

На рассвете следующего дня невольники привели джонку к сектору набережной, предназначенному для чужеземцев. Там еще не было ни Ролвера, ни Велибуса, ни Кершауля, и Тиссел с нетерпением ждал их. Прошел час, и пришвартовалась джонка Велибуса. Не желая разговаривать с ним, Тиссел остался в каюте.

Чуть позже к набережной подошла джонка Ролвера. Через окно Тиссел увидел, как Ролвер в своей Свободной Птице выходит на палубу. Там его ждал мужчина в пушистой желтой маске Пустынного Тигра. Пришелец сыграл на гомапарде необходимый аккомпанемент к посланию, которое принес Ролверу.

Ролвер, похоже, удивился и забеспокоился. Ненадолго задумавшись, он заиграл на гомапарде и запел, указывая на джонку Тиссела. Потом поклонился и занялся своими делами.

Мужчина в маске Пустынного Тигра тяжело поднялся на плот и постучал в борт джонки Тиссела.

Консул вышел к нему. Сиренский этикет не требовал приглашать

к себе незнакомца, поэтому он просто сыграл на зашинко вопросительную фразу.

В ответ Пустынный Тигр заиграл на гомапарде и запел:

— Обычно рассвет над заливом Фана радует взгляд: белое небо отликает желтизной и зеленью, а когда восходит Мирэйл, туман вспыхивает и тает как на огне. Тот, кто поет, был бы очень рад, если бы на море не появился труп пришельца из другого мира, нарушающий спокойную красоту пейзажа.

Зашинко Тиссела почти по своей воле сыграло фразу удивления. Пустынный Тигр с достоинством поклонился.

— Певец признает, что не имеет себе равных в постоянстве настроения, но не хочет, чтобы ему мешали жить выходки неудовлетворенной души. Поэтому он приказал своим невольникам привязать веревку к лодыжке трупа, и за время нашего разговора они прицепили тело к корме твоей джонки. Будь добр, исполни все обряды, принятые на Других Мирах. Певец желает тебе доброго дня и уходит.

Тиссел бросился на корму джонки. В воде плавало полуголое лишенное маски тело мужчины, поддерживаемое на поверхности воздухом, заключенных в его брюках.

Тиссел внимательно вгляделся в мертвое лицо, показавшееся ему неинтересным и без особых примет — возможно, вследствие обычая носить маски. Мужчина был среднего роста и сложения, в возрасте от сорока до пятидесяти лет. Волосы у него имели неопределенный коричневый оттенок, а лицо разбухло от воды. Ничто не указывало на причину смерти.

Это может быть Хаксо Ангмарк, подумал Тиссел. Или кто-то другой. Мэтью Кершауль? А почему бы и нет? Ролвер и Велибус уже вышли на берег и занимались своими делами. Он поискал взглядом джонку Кершауля — она как раз швартовалась. На его глазах антрополог выскочил на берег. Он носил маску Пещерной Совы.

Он выглядел рассеянным, когда шел мимо джонки Тиссела, не отрывая взгляда от набережной.

Тиссел вновь повернулся к трупу. Итак, это, несомненно, Ангмарк. Разве трое мужчин не вышли из джонок Ролвера, Велибуса и Кершауля в привычных для них масках? Разумеется, это труп Ангмарка... Однако разум не хотел удовлетвориться таким простым решением. Кершауль сказал, что еще один чужеземец будет быстро опознан. Каким образом Ангмарк мог сохранить себе жизнь, если не... Тиссел быстро отогнал эту мысль. Тело несомненно принадлежало Ангмарку.

И все же...

Он вызвал невольников, приказал им доставить на набережную подходящий контейнер, уложить туда тело и отправить в место вечного успокоения. Тоби и Рекс не выразили особой радости от полученно-

го задания, и Тисселу пришлось ударить по химеркину сильнее, чтобы подчеркнуть важность своих приказов.

Затем он прошел по набережной, свернул на эспланаду, миновал контору Корнелия Велибуса и направился на космодром.

Прибыв туда, он не нашел Ролвера. Старший невольник, статус которого определяла желтая звездочка на черной полотняной маске, спросил, чем он может ему помочь.

Тиссел ответил, что хотел бы отправить сообщение на Полиполис.

Это нетрудно, ответил невольник. Если Тиссел напишет текст сообщения печатными буквами, оно будет передано немедленно.

Тиссел написал следующее:

НАЙДЕНО ТЕЛО ЧУЖЕЗЕМЦА, ВОЗМОЖНО, АНГМАРКА.
ВОЗРАСТ 48 ЛЕТ, РОСТ СРЕДНИЙ, ВОЛОСЫ КАШТАНОВЫЕ.
ОСОБЫХ ПРИМЕТ НЕТ. ЖДУ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЛИ УКАЗАНИЯ.

Он адресовал депешу Кастелу Кромартину на Полиполис и подал ее старшему невольнику. Минутой позже послышался характерный треск транспространственного передатчика.

Прошел час. Ролвер не появлялся. Тиссел беспокойно ходил по кабинету директора космопорта. Неизвестно, долго ли придется ждать: в транспространственных передачах время изменялось до неузнаваемости. Порой сообщение прибывало уже через пару микросекунд, в другой раз часами блуждало неизвестно где, а изредка (всего несколько доказанных случаев) принималось еще до отправки.

Прошло еще полчаса, и наконец явился Ролвер. Он был в обычной своей маске: Свободной Птицы. Одновременно Тиссел услышал характерное шипение принимаемого сообщения.

Ролвера удивило присутствие консула.

— Что привело тебя сюда так рано?

— Тело, которое ты переправил мне сегодня утром, — объяснил Тиссел. — Я сообщил о нем своему начальству.

Ролвер поднял голову, прислушиваясь.

— Кажется, пришел ответ. Я займусь этим сам.

— Зачем тебе лишние хлопоты? Твой невольник сделает все сам.

— Это входит в мои обязанности, — заявил Ролвер. — Я отвечаю за четкую передачу и прием всех космограмм.

— Я пойду с тобой, — вскопич Тиссел. — Всегда хотел посмотреть, как действует это устройство.

— К сожалению, это противоречит правилам, — отрезал Ролвер, а подойдя к двери, ведущей во внутреннее помещение, добавил: — Через пару минут я дам тебе это сообщение.

Тиссел запротестовал, но директор космопорта не обратил на него внимания и вошел в комнату связи.

Вернулся он через пять минут, неся желтый конверт.

— Не слишком хорошие новости, — сказал он с неубедительным сочувствием.

Помрачневший Тиссел вскрыл конверт. Текст гласил:

ТЕЛО НЕ АНГМАРКА. У АНГМАРКА ЧЕРНЫЕ ВОЛОСЫ. ПОЧЕМУ НЕ БЫЛ ПРИ ПОСАДКЕ? СЕРЬЕЗНОЕ НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ. Я ОЧЕНЬ НЕДОВОЛЕН. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПОЛИПОЛИС С ПЕРВОЙ ЖЕ ОКАЗИЕЙ.

КАСТЕЛ КРОМАРТИН

Тиссел сунул депешу в карман.

— А кстати, можно спросить, какие у тебя волосы?

Ролвер извлек из кива короткую трель удивления.

— Я блондин. А почему ты спрашиваешь?

— Обычное любопытство.

Ролвер сыграл на киве другой пассаж.

— Теперь понимаю. Мой дорогой, ну и подозрителен же ты! Смотри! — Он повернулся, раздвинул полы маски на затылке, и Тиссел воочию убедился, что директор космопорта действительно блондин.

— Это тебя успокоило? — шутливо спросил Ролвер.

— Да, конечно, — ответил Тиссел. — У тебя случайно нет другой маски, одолжить мне? Эта Лунная Мошь у меня уже в печенках сидит.

— К сожалению, нет, — сказал Ролвер. — Но тебе достаточно просто войти в магазин изготовителя масок и выбрать.

— Да, верно, — ответил Тиссел. Он попрощался с Ролвером и тем же путем вернулся в Фан. Проходя мимо конторы Велибуса, заколебался, после чего вошел. Сегодня посредник носил ослепительную конструкцию из призм зеленого стекла и серебряных бисерин; маску, которой Тиссел никогда прежде не видел.

Велибус встретил его сдержанно, играя на киве.

— Добрый день, сэр Лунная Мошь.

— Я не отниму у тебя много времени, — отозвался Тиссел, — но хотел бы задать тебе вопрос личного характера. Какого цвета твои волосы?

Велибус заколебался на долю секунды, после чего повернулся и поднял складки маски. Тиссел увидел черные как ночь кудри.

— Устроит тебя такой ответ? — спросил посредник.

— Вполне, — ответил Тиссел. Он перешел на другую сторону эспланады и двинулся по набережной к джонке Кершауля. Антрополог приветствовал его без энтузиазма и покорным жестом пригласил на палубу.

— Я хотел бы задать тебе один вопрос, — начал Тиссел. — Какого цвета твои волосы?

Кершауль печально засмеялся.

— То небольшое, что осталось, — черное. А почему ты спрашиваешь?

— Из любопытства.

— Ну, ну, — сказал Кершауль с необычной для него откровенностью. — Наверняка дело не только в этом.

Тиссел, испытывавший потребность в дружеском совете, признал, что тот прав.

— Вот как выглядит ситуация. Сегодня утром на пристани нашли мертвого чужеземца с каштановыми волосами. Я не совсем уверен, но есть шансы — примерно два из трех, что волосы Ангмарка черные.

Кершауль дернул за бородку Пещерной Совы.

— Как ты пришел к такому выводу?

— Я получил эту информацию с помощью Ролвера. Он блондин. Если бы Ангмарк надел личину Ролвера, он наверняка изменил бы содержание депеши, пришедшей мне сегодня утром. А вы с Велибусом признаете, что ваши волосы черные.

— Гм, — кашлянул Кершауль. — Посмотрим, правильно ли я тебя понял. Ты подозреваешь, что Хаксо Ангмарк убил Ролвера, Велибуса или меня самого и изображает убитого. Так?

Тиссел удивленно смотрел на него.

— Но ведь ты сам подчеркивал, что Ангмарк не сможет осесть тут, не выдав себя! Неужели не помнишь?

— Ах, да. Пошли дальше. Ролвер передал тебе сообщение, утверждающее, что Ангмарк брюнет, и заявил, что сам является блондином.

— Да. Можешь ли ты это подтвердить? Я имею в виду прежнего Ролвера.

— Нет, — грустно ответил антрополог. — Я никогда не видел ни Ролвера, ни Велибуса без маски.

— Если Ролвер не Ангмарк, — вслух размышлял Тиссел, — и если у Ангмарка действительно черные волосы, тогда вы двое с Велибусом попадаете под подозрение.

— Очень интересно, — прокомментировал Кершауль, осторожно поглядывая на Тиссела. — Но, если уж на то пошло, ты сам можешь быть Ангмарком. Какого цвета твои волосы?

— Каштановые, — коротко ответил Тиссел, поднимая на затылке серый мех Лунной Моли.

— А может, ты обманул меня с текстом депеши, — не сдавался Кершауль.

— Нет, — устало ответил Тиссел. — Можешь проверить у Ролвера, если это тебя так волнует.

Антрополог покачал головой.

— Это ни к чему. Я тебе верю. Но остается еще один вопрос: как быть с голосом? Ты слышал нас всех до и после прибытия Ангмарка. Нет ли тут какого-нибудь указания?

— Нет. Мне кажется, что все вы говорите не так, как обычно. К тому же маски глушат ваши голоса.

Кершауль снова дернул бородку.

— Я не вижу возможности быстрого решения этой проблемы. — Он захохотал. — И кстати, нужно ли это? До прибытия Ангмарка здесь были Ролвер, Велибус, Кершауль и Тиссел. Сейчас — в любом практическом смысле — осталась та же четверка. Как знать, не окажется ли новый член лучше старого?

— Интересная мысль, — согласился Тиссел, — но так сложилось, что я лично заинтересован в идентификации Ангмарка. От этого зависит моя карьера.

— Понимаю, — буркнул Кершауль. — Таким образом, ситуация превращается в поединок между тобой и Ангмарком.

— Ты поможешь мне?

— Я не приму активного участия. Я слишком пропитался сиренским индивидуализмом. Уверен, Ролвер и Велибус ответят так же. — Он вздохнул. — Все мы сидим здесь слишком долго.

Тиссел глубоко задумался. Кершауль выждал некоторое время, затем сказал:

— У тебя есть еще вопросы ко мне?

— Нет, только просьба.

— Сделаю, что в моих силах, — вежливо ответил антрополог.

— Одолжи мне одного из своих невольников на неделю или две.

Кершауль извлек из ганги удивленную трель.

— Я не люблю расставаться со своими невольниками, они знают меня и мои привычки...

— Я верну его, как только схвачу Ангмарка.

— Ну, хорошо. — Антрополог отстучал на химеркине вызов, и в каюту вошел невольник. — Энтони, — пропел Кершауль, — ты пойдешь с сэром Тисселом и будешь служить ему какое-то время.

Невольник поклонился, не проявляя особого энтузиазма.

Тиссел забрал Энтони на свою джонку и долго расспрашивал, записывая некоторые ответы. Потом запретил Энтони рассказывать кому-либо о том, что произошло, и отдал под опеку своим невольникам. Он приказал им вывести джонку из пристани и до его возвращения никого не пускать на борт.

И вновь он отправился по тропе, ведущей к космопорту. Ролвера он застал за ленчем, состоявшим из пикантной рыбы, мелко нарубленной коры салатного дерева и чашки местной смородины. Ролвер отстучал на химеркине какой-то приказ, и невольник поставил для Тиссела стул.

— Как продвигается следствие? — спросил Ролвер.

— Я бы не рискнул утверждать, что дело продвинулось хоть немного вперед. Полагаю, можно рассчитывать на твою помощь?

Ролвер рассмеялся.

— В чем она должна заключаться?

— Говоря конкретно, я хотел бы одолжить у тебя невольника. На время.

Ролвер перестал есть.

— Зачем?

— Я бы предпочел обойтись без объяснений, — ответил Тиссел, — но можешь не сомневаться: это не просто каприз.

Не скрывая своего нежелания, директор космопорта вызвал невольника и отдал его в услужение Тисселу.

На обратном пути на пристань консул заглянул в контору Велибуса. Посредник поднял голову от бумаг.

— Добрый вечер, сэр Тиссел.

Тиссел сразу взялся за дело.

— Сэр Велибус, ты не одолжишь мне невольника на несколько дней?

Велибус заколебался, потом пожал плечами.

— Почему бы и нет? — Он ударил в химеркин, и в дверях появился невольник. — Этот тебя устроит? А может, ты предпочтешь молодую женщину? — Он неприятно захохотал.

— Вполне устраивает. Я верну его через несколько дней.

— Можешь не спешить. — Велибус беззаботно махнул рукой и склонился над бумагами.

Тиссел вернулся на джонку, где допросил отдельно каждого из новых невольников и что-то записал на своем графике.

Над Титаническим Океаном спускались сумерки. Тоби и Рекс вывели джонку с пристани на гладкие, словно шелк, воды. Тиссел сидел на палубе, прислушиваясь к далеким разговорам и звукам музыкальных инструментов. Огни джонок сияли желтизной и бледной краснотой арбуза. На берегу было темно; скоро тайком придут Люди Ночи, чтобы рыться в мусоре и с завистью смотреть на далекие джонки.

Согласно расписанию, через девять дней мимо Сирены будет пролетать «Бонавентура». Тиссел получил приказ вернуться на Полиполис. Сумеет ли он найти Хаксо Ангмарка за девять дней?

Девять дней — это не очень много, но может оказаться, что в самый раз.

Прошло два дня, потом три, четыре и пять. Каждый день Тиссел выходил на берег и не менее раза в день навещал Ролвера, Велибуса и Кершауля.

Каждый из них по-своему реагировал на его визиты. Ролвер — раздраженно, Велибус — внешне вежливо, а Кершауль — с мягкой, но демонстративной сдержанностью в разговорах.

Тиссел с одинаковым равнодушием сносил насмешки Ролвера, веселость Велибуса и сдержанность Кершауля. И каждый день, возвращаясь на джонку, добавлял что-то к своему графику.

Миновали шестой, седьмой и восьмой день. Ролвер с грубой откоро-

венностью спросил, не хочет ли Тиссел заказать билет на «Бонавентуру». Консул задумался и ответил:

— Да, пожалуй. Забронируй одно место.

— Возвращение в мир лиц! — содрогнулся Ролвер. — Лица! Всюду бледные лица с рыбьими глазами! Губы как мякоть плодов, носы изогнуты и продырявлены, плоские лица без всякого выражения. Сомневаюсь, что смогу жить там после многолетнего пребывания здесь. Счастье, что ты еще не стал настоящим сиренцем.

— А я никуда не лечу, — заметил Тиссел.

— Я думал, ты хочешь, чтобы я забронировал тебе место.

— Для Хаксо Ангмарка. Это он вернется на Полиполис в корабельном карцере.

— Ну, ну, — сказал Ролвер. — Значит, ты все-таки нашел его?

— Конечно. А ты — нет?

Ролвер пожал плечами.

— Насколько я понимаю, он подделывается либо под Велибуса, либо под Кершауля. Но для меня это не имеет значения, пока он носит маску и изображает одного из них.

— А для меня имеет, и большое, — ответил Тиссел. — Когда стартует планетолет?

— Ровно в одиннадцать двадцать две. Если Хаксо Ангмарк улетает, скажи ему, чтобы явился вовремя.

— Он будет там, — пообещал Тиссел.

Как обычно он навестил Велибуса и Кершауля, а вернувшись на джонку, поставил на график последние три значка.

Доказательство было перед ним, простое и убедительное. Правда, оно не было абсолютно неопровержимым, но достаточно убедительным, чтобы оправдать последний ход. Он проверил излучатель. Завтрашний день решит все. Он не может позволить себе ошибиться.

День начинался ясный: небо напоминало внутренность раковины устрицы, а Мирэйл взошел среди опализирующего тумана. Тоби и Рекс пришвартовали джонку к пристани; три остальные джонки чужеземцев сонно покачивались на небольших волнах.

Особенно внимательно Тиссел следил за одной джонкой, той самой, владельца которой Хаксо Ангмарк убил и бросил в воды залива. Именно эта джонка плыла сейчас в сторону берега, и Хаксо собственной персоной стоял на палубе в маске, которой Тиссел никогда прежде не видел: конструкция из пурпурных перьев, черного стекла и острых, как шипы, зеленых волос.

Консул не мог не восхищаться преступником. Он придумал хитрый план и ловко реализовал его, но потерпел поражение, наткнувшись на непреодолимую преграду.

Ангмарк покинул палубу. Джонка подошла к пристани, невольники бросили швартов, спустили трап. Держа излучатель, готовый к выстрелу, во внутреннем кармане, Тиссел выскочил на берег. Он под-

нялся на палубу джонки и открыл дверь салона. Сидящий за столом мужчина удивленно поднял красно-черно-зеленую маску.

— Ангмарк, — сказал Тиссел, — пожалуйста, не сопротивляйся и не делай никаких...

Сзади его ударили чем-то твердым и тяжелым, швырнули на пол, и чьи-то руки ловко вырвали излучатель.

Где-то заклекотал химеркин, и чей-то голос запел:

— Свяжите руки этому идиоту.

Мужчина, сидевший до сих пор за столом, встал и снял красно-черно-зеленую маску, обнажив черную полотняную маску невольника. Тиссел повернул голову. Над ним стоял Хаксо Ангмарк в маске Укротителя Дракона, выкованной из черного металла, с носом как лезвие ножа, запавшими веками и с тремя гребнями, тянущимися параллельно через макушку.

Маска закрывала лицо преступника, но в голосе Ангмарка звучал триумф.

— Я очень легко поймал тебя.

— Действительно, — согласился Тиссел. Невольник как раз кончил связывать ему запястья и ушел, повинувшись клекоту химеркина.

— Поднимись, — приказал Ангмарк. — Сядь на этот стул.

— Чего мы ждем? — спросил Тиссел.

— Два наших земляка по-прежнему на воде. Они не нужны мне для того, что я собираюсь сделать.

— А именно?

— Узнаешь в свое время, — отрезал Ангмарк. — У нас еще есть час или два.

Тиссел дернулся, но путы держали крепко.

Ангмарк тоже сел.

— Как ты меня расшифровал? Признаться, мне это интересно... Ну, ну, — укоризненно добавил он, когда Тиссел не ответил. — Не можешь смириться с тем, что я тебя победил? Не ухудшай своего положения еще больше.

Тиссел пожал плечами.

— Я действовал согласно одному фундаментальному принципу: человек может закрыть маской лицо, но не свою личность.

— Ага, — сказал Ангмарк. — Это интересно. Продолжай.

— Я одолжил по одному невольнику у тебя и остальных чужеземцев, после чего осторожно расспросил их. Какие маски носили их хозяева за месяц до твоего прибытия? Я приготовил график и наносил на него их ответы. Ролвер носил Свободную Птицу примерно четыре пятых всего времени, а остаток делил между Софистической Абстракцией и Черной Сложностью. Велибусу нравились герои Кандаханского Цикла. Большую часть времени: шесть дней из восьми он носил Халакуна, Неустрашимого Князя и Морского Гордеца. В оставшиеся два дня пользовался Южным Ветром или Веселым Собутыльником.

Более консервативный Кершауль предпочитал Пещерную Сову, Звездного Странника и две или три другие маски, которые носил через разные промежутки времени.

Как уже говорили, эту информацию я получил из самого надежного источника, то есть от невольников. Следующий шаг заключался во внимательном наблюдении за вашей троицей. Каждый день я проверял, какие маски вы носите, и сравнивал это с моим графиком. Ролвер носил Свободную Птицу шесть раз, а Черную Сложность — два. Кершауль пользовался Пещерной Совой пять раз, Звездным Странником — один раз и по разу Квинкунксом и Идеалом Совершенства. Велибус носил Изумрудную Гору дважды, Тройного Феникса трижды, Неустрашимого Князя всего один раз и Бога-Акулу — дважды.

Ангмарк задумчиво кивнул.

— Теперь я вижу свою ошибку. Я выбирал из масок Велибуса, но согласно своим вкусам — и в итоге выдал себя. Но только тебе. — Он встал и подошел к окну. — Кершауль и Ролвер выходят на берег; скоро они пройдут мимо и займутся своими делами. Впрочем, сомневаюсь, что они захотели бы вмешаться — оба стали настоящими си-ренцами.

Тиссел молча ждал. Прошло десять минут. Наконец Ангмарк протянул руку и взял с полки нож. Взглянув на пленника, он приказал:

— Встань.

Тиссел медленно поднялся. Ангмарк подошел к нему сбоку, перерезал завязки и стащил с головы Лунную Моль. Узник вскрикнул и попытался схватить маску, но слишком поздно: лицо его было уже открыто.

Ангмарк отвернулся, снял свою маску и вместо нее надел Лунную Моль. Потом отстучал на химеркине вызов. В салон вошли двое невольников и замерли, увидев Тиссела.

Ангмарк пробежал пальцами по химеркину.

— Вынесите этого мужчину на палубу.

— Ангмарк! — душераздирающе крикнул Тиссел. — Я же без маски!

Невольники подхватили узника, несмотря на его отчаянные брыкания, и вынесли на палубу, а затем на берег.

Ангмарк надел Тисселу на шею веревку и сказал:

— Теперь тебя зовут Хаксо Ангмарк, а я Эдвер Тиссел. Велибус мертв, и тебя скоро постигнет та же участь. Я без труда справлюсь с твоими обязанностями: буду играть на всех инструментах как Человек Ночи и петь как ворота; буду носить Лунную Моль, пока не развалится, и тогда достану себе другую. а на Полиполис уйдет сообщение, Что Хаксо Ангмарк мертв. И все будет в порядке.

Тиссел почти не слышал его.

— Ты не можешь этого сделать, — шептал он. — Моя маска, мое лицо... — Толстая женщина в голубовато-розовой маске шла по набе-

режной. Увидев Тиссела, она пронзительно крикнула и рухнула ничком.

— Ну, идем же, — весело сказал Ангмарк. Он дернул за веревку и потащил Тиссела по набережной. Сходивший с джонки мужчина в маске Капитана Пиратов при виде Тиссела замер как вкопанный.

Ангмарк заиграл на зашинко и запел:

— Вот закоренелый преступник, Хаксо Ангмарк. Его имя проклинают на всех мирах, а теперь он пойман и идет на позорную смерть. Смотрите, вот Хаксо Ангмарк!

Они свернули на эспланаду. Испуганно вскрикнул ребенок, хрипло закричал мужчина. Тиссел споткнулся. Слезы ручьями текли из его глаз, он видел лишь размытые силуэты и цвета. Ангмарк громко орал:

— Смотрите все, вот галактический преступник, Хаксо Ангмарк! Приблизьтесь и смотрите на экзекуцию!

Тиссел крикнул слабым голосом:

— Я не Ангмарк, меня зовут Эдвер Тиссел, а Ангмарк — он! — Никто его не слушал. Зрелище его голого лица вызывало лишь крики ужаса, возмущения и отвращения. — Дай мне мою маску, дай любую маску, хотя бы невольника... — бормотал он.

Тем временем Ангмарк торжествующе пел:

— Он жил в позоре и позорно умрет!

Перед Ангмарком остановился Лесной Гном.

— Мы снова встретились, Лунная Моль!

Ангмарк запел:

— Отойди, дружище, я должен привести в исполнение приговор этому преступнику. Жил в позоре и позорно умрет!

Их окружала густая толпа: маски таращились на Тиссела с болезненным возбуждением.

Лесной Гном вырвал веревку из руки Ангмарка и бросил ее на землю. Толпа заревела, кто-то крикнул:

— Не хотим поединка! Казнить чудовище!

Кто-то накинул Тисселу на голову кусок ткани. Он ждал удара меча, но вместо этого его освободили от пут. Он торопливо заслонил лицо, поглядывая между складками.

Четверо мужчин схватили Хаксо Ангмарка. Лесной Гном встал перед ним, играя на скаране.

— Неделю назад ты вытянул руку, чтобы сорвать мою маску с лица, и сейчас тебе удалось воплотить свои разнужданные желания!

— Но он преступник! — закричал Ангмарк. — Закоренелый преступник!

— Какие преступления он совершил? — спел Лесной Гном.

— Убивал, предавал, умышленно уничтожал корабли, пытал, шантажировал, грабил, продавал детей в рабство. Он...

— Меня не интересуют ваши религиозные проблемы, — прервал

его Лесной Гном. — Но мы можем перечислить твои недавние преступления!

Из толпы вышел конюший и гневно зашел:

— Этот наглец, Лунная Моль, девять дней назад хотел взять моего лучшего скакуна!

Другой мужчина в маске Всезнающего протиснулся вперед и пропел:

— Я Мастер — Создатель Масок и узнаю этого чужеземца — Лунную Моль! Недавно он вошел в мой магазин и смеялся над моим искусством. Смерть ему!

— Смерть чужеземному чудовищу! — проревела толпа. Живая волна двинулась вперед, поднялись и опустились стальные лезвия: свершилось.

Тиссел смотрел, не в силах шевельнуться. Лесной Гном подошел к нему и, играя на стимике, спел:

— Мы жалеем, но и презираем тебя. Настоящий мужчина не вынес бы такого позора!

Тиссел глубоко вздохнул, потянулся к поясу и взял в руки зашинко.

— Ты очерняешь меня, друг! Неужели ты не можешь оценить истинной смелости? Скажи мне: предпочел бы ты погибнуть в борьбе или пройти по эспланаде без маски?

Лесной Гном зашел:

— Есть только один ответ: я погиб бы в борьбе, не в силах вынести такого позора!

— Я оказался перед выбором, — ответил Тиссел. — Я мог бороться со связанными руками и погибнуть или же молча сносить позор и благодаря этому победить своего врага. Ты сам признал, что не обладаешь достаточно большим страхом, чтобы совершить такое. А я доказал, что являюсь настоящим героем! Есть среди вас кто-нибудь, кто отважится последовать моему примеру?

— Отважится? — повторил Лесной Гном. — Я не боюсь ничего, даже смерти от рук Людей Ночи!

— Тогда ответь.

Лесной Гном отступил и заиграл на двойном камантиле:

— Это подлинное мужество, если тобой действительно руководили такие побуждения.

Конюший извлек из гомапарда серию преглушенных аккордов и зашел:

— Никто из нас не отважился бы на то, что совершил сей муж, лишенный маски.

Толпа ропотом выражала свое одобрение.

Изготовитель масок подошел к Тисселу, униженно глядя двойной камантил:

— Великий Герой, будь добр, зайти в мой магазин и смени эту ничтожную тряпку на маску, достойную твоих достоинств.

Другой изготовитель масок вторил ему:

— Прежде чем сделаешь свой выбор, Великий Герой, осмотри и мой магазин!

Мужчина в маске Сверкающей Птицы почтительно приблизился к Тисселу.

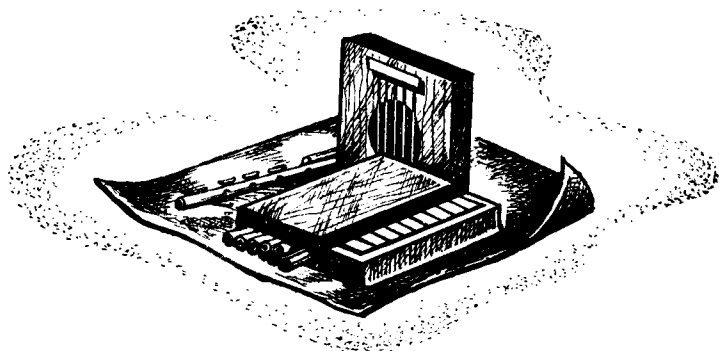
— Я только что закончил великолепную джонку, над которой работал семнадцать лет. Окажи мне честь, прими ее от меня и пользуйся этим великолепным кораблем. На его борту тебя ждут внимательные невольники и милые девушки, в трюме достаточно вина, а палуба выстлана мягкими шелковыми коврами.

— Спасибо, — ответил Тиссел, сильно и уверенно ударяя по зашинко. — Я приму ее с удовольствием. Но сначала маска.

Изготовитель масок извлек из гомапарда вопросительную трель.

— Не сочтет ли Великий Герой маску Укротителя Морского Дракона оскорбительной для его достоинств?

— Ни в коем случае, — ответил Тиссел. — Я считаю ее вполне подходящей. А сейчас пойдем взглянем на нее.

Э. Ф. Рассел

ДИТЯ НЮРНБЕРГА

О черк

28 мая 1828 года в Нюрнберге было спокойно. Праздник опустошил живописный старый город на три четверти: магазины были закрыты, движение на улицах почти прекратилось, прохожих было мало. Ничто не предвещало встречи с таинственным событием, вызвавшим огромный интерес в Германии и других странах. Все попытки людей объяснить эту тайну до сих пор оказывались безуспешными.

Один нюрнбергский сапожник решил в этот день прогуляться, подышать свежим воздухом, а если посчастливится, то поболтать с каким-нибудь приятелем, которого можно встретить по пути. Получше одевшись, он вышел из дома, закрыл за собой дверь и, напустив на себя важный вид, неторопливо зашагал навстречу тайне.

Тайна материализовалась в небольшого роста юноше, который прислонился к стене одного из домов и издавал звуки, похожие на мяуканье больной кошки. У юноши были светлые волосы, голубые глаза и выдающийся вперед, как у обезьяны, подбородок. На вид ему можно было дать лет шестнадцать-семнадцать. На незнакомце были старые рваные ботинки и потертый костюм. Подвывая, он одной рукой опирался о стену и поддерживал голову; другая рука безжизненно висела сбоку.

Сапожнику ничего не оставалось сделать, как приблизиться к страдальцу и попытаться выяснить причину его горя. Все, что он получил в ответ, — были еще более усилившиеся стоны, в коротком промежутке между которыми юноша протянул сапожнику письмо, находившееся до этого в его руке. Взяв это письмо, последний увидел,

что оно было адресовано командиру эскадрона драгун, расположенного поблизости. Сапожник тотчас отправился к дому офицера, юноша поплелся за ним, ковыляя и спотыкаясь на каждом шагу.

Хозяина не было дома, но он должен был вернуться в самое ближайшее время. Его слуга принес необычному посетителю еду. Тот проглотил, не разжевывая, кусок хлеба, выпил немного холодной воды и, не дотронувшись до мяса, пива и всего остального, улегся на кучу соломы. Вскоре прибыл офицер, осмотрел спящего, вскрыл конверт.

В послании, составленном без излишних околичностей, сообщалось, что его автор награжден богом десятью детьми, а этот юноша, присланный сюда, — один из них. В течение шестнадцати лет он содержался в доме в полном одиночестве, ничего не видя, ничего не зная, ничего не слыша. Поэтому вырос он полным невеждой. В заключении автор письма предполагал, что юноше будет найдено подходящее применение в качестве солдата. (Ветераны двух мировых войн сочтут эту точку зрения не лишенной смысла.) К письму было приложено еще одно. Вероятно, от матери юноши, но написанное тем же почерком. В нем указывалась дата его рождения — 30 апреля 1812 года.

Сбитый с толку и слегка раздраженный офицер тряс своего посетителя до тех пор, пока тот не проснулся. Затем он подверг его осмотру с ног до головы. Ничто не привлекло внимание офицера, кроме бормотания юноши. С большим трудом ему удалось различить три невнятные фразы: «Хочу быть солдатом, как отец», «Не знаю», «Конюшня». Казалось, они исчерпывали его лексический запас, и юноша произносил их снова и снова, не отвечая на задаваемые ему вопросы.

Понятно, что все это порядком надоело тому, кто задавал вопросы. Уставший офицер вручил будущего драгуна на попечение полиции. Группа полицейских приступила к работе с молчуном, задавая различные вопросы, выкрикивая их, повторяя их во всевозможных вариантах. Вместо ответа они слушали повторявшиеся фразы: «Хочу быть солдатом, как мой отец», «Не знаю», «Конюшня».

В анналах истории не зафиксировано, что сказала полиция по поводу конюшни, но то, что она предприняла было не менее эффективно. Юношу обвинили в бродяжничестве и отправили в тюремную камеру. Здесь он проспал всю ночь, просидел на полу, не двигаясь, большую часть следующего дня. Бодрствуя, юноша все время с отсутствующим видом смотрел в одну точку на стене. Надзиратель тоже начал нервно поглядывать туда, но ничего, естественно, не замечал. В конце концов это вывело его из себя и он дал заключенному карандаш и бумагу, чтобы тот отвлекся.

Молодой человек сразу вернулся к жизни и с детским восторгом начал заполнять тетрадь буквами-каракулями, похожими на те, что

кой реакции, когда оно произносилось. Полиция вела постоянное наблюдение за юношей. Было замечено, что он начал продвигаться вперед в своем развитии. Оказалось, что ему не нравится яркий свет и он предпочитает сидеть, согнувшись, в полутьме. Юноша с жадностью ел хлеб, пил холодную воду, но отказывался, когда ему предлагали другую пищу. Он перестал носить свои изношенные до дыр ботинки, открыв свои ноги с мягкими, как у ребенка подошвами. Он мог сидеть без движения часами — это очень сложное искусство — и имел искривленные ноги человека, который мало двигался. Ходил юноша с большим трудом, и походка его была неуклюжей.

Ничто не могло навести на мысль о его происхождении. Его старые ботинки и поношенные штаны не говорили ни о чем. Куртка, вероятно, была переделана из старого сюртука. Круглая фетровая шляпа могла быть подобрана на городской свалке. В карманах у него был пакетик с песком, пара лоскутков, несколько брошюр и четки.

Жители Нюрнберга собирались толпами, чтобы взглянуть на юношу. Через пару месяцев Каспар Хаузер стал главной темой для разговоров и послужил созданию самых различных теорий, некоторые из них были просто фантастическими. Первой мыслью, пришедшей людям на ум, было то, что он — совершенный идиот. Версия эта, однако, исчезла сразу после того, как стало известно, что он быстро выучивает слова, имеет замечательную память и никогда не забывает чье-либо лицо.

В течение двух месяцев Каспар Хаузер научился нормально ходить, выправив свою походку, но не достиг никаких успехов в постижении мира, окружавшего его. Наивность юноши была невероятной. Он пытался схватить пламя восковой свечи кончиками пальцев и ревел, когда оно обжигало его. За зеркалом Каспар искал владельца лица, смотревшего на него. Он мог применить слово «лошадь» к любым вещам и обязательно к тем, которые ему нравились, включая в их число кусочки фольги и яркие игрушки. Он повторял это слово с такой настойчивостью, что в конце концов ему подарили игрушечную лошадку. Юноша был так восхищен своей новой игрушкой, что нюрнбержцы, заинтересованные этим, подарили ему еще полдюжины лошадок.

Не зная, как сложится судьба юноши в дальнейшем, горожане решили заявить свои права на Каспара Хаузера, и бургомистр присвоил ему гражданский статус своего рода образца для показа. Его окрестили «Дитя Нюрнберга» и поручили заботам доктора Даумера, человека, почитавшегося в местных научных кругах. Затем был положен конец посещениям любопытных граждан. А для удовлетворения интереса жителей приступили к изданию специальных бюллетеней о Каспаре Хаузере.

В первом таком бюллетене бюргерам сообщалось, что:

«Он не знает ни кто он, ни откуда он появился, так что можно

считать, что в Нюрнберге произошло его рождение как человека. До этого он все время жил в лачуге, где сидел на полу, покрытом соломой, и никогда не слышал никаких посторонних звуков и не видел яркого света. Он пробуждался и засыпал, и снова пробуждался. Проснувшись, он находил перед собой буханку хлеба и кувшин с водой. Иногда вода имела неприятный привкус, и тогда он засыпал. Проснувшись, обнаруживал на себе чистую рубашку. Никогда не видел лица человека, который приходил к нему. У него были две деревянные лошадки и несколько ленточек, которыми он играл. Никогда не болел, никогда не был несчастлив в своей лачуге. Только однажды мужчина ударил его палкой за то, что он слишком сильно шумел, играя со своими лошадками. Как-то раз мужчина вошел в его комнату, принес стол, на котором лежало что-то белое, и на этом белом он делал черные отметки карандашом, который держал своими пальцами. Мужчина проделал все это несколько раз, и когда он ушел, Каспар повторил его действия. Затем мужчина стал учить его стоять и ходить и, наконец, вывел из лачуги. О том, что случилось дальше, Каспар ничего не помнит, но он оказался в Нюрнберге с письмом, вложенным в руку».

Утверждение Каспара о том, что он никогда не видел лицо загадочного мужчины, вызывает определенные сомнения. Сначала он рассказывает нам, что тот прокрадывался к нему во время сна, чтобы оставить хлеб и воду, а иногда усыплял его, мыл и менял рубашку. Затем он говорит, что мужчина ударил его за шум и показал, как пользоваться карандашом, учил ходить и вывел из лачуги. Если Каспар говорит правду, то, возможно, человек надевал маску, хотя он об этом не упоминает. Однако чернотелый мужчина, по-видимому, в маске еще появится в этой истории.

Доктор Даумер обнаружил необычайную обостренность восприятия своего странного подопечного. Каспар мог видеть в темноте, как кошка, и сохранил эту способность даже после того, как привык к яркому освещению. Безо всякого труда он мог взять след животного, по запаху в темноте узнавал людей. Юноша различал по запаху листья деревьев, ненавидел то, как пахнет приготовляемая пища, особенно мясо. Время от времени ему становилось плохо от запахов в общественных местах. Запах от подметания дороги на другой стороне улицы уложил его в постель на целую неделю.

Потребовалось время и терпение, чтобы вдолбить в голову Каспара простейшие вещи, известные каждому ребенку, что домашние животные отличаются от людей и что мячик подпрыгивает не потому, что он хочет прыгать. Такие же усилия потребовались для того, чтобы отучить его от хлебно-водной диеты и заставить есть каши.

Каспар делал успехи в обучении чтению и письму, проявлял интерес к садоводству, но все же сохранял определенные странности в поведении. Все, что он считал прекрасным, он называл «красным»,

дала у него под эти две категории. Никто даже не догадался дать ему краски, а ведь люди, у которых больше денег, чем ума, могли бы устроить настоящую битву за картины Хаузера.

Вскоре Каспар проявил удивительную предприимчивость для «совершенного идиота», неожиданно объявив о своем намерении написать историю своей жизни. Он приступил к своей работе, в то время как весь Нюрнберг чуть ли не сгорал от любопытства. Но позднее любопытство сменилось на тревогу, когда семнадцатого октября многообещающий автор был найден без сознания и с раной головы в подвале Даумера. Он приходил в сознание несколько дней. Когда Каспар, наконец, очнулся, то сообщил, что его ударил по голове мужчина с «черным лицом», вероятно, подразумевая кого-то в маске.

Это преступное нападение на того, кто в определенной степени прославил Нюрнберг, вызвало взрыв негодования среди высших должностных лиц города и особенно бургомистра. Юношу переправили в более надежное место и дали ему в охрану двух полицейских. Позже, в июне 1830 года, его снова переселили, отдав под опекунство господина фон Тачера.

Через восемь месяцев после этого британец лорд Стэнхоуп, которому пришлось по душе дитя Нюрнберга, обратился к городским властям за разрешением взять его к себе. Переговоры затянулись на месяцы, и все-таки Стэнхоуп, добившись оформления документа о передаче Каспара в его руки, отправил юношу в декабре 1831 года в Ансбах на попечение своего друга доктора Майера. Этот новый опекун пришел к заключению, что блестящие умственные способности Каспара не что иное, как фикция, а в действительности у него ум восьмилетнего ребенка. Он доложил об этом Стэнхоупу, который тут же утратил к этому делу всякий интерес и оставил Каспара в Ансбахе, больше не предпринимая никаких усилий, чтобы взять его в Англию.

Жители Ансбаха с восторгом и любопытством смотрели на Каспара, как будто они видели перед собою слона, украденного из соседнего цирка. Но этого слона не осчастливили меньшие по количеству толпы народа и уж совсем малое число сладких булочек. Каспар был слишком избалован большим вниманием к его персоне, и ему хотелось, чтобы так все и оставалось. Он мечтал вернуться в Нюрнберг. Шло время, и он становился все более удрученным. Он совершил краткосрочную поездку в Нюрнберг, и это еще больше усилило его желание вернуться туда навсегда.

В полдень 14 декабря 1833 года Каспар Хаузер, шатаясь, вошел в дом своего друга — священника в Ансбахе. Держа руку плотно прижатой к боку, он из последних сил произнес несколько неясных слов о том, что какой-то мужчина нанес ему удар острым предметом в городском саду. Его доставили домой, где доктор обнаружил, что у него серьезная рана в области левой части грудной клетки.

На следующий день Каспар смог дать более подробное объяснение

этому происшествию. По его словам, он был приглашен в городской сад незнакомым человеком, предложившим открыть Каспару тайну его родителей, взяв взамен клятву молчания. Получив клятву, мужчина вручил ему маленький кошелек, нанес удар острым предметом и убежал. С целью нахождения кошелька были проведены поиски. Наконец, его обнаружили. В нем находилось бессмысленное послание, подписанное буквами «М.Л.О.» Нападавшего найти не смогли.

Рана дала осложнения, и 17 декабря Каспар Хаузер умер. Ансбах и Нюрнберг были ошеломлены этим известием. Слухи о происшествии распространились по всей Германии и докатились до ее границ. Разгорелись бурные споры. Среди людей циркулировали самые различные слухи. Закоренелые скептики клялись, что Каспар совершил крупнейший обман века. Истинные его почитатели утверждали, что он стал несчастной жертвой скандала в самых высоких кругах. А некоторые с большой уверенностью, но безо всяких доказательств, заявляли, что он был наследником баварского престола.

Люди, поддерживавшие теорию обмана, заявляли, что никаких нападений на Каспара Хаузера не было, что все эти случаи были вымышлены, а раны он себе нанес сам. Напротив, некоторые доктора отрицали, что он мог сам нанести себе такие тяжелые ранения. Мешок золота был предложен тому, кто сообщит информацию, способствующую задержанию убийцы. Однако ни один человек не сообщил по этому делу ничего существенного.

Каспар Хаузер был похоронен, а вместе с ним была погребена и его тайна. На могиле стоит камень с надписью: «Здесь лежит загадка века. Его рождение осталось неизвестным, а смерть была загадочной».

Трудно расследовать это дело, потому что все свидетельства, непосредственно относящиеся к юноше, расходятся в деталях. В некоторых говорится, что Каспар видел все в одной плоскости и не имел понятия о трехмерном измерении. В других сообщениях совсем не упоминается об этом. Большинство авторов, написавших о юноше, соглашались с тем, что ходил он с трудом, медленно передвигая ноги. Но герцогиня Кливлендская в своем рассказе «Каспар Хаузер» утверждает, что он прекрасно ходил, имея нормальную походку с момента его обнаружения. В нескольких версиях говорится, что когда Каспара нашли в Нюрнберге, его речь была беглой, но вскоре она превратилась в бессвязное бормотанье. Многие утверждали, что он мог не только бормотать, но знал три или четыре немецких слова и произносил их с иностранным акцентом.

Те нюрнбержцы, которые склонялись к тому, что Каспар был совершенным идиотом, полагали, что он был нежеланным ребенком в семье крестьян. Эта версия получила распространение из-за бедной одежды, в которой он был найден, и из-за писем, в одном из которых рассказывается о десяти детях. Есть и другая теория, согласно которой одежда на нем не была его собственной — ее специально надели на

Каспара, письма же были выдуманы кем-то неизвестным и являлись частью большого обмана.

Господин фон Фейербах заметил, что у Каспара были маленькие, мягкие, аристократические руки, но во всей его внешности было что-то крестьянское. Полисмен Вюрст сообщил: «У него был очень здоровый цвет лица: оно не было ни бледным, ни болезненным, как у людей, пробывших длительное время в заключении». Появившийся ниоткуда Каспар глядел на обыденную земную жизнь с таким удивлением и восхищением, что, естественно, возникла и теория о том, что он прибыл на Землю с Марса.

Фон Фейербах писал:

«Каспар Хаузер продемонстрировал такой недостаток слов и идей, такое полное незнание обычных вещей и явлений природы, такое отвлечение к условностям жизни и ценностям цивилизации, а вместе с тем такие особенности характера в социальном, умственном и физическом планах, что все просто обязаны поверить в то, что он являлся жителем другой планеты, будучи каким-то чудесным образом перемещенным к нам».

Еще больше запутывает эту историю неутомимый Чарльз Форт, утверждая, что, когда было совершено нападение на Каспара в городском саду, на земле лежал глубокий снег. Поиски, по его словам, выявили только одни следы в указанном месте — эти следы принадлежали самому Каспару. В заключение Форт приводит следующее высказывание:

«Говорили, что убийство Каспара преследовало цель избежать политических разоблачений. Если предположить, что Каспар был убит, чтобы сохранить тайну... есть факты в пользу этой версии, а именно: несколько жителей Нюрнберга, хорошо осведомленные в делах Каспара, были также убиты... вскоре после смерти Каспара несколько человек, проявивших большой интерес к делу о его убийстве, умерли, и в Нюрнберге полагают, что они были отравлены. Это были майор Биндер, доктор Остерхаузер, доктор Прю и доктор Альберт».

Главный вопрос так и остался без ответа: так кем же был Каспар Хаузер?

СОДЕРЖАНИЕ

Ф. Х. ФАРМЕР

Только во вторник. Перевод с англ. И. Невструева	5
Поднять паруса! Перевод с англ. И. Невструева	17

У. МИЛЛЕР-мл.

Кантата для Лейбовича. Перевод с англ. И. Невструева	26

П. АНДЕРСОН

Кугие. Перевод с англ. И. Невструева	48
Властелин тысячи солнц. Перевод с англ. И. Мудровой	59
Рука дающая. Перевод с англ. И. Невструева	87

Г. СЛИЗАР

После... Перевод с англ. И. Невструева	108

Ф. ДИК

Бесконечность. Перевод с англ. И. Маховой	113

Ж. СТЕРНБЕРГ

Уполномоченный. Перевод с франц. И. Горачина	131

Р. КВЕНО

На краю леса. Перевод с франц. И. Горачина	134

Ж. ВЕРЛАНЖ

Пузырьки. Перевод с франц. И. Горачина	146

Д. ВАЛЬТЕР

Убийство синей птицы. Перевод с франц. И. Горачина	161

П. ВЕРИ

Они. Перевод с франц. И. Горачина	172

А. ДОРЕМЬЕ

Вана. Перевод с франц. И. Горачина	181

Ж. КЛЕЙН

Планета с семью масками. Перевод с франц. И. Горачина	191

К. ДАРЛТОН

Гринуолд — забытая планета. Перевод с нем. В. Подуэктова	204

У. ЛЕ ГУИН

Звезды под ногами. Перевод с англ. И. Хандлоса	314

Б. ЧАНДЛЕР

Привычка. Перевод с англ. С. Грачевой и К. Оноприенко	332

К. САЙМАК

Гуляя по улицам. Перевод с англ. И. Невструева	343

Л. ДЕЛЬ РЕЙ

Преданный, как собака. Перевод с англ. И. Невструева	353

Д. МЕРРИЛ

Если бы мать знала... Перевод с англ. И. Невструева	362

Б. ЛАУЭРИ

Опухоль. Перевод с англ. А. Сыровой	371

Л. СПРЭГ ДЕ КАМП	
Нурегipilosis. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	382
Д. РАСС	
Когда все изменилось. <i>Перевод с англ. А. Молокина</i>	393
Д. НАЙТ	
Маски. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	402
Р. ЛАФФЕРТИ	
Медленная ночь со вторника на среду. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	412
Ф. ПОЛ	
Миллионный день. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	419
Ф. ЛЕЙБЕР	
Грядет пора развлечений. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	425
Х. КЛЕМЕНТ	
Критический фактор. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	438
Т. СТАРДЖОН	
Громы и розы. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	452
М. РЕЙНОЛЬДС	
Орден Славы. <i>Перевод с англ. С. Грачевой и К. Оноприенко</i>	473
Д. ВЭНС	
Лунная моль. <i>Перевод с англ. И. Невструева</i>	500
Э. Ф. РАССЕЛ	
Дитя Нюрнберга. Очерк. <i>Перевод с англ. В. Юрченко</i>	535

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 3

Фантастические рассказы и повести

Составитель

БАРСОВ Сергей Борисович

Редакторы И. А. Мудрова, Н. В. Резанова

Художественный редактор В. В. Кременецкий

Технический редактор Г. В. Стачева

Редактор-программист М. А. Редошкин

Корректор И. С. Пигулевская

Подписано к печати 15.01.92. Формат 60х84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ.л 31,62. Уч.-изд.л. 35,84. Усл.кр.-отт. 32,09. Тираж 100 000 экз. Заказ 3616. Цена договорная.

Набрано на компьютере и подготовлено к печати в издательстве "Флокс", Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в типографии издательства "Горьковская правда", 603006, Нижний Новгород, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

